9344
930
Б-74

Я. А. Богородскій.

ЕВРЕЙСКІЕ ЦАРИ.

ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ.

БИБЛІОТЕКА-ЧИТАЛЬНЯ
ЕПАРХІАЛЬНАГО ГОРОДСКАГО
ДУХОВЕНСТВА.

КАЗАНЬ.
ЦЕНТРАЛЬНАЯ ТИПОГРАФІЯ.
1906.

№ 9552

„Пров 38“

Отъ Казанскаго Комитета духовной цензуры при Казанской духовной Академіи печатать разрѣшается 7 апрѣля, 1906 г.

Членъ Комитета, профессоръ *Павелъ Юнгеровъ.*

БИБЛИОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ.
2108
26

Библиотека-читальня
Симбирскаго городского
ДУХОВЕНСТВА.

Предисловіе.

Исторія еврейскаго народа, имѣющая своимъ источникомъ исключительно библейскія повѣствованія, въ общемъ чрезвычайно отрывочна. Въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ она очень полна, такъ полна, какъ ни одна изъ исторій древнѣйшихъ народовъ. Въ другихъ же частяхъ нить ея или совсѣмъ, или почти прерывается на разстояніи цѣлыхъ вѣковъ. Замѣчательно, что обиліе ея источниковъ совпадаетъ главнымъ образомъ съ важнѣйшими эпохами и въ то же время съ наиболѣе счастливыми моментами въ жизни народной. Такъ, мы имѣемъ довольно свѣдѣній о самомъ зарожденіи еврейскаго народа въ обильныхъ подробностями сказаніяхъ о жизни предковъ его—трехъ великихъ патріарховъ: Авраама, Исаака и Іакова мы знаемъ довольно подробно, какъ родъ размножившійся въ цѣлый народъ, началъ самостоятельную жизнь послѣ продолжительнаго рабства и получилъ подробные законы—религіозные и гражданскіе; знаемъ обстоятельно, какъ возникла и процвѣтала монархія, и какъ іудеи послѣ плѣна и бѣдственнаго существованія подъ иноземнымъ владычествомъ геройски завоевали себѣ независимость при Маккавеяхъ. Напротивъ

мы ничего положительнаго не знаемъ о жизни евреевъ въ Египтѣ отъ смерти Іосифа до рожденія Моисея, очень мало знаемъ о смутномъ періодѣ судей, о далеко не блестящемъ времени по раздѣленіи монархіи и еще меньше о времени плѣна вавилонскаго. Другую особенность еврейской исторіи, находящуюся во внутренней связи съ вышеуказанною, составляетъ то, что она есть не столько исторія самостоятельнаго развитія народной жизни, сколько исторія попеченія Промысла Божія объ избранномъ народѣ. Свѣтлые періоды народной жизни, историческія данныя о которыхъ наиболѣе обильны—это тѣ періоды, въ которые водительство Промысла Божія ощутительно, такъ сказать, на каждомъ шагу, Второз. 23; 14; напротивъ темные періоды—тѣ, въ которые Богъ гнѣвался на народъ за грѣхи, и спасающая рука Промысла временно какъ бы удалялась. Псал. 79; Ис. 5, 5. 6. Такъ какъ Промыслъ Божій большею частію воздѣйствовалъ не непосредственно на весь народъ, а чрезъ посредство воздвигаемыхъ имъ руководителей народа, то исторія евреевъ и сосредоточивается главнымъ образомъ около этихъ лицъ, имѣетъ какъ бы біографическій характеръ. Такими центрами ея въ особенности служатъ: патріархи, Моисей, нѣкоторые судіи, особенно Самуилъ, цари, нѣкоторые пророки, священникъ Ездра и братья Маккавеи. Изъ всѣхъ эпохъ библейско—еврейской исторіи наибольшимъ обиліемъ данныхъ, сгруппированныхъ около лицъ, руководившихъ судьбами народа особенно отличается важная эпоха возникновенія монархіи и первыхъ трехъ царей. Это конечно не даромъ. Здѣсь высшая точка матеріальнаго благоденствія и въ частно-

сти политическаго величія потомковъ Авраама. Но эта эпоха важна и со стороны религіозно-нравственнаго состоянія народа, въ церковно-историческомъ, такъ сказать, отношеніи. Просвѣтительная дѣятельность прор. Самуила, труды для богослуженія Давида, его вдохновенные псалмы, примѣръ его личнаго благочестія, покровительство пророкамъ и священникамъ, построеніе Соломономъ храма—все это не могло не имѣть благотворнаго вліянія на религіозно-нравственное состояніе народа; такіе дѣятели, какъ прор. Самуилъ и царь Давидъ, были столь добрыми пастырями, поставленными Іеговою надъ народомъ, что труды ихъ не могли пропасть даромъ. Въ силу этого двойного значенія эпоха первыхъ еврейскихъ царей привлекаетъ на себя особенное вниманіе, и мы посвятили ей особый трудъ, который показался намъ не лишнимъ въ виду крайняго недостатка подобнаго рода сочиненій въ нашей богословской литературѣ... Но мы не брали на себя задачи освѣтить избранную эпоху со всѣхъ сторонъ, обнять народную жизнь во всѣхъ ея проявленіяхъ это—задача неисполнимая для того, кто не желаетъ вращаться въ области чистыхъ предположеній. Задача наша опредѣлилась вышеобъясненнымъ характеромъ библейскихъ данныхъ, въ силу котораго исторія еврейскаго народа группируется главнымъ образомъ около избранныхъ лицъ. Поэтому мы и взялись написать исторію трехъ лицъ, въ теченіе столѣтія руководившихъ жизнію народа, бывшихъ ея центромъ и высшимъ выраженіемъ. Хотя это не то же, что исторія народа въ обширномъ смыслѣ, тѣмъ не менѣе

это одна изъ существеннѣйшихъ ея частей; потому что дѣятельность лицъ, стоящихъ во главѣ народа, не только государственная, но и частная—ихъ домашній бытъ и поведеніе—имѣетъ общенародное значеніе, опредѣляется наличными силами и свойствами народа и обратно вліяетъ на народъ. Если справедливо вообще изреченіе: каждый народъ заслуживаетъ того правительства, какое у него въ данное время есть, то это еще болѣе нужно сказать о евреяхъ, которыхъ Іегова то награждалъ за благочестіе, то наказывалъ за пороки. Достаточно сказать, что такія лица, какъ цари, были органами божественнаго воздѣйствія на народъ, чтобы сдѣлать яснымъ глубокое значеніе всего, что исторія сохранила о нихъ, какъ объ общественныхъ дѣятеляхъ и просто какъ о людяхъ. Кто бы какъ ни разсуждалъ, несомнѣнно, что цари и ихъ сподвижники всегда, въ силу естественныхъ условій человѣческой жизни, суть высшіе представители націи, ея цвѣтъ, воплощаютъ въ себѣ въ большей или меньшей мѣрѣ всѣ наличныя духовныя силы народа. Таковыми были въ особенности три первые еврейскіе царя: Саулъ, Давидъ и Соломонъ. Воспроизвести живые, вѣрные дѣйствительности образы этихъ трехъ лицъ было нашею главною задачею, при чемъ мы старались выяснить: каковы были эти лица сами по себѣ, по своимъ внѣшнимъ и внутреннимъ качествамъ и нравственному достоинству; какія были ихъ дѣянія (похвальныя и непохвальныя); что въ ихъ дѣятельности обусловливалось ихъ личными свойствами и наклонностями; какъ относились они къ внушеніямъ

Промысла Божія, къ событіямъ счастливымъ и несчастнымъ и къ лицамъ, съ которыми имъ приходилось сталкиваться, и наконецъ какое вообще имѣли значеніе они сами и ихъ дѣянія для народа Божія. Мы положили въ основаніе своей работы текстъ каноническихъ книгъ св. писанія, какъ заключающій въ себѣ безусловную истину,--и твердое воззрѣніе православнаго богословія на происхожденіе и составъ каноническихъ книгъ, и нашли излишнимъ предпосылать своему труду разсужденіе о достоинствѣ библейскаго текста, о происхожденіи, составѣ и характерѣ различныхъ книгъ св. писанія, и проч. Но такъ какъ истина библейскаго текста въ томъ видѣ, какъ мы ее понимаемъ, не рѣдко отрицается вольнодумцами, то мы по мѣстамъ старались отстоять ее и сдѣлать ясною, не столько впрочемъ прямою полемикою съ ложными взглядами (хотя прибѣгали и къ ней), сколько положительнымъ раскрытіемъ предмета и такими объясненіями темныхъ мѣстъ, которыя казазались бы удовлетворительными и устраняющими всякое другое объясненіе съ насиліемъ тексту. То, что мы имѣли возможность прочитать изъ литературы избраннаго предмета, показало, что личности царей еврейскихъ или мало выяснены, или невѣрно поняты. У писателей такъ называемаго ортодоксальнаго, или консервативно—церковнаго направленія замѣтны или излишняя идеализація, не въ мѣру хвалебный тонъ, или излишняя строгость сужденія. У крайнихъ раціоналистовъ мы видимъ напротивъ злое отрицаніе всего возвышеннаго въ лицахъ, признанныхъ праведъ-

никами, и усиліе возвысить лицъ, не признанныхъ таковыми, и въ общемъ—полное извращеніе истины. У умѣренныхъ раціоналистовъ являются безцвѣтныя личности, урѣзанныя, неполныя изображенія съ оговорками и сомнѣніями, съ кропотливой и неумѣстной критикой текста. Оставляя въ сторонѣ двѣ послѣднія группы писателей, мы находимъ, что и ортодоксальные писатели далеки были отъ того реальнаго, историческаго образа еврейскихъ царей, какой даютъ возможность создать библейскія данныя о нихъ. Въ предлагаемой книгѣ сдѣлана попытка воспроизвести этотъ правдивый образъ

9
9Б0
Б-74

„Не было царя у Израиля; каждый дѣлалъ то, что казалось справедливымъ въ глазахъ его“, т. е., что ему нравилось [1]). Такъ выразился неоднократно писатель кн. Судей, излагая событія, характеризовавшія періодъ времени, непосредственно предшествовавшій избранію царя. Вникая въ характеръ многихъ событій того времени, нетрудно видѣть, что дѣйствительно тогда каждый дѣлалъ то, что ему нравилось. Такъ, если не всѣ, то большая часть евреевъ „оставили Господа и стали служить Ваалу и Астартамъ. Воздвигалъ имъ Господь судей; но и судей они не слушали, а ходили блудно въ слѣдъ другихъ боговъ и покланялись имъ“ [2]). Идолопоклонству предавались и отдѣльныя семейства, и города и цѣлыя колѣна. Мать нѣкоего Михи изъ колѣна Ефремова не нашла лучшаго средства выразить свою набожность, какъ отдавши плавильщику двѣсти сиклей серебра, чтобы онъ сдѣлалъ изъ него „литый кумиръ“. Послѣ этого домъ Михи сдѣлался храмомъ, Миха сдѣлалъ еще эфодъ и терафимъ [3]) и посвятилъ одного изъ сыновъ своихъ (вѣроятно первенца, по древнему обычаю, отмѣненному синайскимъ законодательствомъ), чтобы онъ былъ у него священникомъ [4]). Жители города Сихема поклонялись Ваалверіѳу (богъ сою-

---

[1]) Суд. 21, 25. הַיָּשָׁר בְּעֵינָיו Срав. 14, 3. 7. [2]) Суд. 2, 13. 16. 17.

[3]) Эфодъ—верхняя, важнѣйшая и самая блестящая часть первосвященническаго облаченія (Исх. 28, 6—29). Посредствомъ его какимъ-то, необъясненнымъ въ Библіи способомъ „вопрошали Господа“ и получачались отвѣты въ затруднительныхъ обстоятельствахъ (1 Цар. 23, 9—12; 30, 7. 8). Язычествовавшіе евреи суевѣрно относились къ нему и думали, что его можно имѣть всякому для собственнаго употребленія. Терафимы—по наиболѣе вѣроятному предположенію, домашніе идолы, напоминавшіе своимъ значеніемъ римскихъ пенатовъ.

[4]) Суд. 17, 4. 5.

зовъ, въ родѣ римскаго jupiter pistius или deus fidius). Для этого божества у нихъ было капище и при немъ священная казна. Кромѣ того у нихъ былъ какой-то особенно чтимый дубъ [1]). Колѣно Даново, переселяясь изъ первоначальнаго мѣста своего жительства, похитило изъ дома Михи принадлежности богослуженія, сманило жреца и, завоевавъ себѣ новое мѣсто на сѣверѣ Палестины, учредило у себя открытое идолослуженіе, продолжавшееся до времени Самуила [2]). Вмѣстѣ съ идопоклонствомъ у евреевъ того времени замѣтно какое-то нравственное одичаніе. Многоженство сдѣлалось обычнымъ явленіемъ и повидимому считалось необходимой принадлежностью знатныхъ людей. О Гедеонѣ, имѣвшемъ 70 сыновей, прямо сказано, что у него было много женъ [3]). Если, далѣе, у Іаира было 32 сына, у Есевона 30 сыновей и 30 дочерей, у Авдона 40 сыновей, то ясно, что они имѣли не по одной женѣ. При женахъ были еще и наложницы [4]). Правомъ сильнаго пользовались съ жестокостію, свойственною язычникамъ. Попавшемуся въ плѣнъ хананейскому царю Адони-Везеку, прежде чѣмъ убить его, обрубили большіе пальцы на рукахъ и ногахъ [5]). Старѣйшинъ города Сокхоѳа за отказъ снабдить войско Гедеона продольствіемъ терзали колючимъ терновникомъ и зубчатыми молотильными досками [6]). Авимелехъ, сынъ Гедеона, сдѣлавшись царемъ въ Сихемѣ, убилъ 70 братьевъ своихъ на одномъ камнѣ [7]). Во время войны всѣхъ колѣнъ противъ колѣна Веніаминова жители Іависа Галаадскаго были истреблены поголовно—мужчины, женщины и дѣти, за исключеніемъ дѣвицъ,—за то, что они не приняли участія въ войнѣ противъ веніаминянъ. Нужно при этомъ замѣтить еще, что они могли бы и не пострадать за свою провинность, если бы побѣдителямъ не пришло въ голову добыть во что бы то ни стало невѣстъ для уцѣлѣвшихъ и пощаженныхъ веніаминянъ [8]). Посягательство на чужую собственность тоже, должно быть, не было рѣдкимъ явленіемъ. Дѣти обкрадовали своихъ родителей. Упомянутый выше Миха укралъ у своей матери тысячу сто сиклей серебра. Правда онъ возвратилъ его, но только

---

[1]) 9, 4. 6. [2]) 18, 1—31. [3]) 8, 30. [4]) 8, 31; 11, 1; 16, 4; 19, 1.
[5]) 1, 6. [6]) 8, 5. 6. 16. [7]) 9, 5. [8]) 21, 7. 10. 11.

потому, что на него произвело сильное впечатлѣніе проклятіе, изреченное его матерію на похитителя [1]). Въ свою очередь онъ былъ самымъ беззастѣнчивымъ образомъ ограбленъ цѣлымъ колѣномъ Дана, соблазнившимся его драгоцѣнными идолами, при чемъ грабители запретили ему даже кричать и обличать ихъ, погрозившись убить его и все его семейство [2]). Похищали даже людей. Нѣсколько веніаминянъ, нуждавшихся въ женахъ, похитили силомскихъ дѣвицъ, плясавшихъ въ хороводахъ. Правда, они сдѣлали это съ разрѣшенія старѣйшинъ всего Израиля; но это обстоятельство не только не уменьшаетъ неприглядность факта, но напротивъ увеличиваетъ, потому что указываетъ на грубость понятій не у отдѣльныхъ лицъ, а у всего народа въ лицѣ его представителей [3]). Въ самомъ дѣлѣ, если даже безспорно лучшіе люди того времени сбивались съ истиннаго пути, не чужды были суевѣрія, какъ напр., Гедеонъ, соблазнившійся изъ полученныхъ имъ за подвиги драгоцѣнностей сдѣлать эфодъ, воображая, что стоитъ только соорудить эту своеобразную принадлежность первосвященническаго облаченія, чтобы Богъ обязательно открывалъ волю Свою обладателю ея, какъ Іефѳай, вздумавшій умилостивить Бога суевѣрнымъ, совершенно языческимъ обѣтомъ [4]),—если даже такіе люди заблуждались, то что сказать объ остальной массѣ народа? Въ народной массѣ встрѣчались такія нравственныя чудовища, какъ тѣ веніаминяне изъ города Гивы, о которыхъ разсказано въ 19 гл. кн. Судей. Если бы намъ не былъ извѣстенъ ни одинъ изъ вышеизложенныхъ фактовъ, а только одинъ этотъ, то по нему одному можно было бы видѣть, какъ глубоко пали евреи разсматриваемаго времени въ нравственномъ отношеніи. — Рядъ другихъ фактовъ свидѣтельствуетъ о столь же глубокомъ разстройствѣ политическаго состоянія евреевъ. Не говоря уже вообще о томъ, что они то и дѣло подпадали подъ иго то одного, то другаго сосѣдняго народа, отдѣльныя колѣна ихъ и даже города повидимому утратили сознанія своего національнаго единства, мѣсто котораго заступили чувство соперничества и рознь. Ефремляне „сильно ссорились„

[1]) 17, 2. 3. [2]) 18, 13—25. [3]) 21, 16—22. [4]) 8, 27; 11, 31.

съ Гедеономъ, изъ-за того, какъ они говорили, что Гедеонъ не позвалъ ихъ съ собою на войну съ мадіанитянами [1]). На самомъ же дѣлѣ это честолюбивое колѣно всегда съ неудовольствіемъ смотрѣло на подвиги другихъ колѣнъ и отказывало въ помощи, когда у него просили ея. Такъ они подъ этимъ же мнимымъ предлогомъ разсорились съ Іефѳаемъ галаадитяниномъ; „мы сожжемъ домъ твой огнемъ и съ тобою вмѣстѣ“, говорили они ему, хотя Іефѳай и звалъ ихъ воевать съ аммонитянами, но они отказались. Это столкновеніе не кончились благополучно, какъ при Гедеонѣ, а повело къ жестокой междоусобной войнѣ и къ безчеловѣчному избіенію уже побѣжденныхъ ефремлянъ при перевправѣ чрезъ Іорданъ [2]). Жители города Сокхоѳа отказались дать хлѣба войску Гедеона, преслѣдовавшему общаго всѣмъ евреямъ врага, потому только, что врагъ этотъ еще не былъ уничтоженъ окончательно, и они хотѣли обезпечить себѣ благоволеніе его на случай неудачи Гедеона [3]). Тогда какъ при І. Навинѣ одно поставленіе памятника въ видѣ жертвенника заіорданскими колѣнами взволновало всѣ колѣна по правую сторону Іордана, и они уже собрались было идти войной противъ заіорданскихъ колѣнъ, какъ противъ богоотступниковъ [4]), теперь колѣно Даново, открыто учредившее у себя беззаконное богослуженіе, не обратило на себя ничьего вниманія. Жители Сихема, главнаго города въ колѣнѣ Ефремовомъ, очевидно мыслили себя внѣ всякой связи съ общенародными интересами, когда самовольно поставили у себя царя [5]). Вѣроятно они поступили въ этомъ случаѣ съ соизволенія одного колѣна Ефремова, которое не желало признавать авторитета сыновей Гедеона, манассіянина; поставленный же въ Сихемѣ царемъ Авимелехъ, хотя и былъ тоже сынъ Гедеона, но побочный, и мать его была сихемлянка. Чтобы отнять у колѣна Манассіина всякое значеніе, Авимелеху прежде всего дали средства на то, чтобы умертвить всѣхъ остальныхъ сыновей Гедеона [6]). Когда всѣ колѣна Израилевы потребовали у веніаминянъ выдать для наказанія тѣхъ изверговъ изъ города Гивы, о которыхъ разсказано въ 19 гл. книги Судей, то веніаминяне отказались выдать,

[1]) 8, 1. [2]) 12, 1–6. [3]) 8, 5. 6. [4]) І. Нав. 22. 10.
[5]) Суд. 9, 6. [6]) 9, 4. 5.

не потому конечно, что сочувствовали ихъ преступленію, а потому, что въ предъявленномъ имъ требованіи увидѣли посягательство на свою независимость [1]). Послѣдствіемъ была страшная междоусобная война.—Таково было религіозно-нравственное и политическое состояніе колѣнъ еврейскихъ въ періодъ времени, начавшійся вскорѣ послѣ смерти І. Навина и продолжавшійся до Самуила. Духъ единства, повиновеніе закону и благочестіе должно бы было поддержать въ это время священное сословіе левитовъ. Но оскудѣніе истинной вѣры отразилось и на этомъ сословіи самымъ неблагопріятнымъ образомъ. Прежде всего это сословіе при всеобщемъ равнодущіи къ законному богослуженію должно было остаться въ наибольшей своей массѣ не у дѣла. Не имѣя опредѣленнаго занятія, левиты стали вести праздную бродячую жизнь. „Откуда ты идешь?“—спросилъ левита изъ Виѳлеема Іудейскаго Миха. „Иду пожить, гдѣ случится“, отвѣчалъ левитъ [2]). Такая жизнь имѣла гибельное вліяніе на ихъ нравственность. За 10 сиклей серебра, за одежду и пропитаніе левитъ дѣлается священникомъ при идолѣ Михи. Другой левитъ путешествуетъ для отысканія своей сбѣжавшей наложницы, пять дней ѣстъ и пьетъ въ домѣ отца наложницы и затѣмъ, отправившись въ путь, натолкнулся на приключеніе, повлекшее за собою междоусобную войну въ Израилѣ [3]). Къ концу смутнаго времени семейство самаго первосвященника представляло образецъ распущенности. „Сыновья же Илія были люди негодные; они не знали Господа и долга священниковъ въ отношеніи къ народу. Когда кто приносилъ жертву, отрокъ священническій во время варенія мяса приходилъ съ вилкою въ рукѣ своей и опускалъ ее въ котелъ или въ кострюлю, или на сковроду, или въ горшокъ, и что вынетъ вилка, то бралъ себѣ священникъ. Такъ поступали они со всѣми израильтянами, приходившими въ Силомъ. Даже прежде, нежели сожигали тукъ, приходилъ отрокъ священническій и говорилъ приносившему жертву: дай мяса на жаркое священнику; онъ не возьметъ у тебя варенаго мяса, а дай сырое. И если кто говорилъ ему: пусть сожгутъ прежде тукъ, какъ должно, и потомъ возьми себѣ,

---

[1]) 20, 12. 13. [2]) 17, 9. [3]) Гл. 19 и 20.

сколько пожелаетъ душа твоя,—то онъ говорилъ: нѣтъ, теперь же дай (т. е. пока не обрѣзанъ жиръ), а если нѣтъ, те силою возьму". Илію даже доносили, что сыновья его „спятъ съ женщинами, собиравшимися у входа въ скинію собранія" [1]). Такой порядокъ дѣлъ не могъ продолжаться далѣе безъ опасности для ветхозавѣтной церкви и для государственнаго благоденствія евреевъ. Что же судіи? Почему не возставалъ новый Гедеонъ или Іефѳай? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ могутъ служить два знаменательные факта, сообщенные свящ. писателемъ относительно Самсона. Когда Самсонъ началъ наносить вредъ филистимлянамъ, и они, собиравшись во множествѣ, сдѣлали угрожающее движеніе на землю еврейскую, чтобы захватить Самсона, тогда евреи вмѣсто того, чтобы сгруппироваться вокругъ Самсона, какъ около своего судіи и вождя, и дать отпоръ своимъ исконнымъ врагамъ, связываютъ его веревками и выдаютъ филистимлянамъ, при чемъ Самсонъ отдался въ руки своихъ соотечественниковъ только тогда, когда обязалъ ихъ честнымъ словомъ, что они не убьютъ его... Что же это значитъ? Это значитъ, что духъ евреевъ до того упалъ, что его не могли уже поднять и подвиги великихъ мужей, что евреи сдѣлались неспособными видѣть спасающую руку Божію въ судіяхъ. Однако Самсонъ до-того поразилъ воображеніе народа своими своеобразными подвигами (такихъ подвиговъ отъ прежнихъ судей и не требовалось), что и онъ признанъ былъ судіею. Но что же случилось далѣе? Самсонъ самъ ослабѣлъ духомъ, подвергся жестокому униженію отъ враговъ и погибъ, хотя его погибель и дорого обошлась врагамъ. Припоминая при этомъ Гедеона, вовлекшаго Израиля въ соблазнъ своимъ эфодомъ, Илія, навлекшаго на себя и на народъ гнѣвъ Божій своею непростительною слабостію, мы приходимъ къ заключенію, что евреи, дѣлаясь судіями, мало-по малу теряли способность оставаться всю жизнь на высотѣ своего призванія, и чѣмъ дальше, тѣмъ повидимому болѣе. Такимъ образомъ управленію народомъ Божіимъ судіями пришелъ естественный конецъ. Упавшій духъ народа нужно было поднять и ввести въ жизнь его новое начало,

[1]) 1 Цар. 2, 12—16. 22.

а для этого нуженъ былъ не просто судія, а великій пророкъ, и не одна оборона государства отъ внѣшнихъ враговъ, а внутреннее его преобразованіе. И вотъ среди евреевъ явился человѣкъ, въ лицѣ котораго въ первый разъ послѣ Моисея духъ пророческій выступилъ съ такою силою, что былъ не только возстановителемъ прежняго, нарушеннаго и забытаго, но и творцомъ новыхъ учрежденій, способныхъ влить новую жизнь въ расшатавшійся народный организмъ и пролить новый свѣтъ предъ глазами людей, чтобы они яснѣе видѣли внутренній смыслъ божественнаго закона [1]). Это былъ Самуилъ, отъ чрева матери посвященный на служеніе при скиніи, духъ котораго укрѣпился и возвысился рѣзкою противоположностію между его неиспорченною натурою, благоговѣніемъ къ закону и окружавшею его въ домѣ Илія обстановкою, исполненною примѣровъ непростительной слабости, нечестія и безстыдства. Здѣсь не мѣсто говорить подробно объ обстоятельствахъ жизни Самуила до того времени, когда на него легла забота объ установленіи царскаго правленія и избраніи царя. Ограничимся общимъ указаніемъ на существенныя стороны его дѣятельности. Иго филистимлянъ, продолжавшееся около 20 лѣтъ [2]), произвело наконецъ на евреевъ обычное дѣйствіе: они сознали свои беззаконія и „обратились къ Господу“. Самуилъ, достигшій къ этому времени зрѣлаго возраста, сталъ во главѣ народа и началъ править твердою рукою. Прежде всего онъ уничтожилъ идолопоклонство въ народѣ [3]). „И удалили сыны Израилевы Ваалов̀ъ и Астартъ

---

[1]) Здѣсь разумѣется возвышенное пророческое ученіе о нравственныхъ требованіяхъ божественнаго закона. Оно заключается, напр., въ слѣдующихъ словахъ Самуила, обращенныхъ къ Саулу: „неужели всесожженія и жертвы столько же пріятны Господу, какъ послушаніе гласу Господа? Послушаніе лучше жертвы и повиновеніе лучше тука овновъ. Ибо непокорность есть такой же грѣхъ, что волшебство, и противленіе тоже, что идолопоклонство“. 1 Цар. 15, 22. 23.

[2]) 1 Цар. 7, 2.

[3]) Повидимому въ это время прекратилось идолопоклонство и въ колѣнѣ Дановомъ, упомянутое выше. Выраженіе Суд. 18, 31: „и имѣли у себя истуканъ, сдѣланный Михою, во все то время, когда домъ Божій находился въ Силомѣ“, предположительно указываетъ на это время. Такъ какъ ковчегъ, возвращенный филистимлянами, былъ поставленъ не въ Силомѣ, а въ Киріаѳіаримѣ (1 Цар. 7, 1) и такъ какъ

и стали служить одному Господу“ [1]). Когда же филистимляне, обезпокоенные дѣятельностію Самуила, рѣшились нанести ударъ евреямъ, чтобы не дать имъ оправиться, то потерпѣли пораженіе, такъ какъ Самуилъ въ это время молился, и Богъ послалъ сильный громъ, устрашившій филистимлянъ [2]). Казалось, это все, что нужно было для евреевъ въ данное время, и дѣятельность предшествующихъ судей повидимому этимъ обыкновенно и ограничивалась. Однако опытъ показывалъ, что эта дѣятельность судей имѣла преходящее значеніе, что по смерти каждаго изъ нихъ не оставалось ничего, что поддержало бы народъ на той высотѣ, на которой онъ стоялъ при жизни судіи. „Какъ скоро умиралъ судія, они опять дѣлали хуже отцовъ своихъ, уклоняясь къ другимъ богамъ... не отставали отъ дѣлъ своихъ и отъ стропотнаго пути своего“ [3]). Это потому, что раскаянія народа, вынужденныя бѣдствіями, скоро уступали мѣсто новой распущенности, противъ которой не было иного воздѣйствія, какъ новыя бѣдствія. Если бы продолжался такой порядокъ дѣлъ, народъ могъ бы окончательно развратиться, и никакое бѣдствіе не могло бы уже привести его въ себя; потому что частыя паденія постепенно понижали его духовныя силы, а бѣдствія служили только внѣшнимъ, такъ сказать физическимъ толчкомъ, пробуждавшимъ его отъ нравственнаго усыпленія, и не давали ничего для постояннаго питанія нравственныхъ силъ во время мира и спокойствія. Такимъ образомъ требовалось ввести въ жизнь народа такое учрежденіе, которое, соединяя въ себѣ и возбуждая къ дѣятельности благороднѣйшія духовныя силы народа, имѣло бы постоянное благодѣтельное воздѣйствіе на народную жизнь. Это и сдѣлалъ Самуилъ, создавши пророческія общества (называемыя также пророческими школами) [4]). Хотя духъ

при Давидѣ и Соломонѣ мы находимъ скинію уже въ Гаваонѣ (1 Пар. 16, 39. 2 Пар. 1, 3), то можно думать, что она перенесена была изъ Силома куда-либо именно Самуиломъ, когда онъ началъ устроять религіозныя дѣла народа. Эвальдъ думаетъ, что она была перенесена сначала въ Номву. Geschichte des Volkes israel 2 Ausg. 1853. B. 2. s. 545.

[1]) 1 Цар. 7, 4. [2]) 7, 10. [3]) Суд. 2, 19.

[4]) 1 Цар. 10, 5. 10. חֶבֶל-נְבִאִים, сонмъ пророковъ—значитъ не просто: собраніе, или толпа пророковъ, а союзъ, братство, общество

пророческій могъ дѣйствовать во всякомъ евреѣ, независимо отъ внѣшнихъ условій его жизни, и хотя не всѣ, вступавшіе въ пророческій союзъ, становились пророками, однако воспитаніе подъ руководствомъ опытнаго мужа и прославленнаго особенными откровеніями Іеговы пророка, всегда могло давать запасъ людей, способныхъ къ высшей просвѣтительной дѣятельности среди народа и самоотверженныхъ исполнителей велѣній пророческихъ [1]). Значеніе пророческихъ обществъ въ вопросахъ всенародной важности не замедлило открыться еще при жизни Самуила [2]). Такимъ образомъ Самуилъ не только возстановилъ истинное богопочтеніе въ народѣ, но и обезпечилъ религіозно-нравственное развитіе народа на будущее время. Но онъ, только какъ пророкъ, а не военный человѣкъ, не царь, могущій передать свою власть по наслѣдству, не могъ извлечъ евреевъ изъ ихъ политическаго ничтожества. Хотя на первыхъ порахъ Самуилова управленія евреи и нанесли пораженіе филистимлянамъ, однако вся послѣдующая дѣятельность Самуила имѣла мирный характеръ, и филистимляне мало-по малу снова заняли угрожающее положеніе [3]), такъ что Саулъ уже на первыхъ порахъ своего царствованія вынужденъ былъ воевать съ ними. Выраженія, 1 Цар. 7, 15 „и не стали филистимляне болѣе ходить въ предѣлы Израилевы; и была рука Господня на филистимлянахъ во всѣ дни Самуила“—означаютъ повидимому только, что филистимляне не дѣлали большихъ походовъ на евреевъ съ цѣлію окончательнаго покоренія и что въ двухъ рѣшительныхъ битвахъ, какія происходили при жизни Самуила (другая была уже въ царствованіе Саула), филистимляне потерпѣли пораженіе. Но они далеко не были побѣждены и сохраняли свою грозную силу, такъ что многіе евреи были въ полномъ подчиненіи у нихъ и еще большее количество трепетало ихъ, какъ показываютъ 21 и 22 ст. 14 гл. 1 Цар. И съ восточной стороны поднималась гроза на евреевъ; Наасъ, царь аммонитскій усилился

пророковъ. Сущ. חֶבֶל отъ глаг. חָבַל—связывать, заключаетъ въ себѣ понятіе постоянной и неразрывной связи.

[1]) 4 Цар. 9, 1—10.

[2]) 1 Цар. 10, 3—6; 19, 18—24. [3]) 10, 5.

и обнаруживалъ враждебныя намѣренія [1]). Между тѣмъ Самуилъ состарѣлся; а такъ какъ для управленія народомъ, особенно въ то время, требовался не одинъ бодрый духъ, но и бодрое тѣло, то онъ поставилъ сыновей своихъ судьями надъ Израилемъ. „Но сыновья его не ходили путями его, а уклонились въ корысть, и брали подарки, и судили превратно“ [2]). Старѣйшины Израиля въ виду вышеизложенныхъ обстоятельствъ стали сильно безпокоиться за будущее и, прійдя къ убѣжденію, что только вождь во всеоружіи царскаго авторитета можетъ спасти народъ отъ порабощенія, явились къ Самуилу и потребовали: „поставь надъ нами царя, чтобы онъ судилъ насъ, какъ у прочихъ народовъ“. Мысль о царѣ не была новою у евреевъ; они еще Гедеону предлагали сдѣлаться царемъ надъ ними съ правомъ наслѣдственной власти [3]). Но Гедеонъ отклонилъ отъ себя эту честь по своему смиренію, какъ можно догадываться изъ его отвѣта. Тогда евреи легко отказались отъ этой мысли, потому, вѣроятно, что она и не была всеобщею, и явилась вслѣдствіе восторга отъ подвиговъ Гедеона; теперь же она сдѣлась всеобщею и неотразимою вслѣдствіе надвигавшихся со всѣхъ сторонъ опасностей, и евреи ухватились за нее какъ за послѣдній якорь спасенія. „И не понравилось слово сіе Самуилу, когда они сказали: дай намъ царя“. Однако, когда Самуилъ обратился къ Богу съ молитвой, оказалось, что желанію народа не слѣдовало сопротивляться. Самуилъ смотрѣлъ на самый фактъ и его ближайшія послѣдствія. Ему прискорбно было слышать отъ народа выраженіе неувѣренности въ помощи Божіей и упованія на силу человѣческую; кромѣ того онъ ужаснулся мысли, что у евреевъ будетъ такой же царь, какъ и у прочихъ народовъ, потому что у прочихъ народовъ, въ то время цари были именно такіе, какихъ всего менѣе слѣдовало желать для народа Божія. Пути же Промысла простирались далѣе Самуиловой прозорливости. Извинительное при данныхъ обстоятельствахъ стремленіе народа имѣть царя могло быть обращено на пользу ветхозавѣтной церкви. Избранному народу нужно было показать, что духовныя преимущества его предъ дру-

[1]) 12, 12. [2]) См. гл. 8. [3]) Суд. 8, 22.

гими народами не могли не выразиться и внѣшнимъ образомъ, въ приходящемъ величіи міра сего. Но при данномъ положеніи вещей народъ могъ возвыситься только въ формѣ мірской монархіи, во главѣ которой стоялъ бы рядъ достойныхъ и даровитыхъ царей. Это конечно была новая (послѣ многихъ предыдущихъ) уступка народу, способному проникать въ духовное и цѣнить его только подъ матеріальною оболочкою. Величіе ветхозавѣтной церкви должно было выразиться въ величіи государства, вмѣщавшаго эту церковь. Но съ другой стороны, чтобы мірское величіе не ослѣпило склонный къ чувственности народъ и не заслонило отъ него навсегда духовную основу этого величія—богооткровенную религію,—самое это величіе, кратковременно проблиставши, стало давать народу чуствовать только его тяготу и суетность и наконецъ разлетѣлось какъ дымъ. Предъ умственнымъ взоромъ еврея осталось такимъ образомъ одно величіе его религіи. Таково, надобно думать, было назначеніе царей еврейскихъ въ исторіи народа Божія по намѣренію Промысла Божія; потому что только весьма немногіе изъ нихъ оказали положительныя и непосредственныя заслуги для ветхозавѣтной церкви. Поэтому Самуилу до полученія откровенія естественно было прійти въ смущеніе отъ предъявленнаго ему требованія народныхъ представителей. Теперь предстала предъ Самуиломъ великая и трудная задача: раскрыть предъ сознаніемъ народа значеніе того шага, который онъ дѣлалъ, и его возможныя послѣдствія, избрать такого царя, отъ котораго всего меньше можно было бы ожидать посягательства на ѳеократическія основы народной жизни и который не началъ бы на первыхъ же порахъ разрушать то, что предполагалось извлечь изъ монархіи для дѣла Божія, —опредѣлить права царя особымъ статутомъ и обязать его сообразовать свою дѣятельность съ этимъ статутомъ и наконецъ зорко слѣдить за дѣятельностію и поведеніемъ новопоставленнаго царя. Чтобы народъ впослѣдствіи не имѣлъ права винить кого-либо, кромѣ себя, если царское правленіе ему не понравится, Самуилъ по повелѣнію Божію сдѣлалъ представителямъ народнымъ весьма внушительное предостереженіе, нарисовавъ передъ ними неприглядную картину обычнаго въ то время поведенія царя. „Вотъ,

говорилъ онъ, какія будутъ права царя [1]), который будетъ царствовать надъ вами: сыновей вашихъ онъ возьметъ и приставитъ ихъ къ колесницамъ своимъ, и сдѣлаетъ всадниками своими, и будутъ они бѣгать предъ колесницами его; и поставитъ ихъ у себя тысяченачальниками и пятидесятниками, и чтобы они воздѣлывали поля его, и жали хлѣбъ его, и дѣлали ему воинское оружіе и колесничный приборъ его. И дочерей вашихъ возьметъ, чтобы онѣ составляли масти, варили кушанье и пекли хлѣбы. И поля ваши, и виноградные и масличные сады ваши лучшіе возьметъ и отдастъ слугамъ своимъ. И отъ посѣвовъ вашихъ, и изъ виноградныхъ садовъ вашихъ возьметъ десятую часть и отдастъ евнухамъ своимъ и слугамъ своимъ. И рабовъ вашихъ, и рабынь вашихъ, и юношей вашихъ лучшихъ, иословъ вашихъ возьметъ и употребитъ на свои дѣла. Отъ мелкаго скота вашего возьметъ десятую часть, а сами вы будете ему рабами. И возстенаете тогда отъ царя вашего, котораго вы избрали себѣ; и не будетъ Господь отвѣчать вамъ тогда" [2]). Здѣсь собрано все, что должно было свободному человѣку показаться унизительнымъ въ укоренившихся привычкахъ сямовластія: и употребленіе свободныхъ людей вмѣсто декораціи для увеличенія царской пышности, и подневольная работа, и разорительные поборы не столько для общественной пользы, сколько для раздачи наградъ любимцамъ. Но представители народа не обратили на это никакого вниманія. Видно, что въ той свободѣ, которою они до сихъ поръ пользовались, было мало привлекательнаго, особенно когда въ ворота стучался филистимлянинъ, и они охотно жертвовали ею въ пользу тѣхъ выгодъ, какія предствляетъ единодер-

---

[1]) „Права царя" מִשְׁפַּט הַמֶּלֶךְ означаютъ здѣсь не права въ собственномъ смыслѣ, а обычаи, привычки, нравы царя. Ихъ пожалуй можно назвать и правами царя въ томъ смыслѣ, въ какомъ говорится: право сильнаго. Слово מִשְׁפָּט значитъ собственно „сужденіе", потомъ „право, законъ"; но оно значитъ также „обычай, способъ поведенія, манера". Срав. 4 Цар. 11, 14; 17, 34. Суд. 13, 12. Равно и *δικαίωμα* у LXX отъ *δίκη*, которое значитъ не только jus, но и ritus, mos, consvetudo.

[2]) 1 Цар. 10, 11—18.

жавіе во всякомъ случаѣ. Самуилъ распустилъ собраніе, чтобы ждать дальнѣйшихъ откровеній о томъ, кого поставить царемъ надъ Израилемъ. Богъ указалъ ему на Саула. Кто такой былъ Саулъ? Это былъ человѣкъ довольно знатный, какъ показываетъ родословная его отца. Тогда какъ при именахъ большей части другихъ лицъ называются только отецъ и дѣдъ, у Киса, отца Саулова, названъ даже прапрадѣдъ, которымъ и заканчивается рядъ памятныхъ мужей этого рода, потому что отецъ этого прапрадѣда названъ просто „нѣкіимъ веніаминяниномъ“ [1]). Но Саулъ и отецъ его были знатны въ очень ограниченной сферѣ и сами по себѣ не могли быть людьми вліятельными: они принадлежали къ колѣну Веніаминову, одному изъ меньшихъ колѣнъ Израилевыхъ, и племя ихъ было малѣйшее между всѣми племенами колѣна Веніаминова [2]). Что касается личныхъ качествъ Саула, то свящ. лѣтописецъ замѣчаетъ только, что онъ былъ молодъ, очень красивъ и обладалъ богатырскимъ ростомъ [3]). О душевныхъ качествахъ, въ силу которыхъ выборъ могъ остановиться именно на Саулѣ, ничего не говорится; но на основаніи послѣдующей исторіи Саула можно думать, что этими качествами были мужество, рѣшительность въ дѣйствіяхъ и воинственный духъ. Знатность рода и наружная представительность Саула обезпечивали успѣхъ избранія,—народъ охотно подчиняется лицамъ, обладающимъ этими внѣшними преимуществами; воинственный духъ нуженъ былъ по обстоятельствамъ того времени; слабость же колѣна и рода могли препятствовать быстрому и опасному развитію могущества царя, которое неминуемо послѣдовало бы, если бы вмѣстѣ съ царемъ получило привиллегію какое-нибудь сильное и честолюбивое колѣно или даже племя. Возведеніе Саула въ достоинство царя происходило такимъ образомъ. Отыскивая пропавшихъ ослицъ, Саулъ пришелъ къ Самуилу, какъ къ прозорливому мужу, отъ котораго надѣялся получить какія-нибудь указанія для своихъ поисковъ. Самуилъ, увидѣвъ его, узналъ въ немъ мужа, предназначеннаго Богомъ къ помазанію на царство. Онъ задержалъ у себя Саула до другого дня, особенною

[1]) 1 Цар 9, 1. [2]) 9, 21. [3]) 9, 2.

внимательностію къ нему и нѣкоторыми знаменательными, но пока неясными словами („и кому все вожделѣнное въ Израилѣ? Не тебѣ ли и всему дому отца твоего?“) подготовлялъ духъ его къ внезапной и великой перемѣнѣ въ его жизни и наконецъ, оставшись съ нимъ наединѣ, открылъ ему его предназначеніе и совершилъ надъ нимъ помазаніе елеемъ. Это помазаніе было только предварительнымъ дѣйствіемъ, подготовлявшимъ предъизбранное лицо къ высокому положенію, возбуждавшимъ его духъ и возвышавшимъ его нравственныя силы для имѣвшей представиться ему необычной и трудной дѣятельности. Для того чтобы взволнованный духъ Саула укрѣпить увѣренностью въ томъ, что отселѣ онъ находится подъ особеннымъ божественымъ водительствомъ, Самуилъ предсказалъ Саулу на пути къ дому нѣкоторыя событія, которыя и сбылись въ точности. Богъ далъ Саулу „иное сердце“; Саулъ какъ бы перерождался, становился другимъ человѣкомъ, и когда онъ увидѣлъ въ одномъ мѣстѣ сонмъ пророковъ, то присоединился къ нимъ и самъ сталъ „пророчествовать“, т. е., вѣроятно пѣть хвалебные гимны Іеговѣ, которые выливались изъ его сердца, переполненнаго разнообразными и небывалыми ощущеніями. Всѣ, знавшіе Саула, были поражены такою неожиданною перемѣною и съ недоумѣніемъ спрашивали: „что это сталось съ сыномъ Кисовымъ? Неужели и Саулъ во пророкахъ“? Повидимому знатный Кисъ былъ извѣстенъ за человѣка, всего менѣе способнаго передать дѣтямъ то настроеніе, которое влекло еврея въ пророческія братства съ ихъ своеобразною жизнію, изобильною духовными благами и скудною матеріальными [1]), и потому одинъ разсудительный человѣкъ указывая на сыновъ пророческихъ, спрашивалъ; „а у тѣхъ кто отецъ?“—т. е., давалъ этимъ вопросомъ понять, что нравы и расположенія родителей здѣсь ничего не значатъ, потому что даръ пророческій не наслѣдственъ. Тѣмъ не менѣе недоумѣніе было такъ велико, что увѣковѣчилось въ пословицѣ; когда впослѣдствіи желали выразить удивленіе по поводу какой-нибудь неожиданной перемѣны, то говорили: „неужели и Саулъ во пророкахъ“? Молва о приключеніи съ Сауломъ

1) 4 Цар. 4, 39; 6, 5.

дошла повидимому до его родственниковъ, и дядя Сауловъ пытался узнать, что произошло между Сауломъ и Самуиломъ; но Саулъ не открылъ ему сущности дѣла. Вскорѣ послѣ этого Самуилъ сдѣлалъ народное собраніе въ Массифѣ, городѣ колѣна Веніаминова, который и прежде бывалъ не разъ мѣстомъ народныхъ собраній [1]), чтобы объявить народу волю Божію о томъ, кого онъ долженъ признать своимъ царемъ. Поставивъ народу на видъ, что своимъ желаніемъ имѣть царя онъ обнаружилъ недостатокъ вѣры въ помощь Божію, Самуилъ кинулъ жребій по колѣнамъ, племенамъ и мужамъ, и жребій палъ на Саула. Если бы кто-нибудь спросилъ: для чего нуженъ былъ жребій, когда царь уже былъ предъизбранъ и даже помазанъ Самуиломъ,—то на это нужно отвѣтить: вѣроятно Самуилъ желалъ удостовѣрить народъ, что избраніе Саула есть дѣло Божіе, а не его (Самуила) личное. Если же кто-нибудь спросилъ бы еще: какъ случилось, что жребій указалъ именно Саула,—то на это нужно отвѣтить, что это не *случилось*, а произошло по волѣ Божіей; потому что въ сущности *ничего не случается*, и слово „случай“ въ языкѣ человѣческомъ имѣетъ не знаменательное, а служебное значеніе: оно употребляется въ ежедневномъ обиходѣ языка тогда, когда человѣкъ или не желаетъ, или не можетъ объяснить причину того, что произошло.... Итакъ жребій упалъ на Саула. Наступилъ торжественный моментъ: взоры всѣхъ съ напряженнымъ любопытствомъ стали искать избранника, но его нигдѣ не было. Очевидно Саулъ не могъ преодолѣть своего волненія, овладѣвшаго имъ при видѣ массы людей, отъ которыхъ зависѣло окончательное опредѣленіе его дальнѣйшей судьбы, и судьба которыхъ въ свою очередь могла оказаться въ его рукахъ, и потому онъ, оставивъ площадь собранія, скрылся въ обозѣ, заключавшемъ въ себѣ дорожныя принадлежности прибывшаго на собраніе народа. Когда первые поиски не увѣнчались успѣхомъ, нетерпѣніе и возбужденіе народа возросло до такой степени, что пришлось прибѣгнуть къ сверхъ-естествен-

[1]) Суд. 20, 1; 21, 1. Выраженіе: „созвалъ народъ *къ Господу* въ Массифу“ указываетъ, что здѣсь повидимому въ это время находилась скинія. Сн. 1 Макк. 3, 46.

ному откровенію (чрезъ пророка или первосвященника). Послѣ этого Саулъ тотчасъ былъ выведенъ изъ его убѣжища, и его мощная фигура вырисовалась среди народа, наполнявшаго площадь. „Видите ли, кого избралъ Господь, говорилъ Самуилъ народу. Подобнаго ему нѣтъ во всемъ народѣ!“—„Да живетъ царь!“ воскликнулъ народъ, на большинство котораго выборъ произвелъ благопріятное впечатлѣніе. Тогда Самуилъ, на которомъ лежала обязанность все предусмотрѣть и разумно устроить въ этомъ великомъ переворотѣ народно-государственной жизни, въ присутствіи народа и новоизбраннаго царя изложилъ „права царства“[1]), написалъ ихъ въ книгу и положилъ въ скинію для храненія. Содержаніе этого важнаго государственнаго документа не сохранилось, но объ общемъ смыслѣ его можно догадываться съ большою вѣроятностію. Въ немъ безъ сомнѣнія опредѣлялись права и обязанности царя въ государствѣ, имѣвшемъ своеобразный, такъ называемый ѳеократическій складъ. Еврейское государство съ возникновеніемъ царскаго правленія осталось или по крайней мѣрѣ должно было остаться по намѣренію Самуила ѳеократическимъ; божественный законъ долженъ былъ остаться выше царя, священство должно было сохранить свое положеніе и права, пророчество—свое значеніе и вліяніе; право поземельной собственности должно было остаться въ томъ видѣ, какъ опредѣлилъ его Моисей[2]), и проч. Въ основу той части разсматриваемаго документа, которая касалась личности еврейскаго царя и его общаго поведенія, безъ сомнѣнія легли слѣдующія слова закона: „когда.... ты скажешь: поставлю я надъ собою царя, подобно прочимъ народамъ, которые вокругъ меня, то поставь надъ собою царя, котораго изберетъ Господь Богъ твой, изъ среды братьевъ твоихъ поставь надъ собою царя; не можешь поставить надъ собою (царемъ) иноземца, который не братъ

---

[1]) 1 Цар. 10, 25. „Права царства“ מִשְׁפַּט הַמְּלוּכָה не нужно смѣшивать съ „правами царя“, т. е. съ поведеніемъ, съ обычаями царя מִשְׁפַּט הַמֶּלֶךְ 8, 11.

[2]) Право поземельной собственности евреи отстаивали даже въ царствѣ израильскомъ противъ нечестивыхъ царей. 3 Цар. 21, 3.

БИБ... АКАДЕМ...

тебѣ. Только чтобы онъ не умножалъ себѣ коней и не возвращалъ народа въ Египетъ; ибо Господь сказалъ вамъ: не возвращайтесь болѣе путемъ симъ [1]). И чтобы не умножалъ себѣ женъ, дабы не развратилось сердце его, и чтобы серебра и золота не умножалъ себѣ чрезмѣрно. Но когда онъ сядетъ на престолѣ царства своего, долженъ списать для себя списокъ закона сего съ книги, находящейся у священниковъ левитовъ, и пусть онъ будетъ у него и пусть онъ читаетъ его во всѣ дни своей жизни, дабы научался бояться Господа Бога своего и старался исполнять всѣ слова закона сего и постановленія сіи. Чтобы не надмевалось сердце его надъ братьями его, и чтобы не уклонялся онъ отъ закона ни направо, ни налѣво; дабы долгіе дни пребылъ на царствѣ своемъ онъ и сыновья его посреди Израиля" [2]). На основаніи: „долженъ (царь) списать для себя списокъ закона сего съ книги", не слѣдуетъ думать, что Самуилъ заповѣдалъ Саулу только то, что предписывалось царю закономъ, что „права царства" и составляли вышеизложенныя слова закона; потому что во-первыхъ къ этимъ словамъ закона неприложимо понятіе „права царства",—послѣднее предполагаетъ въ себѣ болѣе широкое содержаніе, — во-вторыхъ и главнымъ образомъ потому, что „списокъ закона сего" долженъ былъ находиться у царя, тогда какъ Самуилова хартія положена была „предъ Господомъ", т. е., въ скиніи. Въ виду особенностей еврейскаго государства, какъ государства ѳеократическаго, хартія Самуила вѣроятно заключала въ себѣ предупрежденія, чтобы царь евреевъ не злоупотребилъ своею властію такъ, какъ тогдашніе цари „у прочихъ языковъ". Этого Самуилъ опасался больше всего, въ этомъ отношеніи онъ зорко слѣдилъ за Сауломъ и съ этой именно стороны, какъ увидимъ дальше, Саулъ и не оправдалъ его

---

[1]) Подъ умноженіемъ коней и возвращеніемъ въ Египетъ здѣсь, вѣроятно, разумѣется усиленіе войска конницею по примѣру Египта. Царю еврейскому, почуствовавшему свою силу, могла прійти мысль завоевать соблазнительный своими богатствами Египетъ. Тогда побѣдители остались бы въ завоеванной землѣ, мало по малу приняли бы нравы и религію египтянъ и наконецъ совершенно утратили бы свою народную самостоятельность.

[2]) Втор. 17, 14—20.

ожиданій. Безъ сомнѣнія хартія Самуила заключала въ себѣ также указаніе новыхъ обязанностей и для народа по отношенію къ царю, какъ верховному вождю и охранителю внѣшней безопасности и внутренняго порядка. Торжественнымъ заявленіемъ этихъ взаимныхъ обязательствъ новоизбраннаго царя и народа завершилось дѣло народнаго собранія въ Массифѣ. Никакого ликованія, какъ впослѣдствіи въ Галгалѣ, не было, и Самуилъ распустилъ собраніе. Саулъ отправился домой, при чемъ „храбрые, которыхъ сердца коснулся Богъ", т. е., люди отважные, которымъ Саулъ особенно понравился, которые увидали въ немъ самимъ Богомъ указаннаго вождя для борьбы съ врагами, устроили Саулу почетные проводы. Дѣло однако не обошлось безъ оппозиціи: „а негодные люди говорили: ему ли спасать насъ? И презрѣли его и не поднесли ему даровъ". Вѣроятно, это были ефремляне, постоянные протестанты въ еврейской исторіи[1]). „Но Саулъ, сказано, какъ бы не замѣчалъ того". Благоразуміе требовало при тогдашнихъ обстоятельствахъ отнестись спокойно къ этой вспышкѣ неудовольствія въ нѣкоторой части народа, иначе она могла перейти въ пожаръ междоусобія.

Такъ произошло избраніе перваго еврейскаго царя и установленіе царскаго правленія у евреевъ, у которыхъ до этого времени государственный строй напоминалъ[2]) то, что нынѣ называютъ федеративной республикой. Въ исторической жизни евреевъ это было событіемъ глубокой важности; его можно поставить наряду съ исходомъ изъ Египта и завоеваніемъ земли Ханаанской. Еврейская монархія, сначала скромная, ограничивавшаяся борьбою за независимость, быстро расширила свои предѣлы

---

[1]) I. Нав. 17, 14. Суд. 8, 1; 12, 1... 3 Цар. 11, 26.

[2]) Только напоминалъ; потому что съ одной стороны отдѣльныя колѣна во всѣхъ отношеніяхъ, за исключеніемъ религіозныхъ дѣлъ, могли жить совершенно независимою жизнію, какъ самостоятельныя государства, и дѣйствительно жили, когда ихъ не объединяли на время своимъ вліяніемъ какой-нибудь судія или пророкъ; съ другой же стороны вѣра въ единаго Бога, невидимаго царя, и божественный законъ, опредѣлявшій религіозную жизнь евреевъ, связывали ихъ гораздо болѣе, чѣмъ общія государственныя установленія объединяютъ части какой-нибудь разноплеменной и разноязычной монархіи.

извнѣ и достигла блеска и пышности внутри. Періодъ нераздѣльной монархіи, въ особенности со времени Давида и до смерти Соломона, остался навсегда въ воспоминаніи евреевъ идеаломъ политическаго благосостоянія. Такимъ возвышеніемъ они обязаны не столько подъему народнаго духа, сопровождающему болѣе или менѣе всякій важный переворотъ, сколько личнымъ качествамъ своихъ первыхъ трехъ царей. Со времени избранія Саула историческія воспоминанія евреевъ группируются около личности ихъ царей, и это совершенно естественно; потому что съ этого времени нити всѣхъ важнѣйшихъ событій были въ рукахъ царей, и они рѣшительнымъ образомъ опредѣляли движеніе исторической жизни. Особенно обильны и характерны воспоминанія о трехъ царяхъ нераздѣльной монархіи, потому что ни одинъ изъ послѣдующихъ царей не имѣлъ такого важнаго значенія въ еврейской исторіи, какъ они, и потому что самые личности ихъ въ высшей степени своеобразны и типичны. Съ этими личностями и ихъ дѣяніями, важными для исторіи народа Божія, мы и ознакомимся далѣе.

САУЛЪ.

Саулъ былъ уже въ зрѣлыхъ лѣтахъ, когда утвердился на царствѣ,—имѣлъ сыновей и дочерей [1]). Сыновья его были Іонаѳанъ, Іессуи и Мелхисуа. Изъ нихъ по крайней мѣрѣ Іонаѳанъ при началѣ царствованія былъ уже настолько взрослымъ, что совершалъ отважные военные подвиги. Это былъ герой въ истинномъ смыслѣ слова: безстрашный, прямодушный, благородный, симпатичный. Онъ составлялъ украшеніе Саулова семейства и славу всего царства. Изъ другихъ, ближайшихъ къ Саулу лицъ обращаетъ на себя вниманіе его двоюродный братъ Авениръ,

[1]) Выраженіе „молодой“ 1 Цар. 9, 2, значитъ: въ цвѣтущемъ возрастѣ, не старикъ.—Годъ утвержденія Саула на царствѣ нельзя опредѣлить съ точностію. Различные ученые опредѣляютъ его различно на пространствѣ 1055—1095 до Р. Х. Graetz. Geschichte der Israeliten. Leipz. 1874. B. I. Стр. 493. Langhans. Handbuch der biblischen Geschichte und Literatur. Bern. 1875. 1 Theil. Стр. 102. Mounk Palestine. Description geograph, histor. et archeologique. Paris. 1845. Стр. 252.

человѣкъ несомнѣнно способный, но честолюбивый. Онъ сдѣлался военачальникомъ у Саула. Любопытное зрѣлище представлялъ первый еврейскій царь въ первые дни своего царствованія. Онъ положительно ничѣмъ не отличался отъ обыкновенныхъ гражданъ: жилъ въ своемъ частномъ домѣ, пахалъ землю; не было у него ни двора, ни тѣлохранителей, ни войска, никакихъ внѣшнихъ признаковъ власти. Своеобразность, исключительность еврейской исторіи вообще выступаетъ въ частности здѣсь съ поразительною ясностію. Тогда какъ при обыкновенныхъ, скажемъ: естественныхъ, условіяхъ происхожденія царскаго правленія личность, имѣющая быть царемъ, заранѣе пріобрѣтаетъ всѣ существенныя принадлежности царственной особы: власть, богатство, военную силу, и ей остается только принять титулъ и отличить себя отъ прочихъ смертныхъ какими-нибудь внѣшними знаками,—у евреевъ вышло наоборотъ: одинъ изъ обыкновенныхъ гражданъ, и едвали всѣмъ извѣстный, дѣлается царемъ прежде всего только по имени. Все же, что дѣлаетъ, такъ сказать, царя царемъ, онъ пріобрѣлъ уже впослѣдствіи. И однако большинство народа признало этого обыкновеннаго гражданина царемъ, очень хорошо понимая, на какую высоту оно возноситъ надъ собою личность, которой оно и не боялось, ни даже привыкло уважать за что-либо. Это необычайное обстоятельство объясняется ѳеократическимъ строемъ еврейской общественной жизни. Еврей живо вѣрилъ, что Богъ управляетъ его жизнію во всѣхъ ея проявленіяхъ, въ томъ числѣ и государственною. Онъ вѣрилъ также, что пророки суть посредники между Богомъ и народомъ. Поэтому достаточно было, чтобы пророкъ отъ имени Бога назвалъ кого-либо царемъ, и авторитетъ этого лица упроченъ, и еврей былъ убѣжденъ, что Богъ въ этомъ случаѣ дастъ избранному лицу все, что долженъ царь имѣть, каково бы это лицо само по себѣ ни было,—и мужество, и умъ, и военныя способности, и проч.

Печально было положеніе евреевъ около времени избранія царя. Съ запада ихъ неотразимо тѣснили филистимляне. Они успѣли уже захватить въ свои руки на нѣкоторой части еврейской территоріи укрѣпленныя мѣста (хол-

мы), снабдили ихъ гарнизонами (охранные отряды) [1]), которые зорко наблюдали за евреями и въ состояніи были подавить всякую враждебную имъ попытку въ самомъ началѣ. Желѣзное ярмо филистимскаго господства готово было наглухо замкнуться на шеѣ Израиля. Чтобы отнять у евреевъ всякую возможность защищаться, филистимляне обезоружили ихъ, уничтоживъ въ ихъ землѣ всѣхъ кузнецовъ, такъ что даже для починки земледѣльческихъ орудій евреи должны были ходить къ своимъ врагамъ, филистимлянамъ. Вѣроятно, по причинѣ слабаго развитія промышленности, у евреевъ того времени кузнечнымъ дѣломъ въ ихъ землѣ занимались филистимляне, которые и ушли отъ евреевъ по требованію своего правительства. Убѣжищемъ независимости евреевъ оставались пока восточныя области ихъ земли, прилегавшія къ Іордану и расположенныя за Іорданомъ, куда господство филистимлянъ еще не простиралось. Но вотъ явился опасный врагъ и на востокѣ—Наасъ (Нахашъ), царь аммонитскій. Безъ сомнѣнія онъ хотѣлъ воспользоваться бѣдственнымъ положеніемъ западныхъ евреевъ, чтобы безъ труда покорить восточныхъ. Такимъ образомъ евреи были совершенно между двухъ огней, и первоизбранному царю предстояло много дѣла. Но первый царь евреевъ былъ богатырь. Въ древности (какъ и нынѣ еще въ простомъ, непосредственномъ быту) физическая сила имѣла громадное значеніе для человѣка. Человѣкъ, обладавшій ею въ значительной степени, невольно проникался сознаніемъ своего превосходства надъ окружающими, и въ немъ развивался духъ отваги, воинственное настроеніе, героизмъ. Окружающія его болѣе слабыя личности тоже невольно проникались чувствомъ уваженія къ нему и стремились сгруппироваться около него, какъ около надежнаго оплота, опираясь на который они и сами проникались героизмомъ и становились способными на отважныя дѣла. Библія, обрисовывая новоизбраннаго царя знаменательно останавливается только на внѣшнихъ качествахъ Саула (не такъ было дѣло, какъ увидимъ, при избраніи Давида). „И былъ ростомъ, говорится, больше всего народа, отъ плечъ и выше“. Народъ

[1]) 1 Цар. 10, 5.

пришелъ въ восторгъ при видѣ его. Это значило, что при тогдашнихъ обстоятельствахъ, когда нужно было воевать и воевать противъ многочисленныхъ и сильныхъ враговъ, нуженъ былъ прежде всего и болѣе всего храбрый предводитель, царь-воинъ. А таковымъ и могъ быть Саулъ, этотъ исполинъ изъ колѣна Веніаминова.

Какіе же враги прежде всѣхъ испытали на себѣ руку Саула? Хотя порядокъ событій, слѣдовавшихъ за избраніемъ Саула, и указанный Библіею, въ непредубѣжденномъ читателѣ не возбуждаетъ никакого недоумѣнія; однако нѣкоторые писатели, очевидно имѣющіе не очень высокое мнѣніе объ историческомъ достоинствѣ библейскихъ повѣствованій, считаютъ нужнымъ представить дѣло по своему. Одинъ изъ таковыхъ [1]) старается убѣдить, что первая война Саула была не съ аммонитянами, какъ разсказываетъ Библія, а съ филистимлянами, война съ которыми по указанію Библіи была уже второю при Саулѣ. Онъ считаетъ невѣроятнымъ то обстоятельство, что въ первой войнѣ, т. е., въ войнѣ съ аммонитянами, евреи выставили 300000 войска, тогда какъ въ войнѣ съ филистимлянами всего 600. Не признавая эти числовыя данныя вполнѣ вѣрными, онъ тѣмъ не менѣе полагаетъ, что полупорабощенные евреи въ первой войнѣ должны были выставить меньше войска, а во второй больше. Это соображеніе онъ считаетъ доказательствомъ того, что война съ филистимлянами предшествовала войнѣ съ аммонитянами. Потомъ онъ говоритъ, что по поводу войны съ филистимлянами сказано, что у евреевъ не было „никакого оружія“ (keine Waffen), а этого, говоритъ онъ, не могло бы быть, если бы евреи выдержали уже одну большую войну—съ аммонитянами. Наконецъ онъ указываетъ на то обстоятельство, что Самуилъ послѣ тайнаго помазанія Саула на царство велѣлъ ему идти въ Галгалъ и ждать его тамъ семь дней; слѣдовательно, полагаетъ онъ, война съ филистимлянами непосредственно слѣдовала за избраніемъ, потому что именно предъ этою войною Саулъ ждалъ Самуила въ Галгалѣ 7 дней. Чтобы объяснить, почему въ Библіи указанъ другой порядокъ событій, помянутый писатель дѣлаетъ произвольнѣйшее

[1]) Graetz. Вышеуказ. сочин. Т. I, стр. 172.

предположеніе, будто библейскій повѣствователь намѣренно исказилъ факты: ему де показалось неловкимъ тотчасъ же за радостнымъ событіемъ избранія Саула представить отверженіе его, случившееся предъ войною съ филистимлянами, и вотъ, чтобы поддержать въ читателяхъ иллюзію нѣсколько болѣе продолжительнаго благополучія Саулова, онъ и вставилъ между избраніемъ и отверженіемъ войну съ аммонитянами. Настолько ли однако вѣски его вышеизложенные аргументы, чтобы прибѣгнуть къ такой безцеремонной и слабоумной гипотезѣ? Ужели, вопервыхъ, въ самомъ дѣлѣ вещь совсѣмъ невѣроятная, что у евреевъ въ первой войнѣ (съ аммонитянами) могло быть несравненно больше войска, чѣмъ во второй (съ филистимлянами)? Намъ кажется напротивъ это обстоятельство въ высшей степени вѣроятнымъ. Количество войска у евреевъ въ то время вовсе не зависѣло отъ предначертаній вождя или отъ какой-нибудь опредѣленной системы сосредоточиванія боевыхъ силъ, а отъ народнаго воодушевленія. Воодушевлялся народъ — и брался за оружіе почти поголовно; равнодушно относился къ предпріятію или трусилъ страшнаго врага—и никто не могъ вытащить его изъ его кущей. А филистимлянъ евреи несомнѣнно трусили. „Израильтяне, сказано, видя, что они въ опасности, укрывались въ пещерахъ и въ ущеліяхъ, и между скалами, и въ башняхъ, и во рвахъ. А нѣкоторые изъ евреевъ переправились за Іорданъ, въ страну Гадову и Галаадскую“ [1]). А потомъ сказано: „такъ какъ Самуилъ не приходилъ (въ Галгалъ), то народъ сталъ расходиться отъ него (отъ Саула)“. Развѣ все это не достаточно объясняетъ, какимъ образомъ у евреевъ въ войнѣ съ филистимлянами оказалось только 600 воиновъ? Еще хуже второй аргументъ

---

[1]) 1 Цар. 13, 6. Надобно быть положительно фанатикомъ излюбленной раціоналистической идеи, чтобы сдѣлать предположеніе, будто евреи попрятались по наущенію священниковъ. (Подразумѣвается, что священники ненавидѣли Саула) Такое предположеніе мы встрѣчаемъ въ „Kulturgeschichte des Judenthuns“ von Otto Henne-Am Rhym. Jena. 1880. s. 36. Зачѣмъ же въ такомъ случаѣ послѣ послѣ перваго пораженія филистимлянъ евреи вышли изъ своихъ убѣжищъ, присоединились къ Саулу и увеличили его силу до десяти тысячъ человѣкъ? 14, 22. 23.

упомянутаго писателя, именно, что въ войнѣ съ филистимлянами у евреевъ не было „никакого оружія“. Это уже одинъ изъ тѣхъ аргументовъ, которые позволяютъ себѣ только такъ называемые раціоналисты, когда имъ нужно бываетъ бороться противъ библейской истины. Въ Библіи говорится только, что у евреевъ не было *желѣзнаго* оружія, именно мечей и копій [1]), потому что у нихъ не было своихъ кузнецовъ. Отсюда конечно вовсе не слѣдуетъ, что у евреевъ не было никакого оружія и что поэтому они не могли предпринять войны съ аммонитянами, не побѣдивши филистимлянъ. Масса евреевъ, вооруженная пращами и луками смѣло могла вступить въ борьбу съ аммонитянами, такъ какъ евреи были отличные пращники, особенно веніаминяне, между которыми были такіе, что „бросая изъ пращи камень въ волосъ, небросали мимо“ [2]). Стрѣльба изъ лука тоже очевидно процвѣтала.—Іонаѳанъ, сынъ Сауловъ ходилъ въ поле стрѣлять для развлеченія [3]). Желѣзное оружіе было необходимо въ войнѣ съ филистимлянами, у которыхъ промышленность и военныя приспособленія были развиты несравнено болѣе, чѣмъ у восточныхъ сосѣдей евреевъ. Потому-то писатель книги Царствъ и упомянулъ объ отсутствіи у евреевъ мечей и копій именно предъ войною съ филистимлянами, чтобы показать, въ какую неравную борьбу вступали евреи. Никакихъ другихъ выводовъ кромѣ этого нельзя дѣлать изъ его замѣчанія. Относительно послѣдняго аргумента разбираемой гипотезы, именно, что Саулъ получилъ отъ Самуила заповѣдь ждать его въ Галгалѣ 7 дней, и Саулъ дѣйствительно ждалъ его въ Галгалѣ 7 дней предъ войною съ филистимлянами,—слѣдуетъ сказать, что этотъ аргументъ основанъ на неправильномъ пониманіи 8 ст. 10 гл. 1 Цар. Какъ понимаютъ его другіе ученые и какъ слѣдуетъ понимать, увидимъ, въ своемъ мѣстѣ; здѣсь же замѣтимъ, что пониманіе автора гипотезы совершенно не сообразно съ контекстомъ даннаго мѣста. Если Самуилъ велѣлъ Саулу непосредственно послѣ тайнаго помазанія идти въ Галгалъ и тамъ ждать его, то что заставило Самуила сдѣлать народное собраніе въ Массифѣ для утвержденія Саула на

[1]) 13, 22. [2]) Суд. 20, 16. [3]) 1 Цар. 20, 20. 24.

царствѣ? Событіе это и самъ авторъ гипотезы ставитъ между повелѣніемъ идти въ Галгалъ и пребываніемъ Саула въ Галгалѣ предъ войною съ филистимлянами. Избѣгая несуществующихъ противорѣчій въ текстѣ, онъ самъ впадаетъ въ дѣйствительное и рѣзкое противорѣчіе: разсказавши о томъ, что произошло между Самуиломъ и Сауломъ въ Галгалѣ предъ войною съ филистимлянами, онъ тѣмъ не менѣе говоритъ о торжественномъ помазаніи Саула послѣ войны съ аммонитянами, бывшей по его мнѣнію послѣ войны съ филистимлянами. Какимъ образомъ и зачѣмъ Самуилъ навсегда отвергнутаго имъ царя чествовалъ и утверждалъ на царствѣ?.. Безъ сомнѣнія, чувствуя это противорѣчіе, онъ намѣренно изображаетъ фальшиво столкновеніе Самуила съ Сауломъ въ Галгалѣ, глухо говоря только о сильномъ неудовольствіи Самуила, тогда какъ текстъ прямо говоритъ объ отверженіи Саула и рѣшеніи пророка дать евреямъ другаго царя.—Что война съ аммонитянами ожидалась при самомъ избраніи Саула и что она по всѣмъ признакамъ должна была произойти раньше столкновенія съ филистимлянами, это выше всякаго сомнѣнія. Самуилъ въ рѣчи, обращенной къ народу въ Галгалѣ, напомнивъ евреямъ, что ихъ неоднократно Богъ спасалъ отъ враговъ чрезъ судей, продолжалъ: „но увидѣвъ, что Наасъ, царь аммонитскій идетъ противъ васъ, вы сказали мнѣ: нѣтъ, царь пусть царствуетъ надъ нами“. Ясно, что ближайшимъ, наиболѣе принудительнымъ и острымъ побужденіемъ къ избранію царя было враждебное движеніе аммонитянъ. Хотя филистимляне и тѣснили евреевъ съ запада, но тѣснили медленно, осторожно, вѣроятно разсчитывая нанести рѣшительный ударъ при какомъ-нибудь особенно благопріятномъ случаѣ. И пока евреи считали себя безопасными съ востока, захваты филистимлянъ не могли привести ихъ въ отчаяніе; потому что восточная часть еврейской земли никогда не была доступна филистимлянамъ. Евреи обыкновенно при нашествіяхъ съ запада укрывались сюда, здѣсь собирались съ силами и отбрасывали назадъ своихъ западныхъ враговъ. Неудивительно поэтому, что при первыхъ враждебныхъ попыткахъ аммонитянъ, грозившихъ отнять у евреевъ послѣднее убѣжище независимости, евреи пришли въ ужасъ, и ихъ ни-

чѣмъ нельзя было отклонить отъ мысли объ избраніи царя. Аммонитяне съ своей стороны, зная стѣсненное положеніе евреевъ на западѣ, не могли медлить, рѣшились воспользоваться благопріятными обстоятельствами, и такимъ образомъ произошла первая война евреевъ въ царствованіе Саула—война съ аммонитянами.

Обстоятельства этой войны какъ нельзя болѣе благопріятствовали Саулу выдвинуться изъ среды своихъ сограждан, въ которой онъ казался до сихъ поръ какъ бы затерянным, обратить взоры всѣхъ на себя и стать на ту высоту, на которой подобаетъ быть главѣ народа. Наасъ, царь аммонитскій сдѣлалъ рѣшительный натискъ на заіорданскихъ евреевъ и осадилъ крѣпость, Іависъ Галаадскій. Мѣстные евреи оказались безсильными протигъ него, и осажденнымъ неизбѣжно было рано или поздно сдаться. Но когда они дали знать Наасу, что они согласны ему покориться, то Наасъ въ упоеніи своего могущества предъявилъ имъ варварское условіе: выколоть правый глазъ у всѣхъ побѣжденныхъ, I. Флавій, не желая повидимому предполагать въ этомъ совершенно безцѣльную жестокость, думаетъ, что лишая евреевъ праваго глаза, Наасъ хотѣлъ сдѣлать ихъ неспособными къ войнѣ, такъ какъ при употребленіи щита (который былъ необходимой принадлежностью древнихъ воиновъ) только правымъ глазомъ можно было удобно смотрѣть впередъ, а лѣвый обыкновенно загораживался щитомъ [1]). Но въ Библіи говорится опредѣленно, что Наасъ желалъ „положить этимъ безчестіе на всего Израиля“. Униженіе побѣжденыхъ болѣе или менѣе чувствительное было всегда въ обычаѣ, и если мы впослѣдствіи видимъ примѣры, что побѣжденное войско заставляли производить нѣкоторыя дѣйствія, унижавшія его нравтвенно, но не причинявшія людямъ никакой физической боли, не уродовавшія ихъ; то это означало только смягченіе старыхъ грубыхъ нравовъ. Въ древнѣйшія же времена, къ которымъ относится наша исторія, люди хотя и понимали нравственное униженіе, но они не могли имъ, какъ и всѣмъ отвлеченнымъ, удовольствоваться; оно казалось имъ мало осязательнымъ, и они непремѣнно сопровождали его физи-

[1]) Antiqu. Lib. VI. 5. 1. Opera. Edit. Ambrosii Firmin Didot. 1845.

ческимъ страданіемъ, тѣлеснымъ изуродованіемъ. Такимъ образомъ, что для новѣйшихъ побѣдителей было преклоненіе знаменъ побѣжденнаго войска предъ знаменами побѣдившаго и другія подобныя дѣйствія, то для Нааса—возмутительная операція, изувѣченіе массы побѣжденныхъ людей. Тѣмъ не менѣе условіе Нааса показалось слишкомъ жестокимъ даже для тогдашнихъ людей. Когда посланные изъ Іависа пришли съ просьбою о помощи къ своимъ соотечественникамъ по сю сторону Іордана и объяснили свое положеніе, то, сказано, „весь народъ поднялъ вопль и заплакалъ". Царь же евреевъ въ это время еще пахалъ землю, и посланные изъ Іависа не застали дома оригинальнаго царя. Саулъ спокойно шелъ съ поля позади своихъ воловъ, и вдругъ слышитъ народный вопль. Онъ спрашиваетъ въ недоумѣніи: что сдѣлалось съ народомъ? Тутъ уже ему и объяснили, въ чемъ дѣло. Тогда, сказано, сошелъ Духъ Божій на Саула... и сильно воспламенился гнѣвъ его. И взялъ пару воловъ, и разсѣкъ ихъ на части и послалъ во всѣ предѣлы Израильскіе и велѣлъ сказать: такъ будетъ поступлено съ волами того, кто не пойдетъ вслѣдъ Саула и Самуила. И напалъ страхъ Господень на народъ, и выступили всѣ какъ одинъ человѣкъ... Съ одной стороны Саулъ прибѣгнулъ къ весьма энергическому способу обнародованія своей воли, потому что, какъ мы замѣтили сейчасъ, древнему человѣку для уразумѣнія всякой мысли, для полнаго усвоенія ея необходимъ былъ болѣе или менѣе яркій образъ: еврей, еще не испытавшій, что такое царская власть, только тогда могъ вполнѣ постигнуть ея значеніе, когда ему сказали, что за неповиновеніе царю онъ лишится вола, самаго дорогаго предмета въ хозяйствѣ, и при этомъ показали для наглядности кусокъ разрубленнаго вола. Съ другой стороны и самъ народъ былъ въ сильномъ возбужденіи и страхѣ вслѣдствіе полученнаго извѣстія о варварствѣ Нааса; не было мѣста ни сомнѣнію, ни зависти, у всѣхъ было одно желаніе—идти противъ ненавистнаго врага. Такимъ образомъ и вышло, что земледѣлецъ Саулъ бывшій царемъ пока только по имени, безъ труда сдѣлался царемъ и на самомъ дѣлѣ; потому что волны народныя устремились теперь къ нему, какъ къ естественому и законному средоточію;

онъ сталъ во главѣ народнаго движенія, и въ его рукахъ очутились невидимыя, но крѣпкія бразды правленія. Благодаря необычайному одушевленію народа, собралось громадное ополченіе, и война окончилась скоро и счастливо. Устроивъ войско въ сборномъ пунктѣ, въ Везекѣ [1]), Саулъ двинулся въ походъ. Все сдѣлалось такъ быстро, что аммонитяне не успѣли получить никакого извѣстія объ опасности; жители же Іависа, извѣщенные, что въ такой-то день они будутъ спасены, усыпили бдительность враговъ, объявивъ имъ, что они, не получивъ ожидаемой помощи, завтра же сдадутся. Но въ утро этого вожделѣннаго для аммонитянъ дня, еще прежде полнаго разсвѣта, войско Саула съ трехъ сторонъ кинулось на лагерь аммонитянъ. Самъ Саулъ съ среднимъ отрядомъ врѣзался въ средину стана. Пораженные внезапностію и страхомъ аммонитяне не могли оказать значительнаго сопротивленія и быстро разсѣялись, такъ что, говорится, не осталось изъ нихъ и двоихъ вмѣстѣ. Жители Іависа навсегда сохранили благодарность къ Саулу, какъ это увидимъ ниже. Важнѣе же всего было то, что всѣ евреи избавились отъ опасности съ востока, которая грозила конечной гибелью въ соединеніи съ гнетомъ съ запада отъ могущественныхъ филистимлянъ. Народъ былъ въ восторгѣ и потребовалъ казни тѣхъ, которые обнаружили презрѣніе къ Саулу при нареченіи его царемъ. Но Саулъ самъ былъ въ такомъ восторгѣ, что забылъ оскорбленіе и объявилъ, что въ такой радостный день никого не должно казнить.

Пользуясь такимъ благопріятнымъ настроеніемъ народа, Самуилъ рѣшился приступить къ тому, что еще оставалось сдѣлать для окончательнаго утвержденія Саула на царствѣ. На первомъ собраніи въ Массифѣ онъ хотя и поставилъ Саула царемъ, но видимо не устранился отъ дѣлъ, не сложилъ съ себя торжественно правъ судіи, которыя по существу дѣла должны были перейти къ царю. Побужденіемъ къ этому могло послужить то важное обстоятельство, что повидимому поспѣшно созванное собраніе въ Массифѣ (а не въ Галгалѣ, считавшемся тогда наи-

[1]) Мѣстность въ колѣнѣ Иссахаровомъ, недалеко отъ Іордана, какъ разъ напротивъ Іависа Галаадскаго.

болѣе священнымъ мѣстомъ, въ которомъ обыкновенно рѣшались самыя важныя государственныя дѣла) не было полнымъ, всенароднымъ собраніемъ; за-іорданскіе, напр., евреи по всей вѣроятности совсѣмъ не приходили сюда вслѣдствіе угрожающаго положенія, принятаго аммонитянами. Еще важнѣе было то, что Саулъ встрѣтилъ противодѣйствіе. Этимъ объясняется и самая форма приглашенія на собраніе: „пойдемъ, сказалъ Самуилъ народу, въ Галгалъ и *обновимъ* тамъ царство". Здѣсь очевидно имѣлось въ виду уничтожить дѣйствіе оппозиціи, которая роняла авторитетъ Саула и дѣлала царство непрочнымъ. Такимъ образомъ въ Галгалѣ [1]) составилось настоящее всенародное собраніе, на которомъ присутствовали многочисленные представители отъ всѣхъ колѣнъ Израиля. „И поставили, сказано, тамъ Саула царемъ предъ Господомъ и совершили тамъ благодарственныя жертвы предъ Господомъ". По тексту 70-ти Саулъ здѣсь былъ вторично помазанъ священнымъ елеемъ (въ первый разъ былъ помазанъ Самуиломъ тайно). Это подтверждаетъ и І. Флавій [2]). Народъ, такъ сказать, принесъ новую присягу, и затѣмъ всѣ предались праздничному веселью. Самуилъ, подвергнувъ себя всенародному суду, сдалъ свою судейскую власть, которая всецѣло перешла къ царю. „Вотъ я, говорилъ Самуилъ, послушался голоса вашего во всемъ, что вы говорили мнѣ, и поставилъ надъ вами царя. И вотъ царь ходитъ передъ вами. А я состарѣлся и посѣдѣлъ; и сыновья мои съ вами. Я же ходилъ предъ вами отъ юности моей и до сего дня. Вотъ я; свидѣтельствуйте на меня предъ Господомъ и предъ помазанникомъ его, у кого взялъ я вола, у кого взялъ осла, кого обидѣлъ и кого притѣснилъ, у кого взялъ даръ и закрылъ въ дѣлѣ его глаза мои,—и я возвращу вамъ". Онъ какъ бы такъ говорилъ: я нѣкогда имѣлъ надъ вами внѣшнюю власть, но добровольно уступилъ ее другому лицу по вашему желанію. Припомните же, какова была эта власть,

---

1- Галгалъ—въ колѣнѣ Веніаминовомъ близъ Іордана. Для разрозненыхъ и отчасти соперничествовавшихъ колѣнъ онъ служилъ какъ бы нейтральною почвою, которая была освящена подвигами великаго общаго вождя ихъ, І. Навина.

2- Antiqu. Lib. VI. 5. 4.

злоупотреблялъ ли я ею? Вотъ сыновья мои предъ вами, которымъ я вручилъ было власть, но которые оскорбили васъ несправедливостію. Теперь они лишены всякаго значенія и безвредны для васъ. Что же касается меня, то можете ли упрекнуть меня въ томъ же, въ чемъ имѣли право упрекнуть ихъ? „Нѣтъ отвѣчалъ народъ, ты не обижалъ насъ и не притѣснялъ и ничего ни у кого не взялъ“.... Этотъ судъ былъ поучителенъ для новой власти, возникшей надъ народомъ и имѣвшей предъ собою дурные образцы у другихъ народовъ. Но переставши быть судіею, Самуилъ не переставалъ быть пророкомъ Божіимъ, который имѣетъ нравственную власть надъ народомъ и надъ самимъ царемъ. Орудіемъ этой власти служитъ не физическая сила, не мечъ, а сильное слово, подкрѣпляемое, когда нужно, знаменіями и чудесами. Самуилъ счелъ теперь приличнымъ внушительно обнаружить предъ народомъ свой пророческій авторитетъ, чтобы онъ не забылся, не заслонился блескомъ царской власти. Когда царское правленіе стало уже совершившимся фактомъ, Самуилъ еще разъ рѣшился выяснить для народнаго сознанія значеніе этого факта, чтобы народъ понялъ вполнѣ, что такое *собственно* онъ сдѣлалъ, какія послѣдствія возможны изъ того, что сдѣлано безвозвратно, и чѣмъ можно предотвратить неблагопріятныя изъ нихъ. Несмотря на первый блестящій результатъ царскаго правленія, послужившій поводомъ къ настоящему торжеству, Самуилъ строго обличаетъ и предостерегаетъ евреевъ; онъ держитъ рѣчь къ народу, сущность которой можетъ быть выражена слѣдующимъ образомъ: вы сдѣлали великое зло предъ очами Господа, испросивъ себѣ царя. Вы прежде жили безъ царя, и спасались неоднократно отъ враговъ своихъ по милости Бога, именно, когда не забывали Его; а потомъ вдругъ потребовали царя для защиты отъ враговъ. Какъ будто царь самъ по себѣ можетъ спасти васъ! Вы обнаружили маловѣріе, упованіе больше на внѣшнюю силу, на копье и мечъ, а не на силу правды и добра. Знайте же, что какъ безъ царя вы спасались отъ враговъ только потому и только тогда, когда не уклонялись отъ Господа и служили ему отъ всего сердца вашего, такъ точно и при царѣ будетъ. Царская власть безсильна спасти васъ, какъ скоро въ васъ

самихъ не будетъ внутренней нравственной силы. Если вы и царь вашъ будете ходить въ слѣдъ Господа Бога вашего, то васъ не постигнетъ зло; если же станете противиться повелѣніямъ Господа, то, будьте увѣрены, погибнете вы и царь вашъ. Что все, сказанное мною, справедливо, Господь подтвердитъ знаменіемъ. Смотрите, теперь время бездождія; но по моей молитвѣ Богъ дастъ громъ и дождь.... И въ самомъ дѣлѣ, въ совершенно необычное время [1]) поднялась гроза; народъ пришелъ въ ужасъ и просилъ Самуила: „помолись о насъ Богу, чтобы мы не погибли; мы видимъ, что дѣйствительно сдѣлали зло". Самуилъ успокоилъ народъ, сказавъ, что средство спастись у нихъ—одно и тоже, какъ прежде, такъ и теперь: не уклоняться отъ Іеговы, служить ему всѣмъ сердцемъ и не впадать въ идолопоклонство. Что же касается меня, говорилъ онъ, то я отнюдь не сдѣлаю грѣха сего, чтобы перестать молиться о васъ и указывать вамъ добрый и прямой путь... Такъ разстался съ народомъ еврейскимъ его послѣдній и величайшій судія. И надо сознаться, что какъ ни плохи были внѣшнія обстоятельства евреевъ подъ старость Самуила, однако они, помня его прежнія великія дѣла, не должны бы были приходить въ отчаяніе и хвататься за обоюдуострое оружіе. Но малодушіе народа было такъ велико, а Самуилу оставалась жить такъ мало, что уступка народному желанію явилась необходимою. Она требовалась еще педагогическими цѣлями Провидѣнія, изъ которыхъ первою могла быть: вознести народъ на высшую степень внѣшняго, политическаго могущества (а этого народъ всего легче могъ достигнуть при царскомъ управленіи) и затѣмъ въ неизбѣжномъ паденіи показать, что истинное, негибнущее величіе и могущество обусловливается только нравственнымъ совершенствомъ.

Побѣда надъ аммонитянами дала евреямъ на нѣкоторое время относительное спокойствіе. Но Саулъ готовился къ новой борьбѣ, потому что притѣсненія отъ фи-

---

[1]) Это было время жатвы пшеницы. 1 Цар. 12, 17. Жатва пшеницы въ Палестинѣ происходила въ маѣ мѣсяцѣ. Дожди тамъ бываютъ только зимой; съ половины же апрѣля до конца октября стоитъ засуха.

листимлянъ становились невыносимы. Во второй годъ царствованія онъ имѣлъ уже три тысячи постояннаго войска [1]), изъ котораго двѣ тысячи держалъ при себѣ въ Михмасѣ и на возвышенности Веѳильской—укрѣпленныхъ пунктахъ, защищавшихъ сѣверозападную часть земли, не подпавшую еще подъ власть филистимлянъ,—и одну тысячу поручилъ сыну своему Іонаѳану защищать свою резиденцію, Гиву Веніаминову, которая лежала уже въ области филистимскихъ захватовъ, и въ ней (или вблизи ея, какъ можно думать во избѣжаніе противорѣчія между 2 и 3 ст. гл. 13) [2]) находился наблюдательный филистимскій отрядъ. Этотъ передовой постъ филистимскаго господства подъ самыми стѣнами царской резиденціи не могъ не возбуждать озлобленія въ евреяхъ. Неизвѣстно, въ которомъ году царствованія Саула, можетъ быть въ томъ же второмъ, Іонаѳанъ, улучивъ благопріятный моментъ, бросился на филистимлянъ и побилъ ихъ. Это послужило поводомъ къ формальной и опасной войнѣ съ филистимлянами. Саулъ велѣлъ трубить тревогу по всей землѣ, а самъ немедленно отправился въ священный Галгалъ, куда долженъ былъ стекаться народъ по обычаю и гдѣ слѣдовало совершить

---

[1]) До этого времени у евреевъ никогда не было постояннаго войска; всякій разъ, когда нужно было воевать, собиралось ополченіе.

[2]) По смыслу этихъ стиховъ выходитъ, что какъ будто и отрядъ филистимскій и войско Іонаѳана нѣкоторое время мирно жили въ одной и той же Гивѣ, что̀ допустить трудно. Во избѣжаніе этого противорѣчія Langhans думаетъ, что въ Гивѣ находился не охранный отрядъ филистимлянъ, а просто былъ поставленъ столбъ, какъ знакъ филистимскаго господства, и что это ненавистное сооруженіе и разрушилъ Іонаѳанъ и тѣмъ раздражилъ филистимлянъ. Handb. d. bibl. Gesch. u. Litter. Th. I. s. 105. Дѣйствительно נְצִיב иногда значитъ: столбъ, статуя, напр., Быт. 19, 26 נְצִיב מֶלַח соляной столбъ. Болѣе основательною представляется догадка Эвальда, которой думаетъ, что въ Гивѣ находился чиновникъ филистимскій или приставникъ, сборщихъ податей съ евреевъ, какъ данниковъ филистимлянъ, и что этого приставника и убилъ Іонаѳанъ. Въ самомъ дѣлѣ слово נְצִיב значитъ и приставникъ напр., 3 Цар. 4, 19. Gesch. d. Volk. Isr. B. 3. s. 41. Но и это толкованіе допустить трудно. Филистимскій приставникъ не могъ жить одинъ среди евреевъ хотя бы безъ малаго отряда воиновъ, и отрядъ этотъ не могъ оставаться ни одной минуты въ Гивѣ по вступленіи въ нее Іонаѳана.

нѣкоторые религіозные обряды предъ выступленіемъ въ походъ. Филистимляне озлобились, собрали громадное ополченіе, вооруженное по-тогдашнему наилучшимъ образомъ, такъ какъ большую часть войска составляли колесничники и всадники, и заняли оставленную Сауломъ позицію въ Михмасѣ. Что же касается евреевъ, то они были далеко не въ такомъ счастливомъ настроеніи, какъ предъ войною съ аммонитянами. Потому ли, что война была начата не по единодушному взрыву народнаго чувства, а по личнымъ соображеніямъ царя, или потому, что громъ желѣзнаго оружія филистимлянъ наводилъ паническій страхъ на евреевъ,—вышло такъ, что евреи упали духомъ: только часть ихъ послѣдовала за Сауломъ въ Галгалъ, а наибольшая масса спряталась въ пещеры, въ терновые кустарники, въ ущелія горъ, въ башни и въ ямы; многіе бросились за Іорданъ, въ землю Гадову и Галаадъ. Между тѣмъ лично съ Сауломъ произошло нѣчто еще худшее: произошелъ открытый разрывъ между представителемъ новой власти и стражемъ религіозной и общественной (на строго-ѳеократическихъ началахъ) жизни—между Сауломъ и Самуиломъ. Этотъ разрывъ былъ гибеленъ для Саула; потому что доброе согласіе съ Самуиломъ было въ такой же мѣрѣ необходимо для благополучія его царствованія, въ какой необходимо было участіе Самуила при его воцареніи. Какъ и по какому поводу произошло это печальное событіе? Саулъ долженъ былъ ожидать Самуила въ Галгалѣ 7 дней, по истеченіи которыхъ Самуилъ имѣлъ прійти туда, принести обычныя жертвы и благословить царя и войско на войну. Но мы видѣли, въ какомъ страхѣ были всѣ евреи предъ филистимлянами: даже и тѣ, наиболѣе храбрые, которые послѣдовали за Сауломъ въ Галгалъ, начали разбѣгаться. Положеніе становилось, повидимому, опаснымъ. Но Саулъ тѣмъ не менѣе продолжалъ ждать. Наступилъ 7-й день; Самуила нѣтъ. Тогда Саулъ рѣшилъ не ждать болѣе ни часу, и такъ какъ безъ молитвы всетаки не хотѣлъ выступить въ походъ, то началъ *самолично* приносить жертву [1]). Но вдругъ является

[1]) Цар. 13, 9. „И безъ священника. Новая погрѣшность“—замѣчаетъ Филаретъ. Церковно-библейская исторія. Тоже думаетъ и Эвальдъ, Указ. соч. B. 3. s. 57.

Самуилъ, упрекаетъ его въ неповиновеніи и изрекаетъ судъ: „теперь не устоять царствованію твоему: Господь найдетъ себѣ мужа по сердцу своему и повелитъ ему Господь быть вождемъ народа Своего; такъ какъ ты не исполнилъ того, что было повелѣно тебѣ Господомъ“.... Библейскій разсказъ кратокъ, передаетъ одни голые факты и можетъ привести въ недоумѣніе. Какъ?—такой страшный судъ: лишеніе потомственнаго престолонаслѣдія! И за что же? За то, что не исполнена какая-то формальность въ виду безспорно тѣсныхъ, угрожающихъ обстоятельствъ. По первому впечатлѣнію не представляется ли Самуилъ слишкомъ придирчивымъ, а Саулъ почти или совсѣмъ невиновнымъ? Дѣйствительно, на поверхностный взглядъ представляется такъ, и раціоналисты пользуются этимъ разсказомъ посвоему, чтобы подкрѣпить свой, какъ имъ кажется, оригинальный взглядъ на исторію евреевъ. Одинъ популяризаторъ раціоналистическихъ взглядовъ, Альмъ, имѣя въ виду это событіе, говоритъ, что Саулъ, этотъ, по его мнѣнію, благородный и сильный характеръ, далеко лучшій, чѣмъ излюбленный Давидъ, былъ настолько смѣлъ, что имѣлъ собственныя мнѣнія предъ лицомъ Самуила, этою самостоятельностію съ самаго начала навлекъ на себя ненависть пророка[1]). Бросать грязью въ возвышенныя библейскія личности и идеализировать людей, по прямому смыслу библейскихъ сказаній далеко небезупречныхъ, у Альма составляетъ задачу, которую онъ преслѣдуетъ съ усердіемъ, достойнымъ лучшаго дѣла. Оставимъ его восхищаться Сауломъ и унижать Самуила, и разсмотримъ обстоятельно фактъ перваго печальнаго столкновенія Саула съ Самуиломъ. Прежде чѣмъ открыть военныя дѣйствія, Саулъ долженъ былъ ждать Самуила 7 дней. Что это за условіе? Какое его происхожденіе и смыслъ [2])? Филаретъ, обращая вниманіе на про-

---

[1]- Theologish. Briefe. Leipz. 1862. B. 1. s. 371.

[2]) Вышеупомянутаго Альма здѣсь интересуетъ только число 7, и онъ, додумавшись еще ранѣе, что Самуилъ былъ идолопоклонникъ, какъ и всѣ де евреи до временъ послѣ плѣна вавилонскаго, утверждаетъ, что число 7 служитъ здѣсь доказательствомъ усилій Самуила утвердить въ евреяхъ почитаніе Сатурна (7-я планета)... Тамъ же, стр. 373. Поистинѣ, новѣйшіе якобы свободные мыслители поступаютъ

исхожденіе разсматриваемаго условія, замѣчаетъ: „нѣкоторые думаютъ, что такое наставленіе дано было Саулу однажды на всѣ важные случаи (имѣется въ виду повелѣніе, данное Саулу послѣ тайнаго помазанія); иные—что на сей случай онъ имѣлъ особое повелѣніе“ [1]). Было ли на этотъ случай особое повелѣніе,—это конечно чистое предположеніе; но что было повелѣніе въ этомъ смыслѣ на всѣ важные случаи,—это болѣе. чѣмъ простое предположеніе. Мы имѣемъ предъ собой 8 ст. 10 гл. 1 Цар., который въ томъ видѣ, какъ онъ обыкновенно читается въ переводахъ, представляется страннымъ, не имѣющимъ связи ни съ предыдущимъ ни съ послѣдующимъ, и который при надлежащемъ пониманіи его заключаетъ въ себѣ искомое повелѣніе. Нѣтъ никакого основанія не принять объясненіе этого стиха, данное лучшимъ изъ инославныхъ толкователей свящ. текста, Кейлемъ. Стихъ этотъ читается такъ: „и ты пойди прежде меня въ Галгалъ, куда и я прійду къ тебѣ.... Седмь дней жди, доколѣ я не прійду къ тебѣ, и тогда укажу что тебѣ дѣлать“. По этому чтенію представляется, что Самуилъ велѣлъ Саулу тотчасъ послѣ тайнаго помазанія идти въ Галгалъ и тамъ ждать его. Но такой частный характеръ повелѣнія рѣшительно не вяжется ни съ предыдущимъ, ни съ послѣдующимъ, какъ думаетъ Кейль и какъ это для всякаго ясно. Въ ст. 7-мъ сказано: „когда эти знаменія сбудутся, тогда дѣлай, что можетъ рука твоя; ибо съ тобою Богъ“. Этими словами Самуилъ предоставлялъ Саулу полную свободу дѣйствій, и если бы въ ст. 8-мъ слѣдовало повелѣніе сейчасъ же идти въ Галгалъ, то этимъ уничтожался бы смыслъ 7-го стиха. Съ другой стороны нужно бы было ожидать, что Саулъ пойдетъ въ Галгалъ и Самуилъ прійдетъ туда для какого-то важнаго дѣла; между тѣмъ ничего подобнаго не случилось, —Самуилъ созвалъ народное собраніе въ Массифѣ (ст. 17),

---

совершенно такъ же, какъ нѣкогда обращались съ свящ. текстомъ книжники-раввины, которые, не обращая внимая на общій смыслъ и духъ Писанія, упражняли свое остроуміе только надъ отдѣльными фразами и словами и находили такимъ образомъ подтвержденіе своимъ самымъ чудовищнымъ теоріямъ.

[1]) Начертаніе Церковно-библ. исторіи. Изд. 7-е 1840 г. стр. 224.

затѣмъ послѣдовала война съ аммонитянами. Если бы кто-нибудь съ точки зрѣнія раціоналистовъ на свящ. текстъ сказалъ, что сдѣланы пропуски и передъ 8-мъ стихомъ и послѣ него, то онъ долженъ бы былъ въ тоже время допустить, что свящ. повѣствователь (или собиратель записей, какъ выражаются раціоналисты) лишенъ былъ способностей самаго посредственнаго разсказчика, даже болѣе —не обладалъ простымъ здравымъ смысломъ, если онъ такъ механически записывалъ, совершенно не думая о содержаніи того, что записываетъ. Но кто же съ этимъ согласится? Гораздо лучше устраняется затрудненіе тѣмъ пониманіемъ 8-го стиха, какое устанавливаетъ Кейль; онъ видитъ въ немъ условный смыслъ: когда Саулъ пойдетъ въ Галгалъ, то онъ долженъ тамъ ждать Самуила [1]). При такомъ пониманіи 8-й ст. не противорѣчитъ 7-му и не нуждается въ связи съ тѣмъ, что изложено въ послѣдующихъ стихахъ. Кейль думаетъ, что выраженное въ ст. 8-мъ требованіе имѣло частный характеръ, относилось къ тому, что̀ долженъ былъ дѣлать Саулъ именно передъ войною съ филистимлянами. Онъ предполагаетъ, что во̀ время уединенныхъ бесѣдъ Самуила съ Сауломъ (9, 25) была рѣчь о неизбѣжной войнѣ съ филистимлянами и при разставаніи Самуилъ напомнилъ Саулу объ этомъ, указалъ на Галгалъ, какъ на мѣсто собранія и взялъ съ Саула обязательство ждать его тамъ до 7 дней. Но кажется лучше думать, что требованіе, выраженное въ 8-мъ ст., имѣло общій характеръ, относилось ко всѣмъ случаямъ общегосударственной важности, когда требовалось народное собраніе и торжественное приготовленіе къ предпріятію [2]). При такомъ пониманіи пришлось бы допустить только самое легкое измѣненіе въ чтеніи 8-го стиха: и ты ходи (вмѣсто: иди)

---

[1]) Biblischer Commentar üder d. Alt. Testament. Leipz. 1864. B. 2. Die Bücher Samuels. s. 75. Кейль пытается обосновать такое пониманіе и на филологическихъ соображеніяхъ; но послѣднія едвали могутъ имѣть рѣшающее значеніе, такъ какъ грамматика еврейскаго языка слишкомъ, такъ сказать, эмпирична и въ данномъ по крайней мѣрѣ мѣстѣ не можетъ дать солидныхъ основаній для положительнаго вывода.

[2]) Кейль хотя и не принимаетъ такого объясненія, но и не отрицаетъ его совершенно. Стр. 77.

въ Галгалъ, куда и я буду приходить (вмѣсто: прійду).... и тогда буду указывать (вмѣсто: укажу) что тебѣ дѣлать. Трудно допустить, чтобы Самуилъ сталъ дѣлать опредѣленныя указанія относительно войны съ филистимлянами, когда Саулъ еще не былъ представленъ народу и принятъ имъ, какъ царь. Гораздо естественнѣе предположить, что Салуилъ дѣлалъ общія указанія, какъ Саулъ, послѣ того какъ утвердится на престолѣ, долженъ будетъ поступать въ наиболѣе важныхъ обстоятельствахъ. Какъ бы то ни было, но мы видимъ. что требованіе Самуила ждать его въ Галгалѣ 7 дней, существовало. Очевидно оно имѣло глубокій смыслъ и для Саула, и для Самуила, какъ представителей двухъ началъ общественной жизни. Саулъ сталъ царемъ въ государствѣ, основы котораго были чисто ѳеократическія, т. е., всѣ жизненныя отправленія этого государства опредѣлялись неизмѣннымъ божественнымъ закономъ, обычаемъ, воспитаннымь или освященнымъ этимъ закономъ, и авторитетомъ пророческаго слова, которое указывало правильное примѣненіе закона къ жизни и въ случаѣ нужды давало новыя указанія, недостающія въ законѣ. Никакимъ образомъ Саулъ не могъ мыслить себя абсолютнымъ монархомъ. Онъ не захватилъ власть силою, не завоевалъ ее мечемъ и потому не могъ пользоваться ею по произволу; онъ долженъ былъ имѣть ея столько, сколько было дано. Его положеніе было аналогично съ положеніемъ конституціоннаго монарха. Какъ послѣдній не можетъ мыслить себя выше конституціи, такъ и Саулъ не могъ не сообразовать свое поведеніе съ основами ѳеократіи, которыя должны были остаться неприкосновенными и при царскомъ правленіи. Кромѣ извѣстныхъ намъ изрѣченій закона, которыми опредѣлялся, такъ сказать, типъ еврейскаго царя на случай, если бы онъ оказался у евреевъ, Саулъ имѣлъ предъ собою еще хартію, безъ сомнѣнія болѣе подробно опредѣлявшую его права и обязанности. Мы разумѣемъ тѣ „права царства“, которыя Самуилъ изложилъ предъ народомъ и царемъ въ Массифѣ, написалъ въ книгу и положилъ предъ Господомъ. Если этотъ документъ не сохранился для потомства, то это потому, что онъ легко могъ быть уничтоженъ царями, большинству которыхъ онъ не могъ нравиться; самъ же Саулъ могъ

уничтожить его послѣ полнаго разрыва съ Самуиломъ въ одинъ изъ припадковъ бѣшенства. Хотя содержаніе этого документа намъ неизвѣстно, но имѣя въ виду то, что царская власть въ древности заключала въ себѣ опаснаго вообще, что Самуилъ старался поставить на видъ народу, когда усиливался отклонить его отъ мысли объ царѣ,—мы можемъ смѣло заключить, что въ этомъ документѣ весьма видное мѣсто было отведено постановленіямъ, клонившимся къ ограниченію возможнаго произвола царской власти, обезпечивавшимъ права священства и нѣкоторыя льготы всѣхъ вообще подданныхъ, вытекавшія изъ божественнаго закона и освященныя обычаемъ. Можетъ быть сюда же было включено и условіе: во всѣхъ случаяхъ общегосударственной важности обращаться къ Богу чрезъ пророка Божія, котораго слѣдовало ожидать 7 дней. А если такъ, то Саулъ, не дождавшись Самуила въ Галгалѣ для жертвоприношенія, нарушилъ не пустую формальность, а посягнулъ на неприкосновенность одного изъ органическихъ законовъ, предназначенныхъ поддерживать равновѣсіе между ѳеократіею и монархіею. Самуилъ, стоявшій на стражѣ ѳеократіи, боявшійся болѣе всего, чтобы царь еврейскій не сдѣлался такимъ же деспотомъ, какими были многіе языческіе цари, не могъ оставить безъ энергическаго протеста поступокъ Саула, явно обнаружившій уже въ первомъ царѣ опасное поползновеніе къ самовластію. Если бы, напр., сѣверо-американцы по какому-нибудь случаю принуждены были преобразить своего президента въ конституціоннаго монарха; то мы легко можемъ вообразить, какую бы бурю они подняли, если бы ихъ новый монархъ какъ-нибудь соблазнился посягнуть на одинъ изъ параграфовъ конституціи. Не сказали ли бы они ему, подобно Самуилу: долой съ престола! Мы найдемъ себѣ человѣка по сердцу своему, который будетъ управлять нами и защищать нашу безопасность, а не угрожать ей.... Строгость Самуилова суда еще болѣе будетъ для насъ понятною, когда мы обратимъ вниманіе на частности Саулова поступка. То обстоятельство, что Саулъ ждалъ 7 дней и не захотѣлъ ждать нѣсколькихъ часовъ, не только не уменьшаетъ его вину, но и увеличиваетъ. Если бы онъ пересталъ ждать двумя или тремя днями ранѣе и выступилъ

въ походъ, то это можно бы было еще объяснить его убѣжденіемъ, что дольше ждать нельзя въ виду затруднительныхъ обстоятельствъ; но послѣ седмидневнаго ожиданія нежеланіе подождать еще нѣсколько часовъ показывало, что Саулъ дѣйствовалъ подъ вліяніемъ раздраженія, что онъ хотѣлъ какъ бы наказать пророка за его медлительность и неаккуратность. Кромѣ того Саулъ осмѣлился самолично приносить жертву, на что онъ не имѣлъ ни малѣйшаго права. Это произволъ, ничѣмъ не оправдываемый. Уронивши авторитетъ пророка, Саулъ шагнулъ далѣе—нарушилъ божественный законъ, предоставившій священнодѣйствіе лицамъ, особо на то поставленнымъ. Могъ ли поэтому Самуилъ не прійти въ ужасъ отъ тѣхъ послѣдствій, какія неизбѣжно имѣли произойти изъ поведенія новоизбраннаго царя на самыхъ первыхъ порахъ его царствованія? По всей справедливости онъ долженъ былъ принять всѣ мѣры къ устраненію зла, и первою изъ нихъ была пока угроза лишить потомство Саула правъ на престолъ, такъ какъ онъ имѣлъ оставить своему потомству примѣръ дурнаго царствованія, враждебнаго ѳеократическому строю народной жизни. Угроза эта подтвердилась впослѣдствіи самымъ дѣломъ—помазаніемъ новаго царя, когда Саулъ не только не исправилъ свое поведеніе, но и съ большею силою обнаружилъ строптивыя наклонности. Теперь же обстоятельства заставляли оставить Саула въ покоѣ, предоставивъ ему дѣлать то, что предписывали ему долгъ и совѣсть. Самуилъ удалился, не желая оставаться съ Сауломъ, а Саулъ поспѣшилъ противъ филистимлянъ.

Когда Саулъ пришелъ въ Гиву, ближайшій къ непріятельскому войску укрѣпленный пунктъ, то у него оказалось только около 600 воиновъ, вооруженныхъ первобытнымъ способомъ. Мечи были только у самого Саула и у его сына Іонаѳана. Между тѣмъ филистимляне, стоявшіе въ Михмасѣ, не ожидая нападенія горсти евреевъ и сами не предпринимая атаки на нихъ, рѣшились по тогдашнему обычаю войны разгромить и опустошить области, лишенныя защиты. Изъ общаго стана выдѣлились три отряда и по разнымъ направленіямъ двинулись чрезъ колѣно Веніаминово, опустошая его; такъ какъ на него были особенно озлоблены филистимляне за то, что оно именно

съ своимъ царемъ противостало имъ. Вслѣдствіе этого, однако, сила филистимлянъ въ Михмасѣ была значительно ослаблена. Для наблюденія за непріятелемъ ихъ сторожевой отрядъ придвинулся къ долинѣ, отдѣлявшей михмасскую позицію отъ Гивы. Нужно сказать, что эта долина дѣлала почти невозможнымъ нападеніе ни съ которой стороны и всего менѣе со стороны филистимлянъ, главную силу которыхъ составляла конница. Долина ограничивалась съ обѣихъ сторонъ почти отвѣсно стоящими скалами, неприступными не только для конницы, но и для пѣхоты, и въ одномъ мѣстѣ сходившимися такъ близко, что между ними оставалось очень узкое ущелье. Послѣднее обстоятельство породило въ головѣ отважнаго Іонаѳана смѣлую мысль. Филистимляне были вполнѣ увѣрены въ своей безопасности; Саулъ при ничтожности своихъ силъ не предпринималъ ничего съ своей стороны. Но его положеніе сдѣлалось бы въ высшей степени опаснымъ, если бы филистимскіе отряды, отдѣлившіеся для грабежа, возвратились и, обойдя долину, ударили на него соединенными силами. Іонаѳанъ безъ вѣдома отца отважился на предпріятіе, результаты котораго превзошли всѣ ожиданія. Въ сопровожденіи одного своего вѣрнаго храбраго оруженосца онъ рѣшился сдѣлать неожиданное нападеніе на филистимлянъ и посмотрѣть, что изъ этого выйдетъ. Трудность перехода не страшила его; напротивъ она содѣйствовала неожиданности его появленія предъ непріятелемъ. Для большаго обезпеченія успѣха онъ рѣшился предварительно вывѣдать настроеніе духа въ филистимскомъ отрядѣ. Онъ сказалъ оруженосцу: „перейдемъ къ нимъ и покажемся имъ. Если они скажутъ намъ такъ: пождите, пока мы подойдемъ къ вамъ,—то останемся на своемъ мѣстѣ и не пойдемъ къ нимъ; если же такъ скажутъ: идите къ намъ,—то пойдемъ, потому что Господь предалъ ихъ въ наши руки. Это будетъ для насъ знаменіемъ“. Это, какъ можно догадываться, означало вотъ что: если филистимляне, увидавшіе двоихъ евреевъ, скажутъ: пождите, мы подойдемъ къ вамъ; то этимъ они обнаружатъ свою тревогу, свою бдительность, желаніе посмотрѣть—одни они, или же за ними скрывается цѣлый отрядъ. Тогда Іонаѳану ничего не оставалось бы дѣлать, какъ удалиться. Если же филистимляне скажутъ: идите

къ намъ,—то это будетъ означать безпечно-веселое настроеніе непріятеля, воображающаго себя въ совершенной безопасности, настроеніе, всего легче переходящее въ панику при неожиданномъ нападеніи. Тогда Іонаѳанъ имѣлъ бы ручательство въ успѣхѣ. Когда онъ съ оруженосцемъ показался филистимлянамъ изъ-за скалы узкаго ущелья, послѣдніе начали шутить: „вонъ, говорили они, евреи выползаютъ изъ норъ, въ которыхъ скрывались... Подите къ намъ; мы вамъ нѣчто скажемъ". Очевидно филистимляне были въ веселомъ настроеніи; мысль объ опасности не приходила имъ въ голову, и они нисколько не встревожились при появленіи двухъ непріятелей. Тогда безстрашные евреи скрылись изъ глазъ филистимлянъ и поползли по выступамъ скалъ, цѣпляясь руками и ногами, сначала внизъ, въ ущелье, а потомъ вверхъ, на сторону непріятеля. Поднявшись изъ ущелья и скрываясь, благодаря неровности почвы, они очутились на разстояніи пращнаго удара отъ безпечныхъ филистимлянъ. Искусные пращники, какъ всѣ вообще веніаминяне, Іонаѳанъ и его оруженосецъ внезапно осыпали филистимлянъ дождемъ камней. Прежде чѣмъ послѣдніе могли опомниться, двадцать изъ нихъ лежали уже мертвые, и смертоносные удары продолжали сыпаться. Филистимляне пришли въ ужасъ и вообразивъ, что по безпечности они подпустили цѣлый отрядъ непріятеля, ударились въ дикое бѣгство, произвели страшный переполохъ въ лагерѣ при Михмасѣ, и паника овладѣла всѣми филистимлянами. Люди, имѣвшіе случай наблюдать панику, распространяющуюся въ толпѣ, не могутъ безъ удивленія говорить, какое безуміе овладѣваетъ перепуганными людьми. Поэтому мы не находимъ ничего невѣроятнаго въ словахъ дѣписателя, замѣтившаго, что филистимляне поднимали другъ на друга мечи. Случается нерѣдко, что во время дикаго бѣгства съ поля сраженія болѣе благоразумные и храбрые, желая остановить бѣгущихъ, обнажаютъ мечи; но бѣгущіе могутъ очищать себѣ путь тоже мечемъ, и такимъ образомъ свои своихъ побиваютъ. Смятенію и ужасу филистимлянъ содѣйствовало еще то обстоятельство, что въ ихъ войскѣ было много евреевъ, принужденныхъ противъ воли выйти на войну противъ своихъ соотечественниковъ. Эти евреи, ободренные благопріятнымъ оборотомъ дѣла, обнажили мечи противъ своихъ утѣснителей,

вооружившихъ ихъ этими мечами для истребленія братьевъ. Даже и тѣ евреи, которые въ началѣ нашествія въ страхѣ попрятались въ ущелья и ямы, теперь выскочили и устремились на бѣгущихъ филистимлянъ. Само собою понятно, что Саулъ, какъ только замѣтилъ произшествіе, бросился съ своимъ войскомъ довершать пораженіе и преслѣдовалъ непріятеля отъ Михмаса до Аіалона [1]). на разстояніи 20 верстъ. Разгоряченный битвою Саулъ, какъ воинъ по призванію, и потому склонный доходитъ до излишней суровости, до непосильныхъ требованій отъ подчиненныхъ, запретилъ всякую остановку и отдыхъ даже для подкрѣпленія пищею до вечера. Запрещеніе сопровождалось неосторожною клятвою предать смерти всякаго нарушителя, хотя благоразуміе и должно было говорить, что въ пылу преслѣдованія непріятеля воля царя не могла сдѣлаться всѣмъ извѣстною. Здѣсь уже выразилась натура Саула, стремительная, своенравная, деспотическая и лишенная спокойнаго благоразумія, также сердечности. Результатомъ было во-первыхъ то, что клятва была нарушена, и именно тѣмъ, кто всего болѣе думалъ о преслѣдованіи непріятеля, всего болѣе содѣйствовалъ пораженію, но относился къ дѣлу благоразумнѣе царя—сыномъ его Іонаѳаномъ, героемъ дня. Во-вторыхъ съ наступленіемъ вечера изголодавшійся народъ съ остервененіемъ бросился на добычу, на мелкій и крупный скотъ, и предался кровавой ѣдѣ почти сырого, дымящагося мяса въ противность прямому постановленію закона. Для прекращенія безпорядка Саулъ принужденъ былъ лично наблюдать за надлежащимъ приготовленіемъ каждаго животнаго для ѣды. Отклонивъ народъ отъ кроваваго яденія животныхъ, Саулъ самъ еще жаждалъ крови филистимлянъ. Онъ вознамѣрился снова ударить въ погоню ночью и не оставить въ живыхъ ни одного непріятеля. Народъ не противорѣчилъ. Но первосвященникъ, бывшій тутъ, задержалъ рвеніе царя: „приступимъ, сказалъ онъ, здѣсь къ Господу“. Это значило, что нужно было получить знаменіе чрезъ „урим и туммимъ“ [2]). Когда же послѣ надлежащихъ при-

[1]) Городъ въ колѣнѣ Дановомъ, I. Навина 19, 42; недалеко отъ Никополиса, Eusebii Onomasticon.

[2]) Что такое „урим и туммимъ“ и какъ чрезъ него получались знаменія—объ этомъ существуетъ множество предположеній; но въ сущности эти вопросы остались неразрѣшимыми.

готовленій предложенъ былъ вопросъ: идти ли въ погоню за филистимлянами, то отвѣта не послѣдовало. Саулъ принялъ это за выраженіе гнѣва Божія и объяснилъ себѣ его тѣмъ, что кто-нибудь нарушилъ его заклятіе; но едвали справедливо. Сомнительно, чтобы Богъ прогнѣвался за нарушеніе въ сущности безумной клятвы. Скорѣе нужно думать, что Богъ неблаговолительно отнесся къ намѣренію Саула продолжать уже безполезное теперь кровопролитіе и безцѣльное утомленіе народа, такъ какъ врагъ былъ уже безвреденъ (Если же врагъ и не былъ пораженъ вполнѣ, то опять-таки по винѣ Саула, благодаря его неумѣстному заклятію, какъ это сейчасъ будетъ видно изъ словъ Іонаѳана). Тѣмъ не менѣе Саулъ, упорствуя въ своемъ мнѣніи, воображая, что его заклятіе имѣло высокую цѣну въ очахъ Божіихъ, приступилъ къ изслѣдованію, которое обнаружило, что нарушителемъ клятвы былъ Іонаѳанъ. Дѣло въ томъ, что Іонаѳанъ, почувствовавъ истощеніе силъ во время преслѣдованія, съѣлъ немного великолѣпнаго дикаго меду, который онъ случайно нашелъ въ лѣсу и который удивительно возстановилъ его силы. Когда же ему сказали, что онъ нарушилъ клятву, положенную его отцомъ, онъ отвѣчалъ: „смутилъ отецъ мой землю; смотрите, у меня просвѣтлѣли глаза, когда я вкусилъ немного этого меду. Если бы поѣлъ сегодня народъ изъ добычи, какую нашелъ у враговъ своихъ, то не бо́льшее ли было бы пораженіе филистимлянъ“? Іонаѳанъ соединялъ пылкую храбрость съ разсудительностію; но у его отца сколь много было первой, столь мало послѣдней, и потому ему приходилось теперь принести жертву, которая была дороже его самого. Упорствуя до конца и, можетъ быть, подавляя въ себѣ естественное родительское чувство горделивымъ представленіемъ славы неподкупнаго правосудія и нечеловѣческой твердости, Саулъ обрекаетъ сына на смерть. Но если разумъ лица способенъ часто помрачаться, то разумъ народа очень рѣдко, а можетъ быть и никогда. Народъ единодушно воскликнулъ: „Іонаѳанъ ли умереть, который доставилъ столь великое спасеніе Израилю? Да не будетъ этого! Живъ Господь; и волосъ не упадетъ съ головы его на землю, ибо съ Богомъ онъ дѣйствовалъ нынѣ“. Саулъ, неспособный покоряться разуму, принужденъ былъ поко-

риться силѣ, и Іонаѳанъ былъ спасенъ. Филистимляне, потерпѣвши сильное пораженіе, на нѣкоторое время оставили евреевъ въ покоѣ. Но Саулъ не въ состояніи былъ сокрушить ихъ силу настолько, чтобы перейти въ наступленіе и заставить ихъ покорно сложить оружіе; напротивъ онъ самъ долженъ былъ постоянно обороняться противъ нихъ: „и была, сказано, упорная война противъ филистимлянъ во все время Саулово“. Несмотря на то, Саулъ нашелъ возможность и время помѣряться силами еще съ другими сосѣдями, которые хотя и не были столь же близки и назойливы, какъ филистимляне, но никогда не имѣли дружественныхъ чувствъ къ евреямъ. Свящ. лѣтопись кратко упоминаетъ, что Саулъ воевалъ съ моавитянами, аммонитянами, идумеянами и съ царями Совы (въ Сиріи), и всѣхъ побѣждалъ.

Счастливыя войны, обогатившія Саула добычею и покрывшія его славою, высокое, исключительное положеніе и всеобщее повиновеніе и угожденіе сильно измѣнили его сравнительно съ тѣмъ, какъ мы его видѣли въ началѣ царствованія. Мало-по-малу Саулъ оставлялъ первоначальную простоту своей жизни: онъ уже не только не пахалъ землю, что̀ очень естественно, но и становился на ступень, высшую той, на которой обыкновенно находились судіи,—онъ стремился быть только владыкою и повелителемъ, а не исполнителемъ дѣлъ, какъ бы возвышенны они ни были. Извѣстно, что судія былъ прежде всего военачальникъ, спасавшій побѣдою надъ врагами народъ отъ рабства. Саулъ же нашелъ болѣе удобнымъ не предводительствовать войскомъ лично, а возложить эту обязанность на другое лицо; онъ сдѣлалъ военачальникомъ своего двоюроднаго брата Авенира [1]). Для исполненія царской воли по разнымъ отраслямъ управленія и для наблюденія за личными интересами царя появился штатъ приближенныхъ, излюбленыхъ людей. Благополучіе этихъ людей было тѣсно связано съ личностію царя, и его воля, къ чему бы она ихъ ни обязывала, была для нихъ закономъ. Въ свящ. текстѣ они выразительно названы „слугами“, потому что ближайшіе исполнители воли царя, прибли-

[1]) 1 Цар. 14,51.

жавшагося къ обыкновенному типу восточныхъ владыкъ, сколь бы ни была важна ихъ служба съ общегосударственной точки зрѣнія,—предъ лицемъ царя въ сущности дѣйствительно только слуги. Саулъ получилъ привычку окружать себя этими слугами въ торжественныхъ случаяхъ, напр., на праздничныхъ обѣдахъ, и строго наблюдалъ, чтобы они своевольно не нарушали установленнаго церемоніала и въ указанное время являлись всѣ на лицо [1]). Такимъ образомъ появился придворный этикетъ, столь любимый пышными властителями востока. Нужно замѣтить при этомъ, что почти всѣ приближенные Саула были его ближайшіе соплеменники, веніаминяне [2]). Хотя и было естественно, что царь изъ колѣна Веніаминова предпочиталъ своихъ земляковъ и довѣрялъ имъ больше, чѣмъ лицамъ изъ другихъ колѣнъ; однако такое ограниченіе выбора государственныхъ дѣятелей обличало узкій взглядъ царя на свои обязанности. Очевидно, онъ выбиралъ не самыхъ способныхъ и полезныхъ для государства, а наиболѣе преданныхъ ему лично, наиболѣе заинтересованныхъ династическимъ вопросомъ, тѣсно связаннымъ съ преимуществами колѣна. Онъ даже не стѣснялся открыто опираться на силу землячества. Разъ въ страхѣ передъ Давидомъ онъ съ упрекомъ спрашивалъ слугъ своихъ: „послушайте сыны Веніаминовы: неужели всѣмъ вамъ дастъ сынъ Іессея поля и виноградники и всѣхъ васъ поставитъ тысяченачальниками и сотниками“ [3])? Т. е., развѣ у него будетъ такой же интересъ, какъ у меня, отличать васъ передъ всѣми и опираться на васъ? Онъ будетъ предпочитать своихъ земляковъ точно такъ же, какъ и я.... Но узкое предпочтеніе замляковъ не столь еще опасно, какъ приближеніе царемъ иностранцевъ. Хотя придворная жизнь вообще способна перерождать человѣка, дѣлать изъ гражданина только слугу, и только самыя сильныя натуры могутъ противиться ея обаянію, однако приближенный къ царю изъ своего народа никогда не теряетъ всѣхъ точекъ соприкосновенія съ

---

[1]) 1 Цар. 20,24–27.

[2]) 22, 7.

[3]) Тамъ же.

своимъ народомъ, сила національнаго чувства иногда удерживаетъ его отъ дѣйствій, грубо попирающихъ права народа, хотя бы они (дѣйствія) и нравились деспотизму царя. Совсѣмъ иное дѣло въ этомъ случаѣ иностранецъ: онъ является совершеннѣйшею креатурою царя; онъ привязанъ только лично къ царю, а съ народомъ у него нѣтъ ничего общаго. Онъ бываетъ самымъ послушнымъ орудіемъ въ рукахъ деспота; нѣтъ никакого порученія, котораго онъ не въ состояніи былъ бы исполнить, и его услугами обыкновенно пользуются тамъ, гдѣ нельзя разсчитывать на національнаго слугу, т. е., въ дѣлахъ, явно оскорбляющихъ права и честь народа. Хотя въ выборѣ Сауломъ приближенныхъ мы видѣли напротивъ узко-національный мотивъ, вліяніе землячества, что̀ такъ же обнаруживало его бо́льшую заботу объ личныхъ, чѣмъ объ общенародныхъ интересахъ, однако и у него была уже попытка найти вѣрнаго слугу въ иностранцѣ, что̀ очень естественно, потому что эти двѣ крайности вытекали у него изъ одного побужденія [1]). Онъ поставилъ нѣкоего Доика, идумеянина, начальникомъ своихъ пастуховъ [2])—должность хотя и не относящаяся къ собственно государственнымъ дѣламъ, но тѣмъ не менѣе придворная и, по тогдашней неотдѣлимости придворнаго отъ государственнаго, лично-царскаго отъ общенароднаго—важная. Этотъ Доикъ не замедлилъ получить при дворѣ важное значеніе. Въ тревожномъ придворномъ совѣтѣ, который Саулъ держалъ по поводу бѣгства Давида, подозрѣвая противъ себя заговоръ, Доикъ уже „стоялъ подлѣ слугъ (т. е. сановниковъ) Сауловыхъ“ и принималъ дѣятельное участіе [3]). А когда по его извѣту Саулъ осудилъ на смерть 85 священниковъ, и слуги Саула

---

[1]) Хотя между дѣятелями, окружавшими Давида, тоже были иностранцы, однако его совершенно невозможно заподозрить въ узкихъ побужденіяхъ, какія несомнѣнно руководили Сауломъ. Во-первыхъ въ выборѣ людей Давидъ былъ вполнѣ безпристрастенъ; всѣ колѣна были для него равны, и колѣно Іудино, къ которому онъ самъ принадлежалъ, не имѣло въ этомъ случаѣ никакого преимущества. Во-вторыхъ его иностранцы оставили по себѣ память только доблестями, какъ напр. Урія хеттеянинъ.

[2]) 1 Царств. 21,7.

[3]) 1 Цар. 22,9.

не рѣшились исполнить безбожное повелѣніе царя, Доикъ охотно взялъ на себя обязанность палача и успѣшно выполнилъ ее. Наконецъ Саулъ обнаружилъ явное стремленіе организовать постоянное войско. Конечно это стремленіе было естественно; существенная польза, какую евреи могли получить отъ царя, заключалась въ томъ, что онъ могъ успѣшно бороться съ внѣшними врагами, которыхъ у евреевъ было много. Но не надобно забывать, что постоянное войско у царя въ древности было орудіе обоюдуострое. Служа защитою государства отъ внѣшнихъ враговъ, оно въ тоже время обыкновенно было вѣрнымъ орудіемъ въ рукахъ царя превратить подданныхъ въ безотвѣтныхъ рабовъ. Нужно замѣтить, что не столь опасно для народной свободы войско въ собственномъ смыслѣ, составляемое по опредѣленнымъ правиламъ рекрутской повинности, потому что оно всегда сохраняетъ болѣе или менѣе связь съ народомъ, сколько та излюбленная дружина, которою любятъ окружать себя воинственные властители въ родѣ Саула. Эта дружина, дѣлающаяся предметомъ заботливаго вниманія со стороны властителей, беззавѣтно привязывается къ ихъ личности, теряетъ патріотизмъ въ широкомъ смыслѣ, и дружинники дѣлаются слугами царя, но не отечества. И о Саулѣ сказано, что онъ „увидѣвъ какого-либо человѣка сильнаго и воинственнаго, бралъ его къ себѣ“ [1]). Самуилъ, изучившій характеръ и наклонности Саула и зорко слѣдившій за всѣми его дѣйствіями и нововведеніями, не могъ обманываться на счетъ значенія вышеизложенныхъ особенностей поведенія Саула послѣ войны съ филистимлянами. Хотя въ текстѣ Библіи указаніе на нѣкоторые факты, которые послужили намъ здѣсь для характеристики поведенія Саула, находится въ изложеніи позднѣйшей исторіи Саула, но это не значитъ, что и самые факты не имѣли мѣста въ болѣе раннее время. Такъ предпочтеніе веніаминянъ способнымъ людямъ изъ другихъ колѣнъ имѣло мѣсто безъ сомнѣнія на самыхъ первыхъ порахъ, и если намекъ на это мы видимъ уже послѣ того, какъ Давидъ выступилъ на сцену,

[1]) 14, 52.

то это значитъ только, что лѣтописцу представился случай дать указаніе на это именно здѣсь. Иностранецъ Доикъ (идумеянинъ), упоминаемый тоже позднѣе разсматриваемаго нами времени, могъ сдѣлаться придворнымъ еще до войны съ амаликитянами, вѣроятно непосредственно послѣ войны съ идумеянами. Такимъ образомъ всѣ признаки стремленія къ неограниченному самовластію Саулъ могъ обнаружитъ вскорѣ послѣ счастливыхъ войнъ съ филистимлянами, моавитянами ,идумеянами и сиріянами, и Самуилъ съ тревогой увидалъ приближеніе военнаго деспотизма, грозившаго подавить и священство, и пророчество, и религіозное воспитаніе народа.

Саулъ повидимому почивалъ на лаврахъ, окруженный толпою приверженцевъ и слугъ, смотрѣвшихъ ему въ глаза и ожидавшихъ, не дастъ ли царь кому-нибудь поля или виноградника, или не назначитъ ли кого тысяченачальникомъ либо стоначальникомъ; а его отборное войско проводило праздную жизнь, внушая трепетъ не врагамъ отечества, а мирнымъ гражданамъ, для которыхъ оно составляло новое и необычайное явленіе. Со стороны филистимлянъ вѣроятно было временное затишье. Чтобы отвлечь царя отъ искушенія только господствовать, не чувствуя бремени правленія, чтобы праздное войско Саула было при дѣлѣ, для котораго назначалось, не превращалось бы въ орудіе стремленій царя, не имѣющихъ ничего общаго съ народнымъ благомъ, Богъ послалъ Самуила напомнить Саулу предписаніе закона [1]) объ истребленіи амаликитянъ, злыхъ враговъ еврейскаго народа. Истребить амаликитянъ было дѣло не легкое; они еще сохраняли привычки кочеваго народа, держались вблизи пустыни, находя здѣсь богатый источникъ существованія въ грабежѣ на большомъ караванномъ пути съ береговъ Евфрата въ Египетъ. Повидимому превращаясь въ осѣдлыхъ, они сдѣлали центромъ своего обитанія мѣстность, примыкавшую къ южной границѣ Палестины, потому что Библія говоритъ о „городѣ“ амаликитянъ, находившемся тутъ [2]). Путь къ нимъ былъ пустынный и гористый, а сами они отли-

---

[1]) Второз. 25,17—19.

[2]) 1 Цар. 15.5.

чались воинственнымъ духомъ. Мечъ ихъ царя Агага, по словамъ Самуила, женъ лишалъ дѣтей. Въ пророчествѣ Валаама Агагъ указывается, какъ могущественный царь, по сравненію съ которымъ опредѣляется могущество и величіе будущаго еврейскаго царя [1]). Однако Саулъ охотно принялъ на себя трудъ помѣряться силами съ такимъ противникомъ, но очевидно болѣе потому, что это соотвѣтствовало его воинственнымъ наклонностямъ и стремленію къ славѣ побѣдителя, чѣмъ потому, что онъ расположенъ былъ въ точности исполнять предписанія закона, какъ показали послѣдствія. Стянувши ополченіе въ Телаимѣ, городѣ на южной границѣ колѣна Іудина [2]), Саулъ двинулся къ предѣламъ непріятельской земли съ 210,000 войска. Онъ сначала отвлекъ отъ союза съ амаликитянами кинеянъ мадіанитскаго племени и тѣмъ ослабилъ своихъ враговъ. Затѣмъ онъ выбилъ ихъ изъ укрѣпленія и преслѣдовалъ „отъ Хавилы до окрестностей Сура, что предъ Египтомъ [3]). Царя Агага Саулъ взялъ въ плѣнъ, а всѣхъ, кто не успѣлъ спастись бѣгствомъ, предалъ смерти. По заповѣди Самуила онъ долженъ былъ Агага убить и истребить все, что принадлежало амаликитянамъ, не унося отъ нихъ никакой добычи. (По закону царь евреевъ не долженъ былъ чрезмѣрно обогащаться, и истребительная война противъ амаликитянъ должна была служить пробнымъ камнемъ для Саула и въ этомъ отношеніи). Но Саулу казалось пріятнѣе держать Агага въ плѣну, какъ живой памятникъ своей славы, и онъ не умертвилъ его. Народъ, для котораго плѣнникъ не имѣлъ никакого значенія, ничего не имѣлъ противъ этого, такъ какъ Саулъ сколько для себя, столько и въ угоду народу изъ добычи истребилъ только то, что было похуже; все же наиболѣе цѣнное сохранилъ и взялъ съ собой. На возвратномъ пути онъ озаботился воздвигнуть себѣ памятникъ (вѣроятно высокій камень съ надписью) въ Кармилѣ, городѣ колѣна Іудина. Когда Богъ открылъ Самуилу все это, онъ увидалъ, что на исправленіе Саула нѣтъ никакой надежды, что бѣдствіе для народа Божія въ лицѣ строптиваго царя неотвра-

[1]) Числ. 24, 7. [2]) 1. Нав. 15, 24.

[3]) Хавила—мѣстность неизвѣстная. Суръ—часть Аравійской пустыни, прилегающая къ Египту. Быт. 16,7.

тимо зрѣетъ, и онъ цѣлую ночь молился Богу, чтобы Онъ просвѣтилъ его, какъ нужно поступить, что предпринять противъ царя, который успѣлъ сдѣлаться могущественнымъ и волю пророка презиралъ. Молитва не осталась безплодна. Наутро Самуилъ съ рѣшимостію пошелъ навстрѣчу Саулу, который направлялся въ Галгалъ, чтобы тамъ торжествовать побѣду. Встрѣтивши Самуила, Саулъ старался быть, насколько могъ, почтительнымъ, чтобы избѣгнуть публичнаго обличенія, которое испортило бы торжество побѣды. „Благословенъ ты у Господа, говорилъ онъ Самуилу, я исполнилъ слово Господа". Но ложь его громко обличалась блеяніемъ овевъ и мычаніемъ крупнаго скота, взятыхъ у амаликитянъ, какъ лучшая добыча. Самуилъ упрекнулъ его въ неисполненіи воли Божіей: „ты бросился, говорилъ онъ, на добычу и сдѣлалъ зло предъ очами Господа". Саулъ пробовалъ оправдаться, то ссылаясь на желаніе народа, то предлогомъ благочестія—намѣреніемъ принести жертву Богу изъ лучшей добычи; въ объясненіе же того, почему пощадилъ Агага, ничего не могъ сказать. Самуилъ ясно видѣлъ фальшивость увѣреній Саула, и его глубоко возмутило то, что царь кощунственно пользуется предписаніемъ закона приносить Богу жертвы, какъ средствомъ прикрыть неблаговидность своего поступка. Поэтому онъ съ силою разоблачилъ софизмъ царя, объяснивши, какое значеніе имѣютъ жертвы по духу закона, а не по буквѣ: „неужели, говорилъ онъ, всесожженія и жертвы столько же пріятны Господу, какъ послушаніе гласу Господа? Послушаніе лучше жертвы и повиновеніе лучше тука овновъ. Ибо непокорность есть такой же грѣхъ, что волшебство, и противленіе тоже, что идолопоклонство", Заключеніе же словъ пророка было таково: „за то, что ты отвергъ слово Господа, и Онъ отвергъ тебя, чтобы ты не былъ царемъ". Саулъ казался пораженнымъ и кающимся, но продолжалъ оправдываться будто бы страхомъ передъ народомъ. Когда же Самуилъ, считая все поконченнымъ между нимъ и царемъ, вознамѣрился уйти, Саулъ съ такой непочтительной стремительностію ухватился за его одежду, что она разорвалась. Но не потому Саулъ такъ энергично удерживалъ пророка, что искренно раскаивался и не желалъ совершеннаго разрыва съ нимъ, а потому

только, что при настоящемъ случаѣ желалъ избѣжать неловкаго, непріятнаго, положенія предъ лицомь старѣйшинъ и народа, и потому, когда онъ откровенно сознался въ этомъ, пророкъ, цѣня и такую откровенность, остался для принесенія жертвъ Іеговѣ. Такъ какъ Саулъ, несмотря на кажущееся раскаяніе и какъ бы подчиненіе авторитету пророка, ни полсловомъ не упомянулъ объ Агагѣ, явно имѣя намѣреніе сохранить ему жизнь, то пророкъ самъ рѣшился всенародно исполнить то, что долженъ былъ сдѣлать царь, но не хотѣлъ. Онъ велѣлъ привести къ себѣ Агага. Царь амаликитянъ, уже переставшій было опасатся за свою жизнь, былъ пораженъ строгимъ видомъ пророка и потому съ трепетомъ [1]), но и съ тайною надеждою сказалъ ему: „конечно горечь смерти миновалась"?—т. е., царь пощадилъ меня въ тотъ моментъ, когда взялъ меня въ плѣнъ и когда я долженъ бы былъ испытать горечь смерти; теперь же вѣроятно опасность миновалась? Но Самуилъ, напомнивши ему его жестокости, собственоручно разсѣкъ его предъ жертвенникомъ. Послѣ этого Самуилъ отправился въ свое мѣстопребываніе, въ Раму, а Саулъ въ свою столицу, Гиву. И прекратилъ Самуилъ свои сношенія съ Сауломъ навсегда.

Отселѣ исторія Саула идетъ наряду съ исторіею преемника его Давида. Но первый представлялъ собою меркнущее, склоняющееся къ западу свѣтило, а второй всходилъ яркой звѣздой, которая блестѣла тѣмъ сильнѣе, чѣмъ темнѣе были тучи, покрывавшія ея востокъ. Самуилъ въ своемъ уединеніи продолжалъ заботиться о дальнѣйшихъ судьбахъ царства; но на исправленіе Саула не было уже никакой надежды. Что могъ сдѣлать пророкъ съ могущественнымъ царемъ, который свою волю ставилъ выше всего и хотя еще не рѣшался употреблять насиліе противъ тѣхъ, кто не одобрялъ его поведенія, но явно стремился утвердить порядокъ дѣлъ, совершенно противный основнымъ началамъ

[1]) 1 Цар. 15, 32. מַעֲדַנּוֹת по своему коренному значенію ничего не можетъ означать, кромѣ радости, удовольствія, и потому чрезвычайно затрудняетъ толкователей, читающихъ исключительно по еврейскому тексту. Греческое *τρέμων*—дрожащій какъ нельзя болѣе соотвѣтствуетъ даннымъ обстоятельствамъ. Вѣроятно въ еврейскомъ спискѣ, который имѣли предъ собою LXX, стояло другое слово.

ѳеократіи, заключавшимъ въ себѣ вѣрнѣшій залогъ народнаго преуспѣянія. Возврата къ старому уже не было; Самуилъ не могъ свергнуть Саула съ престола и снова взять правленіе въ свои руки. „И плакалъ, сказано, Самуилъ о Саулѣ", т. е. скорбѣлъ о тѣхъ бѣдствіяхъ, которыя имѣлъ навлечь на народъ Божій Саулъ своимъ царствованіемъ, скорбѣлъ до тѣхъ поръ, пока Богъ не научилъ его, что нужно дѣлать. Саула нужно было оставить царствовать до конца его жизни. Но его потомство не должно было ему наслѣдовать; потому что оно неибѣжно стало бы держаться той же системы, которую стремился утвердить Саулъ. Самъ благородный Іонаѳанъ не въ состояніи былъ бы уничтожить, напр., то зло, которое заключалось въ привиллегированномъ положеніи веніяминянъ, созданномъ Сауломъ по чисто личнымъ разсчетамъ и побужденіямъ и грозившемъ повлечь за собою соперничество и распри между колѣнами. Съ другой стороны нужно было немедленно избрать преемника Саулу для того, чтобы народъ заранѣе зналъ его, прывыкъ считать его будущимъ царемъ и не отнесся къ нему по смерти Саула съ пренебреженіемъ, какъ къ человѣку неизвѣстному, а также для того чтобы Саулъ, увидавъ соперника себѣ, почувствовалъ, что осуществленію его замысловъ положена неодолимая преграда, и потерялъ бы охоту преслѣдовать свои суетныя цѣли съ прежнею настойчивостью. Само собою понятно, что преемникъ Саула, съ избраніемъ котораго связывались надежды на лучшую будущность народа, государства и религіи, обладая лучшими качествами Саула, долженъ былъ еще обладать достоинствами, противоположными недостаткамъ Саула. Что онъ былъ выше Саула, это показываетъ уже самая исторія избранія его. На этотъ разъ царь евреевъ долженъ былъ происходить изъ колѣна Іудина, этого могучаго колѣна, которое съ избыткомъ обладало дарами и энергіею истинно-еврейскаго національняго духа. Центръ тяжести еврейской исторіи перешелъ въ это колѣно (прежде онъ находился въ колѣнѣ Ефремовомъ, потомъ въ Веніаминовомъ) и удержался въ немъ до конца, какъ это было предсказано патріархомъ Іаковомъ [1]). Въ незначительномъ городѣ этого колѣ-

[1]) Быт. 49, 10.

на, Виѳлеемѣ, жилъ родовитый человѣкъ Іессей, внукъ богатаго Вооза, женившагося на моавитянкѣ Руѳи, и потомокъ Наассона, бывшаго княземъ Іудина колѣна при Моисеѣ[1]). Между многочисленными сыновьями этого знатнаго по происхожденію еврея Самуилъ и получилъ отъ Бога повелѣніе искать новаго царя для евреевъ. Приступая къ дѣлу, Самуилъ долженъ былъ соблюдать величайшую тайну, потому что, какъ онъ не безъ основанія думалъ, Саулъ могъ убить его. Самуилъ конечно не боялся смерти; но онъ боялся тѣхъ ужасныхъ послѣдствій, которыя проистекли бы изъ безумнаго поступка царя. Взрывъ народнаго негодованія не имѣлъ былъ границъ: не только самъ Саулъ погибъ бы, но и все его поколѣніе, послѣ чего народъ оказался бы въ самомъ безпомощномъ анархическомъ положеніи. Подъ предлогомъ своихъ обычныхъ путешествій въ разные города для общественнаго жертвоприношенія Самуилъ отправился въ Виѳлеемъ. Потому ли, что неожиданныя посѣщенія пророка обусловливались большею частію необычайными событіями и притомъ тревожнаго характера, или потому, что напряженное состояніе, роковая борьба между пророческимъ и царскимъ могуществомъ чувствовалась всѣми, слѣдившими за положеніемъ дѣлъ и опасавшимися тяжелыхъ осложненій и смутъ,—старѣйшины города поспѣшили выйти навстрѣчу пророку и съ трепетомъ спросили: „съ миромъ ли идешь къ намъ“? Пророкъ успокоилъ ихъ, давши понять, что ничего особеннаго не случилось, и пригласилъ ихъ приговиться къ жертвоприношенію. Іессей приглашенъ былъ явиться съ своими сыновьями. По ходу разсказа не видно, но необходимо предполагать, что послѣ всенароднаго жертвоприношенія Самуилъ отправился обѣдать въ домъ Іессея, чтобы совершить тамъ то, что должно было пока составлять тайну одного семейства. Прежде чѣмъ сѣсть за столъ, пророкъ велѣлъ представить ему поодиночкѣ всѣхъ сыновей. Когда предсталъ старшій изъ нихъ Еліавъ, видный и рослый мужчина, напоминающій собою богатыря-Саула, Самуилъ одну мунуту подумалъ, что онъ именно достоинъ быть царемъ. Но какая была бы польза отъ другого Саула? Обстоятель-

[1]) 1 Пар. 2, 10. Числ. 1, 7.

ства были совсѣмъ иныя, и царь требовался иной. И слышитъ пророкъ своимъ пророческимъ духомъ слово Господне: не смотри на видъ его и на величину роста его; ибо Я смотрю не на то, на что смотритъ человѣкъ, — человѣкъ смотритъ на лицо, а Господь смотритъ на сердце... Послѣ этого были представлены еще шесть сыновъ, и ни въ одномъ изъ нихъ Самуилъ не нашелъ чего искалъ. Онъ пришелъ въ недоумѣніе и спросилъ Іессея: развѣ здѣсь всѣ твои дѣти? А у Іессея былъ еще сынъ, самый младшій, котораго въ семьѣ считали еще до того молодымъ, что не находили нужнымъ привлекать его къ участію въ сколько-нибудь важныхъ семейныхъ дѣлахъ. И теперь его оставили при стадахъ, не предполагая, что въ немъ встрѣтится надобность. Когда отецъ сказалъ объ немъ, не обнаруживъ повидимому готовности безполезно, какъ онъ думалъ, приглашать его на торжественное собраніе, Самуилъ сказалъ настойчиво: „приведи его, ибо мы не сядемъ за столъ, пока онъ не прійдетъ сюда“. Лишь только Давидъ предсталъ предъ пророкомъ, Богъ сказалъ: вотъ этотъ!—и пророкъ помазалъ его елеемъ въ виду братьевъ его. Послѣ этого Самуилъ всталъ и ушелъ домой. Это тайное помазаніе не сообщало никакихъ внѣшнихъ привиллегій Давиду, которыя были невозможны при существующемъ царѣ; но оно давало ему внутреннее убѣжденіе въ его правѣ на престолъ послѣ Саула, возвышало его духъ и поощряло на дѣла достойныя будущаго царя евреевъ. „Духъ Господень почивалъ на немъ отъ сего дня.“ Въ глазахъ толпы онъ оставался обыкновеннымъ смертнымъ; но самъ онъ всѣмъ своимъ нравственнымъ существомъ чувствовалъ, какъ высоко и напряженно звучали его душевныя струны, какое оживленіе и пареніе получили его мысль и чувство, возбуждаемыя новою великою задачею его жизни... Необычайная новость должна была произвести разнородныя ощущенія въ остальныхъ членахъ семьи Іессевой. Безъ сомнѣнія они итпытывали смѣшанное чувство радости и страха. Преданія о знатныхъ предкахъ были живы въ этой семьѣ, и настоящее событіе разомъ ставило ее на ту высоту, на которой она не могла уже считать себя недостойною своихъ предковъ, справедливо могла гордиться ими, сознавая, что она не только получаетъ блескъ отъ нихъ, но и увеличи-

ваетъ ихъ славу собою. Съ другой стороны эта семья подвергалась страшной опасности въ случаѣ открытія тайны. Если самъ Самуилъ боялся, что Саулъ убьетъ его, то что могло защитить обыкновенныхъ, хотя и знатныхъ по роду, гражданъ отъ ярости Саула, который оказался вскорѣ способнымъ истребить цѣлый священническій родъ и даже поднять руку на своего лучшаго сына? Недаромъ помазаніе надолго должно было остаться тайною, о которой скорѣе догадывались, чѣмъ знали положительно. Тѣмъ не менѣе и въ тѣсномъ семейномъ кругу Давидъ нажилъ себѣ недоброжелателя. Старшій братъ его, Еліавъ, считавшій себя по праву представителемъ рода послѣ отца и бывшій очевидно высокаго мнѣнія о своихъ личныхъ достоинствахъ, считалъ себя глубко оскорбленнымъ, что ему предпочли безбородаго юношу. И онъ не скрывалъ какъ увидимъ, своего презрѣнія и ненависти къ Давиду и непрочь былъ помѣшать ему сдѣлать что-нибудь достойное будущаго царя. Что же за личность былъ Давидъ? Какія были внѣшнія и внутреннія качества, дѣлавшія его способнымъ быть соперникомъ могущественнаго царя и достойно занимать послѣ него престолъ? Это былъ юноша двадцати или двадцати съ небольшимъ лѣтъ. Своими внѣшними качествами онъ такъ же производилъ сильное и благопріятное впечатлѣніе, какъ и Саулъ, хотя и былъ непохожъ на него. Онъ не былъ такимъ исполиномъ, какъ Саулъ; вѣроятно онъ былъ средняго роста и плотнаго сложенія. Но онъ обладалъ громадною физическою силою, можетъ быть не меньшею, чѣмъ Саулъ. Онъ самъ разсказывалъ Саулу: „когда я пасъ овецъ у отца моего и когда бывало приходилъ левъ или медвѣдь и уносилъ овцу изъ стада, тогда я, погнавшись за нимъ, поражалъ его и исторгалъ похищенное изъ пасти его. Если же онъ бросался на меня, то я, взявши его за космы, ударялъ его и умерщвлялъ его". При такой страшной силѣ онъ обладалъ очевидно еще и ловкостью, Если сумма мускульной силы у человѣка иногда не уступаетъ таковой же у льва, то сколько требуется проворства и находчивости, чтобы въ единоборствѣ со львомъ увернуться отъ его страшныхъ зубовъ и когтей! Ловкость Давида доказывается и той мѣткостью, съ которою онъ бросилъ изъ пращи камень въ лобъ Голіаѳа. По своему

наружному виду онъ принадлежалъ къ рѣдкому въ его народѣ типу: онъ былъ блондинъ, съ красивыми глазами и съ мягкими очертаніями лица, не имѣвшими въ себѣ той рѣзкости и сухости, которыми поражаютъ вообще восточныя лица. Его наружность такъ же поражала взоръ еврея и казалась для него пріятною, какъ между сплошь русыми и неопредѣленнаго цвѣта жителями сѣвера поражаетъ и привлекаетъ случайно попадающееся лицо южнаго типа. Что же касается внутреннихъ, нравственныхъ качествъ Давида, то они не уступали, какъ у Саула, наружнымъ, а превосходили ихъ. Въ его дальнѣйшей исторіи мы встрѣтимъ множество фактовъ, доказывающихъ справедливость этого положенія. Здѣсь же скажемъ вообще, что онъ во-первыхъ обладалъ практическимъ умомъ, благодаря которому онъ никогда не терялся, не предавался унынію, не шелъ безразсудно противъ рожна, словомъ всегда господствовалъ надъ обстоятельствами, а не подчинялся имъ. Самъ Саулъ признавалъ въ немъ это качество. „Видя, сказано, что онъ весьма благоразуменъ, Саулъ началъ бояться его“(1). „Мнѣ сказывали, что онъ (Давидъ) весьма лукавъ“(2), говорилъ Саулъ съ раздраженіемъ, презрительно употребляя слово „лукавый“ вмѣсто„ благоразумный“ (3). Но Давидъ былъ не только человѣкъ ума, но и человѣкъ сердца и даже въ особенности сердца. На это указываетъ прежде всего его глубокая и вмѣстѣ живая религіозность, не тотъ обрядовый ригоризмъ, которымъ отличался Саулъ, въ которомъ только форма ортодоксальна, содержаніе же близко граничитъ съ язычествомъ, а религіозность возвышенная, сердечная, совершенная, та, которая развивалась на почвѣ положительнаго закона въ оживотворявшемъ его пророческомъ духѣ. Затѣмъ возвышенное чувство Давида открывается въ его столь извѣстной наклонности и способности къ пѣснопѣнію и музыкѣ; далѣе—въ глубокой и сильной скорби о безвременно или безславно погибшихъ не только друзьяхъ, но и врагахъ; наконецъ вообще въ дружбѣ, на которую онъ былъ способенъ, въ благодарности и даже часто въ излишней снисходительности. Нужно ли еще гово-

1) 1 Цар. 18, 15. 2) 23, 22. 3) עָרֹם вмѣсто מַשְׂכִּיל.

рить о другихъ душевныхъ качествахъ Давида, какъ его львиная храбрость, несомнѣнные таланты, какъ полководца и какъ правителя, о его краснорѣчіи (1), и проч.? Скажемъ въ заключеніе, что онъ безъ сомнѣнія былъ человѣкъ по своему времени высоко образованный. Какъ другъ пророковъ и священниковъ, какъ пророкъ и пѣснопѣвецъ, онъ долженъ былъ знать основательно законъ, исторію своего народа, и безъ сомнѣнія умѣлъ писать. И эти знанія пріобрѣтены были имъ еще въ ранней молодости. Живя въ левитскомъ городѣ (2), обладая живыми способностями и вообще натурою, жаждущею обнять и извѣдать болѣе того, что могла дать обыденная жизнь рядовыхъ людей, и имѣя массу свободнаго времени при своей легкой пастушеской жизни, онъ позаимствовалъ отъ левитовъ города, тогдашнихъ образованныхъ людей все, что они могли дать ему, и усовершенствовался самъ при своихъ стадахъ. Недаромъ слава о немъ, какъ объ отличномъ музыкантѣ, успѣла дойти даже до царскаго двора... Впрочемъ дальнѣйшая исторія Давида скажетъ намъ объ немъ все это и краснорѣчивѣе и полнѣе.

Возвратимся къ Саулу. Мы видѣли, что Саулъ сдѣлалъ нѣчто очень важное для народно-государственной жизни евреевъ своимъ мечемъ. Сдѣлалъ ли онъ что-нибудь для религіозно-нравственной жизни народа? Саулъ былъ очевидно религіозенъ по-своему, т. е., какъ бываютъ религіозны натуры холодныя и суровыя, у которыхъ набожность не есть живая, внутренняя потребность души, а скорѣе какъ будто привычка, какъ нѣчто усвоенное и привитое извнѣ. Саулъ принадлежалъ къ людямъ, религіозность которыхъ не проистекаетъ изъ сердца, какъ нѣчто непреодолимое, а скорѣе утверждается на сознаніи ума, что такъ должно, потому что предписано. Этимъ и объясняется, напр., его торговля съ совѣстію, когда онъ, побѣдивъ амаликитянъ, разсудилъ, что для удовлетворенія воли Божіей достаточно и того, что за исключеніемъ лучшей множество добычи всетаки истреблено. Онъ въ предписаніи Божіемъ видѣлъ одну только внѣшнюю сторону и съ этой точки зрѣнія считалъ себя правымъ. Правда,

1) 16, 18. 2) Суд. 17, 7.

онъ былъ твердъ вообще въ вѣрѣ,—увлеченія язычествомъ, культомъ идолопоклонниковъ нѣтъ и слѣда; тѣмъ не менѣе отъ него нельзя было ожидать и особенныхъ заслугъ для ветхозавѣтной церкви. Извѣстно, что онъ сооружалъ жертвенники Господу въ счастливыхъ обстоятельствахъ своей жизни [1]), но они были только дѣломъ личнаго благочестія, а не подвигомъ для поднятія уровня религіозной жизни въ цѣломъ народѣ. Впрочемъ къ лучшему періоду его царствованія нужно отнести одно дѣйствіе Саула, похожее на подвигъ вѣры. Это—преслѣдованіе всѣхъ волшебниковъ и гадателей [2]), людей безспорно вредныхъ для религіи и прямо осуждаемыхъ закономъ. Неизвѣстно, что ближайшимъ образомъ обратило религіозную ревность Саула именно на этотъ предметъ. Вѣроятнѣе всего—необычайное размноженіе шарлатановъ въ странѣ и крайнее злоупотребленіе ими легковѣріемъ народа. Но судя потому, что самъ преслѣдователь чародѣевъ впалъ впослѣдствіи въ соблазнъ прибѣгнуть къ помощи волшебства, нужно полагать, что онъ вооружался не столько противъ идеи, сколько противъ лицъ, т. е., преслѣдовалъ волшебниковъ не столько потому, что самое волшебство поражало его своимъ противорелигіознымъ характеромъ, сколько потому, что волшебники представлялись ему вредными членами общества. Повидимому Саулъ поступалъ въ этомъ случаѣ болѣе какъ государственный человѣкъ, какъ блюститель общественнаго благочинія, чѣмъ какъ ревнитель религіи въ собственномъ смыслѣ. Нѣкоторые полагаютъ еще, что Саулъ предпринималъ истребленіе хананеевъ, не уничтоженныхъ въ свое время и продолжавшихъ жить въ землѣ евреевъ болѣе или менѣе обширными группами; потому будто бы онъ предпринялъ это истребленіе, что хананеи соблазняли евреевъ, увлекали ихъ къ идолопоклонству. Въ доказательство приводятъ истребленіе Сауломъ гаваонитянъ, пощаженныхъ евреями при I. Навинѣ въ силу клятвы, которую гаваонитянамъ удалось получить въ свою пользу. Этотъ де фактъ—только частный эпизодъ изъ общаго преслѣдованія всѣхъ хананеевъ по указанному выше побужденію [3]). Дѣйствительно, въ

[1]) 1 Цар. 14, 35. [2]) 1 Цар. 28, 9.

[2]) Graetz. Gesch. . Isr. B. 1. S. 190. Winer. Bibl. Realwörterbuch. Artik. Gibeon.

исторіи царствованія Давида по поводу одного, тоже мало понятнаго событія упоминается, что Саулъ умертвилъ гаваонитянъ, ревнуя за сыновъ израилевыхъ и іудиныхъ [1]). Но отсюда еще трудно заключать, что Саулъ предпринималъ *всеобщее* истребленіе хананеевъ и именно по *религіознымъ* интересамъ. Выраженіе: „по ревности своей о потомкахъ Израиля и Іуды“ не заставляетъ необходимо предполагать у Саула религіозную ревность; а то обстоятельство, что истребленіемъ гаваонитянъ нарушена клятва, данная великимъ вождемъ еврейскаго народа І. Навиномъ, и совсѣмъ устраняетъ мысль о религіозныхъ побужденіяхъ у Саула [2]). Недаромъ кровь убитыхъ гаваонитянъ вопіяла отъ отмщеніи при Давидѣ. Если бы Саулъ дѣйствовалъ здѣсь въ интересахъ религіи, то потомки его не были бы повѣшены для удовлетворенія разгнѣваннаго правосудія Божія. Несомнѣнно, что разсматриваемое событіе составляло только одно изъ проявленій самовластія Саулова, столь смущавшихъ Самуила.

Несмотря на рызрывъ съ Самуиломъ, который (разрывъ) конечно, не могъ упрочить авторитетъ Саула между многочисленными чтителями пророка, несмотря на то, что внѣшняя безопасность государства не была вполнѣ обезпечена, Саулъ достигъ на нѣкоторое время высшей точки могущества и видимаго благополучія. Народъ повиновался ему, и хотя несомнѣнно были недовольные его самовластіемъ и явно пристрастнымъ отношеніемъ къ своему колѣну, однако открытаго выраженія недовольства и угрожающаго движенія не послѣдовало ни въ одномъ колѣнѣ. Многочисленныя и счастливыя войны обогатили Саула, ко-

---

[1]) 2 Цар. 21, 1. 2.

[2]) Для объясненія этого факта существуютъ разныя предположенія. Эвальдъ думаетъ, что столкновеніе вышло изъ-за обязательной службы гаваонитянъ при скиніи, отъ которой они отказались. Gesch. d. Volk. Isr. B, 3. S. 173. Есть мнѣніе, что сыновья Саула и внуки произвели убійства между гаваонитянами и остались ненаказанными. Jahn. Bibl. Archäologie. Wien. 1800. B. 1. Thl. 2. S. 144. Есть еще мнѣніе, что Саулъ истребилъ гаваонитянъ просто потому, что желалъ завладѣть ихъ землями и наградить ими своихъ вениаминянъ и ближайшихъ родственниковъ. Душепол. Чтеніе 1872. Кн. 3. Стр. 252. Это предположеніе имѣетъ за собою наибольшую вѣроятность, потому что сообразно съ общимъ характеромъ поступковъ Саула.

торый по праву могъ брать себѣ значительную часть добычи, и дали ему возможность окружить себя блескомъ и пышностію. Онъ сталъ возлагать себѣ на голову корону, чтобы не смѣшиваться болѣе по виду съ простыми смертными. Чтобы размножить знатный послѣ себя родъ, онъ взялъ себѣ наложницу (можетъ быть не одну), отъ которой имѣлъ многихъ сыновей. Но ложный путь, на который онъ вступилъ съ самаго начала царствованія, поднявши его до извѣстной высоты, роковымъ образомъ сталъ склонять его къ низу, къ паденію. Несмотря на видимое благополучіе, духъ его не былъ спокоенъ: жажда властолюбія, какъ и многихъ другихъ страстей, не могла быть ничѣмъ насыщена; по мѣрѣ удовлетворенія ея она разросталась,—всегда чувствовалась потребность обнаружить власть тамъ, гдѣ она не была еще обнаружена, и въ большей мѣрѣ, чѣмъ прежде была обнаружена. Насколько безконечно разнообразны жизненныя отношенія людей, настолько безконечна и пища для властолюбія. Однако одной этой пищей душа человѣка жить не можетъ. Рано или поздно пробуждается желаніе чего то другого, примиряющаго съ людьми, и сожалѣніе о томъ, что принесено было въ жертву властолюбію и утрачено навсегда. Такъ вѣроятно было съ Сауломъ. Къ этому присоединялось воспоминаніе о грозныхъ словахъ пророка, которое ничѣмъ нельзя было заглушить и которое какъ мечъ висѣло надъ вѣнчанной головой Саула. И вотъ мало по малу онъ началъ испытывать общее чувство недовольства и безпокойства. Затѣмъ это чувство стало переходить въ раздраженіе, и равновѣсіе его небогатыхъ душевныхъ силъ нарушилось. Онъ сталъ страдать припадками настоящей душевной болѣзни, во время которыхъ онъ не только былъ неспособенъ къ серьезнымъ дѣламъ, но и былъ положительно опасенъ. Духъ Божій, который сообщается помазаннымъ для возвышенія и поддержанія ихъ обыкновенныхъ человѣческихъ силъ въ ихъ исключительномъ положеніи, отступилъ теперь отъ Саула и сталъ мучить его злой духъ отъ Господа, т. е., по попущенію Божію онъ подпалъ вліянію темныхъ силъ. Чтобы предотвращать или по крайней мѣрѣ ослаблять припадки, которые причиняли страданіе царю и наводили ужасъ на окружающихъ, приближенные

Саула рѣшились испытать вліяніе музыки. Ни одноизъ воздѣйствій внѣшняго міра на душу человѣческую не производитъ такого сильнаго, а главное—всегда благотворнаго вліянія, какъ музыка. Она всегда находитъ доступъ къ душѣ человѣка, въ какомъ бы настроеніи онъ ни находился—въ веселомъ ли или въ самомъ мрачномъ. Саулу предложили облегчать его меланхолію музыкою, и онъ согласился. Одинъ изъ придворныхъ доложилъ, что онъ видѣлъ у Іессея виѳлеемлянина сына, умѣющаго играть на гусляхъ, и прибавилъ, что это человѣкъ сильный и воинственный, искусный въ рѣчахъ, красивый и Господь съ нимъ, т. е., во всемъ благоуспѣшный. Рекомендація произвела впечатлѣніе на Саула, потому что онъ любилъ окружать себя сильными и воинственными людьми. Послали за Давидомъ. Отецъ отправилъ его по установившемуся обычаю съ подарками царю, въ числѣ которыхъ былъ мѣхъ знаменитаго виѳлеемскаго вина. Давидъ съ успѣхомъ началъ исполнять свою обязанность, понравился царю, которому музыка Давида, помимо ея общаго дѣйствія на натуру человѣка, напоминала лучшіе дни его молодости, когда онъ, въ первый разъ ощутивъ въ себѣ дѣйствіе Духа Божія, слушалъ музыку сыновъ пророческихъ, и царь приблизилъ его къ себѣ, сдѣлавъ его своимъ оруженосцемъ. Таковъ былъ первый шагъ Давида къ извѣстности и къ трону.

Вскорѣ послѣ этого филистимляне, которые не переставали тревожить евреевъ мелкими набѣгами, но постоянно были отбрасываемы, рѣшились, собравъ значительныя силы, открыть большую войну съ евреями. Можетъ быть до нихъ дошелъ слухъ о болѣзни Саула, и они возымѣли надежду одолѣть евреевъ, лишенныхъ теперь, какъ они думали, искуснаго предводителя. Но на этотъ разъ они ошиблись еще въ разсчетѣ. Едва они вторгнулись въ колѣно Іудино, какъ Саулъ съ войскомъ вышелъ имъ навстрѣчу. Филистимляне остановились и, занявъ крѣпкую позицію между Сокхоѳомъ и Азекомъ [1]), не двигались далѣе. Евреи тоже расположились въ боевомъ порядкѣ на горѣ. Непріятелей раздѣляла глубокая долина [2]). Войска

[1]) Города въ низменной части колѣна Іудина, I. Нав. 15, 35, на пути изъ Елевѳерополиса въ Іерусалимъ. Euseb. Onomaticon. Soccho.

[2]) הַגַּיְא глубокая ложбина ручья въ равнинѣ, по переводу Кейля. Comment. B. 2. S. 127.

были въ такомъ положеніи, что нападающая сторона неизбѣжно рисковала потерпѣть полное пораженіе. А такъ какъ никто себѣ не врагъ; то обѣ стороны стояли въ бездѣйствіи, но въ напряженномъ, выжидательномъ положеніи. Неизвѣстно, сколько времени они простояли бы такимъ образомъ, и чѣмъ бы дѣло у нихъ кончилось, если бы со стороны филистимлянъ не спустился въ долину исполинъ Голіаѳъ, уроженецъ Геѳа, вѣроятно сохранившійся остатокъ первобытнаго исполинскаго племени, населявшаго Ханаанъ [1]). Онъ былъ болѣе чѣмъ саженнаго росту и носилъ такое тяжелое вооруженіе, что обыкновеннаго человѣка оно придавило бы къ землѣ (броня болѣе 4 пуд. вѣсу, древко копья почти какъ бревно, и желѣзный наконечникъ его въ полпуда). Онъ вызывалъ со стороны евреевъ желающаго на единоборство съ условіемъ, что если онъ, Голіаѳъ, побѣдитъ, то евреи должны подчиниться филистимлянамъ, если же онъ будетъ побѣжденъ, то наоборотъ. Нельзя думать, чтобы это было одна воинская забава отъ бездѣлья и изъ любви къ искусству,—предложенныя условія были дѣломъ обычнымъ въ древности. Непонятнымъ представляется, какимъ образомъ рѣшали участь народовъ единоборствомъ, при бездѣйствіи цѣлыхъ войскъ [2]). Во-первыхъ, шансы побѣды большею частію одинаковы, какъ въ сраженіи между цѣлыми войсками, такъ и въ единоборствѣ: въ томъ и другомъ главную роль играетъ счастіе. Во-вторыхъ поединки часто были только началомъ всеобщей схватки, сигналомъ, выводившимъ войска изъ бездѣйствія. Въ третьихъ, участь народа, побѣжденнаго на условіяхъ единоборства, была безъ сомнѣнія совсѣмъ иная, чѣмъ та, которой онъ подвергается въ случаѣ уничтоженія цѣлаго войска. Повидимому въ разсматриваемомъ фактѣ еврейской исторіи мы присутствуемъ при самыхъ условіяхъ происхожденія поединковъ въ древности и можемъ объяснить ихъ смыслъ какъ вообще, такъ и въ данномъ случаѣ. Мы видѣли, что и филистимское, и еврейское войско оказались въ такомъ положеніи, что ни

---

[1]) Числ. 13, 34. I. Нав. 11, 22.

[2]) Альмъ считаетъ это даже совсѣмъ невѣроятнымъ и на этомъ основаніи подвергаетъ сомнѣнію весь разсказъ о поединкѣ. Theolog. Briefe. B. 1. S. 378.

то, ни другое не чувствовало себя достаточно сильнымъ сдѣлалъ нападеніе. Кромѣ того, что такое положеніе въ высшей степени тяжело для войска въ нравственномъ отношеніи, оно представляло важныя неудобства и съ матеріальной стороны. Если и нынѣ, при усовершенствованной организаціи военныхъ силъ мобилизованная армія, говорятъ, почти столь же тяжела для страны, какъ и самая война, то это же нужно сказать и относительно древнихъ временъ, и даже болѣе. Нынѣ при существованіи постоянныхъ армій мобилизація не нарушаетъ обычной дѣятельности трудовой массы, и хотя продолжительность ея вводитъ государство въ долги и наноситъ вредъ всей странѣ, однако въ благоустроенномъ государствѣ всегда есть средства облегчить кризисъ. Въ древности же, когда масса арміи состояла изъ ополченцевъ въ собственномъ смыслѣ, оторванныхъ случайно отъ обычныхъ занятій, доставлявшихъ имъ хлѣбъ насущный, при отсутствіи правильно организованной государственной экономіи, вредъ, наносимый мобилизованной, но долго бѣздѣйствующей арміей' былъ непосредственный и неотвратимый. Вся масса призванныхъ къ оружію, возвратясь домой, могла оказаться въ совершено безвыходномъ положеніи, безъ куска хлѣба на цѣлый годъ. Это обстоятельство дѣлало положительно невозможнымъ продолжительное бѣздѣйствіе собранной арміи; такъ какъ начиналось ничѣмъ неудержимое дезертирство. Ополченцы, не связанные дисциплиной, массами разбѣгались по домамъ, чтобы посѣять или сжать хлѣбъ, собрать виноградъ и проч., и армія таяла какъ ледъ на лѣтнемъ солнцѣ. Въ такомъ критическомъ положеніи вѣроятно и стали прибѣгать къ поединку, какъ къ средству покончить хоть на чемъ-нибудь. Поединокъ могъ привести къ двоякому результату: или войско, со стороны котораго единоборецъ побѣдилъ, воодушевлялось, бросалось на оробѣвшаго, смущеннаго непріятеля и наносило ему полное пораженіе, и тогда побѣдили поступали съ побѣжденными, какъ имъ вздумается; или же всеобщей схватки не происходило, потому что обѣ стороны сохраняли спокойствіе, и тогда побѣжденная въ лицѣ своего единоборца сторона принимала нѣкоторыя легкія условія подчиненія (потому что нельзя же предписать тяжелыя условія народу, армія

котораго не уничтожена) и удалялась во свояси, довольная тѣмъ, что такъ дешево отдѣлалась; побѣдители же, возвращаясь домой, могли удовлетворять себя тѣмъ, что побѣда, хотя и не принесла значительныхъ выгодъ, но зато и не стоила почти никакихъ жертвъ. Этимъ только и можно объяснить удивительное на первый взглядъ предложеніе Голіаѳа и то, что евреи не нашли его нелѣпымъ, а были бы рады, если бы изъ ихъ среды выискался храбрецъ для борьбы съ филистимляниномъ. „Саулъ и всѣ израильтяне, сказано, слыша слова филистямлина, весьма испугались и трепетали„. Чего испугались? Не думали же они конечно, что одинъ великанъ побьетъ все ихъ войско. И развѣ не могли они отнестись къ вызову филистимлянина равнодушно и ожидать обычнаго столкновенія между войсками? Они испугались того, что при неизбѣжоости рѣшить дѣло поединкомъ они не могли найти между собою человѣка, который бы рѣшился выйти на единоборство съ страшнымъ противникомъ и тѣмъ вывелъ бы ихъ изъ невозможнаго положенія. Сорокъдней Голіаѳъ дерзко выступалъ передъ станомъ евреевъ, сознававшихъ свое безвыходное положеніе. Даже безмѣрно увлекательныя обѣщанія царя—обогатить счастливаго единоборца великимъ богатствомъ, сдѣлать весь родъ его свободнымъ, если онъ не принадлежалъ къ числу свободныхъ гражданъ, и наконецъ—выдать за него свою дочь,—ничто не воодушевляло евреевъ. Рѣшиться на единоборство обыкновенными пріемами съ такимъ исполиномъ, который былъ неуязвимъ въ своемъ чудовищномъ вооруженіи, было бы безуміемъ. Поэтому даже отважный Іонаѳанъ принужденъ былъ терпѣть насмѣшки филистимлянина (1). Но Провидѣніе уже намѣтило для евреевъ человѣка, который способенъ былъ совершить то, къ чему не чувствовали въ себѣ силъ ни Саулъ, ни Іонаѳанъ. Это былъ Давидъ. Онъ не сопровождалъ Саула на войну. Открывшаяся война могла благотворно подѣйствовать на состояніе духа Саула, потому что припадки меланхоліи безъ сомнѣнія происходили въ состояніи ничѣмъ не нарушаемго бездѣйствія, когда мысли Саула

1) Эвальдъ предполагаетъ, что Саулу и Іонаѳану народъ не позволилъ выйти на поединокъ. Вышеук. соч. Т. 3, 90. Оставляемъ это предположеніе на его отвѣтственности.

праздно вращались около раздражавшихъ его воспоминаній и разгорячались отъ сознанія неосуществленныхъ и неосуществимыхъ стремленій. Напротивъ война возвращала его къ дѣйствительности, отрезвляла его. Давидъ съ своею музыкою становился ненуженъ и могъ безпрепятственно возвратиться къ отцу. Три старшіе брата Давида находились въ ополченіи. Такъ какъ продовольствіе, взятое ими съ собою на войну (общаго организованнаго продовольствія тогда повидимому не существовало) должно было истощиться, потому что они уже давно ушли изъ дому, и такъ какъ не было никакихъ вѣстей о положеніи дѣла на войнѣ, то отецъ ихъ велѣлъ Давиду поскорѣе отнести имъ пищу и кстати подарокъ (десять сыровъ) начальнику отряда, въ которомъ они находились, и узнать, въ какомъ положеніи они находятся. Давидъ пришелъ въ лагерь рано утромъ; войско, поднятое съ отдыха, строилось въ боевой порядокъ „съ крикомъ", сказано, т. е., находилось въ сильномъ возбужденіи,—не въ томъ очевидно, которое происходитъ отъ желанія ударить на врага, а въ томъ, которое носитъ въ себѣ зародышъ неповиновенія и бѣгства. Давидъ поспѣшно сложилъ свои вещи въ обозъ, розыскалъ своихъ братьевъ и началъ съ любопытствомъ осматривать невиданную имъ грозную обстановку войны. Вдругъ является въ долинѣ Голіаѳъ, дерзко приближается къ передовой линіи еврейскаго войска, и всѣ евреи, ходившіе въ разсыпную впереди строя, въ страхѣ бѣжали отъ него и прятались въ густыя колонны. Голіаѳъ повторяетъ свой вызовъ, не скупясь, какъ при этомъ былъ тогда обычай, на оскорбительныя выраженія на счетъ евреевъ. Впечатлительный Давидъ былъ губоко взволнованъ и началъ съ живостію разспрашивать о распоряжевіи царя для защиты чести евреевъ. Ему пересказали блестящія обѣщанія царя, не вызвавшія до сихъ поръ ни въ комъ рѣшимости сразиться съ великаномъ. Живые, торопливые разспросы, особенное возбужденіе и огонь рѣшимости въ глазахъ не оставляли никакого сомнѣнія въ принятомъ юношею намѣреніи, и его старшій братъ Еліавъ, вѣроятно питавшій надежду, что пока Давидъ остается въ неизвѣстности, онъ самъ успѣетъ такъ или иначе отличиться и предвосхитить блестящую будущность, намѣченную для Давида пророкомъ, мучимый

завистію и страхомъ не выдержалъ и разразился жестокимъ и несправедливымъ выговоромъ. „Для чего ты сюда пришелъ, говорилъ онъ Давиду, и на кого ты бросилъ овецъ въ пустынѣ? Знаю я дерзость твою и дурное сердце твое; вѣрно, ты пришелъ посмотрѣть, какъ сражаются". Ясно, что въ этихъ словахъ выражался не страхъ за жизнь брата, не любовь, желающая отклонить его отъ опаснаго предпріятія, а совсѣмъ иное чувство. Давидъ, не вступая въ безполезныя объясненія съ потерявшимъ самообладаніе братомъ, отошелъ отъ него и смѣшался съ толпою, продолжая разспросы объ интересовавшемъ его предметѣ и не скрывая своего желанія выйти противъ Голіаѳа. Онъ возбудилъ говоръ во всемъ войскѣ, доведено было до свѣдѣнія Саула, и Саулъ велѣлъ привести его къ себѣ. Давидъ смѣло выразилъ передъ царемъ свою рѣшимость сразиться съ филистимляниномъ. Саулъ не отнесся презрительно къ его предложенію, какъ къ безразсудной отвагѣ юноши. Довольный тѣмъ, что нашелся хоть одинъ человѣкъ, вступившійся за честь націи, что благодаря ему наступитъ наконецъ такая или другая перемѣна въ положеніи, сдѣлавшемся несноснымъ, онъ только кротко замѣтилъ ему, что онъ очень молодъ, а его противникъ—опытный воинъ. Давидъ отвѣчалъ ему на это, что онъ хотя и молодъ, но уже душилъ руками львовъ и медвѣдей и что поэтому онъ питаетъ надежду тоже сдѣлать и съ филистимляниномъ. Противъ этого аргумента едвали можно было что-нибудь возразить, и Саулъ благословилъ Давида на единоборство, убѣдившись, что видитъ предъ собою юношу не совсѣмъ обыкновеннаго. Впрочемъ, не будучи въ состояніи подумать объ иномъ способѣ битвы, кромѣ обычнаго, такъ сказать, рутиннаго, онъ облекъ было Давида въ шлемъ и латы и привѣсилъ къ нему мечъ. Но Давидъ, походивши немного въ неуклюжемъ желѣзномъ облаченіи, снялъ его, сказавъ, что онъ не привыкъ къ нему. Онъ не могъ не сообразить, что своимъ успѣхомъ въ борьбѣ съ медвѣдями и львами онъ былъ обязанъ не латамъ, не тяжести меча или копья, а единственно своему проворству и ловкости, неожиданности пріемовъ, лишавшихъ врага возможности употребить въ дѣло свою громадную силу и страшныя орудія, что попадись онъ въ лапы медвѣдя, онъ былъ бы не-

избѣжно изломанъ, хотя бы на немъ были латы Голіаѳа. Онъ сообразилъ поэтому, что и съ Голіаѳомъ нужно бороться тѣми же пріемами, потому что броня не могла бы защитить отъ страшнаго удара копья Голіаѳова, которое, если бы и не прокололо, то повергло бы его на землю и раздавило, что Голіаѳа нужно поразить такъ или иначе, не подвергая себя его удару, а для этого тяжелое вооруженіе не только безполезно, но и послужило бы помѣхою. Въ головѣ Давида быстро созрѣлъ планъ борьбы, совершенно неожиданный для Голіаѳа: онъ взялъ въ руки палку—первобытное, но страшное оружіе въ рукахъ сильнаго и ловкаго человѣка, пращу, замѣнявшую въ древности нѣкоторымъ образомъ огнестрѣльное оружіе, и положилъ въ сумку пять круглыхъ камешковъ изъ ручья. Очевидно Давидъ, разсчитывая на быстроту своихъ ногъ и на увертливость, а также на тяжелыя движенія своего неуклюжаго броненоснаго противника, надѣялся выстрѣлить не разъ и не два. Когда Голіаѳъ увидалъ своего противника, то его презрѣнію не было предѣловъ. Онъ разразился ругательствами и шелъ на Давида безъ всякой мысли объ опасности для себя отъ такого ничтожества. На ругательства Голіаѳа Давидъ отвѣчалъ спокойнымъ выраженіемъ увѣренности, что Богъ поможетъ своему народу одолѣть враговъ его, и безстрашно приблизился къ Голіаѳу на разстояніе вѣрнаго удара камнемъ безъ опасности промахнуться. Вдругъ праща взвилась, и прежде чѣмъ Голіаѳъ съ своимъ щитоносцемъ, шедшимъ впереди, успѣли сообразить, что нужно предпринять, круглый увѣсистый камень хватилъ великана по лбу, такъ что кость не устояла и глубоко вдавилась. Голіаѳъ безъ чувствъ повалился на землю, а Давидъ съ быстротою молніи подбѣжалъ къ нему, схватилъ его собственный мечъ и отсѣкъ имъ голову врага. Филистимляне, не думавшіе ни одну минуту, что ихъ ратоборецъ будетъ побѣжденъ, и потому бывшіе въ веселомъ настроеніи, до такой степени были поражены неожиданностію происшествія, что потеряли голову и къ явной своей погибели ударились въ бѣгство, бросивъ позицію, на которой легко могли защищаться. Евреи съ громкими криками кинулись за ними и поражали бѣгущихъ до тѣхъ поръ, пока они не скрылись въ укрѣпленныхъ городахъ,

Геѳѣ и Аккаронѣ. Лагерь филистимскій достался въ добычу евреямъ. Саулъ сильно заинтересовался личностію Давида и еще пока послѣдній выступалъ противъ Голіаѳа, онъ обратился къ военачальнику Авениру съ вопросомъ: чей сынъ Давидъ? Авениръ не зналъ, и когда Давидъ уже побѣдилъ Голіаѳа и возвращался, царь призвалъ его и освѣдомился о его происхожденіи. Давидъ сказалъ. Напрасно приводятъ этотъ фактъ въ доказательство того, что будто бы до сихъ поръ Давидъ совершенно былъ неизвѣстенъ Саулу и что онъ приглашенъ былъ ко двору только послѣ войны съ филистимлянами [1]). Въ вопросѣ Саула о происхожденіи Давида нѣтъ ничего страннаго, и онъ вовсе не доказываетъ, что Саулъ доселѣ совершенно не зналъ Давида. Весьма вѣроятно, что при первомъ представленіи Давида ко двору въ качествѣ музыканта Саулу было доложено, чей онъ сынъ; но это вовсе не обязывало Саула помнить. Смѣшно было бы думать, что Саулъ долженъ былъ помнить все сказанное ему при первомъ представленіи всякой незначительной личности, каковою былъ Давидъ до послѣдняго событія. Если сказано, что Саулъ сдѣлалъ его своимъ оруженосцемъ, то это не значитъ еще, что Давидъ былъ единственнымъ оруженосцемъ его,—вѣроятно были и другіе оруженосцы старше и почетнѣе его; Давидъ же получилъ это званіе просто, какъ одно изъ придворныхъ званій, а не потому, что Саулъ хотѣлъ этимъ особенно отличить его. Теперь же, т. е., послѣ побѣды надъ Голіаѳомъ, было иное дѣло. Фактъ общеизвѣстный, что мы знаемъ лицо и имя многихъ людей, нисколько не интересуясь знать какія-нибудь подробности ихъ жизни; но какъ только кто-нибудь изъ этихъ полуизвѣстныхъ людей сдѣлаетъ что-нибудь особенное, выдающееся изъ ряда вонъ, тотчасъ является желаніе узнать досконально: кто онъ, гдѣ и какъ жилъ, откуда родомъ, и проч. Тоже самое выразилось и въ вопросѣ Саула, соблазняющемъ критиковъ дѣлать разныя невѣроятныя предположенія. „И взялъ, сказано, его Саулъ въ тотъ день и не позволилъ ему возвратиться въ домъ свой“. Это вовсе не значитъ, что только

[1]) Graetz. Вышеук. соч. Т. I, стр. 198 и 416. Alm. Theol. Briefe. B. 1. S. 377.

теперь Давидъ былъ взятъ ко двору, а значитъ только, что Саулъ навсегда оставилъ его при себѣ, тогда какъ прежде онъ только временно являлся къ двору. И это совершенно понятно: могъ ли Саулъ, окружавшій себя богатырями, разстаться съ такимъ героемъ? Впрочемъ изъ этого нельзя заключать еще, что Саулъ полюбилъ Давида; скорѣе нужно предполагать въ этомъ или практическій разсчетъ, или удовлетвореніе тщеславія, потому что Саулу пріятно было имѣть въ числѣ своихъ слугъ героя, который въ былыя времена за подобный подвигъ имѣлъ бы всѣ шансы сдѣлаться судіею народа. Во всякомъ случаѣ объ исполненіи обѣщанія сдѣлать счастливаго единоборца своимъ зятемъ Саулъ не заводилъ и рѣчи. Совсѣмъ иначе отнесся къ молодому герою сынъ царя, благородный Іонаѳанъ: онъ полюбилъ Давида всей душей и заключилъ съ нимъ союзъ дружбы на вѣчныя времена, въ знакъ чего подарилъ ему по тогдашнему обычаю свое платье и вооруженіе. Пламенная дружба между отважными героями, между товарищами на полѣ брани—явленіе весьма обыкновенное. Но Іонаѳанъ и Давидъ находились въ положеніи нѣсколько исключительномъ, такъ что фактъ беззавѣтной дружбы между ними можетъ показаться необычайнымъ и непонятнымъ. Спросятъ: какъ могъ Давидъ питать чистое, невозмущенное чувство дружбы къ сыну царя, будучи предназначенъ предвосхитить у него престолъ? Могъ ли онъ открыть ему свое предназначеніе и открылъ ли? Если не открылъ, то какъ могъ безъ упрека совѣсти брать протягиваемую ему руку дружбы? Если же открылъ, то какъ могла устоять дружба между ними? Какъ и Іонаѳанъ, естественный наслѣдникъ престола, могъ питать неизмѣнное чувство дружбы къ претенденту на престолъ? Для рѣшенія этихъ вопросовъ есть другой, болѣе вѣрный путь, чѣмъ тотъ, на который становятся писатели отрицательнаго направленія. Было бы поспѣшно и ненаучно заключать вмѣстѣ съ Альмомъ, что „дружба Іонаѳана къ Давиду, въ томъ видѣ, какъ она представляется въ Библіи, есть явленіе совершенно неестественное“ [1]). Этотъ писатель, вообще крайне нарезборчивый въ средствахъ для оправданія сво-

[1]) Вышеук. соч. Т. I, стр. 380.

ихъ отрицательныхъ выводовъ, страдаетъ однимъ рѣзко бросающимся въ глаза порокомъ: на явленія древней и древнѣйшей жизни онъ смотритъ съ точки зрѣнія современныхъ отношеній и потому можно было бы сказать, что онъ весьма грубо заблуждается, если бы не было видно ясно, что онъ собственно старается ввести читателя въ заблужденіе [1]). Между тѣмъ въ данномъ случаѣ тотъ, кто способенъ понять своеобразныя житейскія отношенія у евреевъ въ разсматриваемый моментъ ихъ исторической жизни и увидать глубокое различіе ихъ отъ таковыхъ же у другихъ народовъ и во времена позднѣйшія,—не найдетъ въ библейскомъ повѣствованіи ничего невѣроятнаго. Все кажущееся затрудненіе заключается въ томъ, что Давидъ мыслится какъ узурпаторъ, какъ похититель правъ Іонаѳана. Но въ дѣйствительности этого не было. Какъ долженъ былъ мыслить себя Іонаѳанъ? Онъ былъ старшимъ сыномъ Саула и могъ мыслить себя наслѣдникомъ престола, но единственно *по аналогіи* съ порядкомъ дѣлъ, существовавшимъ въ другихъ царствахъ, гдѣ были утвердившіяся династіи, а *не по праву, утвержденному закономъ*. Такого права у евреевъ не существовало въ законѣ, ни даже въ обычаѣ. Хотя старшій сынъ по смерти отца становился главою семьи, но это совсѣмъ другое дѣло; къ наслѣдованію царства отсюда можно дѣлать только заключеніе, не болѣе. Права традиціоннаго образоваться еще не могло. Царствованіе было теперь у евреевъ нѣчто совершенно новое, въ законѣ объ его наслѣдованіи не сказано ни слова; первымъ царемъ былъ отецъ Іонаѳана, *избранный Богомъ чрезъ пророка и принятый народомъ*. Іонаѳанъ рѣшительно не могъ знать, какимъ путемъ онъ можетъ утвердиться на престолѣ и даже утвердится ли: признанъ ли онъ будетъ царемъ только потому, что онъ старшій сынъ царя, или же утвердится избирательный порядокъ, при чемъ конечно онъ не былъ бы единственнымъ кандидатомъ и могъ быть не избраннымъ. Такимъ образомъ Іонаѳанъ, сынъ царя, но не имѣвшій опредѣленныхъ правъ

[1]) Въ исторіи Моисея онъ находитъ невозможнымъ, чтобы царская дочь ходила купаться на рѣку съ ея болотистыми и поросшими камышомъ (?) берегами. „Ужели, говоритъ онъ, она не имѣла у себя во дворцѣ купальной комнаты“? Тамъ же, стр. 318.

на престолъ, и Давидъ, простой гражданинъ, на котораго впрочемъ могло пасть и избраніе, въ сущности были въ одинаковомъ положеніи. Такое положеніе по нашему мнѣнію нисколько не препятствовало имъ сдѣлаться друзьями. Давидъ понималъ, что хотя онъ и помазанъ пророкомъ, но Іонаѳанъ по волѣ народа можетъ сдѣлаться царемъ (окончательное утвержденіе царя во всякомъ случаѣ зависѣло отъ народа), и ему ничего не останется сдѣлать, какъ признать себя его подданнымъ. Іонаѳанъ, когда онъ узналъ тайну помазанія Давида, тоже понималъ, что Давидъ можетъ сдѣлаться царемъ такимъ же порядкомъ, какъ и его отецъ, Саулъ, и теперешняя дружба къ нему Давида пригодится ему впослѣдствіи (этого онъ, какъ увидимъ ниже, и не скрывалъ передъ Давидомъ). Они не могли ненавидѣть другъ друга, потому что не могъ одинъ другаго считать безчестнымъ человѣкомъ, похитителемъ чужихъ правъ, —права ихъ были одинаковы. Одинъ изъ нихъ могъ быть только счастливѣе другаго; но неравенство счастія не есть положительная помѣха чувству дружбы. Правда, предположеніе, что другой, не лучшій меня, можетъ сдѣлаться счастливѣе меня, часто порождаетъ чувство зависти и недоброжелательства; но это свойственно душамъ мелкимъ, характерамъ ничтожнымъ,—не могло быть этого между Іонаѳаномъ и Давидомъ, какими ихъ рисуетъ намъ Библія.

Еще до возвращенія съ поля военныхъ дѣйствій, вѣроятно во время преслѣдованія филистимлянъ и непосредственно за симъ Давидъ такъ успѣлъ обнаружить свои замѣчательныя способности, что самъ царь, его придворные и весь народъ восхитились его личностію. Саулъ немедленно поставилъ его военачальникомъ надъ особымъ отрядомъ. Но фактъ общеизвѣстный: люди способны восхищаться личностями, возвышающимися надъ обыкновеннымъ уровнемъ; если же выдающаяся личность даже помимо своей воли слишкомъ уже сильно даетъ чувствовать окружающимъ ихъ ничтожество, то между послѣдними всегда найдутся такіе, у которыхъ къ восхищенію скоро примѣшивается какъ бы чувство обиды, затѣмъ зависть и наконецъ рѣшительное недоброжелательство. Въ сильнѣйшей степени это обнаруживается между людьми, стоящи-

ми у власти. Вспомнимъ, напр., что въ древнихъ греческихъ республикахъ достаточно было какому-нибудь гражданину прославиться великимъ подвигомъ или просто заслужить всеобщую любовь за свои душевныя качества и безукоризненную жизнь, чтобы подвергнуться изгнанію. Не думаемъ, чтобы здѣсь дѣйствовало всегда одно только опасеніе за республиканскій строй правленія. Правда, въ старыхъ монархіяхъ личность подданнаго, какъ бы она ни возвышалась, какъ бы ни прославлялась, всегда мыслится безконечно ниже прирожденнаго государя и не можетъ возбудить въ послѣднемъ, за исключеніемъ рѣдкихъ случаевъ, зависти и опасенія; но въ монархіяхъ новыхъ бываетъ совсѣмъ наоборотъ. Таковою была монархія еврейская при Саулѣ; она была еще слишкомъ близка къ тому, что можно назвать республикой. Здѣсь еще не успѣло образоваться не только пропасти, но и сильно замѣтной грани между государемъ и подданнымъ; здѣсь еще всѣ мыслили: царь, потому что способенъ и достоинъ быть царемъ,—не такъ, какъ мыслится въ старыхъ монархіяхъ: царь, потому что его предки были царями. Саулъ не могъ быть равнодушенъ къ блестящимъ талантамъ и громкой славѣ подданнаго; потому что онъ самъ сдѣлался царемъ, благодаря нѣкоторымъ нерядовымъ своимъ личнымъ качествамъ и укрѣпился на царствѣ славою военныхъ подвиговъ. Могъ ли онъ поручиться, что другой не затмитъ его съ этой стороны и не покажется въ глазахъ народа болѣе достойнымъ царства? Примемъ при этомъ въ разсчетъ угрозу пророка и болѣзненное разстройство Саула. Поэтому мы не должны удивляться тому, что по библейскому повѣствованію благосклонность Саула къ Давиду очень скоро перешла въ зависить и недоброжелательство. Повидимому уже на возвратномъ пути съ войны [1]) Саулъ былъ непріятно пораженъ возгласами еврейскихъ женщинъ, которыя со свойственною имъ тогда свободою выходили навстрѣчу побѣдителямъ и весело привѣтствовали ихъ. Веселыми хороводами кружились онѣ, ударяли въ музыкаль-

[1]) 1 Цар. 18, 6. Буддей настаиваетъ, что это случилось нѣкоторое время спустя, послѣ другой войны, въ которой отличился Давидъ. Historia eccles. Veter. Test. Edit. 4. T. 2. p. 55. Но въ такомъ предположеніи нѣтъ никакой необходимости, ни даже видимой пользы.

ные инструменты и припѣвали: „Саулъ поразилъ тысячи, а Давидъ поразилъ тьмы". „Саулъ весьма огорчился, сказано, и непріятно показалось ему слово сіе... И сталъ Саулъ съ того дня подозрительно смотрѣть на Давида". Мысль о Давидѣ, еще недавно совершенно неизвѣстномъ и вдругъ сдѣлавшемся столь знаменитымъ, не давала Саулу покоя. Чѣмъ больше онъ думалъ объ немъ, тѣмъ сильнѣе развивались его подозрѣнія: „ему уже не достаетъ только царства", говорилъ онъ самъ себѣ, и окончательно возненавидѣлъ Давида. Музыка Давида потеряла теперь всякое очарованіе для него; видъ Давида возбуждалъ въ немъ бѣшенство, и разъ въ припадкѣ, когда Давидъ игралъ передъ нимъ, онъ дважды пытался пронзить его копьемъ, но Давидъ счастливо уклонялся. Надобно полагать, что Саулъ дѣйствовалъ здѣсь не совсѣмъ безсознательно, потому что вскорѣ за тѣмъ онъ началъ хладнокровно придумывать другіе, болѣе благовидные способы погубить Давида. Онъ ставитъ его начальникомъ надъ отрядомъ въ 1000 человѣкъ, съ тѣмъ, чтобы онъ постоянно имѣлъ дѣло съ окрестными врагами. Но Давидъ одерживалъ блистательныя побѣды, и весь народъ восхищался имъ. Саулъ полагалъ сначала, что излишняя юношеская отвага въ войнѣ погубитъ Давида; но убѣдившись, что Давидъ сколько отваженъ, столько же и „благоразуменъ", положительно „началъ бояться его". Безъ сомнѣнія грозное слово пророка: „Господь отниметъ у тебя царство и отдастъ другому"—чаще и чаще стало отдаваться въ ушахъ его. Надобно было избавиться отъ страшнаго соперника во что бы то ни стало. Но насиліе употребить казалось еще неблаговиднымъ и опаснымъ. И вотъ царь Израиля пустился на низкія хитрости. Онъ попробовалъ выбить Давида изъ колеи благоразумія, возбудивъ въ немъ честолюбіе, которое, какъ ему казалось, должно было побудить Давида къ безразсудной отвагѣ, къ смертельно-опаснымъ предпріятіямъ. Онъ предложилъ свою старшую дочь Мерову въ замужество Давиду, съ тѣмъ чтобы побудить Давида къ отважнѣйшимъ подвигамъ противъ враговъ во главѣ ввѣреннаго ему отряда. Высокая честь быть царскимъ зятемъ возбудитъ, думалось Саулу, въ Давидѣ безразсудную отвагу въ сраженіяхъ, и онъ погибнетъ. Но Давидъ огра-

ничился преувеличенно-скромнымъ отвѣтомъ: „кто я и что жизнь моя и родъ отца моего въ Израилѣ, чтобы мнѣ быть зятемъ царя?“—и ждалъ послѣдствій, не предпринимая повидимому ничего особеннаго, чтобы заслужить царскую милость. Въ намѣренномъ униженіи Давидомъ себя и своего рода звучитъ какъ бы иронія. Въ самомъ дѣлѣ Давиду не могло не показаться страннымъ и даже обиднымъ, что отъ него требуютъ еще какихъ-то подвиговъ за честь получить руку царской дочери, когда онъ уже имѣлъ право на эту руку согласно царскому обѣщанію за единоборство съ Голіаѳомъ. Тѣмъ не менѣе въ теченіе нѣкотораго времени дѣлали видъ, что Давидъ женихъ Меровы. „Когда же, сказано, наступило время отдать Мерову Давиду, она выдана была въ замужество за Адріэла изъ Мехолы“. Такой странный исходъ дѣла можно объяснить только тѣмъ, что Саулъ, замѣтивъ равнодушное отношеніе Давида къ предложенію, захотѣлъ уязвить его самолюбіе; выдвинувъ неожиданно и въ столь обидной формѣ соперника ему, Саулъ разсчитывалъ зажечь въ немъ чувство мести, удовлетвореніе которой было бы гибельно для Давида во всякомъ случаѣ: или онъ былъ бы убитъ Адріэломъ, или былъ бы осужденъ на смерть, какъ убійца [1]). Однако разсчеты Саула не оправдались,—Давидъ остался равнодушнымъ ко всему. Вдругъ усердные слуги доносятъ Саулу, что его другая дочь Мелхола любитъ Давида. Саулъ обрадовался; онъ тотчасъ сообразилъ, что здѣсь скрывается взаимность со стороны Давида, и построилъ планъ погибели Давидовой. „Отдамъ ее за него, говорилъ онъ самъ себѣ, и она будетъ ему сѣтію, и будетъ на немъ рука филистимлянъ“. Для обезпеченія успѣха онъ подослалъ придворныхъ дипломатовъ возбудить въ Давидѣ надежду и самолюбіе. На этотъ разъ Саулъ не во всемъ ошибся; отвѣтъ Давида сватьямъ уже разнился отъ прежняго явно уклончиваго отвѣта по поводу Меровы и обнаруживалъ, что Давидъ неравнодушенъ къ предложенію. „Развѣ маловажнымъ для

---

[1]) Гретцъ полагаетъ, что, когда Саулъ предложилъ Давиду Мерову, она была уже замужемъ за Адріэломъ и что отнятіемъ ея у послѣдняго для Давида имѣлось въ виду возбудить кровавую вражду между соперниками. Указ. соч. Стр. 200. Изъ текста этого не видно.

васъ кажется, говорилъ онъ, быть зятемъ царя. Я же человѣкъ *бѣдный* и незначительный". Придворные поняли намекъ, что Давиду нечѣмъ заплатить богатаго вѣна, которое было бы достойно царской дочери. Когда они донесли объ этомъ Саулу, то оказалось, что онъ повидимому того и ожидалъ, потому что у него уже готова была чудовищная выдумка, крайняя грубость которой равнялась только ненависти его къ Давиду. „Скажите Давиду, говорилъ онъ: царь не хочетъ вѣна, кромѣ ста краеобрѣзаній филистимскихъ, въ отмщеніе врагамъ" [1]). При этомъ Саулъ назначилъ срокъ, какъ показываетъ ст. 27-й, и вѣроятно короткій. Разсчетъ ясенъ. Давидъ долженъ былъ сдѣлать неожиданный набѣгъ на филистимлянъ, безъ всякаго повода съ ихъ стороны, и тѣмъ ожесточить ихъ, и безъ того озлобленныхъ на Давида до послѣдней степени. Кромѣ того онъ долженъ былъ имѣть большое дѣло съ филистимлянами, чтобы получить сто убитыхъ враговъ; а это въ пограничныхъ мѣстностяхъ едвали было возможно. Нужно было углубиться внутрь непріятельской страны, очутиться предъ многочисленнымъ ополченіемъ и остаться побѣдителемъ. Гораздо легче было погибнуть. Тѣмъ не менѣе Давидъ согласился. Надобно полагать, что Давидъ дѣйствительно имѣлъ жаркое дѣло, потому что получилъ возможность принести своему будущему тестю 200 краеобрѣзаній. Саулъ теперь уже не могъ нарушить своего обѣщанія, потому что дѣло велось слишкомъ публично,—весь Израиль интересовался имъ, и скрѣпя сердце отдалъ Мелхолу Давиду. Онъ вскорѣ наглядно убѣдился, что Мелхола любитъ Давида и, вмѣсто того чтобы, какъ подобаетъ доброму отцу, радоваться счастью дочери, онъ испугался и сталъ еще злѣйшимъ врагомъ Давида. Онъ попалъ, такъ сказать, въ сѣти, разставленныя имъ самимъ. Сдѣлавши поневолѣ Давида своимъ зятемъ, онъ понялъ, что Давидъ сталъ теперь несравненно опаснѣе для него, такъ какъ онъ сталъ

[1]) Буддей, отвергая разныя, слишкомъ искусственныя объясненія этого требованія, думаетъ, что этимъ требованіемъ имѣлось въ виду нанести только наибольшее оскорбленіе филистимлянамъ и тѣмъ сильнѣе раздражить ихъ противъ Давида. Flavius Josephus, прибавляетъ онъ praeputia in capita mutavit, ne gentilibus illud Saulis postulatum nimis barbarum videretur. Указ. соч. стр. 57.

теперь членомъ его семьи, и всякая несправедливость и насиліе противъ него должны были тѣмъ болѣе возбуждать негодованіе народа. А Давидъ между тѣмъ продолжалъ покрывать себя славою военныхъ подвиговъ. Тогда Саулъ, потерявъ всякую надежду погубить Давида тайными кознями, сбросилъ съ себя маску и открылъ свои намѣренія приближеннымъ. „Необходимо умертвить Давида", говорилъ онъ Іонаѳану и ближайшимъ придворнымъ. Повидимому всѣ смолчали. Іонаѳанъ, не могшій безъ содроганія даже подумать о такомъ преступленіи, не хотѣлъ высказаться передъ толпою придворныхъ; придворные, зная дружбу Іонаѳана къ Давиду, вѣроятно тоже ограничились почтительно-молчаливымъ вниманіемъ къ словамъ царя. Іонаѳанъ немедленно извѣстилъ Давида объ опасности и посовѣтовалъ до времени скрыться. А самъ, улучивъ минуту сойтись съ отцомъ наединѣ въ полѣ, объяснилъ ему всю неблаговидность замышляемаго имъ дѣла и убѣдилъ его оставить Давида въ покоѣ. Что могъ возразить Саулъ, когда его сынъ, въ интересахъ котораго, какъ наслѣдника престола, повидимому слѣдовало устранить Давида (такъ безъ сомнѣнія представлялъ дѣло Іонаѳану Саулъ), заступается за своего соперника; что онъ могъ еще представить въ оправданіе своей ненависти къ Давиду? Саулъ согласился съ сыномъ и по тогдашнему обычаю поклялся не убивать Давида. Тогда Давидъ снова появился при дворѣ, какъ будто ничего не произошло. Но внутренно Саулъ никогда не могъ примириться съ Давидомъ. Уступая силѣ доводовъ въ пользу Давида со стороны его защитниковъ, онъ могъ только терпѣть его, когда былъ въ спокойномъ состояніи духа. Но было достаточно малѣйшаго толчка, чтобы вывести его духъ изъ состоянія равновѣсія. Давидъ снова одержалъ блистательную побѣду надъ филистимлянами. Всѣ радовались. Но на Саула напалъ злой духъ. Возрастающая слава Давида приводила его въ бѣшенство. Онъ неистовствовалъ во дворцѣ, и копье было у него въ рукахъ. Давидъ взялся было по обычаю за арфу, но зорко наблюдалъ за страшнымъ паціентомъ. Какъ и слѣдовало ожидать, Саулу пришло неодолимое желаніе „пригвоздить Давида копьемъ къ стѣнѣ". Замѣтивъ движеніе Саула, Давидъ успѣлъ отскочить въ сторону, и копье вонзилось

въ стѣну. Давидъ убѣжалъ поспѣшно въ свой домъ, гдѣ въ случаѣ немедленной погони за нимъ Саула Мелхола могла защитить его отъ ярости отца своей грудью. Саулъ не погнался за нимъ, но рѣшилъ, не взирая ни на что, употребить насиліе: онъ окружилъ домъ Давида стражей, чтобы утромъ схватить его. Схватить его немедленно и умертвить онъ повидимому еще не рѣшался. Можетъ быть ему нужно было нѣкоторое время, для того, чтобы принять какія-нибудь мѣры на случай взрыва народнаго неудовольствія. Можетъ быть также, что онъ хотѣлъ предать его формальному суду, какъ беззаконнаго претендента на престолъ, и надѣялся настоять на смертномъ приговорѣ [1]). Какъ бы то ни было, но это спасло Давида,—онъ сумѣлъ незамѣтно для стражи выйти изъ дому и убѣжалъ совсѣмъ изъ города. Любящая жена позаботилась о томъ, чтобы Давидъ имѣлъ возможность убѣжать какъ можно дальше или успѣлъ найти безопасное пристанище. Она обманула присланныхъ утромъ отъ Саула взять Давида, сказавъ имъ, что онъ тяжко боленъ, и показала на постелѣ закутанную наподобіе человѣка статую. Хотя обманъ скоро и обнаружился, потому что Саулъ велѣлъ принести Давида вмѣстѣ съ постелью; однако Давидъ успѣлъ добраться до Рамы и прибѣгнулъ подъ защиту Самуила. Ярость Саула обрушилась было на Мелхолу, но она сумѣла убѣдить, что иначей поступить было невозможно, такъ какъ де Давидъ грозился убить ее. Давидъ сталъ жить съ Самуиломъ въ Навоѳѣ [2]). Здѣсь Давидъ могъ считать себя на нѣкоторое вре-

---

[1]) Такъ думаетъ I. Флавій. Antiqu. XI. 4.

[2]) נָיוֹת переводится обыкновенно какъ собственное имя и вѣроятно дѣйствительно употреблялось какъ собственное имя, но оно по всѣмъ признакамъ заключаетъ въ себѣ общее (нарицательное) понятіе, соотвѣтствующее тому, что у насъ называется „общежитіемъ“, т. е., зданіемъ со многими жилыми помѣщеніями не для одного семейства, а для цѣлаго общества людей, напр., для воспитанниковъ, для призрѣваемыхъ и проч. Нѣкоторые толкователи слово „Наваѳъ“ переводятъ словами „пастушескій домъ, гостинница“, а халдейскій переводчикъ „домъ ученія“. Имѣя въ виду, что въ Навафѣ былъ сонмъ пророковъ, иначе: сыновъ пророческихъ, что глаг. נָוָה составляющій основу слова נָיוֹת значитъ „жить, находиться въ жилищѣ“, что сущ. נָוֶה значитъ нерѣдко „пастбище, пажить“, какъ 1

мя въ безопасности. И уваженіе къ Самуилу, и религіозное одушевленіе сыновъ пророческихъ, поражавшее еврея, обезпечивали Давида отъ грубаго насилія со стороны Саула. Однако Саулъ, когда узналъ, гдѣ скрывается Давидъ, немедленно послалъ схватить его и привести. Но посланные, сказано, когда увидѣли ликъ пророковъ пророчествующихъ и Самуила, стоявшаго настоятелемъ надъ ними, подпали дѣйствію духа Божія и начали тоже пророчествовать. Этотъ съ перваго взгляда необычайный фактъ требуетъ нѣкотораго разъясненія, и здѣсь недостаточно ограничиться замѣчаніемъ, что „посланные, услышавъ пѣніе сыновъ пророческихъ, вдругъ почувствовали въ себѣ то же расположеніе духа и присоединились къ хору сыновъ пророческихъ, позабывъ (?) причину своего посольства“ [1]). Посланные Сауломъ, т. е., начальникъ отряда или придворный, которому поручались подобныя дѣла, отъ котораго требовалось одно слѣпое повиновеніе, потомъ толпа простыхъ воиновъ, привыкшихъ къ кровавой расправѣ съ врагами или съ тѣми, кого считалъ врагами царь,—эти люди, пришедши въ Наваѳъ, вдругъ начали *пророчествовать*!... Прежде всего нужно замѣтить, что понятіе: пророчествовать—у насъ имѣетъ строго опредѣленный смыслъ; пророчествовать значитъ предсказывать будущее или же изрекать какія-нибудь религіозно-нравственныя истины, также обличать грѣшниковъ, утѣшать удрученныхъ,—словомъ: дѣлать то, что дѣлали пророки въ собственномъ смыслѣ. При этомъ неизбѣжно предполагается лицо, обладающее особыми дарами Духа Божія и посвятившее свою жизнь всецѣло служенію высшимъ религіозно-нравственнымъ интересамъ человѣчества. Въ данномъ же мѣстѣ, какъ и во многихъ другихъ мѣстахъ Библіи слово „пророчествовать“ имѣетъ своеобразный, болѣе широкій и не столь точный и глубокій смыслъ. Извѣстно, что въ жизни каждаго, даже самаго обыкновеннаго человѣка бываютъ минуты какого-то особеннаго духовнаго возбужденія и просвѣтлѣнія. Въ эти

Пар. 17, 7. Ис. 65, 10, а также „загонъ, овчарникъ“, какъ Іер. 23, 3. Соф. 2. 6, а прилаг. נָוֶה значитъ „дома сидящая“, т. е., ведущая скромную жизнь, какъ Пс. 67, 13,—можно думать, что Наваѳъ означаетъ: учебное общежитіе, питомникъ, seminarium.

[1]) Душеп. Чт. 1872. кн. 2. стр. 383.

минуты человѣкъ становится на необычную для него нравственную высоту: его чувства становятся живѣе и чище, мысль—свѣтлѣе и проницательнѣе; онъ способенъ бываетъ тогда увидать истину и добро тамъ, гдѣ при обыкновенномъ, рутинномъ теченіи своей жизни и не подозрѣвалъ ихъ, даже можетъ быть смѣялся, когда ему указывали ихъ тамъ. Когда человѣкъ въ этомъ состояніи говоритъ, то говоритъ съ воодушевленіемъ, съ силою, съ выразительными жестами и невольно обращаетъ на себя вниманіе окружающихъ. Въ особенно сильныхъ наружныхъ чертахъ обнаруживается это состояніе у южныхъ жителей, одаренныхъ пламенной натурой. Такое состояніе по внѣшнимъ чертамъ и отчасти по внутреннему характеру похоже на состояніе пророковъ въ собственномъ смыслѣ подъ наитіемъ Духа Божія. Евреи и называли его пророческимъ состояніемъ вообще; слова и дѣйствія человѣка въ такомъ состояніи обозначали словомъ „пророчествуетъ“, безразлично прилагая его и къ людямъ обыкновеннымъ, и къ пророкамъ въ собственномъ смыслѣ. Съ этой точки зрѣнія становится понятнымъ, какимъ образомъ посланные Сауломъ начали пророчествовать. Въ духовномъ отношеніи это конечно были люди самые обыкновенные, даже можетъ быть низменные. Они были вѣрными исполнителями воли царя, жили его милостями и едвали имѣли привычку задаваться вопросами, выходящими изъ ряда обыденныхъ, чисто практическихъ интересовъ. Однако изъ этого не слѣдовало съ необходимостію, чтобы они не были способны при какихъ-нибудь исключительныхъ обстоятельствахъ воспрянуть духомъ, пережить минуты болѣе широкой и человѣчески-возвышенной духовной дѣятельности. Всѣ они хорошо знали Давида и, надобно думать, плѣнялись его благородной личностію. Вѣроятно всѣ или большая часть изъ нихъ были евреи, благоговѣвшіе предъ Самуиломъ и относившіеся къ пророческимъ обществамъ съ почтеніемъ, съ религіознымъ уваженіемъ, какъ къ учрежденію, непосредственно вытекавшему изъ близкихъ отношеній Іеговы къ своему народу. Уже первая попытка произвести насиліе надъ Давидомъ безъ сомнѣнія произвела сильное впечатлѣніе на всѣхъ. Многочисленные почитатели Давида были глубоко возмущены и начали толковать о жестокости царя, о его несносномъ характерѣ, о

его болѣзни. Слушая эти толки, и люди ко всему равнодушные начали размышлять и задаваться серьезными вопросами. Вѣроятно всѣ обрадовались, когда узнали, что Давидъ пока избѣжалъ опасности. Вдругъ нѣсколько человѣкъ, уже настроенныхъ не въ пользу Саула, получаютъ приказаніе идти въ жилище пророковъ и схватить тамъ Давида. Порученіе необычайное, невольно заставлявшее задуматься. Дорога до Рамы дала время для размышленій, несовмѣстныхъ съ безпрекословнымъ исполненіемъ царской воли. И вотъ приходятъ въ Раму; съ свойственнымъ еврею чувствомъ благоговѣнія, смѣшаннаго со страхомъ, подходятъ къ таинственному жилищу пророковъ, и глазамъ ихъ представляется поразительное зрѣлище: множество мужей и юношей, съ маститымъ старцемъ во главѣ, въ торжественной позѣ, съ вдохновеннымъ взоромъ, могучимъ, но согласнымъ голосомъ поютъ возышенные гимны, прославляющіе великія и чудныя дѣла Іеговы. Глубоко пораженные воины невольно останавливаются, вспоминаютъ о дѣлѣ, за которымъ пришли, и ими овладѣваетъ благоговѣйный ужасъ. Мгновенно спадаетъ повязка съ ихъ духовныхъ глазъ, и они съ поразительной ясностію видятъ всю неестественность, всю грѣховность дѣла, за которымъ посланы. Съ сильнымъ волненіемъ, съ порывистыми жестами они начали сообщать другъ другу свои одинаковыя мысли, хвалили Давида,порицали Саула и наконецъ до того воодушевились, что стали вторить, насколько умѣли, могучему, увлекательному хору пророковъ. Они „пророчествовали“. Въ такомъ состояніи на нихъ могъ сойти и Духъ Божій... Саулъ въ нетерпѣніи и недоумѣніи посылалъ еще два раза. Вторые и третьи посланные уже легко присоединялись къ первымъ. Наконецъ, потерявъ терпѣніе, Саулъ отправляется самъ. Но со времени его припадочнаго озлобленія прошло уже много времени, его мысли успѣли прійти нѣсколько въ порядокъ. Затѣмъ онъ былъ пораженъ непонятнымъ поведеніемъ посланныхъ. Все это имѣло слѣдствіемъ то, что еще не дойдя до Рамы, онъ испыталъ на себѣ дѣйствіе Духа Божія и не могъ на этотъ разъ причинить зло Давиду. Его волненіе, понятное дѣло, было несравненно сильнѣе того, которое испытали его посланные: „онъ снялъ одежды свои и пророчествовалъ предъ Самуиломъ, и весь

день тотъ и всю ночь лежалъ неодѣтый". Но такое состояніе Саула не могло быть продолжительнымъ, и потому Давидъ поспѣшилъ уйти изъ Наваѳа съ тревогою о дальнѣйшей своей участи. Розыскавъ своего друга Іонаѳана, онъ горячо жаловался ему на несправедливое преслѣдованіе. Великодушный Іонаѳанъ все еще не могъ вѣрить, что отецъ его дѣйствительно рѣшился погубить Давида. Но Давидъ убѣдилъ его, и онъ долженъ былъ повѣрить. Рѣшились однако въ послѣдній разъ испытать расположеніе Саула. Давидъ отказался наотрѣзъ явиться предъ Сауломъ, предлагая другу лучше убить его (Давида) своими руками, чѣмъ снова предстать предъ Сауломъ. Предчувствуя, что онъ видитея съ Давидомъ можетъ быть въ послѣдній разъ, Іонаѳанъ обратился къ нему съ пламенными увѣреніями въ своей дружбѣ и поручалъ себя и свое потомство великодушію Давида, если послѣдній будетъ въ счастіи. Іонаѳанъ теперь уже видѣлъ ясно, что безобразное поведеніе отца, неудовольствіе пророковъ и всѣхъ лучшихъ людей мало оставляли ему надежды на престолъ, хотя онъ былъ и сынъ царя. Наступилъ праздникъ новомѣсячія. Мѣсто Давида за царскимъ столомъ было пусто. Саулъ спросилъ Іонаѳана о причинѣ его отсутствія. (Саулъ конечно думалъ, что у Давида прошелъ уже страхъ, послѣ того какъ въ Наваѳѣ онъ (Саулъ) раскаялся въ своей жестокости по отношенію къ нему). Іонаѳанъ далъ заранѣе придуманное благовидное объясненіе съ цѣлію узнать чувства отца къ Давиду. Тогда Саулъ пришелъ въ ярость и разразился страшными словами: „сынъ развратный и непокорный! Развѣ я не знаю, что ты подружился съ сыномъ Іесеевымъ къ безчестію своему и къ безчестію матери твоей? Ибо во всѣ дни, пока сынъ Іесеевъ будетъ жить на землѣ, не утвердишься ни ты, ни царство твое. Пошли же и приведи его ко мнѣ, ибо онъ достоинъ смерти". Іонаѳанъ попробовалъ возразить отцу: „за что умерщвлять его? Что онъ сдѣлалъ"? Это привело Саула окончательно въ бѣшенство, и онъ пустилъ въ сына копье. Іонаѳанъ внѣ себя отъ гнѣва всталъ изъ-за стола, не явился и на другой день праздника и глубоко скорбѣлъ, убѣдившись окончательно въ вопіющей несправедливости отца къ Давиду. Наутро Іонаѳану удалось свидѣться съ Давидомъ въ

условленномъ мѣстѣ. Давидъ трижды поклонился ему въ землю и плакалъ; плакалъ и Іонаѳанъ. Подтвердивши снова клятвою неизмѣнность своихъ чувствъ, они разстались навсегда, какъ имъ казалось.

Теперь настала для Давида скитальческая жизнь, исполненная приключеній и опасностей, геройскихъ подвиговъ и видимаго покровительства Провидѣнія. Саулъ ни о чемъ другомъ и не думалъ, какъ только о томъ, чтобы изловить и умертвить Давида, котораго онъ считалъ своимъ злѣйшимъ врагомъ. Давидъ, предоставившій всецѣло на волю Божію исполненіе того, что было обѣщано ему пророкомъ, и не помышлявшій о низверженіи Саула съ престола, не могъ найти въ отечественной землѣ ни одного уголка, гдѣ бы не достала его сильная рука царя. Онъ рѣшился искать спасенія внѣ предѣловъ Саулова царства. Принужденный поспѣшно убѣжать изъ дому и уже нѣсколько дней скрываясь въ потаенныхъ мѣстахъ, онъ не имѣлъ при себѣ ни оружія, ни даже хлѣба на дорогу. Пользуясь тѣмъ, что вѣсть объ его опалѣ не успѣла пока распространиться по окрестнымъ городамъ, онъ поспѣшно прибылъ въ Номву [1]), священническій городъ во времена Саула, и явился прямо къ первосвященнику Ахимелеху [2]). Какъ значительное лицо, какъ зять царя, онъ не рѣшился зайти къ кому бы то ни было, въ первый попавшійся домъ, чтобы не возбудить тѣмъ подозрѣнія. (Существуетъ и другое предположеніе относительно этого, но объ немъ будетъ рѣчь впереди). Ахимелехъ встрѣтилъ Давида съ смущеніемъ. Таково было настроеніе подданныхъ Саула тогда; всякій ждалъ бѣды отъ озлобленнаго царя. Достаточно было приближенному царя явиться неожиданно въ домъ даже такого лица, какъ первосвященникъ, чтобы напугать

---

[1]) Этотъ городъ лежалъ на пути изъ Рамы къ Іерусалиму, очень близко отъ послѣдняго, такъ что можно было даже видѣть. Winer. Realwörterb.

[2]) У Марк. 2, 26 при упоминаніи о томъ же событіи названъ Авіаѳаръ. Предполагаютъ, что евангелистъ назвалъ вмѣсто отца сына, который за старостію отца уже исправлялъ первосвященническія обязанности. Но имѣя въ виду 2 Цар. 8, 17 и 1 Пар. 18, 16, нужно отдать предпочтеніе другому предположенію, что какъ отецъ, такъ и сынъ носили двойное имя: Ахимелехъ-Авіаѳаръ.

его. На этотъ разъ пока страхъ былъ напрасенъ, хотя, какъ показали послѣдствія, не безосновательнъ. Давидъ разсказалъ вымышленную исторію о спѣшномъ и таинственномъ дѣлѣ, ему порученномъ, и попросилъ у первосвященника хлѣба на дорогу и какое-нибудь оружіе, такъ какъ при поспѣшности не могъ будто бы захватить ни того, ни другаго. Первосвященникъ, не имѣя въ запасѣ другаго хлѣба, кромѣ священныхъ хлѣбовъ предложенія, далъ ему ихъ по нуждѣ, напомнивъ о ихъ святости и о предосторожностяхъ, съ какими слѣдуетъ ихъ ѣсть. Оказалось и оружіе, именно мечъ, взятый нѣкогда Давидомъ у Голіаѳа и хранившійся здѣсь, какъ трофей побѣды. Давидъ съ радостію взялъ его, находя, что лучшаго меча и быть не можетъ. Давидъ прибѣгнулъ здѣсь къ обману по крайней необходимости. Можно обвинять его здѣсь въ недостаткѣ упованія на Промыслъ Божій, но нельзя и не извинить, какъ человѣка. Стараться выставить этотъ поступокъ его чуждымъ всякой неблаговидной тѣни столько же неумѣстно, сколько нелѣпо и наоборотъ—считать его изъ за этого лишеннымъ всякаго права на уваженіе за всѣ другіе подвиги вѣры. Можетъ быть Давидъ и не побоялся бы открыть первосвященнику правду. Но здѣсь въ это время случился Доикъ, вѣрный слуга Саула, съ значеніемъ котораго при дворѣ мы уже знакомы,—самый опасный человѣкъ для Давида въ данномъ случаѣ. Доикъ погубилъ бы его, прежде чѣмъ онъ успѣлъ бы уйти въ безопасное мѣсто. Можетъ быть Давидъ боялся и за Ахимелеха, котораго онъ подвергалъ опасности уже тѣмъ, что явился къ нему, будучи въ опалѣ. Поставивъ же дѣло такъ, что Ахимелехъ, оказывая ему услугу, думалъ, что оказываетъ услугу какъ бы самому царю, Давидъ разсчитывалъ отстранить бѣду отъ него. Доикъ же безъ сомнѣнія не зналъ, что произошло при дворѣ въ послѣдніе дни. Онъ былъ въ отлучкѣ, вѣроятно по своей должности,—какъ начальникъ надъ царскими пастухами, онъ объѣзжалъ пастбища и осматривалъ скотъ. Запасшись самымъ необходимымъ, Давидъ, не медля ни минуты, бросился къ ближайшей границѣ, путь къ которой лежалъ по мѣстамъ наиболѣе пустыннымъ, и прибѣжалъ въ землю филистимлянъ, злѣйшихъ своихъ враговъ. Весьма вѣроятно, что Давидъ избралъ бы другое убѣжище; но

неожиданная встрѣча съ Доикомъ принудила его сдѣлать самый рискованный шагъ. Единственный разсчетъ его заключался въ томъ, что филистимляне могли найти для себя выгоднымъ не только не отомстить ему, но и оказать нѣкоторое покровительство даровитому военачальнику враждебнаго имъ царя. Народная молва, дошедшая и до филистимлянъ, давно прочила Давида на престолъ, и пребываніе такого человѣка во владѣніяхъ иноземнаго и враждебнаго царя, должно было причинять большое безпокойство Саулу. Однако филистимляне чувствовали себя еще настолько сильными, что не нуждались въ какихъ-нибудь побочныхъ средствахъ для борьбы съ Сауломъ. Царь геѳскій Анхусъ принялъ было Давида подъ свое покровительство. Но вліятельная филистимская аристократія разсуждала иначе. Она не скрывала своего озлобленія передъ царемъ, напоминая ему, что это тотъ самый Давидъ, котораго прославляли за пораженіе десятковъ тысячъ филистимлянъ. Положеніе Давида сдѣлалось до того опаснымъ, что ему одинокому, окруженному врагами ничего не осталось сдѣлать, какъ принять на себя видъ сумасшедшаго, чтобы возбудить къ себѣ то состраданіе, смѣшанное со страхомъ, которое всегда люди испытываютъ при видѣ сумасшедшихъ. Онъ превосходно розыгралъ свою роль: лишилъ свое лицо осмысленнаго выраженія, чертилъ странныя фигуры на воротахъ, прохаживался на четверенькахъ и пускалъ слюну себѣ на бороду. Сумасшедшіе въ древности считались одержимыми божествомъ и потому были неприкосновенны, замѣчаетъ Гретцъ [1]). Не знаемъ, имѣли ли такой взглядъ филистимляне; но вѣрно то, что никакое несчастіе не возбуждаетъ такого глубокаго состраданія, какъ сумасшествіе. Человѣкъ не въ состояніи мстить своему злѣйшему врагу, если послѣдній сошелъ съ ума. И какое удовлетвореніе дала бы месть субъекту, который ничего не понимаетъ Кромѣ того видъ сумасшедшаго всегда производитъ невыносимо-тяжелое впечатлѣніе. Анхусъ потребовалъ, чтобы Давида убрали изъ земли филистимской, въ которой по его словамъ было довольно и своихъ сумасшедшихъ. Давидъ этого именно и желалъ. Онъ направился въ пустын-

[1]) Вышеук. соч. т. I. стр. 206.

ную часть Іудиныхъ горъ по направленію отъ Геѳа къ Виѳлеему и поселился въ пещерѣ Адолламской, которая, какъ и многія пещеры іудейскія, представляла превосходныя средства для защиты отъ преслѣдованія. Какимъ-то образомъ семья его отца узнала о его мѣстопребываніи. Она уже вѣроятно чувствовала надъ собой грозу и, спасаясь отъ мести Саула, переселилась въ убѣжище Давида. Сюда же стали собираться всѣ, кому жить въ обществѣ стало невыносимо: должники, ограбленные своими кредиторами и ненашедшіе суда надъ своими притѣснителями, люди, не считавшіе свою жизнь въ безопасности, недовольные правленіемъ Саула, злоупотребленіями его любимцевъ, словомъ—всѣ „огорченные душею“, какъ выражается лѣтописецъ, т. е., такъ или иначе пострадавшіе отъ неурядицы, господствовавшей въ государствѣ при сумасбродномъ царѣ. Такихъ людей набралось около Давида до 400, и такимъ образомъ онъ явился во главѣ отряда рѣшительныхъ людей, готовыхъ на все для защиты себя и своего вождя. Но его стѣсняла въ его бездомной жизни семья отца. Поэтому онъ рѣшился уйти въ такое мѣсто, которое было бы совершенно недоступно Саулу. Онъ переправился на восточную сторону Мертваго моря (не обходомъ, который былъ опасенъ и съ той и съ другой стороны, а какъ полагаютъ, перейдя его вбродъ въ одномъ изъ мелкихъ мѣстъ) и, испросивъ позволеніе моавитскаго царя, поселился на одной возвышенности (Массифа Моавитская). Моавитскій царь ничего не имѣлъ противъ этого, потому что Давидъ намекнулъ ему на возможный поворотъ его (Давида) судьбы въ будущемъ. Вообще Давидъ, горячо преслѣдуемый Сауломъ, прославившійся военными подвигами и стоявшій теперь во главѣ немногочисленной, но сильной дружины, разсматривался сосѣдними царями какъ соперникъ Саула, какъ будущій царь евреевъ. Поэтому и царь аммонитскій Наасъ, потерпѣвшій жестокое пораженіе отъ Саула, узнавъ о сосѣдствѣ Давида, завязалъ съ нимъ дружественныя сношенія [1]). Вообще Давидъ могъ здѣсь хорошо устроиться и спокойно выжидать событій въ отечествѣ, не встрѣтившись ни разу болѣе съ Сауломъ. Но

[1]) 2 Цар. 10, 2. 1 Пар. 19, 2.

водимый Богомъ умъ пророковъ находилъ, что ему не слѣдовало во-первыхъ оставаться долгое время въ зависимости отъ сосѣднихъ языческихъ царей, пользуясь ихъ милостями, во-вторыхъ—жить вдали отъ своего народа, не принимая никакого дѣятельнаго участія въ его судьбахъ. Поэтому Давидъ, оставивъ свое семейство подъ покровительствомъ моавитскаго царя, перешелъ на западную сторону Мертваго моря и поселился въ лѣсу Херетъ [1]). Приходъ Давида встревожилъ Саула. Онъ собралъ своихъ приближенныхъ и краснорѣчиво убѣждалъ ихъ открыть ему нить заговора противъ него. Никто изъ природныхъ евреевъ ничего не могъ сказать. Но вотъ выступилъ доносчикъ, Доикъ идумеянинъ. Онъ сказалъ: „я видѣлъ, какъ сынъ Іессея приходилъ въ Номву къ Ахимелеху, сыну Ахитува. И тотъ вопросилъ о немъ Господа и далъ ему продовольствіе и мечъ Голіаѳа отдалъ ему". Здѣсь обращаетъ на себя вниманіе сообщеніе о фактѣ, неизвѣстномъ изъ предыдущаго. Ахимелехъ, говоритъ Доикъ, вопросилъ Господа о чемъ-то для Давида. Такъ обыкновенно и полагаютъ, основываясь на показаніи Доика, повторенномъ Сауломъ при допросѣ, и на отвѣтѣ Ахимелеха Саулу, что Давидъ дѣйствительно пожелалъ вопросить Господа, и Ахимелехъ вопросилъ для него. Филаретъ даже прямо говоритъ: „Давидъ пришелъ въ Номву къ Ахимелеху, дабы вопросить Господа о пути своемъ" [2]). Но почему же въ повѣствованіи о посѣщеніи Давидомъ Ахимелеха не упомянуто объ этомъ важномъ обстоятельствѣ ни полсловомъ? Показаніе Доика намъ кажется рѣшительно подозрительнымъ. Повтореніе его Сауломъ ничего не значитъ. Остается отвѣтъ Ахимелеха. Но этотъ отвѣтъ едвали можетъ рѣшить вопросъ въ положительномъ смыслѣ. Вотъ этотъ отвѣтъ. Отвѣчая на вопросъ, зачѣмъ онъ сдѣлалъ то и то для Давида, онъ говорилъ: „кто изъ всѣхъ рабовъ твоихъ вѣренъ, какъ Давидъ? Онъ и зять царя, и исполнитель повелѣній твоихъ,

---

[1]) Глухая мѣстность, повидимому между Хеврономъ и Энгадди.

[2]) Начерт. Церк.-библ. исторіи. Стр. 233. Тоже буквально у Буддея: ut Deum de itinere suo... consuleret. Указ. соч. стр. 63. Тоже утверждаетъ и Эвальдъ, ссылаясь на оправдательную рѣчь Ахимелеха. Указ. соч. стр. 107.

и почтенъ въ домѣ твоимъ. Теперь ли я сталъ вопрошать для него Бога? Нѣтъ, не обвиняй въ этомъ, царь, раба своего". Не совсѣмъ ясное выраженіе: „теперь ли я сталъ вопрошать для него Бога?"—для большей ясности переиначиваютъ такъ: „развѣ я въ первый разъ вопрошаю для него Бога" [1]? Богословскій видоизмѣняетъ еще болѣе: „и возможное ли дѣло, чтобы я сталъ вопрошать для него Бога во вредъ тебѣ" [2]? А Гретцъ уже придаетъ совсѣмъ иной смыслъ, находя здѣсь утвержденіе Ахимелеха, что онъ сдѣлалъ это только въ первый разъ [3]. Ясно, что текстъ неудобопонятенъ и допускаетъ разные смыслы. Гретцъ, соглашаясь, что Давидъ вопрошалъ Бога чрезъ Ахимелеха, находитъ однако, что это было преступленіемъ закона; потому что говоритъ онъ, „только царь имѣлъ право требовать отъ первосвященника предсказанія". Поэтому де Ахимелехъ и оправдывался тѣмъ, что думалъ, будто онъ сдѣлалъ это для зятя царя, какъ бы для самаго царя, и притомъ въ первый разъ... Принимая во вниманіе. что фактъ вопрошенія Бога не упомянутъ лѣтописцемъ въ разсказѣ о посѣщеніи Давидомъ Ахимелеха, что показаніе Доика подозрительно, что отвѣтъ первосвященника Саулу переводится и толкуется разно, что наконецъ вопрошали Бога чрезъ первосвященника торжественно и въ случаяхъ общенародной важности, мы думаемъ, что проще и сообразнѣе съ существомъ дѣла будетъ такое предположеніе: Давидъ вовсе не вопрошалъ Бога, и Ахимелехъ не давалъ ему предсказанія; это злостная выдумка Доика, которою онъ сообщилъ своему доносу наибольшую важность, потому что въ данномъ случаѣ именно фактъ вопрошенія Бога и былъ бы самымъ тяжкимъ преступленіемъ, состоявшимъ съ одной стороны въ самовольномъ присвоеніи себѣ царской прерогативы, съ другой—въ соизволеніи этому присвоенію [4].

---

[1]) Hess. Bibliche Geschichte alten und neuen Testaments. Zürich. 1826. B. 7. s. 126.

[2]) Свящ. исторія ветх. завѣта. С.-Петерб. 1857 г. стр. 238.

[3]) Вышеук. соч. т. I стр. 205.

[4]) Такому предположенію благопріятствуетъ и контекстъ рѣчи. Саулъ спросилъ первосвященника: „для чего вы сговаривались противъ меня, ты и сынъ Іессея, что ты далъ ему и хлѣбы и мечъ и вопросилъ о немъ Бога"? Первосвященникъ, не оправдываясь въ пер-

Усердіе Доика увѣнчалось вполнѣ. Раздраженный противъ Давида до послѣдней степени и не имѣя его въ рукахъ, Саулъ вообразилъ, что открылъ его соучастниковъ, и излилъ на нихъ всю силу своего безумнаго гнѣва. Послѣ короткаго

вомъ, т. е., въ томъ, что онъ будто сговорился съ Давидомъ противъ Саула, потому что это не фактъ, а выводъ, который долженъ пасть самъ собою съ отрицаніемъ факта, не оправдываясь и въ томъ, что далъ Давиду хлѣбы и мечъ, потому что фактъ этотъ самъ по себѣ безразличенъ,—отвѣчаетъ такимъ образомъ: „Давидъ твой вѣрнѣйшій рабъ твой зять, исполнитель твоихъ порученій. Теперь ли я сталъ вопрошать для него Бога? Нѣтъ, не обвиняй въ *этомъ*, царь, раба своего“... Въ чемъ „въ этомъ“? Очевидно, въ вопрошеніи Бога, потому что первосвященникъ, оиустивъ все остальное, говоритъ только о вопрошеніи Бога и только въ немъ оправдывается. Выраженіе: „не обвиняй въ этомъ“ можетъ означать не только отрицаніе преступности факта, но и отрицаніе самого факта. А что первосвященникъ отрицалъ не преступность только факта (потому будто бы, что онъ вопрошая Бога для Давида, вопрошалъ какъ бы для самого царя), а самый фактъ, это можно видѣть изъ болѣе точнаго пониманія словъ: „теперь ли я сталъ вопрошать הַחִלֹּתִי לִשְׁאֹל для него Бога“? Собственное, первоначальное значеніе глагола חָלַל— просверливать, прокалывать; затѣмъ онъ всего болѣе употребляется въ значеніи: убивать, поражать, ранить, какъ Іезек. 28, 9. Ис. 51, 9; 53. 5; также въ значеніи: оскорблять, безславить, нарушать, какъ Числ. 30, 3. Іезек. 25., 3; 39, 7. Наконецъ этотъ глаголъ значитъ иногда и просто: сталъ, началъ (что-либо дѣлать). Но и въ этомъ послѣднемъ случаѣ, какъ видно изъ мѣстъ, гдѣ онъ встрѣчается, онъ означаетъ не простое начинаніе, какъ יָאַל, Втор. 1. 5. 1 Ц. 17, 39, а какое нибудь особенное, такъ что его первоначальный смыслъ, заключающій въ себѣ понятіе разрушенія, силы, и также отваги, нѣсколько удерживается, напр., „сей (Нимродъ) *началъ* быть силенъ на землѣ“, т. е., какъ нужно предполагать, Нимродъ былъ первымъ царемъ завоевателемъ или первымъ организаторомъ военной силы Быт. 10, 8 „Съ сего дня я *начну* распространять страхъ и ужасъ предъ тобою на народы подъ всѣмъ небомъ“. Втор. 2, 25. „И онъ (Самсонъ) *начнетъ* спасать Израиля отъ руки филистимлянъ“, т. е., собственно начнетъ поражать филистимлянъ. И *началъ* духъ Господень дѣйствовать въ немъ въ станѣ Дановомъ“—значеніе тоже, что и выше Суд. 13, 5. 25. „Что они *начали* дѣлать и не отстанутъ они отъ того“. Здѣсь разумѣется дерзкое предпріятіе людей въ землѣ Сеннааръ, Быт. 11, 6, и потому ближе къ сущности дѣла это мѣсто можно бы было перевести такъ: на что они отважились, дерзнули, отъ того не отстанутъ. И вообще во всѣхъ вышеприведенныхъ мѣстахъ, кромѣ Втор. 2, 25, смыслъ, заключающійся въ глаг. חָלַל, можетъ быть вы-

допроса, не принимая во вниманіе оправданій, Саулъ осуждаетъ на смерть Ахимелеха и все его родство. Никто изъ природныхъ евреевъ не рѣшился исполнить безбожный приговоръ надъ священниками. Но и это не образумило Саула; онъ приказалъ Доику, и тотъ хладнокровно обезглавилъ 85 священниковъ. Этого мало—весь городъ Номва подвергся проклятію: всѣ его жители, мужчины и женщины, старики и весь скотъ были избиты. Такъ безгранично обнаружилъ себя деспотизмъ уже въ первомъ царѣ еврейскомъ, тотъ самый деспотизмъ, котораго боялся и на который указывалъ народу пророкъ Самуилъ. Какимъ-то чудомъ спасся только сынъ Ахимелеха Авіаѳаръ. Онъ захватилъ съ собой эфодъ, важнѣйшую принадлежность первосвященническаго облаченія, и убѣжалъ къ Давиду. Ему негдѣ было въ иномъ мѣстѣ искать спасенія отъ Саула. Кромѣ того при Давидѣ, котораго уже многіе признавали самостоятельнымъ царемъ, онъ сохранялъ свое званіе первосвященника. Такимъ образомъ Саулъ самъ своею жестокостію и безтактностію доставилъ Давиду одну изъ важнѣйшихъ царскихъ прерогативъ—возможность вопрошать Бога чрезъ первосвященника въ затруднительныхъ обстоятельствахъ. Давидъ мало по малу дѣлался царемъ фактически.

Между тѣмъ филистимляне, ободренные тѣмъ, что Саулъ не пользовался услугами Давида, напали на одинъ изъ ближайшихъ къ нимъ еврейскій городъ Кеиль [1]). Давидъ, узнавъ объ этомъ, рѣшился доказать и филистимлянамъ, и евреямъ, что онъ попрежнему защищаетъ свой народъ. Онъ предпринялъ походъ на филистимлянъ, успокоивъ своихъ сподвижниковъ, немного струсившихъ, божественнымъ откровеніемъ, обѣщавшимъ успѣхъ, напалъ на враговъ врасплохъ, разбилъ ихъ и овладѣлъ богатой

раженъ порусски словами: возъимѣлъ мужество, или смѣлость, отважился, дерзнулъ. Точно такъ же и въ отвѣтѣ первосвященника слова: הַחִלֹּתִי לִשְׁאֹל всего лучше по нашему убѣжденію перевести такъ: осмѣлился или дерзнулъ вопросить. Такимъ образомъ смыслъ всего отвѣта первосвященника долженъ быть такой: Давидъ самое близкое, самое довѣренное лицо у царя. Теперь ли, т. е., при такихъ ли обстоятельствахъ я дерзнулъ бы вопросить для него Бога? Нѣтъ, этого не было. Первосвященникъ какъ бы говорилъ этимъ: если бы и случилось, что Давидъ предложилъ бы мнѣ вопросить для него Бога, я подумалъ бы, что онъ просто искушаетъ мою вѣрность царю, и отказался бы.

[1]) Къ востоку отъ Элевѳерополиса по направленію къ Хеврону. Onomast. Ceila.

добычей. Полагая, что жители Кеиля въ благодарность за спасеніе дадутъ ему у себя убѣжище, Давидъ остался было въ ихъ городѣ. Но жители Кеиля боялись могущественнаго и свирѣпаго Саула и не обнаружили желанія дѣло Давида сдѣлать своимъ дѣломъ. Откровеніе Божіе чрезъ первосвященника не оставляло въ этомъ никакого сомнѣнія. Саулъ же, узнавъ, что Давидъ оставилъ лѣса и горы и поселился въ городѣ, обрадовался: „въ городѣ, думалъ онъ, легче взять его“,—и началъ собирать громадное ополченіе. Но Давидъ поспѣшно ушелъ изъ Кеиля и сталъ постоянно переходить съ мѣста на мѣсто, чтобы нельзя было направить на него сосредоточенныхъ силъ. Дружина его возросла до 600 человѣкъ. Саулъ отмѣнилъ походъ; но не переставалъ постоянно наводить справки о мѣстопребываніи Давида, который держался въ гористой и лѣсистой мѣстности между Хеврономъ и Энгадди (пустыня Зифъ). Іонаѳанъ еще разъ рѣшился повидаться съ Давидомъ. Его видимо безпокоила его собственная судьба, и онъ еще разъ хотѣлъ увѣриться въ неизмѣнности чувствъ Давида къ нему послѣ всего, что произошло между нимъ и его отцомъ. При свиданіи Іонаѳанъ высказалъ рѣшительное убѣжденіе, что Давиду суждено быть царемъ надъ Израилемъ, и заявилъ, что онъ уступаетъ ему это преимущество. Могъ ли въ самомъ дѣлѣ Іонаѳанъ послѣ возмутительной рѣзни въ Номвѣ думать, что весь народъ еврейскій не проникнутъ самою глубокою ненавистію ко всему дому Саулову? Мрачный деспотизмъ Саула помрачилъ и славу подвиговъ Іонаѳана. Масса разсуждала просто: отецъ герой, но жестокій деспотъ; и сынъ тоже герой, но это не помѣшаетъ и ему сдѣлаться такимъ же тираномъ, какъ и отецъ. Самуилъ давно помазалъ другаго царя, а священники трепетали при одной мысли, что на престолѣ будетъ сынъ того человѣка, который безбожно наругался надъ ихъ священнымъ сословіемъ и надъ закономъ. Поэтому мы не столько удивляемся самоотверженію Іонаѳана, обыкновенно здѣсь прославляемому, сколько отдаемъ честь его трезвому взгляду на вещи, его свѣтлому уму, господствовавшему надъ чувтсвомъ. Поклявшись снова остаться друзьями, Іонаѳанъ и Давидъ разстались, не предчувствуя, что это было ихъ послѣднее свиданіе. Іонаѳанъ возвра-

тился домой, а Давидъ остался въ лѣсу. Но вотъ жители пустыни Зифъ вдругъ прониклись почему-то вѣрноподданническими чувствами къ Саулу, явились къ нему и донесли, что Давидъ скрывается въ ихъ области и что они помогутъ царю поймать его. Вѣроятно они надѣялись получить отъ Саула богатую благодарность. Саулъ обласкалъ ихъ и наказалъ имъ выслѣдить мѣстопребываніе Давида какъ можно тщательнѣе,—„ибо, говорилъ онъ, мнѣ сказывали, что онъ очень хитеръ“. Зифеи пошли разыскивать пристанище Давида, который уже успѣлъ перемѣнить его, спустившись нѣсколько южнѣе, въ пустыню Маонъ. Получивши нужныя свѣдѣнія, Саулъ погнался за Давидомъ. Онъ настигъ его въ одномъ мѣстѣ; но тотчасъ поймать его не удалось, потому что между ними случилась утесистая гора, которая совершенно преградила путь Саулу, и въ то время, какъ Саулъ двигался по одну сторону горы, Давидъ спокойно удалялся отъ него по другую сторону. Тогда Саулъ раздѣлилъ свой отрядъ на двѣ части, чтобы обходить гору съ двухъ сторонъ. Давидъ оказался въ критическомъ положеніи,—ему приходилось вступить въ битву, успѣхъ которой хотя и могъ быть на его сторонѣ, но онъ никогда не желалъ имѣть кровопролитнаго столкновенія съ Сауломъ. На этотъ разъ его спасла неожиданность: Саулъ вдругъ получаетъ извѣстіе, что филистимляне сдѣлали вторженіе въ его землю. Онъ бросилъ погоню и поспѣшилъ навстрѣчу филистимлянамъ. Послѣ этого Давидъ перешелъ въ болѣе безопасное мѣсто къ Энгадди, на скалистый берегъ Мертваго моря. Саулъ собралъ 3000 отборныхъ воиновъ и, горя нетерпѣніемъ, съ безразсудной смѣлостію устремился въ горы, по которымъ прыгали только серны. Давидъ не расположенъ былъ оставлять эти горы, потому что здѣсь всѣ преимущества были на его сторонѣ: онъ могъ и спрятаться всегда, и противостать открытою силою съ надеждою на успѣхъ. Саулъ же, вообразивъ, что Давидъ въ страхѣ бѣжитъ отъ него, отбросилъ всякую осторожность, оставлялъ далеко позади себя свой конвой и одинъ выслѣживалъ Давида, какъ охотникъ звѣря. Въ одну изъ такихъ экскурсій горная тропинка привела его къ пещерѣ, въ которую пастухи загоняли овецъ на ночь, и онъ зашелъ

въ нее для нужды[1]). А въ этой пещерѣ скрывался Давидъ съ своими людьми. Вмѣсто того, чтобы дѣлать утомительные переходы по горамъ, онъ предпочелъ сидѣть въ пещерѣ, которая или совсѣмъ могла скрыть его отъ Саула, или же въ случаѣ, если бы Саулъ открылъ его тамъ, представляла возможность легко отбить нападеніе. (Нѣкоторыя изъ пещеръ іудейскихъ состоятъ изъ многихъ отдѣленій, соединенныхъ между собою узкими проходами, тянутся на нѣсколько верстъ и имѣютъ другіе выходы. Горсть людей, заранѣе изучившихъ такую пещеру, безъ всякой опасности могла ожидать нападенія цѣлой арміи). Давидъ, не имѣвшій намѣренія губить Саула, рѣшился доказать ему это самымъ очевиднымъ и выразительнымъ образомъ и тѣмъ устыдить своего врага. Онъ приказалъ своимъ людямъ сидѣть смирно (Саулъ, вошедши съ яркаго свѣта съ полумракъ пещеры, ничего не различалъ въ глубинѣ ея), а самъ, тихонько подкравшись, отрѣзалъ край верхней одежды Саула, которая вѣроятно была сброшена имъ на время въ сторонѣ. Но и это безвредное дѣйствіе показалось чувствительной душѣ Давида до того унизительнымъ для Саула, что онъ раскаялъ въ немъ, и когда его люди, недовольные его мягкосердечіемъ, хотѣли было напасть на Саула, онъ удержалъ ихъ. Саулъ, не замѣтивъ ничего, вышелъ на дорогу. Давидъ вышелъ вслѣдъ за нимъ, окликнулъ его, и когда тотъ оглянулся, воздалъ подобающее почтеніе ему (поклонился до земли). Пораженный Саулъ стоялъ, а Давидъ началъ говорить ему. Въ сильныхъ словахъ обличалъ онъ жестокость и несправедливость къ нему Саула, показывалъ край его одежды, какъ доказательство своего незлобія и великодушія, и между прочимъ говорилъ: „пусть разсудитъ Господь между мною и тобою и да отмститъ тебѣ Господь за меня; но рука моя не будетъ на тебѣ. Противъ кого же ты вышелъ, царь израильскій, за кѣмъ ты гоняешься?“. До боли стыдно стало Саулу; онъ назвалъ Давида сыномъ и заплакалъ. Онъ вполнѣ созналъ свою

[1]) לְהָסֵךְ אֶת־רַגְלָיו буквально: прикрыть свои ноги. Эвальдъ почему-то болѣе склоняется къ мысли, что Саулъ зашелъ въ пещеру отдохнуть (уснуть) отъ усталости; выраженіе же: „прикрытъ свои ноги“ по его предположенію значитъ: „безъ одѣяла“. ?) Указ. соч. стр. 125. По общему же мнѣнію здѣсь просто euphemismus—figura rhetorica, qua res dictu audituve ingrata nomine molliori affertur. Срав. Суд. 3, 24.

несправедливость и великодушіе Давида и до того расчувствовался, что предсказалъ ему счастливое царствованіе и просилъ быть великодушнымъ къ его потомству. Давидъ далъ клятву, и они разошлись. Пригласить къ себѣ Давида снова Саулъ постыдился; да и напрасно было приглашать, —Давидъ не могъ и думать о возвращеніи къ нему, зная измѣнчивость его чувствъ.

Въ это время умеръ Самуилъ и былъ оплаканъ всѣмъ Израилемъ, вѣроятно искренно; потому что теперь евреи не могли уже двусмысленно толковать сопротивленіе его избранію царя. Но дѣло Самуила не погибло. Его разсадники просвѣщенія въ пророческомъ духѣ продолжали существовать и послѣ него, подготовляя нравственно-сильныхъ людей для борьбы съ человѣческими заблужденіями, для охраненія чистоты истинной религіи. Мы имѣемъ въ самой Библіи краткую характеристику высокой нравственной личности Самуила и перечисленіе его важнѣйшихъ заслугъ. Восхваляя древнихъ знаменитыхъ мужей въ средѣ еврейскаго народа, сынъ Сираховъ о Самуилѣ говоритъ: „возлюбленный Господомъ своимъ Самуилъ, пророкъ Господень, учредилъ царство и помазалъ царей народу своему. Онъ судилъ народъ по закону Господню, и Господь призиралъ на Іакова. По вѣрѣ своей онъ былъ истиннымъ пророкомъ, и въ словахъ его дознана вѣрность видѣнія. Онъ истребилъ вождей тирскихъ [1]) и всѣхъ князей филистимскихъ. Еще прежде времени вѣчнаго успокоенія своего онъ свидѣтельствовался передъ Господомъ и помазанникомъ его; имущества, ни даже обуви я не бралъ ни отъ кого,—и никто не укорилъ его“ [2]).

Давидъ хотя и могъ теперь нѣкоторое время не опасаться Саула, но у него были и другія затрудненія, удручавшіе его едвали не болѣе самыхъ преслѣдованій Саула. Его дружинѣ нужно было ѣсть и одѣваться. Откуда получать необходимое для жизни? Принужденные скрываться въ мѣстахъ пустынныхъ, слѣдовательно большею частію безплодныхъ, и притомъ не имѣя возмож-

[1]) Вѣроятно при Самуилѣ была война съ какими-нибудь сѣверными хананейскими народами, если не съ самими финикіянами.

[2]) 46, 16.

ности долго оставаться на одномъ мѣстѣ, люди Давида не могли заняться правильно ни земледѣліемъ, ни скотоводствомъ. Нужно удивляться, какимъ образомъ они добывали себѣ пропитаніе. Можно догадываться только, что нхъ существованіе поддерживалось отчасти необычайнымъ, для нынѣшнихъ людей едва понятнымъ, гостепріимствомъ древнихъ, отчасти добычею, какую удавалось брать при стычкахъ съ пограничными врагами евреевъ. По одному характерному факту, переданному дѣписателемъ, можно судить, какимъ непріятнымъ случайностямъ могъ иногда подвергать Давида такой родъ жизни. Сдѣлавъ довольно отдаленный походъ до пустыни Фаранъ (сѣверная часть Аравійской пустыни), вѣроятно для наказанія какихъ-нибудь хищныхъ кочевниковъ, наносившихъ вредъ стадамъ евреевъ, занимавшихся обширнымъ скотоводствомъ въ южныхъ, неудобныхъ для земледѣлія предѣлахъ своей земли, Давидъ снова возвратился въ пустыню іудейскую, прилегающую къ Мертвому морю. Недалеко отсюда, въ Маонѣ, жилъ богатый владѣлецъ стадъ. Звали его Навалъ. Безъ сомнѣнія это было не подлинное его имя, а прозвище, данное народомъ, какъ нравственная характеристика; потому что „навалъ“ значитъ: безразсудный. Онъ поражалъ окружающихъ дикостію своего характера, и народный юморъ, скрывъ его настоящее, можетъ быть вовсе къ нему не подходившее, имя, утвердилъ за нимъ названіе самодура [1]). Этотъ Навалъ отправился въ Кармилъ (городъ на югѣ Палестины) праздновать стрижку овецъ. На этотъ праздникъ у богатыхъ заготовлялось большое количество съѣстныхъ припасовъ. Вѣроятно раздавались и подарки гостямъ, а также пастухамъ, заслужившимъ благоволеніе хозяина тщательною охраною стадъ. Давидъ, изыскивавшій всѣ средства доставить пропитаніе своей дружинѣ, согласно обычаю, не при немъ установившемуся, и разсчитывая на благодушіе и благодарность богача, послалъ къ Навалу нѣкоторыхъ изъ своихъ людей поздравить его съ праздникомъ и скромно попросить что-нибудь изъ приготовленнаго для праздника. Давидъ разсчитывалъ

[1]) У евреевъ рядомъ съ именами являлись и прозванія. Извѣстно напр., почетное прозваніе Гедеона—Іероваалъ.

здѣсь на благодарность Навала за то, что его люди, по роду жизни похожіе на тѣхъ праздныхъ наѣзниковъ, отъ которыхъ владѣльцы стадъ много терпѣли, не только ничего не похитили изъ стадъ Навала, но и оберегали ихъ отъ этихъ хищниковъ, были оградою для пастуховъ его, какъ говорили сами пастухи Наваловы. За неимѣніемъ другаго, болѣе широкаго поприща дѣятельности Давидъ употреблялъ свою силу на защиту южныхъ окраинъ своего будущаго государства отъ мелкихъ, но назойливыхъ враговъ. Но Навалъ показалъ, что онъ не даромъ носилъ свое прозвище. Выслушавъ скромную рѣчь пословъ Давидовыхъ, онъ пришелъ съ чего-то въ ярость, вскочилъ и закричалъ: „кто такой Давидъ и кто такой сынъ Іессевъ? Нынѣ стало много рабовъ бѣгающихъ отъ господъ своихъ. Неужели мнѣ взять хлѣбы мои и воду мою, и вино мое, и мясо, приготовленное мною для стригущихъ овецъ у меня, и отдать людямъ, о которыхъ не знаю, откуда они?“.. Давидъ могъ ожидать отказа и вѣроятно спокойно бы отнесся къ нему, но онъ не ожидалъ такого жестокаго оскорбленія, такого униженія своей личности. Кто такой былъ Навалъ, который осмѣлился назвать бѣглымъ рабомъ Давида, потомка свободной и знатнѣйшей фамиліи, прославившагося подвигами во всемъ Израилѣ, удостоеннаго великимъ пророкомъ тайнаго помазанія на царство? Не имѣя еще того смиреннаго духа, которымъ удивилъ міръ впослѣдствіи, и не сообразивъ, что имѣетъ дѣло съ „наваломъ“, Давидъ вскипѣлъ гнѣвомъ и рѣшилъ жестоко отомстить за обиду вооруженною рукою. Но кровопролитное дѣло предотвратила благоразумная жена Навала Авигея. Узнавъ о происшествіи, она безъ вѣдома мужа, не медля ни минуты, изготовила богатые подарки и поѣхала навстрѣчу Давиду, который уже шелъ съ своимъ отрядомъ въ Кармилъ. Встрѣтившись съ Давидомъ, она поклонилась ему до земли и обратилась къ нему съ пространною, исполненною необыкновеннаго ума и такта рѣчью. Она смиренно просила извиненія, объясняла непріятность общепризнанной, не отвергаемой и ею, глупостью Навала, выставляла предыдущую дѣятельность Давида, какъ заслугу предъ Богомъ, и тонко намекнула, что будущему царю надъ евреями не мѣшаетъ удержать руку отъ про-

литія крови еврейской. Давидъ былъ пораженъ, одумался, поблагодарилъ Авигею, принялъ подарки и возвратился въ свое мѣсто. Навалу однако не прошла даромъ его послѣдняя глупость. Когда Авигея возвратилась домой, праздникъ былъ во всемъ разгарѣ, и Навалъ уже совершенно былъ пьянъ. Авигея вѣроятно хорошо знала, что такое пьяный Навалъ, и потому не рѣшилась сказать ему сейчасъ о томъ, что произошло и что она сдѣлала безъ его вѣдома. На другой же день она разсказала ему все, какъ было. Услыхавъ о грозившей, хотя и миновавшей опасности, Навалъ онѣмѣлъ отъ ужаса. Какъ и всѣ глупые и дерзкіе люди, онъ былъ трусъ. Къ тому же, предаваясь въ излишествѣ пьянству, онъ разстроилъ свои нервы, которые послѣ оргій приходили въ величайшее напряженіе. Съ нимъ сдѣлался обыкновенный въ этихъ случаяхъ ударъ, отъ котораго онъ не могъ оправиться, и черзъ 10 дней умеръ. Вѣсть объ этомъ быстро разнеслась по окрестностямъ, и Давидъ, не перетававшій изыскивать источники пропитанія для себя и дружины и сохранившій свѣтлое воспоминаніе объ умѣ и мужествѣ Авигеи, рѣшился сдѣлать предложеніе богатой вдовѣ, несмотря на то, что у него уже повидимому [1]) была жена—Ахиноама изъ Изрееля, взятая имъ вѣроятно послѣ того, какъ онъ разлученъ былъ съ Мелхолой, которую Саулъ отдалъ другому мужу. Авигея съ почтительной радостью приняла предложеніе и сдѣлалась женой Давида. Давидъ, сдѣлавшись наслѣдникомъ богатства Навала, продолжалъ держаться въ пустынѣ Зифъ, близъ Кармила. Полагая, что Саулъ уже не будетъ безпокоить его, онъ вѣроятно попробовалъ заняться правильнымъ хозяйствомъ и занялъ своими стадами пастбища въ окрестностяхъ. Это не понравилось зифеямъ, которые съ неудовольствіемъ и страхомъ смотрѣли на богатаго и могущественнаго сосѣда, стѣснявшаго ихъ полудикую, чуждую всякаго порядка и законности жизнь. Они снова явились къ Саулу и соблазнили его надеждой поймать Давида, основашагося повидимому прочно на одномъ мѣстѣ и не могшаго, какъ прежде, скрывать своихъ слѣдовъ внезапными переходами и исчезновеніями въ под-

[1]) См. 2 Цар. 3, 2. 3.

земельяхъ. Такъ по нашему мнѣнію могла произойти послѣдняя попытка Саула схватить Давида, которую нѣкоторые отвергаютъ на томъ основаніи, что она очень сходна съ предыдущей и что поэтому разсказъ о ней будто только варіантъ. Эта попытка кончилась для Саула тѣмъ же, чѣмъ и предыдущая. Различіе то, что тогда Саулъ попался въ руки Давида случайно, неожиданно для самаго Давида; теперь же Давидъ нарочито слѣдилъ за Сауломъ, изыскивая случай снова поразить его и своимъ великодушіемъ, и своимъ счастіемъ, дающимъ ему возможность погубить Саула, если бы только онъ (Давидъ) этого захотѣлъ. Не давши Саулу дойти до того мѣста, гдѣ онъ разсчитывалъ настичь своего врага, Давидъ укараулилъ его во время безпечнаго отдыха, смѣло вошелъ съ однимъ изъ своихъ сподвижниковъ въ лагерь и похитилъ у спящаго царя его копье и сосудъ для воды. Затѣмъ удалившись на безопасное разстояніе, на трудно-доступный утесъ, онъ разбудилъ спящихъ, жестоко посмѣялся надъ Авениромъ, военачальникомъ Саула, и снова упрекнулъ послѣдняго въ жестокости. Саулъ снова раскаялся и со стыдомъ возвратился домой.

Давидъ не могъ однако долѣе выносить своего положенія въ предѣлахъ Саулова царства. Его стада, составлявшія теперь основной источникъ его жизненныхъ средствъ, требовали опредѣленнаго мѣстопребыванія; а между тѣмъ нельзя было не опасаться, что Саулъ вдругъ опять сдѣлаетъ нашествіе. Поэтому Давидъ вторично рѣшился уйти въ чужіе предѣлы. Куда же? Всего ближе въ богатую пастбищами равнину филистимскую. Вступивъ въ переговоры съ геѳскимъ царемъ и получивъ его согласіе, онъ перекочевалъ въ филистимскую землю, и Саулъ, который должно быть опять собирался ловить его, не сталъ, сказано, болѣе искать его. Но покровительство Анхуса Давидъ долженъ былъ купить дорогой цѣной. Анхусъ смотрѣлъ на него, какъ на своего вассала и обязывалъ его вредить своимъ врагамъ, евреямъ. Чтобы избавить себя отъ этого невозможнаго условія и въ тоже время не навлечь на себя подозрѣнія Анхуса, Давидъ выпросилъ для жилища себѣ удаленное отъ столицы мѣстечко на южной окраинѣ филистимской земли, называемое Секелагъ.

Отсюда онъ предпринималъ походы съ своею дружиною какъ бы на востокъ, во владѣнія Саула; на самомъ же дѣлѣ уклонялся на югъ, разбивалъ хищническія племена, одинаково враждебныя какъ филистимлянамъ, такъ и евреямъ, и возвращался съ добычей, изъ которой часть вѣроятно отдавалъ Анхусу, какъ своему верховному государю (сюзерену). Изъ предосторожности онъ не бралъ плѣнныхъ, которые могли бы обнаружить истину, и такимъ образомъ Анхусъ былъ въ убѣжденіи, что Давидъ воюетъ съ своими единоплеменниками, противъ которыхъ ожесточенъ. Въ это время въ царствѣ Сауловомъ обстоятельства сдѣлались повидимому столь худы, что многіе начали выселяться изъ него. Такъ многіе сильные мужи изъ разныхъ колѣнъ пришли къ Давиду и отдались подъ его покровительство. Бѣжали не только изъ колѣна Іудина, родственнаго Давиду, но и изъ Гадова и даже изъ Веніаминова [1]). Послѣднее обстоятельство было до того поразительно, что Давидъ даже усумнился: нѣтъ ли тутъ какого-нибудь злоумышленія противъ его личности. Но его опасеніе оказалось напраснымъ. Переселенцы эти весьма значительно увеличили собою военную силу Давида, потому что это были все люди мужественные и воинственные. Веніаминяне „бросали каменья правою и лѣвою рукою и стрѣляли изъ лука“, а гадяне „вооружены щитомъ и копьемъ; лица ихъ—лица львиныя, и они быстры какъ серны на горахъ“ [2]). Давидъ прожилъ въ Секелагѣ болѣе году, и Анхусъ сталъ считать его вѣрнымъ себѣ. Но вотъ филистимляне, зорко слѣдившіе за положеніемъ дѣлъ въ царствѣ Саула, нашли, что наступилъ удобный моментъ отомстить евреямъ за всѣ предыдущія пораженія. Саулъ, совсѣмъ ослабѣвшій нравственно и отчасти физически, былъ болѣе не страшенъ. Въ управленіи страною господствовали безпорядки. Подданные едва терпѣли своего царя. Все обѣщало успѣхъ. Анхусъ потребовалъ, чтобы Давидъ принялъ участіе въ походѣ. Давидъ отвѣчалъ двусмысленностію: „нынѣ ты узнаешь, что̀ сдѣлаетъ рабъ твой“. Анхусъ понялъ это въ благопріятномъ для себя

[1]) 1 Пар. 12, 1—16.
[2]) 1 Пар. 12, 2. 8.

смыслѣ и назначилъ Давиду почетный постъ около своей особы. Полагаютъ, что Давидъ не зналъ, что будетъ теперь съ его головой, какъ выйдетъ онъ изъ своего ужаснаго положенія, что только случай избавилъ его отъ необходимости принять дѣятельное участіе въ войнѣ противъ своихъ соотечественниковъ. Но намъ кажется, что Давидъ зналъ, какъ выйти изъ затрудненія. Онъ хорошо изучилъ отношенія при дворѣ филистимскаго царя; онъ видѣлъ, что къ нему расположенъ одинъ царь, вліятельные же вельможи, противъ воли которыхъ Анхусъ не могъ сдѣлать ничего важнаго, подозрительно смотрѣли на иностранца, овладѣвшаго довѣріемъ царя. Не стоило большаго труда незамѣтно для царя искусственно принять на себя подозрительный для этихъ вельможъ видъ: тайно разговаривать съ своими людьми, держаться особнякомъ, и проч., чтобы они окончательно встревожились и, не осмѣлившись сдѣлать явное насиліе Давиду, потребовали бы отъ царя удаленія Давида изъ войска. Такъ впослѣдствіи и случилось; но начало похода Давидъ принужденъ былъ сдѣлать. На этотъ разъ филистимляне вторглись въ землю евреевъ не по прямому пути—въ южную ея часть, гдѣ тотчасъ могли встрѣтить войско Саула въ крѣпкихъ позиціяхъ, а сдѣлали обходъ къ сѣверу и проникли въ долину Ездраелонскую, представлявшую удобства для дѣйствія ихъ конницы [1]). Они сначала расположились на низменности подлѣ города Сонама. Саулъ собралъ войско, поспѣшилъ имъ навстрѣчу и остановился въ виду ихъ на горѣ Гелвуй, недоступной для конницы. Однако при взглядѣ на сильное непріятельское войско онъ упалъ духомъ—„крѣпко дрогнуло сердце его“. Это былъ уже не тотъ Саулъ, который не зналъ страха на войнѣ и не считалъ количество своихъ враговъ. Года, житейскія треволненія, болѣзнь и сознаніе затаеннаго недовольства и недовѣрія подданныхъ сломили его духъ, подорвали вѣру въ себя. Не получивъ сверхъестественнаго ободренія ни чрезъ первосвященника, ни чрезъ пророка, ни даже въ какомъ-нибудь знаменательномъ сонномъ видѣніи, онъ

[1]) Это самая обширная равнина во внутренней гористой части Палестины, орошаемая потокомъ Кисонъ, въ колѣнѣ Иссахаровомъ и отчасти Завулоновомъ.

рѣшился прибѣгнуть къ помощи волшебства, того зловреднаго искусства, которое самъ нѣкогда искоренялъ въ народѣ, но очевидно не съ полнымъ убѣжденіемъ въ его суетности. Онъ отправился въ мѣстечко Аэндоръ, находившееся недалеко отъ стана, къ женщинѣ, обладавшей искусствомъ показывать тѣни умершихъ людей. Но здѣсь помимо волшебства произошло чудо: Богъ облекъ безплотную душу Самуила подобіемъ тѣла, и Саулъ, объятый ужасомъ, услыхалъ тотъ же неизмѣнный приговоръ, который слышалъ не разъ отъ Самуила во время его земной жизни. Съ отчаяніемъ въ душѣ онъ вернулся въ свой станъ. Между тѣмъ филистимляне, не желая нападать на евреевъ въ ихъ трудно-доступной позиціи, подвинулись къ краю долины Ездраелонской и расположились на нѣкоторомъ возвышеніи при Афекѣ. Здѣсь, въ виду еврейскаго войска, предъ рѣшительнымъ дѣломъ филистимскіе князья, т. е., подвластные Анхусу властители отдѣльныхъ филистимскихъ областей, возмутились видомъ Давида съ его отрядомъ испытанныхъ бойцовъ и потребовали рѣшительно, чтобы Анхусъ удалилъ его назадъ, въ филистимскую землю. Они не безъ основанія опасались, что Давидъ въ рѣшительную минуту обратитъ свое оружіе противъ филистимлянъ и нанесетъ имъ непоправимый вредъ. Анхусъ принужденъ былъ согласиться и извинившись передъ Давидомъ, отослалъ его въ Секелагъ. Давидъ съ радостію поспѣшилъ оставить невыносимый постъ въ станѣ враговъ своего отечества. Ему слѣдовало поспѣшить и по другой причинѣ. Въ его отсутствіе амаликитяне, воспользовавшись войной филистимлянъ съ евреями, отвлекшей силы тѣхъ и другихъ далеко на сѣверъ, сдѣлали набѣгъ на ихъ южные предѣлы, захватили множество добычи и между прочимъ сожгли Секелагъ, а женъ и дѣтей въ немъ оставшихся увели въ плѣнъ. Когда Давидъ и его люди пришли и узнали объ этомъ несчастіи то пришли въ отчаяніе и плакали „доколѣ не стало въ нихъ силы плакать“. Затѣмъ воины ожесточились до того, что едва не побили Давида камнями, какъ виновника своего несчастія. Давидъ былъ сильно смущенъ этимъ обстоятельствомъ; но скоро онъ укрѣпилъ себя надеждою на Бога. Его войско еще увеличилось выходцами изъ

колѣна Манассіина и стало велико „какъ ополченіе Божіе“ [1]). Получивъ чрезъ первосвященника благопріятное предсказаніе объ исходѣ своего предпріятія, онъ немедленно пустился въ погоню за врагами, которымъ неоткуда было быть, какъ съ юга. На дорогѣ онъ нашелъ больного, брошеннаго господиномъ раба, который назвалъ ему враговъ и указалъ направленіе, по которому они ушли. Давидъ настигъ амаликитянъ, разбилъ ихъ наголову, отнялъ всю добычу и плѣнныхъ и возратился съ радостнымъ сердцемъ въ Секелагъ. Хотя на возвратномъ пути произошелъ было раздоръ изъ-за добычи, которую участвовавшіе въ дѣлѣ не хотѣли дѣлить съ остававшимися по причинѣ усталости назади, при обозѣ; однако Давидъ примирилъ враждующихъ и постановилъ закономъ войны навсегда: „какова часть (добычи) ходившимъ на войну, такова часть должна быть и остававшимся при обозѣ“. Изъ Секелага онъ разослалъ часть добычи жителямъ разныхъ мѣстъ, гдѣ ему оказывалось гостепріимство во время его скитальческой жизни.

Между тѣмъ какъ Давидъ переживалъ вышеописанную катастрофу и потомъ радовался счастливому исходу своихъ дѣлъ, на другомъ театрѣ событій разыгралась болѣе грандіозная драма, имѣвшая глубокое значеніе для двухъ народовъ и для Давида лично. Возвратясь изъ Аэндора, Саулъ увидалъ, что филистимляне перемѣнили позицію такимъ образомъ, что евреи не могли уже наблюдать за ними изъ своего укрѣпленнаго лагеря на горѣ Гелвуѣ, а также не могли ожидать, что филистимляне сдѣлаютъ на нихъ здѣсь нападеніе. Не будучи въ состояніи выносить долѣе своего тягостнаго нерѣшительнаго положенія, Саулъ самъ рѣшился вызвать на бой филистимлянъ и вопреки обыкновеннымъ тактическимъ соображеніямъ въ войнѣ съ филистимлянами спустился въ долину [2]). Филистимляне того только и ждали. Бурнымъ потокомъ устремились они на евреевъ съ отлогой возвышенности при Афекѣ, смяли ихъ ряды и погнали, разя нещадно. Евреи бросились спасаться на гору Гелвуй, но и здѣсь не могли уже

[1]) 1 Пар. 12, 19. 22.

[2]) „Израильтяне расположились станомъ у источника, что въ Изреелѣ“. 1 Цар. 29, 1.

оправиться. Саулъ съ тремя своими храбрыми сыновьями держался на горѣ до послѣдней крайности. Тучи стрѣлъ осыпали ихъ и всѣ сыновья одинъ за другимъ пали мертвые. Саулъ весь израненный увидалъ свой конецъ. Не желая живой терпѣть униженіе отъ своихъ враговъ, которые уже безпрепятственно устремлялись на него, онъ бросился грудью на свой мечъ. Его оруженосецъ послѣдовалъ его примѣру. Но Саулъ не могъ умереть мгновенно; жизнь его еще боролась со смертію. Въ это время случился подлѣ рыскавшій по полю битвы очевидно для грабежа амаликитянинъ. Въ смертной тоскѣ Саулъ попросилъ его покончить съ нимъ, что́ амаликитянинъ и исполнилъ охотно. Затѣмъ онъ ограбилъ его, снявъ корону съ его головы и запястье съ руки. Филистимляне окончательно уничтожили войско евреевъ. Страна осталась безъ защиты. Жители окрестныхъ городовъ въ страхѣ бѣжали за Іорданъ, оставляя свои жилища и имущество въ добычу побѣдителямъ. На другой день филистимляне разсыпавшіеся по полю битвы для грабежа убитыхъ, нашли Саула и его сыновей, отсѣкли Саулу голову, сняли доспѣхи и отправили какъ трофей въ капище Астарты. Тѣло же Саула обезглавленное и тѣла сыновей для поруганія повѣсили на стѣнѣ одного еврейскаго города близъ Іордана. Жители Іависа Галаадскаго (этотъ городъ лежалъ внѣ предѣловъ филистимскаго господства, за Іорданомъ), обязанные нѣкогда Саулу спасеніемъ отъ гибели, услыхавъ о поруганіи надъ его тѣломъ, рѣшились отдать ему послѣднюю честь. Самые отважные изъ нихъ пустились ночью въ дорогу, дошли до Веѳсана, гдѣ былъ повѣшенъ Саулъ, взяли его и его сыновей тѣла и унесли къ себѣ въ Іависъ. Здѣсь они сожгли ихъ и похоронили пепелъ подъ дубомъ. Амаликитянинъ, которому посчастливилось овладѣть короною и дорогимъ запястьемъ царя Саула, сообразилъ, что онъ можетъ извлечь изъ этой добычи гораздо болѣе, чѣмъ сколько онъ могъ получить отъ купца за вѣсъ ея золота. Онъ отправился къ Давиду, принесъ ему вѣсть о пораженіи евреевъ, о смерти Саула и его сыновей и почтительно предложилъ ему царскія регаліи въ надеждѣ, что это будетъ до безконечности пріятно претенденту на престолъ, и онъ сдѣлаетъ его при себѣ важнымъ человѣкомъ.

Но онъ жестоко ошибся въ разсчетѣ. Давидъ пораженъ былъ этимъ извѣстіемъ какъ громомъ, разорвалъ на себѣ одежду и велѣлъ убить амаликитянина за то, что несчастіе еврейскаго царя ничего не возбудило въ немъ, кромѣ хищническихъ наклонностей и недостойныхъ разсчетовъ понравиться его преемнику своей продажной преданностью. Своею непритворную скорбь о Саулѣ, другѣ Іонаѳанѣ и о бѣдствіи всего народа еврейскаго Давидъ выразилъ въ трогательно-прекрасной, глубокопоэтической пѣсни, которая въ числѣ другихъ вдохновенныхъ его произведеній сохранилась въ потомствѣ. Пѣснь эта очевидно написана подъ первымъ впечатлѣніемъ. Въ ней Давидъ недоумѣваетъ, какъ могло произойти такое невѣроятное пораженіе храбрыхъ, не можетъ примириться съ фактомъ,—какъ и дѣйствительно бываетъ съ человѣкомъ, пораженнымъ страшнымъ несчастіемъ. „Краса твоя, о Израиль, поражена на высотахъ твоихъ!—взывалъ Давидъ. Какъ это пали сильные? Не разсказывайте въ Геѳѣ, не возвѣщайте на улицахъ Аскалона, чтобы не радовались дочери филистимлянъ, чтобы не торжествовали дочери необрѣзанныхъ. (Давиду, воспѣтому женщинами еврейскими за пораженіе множества филистимлянъ, тяжело было думать, что теперь филистимскія женщины и дѣвицы будутъ радостно привѣтствовать своихъ воиновъ за пораженіе евреевъ). Горы Гелвуйскія! Да не сойдетъ ни роса, ни дождь на васъ и да не будетъ на васъ полей съ плодами; ибо тамъ поверженъ щитъ сильныхъ, щитъ Саула, какъ бы не былъ онъ помазанъ елеемъ. Безъ крови раненыхъ, безъ тука сильныхъ лукъ Іонаѳана не возвращался назадъ, и мечъ Саула не возвращался даромъ. Саулъ и Іонаѳанъ, любезные и согласные въ жизни своей, не разлучились и въ смерти своей. Быстрѣе орловъ, сильнѣе львовъ они были. Дочери израильскія! плачьте о Саулѣ, который одѣвалъ васъ въ богряницу съ украшеніями и доставлялъ на одежды ваши золотые уборы. Какъ же это пали сильные на брани!? Сраженъ Іонаѳанъ на высотахъ израильскихъ. Скорблю о тебѣ, братъ мой Іонаѳанъ. Ты былъ очень дорогъ для меня; любовь твоя была для меня превыше любви женской. Какъ же пали сильные, погибло оружіе бранное“?

Такъ кончилъ свою жизнь и свое царствованіе пер-

вый царь еврейскій. Его самоубійство обусловливалось складомъ его нравственной личности. Это былъ человѣкъ, слишкомъ много полагавшійся на свои силы; печать гордаго самоупованія лежитъ на всѣхъ его дѣйствіяхъ въ теченіе жизни. Въ минуту, когда все казалось потерянным, когда Давидъ всецѣло возложилъ бы упованіе на Бога и сталъ бы безпрекословно ждать Его милости или суда, Саулъ, не видя спасенія человѣческими средствами, рѣшился насильственно прекратить свою жизнь, чтобы избѣжать человѣческаго позора. О Провидѣніи, о высшемъ судѣ, о духовномъ своемъ существѣ онъ не думаетъ... Конецъ его царствованія былъ діаметрально противоположенъ началу: тамъ спасеніе отечества отъ враговъ; здѣсь поверженіе его въ рабство этимъ же самымъ врагамъ. Причину такого печальнаго конца нужно искать не въ случайныхъ какихъ-нибудь обстоятельствахъ, не въ ослабленіи личной храбрости Саула и его дарованій, какъ полководца (хотя послѣднее сраженіе повидимому указываетъ и на это), а въ общемъ характерѣ его царствованія, имѣвшемъ вредное вліяніе на духъ народа, на всѣ жизненныя отправленія государственнаго организма. Саулъ въ началѣ только предводительствовалъ войсками, а потомъ только властвовалъ, подчинялъ себѣ народъ, возвышалъ свой царскій авторитетъ до произвола; онъ не управлялъ въ собственномъ смыслѣ, т. е., не работалъ надъ организаціей общественныхъ силъ, не усиливался возбудить ихъ энергію, не привлекалъ ихъ къ содѣйствію себѣ, а напротивъ скорѣе подавлялъ. Онъ былъ во враждѣ съ пророками, держалъ въ почтительномъ отдаленіи и даже страхѣ передъ собой священниковъ и не любилъ дѣлить власть и труды управленія съ родовитыми и талантливыми лицами изъ всѣхъ колѣнъ, а окружалъ себя своими родичами, бездарными, но льстивыми людьми и иностранцами. Народъ, избавленный имъ отъ гнета внѣшнихъ враговъ, почувствовалъ гнетъ его самого и впалъ въ апатію. Эта апатія къ концу перешла въ глухое недовольство, которое хотя не разразилось революціей, но было причиною того, что въ послѣднюю войну съ филистимлянами въ войскѣ не оказалось того бодраго духа, той стойкости вокругъ своего предводителя-царя, благодаря которымъ Саулъ

одерживалъ прежнія побѣды. Впрочемъ Саулъ свою задачу выполнилъ, сдѣлалъ то, къ чему былъ призванъ и что было по его силамъ: онъ въ критическую минуту спасъ народъ еврейскій отъ порабощенія, создалъ изъ разрозненныхъ колѣнъ, хотя и механически, одно цѣлое государство и далъ почувствовать его силу его исконнымъ и злѣйшимъ врагамъ [1]). Продолжительность Саулова царствованія нѣтъ возможности опредѣлить съ точностію, потому что для этого нѣтъ опредѣленныхъ данныхъ въ Библіи. Хотя для пополненія пробѣловъ въ библейской хронологіи и находятъ иногда нужнымъ растянуть царствованіе Саула на 40 лѣтъ, однако это число представляется слишкомъ большимъ въ виду нѣкоторыхъ данныхъ, представляемыхъ свящ. лѣтописью относительно жизни Саула. Ни откуда не видно, что Саулъ достигъ глубокой старости. Давидъ на исходѣ седьмаго десятка лѣтъ уже совершенно лишился жизненныхъ силъ; Саулъ же въ послѣдній годъ жизни отправился на войну и если не сражался лично, то руководилъ сраженіемъ. Жизнь свою онъ кончилъ самоубійствомъ, и въ немъ оставалось еще столько жизненной силы, что онъ не могъ умереть скоро, бросившись на свой мечъ. Поэтому въ день смерти ему едвали было болѣе 60 лѣтъ. При вступленіи его на престолъ его сынъ Іонаѳанъ былъ уже крѣпкимъ воиномъ, слѣдовательно не менѣе, какъ 20-ти лѣтъ, и слѣдовательно самому Саулу было не менѣе 40 лѣтъ. Дружба между Давидомъ и Іонаѳаномъ описывается въ Библіи такими чертами, что мы не можемъ предполагать большую разницу между ними въ годахъ,—они представляются сверстниками или почти сверстниками. Если Давидъ утвердился на престолѣ въ Хевронѣ 30-ти лѣтъ отъ роду [2]), то день побѣды его надъ Голіаѳомъ, когда началась его дружба съ Іонаѳаномъ,

---

[1]) Поэтому нельзя говорить, что выборъ Саула былъ совсѣмъ неудаченъ, что его не слѣдовало и избирать въ цари. Если выборъ палъ на Саула, то это означало только, что всякій другой еврей въ то время оказался бы не лучше, если не хуже Саула. Богу пришлось бы сдѣлать чудо, создавъ особеннаго человѣка для царствованія надъ евреями; но Онъ этого не сдѣлалъ, а выбралъ то, что въ данное время народъ могъ дать отъ себя и для себя.

[2]) 2 Цар. 5, 4.

нельзя отодвинуть далѣе 10 лѣтъ отъ смерти Саула,— Давидъ долженъ былъ имѣть тогда по меньшей мѣрѣ 20 лѣтъ. Но если бы Саулъ царствовалъ 40 лѣтъ, то Іонаѳану въ день побѣды Давида надъ Голіаѳомъ было бы уже 50 лѣтъ. Это была бы разница слишкомъ большая и совершенно не сообразная съ характеромъ тѣхъ отношеній, какія установились между Давидомъ и Іонаѳаномъ. Гораздо естественнѣе поэтому предложить, что Саулъ царствовалъ не болѣе 20 лѣтъ. Что касается мѣста изъ кн. Дѣян. ап. 13, 20. 21, то оно очень неясно. Изъ него можно вывести заключеніе, что Саулъ царствовалъ 40 лѣтъ; но въ тоже время возможно и другое заключеніе, что 40 лѣтъ обнимали царствованіе Саула вмѣстѣ съ управленіемъ Самуила въ качествѣ судіи. Во всякомъ случаѣ это мѣсто рѣшающаго значенія не имѣетъ. Іосифъ Флавій говоритъ, что Саулъ царствовалъ 18 лѣтъ при жизни Самуила и 2 года (хотя есть варіантъ: 22 г.) по смерти Самуила [1]). Точно такъ же 20 лѣтъ царствованія даетъ Саулу и Климентъ александрійскій [2]).

ДАВИДЪ.

Не можетъ исторія указать намъ ниодного царя, имя котораго было бы такъ всеобще-извѣстно и произносилось столькими милліонами устъ, какъ имя Давида-царя; потому что, не говоря уже о евреяхъ, всѣ христіанскіе народы знаютъ и чтутъ это имя съ тѣхъ поръ, какъ стали христіанскими, и не въ образованномъ только меньшинствѣ, а во всей своей массѣ. Слава его имени болѣе всего распространялась и распространяется по лицу земли вмѣстѣ съ христіанствомъ. Если же христіанство, имѣя высочайшій идеалъ нравственнаго совершенства въ лицѣ своего Божественнаго Основателя, соединяетъ имя Давида съ именемъ своего Основателя, какъ имя Его наиболѣе выдающагося предка и даже прообраза, послѣдователи же Христа возносятъ свои молитвы къ Богу словами Давидовыхъ пѣснопѣній,—то не трудно понять, какъ высока

[1]) Antiqu. L. VI, cap. 14, 9.

[2]) Stromata Lib. I, cap. 21. Migne. Curs. comp. 1857 г.

должна была быть личность Давида и сама по себѣ, чтобы сдѣлаться достойною того значенія, какое она получила въ христіанскомъ сознаніи. Священныя книги евреевъ, заключающія въ себѣ обильныя историческія свидѣтельства о жизни Давида и о той благоговѣйной памяти, какую сохраняло о немъ потомство, а также собственныя произведенія Давида, свидѣтельствующія о его живой религіозности, возвышавшейся до пророческаго вдохновенія,—книги эти, если читать ихъ безъ предубѣжденія, доказываютъ, что Давидъ дѣйствительно заслуживалъ той благоговѣйной памяти, какую сохранило о немъ и ближайшее, и отдаленнѣйшее потомство, и той славы, какая до сихъ поръ сопутствовала его имени. Но съ тѣхъ поръ, какъ умами нѣкоторой части западно-европейскихъ мыслителей овладѣлъ духъ отрицанія, подобно тому, какъ нѣкогда пророками царя израильскаго Ахава овладѣлъ духъ лживый [1]), личность Давида, наряду со многимъ другимъ, что чтилось христіанскимъ сознаніемъ, какъ святыня, подверглась нападкамъ, сначала легкимъ, а потомъ болѣе и болѣе ожесточеннымъ. Было время, когда не только не рѣшались сказать что-либо въ осужденіе ветхозавѣтнаго праведника, но и всѣми мѣрами старались снять съ прославленныхъ библейскихъ мужей вину за такія дѣйствія, которыя по прямому смыслу библейскихъ сказаній не относились къ ихъ чести. Нѣкоторые древніе христіанскіе богословы, въ силу высокаго значенія, какое имѣютъ для христіанскаго сознанія упоминаемыя въ Библіи лица, какъ носители Откровенія, старались оправдать тѣ ихъ дѣйствія, которыя въ нравственномъ отношеніи могутъ казаться не безупречными [2]). Раввины, главнымъ образомъ

---

[1]) 3 Цар. 22, 22. 23.

[2]) Златоустъ. Homiliae in Genesim. Hom. LXII. 1. Оригенъ. Homiliae in Genesin. Homilia V. Ириней Ліонскій. Contra haeres. Lib. 4, cap. 31. Содержаніе этой главы въ надписаніи ея выражено такъ: „мы не должны опрометчиво ставить въ вину древнимъ тѣ дѣйствія, которыя писаніе не осудило, но скорѣе должны видѣть въ нихъ образы будущихъ вещей: примѣръ—кровосмѣшеніе Лота“. Амвросій Медіоланскій составилъ двѣ апологіи прор. Давида. Нужно замѣтить впрочемъ, что св. отцы въ сущности не отвергаютъ грѣховности нѣкоторыхъ дѣйствій, совершенныхъ тѣмъ или другимъ ветхозавѣтнымъ

изъ національнаго тщеславія, употребляли всевозможныя усилія къ тому, чтобы представить ветхозавѣтныхъ праведниковъ чуждыми даже всякой тѣни человѣческихъ слабостей и недостатковъ. Ихъ примѣру слѣдовали и нѣкоторые христіанскіе богословы позднѣйшаго времени. Въ особенности, такъ сказать, несдержанностію въ этомъ направленіи отличались католическіе богословы, такъ что, оправдывая, напр., Авраама, рѣшались утверждать, будто въ нѣкоторыхъ случаяхъ позволительно говорить ложь [1]). Это было прямымъ заблужденіемъ, въ основѣ котораго лежало неправильное пониманіе человѣческой праведности. И раввины, и христіанскіе богословы поставили себѣ невозможную задачу: убѣдить кого-то, что были нѣкогда люди абсолютно безгрѣшные,—забывая, что абсолютно совершенъ одинъ Богъ, что человѣческая праведность относительна, что человѣкъ не можетъ быть совершенно чуждъ человѣческихъ слабостей, не переставъ быть человѣкомъ. Понятное дѣло, что, стоя на ложной почвѣ, они принуждены были ограничиваться болѣе или менѣе остроумными разсужденіями, ни для кого не убѣдительными, а также прибѣгать къ софизмамъ, разоблачить которые не составляло особеннаго труда. Отъ этого вышла не польза для дѣла, а вредъ: друзья священно-библейскихъ лицъ работали, какъ говоритъ Генгстенбергъ, въ руку враговъ ихъ [2]). Когда народились мыслители, одержимые духомъ сомнѣнія и отрицанія, и начали нападать на религіозные авторитеты, то ихъ нападки имѣли видъ полной правоты, пока они были направлены противъ искусственныхъ построеній ненужной и неумѣлой защиты. Вслѣдствіе этого отрицатели много выиграли въ глазахъ своихъ читателей и подготовили ихъ къ результатамъ своей дальнѣйшей разрушительной работы. Отрицательное направленіе разви-

---

лицомъ; они главнымъ образомъ развиваютъ ту мысль, что намъ не слѣдуетъ осуждать тѣхъ, кого Богъ оправдалъ, и что самыя прегрѣшенія ветхозавѣтныхъ носителей Откровенія имѣли глубокое назидательное и прообразовательное значеніе. Иначе отнеслись къ дѣлу раввины и позднѣйшіе христіанскіе богословы.

[1]) Hengastenberg. Beiträge zur Einleitung ins Alte Testament. 1839. B. 3. s. 527—8.

[2]) Указ. соч. стр. 526.

валось далѣе, и въ концѣ концовъ что же мы видимъ въ частности по отношенію къ личности Давида? Онъ „честолюбивый выскочка“ и узурпаторъ, измѣнникъ, вступившій въ союзъ съ врагами своего отечества, лицемѣръ, притворно надѣвавшій трауръ по убитымъ имъ людямъ, притворно набожный, наконецъ убійца, умершій „съ убійствомъ на устахъ“ [1]), и хуже перваго убійцы, Каина [2]). Какимъ образомъ произошло это поистинѣ удивительное превращеніе взгляда на личность Давида? Такъ называемымъ свободнымъ мыслителямъ (еще прошлаго и предпрошлаго вѣка) [3]) понадобилось отвергнуть Откровеніе; а для этого нужно было уронить авторитетъ свящ. писанія. Чтобы доказать, что это обыкновенное человѣческое произведеніе, стали искать въ немъ погрѣшностей и противорѣчій самому себѣ. Съ этой точки зрѣнія разсматривали и исторію Давида. Такъ какъ Давидъ по Библіи является великимъ праведникомъ, но съ другой стороны по сказаніямъ той же Библіи онъ иногда несомнѣнно грѣшилъ, то въ этомъ хотѣли видѣть противорѣчіе; такъ какъ Библія не порицаетъ его за нѣкоторыя дѣйствія, которыя по мнѣнію мыслителей достойны порицанія, то въ этомъ видѣли погрѣшность. Изъ того, что Давидъ иногда несомнѣнно грѣшилъ, сдѣлали злонамѣренно-нелогическое заключеніе, что Давидъ былъ вообще дурной человѣкъ, что онъ уже не могъ ничего хорошаго сдѣлать, и потому стали объяснять не въ пользу Давида и тѣ факты, которые можно такъ или иначе перетолковать, хотя они легко допускаютъ толкованіе въ пользу Давида, почему конечно писатель кн. Царствъ и не порицаетъ за нихъ Давида.

---

[1]) Otto Henne-Am Rhun. Kulturgeschichte des Judentums Jena. 1880. s. 36–40.

[2]) Menzel. Staats-nnd-Religionsgeschichte der Königreiche Israel Juda. Leipz. 1852. s. 120.

[3]) Менцель съ особеннымъ сочувствіемъ упоминаетъ о Бэйле, который злословилъ Давида въ 1696 году въ своемъ „Историко-критическомъ словарѣ“, и о Самуилѣ Реймарѣ (ум. 1768 г.), который дѣлалъ тоже въ своемъ рукописномъ сочиненіи, изданномъ въ свѣтъ Лессингомъ подъ названіемъ „Вольфенбюттельскіе фрагменты“. Указ. соч. стр. 123 и 126. Къ нимъ нужно присоединить Тиндаля, Моргана, также Вольтера и др.

Напр., вынужденное бѣгство Давида въ землю филистимлянъ стали называть измѣною отечеству; причину казни потомковъ Саула во время голода стали указывать въ желаніи Давида истребить потомство Саула, будто бы опасное для узурпатора—Давида. Этого мало: стали набрасывать тѣнь даже на такія дѣла Давида, которыя ясно изображаются въ Библіи какъ подвиги или какъ добродѣтели Давида. Такъ, побужденіе къ борьбѣ съ Голіаѳомъ указывали въ громадномъ честолюбіи Давида; плачевную пѣснь о гибели Саула считали притворствомъ; плясаніе Давида въ религіозномъ восторгѣ предъ ковчегомъ находили, какъ и Мелхола, неприличнымъ; въ приглашеніи Мемфивосѳея, сына Іонаѳанова, ко двору видѣли жестокость (!) Давида,—это де значило поставить сына отважнаго Іонаѳана въ ужасное положеніе: сдѣлать его предметомъ всеобщихъ насмѣшекъ за царскимъ столомъ. Упрекали Давида даже за то, что онъ много воевалъ—будто бы безъ нужды,—за то, что онъ для спасенія своего трона воспользовался услугами Хусія, искусно разстроившаго козни Ахитофела, и проч. [1]). Но и за всѣмъ тѣмъ, лишившись праведности, Давидъ продолжалъ оставаться великимъ человѣкомъ: сильнымъ и неустрашимымъ воиномъ, талантливымъ полководцемъ, мудрымъ администраторомъ, и проч. Нужно было снять его и съ этого пьедестала. Этому помогла въ новѣйшія времена знаменитая критика библейскаго текста. Съ тѣхъ поръ, какъ ученые научились читать Библію между строкъ и сочинили свою собственную библію, съ Давидомъ справиться стало легко. Историческія книги ветхаго завѣта получили де свой настоящій видъ въ то время, когда на престолѣ возсѣдали потомки Давида. Поэтому частію изъ страха, частію изъ лести предъ ними историческіе документы подверглись всевозможнымъ

[1]) Комментируя 37 псаломъ, хулители Давида дошли до полнаго безумія, до омерзительнаго острословія пьяныхъ людей. Подробное изложеніе нападокъ на личность Давида со стороны старыхъ вольнодумцевъ и защита его, часто солидная и удачная, иногда не совсѣмъ удачная, находятся въ Die gute Sache der in der heiligen Schrift alt. und neuen Testaments enthaltenen Göttlichen Offenbarung wider die Feinde derselben erwiesen und gerettet—von Th. Chr Lilienthal. Königsb. 1762. Thl. 6. s. 829—986.

искаженіямъ: въ нихъ есть вставки, упущенія, смягченія, украшенія и цѣлыя вымышленныя исторіи. Такъ какъ Саулъ, оказывающійся по библейскимъ сказаніямъ дурнымъ царемъ, священниковъ преслѣдовалъ, а Давидъ, о которомъ разсказано столько прекраснаго, напротивъ покровительствовалъ, то въ этой работѣ видятъ руку жрецовъ или пророковъ, мысливших по-жречески. Послѣ этого явилась возможность утверждать и отрицать все, что хотѣлось: все, что относится прямо не къ чести Давида—истина; что можно такъ или иначе перетолковать не въ пользу Давида,—заключаетъ въ себѣ долю истины; но что никакъ не поддается такимъ перетолкованіямъ,—прямая ложь, выдумка жрецовъ. Вотъ какимъ образомъ Давидъ изъ героя и праведника сталъ презрѣннымъ мятежникомъ и преступникомъ... Но Давидъ попрежнему во всѣхъ непредубѣжденныхъ умахъ продолжаетъ оставаться и героемъ, и праведникомъ. Поносители имени Давида проглядѣли очень крупную вещь: сочинивъ теорію тенденціозной обработки исторіи Давида въ Библіи, они не обратили вниманія на то, что самые дорогіе для нихъ факты, самые основные въ ихъ воззрѣніи на Давида, именно—преступленіе Давида съ Вирсавіей и умерщвленіе Уріи,—въ корнѣ разрушаютъ ихъ теорію; потому что, какъ справедливо замѣтилъ еще Лео [1]), невозможно было исказить исторію Давида въ ущербъ истинѣ тому, кто столь неприкровенно разсказалъ приключенія съ Вирсавіей и Уріей. Лживое и нечестное отношеніе къ дѣлу у безусловныхъ порицателей Давида слишкомъ бьетъ въ глаза, чтобы оно нуждалось въ какихъ-нибудь пространныхъ опроверженіяхъ. Въ исторіи Давида, тамъ, гдѣ это будетъ кстати, мы коснемся ихъ ложныхъ взглядовъ на тотъ или другой фактъ. Сдѣсь же скажемъ нѣсколько словъ объ одномъ изъ самыхъ важныхъ и тяжкихъ обвиненій, взводимыхъ на Давида. Говорятъ, что онъ былъ мятежникъ, посягнувшій на права своего законнаго государя, и похититель престола у его наслѣдниковъ. Мы не станемъ заходить въ дебри, по которымъ плутаютъ люди, предполагающіе въ историческихъ книгахъ Библіи

[1]) Vorlesungen über die Geschichte des Judischen Staates. Berl. 1828. s. 145.

тенденціозную священническую обработку, очень неискусную, даже прямо сказать—безтолковую, и сами часто не находящіе выхода изъ массы собственныхъ произвольныхъ предположеній [1]). Мы поведемъ разсужденіе съ тѣми, кто читаетъ Библію безъ ученаго предубѣжденія, но тѣмъ не менѣе можетъ подумать: не былъ ли въ самомъ дѣлѣ Давидъ тѣмъ, что называютъ „узурпаторъ“? Итакъ когда и какъ Давидъ возсталъ противъ своего законнаго государя? Говорятъ, что самое бѣгство его отъ Саула есть уже возмущеніе, а затѣмъ его независимая жизнь на югѣ Палестины во главѣ отряда собравшихся къ нему людей; пребываніе же его въ землѣ филистимлянъ есть измѣна отечеству и прямая угроза Саула. „Все это думаютъ, скажемъ словами Лео по поводу подобныхъ же предположеній, и все мыслимо; а затѣмъ ничего болѣе. Если, говоритъ онъ ниже, принимать за дѣйствительно происшедшее все, что можетъ прійти въ голову, то въ концѣ концовъ

---

[1]) Объ избраніи, напр., Саула, имѣющемъ близкое отношеніе къ настоящему вопросу, по мнѣнію Менцеля (указ. соч. стр. 141—147) существуетъ три различные разсказа. Эти, будто бы различные, разсказы онъ ставитъ рядомъ, кратко отмѣчая по мѣстамъ, что это де „прибавки позднѣйшаго собирателя древнихъ сказаній, писавшаго въ священническомъ духѣ“; но при этомъ совершенно не выясняетъ роли Самуила—дѣятельная она была или страдательная, и могло ли состояться избраніе царя безъ участія пророка? Между тѣмъ выясненіе это совершенно необходимо для рѣшенія вопроса: мятежникъ ли былъ Давидъ, какъ думаетъ Менцель, или нѣтъ?—Альмъ, отыскивающій истину всюду, гдѣ нѣтъ ея, совершенно запутался въ собственныхъ предположеніяхъ при объясненіи дружбы между Іонаѳаномъ и Давидомъ, которую онъ назвалъ „явленіемъ совершенно неестественнымъ“. Ему и не хотѣлось бы признать разсказъ о ней историческимъ, но въ тоже время онъ не понимаетъ, для чего нужно было выдумывать эту дружбу. Поэтому онъ додумался, что „хитрый“ Давидъ показывалъ видъ, будто онъ хочетъ свергнуть „меланхолическаго царя“ въ пользу Іонаѳана. Саулъ де могъ имѣть въ виду предоставить престолъ не Іонаѳану, а другому сыну. Если же это предположеніе не годится, то вотъ другое: „возможно также, что они условились подѣлить царство, такъ что Давиду достался бы Іуда, а Іонаѳану Израиль“. Не видно только, сознается Альмъ, почему Іонаѳанъ, имѣвшій право на все царство, добровольно уступалъ Давиду Іуду. „Какъ они между собою поладили—это неясно“. Указ. соч. стр. 380—81. Дѣйствительно неясно, только не въ библейскомъ сказаніи, а въ головѣ автора, давшаго слишкомъ большую волю своей фантазіи.

въ исторіи ничего не осталось бы въ томъ видѣ, какъ теперь принимаютъ“ [1]). Дѣло въ томъ, что существующій текстъ Библіи не даетъ ни малѣйшаго права, ни даже повода къ обвиненію Давида въ возмущеніи; изъ него мы видимъ, что Давидъ бѣжалъ отъ Саула, спасая свою жизнь, и затѣмъ только скрывался отъ него, но никогда не угрожалъ. Правда Альмъ проходитъ молчаніемъ тотъ фактъ, что Саулъ пытался пронзить Давида копьемъ [2]); но мы этому нисколько не удивляемся. Мы не удивились бы даже, если бы этотъ горячій защитникъ Саула и ожесточенный хулитель Давида выразилъ убѣжденіе, что разсказъ объ этомъ фактѣ искаженъ рукою священника,—что не Саулъ бросалъ въ Давида копьемъ, а Давидъ въ Саула.... Однако мысль о царствѣ была у Давида, хотя для осуществленія ея онъ и не предпринималъ ничего при жизни Саула. Можетъ быть самая мысль эта была уже преступленіемъ? Она была бы преступленіемъ, если бы пришла Давиду въ голову самостоятельно. Здѣсь не нужно забывать того значенія и участія, какое Самуилъ имѣлъ въ избраніи царя для евреевъ. Значеніе и участіе Самуила въ этомъ очень ясно опредѣляютъ слова старѣйшинъ Израиля, обращенныя къ нему: „поставь надъ нами царя“ [3]). Очевидно старѣйшины полагали, что безъ пророка въ этомъ случаѣ обойтись невозможно. Правда, окончательное признаніе царя зависѣло отъ народа; но если въ тоже время и участіе пророка было необходимо, то въ какой мѣрѣ Саулъ пріобрѣталъ право на царство отъ участія Самуила въ избраніи его, въ такой же мѣрѣ онъ лишался этого права съ тѣхъ поръ, какъ Самуилъ отвергнулъ его. Въ сущности Саулъ остался послѣ этого царемъ только по праву сильнаго. Допустимъ, что значеніе пророка и теперь было громадно, допустимъ, что народъ согласился бы на низложеніе Саула, какъ прежде согласился на утвержденіе его; но какъ было привести въ исполненіе это рѣшеніе, когда у царя подъ рукою было войско? Оставляя Саула царствовать только по необходимости, отступая только передъ его силой, Самуилъ

---

[1]) Указ. соч. стр. 144—5.
[2]) Указ. соч. Zwölfter Brief.
[3]) 1 Цар. 8, 5.

имѣлъ право перенести ту санкцію, которую отнялъ у него, на другое лицо, и на это лицо не можетъ падать обвиненіе въ самовольномъ присвоеніи той доли права на царство, которая была связана съ этой пророческой санкціей. Что же касается того, что будто бы Давидъ нарушилъ права потомства Саула, то на это нужно сказать только, что правъ этихъ не существовало,—наслѣдованіе престола отъ отца къ сыну никакимъ закономъ не было опредѣлено, его не существовало пока у евреевъ и въ обычаѣ.— Возвращаясь къ оцѣнкѣ личности Давида и къ изображеніямъ ея, намъ остается еще замѣтить, что и тѣ западные писатели, которые не раздѣляютъ крайнихъ воззрѣній на Давида и признаютъ его во многихъ отношеніяхъ великимъ человѣкомъ, часто не вполнѣ довѣряютъ библейскимъ сказаніямъ о немъ. Такъ напр., исторію юности его большею частію признаютъ сказочною [1]), въ особенности борьбу съ Голіаѳомъ [2]), и историческою истиною признаютъ только то, что Давидъ вообще храбро сражался съ филистимлянами. Умерщвленіе Сауловыхъ потомковъ по случаю голода объясняютъ народными суевѣріями, которыхъ будто бы не чуждъ былъ и Давидъ [3]), и проч. Вслѣдствіе этого, и при отсутствіи художественнаго чутья у большей части писателей личность Давида обезцвѣчивается и даже искажается въ смыслѣ исторической и психологической правды. По нашему убѣжденію только тогда предъ нами можетъ возникнуть живая историческая личность Давида съ опредѣленнымъ нравственнымъ обликомъ, удовлетворительно объясняющимъ всѣ его дѣйствія и отношенія къ людямъ и событіямъ, когда мы съ полнымъ довѣріемъ будемъ читать библейскія сказанія о немъ. При этомъ, если мы желаемъ представить въ яркомъ свѣтѣ достоинства и заслуги Давида, то не должны бояться, имѣя для себя образцомъ самого библейскаго повѣствователя представить въ столь

---

[1]) „Какъ народное преданіе, такъ и пророческо-ѳеократическая исторіографія ради возвеличенія Давида уже въ исторію его юности вплели легендарныя и часто вымышленныя повѣствованія. Langhans. Указ. соч. стр. 112.

[2]) Eisenlohr. Das Volk Israel unter der Herrschaft der Könige. Leipz. 1855. Thl. 1. s. 206.

[3]) Тамъ же, стр. 245.

же яркомъ свѣтѣ и его заблужденія. Не слѣдуетъ думать, что при такомъ изображеніи Давидъ перестанетъ казаться праведникомъ, что мы вмѣсто праведника изобразимъ грѣшника: праведность человѣка опредѣляетъ не человѣкъ, а Богъ и водимый Духомъ Святымъ разумъ церкви. Если однако разумъ церкви призналъ Давида праведникомъ, то это не значитъ, что онъ не могъ уже никогда согрѣшить; и если личность его имѣла провиденціальное значеніе, потому что онъ „мужъ по сердцу Божію, который долженъ былъ исполнить всѣ хотѣнія Божіи“ [1]), чего не слѣдуетъ забывать ни въ какомъ случаѣ, то не нужно забывать и того, что онъ былъ человѣкъ, надѣленный плотію и кровію, а не богословская идея, облеченная въ порфиру и опоясанная мечомъ. Не нужно забывать также, что Давидъ былъ человѣкъ ветхозавѣтный—жилъ подъ закономъ, а не подъ благодатію [2]). И не смотря на то нравственная его личность такъ высока, даже при извѣстныхъ его недостаткахъ, что если бы мы стали сглаживать и прикрывать эти недостатки, то сдѣлали бы можетъ быть попытку доказать противное словамъ Спасителя: „меньшій въ царствѣ небесномъ (т. е., въ царствѣ благодати) больше даже Іоанна Крестителя, который былъ выше всѣхъ рожденныхъ женами во времена ветхозавѣтныя“ [3])... Обратимся теперь къ исторіи Давида—царя.

Неожиданная гибель Саула и его сына—героя, Іонаѳана, создала обстоятельства, при которыхъ стало возможнымъ исполненіе опредѣленія Божія чрезъ Самуила: быть Давиду царемъ надъ Израилемъ. Ждать болѣе было нечего, да и не было возможности. Ложное положеніе Давида въ землѣ филистимской каждую минуту грозило сдѣлаться критическимъ. Народъ, надъ которымъ царствовать ему было обѣщано, находился въ бѣдственномъ положеніи, и приверженцы Давида могли съ недоумѣніемъ спрашивать: что дѣлаетъ Давидъ въ землѣ враговъ Израиля? Поэтому, не дожидаясь возвращенія побѣдоносныхъ филистимлянъ съ ихъ царемъ, который, можетъ быть, и удостоилъ бы

---

[1]) Дѣян. 13, 22. 23. 1 Цар. 13, 14. Пс. 88, 21.
[2]) Матѳ. 5, 21. 22. 27. 28. 31. 34. 38. 39. 43. 44.
[3]) Матѳ. 11, 11.

его предложеніемъ управлять нѣкоторою частію еврейской земли, но на унизительныхъ условіяхъ,—онъ поспѣшно покидаетъ филистимскую землю, чтобы сѣсть самостоятельно въ своемъ отечествѣ на упраздненный престолъ. Само собою понятно, что и теперь воцареніе его надъ всѣмъ Израилемъ не могло совершиться вдругъ. Сѣверныя колѣна, до Веніаминова включительно, были подъ властью филистимлянъ; за Іорданомъ находился Авениръ съ остатками войска и съ уцѣлѣвшими потомками Саула, не расположенными отказываться отъ своихъ сомнительныхъ правъ. Оставалось одно колѣно Іудино, которое на этотъ разъ осталось въ сторонѣ отъ вторженія филистимлянъ, которое было ему роднымъ и съ которымъ онъ имѣлъ постоянныя сношенія съ тѣхъ поръ, какъ бѣжалъ отъ преслѣдованія Саула. Всего ближе и всего естественнѣе было направиться Давиду именно въ это колѣно, какъ и показало откровеніе чрезъ первосвященника, которое онъ пожелалъ получить, прежде чѣмъ на что-нибудь рѣшиться. Колѣно Іудино, не забывшее славы и заслугъ Давида, не желавшее примкнуть къ слабому потомку Саула, скрывавшемуся за Іорданомъ отъ враговъ своей земли, и убѣжденное въ способности Давида защитить свою землю отъ филистимлянъ и отъ всякихъ другихъ враговъ, съ удовольствіемъ приняло его и торжественно поставило надъ собою царемъ въ Хевронѣ. Такъ воцарился Давидъ, сначала въ одномъ колѣнѣ. Но это колѣно было многолюдно, Давидъ, не смотря на свою относительную молодость (ему было 30 лѣтъ), былъ опытный, искушенный уже жизнію правитель; у него подъ рукою было 600 отважныхъ мужей, между которыми было не мало настоящихъ героевъ и высокоталантливыхъ людей. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ немедленно же сталъ увеличивать свою военную силу на случай борьбы съ врагами, привлекая къ себѣ мужественныхъ сыновъ Іуды надеждою славы и добычи. Такимъ образомъ онъ прочно утвердился на престолѣ въ одномъ изъ важнѣйшихъ колѣнъ, и ему оставалось теперь подумать, какимъ образомъ привлечь къ подножію своего престола остальныя колѣна Израиля: Не предпринимая пока ничего по отношенію къ колѣнамъ по сю сторону Іордана, находившимся подъ властію филистимлянъ, онъ обратилъ вниманіе на независимыя за-іорданскія колѣна. Іевосѳей,

сынъ Сауловъ повидимому еще не былъ признанъ царемъ за Іорданомъ; положеніе было неопредѣленное. Но извѣстіе о поступкѣ жителей Іависа Галаадскаго (погребеніе останковъ Саула и дѣтей его), которымъ они засвидѣтельствовали свою благодарную память и приверженность къ Саулу, уже успѣло дойти до Хеврона. Поэтому Давидъ рѣшился прежде всего узнать мысли и расположенія мужественныхъ и честныхъ жителей Іависа. Онъ послалъ къ нимъ пословъ съ порученіемъ сказать слѣдующее: благословенны вы у Господа за то, что оказали эту милость господину своему Саулу и погребли его и Іонаѳана, сына его. И нынѣ да воздастъ вамъ Господь милостію и истиною; и я сдѣлаю вамъ благодѣяніе за то, что вы это сдѣлали. Нынѣ да укрѣпятся руки ваши и будьте мужественны; ибо господинъ вашъ, Саулъ, умеръ, и меня помазалъ домъ Іудинъ царемъ надъ собою". Это было деликатнымъ и осторожнымъ предложеніемъ со стороны Давида признать его власть. Давидъ очевидно пробовалъ почву, чтобы узнать, можетъ ли его власть безпрепятственно распространиться за предѣлы Іудина колѣна[1]). Для этого онъ обратился прежде всего къ жителямъ Іависа обнаружившимъ свою глубокую преданность къ Саулу, и ожидалъ, какъ они отзовутся: питаютъ ли они къ нему (Давиду) вражду или же наоборотъ и они чувствуютъ на себѣ обаяніе его личности. Неизвѣстно, какъ отнеслись бы къ этому предложенію жители Іависа, а съ ними и вся за-іорданская страна, если бы не подоспѣло противоположное вліяніе Авенира, который выдвинулъ права Іевосѳея. Мужественный Авениръ, взявшій подъ свое покровительство сына Саула, утвердилъ его царемъ въ Маханаимѣ, крѣпкомъ по своему мѣстоположенію городѣ гористаго Галаада. Вся за-іорданская страна признала Іевосѳея своимъ царемъ. Сѣверныя колѣна по сю сторону Іордана, рабствовавшія филистимлянамъ и возлагавшія надежды на Іевосѳея, или вѣрнѣе—на его предпріимчиваго военачальника, тоже

---

[1]) Къ этому же времени необходимо отнести его сношенія съ царемъ Гессура, владѣнія котораго вскорѣ повидимому подпали подъ власть Іевосѳея (см ниже). Сношенія эти завершились бракомъ Давида съ дочерью царя гессурскаго. 2 Цар. 3, 3.

согласились считать Іевосѳея своимъ царемъ, хотя фактическая власть надъ ними безъ сомнѣнія принадлежала филистимлянамъ, охранные отряды которыхъ Авениру повидимому не удалось изгнать, какъ объ этомъ можно судить по относительной слабости Іевосѳеева царства, не смотря на его обширность [1]). Давиду представлялся выборъ: или оставаться навсегда царемъ одного колѣна, или отнять подданныхъ у Іевосѳея. Послѣднее неминуемо должно было привести къ междоусобной братоубійственной войнѣ. Война дѣйствительно произошла и тянулась долго, хотя господствомъ надъ всѣмъ Израилемъ Давидъ *не ей обязанъ*. По чьей же винѣ она произошла? Кто былъ ея зачинщикомъ и съ какою цѣлію? Мы не думаемъ, чтобы въ этомъ повиненъ былъ Давидъ, съ такимъ уваженіемъ относившійся къ правамъ Саула и не могшій не признать этихъ правъ и за его потомствомъ, по крайней мѣрѣ отчасти. Судя по одному происшествію, разсказанному въ Библіи, которое по всѣмъ признакамъ предшествовало междоусобной войнѣ и было первою искрою пожара, можно догадываться, что въ возбужденіи междоусобія повинны военачальники Іевосѳея и Давида. Авениръ, бывшій при Іевосѳеѣ всесильнымъ, потому что только благодаря ему держался престолъ царя, предпринялъ военную прогулку въ области по сю сторону Іордана (можетъ быть съ цѣлію вытѣснить охранные филистимскіе отряды и очутился для чего-то въ Гаваонѣ, близъ предѣловъ Давидова царства [2]).

---

[1]) 2 Цар. 2, 9. Объемъ Іевосѳеева царства описывается такъ: „и воцарилъ (Авениръ) его надъ Галаадомъ и Ашуромъ, и Изреелемъ, и Ефремомъ, и Веніаминомъ, и надъ всѣмъ Израилемъ". Подъ Галаадомъ здѣсь разумѣется за-Іорданская страна, бо̀льшая часть которой составляла удѣлъ Манассіи; подъ Ашуромъ обыкновенно разумѣютъ Гессуръ, небольшое царство, лежавшее близъ сѣверо-восточнаго угла за-іорданской области. 2 Цар. 3, 3; 13, 34; 15, 8. Эвальдъ. Указ. соч. стр. 145. Reuss. La bible. Traduction nouvelle... Paris. 1877. part 1. p. 334. Подъ Изреелемъ разумѣется обширная равнина, принадлежавшая колѣнамъ Иссахарову и Завулонову. Такимъ образомъ царство Іевосѳея по-сю сторону Іордана обнимало колѣна: Завулоново, Иссахарово, Ефремово и Веніаминово, т. е., почти всю землю евреевъ къ сѣверу отъ колѣна Іудина.

[2]) Hitzig прямо приписываетъ Авениру желаніе присоединить къ царству Іевосѳея и колѣно Іудино. Geschichte des Volkes Israel.

Здѣсь онъ столкнулся съ Іоавомъ, военачальникомъ Давида, который зорко слѣдилъ за движеніями Авенира, неустанно оберегалъ интересы Давида и который тоже, какъ увидимъ вскорѣ, способенъ былъ не стѣсняться волею своего государя и нерѣдко дѣйствовалъ на свой страхъ. У полководцевъ могла зародиться мысль испробовать свои взаимныя силы и въ случаѣ перевѣса надъ противникомъ сдѣлать неожиданное пріобрѣтеніе для своего государя, на что послѣдній не сталъ бы сердиться. Отряды встрѣтились повидимому дружелюбно. „Пусть встанутъ юноши и поиграютъ съ нами“, предложилъ Авениръ Іоаву, котораго онъ зналъ лично. Іоавъ согласился, и выставили по 12 человѣкъ. Играющіе моментально пронзили другъ друга мечами и легли на мѣстѣ [1]). Тогда оба отряда во всемъ своемъ составѣ съ ожесточеніемъ кинулись другъ на друга и произошла настоящая битва. Люди Іоава одолѣли отрядъ Авенира, обратили его въ бѣгство и перебили 360 человѣкъ, пока Авениръ не собралъ бѣгущихъ и не укрѣпился на одномъ холмѣ. Іоавъ хотѣлъ выбить его и отсюда; но Авениръ попросилъ мира и Іоавъ отступилъ. Онъ остался побѣдителемъ и потерялъ только 20 человѣкъ. Но въ числѣ убитыхъ былъ братъ его Асаилъ. Этотъ юноша палъ жертвою своего безумія. Пылкій, неустрашимый и честолюбивый, какъ и его братья (Іоавъ и Авесса), но еще не обладавшій необходимымъ на войнѣ благоразуміемъ, онъ пожелалъ взять на полѣ сраженія самый крупный призъ: убить Авенира и овладѣть, какъ трофеемъ, его доспѣхами. Поэтому во время бѣгства Авенира съ отрядомъ онъ предпринялъ исключительно за нимъ неотступную погоню. Авениръ, опытный и хладнокровный воинъ, понялъ безразсудное намѣреніе молодаго

Leipz. 1869. s. 138—9. Мункъ тоже говоритъ, что Авениръ перешелъ Іорданъ, чтобы покорить колѣно Іудино. Palestine Description geograph., histor., et archeolog. Paris. 1845. p. 268. Тоже буквально въ Душеп. Чт. 1872 г. ч. 3, стр. 75.

[1]) Мѣсто это получило извѣстность и стало называться Хелкаевъ. Хаццуримъ По тексту Вульгаты—Ager robustorum: по греческому—*Μερὶς ἐπιβούλων* (участокъ коварныхъ) Предполагаютъ, что сразившіеся употребили другъ противъ друга одну и туже хитрость для вѣрнѣйшаго нанесенія удара.

человѣка, но нимало не испугался. Напротивъ, увѣренный въ своемъ несомнѣнномъ превосходствѣ надъ нимъ и не желая нажить себѣ въ Іоавѣ личнаго врага и мстителя крови [1]), онъ на бѣгу два раза уговаривалъ юношу отстать отъ него, и если ему нуженъ побѣдный трофей, убить одного изъ рядовыхъ воиновъ, бѣжавшихъ по близости. Но Асаилъ не послушалъ великодушнаго совѣта, и Авениръ безъ труда поразилъ его на-смерть. Какъ и слѣдовало ожидать, это возбудило въ Іоавѣ страшную злобу противъ Авенира, которая вѣроятно и давала всего болѣе пищу междоусобной войнѣ и въ концѣ концовъ надѣлала много затрудненій и безпокойства Давиду. „И была, сказано послѣ этого, продолжительная распря между домомъ Сауловымъ и домомъ Давидовымъ. Давидъ все болѣе и болѣе усиливался, а домъ Сауловъ болѣе ослабѣвалъ“. Эта распря не произвела никакихъ территоріальныхъ измѣненій во враждующихъ государствахъ, но ясно показала, что преимущество было на сторонѣ Давида. Преимущество Давида предъ Іевосѳеемъ заключалось въ томъ, что его царство было хотя и небольшое, но густо населенное, не заключало въ себѣ разнородныхъ элементовъ, имѣло округленныя границы и никѣмъ не угрожалось. Самъ Давидъ былъ геніальный полководецъ и администраторъ и окруженъ былъ талантливыми, рѣшительными и преданными людьми, еще при жизни Саула собравшимися къ нему изъ всѣхъ колѣнъ, не исключая и Веніаминова. Царство же Іевосѳея хотя было обширно, но разнородно, разрѣзанное Іорданомъ на двѣ половины, довольно сильно разнившіяся другъ отъ друга, изъ которыхъ одна, наибольшая, испытывала гнетъ филистимлянъ и не могла находить себѣ надежной защиты у царя, жившаго по ту сторону Іордана. Іевосѳей былъ человѣкъ слабый [2]); его личность стушевывалась не только предъ личностью Давида, но и его собственнаго военачальника, Авенира. Паденіе его царства рано или поздно было

---

[1]) 2 Цар. 14, 7. Втор. 19, 6. Лев. 35, 25.

[2]) Іевосѳей, иначе Ишбошетъ. אִישׁ בֹּשֶׁת—мужъ поношенія. Онъ носилъ и другое имя, не заключавшее въ себѣ намека на его слабость—Ешбаалъ. 1 Пар. 8, 33.

неизбѣжно, и обстоятельства, подготовлявшія единовластіе Давида, быстро созрѣвали. Настоящимъ врагомъ его оказался не Давидъ, а его собственные подданные. Прежде всего Авениръ счелъ дѣло Іевосѳея совсѣмъ потеряннымъ и замыслилъ на развалинахъ его царства основать свое собственное. Онъ обольстилъ бывшую наложницу Саулову Ресфу и овладѣлъ ею. Это дѣяніе по тогдашнимъ понятіямъ означало, что Авениръ какъ бы вступалъ въ права самого Саула. Что предпринялъ бы онъ далѣе, въ качествѣ такъ сказать уже отца Іевосѳея, неизвѣстно. Вѣрно то, что онъ такъ или иначе постепенно перенесъ бы на себя всѣ прерогативы царской власти и не дѣлая можетъ быть никакого физическаго насилія надъ Іевосѳеемъ, лишилъ бы его даже и тѣни царской власти. Іевосѳей почувствовалъ опасность и съ неожиданной для Авенира твердостью поставилъ ему на видъ безчестность его поступка. Авениръ, никогда не чувствовавшій себя подданнымъ Іевосѳея, вмѣсто страха или раскаянія обнаружилъ необузданный гнѣвъ. „Развѣ я собачья голова?—закричалъ онъ. Я противъ Іуды оказалъ нынѣ милость дому Саула, отца твоего, братьямъ его и друзьямъ его и не предалъ тебя въ руки Давида; а ты взыскиваешь нынѣ на мнѣ грѣхъ изъ-за женщины. То и то пусть Богъ сдѣлаетъ Авениру и еще больше сдѣлаетъ ему! Какъ клялся Господь Давиду, такъ и сдѣлаю ему. Отниму царство отъ дома Саулова и поставлю престолъ Давида надъ Израилемъ и надъ Іудою отъ Дана до Вирсавіи“ [1]). Іевосѳей молча перенесъ это неслыханное оскорбленіе царю отъ подданнаго „ибо, сказано, боялся его“. Тѣмъ не менѣе Авениръ бросилъ свой первоначальный планъ, успѣхъ котораго основывался главнымъ образомъ на предполагаемой неспособности Іевосѳея къ какому бы то ни было протесту, и рѣшился въ досадѣ (больше нечѣмъ объяснить это) привести въ исполненіе свою угрозу: измѣнить Іевосѳею въ пользу Давида. Онъ разсчитывалъ на благодарность Давида и надѣялся играть видную роль, быть первымъ послѣ царя въ обширномъ и сильномъ еврейскомъ царствѣ. Хотя

[1]) Данъ—крайній сѣверный пунктъ земли еврейской; Вирсавія—крайній южный пунктъ.

при Іевосѳеѣ до сихъ поръ онъ пользовался большимъ значеніемъ и могуществомъ, чѣмъ какое ему предоставилъ бы Давидъ, но досада на неудачу заставляла его примириться съ этимъ; притомъ же послѣ открытаго разрыва съ Іевосѳеемъ онъ могъ удержать свое значеніе только явнымъ насиліемъ, на что онъ не рѣшался. Онъ завязалъ тайныя сношенія съ Давидомъ и послалъ къ нему довѣренныхъ людей переговорить о томъ, кому должна принадлежать земля (т. е., вся еврейская земля)—Іевосѳею или Давиду [1]). При этомъ послы должны были сдѣлать Давиду отъ лица Авенира прямое предложеніе: „заключи союзъ со мною, и рука моя будетъ съ тобою, чтобы обратить къ тебѣ весь народъ израильскій". Если въ самомъ началѣ Давидъ не желалъ отнять царство у Саулова потомка силою, ожидая, что какъ-нибудь безъ насилія, безъ нарушенія правъ Саулова дома обстоятельства доставятъ ему власть надъ всею землею, и междоусобная война, какъ мы видѣли, возникла не по его винѣ; то теперь обстоятельства сложились такъ, что безучастное отношеніе, простое выжиданіе стало невозможнымъ. Если самъ Авениръ, близкій родственникъ Іевосѳея, важнѣйшее лицо въ государствѣ и, такъ сказать, основатель царства, приносилъ это царство къ ногамъ Давида, то несомнѣнно, что тамъ дѣла обстояли слишкомъ худо. Что было бы, если бы Давидъ не принялъ предложеніе Авенира? Было бы то, что тамъ на мѣстѣ Іевосѳея въ скоромъ времени явился бы узурпаторъ, если не самъ Авениръ, то кто-нибудь другой, котораго Давидъ уже не могъ бы и не долженъ былъ терпѣть; пришлось бы предпринять новую,

---

[1]) Буддей предполагаетъ, что Іевосѳей самъ будто бы согласился уступить царство Давиду послѣ того какъ увидалъ, что не можетъ противустоять Авениру, и послѣдній завязалъ сношенія съ Давидомъ не безъ соизволенія Іевосѳея. Historia eccles. Veteris Testamenti. Edit. 4. 1752. T. 2. p. 106. Предположеніе это заключаетъ въ себѣ мало вѣроятности, и трудно сказать, на чемъ оно основано Повидимому уважаемый ученый опирается не тотъ фактъ, что Іевосѳей отпустилъ Авенира проводить Мелхолу къ Давиду. Стр 103. Фактъ этотъ дѣйствительно говорилъ бы многое, если бы можно было устранить предположеніе, что Авениръ самъ отправился, и Іевосѳей не имѣлъ силы удержать его

можетъ быть, продолжительную междоусобную войну. Этимъ могли воспользоваться враждебные евреямъ сосѣдніе народы, и Израиль былъ бы доведенъ до такого политическаго ничтожества, изъ котораго онъ никогда не поднялся бы. Въ силу такихъ, нужно думать, соображеній Давидъ и рѣшился ускорить развязку, уже не обращая вниманія на видимыя права Саулова потомка. Онъ поручилъ сказать Авениру: „хорошо, я заключу союзъ съ тобою: только прошу тебя объ одномъ, именно: ты не увидишь лица моего, если не приведешь съ собой Мелхолы, дочери Саула, когда прійдешь увидѣться со мною". Т. е., Давидъ желалъ, во-первыхъ, не только возстановить свою поруганную честь отнятіемъ у него Мелхолы, когда-то любившей его и бывшей его первою, можетъ быть, единственною любовію въ собственномъ смыслѣ, но и возобновить свою связь съ Сауловымъ домомъ, подкрѣплявшую въ глазахъ народа его права на престолъ; во вторыхъ, онъ желалъ лично переговорить съ Авениромъ, а для этого препровожденіе послѣднимъ Мелхолы представляло единственный удобный и благовидный случай. Вмѣстѣ съ этимъ Давидъ отправилъ формальное посольство къ Іевосѳею съ требованіемъ возвратить ему Мелхолу. Іевосѳей не нашелъ требованіе Давида несправедливымъ, взялъ Мелхолу отъ Фалтія, которому она была отдана Сауломъ, и послалъ ее съ Авениромъ къ Давиду. Іевосѳей или не вѣрилъ въ угрозу Авенира, или думалъ, что дѣло ограничится присоединеніемъ къ Давиду колѣнъ по правую сторону Іордана, противъ чего ему и бороться не стоило, такъ какъ они принадлежали ему только номинально. Этимъ вѣроятно дѣло ограничилось бы и дѣйствительно, если бы Іевосѳей не погибъ. Мужъ, у котораго отняли жену, чтобы отдать ее другому, долго провожалъ ее со слезами, пока Авениръ не приказалъ ему сурово вовзратиться восвояси. Дорога изъ Маханаима въ Хевронъ лежала чрезъ Ефремово колѣно, важнѣйшее и сильнѣйшее изъ сѣверныхъ, и чрезъ Веніаминово, наиболѣе заинтересованное въ династическомъ вопросѣ. Авениръ обращался къ старѣйшинамъ этихъ колѣнъ съ воззваніями такого рода: „и вчера, и третьяго дня (т. е., всегда) вы желали, чтобы Давидъ былъ царемъ надъ вами. (Авениръ не могъ бы такъ говорить, если бы это не была правда).

Теперь сдѣлайте это. Ибо Господь сказалъ Давиду: рукою раба Моего. Давида, Я спасу народъ Мой, Израиля, отъ руки филистимлянъ и отъ руки всѣхъ враговъ его". Неизвѣстно, кому и гдѣ Господь говорилъ это (можетъ быть Самуилъ въ послѣдніе дни жизни открылъ тайну помазанія Давида), но голосъ народный былъ именно таковъ. Колѣна Ефремово и Веніаминово, находившіяся подъ непосредственнымъ гнетомъ филистимлянъ, не могли быть равнодушны къ рѣчамъ Авенира. Прибывъ въ Хевронъ, Авениръ сообщилъ Давиду должно быть весьма пріятныя вещи, потому что онъ устроилъ для Авенира и его свиты пиршество. Затѣмъ Авениръ отправился продолжать начатое имъ дѣло. Лишь только онъ ушелъ, какъ возвратился Іоавъ изъ какого-то счастливаго похода. Здѣсь онъ узнаетъ, что приходилъ Авениръ и обласканный Давидомъ ушелъ. Подозрѣніе и злоба закипѣли въ его неукротимомъ сердцѣ. Онъ рѣшился погубить Авенира во что бы то ни стало, потому что и подозрѣвалъ въ его замыслахъ опасное для себя, какъ перваго при Давидѣ, и ненавидѣлъ Авенира, какъ убійцу брата своего. Онъ сначала попытался возбудить въ Давидѣ подозрѣніе противъ Авенира, что онъ де приходилъ съ злымъ умысломъ, и надѣялся, что Давидъ прикажетъ догнать его и умертвить. Но не успѣвши въ этомъ, онъ сталъ дѣйствовать на свой страхъ. Онъ немедленно послалъ гонцовъ за Авениромъ, якобы отъ Давида, которые и воротили его. Іоавъ поспѣшилъ встрѣтить его въ воротахъ города и здѣсь предательски умертвилъ его. Этотъ безобразный поступокъ Іоава привелъ Давида въ страшное смущеніе. Что скажетъ народъ, что подумаютъ старѣйшины? Авениръ, знаменитый вождь, оказавшій столько услугъ отечеству и имѣвшій оказать еще болѣе, предательски убитъ въ Давидовомъ городѣ! Онъ торжественно отрекся отъ соучастія въ преступленіи: „невиненъ я и царство мое во вѣкъ предъ Господомъ въ крови Авенира, сына Нирова",—и проклялъ Іоава: „пусть кровь эта падетъ на голову Іоава и на весь домъ отца его; пусть никогда не останется домъ Іоава безъ сѣменоточиваго или прокаженнаго, или опирающагося на посохъ, или падающаго отъ меча, или нуждающагося въ хлѣбѣ". Затѣмъ Давидъ наложилъ трауръ на себя и на свой дворъ, похоронилъ Авенира съ честію и плакалъ не-

притворно надъ его гробомъ, говоря: „смертію ли подлаго умирать было Авениру? Руки твои не были связаны, и ноги твои не въ оковахъ (т. е., ты не былъ ни рабомъ, ни плѣнникомъ, ни осужденнымъ), и ты палъ, какъ падаютъ отъ разбойниковъ“. Народъ пришелъ въ умиленіе отъ слезъ царя и тоже плакалъ. Лично для себя Давидъ простеръ свой трауръ до того, что отказался ѣсть во весь день. Такое обнаруженіе печали сняло съ Давида подозрѣніе въ соучастіи съ Іоавомъ, котораго онъ, какъ это видно изъ дальнѣйшаго, лишилъ даже званія главнокомандующаго. „И весь народъ узналъ это (т. е., какъ скорбитъ Давидъ), замѣчаетъ лѣтописецъ просто, и понравилось ему это, какъ и все, что дѣлалъ царь, нравилось всему народу“. Но наказать Іоава, какъ преступника, Давидъ не могъ, потому что послѣднее могло выйти горше перваго. Іоавъ былъ настолько значительнымъ лицомъ и по роду, и по занимаемому имъ положенію въ государствѣ, войско такъ было привязано къ нему (да и народъ, не смотря на его дерзкій нравъ, не могъ не цѣнить его заслугъ и безспорнаго патріотизма), что осудить его на смерть было бы опасно; тѣмъ болѣе, что у него былъ еще братъ Авесса, столь же рѣшительный и неукротимый, который непремѣнно взялся бы отомстить кровь своего брата. Поэтому Давидъ только публично пожаловался на этихъ людей: „я теперь еще слабъ, хотя и помазанъ на царство, а эти люди, сыновья Саруи, сильнѣе меня. Пусть же Господь воздастъ дѣлающему злое по злобѣ его“. Это признаніе Давида не обнаруживаетъ въ немъ человѣка слабаго вообще, а скорѣе наоборотъ доказываетъ силу духа; потому что истинно сильный человѣкъ никогда не стыдится и не скрываетъ своей слабости, происходящей не отъ него самого, а отъ непреодолимыхъ обстоятельствъ; люди же, дѣйствительно слабые, всего менѣе склонны признаваться въ своей слабости. Вѣсть о гибели Авенира привела Іевосѳея въ отчаяніе: „и опустились руки его, и весь Израиль смутился“. Какъ ни грубъ былъ съ нимъ Авениръ, но онъ составлялъ его единственную силу, потому что поддерживать его было въ интересѣ самого Авенира. (Въ исполненіе угрозы отнять у него царство Іевосѳей, какъ это по всему видно, не вѣрилъ). Теперь же съ гибелью Авенира ни одинъ

сильный человѣкъ не связывалъ свои интересы съ личностью слабаго царя; напротивъ всякій полагалъ свой интересъ въ гибели Іевосѳея, котораго погубить было гораздо легче, чѣмъ поддержать. Весь Израиль, сказано, смутился. Народъ почувствовалъ, что онъ теперь подобенъ овцамъ безъ пастуха. Дурные элементы, всегда и вездѣ имѣющіеся, пришли въ броженіе. Дворъ сдѣлался ареной происковъ и злостныхъ замысловъ. Голова Іевосѳея, съ которой было связано цѣлое царство, сдѣлалась добычей, на которую были устремлены жадные взоры корыстолюбивыхъ и честолюбивыхъ людей. Въ такомъ положеніи находился Іевосѳей къ концу своего 2-лѣтняго [1]) царствованія. Наконецъ часъ его насталъ. Два предводителя его войска, получившіе первенствующее значеніе и свободный доступъ къ царю послѣ Авенира, Рихавъ и Баана, веніаминяне, замыслили подарить Давиду цѣлое царство, чтобы получить за это соотвѣтствующее вознагражденіе. Не предпринимая для этого никакихъ лишнихъ трудовъ подобно Авениру, они тайно вошли въ покои Іевосѳея и отрубили ему голову. Съ этимъ вещественнымъ доказательствомъ своего преступленія, въ надеждѣ, что Давидъ съ благодарностію приметъ помазаніе кровію этой головы на царство въ 11-ти колѣнахъ и озолотитъ ихъ, они поспѣшили въ Хевронъ. Но съ ними случилось то же, что и съ амаликитяниномъ, принесшимъ Давиду вѣнецъ и запястье Саула,—Давидъ немедленно приказалъ умертвить ихъ, изуродовать трупы и повѣсить на людномъ мѣстѣ для посрамленія.

Одинадцать колѣнъ остались безъ царя. Можетъ быть они имѣли мысль совсѣмъ остаться безъ царя и попробовать жить постарому, потому что уже первое царствованіе отчасти подтвердило на опытѣ то, что предсказывалъ Самуилъ о царскомъ правленіи; можетъ быть также, что образовались двѣ партіи, изъ которыхъ одна желала воцарить потомка Саулова, а другая полагала, что лучше подчиниться Давиду. Какъ бы то ни было, но прошло пять лѣтъ, или около того, пока 11-ть колѣнъ пришли къ опредѣленному рѣшенію [2]). Рѣшеніе это состояло въ томъ,

---

[1]) 2 Цар. 2, 10.

[2]) Эвальдъ предполагаетъ, что 5-лѣтнее междуцарствіе было не

что нужно имѣть царя. Но потомки Саула были обойдены, потому что ни одинъ изъ нихъ не выдвигался способностями, нужными для царя. Большинство оказалось склоннымъ признать надъ собою власть Давида. Судя по тому, какъ долго сѣверныя колѣна колебались, прежде чѣмъ подчиниться Давиду, и потому, какъ они впослѣдствіи отпали отъ Давидова дома при первомъ удобномъ случаѣ, нужно думать, что только опасность заставила ихъ прибѣгнуть подъ защиту воинственнаго и до сихъ поръ во всемъ счастливаго сына Іессеева. Безъ сомнѣнія они находились въ тяжелой зависимости отъ филистимлянъ, которые продолжали пользоваться плодами своей побѣды надъ Сауломъ и которыхъ едвали Авениру удалось совсѣмъ вытѣснить. По крайней мѣрѣ побужденіемъ къ первой войнѣ филистимлянъ съ Давидомъ-царемъ выставляется именно то, что Давидъ сдѣлался царемъ надъ Израилемъ, т. е., надъ сѣверными колѣнами. Такимъ образомъ этимъ послѣднимъ приходилось выбирать между филистимскимъ игомъ и новымъ царскимъ управленіемъ. Въ Хевронѣ произошло торжественное всенародное признаніе Давида обще-еврейскимъ царемъ. Представители колѣнъ (князья и старѣйшины) въ сопровожденіи всей массы способныхъ носить оружіе явились сюда, принесли присягу Давиду и праздновали три дня, угощаемые царемъ и жителями колѣна Іудина, а также получая продовольствіе изъ всѣхъ колѣнъ, безпрерывно подвозимое на ослахъ, верблюдахъ и волахъ. Но веніаминяне всетаки набросили тѣнь на всеобщее торжество; они не могли подавить въ себѣ духъ

по смерти Іевосѳея, а до его воцаренія, вслѣдствіе трудностей, съ которыми, говоритъ онъ, было сопряжено устроеніе его царства. Указан. соч. т. 3, стр. 140—45. Мункъ совсѣмъ не допускаетъ междуцарствія, утверждая, что Іевосѳей царствовалъ 7 лѣтъ. 2 года царствованія Іевосѳея, 2 Цар. 2, 10, ошибка писца, говоритъ онъ. Указан. соч стр. 270. Такъ какъ на основаніи предполагаемыхъ ошибокъ писца можно предполагать все, что угодно, и такъ какъ самъ Мункъ, вмѣстѣ съ другими, чувствовалъ, что по ходу библейскаго повѣствованія между смертію Саула и воцареніемъ Іевосѳея не могло быть 5-лѣтняго междуцарствія, то и естественнѣе думать, что это междуцарствіе было по смерти Іевосѳея. Такъ думаетъ Hitzig. Указ. соч. стр. 139. Срав. Philippson. israelitische Bibel. Leipz. 1858. Anmerk. zu 2 Schemuel 2, 10. Стр. 387.

соперничества совершенно, и многіе изъ нихъ не приходили въ Хевронъ.

Первымъ дѣломъ Давида послѣ всеобщаго избранія было завоеваніе города іевусеевъ. Это была почти неприступная крѣпость на горѣ Сіонъ, изъ которой евреи не могли вытѣснить іевусеевъ, и они до Давида спокойно владѣли ею, господствуя надъ прилегающей къ ней мѣстностью между колѣнами Іудинымъ и Веніаминовымъ. Существованіе независимой хананейской области, врѣзавшейся между сѣверною и южною половиною Палестины, было несовмѣстно съ интересами объединеннаго царства, и Давидъ рѣшился покорить ее и съ тѣмъ вмѣстѣ воспользоваться такимъ важнымъ стратегическимъ пунктомъ, какъ крѣпость на Сіонѣ. Когда онъ обложилъ крѣпость, то осажденные, надѣясь на ея неприступность, позволили себѣ даже насмѣхаться надъ Давидомъ: „тебя отразятъ слѣпые и хромые“,—кричали они, язвительно намекая на легкость, съ которою они могутъ защищаться. У Давида, разгоряченнаго насмѣшкою, вырвалось суровое приказаніе жестоко обойтись съ побѣжденными—не щадить даже увѣчныхъ между ними. Чтобы возбудить соревнованіе между своими героями, Давидъ объявилъ, что кто первый проникнетъ въ крѣпость, тотъ будетъ главнымъ военачальникомъ въ царствѣ. (Отсюда можно заключить, что Іоавъ былъ лишенъ этого званія за убійство Авенира). Послѣ этого сдѣланъ былъ стремительный приступъ; Іоавъ первый влетѣлъ на высоту и началъ поражать оторопѣвшихъ іевусеевъ. Крѣпость была взята. Давидъ не истребилъ всѣхъ іевусеевъ; но прогналъ ихъ съ Сіона и позволилъ жить только въ болѣе низменныхъ его окрестностяхъ. На Сіонѣ онъ поселился самъ съ своею боевой дружиной; и такъ какъ сюда вскорѣ былъ перенесенъ ковчегъ завѣта, и Сіонъ, недоступный теперь для іевусеевъ, столь гордившихся имъ, сталъ синонимомъ жилища Іеговы, то и образовалась у евреевъ пословица въ отмщеніе іевусеямъ за ихъ насмѣшку: слѣпой и хромой (т. е., іевусей) не войдетъ въ домъ Господень. Хевронъ, составлявшій средоточіе колѣна Іудина и бывшій его естественною столицею, не могъ уже служить резиденціею царя, господствовашаго надъ всѣмъ Израилемъ, такъ какъ приходился на южной

окраинѣ царства. Давидъ не желалъ также утвердить свою резиденцію въ Сихемѣ, главномъ городѣ колѣна Ефремова и центральномъ во всей землѣ евреевъ, потому что не находилъ надежнымъ свое положеніе среди мятежныхъ ефремлянъ. Онъ избралъ для этого нейтральный пунктъ, не принадлежавшій до сихъ поръ ни одному колѣну, лежавшій тоже почти въ срединѣ земли евреевъ, опиравшійся съ юга на могущественное и родственное Давиду колѣно Іудино и господствовавшій по своему крѣпкому положенію надъ сѣверной половиной земли. Сіонъ сталъ городомъ Давида, который онъ съ помощію Іоава [1]) обстроилъ и укрѣпилъ и который сдѣлался столь знаменитымъ подъ именемъ Іерусалима [2]). Сдѣлавъ Іерусалимъ полити-

---

[1]) 1 Пар. 11, 8.

[2]) Значеніе слова „Іерусалимъ“ темно: даже едвали возможно дать на него положительное, недопускающее сомнѣній объясненіе. Одни предполагаютъ, что оно значитъ „наслѣдіе мира“, какъ Мункъ Palestine p. 43; другіе—„народъ или домъ, жилище мира“, какъ Gesenius. Dictionn. hebreu-français, par Sander et Trenel. Первая половина слова производится здѣсь отъ глаг. יָרַשׁ—взять, овладѣть, наслѣдовать; вторая отъ глаг. שָׁלַם—быть оконченнымъ, довершеннымъ, также: быть неприкосновеннымъ, счастливымъ, въ безопасности, въ мирѣ. То же предполагаетъ и Эвальдъ; но вторую половину слова считаетъ за собственное имя: „владѣніе, или жилище Салима“, допуская впрочемъ и нарицательное значеніе: „мирный городъ“. Указ. соч. стр. 156. Гитцигъ первую половину слова производитъ отъ глаг. יָרֵא—бояться, почитать, и предполагаетъ, что Давидъ выразилъ этимъ именемъ свое правовѣріе, свою преданность одному Іеговѣ. Указан. соч. стр. 140. Но принимая во вниманіе I. Нав. 10, 23; 15, 63. Суд. 1, 8. 21, нельзя утверждать, что имя „Іерусалимъ“ создано Давидомъ. Кажется, что тамъ, гдѣ словопроизводство сомнительно, всего лучше имѣть въ виду или географическія особенности даннаго мѣста, часто опредѣляющія собою имена мѣстъ, или его историческое значеніе въ жизни народа, давшаго ему имя. Іевусеи, такъ долго сохранявшіе независимость въ самомъ сердцѣ земли, завоеванной евреями, и не устоявшіе только предъ героями Давида, очевидно имѣли основаніе говорить Давиду съ насмѣшкой: „тебя отразятъ хромые и слѣпые“. Несомнѣнно, что іерусалимскія высоты искони считались неприступными. Поэтому ближе къ истинѣ стоятъ тѣ, которые слово „Іерусалимъ“ переводятъ словами: „наслѣдіе мира“ или „жилище мира“. Городъ Іевусеевъ, столь трудно-доступный врагамъ, дѣйствительно представлялъ для его обитателей безопасное, спокойное или, что тоже, мирное жилище.

ческимъ центромъ страны, Давидъ нашелъ необходимымъ сдѣлать его и религіознымъ центромъ чрезъ перенесеніе сюда ковчега завѣта. Это требовалось съ одной стороны для того, чтобы возвысить вообще значеніе города Давидова въ глазахъ народа, а съ другой стороны еще болѣе для того, чтобы подъ личнымъ наблюденіемъ царя придать всенародному богослуженію надлежащій порядокъ и торжественную обстановку и тѣмъ оживить религіозный духъ народа, видимо упавшій въ послѣднее время. Давидъ прямо говорилъ собраннымъ по этому случаю представителямъ народа: „перенесемъ къ себѣ ковчегъ Бога нашего, потому что во дни Саула мы не обращались къ нему“ [1]). И въ самомъ дѣлѣ ковчегъ завѣта, который по предписанію съ Синая долженъ былъ находиться въ скиніи, давно былъ разлученъ съ нею. Съ тѣхъ поръ, какъ при Иліи его отняли филистимляне, а потомъ возвратили, онъ находился въ Кіріаѳъ-Іаримѣ [2]), а скинія стояла сначала въ Силомѣ, а потомъ въ Гаваонѣ [3]). Саулъ мало обращалъ вниманія на религіозныя дѣла; священники и левиты были при немъ въ пренебреженіи, и онъ чуть ли не считалъ ихъ своими врагами; всенародное богослуженіе не имѣло ни опредѣленнаго центра, ни надлежащей полноты и торжественности. Давидъ построилъ на Сіонѣ новую скинію ([4]) и перенесъ въ нее ковчегъ съ величайшею торжественностію. Правда на пути случилось несчастіе: левитъ Оза, когда колесница, на которой везли ковчегъ, вслѣдствіе неровности пути стала наклоняться и грозить паденіемъ, повидомому раздражился и съ гнѣвомъ протянулъ руку къ ковчегу, чтобы поддержать его, но былъ пораженъ внезапною смертію. Давидъ, не знавшій внутренней причины гнѣва Божія на Озу, смутился и, полагая, что самое перенесеніе ковчега неугодно Богу, отложилъ церемонію; но по истеченіи трехъ мѣсяцевъ, когда онъ убѣдился, что ковчегъ не причиняетъ никакихъ несчастій людямъ, которымъ ввѣрено было на

---

[1]) 4 Пар. 13, 3.

[2]) Названный 2 Цар. 6, 2. Ваалъ Іудинъ есть Кіріаѳъ-Іаримъ I. Нав. 15, 60.

[3]) 3 Цар. 3, 4. 1 Пар. 16, 39. 2 Пар. 1, 3.

[4]) 1 Пар. 15, 1.

время охраненіе его, онъ снова взялъ его и благополучно перенесъ въ Іерусалимъ. Будучи глубоко религіознымъ по своей натурѣ, Давидъ принималъ самое живое личное участіе въ торжествѣ. Вмѣшавшись въ толпу левитовъ и священниковъ, или вѣрнѣе, предводительствуя ими, Давидъ въ такомъ же облаченіи, какъ и они, объятый религіознымъ восторгомъ, плясалъ съ необыкновеннымъ одушевленіемъ подъ тактъ религіозной музыки, къ соблазну своей жены Мелхолы, которая смотрѣла на процессію изъ окна царскихъ палатъ. Торжество заключилось жертвоприношеніями при новой скиніи и всенароднымъ праздникомъ, при чемъ всѣмъ присутствовавшимъ здѣсь мужчинамъ и женщинамъ роздано было по одному хлѣбу, по куску мяса и по кружкѣ вина. Во всѣхъ важныхъ моментахъ своей жизни Давидъ выражалъ свои чувства въ религіозныхъ пѣсняхъ, или псалмахъ. И въ этотъ день его восторгъ вылился въ прекрасный псаломъ, который онъ въ первый разъ и далъ пѣвцамъ для употребленія при богослуженіи. „Славьте Господа, провозглашайте имя Его; возвѣщайте въ народахъ дѣла Его. Пойте Ему, бряцайте Ему; повѣдайте о всѣхъ чудесахъ Его... Трепещи предъ Нимъ вся земля, ибо Онъ основалъ вселенную, и она не поколеблется. Да веселятся небеса, да торжествуетъ земля... Да плещетъ море и что наполняетъ его, да радуется поле и все, что на немъ. Да ликуютъ вмѣстѣ всѣ дерева дубравныя передъ лицомъ Господа“... И т. д., весь псаломъ въ самомъ восторженно-хвалебномъ тонѣ [1]). Только возвратившись домой послѣ торжества, Давидъ встрѣтилъ маленькую непріятность, къ которой впрочемъ онъ отнесся съ величавымъ спокойствіемъ и достоинствомъ. Мелхола, пораженная поведеніемъ царя въ процессіи (религіозный восторгъ должно быть былъ мало понятенъ для ея холодной натуры, унаслѣдованной отъ отца), встрѣтила его колкимъ замѣчаніемъ: „какъ отличился царь Израилевъ, обнажившись сегодня предъ глазами рабынь рабовъ своихъ, какъ обнажается какой-нибудь пустой человѣкъ“ [2])! Давидъ на это

---

[1]) 1 Пар. 16.

[2]) Мелхола повидимому намекала на легкое левитское облаченіе, которое Давидъ возложилъ на себя, 1 Пар. 15, 27, вмѣсто солиднаго

отвѣтилъ ей: „предъ Господомъ плясать буду. И благословенъ Господь, который предпочелъ меня отцу твоему и всему дому его, утвердивъ меня вождемъ народа Господня, Израиля. Предъ Господомъ играть и плясать буду. Еще болѣе сего буду унижаться и буду презрѣннѣе въ глазахъ моихъ; но у рабынь, о которыхъ ты сказала, у тѣхъ я буду въ почтеніи". Затѣмъ Давидъ оставилъ ее въ покоѣ; но между супругами повидимому образовалось навсегда отчужденіе. Давидъ поставилъ первосвященникомъ при скиніи въ Іерусалимѣ Авіаѳара, потомка Иліева, уцѣлѣвшаго отъ избіенія въ Номвѣ, своего спутника въ скитаніяхъ при жизни Саула, и занялся дальнѣйшимъ устройствомъ богослужебныхъ дѣлъ, подробности котораго будутъ указаны въ своемъ мѣстѣ. Но онъ не рѣшился ни перенести въ Іерусалимъ старую скинію, находившуюся въ Гаваонѣ, ни разобрать ее, какъ ненужную, и прекратить тамъ общественное богослуженіе, потому что боялся возстановить противъ себя жителей Гаваона и всего колѣна Веніаминова, и безъ того не расположенныхъ къ Давиду и безъ сомнѣнія дорожившихъ присутствіемъ у себя этой святыни, какъ памятникомъ своего почетнаго положенія среди колѣнъ при Саулѣ. Эта скинія была разобрана, перенесена въ Іерусалимъ и сложена, какъ древняя святыня, въ одномъ изъ хранилищъ при храмѣ уже Соломономъ, который не обращалъ вниманія на отдѣльные интересы колѣнъ. Давидъ же оставилъ при ней и первосвященника, Садока, со всѣмъ необходимымъ штатомъ священниковъ и левитовъ, которые и продолжали совершать всенародное богослуженіе въ Гаваонѣ наряду съ іерусалимскимъ. Такимъ образомъ у евреевъ явилось два первосвященника и два мѣста богослуженія въ противность предписанію съ Синая. Въ этомъ конечно не Давидъ виноватъ, а народныя страсти, раздражать которыя онъ находилъ большимъ зломъ, чѣмъ временный непорядокъ во внѣшнемъ выраженіи

царскаго одѣянія. Выраженіе „обнажился" вѣроятно подобно нынѣшнему выраженію „раздѣлся"—о человѣкѣ, возвратившемся домой и перемѣнившемъ парадное, выходное платье на домашнее. Впрочемъ есть мнѣніе, что слово נִגְלָה можетъ означать просто: выставилъ себя напоказъ передъ толпой. Israel. Bibel. s. 408.

религіозныхъ чувствъ народа. Нуженъ былъ блескъ іерусалимскаго богослуженія, созданный постепенно Давидомъ, и подавляющее величіе храма Соломонова, чтобы веніаминяне и другія сочувствовавшія имъ колѣна позабыли на время соперничество и примирились съ уничтоженіемъ старой скиніи.

Въ первую половину своего царствованія Давидъ не могъ посвящать много времени на устройство внутреннихъ дѣлъ, въ особенности такихъ, которыя не относились къ настоятельнѣйшимъ тогда военнымъ надобностямъ. Онъ велъ многочисленныя и большія войны почти со всѣми сосѣдними народами. Еще прежде устройства новой скиніи, едва овладѣвши Іерусалимомъ и повидимому не успѣвши укрѣпить его, онъ выдержалъ два наттиска филистимлянъ. Послѣдніе, не обращавшіе на Давида вниманія, пока онъ былъ царемъ въ Хевронѣ, сочли свои интересы глубоко затронутыми, когда всѣ евреи подчинились ему, и онъ овладѣлъ крѣпостію іевусеевъ. Они быстро собрали значительныя силы и ударили на Іерусалимъ. Нѣкоторыя подробности объ этой войнѣ, во 2 Цар. 23, 13. 14 и 1 Пар. 12, 15. 16, показываютъ, что Давидъ не рѣшился защищаться въ Іерусалимѣ, который не успѣлъ еще укрѣпить, а оставивъ въ немъ безъ сомнѣнія гарнизонъ, самъ съ главными силами углубился на югозападъ къ пещерѣ Одолламской, которая съ своими окрестностями, хорошо ему извѣстными, представляла превосходное мѣсто обороны [1]). Отсюда онъ могъ угрожать тылу филистимлянъ, проникшихъ до Іерусалима по долинѣ Рефаимовъ. Но онъ не дѣлалъ наступленія, поджидая вѣроятно подкрѣпленій.

---

[1]) Нѣкоторые утверждаютъ, что Давидъ защищался противъ филистимлянъ въ Іерусалимѣ. Напр Eisenlohr. Указ соч. стр. 242. Въ подлежащемъ мѣстѣ, 2 Цар. 5, 17, говорится: „поднялись всѣ филистимляне искать Давида. И услышалъ Давидъ, и пошелъ въ крѣпость“. Говорятъ, что здѣсь разумѣется крѣпость на Сіонѣ. Но гдѣ же Давидъ былъ или жилъ передъ этимъ? Въ ст. 9 той же главы сказано: „и поселился Давидъ въ крѣпости (т. е. на Сіонѣ) и назвалъ ее городомъ Давидовымъ“. Не вѣрнѣе ли предположить, что выраженіе „пошелъ въ крѣпость“ относится къ движенію Давида въ укрѣпленныя самою природою окрестности пещеры Одолламской“? Срав. 2 Цар. 5, 18 и 1 Пар. 11, 15. 16.

Филистимляне же не отважились ни на него напасть, ни атаковать Сіонскую крѣпость, а углубились далѣе до Виѳлеема, который взяли, и здѣсь укрѣпились. Вѣроятно они ограничились бы и здѣсь, въ южной половинѣ царства, тѣмъ же положеніемъ, какое занимали въ сѣверной, гдѣ они, овладѣвъ господствующими пунктами, держали страну въ страхѣ и могли безнаказанно грабить.. Но Давидъ, собравшись съ силами, заставилъ ихъ принять рѣшительное сраженіе и разбилъ ихъ на-голову. Лагерь филистимскій достался въ добычу евреямъ; въ немъ оказалось множество идоловъ, съ которыми филистимляне выходили на войну, въ надеждѣ на помощь боговъ, но которые при поспѣшномъ бѣгствѣ принуждены были бросить. Давидъ приказалъ сжечь ихъ. Филистимляне прежде обыкновенно послѣ одного пораженія, имъ нанесеннаго, оставляли евреевъ на болѣе или менѣе продолжительное время въ покоѣ. Но теперь они опасались евреевъ болѣе, чѣмъ когда-либо, потому что предвидѣли не только лишеніе преобладанія надъ ними, но и собственное униженіе и порабощеніе. Поэтому они немедленно снова собрались съ силами и сдѣлали вторженіе въ надеждѣ сломить въ самомъ началѣ возникающую силу евреевъ. Вторженіе это, по неожиданности ли его или вслѣдствіе ожесточенія и отчаянной рѣшимости врага, было столь грозное, что для Давида потребовалась особенная помощь Божія, чтобы нанести пораженіе филистимлянамъ. Согласно Божественному наставленію онъ долженъ былъ ударить на нихъ съ тыла; обходному же движенію Давида благопріятствовала тутовая роща, на которую Богъ наслалъ, какъ можно предполагать, вѣтеръ, такъ что шумъ проходящаго чрезъ рощу войска не былъ слышенъ за шумомъ деревьевъ [1]). Филистимляне снова были разбиты, и Давидъ преслѣдовалъ ихъ до Газера, гдѣ кончаются уже горы и начинается низменность—исконное жилище филистимлянъ. Это были оборонительныя войны Давида, изъ которыхъ

[1]) Выраженіе 2 Цар. 5, 24 „тогда пошелъ Господь передъ тобою“ нѣтъ надобности понимать буквально, ни предполагать вмѣстѣ съ нѣкоторыми ангела, шедшаго по вершинамъ деревьевъ. Это есть образное выраженіе мысли: Господь послалъ помощь тебѣ.

онъ вышелъ побѣдителемъ и могъ дать отдыхъ себѣ и народу, избавивъ его отъ притѣсненій извнѣ. Неизвѣстно, сколько времени продолжался этотъ отдыхъ, пользуясь которымъ Давидъ занимался устройствомъ внутреннихъ мирныхъ дѣлъ, а также организаціей и подготовленіемъ военныхъ силъ для новой борьбы. Новая и славная борьба не замедлила послѣдовать. Теперь Давидъ повелъ уже наступательныя войны, побужденіемъ къ которымъ было враждебное настроеніе окрестныхъ народовъ, опасавшихся могущества евреевъ и могшихъ одновременно ударить на нихъ съ разныхъ сторонъ, если бы не были предупреждены Давидомъ, рѣшившимся доставить прочный миръ своему народу ослабленіемъ и поставленіемъ въ вассальную зависимость всѣхъ окрестныхъ народовъ. Первый его ударъ, какъ и слѣдовало ожидать, упалъ на филистимлянъ, потому что нельзя было ничего предпринимать на востокѣ и на югѣ, не сломивъ этихъ исконныхъ враговъ Израиля. Давидъ вторгнулся въ ихъ собственную страну и „взялъ Геѳъ и зависящіе отъ него города“ [1]). Это нужно понимать такъ, что Давидъ овладѣлъ не только Геѳомъ, ближайшимъ къ колѣну Іудину филистимскимъ городомъ, но и многими другими (если не всѣми) филистимскими городами, признававшими верховныя права Геѳскаго царя [2]). Могущество филистимлянъ было сломлено, и они теперь не могли уже представлять силу, опасную для евреевъ. Затѣмъ Давидъ обратилъ свое оружіе противъ моавитянъ. Частнаго повода къ этой войнѣ не указано, и потому не совсѣмъ понятно, какъ возникла у Давида вражда съ моавитянами, у которыхъ нѣкогда

---

[1]) 1 Пар. 18, 1.

[2]) Пять главныхъ филистимскихъ городовъ—Газа, Азотъ, Аскалонъ, Геѳъ и Екронъ, составлявшіе во времена І. Навина федерацію безъ подчиненія одного другому и управлявшіеся „владѣльцами“ סַרְנִים т. е., правителями, не имѣвшими титула и достоинства царя, І. Нав. 13, 3 позднѣе измѣнили очевидно свой политическій бытъ. Во времена Саула въ Геѳѣ уже названъ „царь“ מֶלֶךְ Анхусъ, 1 Цар. 27, 2. Можетъ быть въ это именно время, когда съ усиленіемъ евреевъ начались ожесточенныя войны, большею частью несчастливыя для филистимлянъ, владѣльцы филистимскихъ городовъ и согласились при-

онъ и его семейство нашли безопасный пріютъ. Раввины, можетъ быть на основаніи какого-нибудь преданія, полагаютъ, что моавитскій царь умертвилъ родственниковъ Давида по его уходѣ въ свою землю [1]). Гессъ дѣлаетъ вѣроятную догадку, что возникающее могущество Израиля побудило моавитянъ вступить въ опасный для евреевъ союзъ съ другими народами, не имѣвшими дружественныхъ чувствъ къ евреямъ, что подтверждается непосредственно за симъ возникшею войною съ Адраазаромъ, царемъ Сувскимъ, и съ сиріянами [2]). Моавитяне были побѣждены и подверглись жестокой участи: двѣ трети ихъ лишены жизни поголовнымъ избіеніемъ, при чемъ употребленъ былъ самый первобытный способъ выбора—кого убить, кого оставить въ живыхъ: всѣхъ плѣнныхъ положили на землю рядами и мѣряли ряды веревкою; двѣ веревки отдѣлялись на казнь, одна на пощаду [3]). Такое жестокое обращеніе имѣло характеръ кроваваго возмездія. Поэтому вѣроятно раввины и предположили, что Давидъ мстилъ моавитянамъ за избіеніе его родственниковъ; тѣмъ болѣе, что его ближайшіе родственники сошли со сцены съ тѣхъ поръ, какъ отправились въ землю моавитянъ,—ни объ одномъ изъ нихъ (кромѣ Іонаѳана, дяди Давидова) [4]) не упоминается въ числѣ приближенныхъ Давида —царя. Оставшіеся въ живыхъ моавитяне должны были платить дань Давиду. Въ очевидной связи съ этою вой-

---

знать надъ собою главенство Геѳскаго правителя, чтобы сосредоточить свои силы для борьбы съ еврейскими царями. На господство Геѳа надъ другими филистимскими городами при Давидѣ кромѣ 1 Пар. 18,1 указываетъ и Меѳегъ-Гаамма 2 Цар. 8,1, потому что безъ сомнѣнія это есть названіе того же Геѳа, что и 1 Пар. 18, 1. מתג האמה значитъ: господство, управленіе (собственно—узда) матери, т. е., первенствующаго города. Dictionnair hebr.—français par Sander et Trenel.

[1]) Israelit. Bibel s. 413.

[2]) Указан. соч. т. 7, стр. 392.

[3]) Какъ умерщвляли, не сказано. Неизвѣстно, на какомъ основаніи Eisenlohr утверждаетъ, что плѣнникомъ умерщвляли посредствомъ молотильныхъ снарядовъ. Указ. соч. стр. 255. Приводимыя имъ ссылки 2 Цар. 12. 31 и Прит. 20, 26, совсѣмъ не относятся къ дѣлу. Menzel объ измѣреніи веревкою говоритъ нѣчто совсѣмъ непонятное. „Плѣнныхъ, говоритъ онъ, клали на землю и измѣряли веревкою; кого веревка охватывала два раза, тѣхъ умерщвляли, кого одинъ разъ—тѣхъ щадили“. Указ. соч. стр. 89.

[4]) 1 Пар. 27, 32.

ною произошла другая война съ болѣе отдаленными народами. Внѣ этой связи трудно было бы и понять движеніе Давида къ отдаленному Евфрату. Достаточно взглянуть на карту, чтобы видѣть, что берегъ Евфрата лежалъ внѣ сферы земель, на которыя Давидъ могъ бы устремиться для одного расширенія своихъ владѣній, не будучи вынужденъ какими-нибудь особенными причинами. Было бы странно углубиться до Евфрата съ завоевательными цѣлями, оставляя у себя въ тылу непокоренными аммонитянъ. Дамаскъ сирійскій и Имаѳъ на Оронтѣ. Принимая во вниманіе, что въ послѣдующую войну, съ аммонитянами, противъ Давида образовалась каолиція по всей сѣверовосточной окраинѣ, что и теперь сирійцы Дамасскіе пришли на помощь къ врагу Давидову, что аммонитяне только потому вѣроятно удержались на мирной ногѣ, что царемъ у нихъ былъ еще Наасъ, дружественно расположенный къ Давиду [1]),—мы должны думать, что и враждебное настроеніе моавитянъ, послужившее поводомъ для Давида къ войнѣ съ ними, находилось въ связи съ воинственнымъ движеніемъ на сѣверѣ, обѣщавшимъ для моавитянъ счастливый исходъ ихъ борьбы съ Давидомъ [2]). Воинственное движеніе, возбудившее надежды въ сосѣдяхъ Давида, произвелъ Адраазаръ, царь Сувскій. Положеніе его царства съ наибольшею вѣроятностію предполагаютъ между Оронтомъ и Евфратомъ, къ сѣверовостоку отъ Дамаска. Повидимому онъ усилился и началъ расширять свои владѣнія къ востоку и западу. Царь Имаѳа на Оронтѣ опасался за свое царство [3]). Возникновеніе на сѣверѣ сильнаго царства, на которое уже теперь возлагали свои надежды восточные сосѣди Давида, не предвѣщало послѣднему ничего хорошаго. Поэтому онъ рѣшился уничтожить опасность съ этой стороны и предпринялъ отдаленный походъ. Походъ увѣнчался успѣхомъ. Взявъ у разбитаго врага въ плѣнъ 1700 всадниковъ, Давидъ уничтожилъ лошадей, чтобы ослабить военную силу

---

[1]) 10, 2.

[2]) Эта связь вѣроятно и заставила Eisenlohr'a предположить, что война 8, 3 и 10, 15—19—одна и таже война. Указан. соч. стр. 255.

[3]) 2 Цар. 8, 10.

у побѣжденнаго народа на случай будущей войны съ нимъ. Находя однако, что неудобно вести большія войны безъ конницы, онъ рѣшился завести ее и въ своемъ войскѣ, хотя не въ большемъ количествѣ, и потому оставилъ себѣ сто коней. (По закону не должно было дѣлать этого). У тѣлохранителей Адраазара онъ отобралъ золотые щиты, а въ городахъ нашелъ множество мѣди. Все это онъ отправилъ въ Іерусалимъ въ свою сокровищницу. Вмѣстѣ съ Адраазаромъ Давидъ поразилъ и его союзниковъ, сиріянъ Дамаскихъ. Дамаскъ былъ взятъ, и въ немъ оставлено охранное еврейское войско. Сирійцы сдѣлались данниками Давиду. Ѳой, царь Имаѳа на Оронтѣ, бывшій во враждебныхъ отношеніяхъ съ Адраазаромъ, обрадовался пораженію его Давидомъ и отправилъ къ послѣднему своего сына Іорама съ богатыми дарами, состоявшими въ золотыхъ, серебряныхъ и мѣдныхъ сосудахъ. Наряду съ вышеописанными войнами лѣтопись сообщаетъ еще о войнѣ съ идумеянами. Повидимому она возникла въ то самое время, когда Давидъ съ Іоавомъ были заняты войною на сѣверѣ, потому что противъ идумеянъ былъ посланъ Авесса, братъ Іоавовъ [1]). Безъ сомнѣнія идумеяне хотѣли воспользоваться благопріятнымъ моментомъ, когда силы Давида были отвлечены въ противоположную сторону, чтобы нанести пораженіе евреямъ. Но Авесса поразилъ ихъ въ числѣ 18000 въ соленой долинѣ (вѣроятно близъ Мертваго моря), поставилъ въ ихъ землѣ наблюдательный отрядъ и заставилъ платить дань Давиду. Горько показалось потомкамъ гордаго Исава быть въ подчиненіи у дѣтей Іакова, и они возмутились, устремились на немногочисленный наблюдательный отрядъ и истребили его. Тогда отправился противъ нихъ самъ Іоавъ и послѣ шестимѣсячной борьбы истребилъ всѣхъ идумеевъ, способныхъ носить оружіе. Спаслись только нѣсколько человѣкъ и убѣжали въ Египетъ захвативъ съ собой маленькаго царскаго сына Адера [2]).

Послѣ этихъ воинъ, далеко кругомъ раздвинувшихъ господство евреевъ, обогатившихъ ихъ добычею и данями,

---

[1]) 1 Пар 18, 12, 13.
[2]) 3 Цар. 11, 15—17.

сдѣлавшихъ ихъ государство однимъ изъ могущественнѣйшихъ въ тогдашнемъ мірѣ, наступило время покоя, продолжавшееся по крайней мѣрѣ до 20-го года царствованія Давида [1]). Давидъ былъ на вершинѣ своего могущества и славы [2]). Бросимъ теперь взглядъ на его домашнюю жизнь, на его дворъ, на его богатства и потомъ на тѣ распорядки, которыми онъ старался упрочить и возвысить свой тронъ, а также обезпечить благоденствіе и безопасность государства. Утвердившись въ Іерусалимѣ, Давидъ построилъ себѣ приличный дворецъ, который хотя и не равнялся по великолѣпію съ позднѣйшимъ Соломоновымъ, но безъ сомнѣнія превосходилъ всѣ постройки, существовавшія до сихъ поръ у евреевъ,—самая скинія представлялась въ сравненіи съ нимъ плохимъ зданіемъ [3]). Онъ имѣлъ плоскую крышу, по обычаю востока, со всѣми приспособленіями для пріятнаго отдохновенія на открытомъ воздухѣ [4]). Давидъ построилъ его при помощи своего союзника, тирскаго царя Хирама, который, оцѣнивъ сразу могущество Давида, поспѣшилъ вступить съ нимъ въ дружественныя сношенія и прислалъ ему кедроваго дерева, а также мастеровъ [5]), потому что у финикіянъ строительное искусство было въ цвѣтущемъ состояніи, между тѣмъ какъ у евреевъ его не могло еще быть. Неизбѣжную принадлежность царскаго двора на востокѣ составляютъ многочисленныя жены и кромѣ нихъ еще на-

---

[1]) Война съ аммонитянами произошла около 20-го года царствованія Давида, потому что вскорѣ послѣ нея родился Соломонъ, имѣвшій въ годъ смерти Давида не менѣе 18 лѣтъ.

[2]) „И сдѣлалъ Давидъ себѣ имя“, замѣчаетъ лѣтописецъ послѣ описанія войны Давида съ сиріянами и происходившей одновременно съ нею войны съ идумеянами. 2 Цар. 8, 13. Эйзенлоръ говоритъ, что Давидъ поставилъ *памятникъ* въ Іерусалимѣ. Указ. соч. ч, I, стр. 258. Но שֵׁם вездѣ въ Библіи значитъ только: имя, слава, молва, воспоминаніе; и о Саулѣ, который, возвращаясь послѣ побѣды надъ амаликитянами, дѣйствительно поставилъ себѣ памятникъ, сказано не יַּעַשׂ שֵׁם, какъ о Давидѣ, а מַצִּיב יָד. Выраженіе: „сдѣлалъ Давидъ себѣ имя“ означаетъ только, что слава Давида послѣ описанныхъ выше войнъ гремѣла повсюду.

[3]) 2 Цар. 7, 2.

[4]) 11, 2.

[5]) 5, 11.

ложницы. Законъ Моисея положительно воспрещалъ еврейскому царю многоженство „чтобы не развратилось сердце его“ [1]). Но это требованіе до такой степени превышало, такъ сказать, силы восточнаго человѣка, до того противорѣчило его привычкамъ и страстямъ, что Самуилъ, перечисляя евреямъ возможныя злоупотребленія царя, даже не упомянулъ объ его неизбѣжномъ многоженствѣ (онъ указалъ только на подневольныя работы дочерей ихъ при дворѣ царя), потому что чувственный народъ не увидалъ бы въ этомъ злоупотребленіи властію ничего отталкивающаго и позорнаго. И Давидъ при всѣхъ прекрасныхъ качествахъ своего ума и сердца оказался въ этомъ случаѣ сыномъ своего вѣка и своего народа. Во время своихъ скитаній при Саулѣ онъ имѣлъ уже двухъ женъ: Ахиноаму изреелитянку и Авигею кармилитянку. Послѣднюю онъ взялъ кромѣ указанной въ своемъ мѣстѣ причины, можетъ быть и потому, что былъ косвенною причиною ея вдовства. Когда же Давидъ сдѣлался царемъ въ Хевронѣ, у него оказалось еще 4 жены: Мааха, дочь царя Гессурскаго [2]), взятая вѣроятно и по политическимъ соображеніямъ, такъ какъ Давидъ въ то время нуждался въ союзникахъ; затѣмъ—Аггиѳа, Авитала и Эгла, неизвѣстнаго происхожденія [3]). Сюда же онъ вытребовалъ себѣ, какъ мы видѣли, и Мелхолу [4]). Наконецъ уже въ Іерусалимѣ, когда, сказано,—„уразумѣлъ Давидъ, что утвердилъ его Господь царемъ надъ Израилемъ и что возвысилъ царство его ради народа своего, Израиля, тогда взялъ Давидъ еще женъ и наложницъ въ Іерусалимѣ и родилъ еще сыновей и дочерей“ [5]). Писатель кн. Царствъ указываетъ побужденіе къ многоженству, согласно съ господствовавшимъ тогда воззрѣніемъ, въ необходимости пышной и роскошной жизни для царя могущественнаго царства; потому что и нынѣ для восточнаго человѣка величайшій блескъ жизни заключается въ многочисленности женъ и въ громад-

---

[1]) Втор. 17, 17.

[2]) Гессуръ—небольшое царство въ Сиріи. 2 Цар. 15, 8. I. Нав. 13, 11. Втор. 3, 14.

[3]) 2 Цар. 3, 2—5.

[4]) 3, 12. 13.

[5]) 5, 12. 13.

номъ количествѣ прижитыхъ съ ними дѣтей. Неизвѣстно, какой образъ жизни вели жены еврейскаго царя. Многоженство уничтожаетъ настоящія супружескія отношенія въ самомъ корнѣ; потому что хотя юридически обыкновенно и различаются жены отъ наложницъ, но по существу, коль скоро у человѣка болѣе одной жены и притомъ еще открытыя наложницы,—у него нѣтъ ни одной жены въ собственномъ смыслѣ, а одни, такъ сказать, наложницы. Отсюда недовѣріе къ ихъ цѣломудрію, котораго у нихъ и быть не можетъ, развѣ вынужденное внѣшними препятствіями. Хотя жены обыкновенныхъ евреевъ и не вели затворническую жизнь, напротивъ пользовались значительной свободой [1]); однако при дворѣ должно было явиться въ первый разъ и затворничество, потому что женщины царя не должны были жить такъ, какъ обыкновенныя женщины [2]). Если подъ „евнухами“ 1 Пар. 28, 1 разумѣть евнуховъ въ собственномъ смыслѣ [3]), то возникновеніе затворничества еще при Давидѣ—внѣ всякаго сомнѣнія. Отъ многихъ женъ Давидъ имѣлъ много и дѣтей: у него было 17 сыновей (а по переводу 70-ти—30) и нѣсколько дочерей. Что у Давида была не одна Ѳамарь, а нѣсколько дочерей, видно изъ выраженія: „и родились еще у Давида сыновья и дочери“ [4]). Сыновья всѣ названы по именамъ, и старшіе съ обозначеніемъ именъ ихъ матерей [5]); изъ дочерей же названа одна Ѳамарь. Какъ дѣти царя, сыновья Давида занимали высокое положеніе: они поставляются на ряду съ высшими придворными и государственными сановниками и называются „коганимъ“. Слово это, переведенное въ русской библіи свободно, съ сохраненіемъ уже переноснаго смысла [6]), значитъ собственно „священники“. Очевидно это былъ только почетный титулъ, обозначавшій ихъ высокое, исключительное положеніе, пото-

---

[1]) Суд. 13, 9; 21, 21. 1 Цар. 18, 6. 7; 25, 18... 4 Цар. 4, 22...

[2]) 2 Цар. 20, 3; 3 Цар. 2, 17. 22

[3]) Слово סָרִיס иногда значитъ евнухъ, иногда вообще придворный чиновникъ. Не всегда можно опредѣлить подлинное его значеніе въ томъ или другомъ мѣстѣ. Быт 37, 36. Есѳ. 1, 10 Ис. 39, 7; 56, 3.

[4]) 2 Цар. 5, 14.

[5]) 3, 2—5; 5, 14—16.

[6]) 8, 18.

му что въ ѳеократическомъ государствѣ съ словомъ „священникъ“ связывалось представленіе о лицѣ, стоящемъ выше обыкновенныхъ смертныхъ. Этотъ титулъ соотвѣтствовалъ титулу членовъ царской семьи въ нынѣшнее время: высочайшія особы, августѣйшіе, князья. Какъ послѣдніе—князья безъ княжествъ, такъ и дѣти Давида были священниками безъ алтаря. Писатель кн. Паралипоменонъ нашелъ слово „коганимъ“ слишкомъ изобразительнымъ и замѣнилъ его отвлеченнымъ „ришонимъ“—главные, первенствующіе [1]). Подданные царя оказывали имъ знаки уваженія, такъ что, завидѣвъ царскаго сына, считали долгомъ подойти къ нему и поклониться [2]). Но оффиціальнаго участія въ дѣлахъ государственныхъ дѣти Давида не имѣли. Это обусловливалось между прочимъ все еще патріархаль-

---

[1]) 1 Пар. 18, 17. Генстенбергъ полагаетъ, что сыновья Давида названы священниками въ мыслѣ посредниковъ между нимъ и народомъ (очевидно по подобію посредничества настоящихъ священниковъ между Богомъ и народомъ), потому что они будто бы были первыми придворными чиновниками и чрезъ нихъ подданные сносились съ царемъ. Geschichte des Reiches Gottes. 2 Per. 2 Häfl. Berlin.1871. стр. 117. Ни откуда однако не видно, чтобы сыновья Давида занимали какія-либо должности и чтобы чрезъ нихъ сносился народъ съ царемъ. Писатели раціоналистическаго оттѣнка, полагающіе, что еврейское священство, какъ особое сословіе, произошло не при Моисеѣ, а когда-то гораздо позднѣе, наименованіе сыновей Давида священниками понимаютъ въ собственномъ смыслѣ и утверждаютъ, что и самъ Давидъ былъ священникомъ. Относительно 2 Цар. 8, 18, гдѣ говорится: „сыновья Давида были כֹּהֲנִים“ Лео, напр., замѣчаетъ: „это извѣстіе, что Давидъ (?!) и его сыновья были священники, не мирится конечно съ системою позднѣйшей іерархіи, которая заповѣдуетъ побивать камнями того, кто, не будучи потомкомъ Аарона, сталъ бы совершать священническія дѣйствія; посему (?) 1 кн. Паралипоменонъ 18,, 17 въ параллельномъ мѣстѣ извѣстіе о сыновьяхъ Давида измѣняетъ и пишетъ: сыновья Давида были первыми הָרִאשֹׁנִים при немъ“. Указ. соч. стр. 148. Совершенно праздное разсужденіе; потому что писатель кн. Паралипоменонъ совсѣмъ не думалъ того, что думаютъ раціоналисты, а просто образное выраженіе замѣнилъ отвлеченнымъ и такимъ образомъ показалъ, какъ нужно понимать 2 Цар. 8, 18. Онъ для насъ въ этомъ, какъ и въ другихъ случаяхъ, вполнѣ авторитетный комментаторъ, потому что и еврейскій языкъ, и исторію своего народа онъ безъ сомнѣнія зналъ лучше, чѣмъ кто-либо изъ европейскихъ ученыхъ.

[2]) 2 Цар. 15, 5.

нымъ складомъ жизни и въ то время: дѣти при жизни отца не признавались правоспособными, и участіе ихъ въ дѣлахъ, подлежащихъ власти отца, казалось посягательствомъ на права послѣдняго. Сюда же нужно отнести и особенности восточнаго двора, какъ многоженство и многосыновство. Невозможно было распредѣлить роли между массою сыновей отъ разныхъ, даже разноплеменныхъ матерей, безъ того, чтобы не возникли между ними соперничество и распри, въ которыхъ приняли бы дѣятельное участіе и ихъ матери. Лучше, практичнѣе было держать ихъ всѣхъ въ сторонѣ отъ дѣлъ; хотя и въ этомъ случаѣ праздность не обѣщала впереди ничего хорошаго. Всѣ сыновья жили при отцѣ и ѣли хлѣбъ за столомъ его [1]). Но они имѣли отдѣльныя помѣщенія, вѣроятно расположенныя вокругъ главнаго зданія дворца, со всѣми необходимыми принадлежностями—пріемными и внутренними комнатами, съ прислугою, и проч. [2]). Неизвѣстно, отличались ли чѣмъ-нибуть въ одеждѣ сынорья царя отъ прочихъ евреевъ; но о дочеряхъ замѣчено, что онѣ носили особыя разноцвѣтныя одежды, которыми отличались отъ другихъ дѣвицъ [3]). О сыновьяхъ же извѣстно, что они заводили себѣ богатый выѣздъ; колесницы, лошадей и скороходовъ [4]). Питаясь за столомъ отца, они имѣли тѣмъ не менѣе отдѣльныя имущества, подаренныя конечно отцомъ,—стада животныхъ, поля и штатъ рабовъ для исполненія работъ [5]). Имущества эти были до того значительны, что они могли устроять праздники, на которые приглашались всѣ братья и множество придворныхъ [6]). Для наблюденія ли за ихъ благоповеденіемъ въ качествѣ воспитателя, или просто для практическаго руководства въ разныхъ обстоятельствахъ житейскихъ, къ нимъ приставлено было особое довѣренное лицо—нѣкій Іехіилъ, сынъ Хахмоніевъ [7]). Отецъ любилъ нхъ до слабости; но они не платили ему тѣмъ же [8]). Тѣ, которые по-

---

1) 2 Цар. 9, 11.
2) 13, 7. 9. 10. 17; 14, 24.
3) 13, 18.
4) 15. 1. 3 Цар. 1. 5.
5) 2 Цар. 13, 23; 14, 30.
6) 13, 24. 27; 3 Цар. 1, 9.
7) 1 Пар. 22, 32.
8) 2 Цар. 13, 24; 3 Цар, 1, 6.

пали въ исторію, за исключеніемъ Соломона, заплатили отцу непріятностями или же самой черной неблагодарностью. Вообще семейная исторія Давида, сопровождавшаяся даже потрясеніями цѣлаго государства, показываетъ, что онъ былъ строго наказанъ за нарушеніе закона въ угоду языческому обычаю и нѣкоторымъ страстямъ, которыхъ былъ не чуждъ. Многоженство и происшедшее отсюда многосыновство, вмѣстѣ съ растлѣвающимъ нравы образомъ жизни при дворѣ въ празности и нѣгѣ, причинили Давиду много огорченій и даже бѣдствій... Давидъ обладалъ значительнымъ богатствомъ, которое ему было необходимо, такъ какъ расходы его должны были быть громадны. Источникъ его—очевидно многочисленныя военныя добычи, изъ которыхъ Давидъ бралъ себѣ долю [1]). Не говоря о драгоцѣнностяхъ, которыя не приносили никакого дохода и не могли быть расходуемы, существенную часть его богатствъ составляли земли и стада. Часть земель засѣвалась хлѣбомъ, часть была подъ виноградниками и часть подъ садами маслинъ и смоковницъ. Для скота такъ же требовались обширныя пастбища. Такъ какъ земли, искони принадлежавшія евреямъ, не могли быть отчуждаемы [2]), то надо полагать, что Давидъ владѣлъ землями, отнятыми у враговъ. Такъ напр., его масличные сады были вѣроятно въ долинѣ Сефельской [3]), принадлежавшей филистимлянамъ, и пастбища для воловъ указаны въ долинѣ Шаронской [4]), южная часть которой по уходѣ колѣна Данова на сѣверъ тоже вѣроятно принадлежала филистимлянамъ. Кромѣ воловъ и овецъ у Давида были стада верблюдовъ иословъ. Для надзора надъ этими статьями имущества и управленія ими Давидъ назначилъ особыхъ довѣренныхъ лицъ, которые повидимому входили въ составъ придворныхъ чиновниковъ, потому что перечисляются на ряду съ такими лицами, какъ Хусій, Ахитофелъ, Авіаѳаръ и Іоавъ. Ихъ было 12, и распредѣлялись они такъ: 1-й надъ сокровищами, 2-й надъ хлѣбными запасами въ по-

---

[1]) 1 Цар. 30, 26.
[2]) Лев. 25, 28, 31.
[3]) 1 Пар. 27, 28. Сн. I. Нав. 15, 33. 36
[4]) 1 Пар. 15, 29.

ляхъ и въ складахъ, 3-й управлялъ полевыми работами, 4-й надъ виноградниками, 5-й надъ запасами вина, 6-й надъ маслинами и смоковницами, 7-й надъ запасами масла, 8-й надъ крупнымъ рогатымъ скотомъ, 9-й тоже, на другомъ пастбищѣ, 10-й надъ верблюдами, 11-й надъ ослицами, 12-й надъ мелкимъ скотомъ [1]). Сокровища, состоявшія изъ драгоцѣнныхъ металловъ, а также изъ мѣди, Давидъ предназначалъ для будущаго храма. Но вообще богатство Давида не было поразительнымъ. Оно составилось само собой, и онъ не прибѣгалъ къ искусственнымъ (напр., къ торговлѣ), а тѣмъ болѣе къ насильственнымъ мѣрамъ для его скопленія.

Правительственная дѣятельность Давида была болѣе обширна и совершеннѣе организована, чѣмъ у Саула, который только владычествовалъ, но не управлялъ. Исторія указываетъ имена многихъ лицъ, которыя содѣйствовали Давиду въ управленіи, каждое въ опредѣленной для него сферѣ. Сохранивъ постъ военачальника, появившійся еще при Саулѣ, и значеніе мѣстныхъ представительныхъ влаэтей отъ колѣнъ и родовъ (князей и старѣйшинъ), существовавшихъ отъ временъ древнѣйшихъ, Давидъ создалъ еще многія другія должности, отправители которыхъ должны быть причислены къ высшимъ государственнымъ чиновникамъ. Высшимъ сановникомъ у Давида, хотя и не самымъ близкимъ и довѣреннымъ лицомъ, былъ Іоавъ, главный начальникъ надъ войсками. Онъ приходился племянникомъ Давиду по матери, такъ какъ мать Іоава Саруя была сестра Давиду, но отъ другаго отца (мать Давида прежде Іессея очевидно имѣла другаго мужа, Нааса, отъ котораго и родилась Саруя) [2]). Онъ по всѣмъ правамъ занималъ этотъ высшій постъ въ государствѣ, потому что будучи лично неустрашимымъ героемъ, онъ былъ и замѣчательнымъ полководцемъ, смѣлымъ и ловкимъ придворнымъ и вообще умнымъ государственнымъ человѣкомъ. Онъ оказалъ Давиду и государству громадныя услуги и былъ до того вліятеленъ, что самъ Давидъ на первыхъ порахъ чувствовалъ себя въ нѣкоторой зависимости отъ него. Онъ почти до конца служилъ Давиду вѣрой и прав-

[1]) 1 Пар. 27, 25—31.

[2]) 2 Цар. 17, 25; 1 Пар. 2, 16.

дой; но въ этомъ играло весьма значительную роль его громадное честолюбіе. Когда являлась опасность для него лишиться своего высокаго поста, онъ ловко устранялъ ее; но при этомъ дѣйствовалъ такъ рѣшительно и беззастѣнчиво, что Давидъ только скрѣпя сердце оставлялъ его безнаказаннымъ. Другимъ военнымъ сановникомъ былъ Ванея, начальникъ личной стражи Давида. Хотя онъ и не равнялся съ Іоавомъ въ общегосударственномъ значеніи, но превосходилъ его по своему значенію для личности царя, по своей близости къ нему. Ванея, говоритъ лѣтописецъ, былъ поставленъ „ближайшимъ исполнителемъ приказаній Давида“ [1]). Онъ былъ сынъ священника Іодая, главы одной изъ священническихъ фамилій и приближеннаго къ Давиду лица [2]). Въ лицѣ Ванеи Давидъ, имѣвшій въ священникахъ опору своего престола, почтилъ это сословіе, сдѣлавъ одного изъ его представителей начальникомъ своей личной стражи. Замѣчательныя событія, наполнявшія царствованіе Давида, множество лицъ, на которыя должно было быть обращено вниманіе царя, множество дѣлъ, требовавшихъ наблюденія и рѣшенія—требовали записей и породили особую государственную должность—должность дѣписателя. Эту должность занималъ при Давидѣ нѣкій Іосафатъ. Гессъ называетъ его исторіографомъ [3]). Это названіе по нашему мнѣнію слишкомъ велико для Давидова дѣписателя. Допустимъ, что нѣкоторыя изъ его записей послужили матеріаломъ для еврейской исторіи,—и въ такомъ случаѣ будетъ достаточно назвать его лѣтописцемъ, который заносилъ въ свой дневникъ отдѣльные факты, казавшіеся достопримѣчательными, безъ всякой претензіи писать исторію царствованія Давида. Не считая совершенно невѣроятнымъ предположеніе, что еще при Давидѣ могла возникнуть мысль: поставить особое оффиціальное лицо для преданія памяти потомства дѣлъ знаменитаго царя, мы тѣмъ не менѣе думаемъ, что исторія не была главною цѣлію Давидова дѣписателя, что онъ былъ болѣе государственнымъ секретаремъ, чѣмъ ис-

---

[1]) 1 Пар. 11, 25.

[2]) 2 Цар. 23, 20; 1 Пар. 12, 27; 27, 5 34.

[3]) Указ. соч. т. 7, стр. 342.

торіографомъ [1]). Дальше дѣйствительности идетъ въ своихъ предположеніяхъ очевидно и Гретцъ, когда утверждаетъ, что Давидовъ дѣписатель былъ чѣмъ-то въ родѣ шефа жандармовъ, который заносилъ въ свои списки имена подозрительныхъ и неблагонадежныхъ лицъ и напоминалъ объ нихъ царю [2]). Управленіе Давида, не смотря на несомнѣнное осложненіе, было всетаки настолько еще просто, что такому учрежденію, какъ тайная полиція, въ немъ едвали могло быть мѣсто. Къ высшимъ военнымъ сановникамъ принадлежалъ еще Сераія (онъ же вѣроятно Суса), писецъ [3]). Онъ велъ разрядные списки всѣмъ гражданамъ, подлежавшимъ воинской повинности, освобождая отъ нея тѣхъ, которые по закону имѣли право на то [4]). Наконецъ къ высшимъ государственнымъ сановникамъ причислялись и два первосвященника, Авіаѳаръ и Садокъ. Первый изъ нихъ связалъ свою судьбу съ Давидомъ еще во время его скитальческой жизни, оказалъ ему важныя услуги и при воцареніи Давида удержалъ санъ, унаслѣдованный отъ отца. Онъ былъ потомокъ Иѳамара. Садокъ же найденъ Давидомъ при воцареніи надъ сѣверными колѣнами тоже первосвященникомъ въ бывшемъ царствѣ Іевосѳея. Онъ былъ потомкомъ Елеазара, старшей и многочисленнѣйшей линіи потомковъ Аарона. Давидъ, уважая его права и имѣя въ виду могущество его линіи, оставилъ и его первосвященникомъ. Къ этимъ шести сановникамъ въ другомъ мѣстѣ кн. Царствъ причи-

---

[1]) По мнѣнію Гитцига дѣписателя всего справедливѣе считать напоминателемъ о текущихъ дѣлахъ, какъ бы канцлеромъ. Gesch. d. Volk. Isr. Thl. 2. s. 147.

[2]) Указ. соч. т. 1, стр. 459.

[3]) 2 Цар. 8, 17; 20, 25. 1 Пар. 18, 16.

[4]) Втор. 20, 5—7; 24, 5; 4 Цар. 25, 19. Кейль почему-то думаетъ, что „писецъ“ былъ не военный чиновникъ съ указанными обязанностями, а государственный секретарь, что первый будто бы назывался не סֹפֵר, а פָּקִד. Comment B. 2. s. 266. Но указанныя имъ мѣста: 2 Цар. 24. 2. 4. 9; 1 Пар. 21, 5. 6, гдѣ говорится о Давидовой народной переписи, не относятся къ дѣлу; между тѣмъ какъ въ 4 Цар. 25, 19, гдѣ именно говорится „о писцѣ главномъ въ войскѣ, записывавшемъ въ войско народъ земли“, стоитъ въ текстѣ не פָּקִד, а סֹפֵר, какъ и 2 Цар. 8, 17.

сляются еще два лица: Ира, священникъ, неизвѣстно, какія особенныя обязанности исправлявшій, и Адорамъ, завѣдывавшій сборомъ податей (можетъ быть, собственно—даней) [1]). Былъ у Давида еще особый составъ приближенныхъ лицъ—такъ называемые „совѣтники", кругъ дѣятельности которыхъ не ограничивался какою-либо отдѣльною частію управленія, а простирался на всѣ государственныя дѣла, требовавшія особеннаго вниманія, проницательности и осторожности. Таковы были: Іонаѳанъ, дядя Давидовъ „человѣкъ умный и писецъ"(здѣсь слово „писецъ" означаетъ не должность, какъ выше, а значитъ просто: образованный); Ахитофелъ, совѣты котораго ставились наравнѣ съ откровеніями Бога; Хусій, другъ царя. На такомъ же положеніи были: Іодай, глава священнической фамиліи, пришедшій къ Давиду въ Хевронъ съ 3700 священниковъ, и первосвященникъ Авіаѳаръ [2]).

Въ ряду общегосударственныхъ учрежденій, которыми Давидъ старался упрочить и обезпечить не только мирное внутри, но и независимое и даже преобладающее положеніе своего народа въ ряду другихъ, весьма видное мѣсто занимаютъ его нововведенія и усовершенствованія въ военной области. Для личной безопасности, а также и для того, чтобы постоянно имѣть подъ рукою готовую вооруженную силу, которую можно употребить въ случаѣ нужды, не дожидаясь сбора арміи, Давидъ образовалъ отрядъ тѣлохранителей изъ людей, посвятившихъ себя исключительно военной службѣ и безъ сомнѣнія состоявшихъ на царскомъ жалованьи. Этотъ отрядъ, состоявшій повидимому изъ двухъ частей, называется обыкновенно: „хелеѳеи и филеѳеи", и въ составъ его какъ предполагаютъ, входили иностранцы [1]). Если это предположеніе и справедливо, то на рѣшеніе Давида составить отрядъ сво-

---

[1]) 2 Цар. 20, 24, 26.

[2]) 1 Пар. 27, 32–34; 2 Цар. 16, 23; 1 Пар. 12, 27.

[3]) 2 Цар. 15, 18. О названіяхъ отряда פלתי и כרתי и объ его назначеніи существуютъ разныя мнѣнія. Одни, вмѣстѣ съ Гезеніусомъ, на основаніи словопроизводства считаютъ хелеѳееевъ и фелеѳееевъ „палачами и скороходами". Но изъ 2 Цар. 20, 7 видно, что это былъ цѣлый отрядъ, до того значительный, что за неимѣніемъ ополченія

ихъ тѣлохранителей изъ иностранцевъ вовсе не слѣдуетъ смотрѣть какъ на признакъ его недовѣрія къ своимъ, какъ на мѣру, обличающую деспотическія наклонности царя. Мы думаемъ совершенно напротивъ: мѣра эта вызывалась именно уваженіемъ Давида къ своимъ подданнымъ—евреямъ и къ законамъ страны. Служба царскихъ тѣлохранителей была постоянная, и они не могли имѣть недвижимой собственности, требующей рукъ для обработки или времени для личнаго наблюденія и управленія ею. Это обстоятельство вѣроятно и не позволяло привлекать свободнаго еврея-собственника къ пожизненной службѣ въ царской гвардіи [1]) Начальникомъ этого войска, мы видѣли, былъ Ванея, одинъ изъ наиболѣе приближенныхъ къ Давиду сановниковъ. Кромѣ этого Давидъ впослѣдствіи нанялъ къ себѣ на службу еще 600 филистимлянъ изъ Геѳа, предводителемъ которыхъ былъ Еѳѳей, оказавшійся глубоко преданнымъ Давиду. Что касается народнаго ополченія, главной военной силы, то его душу, такъ сказать, составляла отборная дружина Давида, состоявшая вся отъ перваго до послѣдняго человѣка изъ сильныхъ и безгранично храбрыхъ людей, которые постепенно собирались вокругъ Давида въ теченіе его боевой жизни. Это герои, или богатыри Давида (гиборимъ), которые на войнѣ совершали чудеса храбрости, какъ передовые бойцы,

---

онъ посланъ былъ для подавленія Савеева мятежа. Болѣе чѣмъ странно думать, что для Давида требовалась такая масса палачей и скороходовъ. Другіе думаютъ, что этотъ отрядъ былъ составленъ изъ филистимлянъ, и въ его названіи удержано обыкновенное названіе ихъ: фелеѳеи (плети), съ присоединеніемъ названія, заимствованнаго отъ ихъ происхожденія изъ Крита—хелеѳеи (крети). Не отрицая предположенія, что этотъ отрядъ могъ быть составленъ изъ филистимлянъ, и держась высказаннаго нами взгляда на его назначеніе, мы отдаемъ предпочтеніе тому толкованію его наименованій, какое даютъ древніе переводы—халдейскій и сирскій. Здѣсь „хелеѳеи и фелеѳеи“ переводятся словами: стрѣлки и пращники Царскіе тѣлохранители должны были имѣть наилучшее вооруженіе потогдашнему. Но хорошіе стрѣлки изъ лука и пращники значили тогда тоже, что нынѣ отряды, вооруженные дальнобойнымъ огнестрѣльнымъ оружіемъ. Подробн. о хелеѳ и фелеѳ. см. у Винера, Realwörterbuch. Crethi u. Plethi.

[1]) Со стороны Саула было, можетъ быть, положительнымъ насиліемъ, когда онъ для своего постояннаго войска бралъ къ себѣ всякаго еврея, который казался ему сильнымъ. 1 Цар. 14, 52.

изъ которыхъ каждому въ случаѣ надобности можно было поручить командованіе отрядомъ. Надобно полагать, что для отдѣльныхъ частей войска, когда имъ приходилось дѣйствовать не въ одномъ пунктѣ, военачальники и выбирались изъ среды этихъ героевъ. Нѣкоторые изъ нихъ состояли начальниками частей ополченія, которыя поочередно являлись въ Іерусалимъ для срочнаго отправленія военной службы [1]). Всѣхъ ихъ было 37 [2]). Но по своему достоинству или знаменитости они раздѣлялись на нѣкоторыя группы, ясно обозначенныя при перечисленіи ихъ именъ [3]). Было трое самыхъ знаменитыхъ, съ которыми уже никто не равнялся; затѣмъ еще трое, которые хотя и уступали первымъ троимъ, но превосходили всѣхъ остальныхъ; наконецъ 30 (круглое число вмѣсто 31) героевъ, которые, будучи ниже упомянутыхъ шести, стояли тѣмъ не менѣе почетнымъ особнякомъ въ ряду всѣхъ остальныхъ бойцовъ въ войскѣ израильскомъ. Лѣтописецъ, нарочито перечисляетъ подвиги знаменитѣйшихъ изъ нихъ, при чемъ указываетъ и степени почета, которымъ они пользовались. Первымъ стоитъ Исбосеѳъ „главный изъ трехъ, который поднялъ копье на 800 человѣкъ и поразилъ въ одинъ разъ За нимъ Елеазаръ, въ сраженіи съ филистимлянами поражавшій ихъ до того, что „рука его утомилась и прилипла къ мечу“. Третій Шамма, удержавшій евреевъ, обратившихся было въ бѣгство отъ филистимлянъ, выдержавшій напоръ послѣднихъ, чѣмъ и доставилъ своимъ побѣду. Эти трое также, во время войны съ филистимлянами, когда войско Давида стояло въ выжидательномъ бездѣйствіи близь пещеры Одолламской, пробились сквозь лагерь филистимлянъ, стоявшій у Виѳлеема, и принесли Давиду чистой воды изъ источника, въ которой вѣроятно нуждалось войско еврейское. (Давидъ великодушно отказался пить эту, столь дорогую воду). Авесса, братъ Іоава, принадлежалъ къ другимъ троимъ и былъ главнымъ между ними; но съ первыми троими не равнялся. Онъ убилъ копьемъ своимъ 300 человѣкъ. (Давидъ посылалъ его въ качествѣ

---

[1]) 1 Пар. 27, 5. 9.
[2]) 2 Цар. 23, 39.
[3]) 2 Цар. 23, 8–39.

самостоятельнаго военачальника противъ идумеевъ). Въ одномъ разрядѣ съ нимъ стоялъ Ванея, извѣстный начальникъ тѣлохранителей. Онъ поразилъ въ поединкѣ двухъ воиновъ—братьевъ, моавитянъ, и убилъ зимою въ ямѣ льва. Онъ убилъ еще, вооруженный одною палкою египтянина, у котораго въ рукахъ было копье. „Онъ былъ знатнѣе тридцати, говоритъ лѣтописецъ, но съ тѣми тремя не равнялся". Третій изъ втораго разряда почему-то не названъ. Вѣроятно это былъ Іоавъ, оба брата котораго были въ числѣ героевъ и который самъ былъ несомнѣнно храбрымъ воиномъ. Можетъ быть онъ пропущенъ потому, что запятналъ себя не разъ низкимъ убійствомъ знатныхъ евреевъ, которыхъ считалъ своими личными врагами. Наконецъ перечисляются уже только имена остальныхъ 30 героевъ, въ числѣ которыхъ были и иноплеменники, напр. Урія хеттеянинъ, Целекъ аммонитянинъ [1]). Въ народномъ ополченіи Давидъ ввелъ такой распорядокъ, что при всякомъ случаѣ, кромѣ отряда наемныхъ войскъ, онъ могъ располагать частію арміи, готовой выступить въ походъ. Все ополченіе состояло изъ 288000 человѣкъ; 24000 изъ нихъ каждый мѣсяцъ должны были являться въ Іерусалимъ по очереди для отбыванія дѣйствительной службы. Здѣсь, если не встрѣчалась надобность послать ихъ въ дѣло, они могли поддерживать навыкъ владѣть оружіемъ, съ которымъ не обращались въ теченіе 11 мѣсяцевъ мирныхъ домашнихъ занятій. Такимъ образомъ военная сила Давида составляла средину между постоянной арміей и ополченіемъ собственно: ополченцы имѣли навыкъ къ военному дѣлу и были лучшими воинами, чѣмъ ратники, не имѣвшіе никогда въ рукахъ другаго орудія, кромѣ плуга и заступа; съ другой же стороны, употребляя на дѣйствительную службу только мѣсяцъ въ году (при ограниченномъ пространствѣ Палестины это не представляло никакого затрудненія), они продолжали свои мирныя занятія, не бросали хозяйствъ. Сборъ ополченія, распредѣленіе и командованіе имъ на полѣ битвы облегчались

[1]) Эти 30 героевъ причислялись повидимому тоже къ разряду царскихъ тѣлохранителей, потому что писатель книги Паралип. мыслитъ Ванею начальниковъ надъ ними. 1 Пар. 27, 6.

строгимъ раздѣленіемъ его на части и назначеніемъ для каждой части постоянныхъ главныхъ и второстепенныхъ начальниковъ. Каждая група въ 24000 имѣла главнаго начальника, соотвѣтствовавшаго корпусному командиру, съ подчиненными ему начальниками частей. Такъ надъ группою перваго мѣсяца, сказано, начальствовалъ Іашовамъ и былъ главнымъ надъ всѣми военачальниками въ первый мѣсяцъ [1]). Насколько высоко было положеніе главныхъ начальниковъ группъ, видно изъ того, что надъ одною изъ нихъ начальствовалъ Ванея, принадлежавшій къ числу высшихъ сановниковъ государства. Надъ всѣмъ ополченіемъ принималъ начальство или самъ царь, или Іоавъ.

„И царствовалъ, сказано, Давидъ надъ всѣмъ Израилемъ, и творилъ Давидъ судъ и правду надъ всѣмъ народомъ своимъ“ [2]). Власть Давида простиралась одинаково на всѣ колѣна, составлявшія искони отдѣльныя единицы націи, никогда вполнѣ не сливавшіяся. Обстоятельства принудили ихъ признать надъ собою одну верховную власть, которая при Саулѣ дала имъ почувствовать деспотизмъ и обидное предпочтеніе интересовъ одного колѣна, родственнаго царю. Давидъ, установивъ центральное правительство для обще-государственныхъ отправленій власти, оставилъ неприкосновенною особность колѣнъ въ тѣхъ патріархальныхъ учрежденіяхъ и обычаяхъ, которые не стояли въ разрѣзъ съ отправленіями центральной власти. Князья и старѣйшины сохранили свой мѣстный авторитетъ и во всѣхъ важныхъ случаяхъ являлись представителями народныхъ желаній. Давидъ обращался съ ними деликатно, спрашивая ихъ совѣта, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда предпринималъ какое-нибудь нововведеніе. Напр., рѣшившись величайшую святыню еврейскаго народа, ковчегъ завѣта, перенести въ свой городъ, онъ сказалъ „всему собранію израильтянъ: если угодно вамъ и если на то будетъ воля Божія, пошлемъ повсюду къ братіямъ нашимъ, чтобы они собрались.... и перенесемъ къ себѣ ковчегъ Бога нашего“ [3]). Здѣсь подъ собраніемъ израильтянъ, къ которому Давидъ обращался съ рѣчью,

[1]) 1 Пар. 27, 2—15.
[2]) 2 Цар. 8, 15.
[3]) 1 Пар. 13, 2. 3.

разумѣется не масса собраннаго на площади простого іерусалимскаго народа, который въ данномъ случаѣ не имѣлъ никакого значенія, а представители колѣнъ и родовъ, бывшіе въ то время въ Іерусалимѣ и, можетъ быть, нарочито собранные для этого. Ихъ именно согласіемъ Давидъ желалъ заручиться и чрезъ нихъ уже расположить и привлечь къ участію въ дѣлѣ весь народъ. Но Давидъ въ то же время ограничилъ ихъ значеніе, создавъ весьма видныхъ представителей власти, каковыми въ особенности были 12 военачальниковъ всенароднаго ополченія. Давидъ назначилъ этихъ военачальниковъ по собственному усмотрѣнію, изъ людей, извѣстныхъ своими способностями, и въ число ихъ не попалъ ни одинъ князь колѣна [1]). Такимъ образомъ военная, т. е., самая существенная тогда сила въ государствѣ, была всецѣло въ рукахъ царя. Съ другой стороны и въ отправленіи правосудія каждое колѣно уже не могло замыкаться въ себѣ, какъ прежде,—явилась высшая инстанція въ лицѣ царя, къ которому могъ идти всякій, не нашедшій справедливости у мѣстныхъ властей. „Творилъ, сказано, Давидъ судъ и правду надъ всѣмъ народомъ своимъ“. Ничѣмъ нельзя было легче побѣдить недовѣріе въ народѣ, еще не привыкшемъ къ царской власти, какъ безпристрастіемъ и наблюденіемъ строгой справедливости. Давидъ и старался быть безпристрастнымъ и справедливымъ. Ни откуда не видно, чтобы онъ подобно Саулу оказывалъ явное предпочтеніе своему колѣну. Ни въ числѣ его героевъ, ни въ числѣ 12 военачальниковъ и вообще приближенныхъ Давида іудеи не составляли преобладающаго большинства. Здѣсь были люди чуть ли не всѣхъ колѣнъ и даже не мало веніаминянъ, менѣе всѣхъ имѣвшихъ право на благоволеніе Давида. Что же касается правосудія собственно, то Давидъ обратилъ на него серьезное вниманіе. Къ нему приходили люди изъ всѣхъ городовъ земли искать справедливости [2]). Но одинъ царь своими личными силами, понятно, не могъ удовлетворить всѣмъ потребностямъ праваго суда

[1]) 27, 2—15 и 16—22.

[2]) 2 Цар. 15, 2.

въ обширномъ государствѣ; до него могли доходить только рѣдкія, исключительныя дѣла. Да и этихъ послѣднихъ могло накопляться столько, что рѣшать ихъ всѣ не было физической возможности. Чтобы поднять отправленіе правосудія дѣйствительнымъ образомъ во всей странѣ, нужно было произвести нѣкоторое усовершенствованіе въ существовавшихъ до сихъ поръ судебныхъ учрежденіяхъ. Такъ какъ по закону Моисееву народъ самъ избиралъ судей изъ своей среды, и главнымъ качествомъ судьи должна была быть честность и безпристрастіе [1]); то въ составъ судей могли попадать люди, не обладавшіе достаточными свѣдѣніями въ законѣ и не умѣвшіе писать. Законъ, какъ бы предвидя это, предписалъ судьямъ въ затруднительныхъ обстоятельствахъ обращаться къ левитамъ за помощью; при чемъ изъ текста видно, что левитовъ-судей можно было найти только тамъ, гдѣ находилась скинія [2]). Но участіе левитовъ въ судопроизводствѣ не было регламентировано опредѣленнымъ порядкомъ, предоставлено было случаю. Отъ этого могли происходить безпорядки; а современемъ обращеніе за помощью къ левитамъ могло и совсѣмъ выйти изъ практики (частію по неудобству всегда идти въ мѣсто нахожденія скиніи). Между тѣмъ осложнившіяся житейскія отношенія потребовали въ отправленіяхъ суда не только дѣятельнаго участія свѣдущихъ въ законѣ левитовъ, но и помощи письмоводства. Поэтому Давидъ, поступая въ общемъ согласно постановленію закона Моисеева, имѣя въ виду безпрепятственное выполненіе этого постановленія, а также новыя, усложнившіяся потребности судопроизводства, въ дополненіе къ выборнымъ судьямъ изъ простыхъ гражданъ назначилъ 6000 судей и писцовъ изъ левитовъ [3]), при чемъ для удобства сношенія съ ними онъ распредѣлилъ ихъ по разнымъ областямъ, своего царства [4])... Возвратимся теперь къ послѣдовательному изложенію событій Давидова царствованія.

---

[1]) Втор. 16, 18. 19.
[2]) Втор. 17, 8—10.
[3]) 1 Пар. 23, 4.
[4]) 26, 29—32.

Въ періодъ затишья предъ войною съ аммонитянами среди заботъ о внутреннемъ благоустройствѣ Давидъ обратилъ вниманіе и на участь потомковъ своего предшественника, Саула [1]). Изъ прямыхъ и законныхъ потомковъ Саула оставались теперь повидимому только Мемфивосѳей сынъ Іонаѳана, малолѣтній сынъ Мемфимосѳея, Миха. Остальные извѣстные потомки Саула были его побочные сыновья (отъ наложницы) и сыновья Мелхолы отъ Адріэла [2]). Давидъ не считалъ себя обязаннымъ заботиться объ участи тѣхъ и другихъ; онъ желалъ главнымъ образомъ почтить память своего друга Іонаѳана и былъ радъ, когда ему сказали о существованіи его сына и внука. Мемфивосѳей былъ искалеченъ еще въ дѣтствѣ нянькою во время поспѣшнаго бѣгства послѣ несчастной Гелвуйской битвы и остался хромымъ во всю жизнь. По смерти Іевосѳея Мемфивосѳей продолжалъ жить за Іорданомъ, не осмѣливаясь явиться въ Гиву и вступить во владѣніе своимъ наслѣдственнымъ недвижимымъ имуществомъ. Онъ нашелъ пріютъ у одного богатаго за-іорданскаго жителя, нѣкоего Махира изъ Лодевара, въ обширномъ хозяйствѣ котораго Мемфивосѳей кормился трудами рабовъ своихъ. Хотя, можетъ быть, его положеніе и не было бѣдственнымъ, однако никакимъ образомъ его нельзя было назвать обезпеченнымъ и достойнымъ потомка еврейскаго царя. Давидъ немедленно пригласилъ его къ своему двору, обласкалъ его и включилъ въ число приближенныхъ лицъ, ѣвшихъ хлѣбъ за царскимъ столомъ. При этомъ онъ утвердилъ его права на его наслѣдственную собственность въ колѣнѣ Веніаминовомъ и приказалъ его домоправителю, Сивѣ обработывать землю своего господина, чтобы послѣдній получалъ съ нея доходы. Предположеніе Альма, что Давидъ, приближая къ себѣ Мемфивосѳея, только желалъ сдѣлать его безвреднымъ, имѣлъ въ виду отнять у него возможность затѣять какую-нибудь интригу[3]),—лишено всякаго основанія; потому что Давидъ былъ уже слишкомъ силенъ, чтобы бояться потомковъ Саула, и Іерусалимъ сталъ цент-

[1]) 2 Цар. гл. 9.

[2]) 21, 8. Этому мѣсту противорѣчатъ 3, 15 и 1 Цар. 18, 19. Это противорѣчіе устраняютъ предположеніемъ, что бездѣтная Мелхола усыновила себѣ дѣтей своей сестры, Меровы.

[3]) Указ. соч. т. 1, стр. 398.

ромъ такого нравственнаго и матеріальнаго могущества, что заговоръ въ какой-нибудь провинціи никакимъ образомъ не могъ разчитывать на успѣхъ. Скорѣе наоборотъ: заговорщикъ въ Іерусалимѣ былъ гораздо опаснѣе для Давида, какъ это и показала исторія. Притомъ предположеніе Альма неосновательно и съ его собственной точки зрѣнія на личность Давида: если бы Давидъ былъ на самомъ дѣлѣ такимъ чудовищемъ, какимъ представляетъ его Альмъ, то ему не было бы надобности прибѣгать къ такимъ деликатнымъ мѣрамъ по отношенію къ своему сопернику,—онъ устранилъ бы его гораздо проще и надежнѣе, поручивъ кому-нибудь доставить въ Іерусалимъ только голову Мемфивосѳея [1]).

Мирная и спокойная жизнь Давида, наступившая послѣ вышеописанныхъ многочисленныхъ войнъ, совершенно неожиданно была нарушена новою упорною и продолжительною войною. Всѣ окрестные народы послѣ извѣстныхъ побѣдъ Давида трепетали предъ его могуществомъ. Но въ этомъ страхѣ и оказался зародышъ непримиримой вражды къ евреямъ и причина рѣшительной попытки разбить ненавистное могущество. Поводъ къ войнѣ былъ повидимому случайный; но видъ, какой она приняла, указываетъ на вышеобъясненную и глубокую причину ея. Умеръ царь аммонитскій Наасъ, и его мѣсто занялъ сынъ его, Аннонъ. Къ отцу Аннона Давидъ питалъ дружественное расположеніе съ тѣхъ поръ, какъ Наасъ оказалъ ему какое-то благодѣяніе во время бѣгства отъ Саула. Желая показать Аннону, что благодѣяніе его отца не забыто, и не безъ основанія предполагая, что молодой царь чувствуетъ себя еще несовсѣмъ ловко въ виду неизвѣстности, какъ отнесутся къ нему сильные сосѣди, Давидъ поспѣшилъ отправить къ нему пословъ съ увѣ-

---

[1]) По мнѣнію Эйзенлора Давидъ по отношенію къ Мемфивосѳею поступилъ совершенно обратно тому, какъ поступали обыкновенно цари на востокѣ съ представителями свергнутаго царскаго дома. Указ. соч. стр 244. Эвальдъ разсуждаетъ такъ: Давидъ сдѣлался царемъ не вслѣдствіе заговора, измѣны или честолюбивой борьбы, а только въ силу своего высокаго достоинства (Hoheit) и почти противъ воли, по высшей необходимости,—не уничтожая предшествовавшій царскій домъ, но стараясь поддержать оставшихся членовъ его. Указ. соч. стр. 83.

реніями въ своемъ благорасположеніи. Но онъ жестоко ошибся на этотъ разъ въ своихъ предположеніяхъ. Страхъ предъ Давидомъ и ненависть къ евреямъ умѣрялись и сдерживались у аммонитянъ, пока былъ живъ старикъ Наасъ [1]). Но лишь только воцарился молодой Аннонъ, вельможи аммонитскіе круто повернули политику, подчинили своему вліянію царя, составили планъ коалиціи противъ Давида изъ народовъ, имъ утѣсненныхъ, и искали повода, который бы сдѣлалъ войну неизбѣжною. Этотъ поводъ представился въ посольствѣ Давида. Когда послы Давида явились въ Равваѳъ Аммонскій (столица царства), вельможи убѣдили царя, что это не друзья, а соглядатаи, что они посланы подъ благовиднымъ предлогомъ собрать нужныя свѣдѣнія для Давида, замышляющаго покорить царство аммонитское. Сердце молодого властелина расходилось, и онъ, нисколько не думая о возможныхъ послѣдствіяхъ своего поступка, употребилъ всю силу воображенія на то, чтобы изобрѣсти самое жестокое оскорбленіе воображаемымъ врагамъ. И дѣйствительно онъ придумалъ нѣчто такое, позорнѣе чего для пословъ могущественнаго царя и вообразить трудно: онъ обрилъ посламъ половину бороды и одежду ихъ обрѣзалъ до чреслъ, и въ такомъ видѣ отпустилъ. Легко вообразить, какую жалкую картину изображали изъ себя послы Давида, проходя аммонитскую землю и часть еврейской до Іерихона. Не было никакой возможности скрыть безобразіе. Какую нравственную пытку должны были вытерпѣть почтенные и сановные восточные люди, почитавшіе бороду красотой мужа и длинную одежду—неотъемлемымъ условіемъ приличія! Давидъ, предувѣдомленный объ этомъ, не желалъ продолжить ихъ пытку путешествіемъ до Іерусалима и приказалъ имъ остаться въ Іерихонѣ до тѣхъ поръ, пока не подростутъ бороды. Его собственный гнѣвъ на аммонитянъ долженъ былъ быть ужасенъ, потому что въ лицѣ пословъ онъ былъ оскорбленъ самъ и вся еврейская

---

[1]) Изъ 2 Цар. 8, 12 не слѣдуетъ заключать, что Давидъ уже воевалъ разъ съ аммонитянами при жизни Нааса; потому что въ 11 и 12 ст. вообще перечисляются дары Давида сиріи, между которыми упомянута кстати и добыча, полученная позднѣе отъ аммонитянъ.

нація. Аммонитяне приготовились къ борьбѣ, въ которой надѣялись сокрушить могущество евреевъ,—иначе они и не вызвали бы ея. Сами будучи весьма воинственными и довольно сильными, они наняли еще болѣе 30,000 войска изъ сосѣднихъ земель, жители которыхъ охотно шли на службу къ аммонитянамъ, способнымъ, какъ имъ казалось, одолѣть общаго врага, Давидъ поспѣшно послалъ противъ нихъ Іоава съ тѣмъ войскомъ, которое было всегда подъ рукой, чтобы не дать врагу времени приготовиться къ борьбѣ окончательно и наилучшимъ образомъ. Іоавъ нашелъ непріятельскую армію раздѣленною на двѣ части: наемныя войска стояли въ открытомъ полѣ, а сами аммонитяне держались вблизи города. Нападать всѣми силами на одну изъ частей было невозможно, потому что или другая часть могла ударить въ тылъ или же подвергшаяся нападенію армія, утомивъ евреевъ сопротивленіемъ, могла отступить къ другой арміи и получить поддержку въ ея свѣжихъ силахъ. Іоавъ рѣшился на смѣлый планъ—напасть на обѣ арміи разомъ, но такъ, чтобы его собственная армія не распадалась на два отряда, лишенные взаимной поддержки, арміи же противниковъ были бы совершенно разъединены. Для этого онъ неустрашимо вдвинулся въ пространство, раздѣлявшее непріятельскія арміи, одну часть своего войска поставилъ фронтомъ къ аммонитянамъ и поручилъ командованіе ею своему брату Авессѣ, а другую—къ союзникамъ ихъ, предводительствуя ею самъ лично, при чемъ уговорился съ братомъ взаимно помогать, смотря по ходу битвы. Выгоды такого положенія были тѣ, что обѣ непріятельскія арміи могли быть атакуемы одновременно, и такимъ образомъ ни одна изъ нихъ не могла служить резервомъ для другой. Чтобы подать помощь другъ другу, отряды ихъ должны были дѣлать обходное движеніе, на что потребовалось бы не мало времени; тогда какъ части еврейскаго войска, находясь въ ближайшемъ другъ къ другу разстояніи, могли въ случаѣ надобности быстро передвигать задніе отряды отъ одной къ другой по прямой линіи. Поэтому Іоавъ и говорилъ Авессѣ: „если сирійцы будутъ одолѣвать меня, ты поможешь мнѣ; а если аммонитяне тебя будутъ одолѣвать, я прійду къ тебѣ на помощь“. Здѣсь представлялась только одна опас-

ность: если бы обѣ непріятельскія арміи одновременно стали одерживать верхъ надъ евреями. Но противъ этой случайности Іоавъ принялъ мѣры, совершенно устранявшія ее. Онъ, сказано, „избралъ себѣ воиновъ изъ всѣхъ отборныхъ въ Израилѣ и выстроилъ ихъ противъ сирійцевъ". Съ этою лучшею частію войска, въ которой безъ сомнѣнія подвизались богатыри Давида, Іоавъ могъ навѣрняка разсчитывать быстро одержать верхъ надъ сирійцами, можетъ быть менѣе воинственными, чѣмъ аммонитяне, и благовременно подать помощь частію свободныхъ силъ Авессѣ противъ аммонитянъ. Авесса же вѣроятно на первыхъ порахъ долженъ былъ дѣлать только угрожающія демонстраціи, въ сущности же держаться оборонительнаго положенія, чтобы сберечь силы для рѣшительнаго натиска въ минуту, когда помощь отъ Іоава сдѣлается несомнѣнною. Исходъ битвы оправдалъ геніальный планъ Іоава: сирійцы не выдержали и обратились въ бѣгство; аммонитяне же, не успѣвъ во время одолѣть Авессу и увидавъ силы Іоава свободными и готовыми кинуться на нихъ же, поспѣшно отступили въ городъ и заперлись. Такимъ образомъ первый ударъ врагамъ былъ нанесенъ, и тотъ пылъ, съ которымъ они вступили въ борьбу, былъ значительно охлажденъ. Но война съ аммонитянами не могла этимъ кончиться, потому что они слишкомъ мало еще были наказаны, чтобы получить достойное возмездіе за свою дерзость. Слѣдовало довести дѣло до конца—раздавить этотъ народъ такъ, чтобы онъ сдѣлался совершенно безвреднымъ для евреевъ. Такъ какъ для этого пришлось бы брать укрѣпленный городъ, войска же у Іоава было недостаточно, да оно, вѣроятно, не имѣло и надлежащихъ приготовленій къ тому, то Іоавъ возвратился въ Іерусалимъ, оставивъ аммонитянъ на время въ покоѣ. Послѣдніе однако не остались одинокими въ предстоявшей борьбѣ. Большая часть ихъ разбитаго наемнаго войска состояла изъ сиріянъ, которые пришли такою массою (20000) къ аммонитянамъ очевидно не столько потому, что имѣли получить за это плату, сколько потому, что пораженіе евреевъ входило въ ихъ политическіе разсчеты. Теперь, когда аммонитяне потерпѣли неудачу, сиріяне рѣшились бороться съ Давидомъ уже не въ качествѣ наем-

никовъ, а всѣми своими силами въ качествѣ союзниковъ. Адраазаръ, царь Сувы, наиболѣе значительнаго сирійскаго государства на Евфратѣ, разъ уже потерпѣвшій пораженіе отъ Давида, пригласилъ къ участію другихъ сирійскихъ же царей, находившихся въ зависимости отъ него (2 Цар. 10, 16. 19), собралъ большое войско и двинулъ его къ Эламу [1]) для борьбы съ евреями. Давидъ, понимая опасность отъ такого усложненія войны съ аммонитянами, призвалъ къ оружію все народное ополченіе, устремился на сиріянъ и поразилъ ихъ наголову. 40000 всадниковъ легли на мѣстѣ, и 700 боевыхъ колесницъ Давидъ разрушилъ. Подвластные Адраазару цари поспѣшили заключить миръ съ Давидомъ, а Адраазаръ оставилъ послѣ этого аммонитянъ самимъ себѣ. Аммонитяне, виновники войны, повидимому возлагавшіе всю надежду на союзниковъ, сидѣли смирно, не предпринимая наступленія на евреевъ. Они теперь сдѣлались вдвойнѣ ненавистны евреямъ—за оскорбленіе пословъ и за то, что возстановили противъ нихъ сиріянъ. Поэтому Давидъ, какъ только наступило время года, удобное для военныхъ дѣйствій, послалъ противъ нихъ Іоава съ многочисленнымъ войскомъ. Іоавъ поразилъ ихъ въ открытомъ полѣ, разорилъ ихъ землю, и когда они скрылись въ укрѣпленной столицѣ, то онъ осадилъ городъ съ рѣшительнымъ намѣреніемъ взять его. Іоавъ довелъ осажденныхъ до крайности, перехвативъ воду, протекавшую въ городъ [2]). Тогда, желая доставить торжество взятія города царю, онъ извѣстилъ Давида и пригласилъ его явиться съ свѣжимъ войскомъ. Давидъ пришелъ и взялъ городъ. Въ знакъ власти надъ

---

[1]) Мѣстность неизвѣстная. Keil. Comment. Philippson. Israel. Bibel. I. Флавій, описывая это происшествіе, говоритъ о Халамѣ, царѣ за-евфратскихъ сиріянъ Antiqu. L. VII. c. 6. 3. Въ 1 кн. Парал. гл. 19 въ ст. 16, параллельномъ 2 Цар. 10, 16, слово „Эламъ“ совсѣмъ опущено, а въ ст. 17, параллельномъ тоже 17-му, вмѣсто הֲלָאמָה стоитъ אֲלֵיהֶם—къ нимъ. Такимъ образомъ даже лексическое значеніе слова „Эламъ“ сомнительно.

[2]) 2 Цар. 11, 1; 12, 27. 1 Пар. 20, 1. Равваѳъ Аммонскій стоялъ на одномъ изъ ручьевъ, образующихъ своимъ соединеніемъ потокъ Іавокъ.

покореннымъ царемъ аммонитскимъ онъ взялъ его золотой съ драгоцѣннымъ камнемъ вѣнецъ и возложилъ на свою голову. Лѣтопись не говоритъ о томъ, что сталось съ самимъ Аннономъ. Но его подданные, вѣроятно знатные и вліятельные, болѣе виновные, чѣмъ самъ онъ, понесли жестокое наказаніе. Всѣ, казавшіеся наиболѣе виновными въ Равваѳѣ и въ другихъ городахъ, преданы были мучительной смерти: иные были распилены пилами, другіе раздавлены желѣзными молотилками, третьи брошены въ обжигательныя печи, прочіе просто обезглавлены топорами... Даже тѣ историки, которые считаютъ долгомъ сказать что-либо для смягченія вины Давида въ тѣхъ случаяхъ, когда вина его безспорна, находятъ эту казнь аммонитянъ слишкомъ жестокою [1]). Большею частію здѣсь указываютъ на то, что жестокія казни были дѣломъ обычнымъ въ древности и что аммонитяне въ нѣкоторомъ родѣ заслуживали такой казни, такъ какъ сами отличались крайнею жестокостію, какъ показываетъ безчеловѣчное условіе, предложенное ими жителямъ Іависа Галаадскаго, и то, что они по словамъ пр. Амоса растерзывали беременныхъ женщинъ въ Галаадѣ [2]). Кажется, что впечатлѣніе крайней жестокости казни аммонитянъ получается главнымъ образомъ отъ того, что были употреблены слишкомъ простыя, первобытныя орудія казни. На образованнаго читателя всегда почему-то производитъ болѣе сильное впечатлѣніе описаніе убійства, произведеннаго обухомъ топора, цѣпомъ или коломъ, чѣмъ лишеніе жиз-

---

[1]) Напр., Гессъ, указ. соч. стр 504. Онъ даже не рѣшился повторить то, что говорится въ Библіи о казни аммонитянъ „чтобы пощадить читателя“; но чтобы послѣдній не подумалъ о какихъ-нибудь искусственныхъ орудіяхъ истязанія, прибавляетъ, что орудіями этими были частію земледѣльческіе инструменты, частію приспособленія при служеніи Молоху, котораго аммонитяне почитали. Замѣтивъ при этомъ, что Давидъ и другіе цари Израиля не опозорили себя изобрѣтеніемъ искусственныхъ видовъ смерти съ продолжительными мученіями, Гессъ отказывается однако оправдывать поступокъ съ аммонитянами.

[2]) 1 Цар. 11, 2. Амосъ 1, 13. По поводу наказаній побѣжденныхъ Эвальдъ замѣчаетъ, что Давидъ дѣлалъ „только то, чего требовали нравы и обычаи“ Указ. соч. стр. 81. См. также: Генгстенбергъ, указ. соч. стр. 119; Куртцъ, въ Real-Encyklop. von Herzog, Art. David.

ни „благороднымъ“ кинжаломъ или огнестрѣльнымъ оружіемъ. Если бы въ древнее время техника такъ же процвѣтала, какъ нынѣ; и если бы она столь же усердно, какъ и нынѣ, была приложена къ изысканію способовъ лишать человѣка жизни; то аммонитяне вѣроятно умерли бы изящнѣе,—сложили бы свои головы на какой-нибудь гильотинѣ, и вѣроятно меньше бы раздавалось жалобъ на жестокость Давида. Что же касается нравовъ и обычаевъ древности, которые въ данномъ случаѣ конечно нельзя не принять въ соображеніе, то вотъ ихъ образчикъ добытый новѣйшею ассиріологіею. Жестокость ассиріянъ не знала никакихъ предѣловъ и выше всякаго описанія, и этой жестокостью они какъ бы хвалились. Царь Ассурбанипалъ съ какимъ-то наслажденіемъ передаетъ потомству свои подвиги въ этомъ отношеніи. „Я воздвигъ, говоритъ онъ, стѣну передъ главными воротами города, я велѣлъ содрать кожу съ вождей возстанія и обтянуть стѣну ихъ кожею; нѣкоторыя были замуравлены въ самой стѣнѣ, другіе распяты на стѣнѣ или посажены на колья вдоль стѣны. Со многихъ кожа была содрана въ моемъ присутствіи... Я велѣлъ сложить вѣнки изъ ихъ головъ и гирлянды изъ ихъ пронзенныхъ труповъ. Я взялъ много плѣнниковъ; однимъ я отрубилъ руки и ноги, другимъ носы и уши, инымъ велѣлъ выколоть глаза“. Кромѣ этого изъ головъ воздвигались пирамиды передъ царскимъ дворцомъ; плѣнниковъ замуравливали въ стѣны самаго дворца [1])... Смѣло можемъ сказать что предъ этой изступленной жестокостью, предъ этимъ плотояднымъ пиромъ лютаго звѣря, въ образѣ человѣка казнь надъ аммонитянами, совершенная Давидомъ, блѣднѣетъ. И вообще всѣ народы древности безъ исключенія обращались жестоко съ побѣжденными. Не говоря уже о хананеяхъ и родственныхъ имъ карѳагенянахъ, мидяне, персы, греки (не исключая и аѳинянъ) римляне соперничали другъ съ другомъ въ жестокостяхъ по отношенію къ плѣнникамъ [2]).

---

[1]) „Древности вавилоно-ассирійскія по новѣйшимъ открытіямъ“ Астафьева. Вѣстн. Европы. 1881. Май. стр. 57.

[2]) Jahn. Archäologie. Thl. 2 B. 2. § 244. Von der Strenge des Iten Kriegsrechtes.

Что же касается народовъ, такъ или иначе извѣстныхъ евреямъ, то у нихъ самымъ обычнымъ дѣломъ послѣ побѣды было избіеніе дѣтей и растерзаніе беременныхъ женщинъ, чтобы вырвать и уничтожить плодъ [1]). Могли ли евреи, не нанося ущерба собственной безопасности, не поощряя къ дерзости даже слабыхъ враговъ своихъ, отвѣчать гуманностію на жестокость ихъ? Если и нынѣ самые просвѣщенные народы не стыдятся прибѣгать къ самымъ низкимъ средствамъ, чтобы нанести вредъ другому народу; то чего же требовать отъ евреевъ въ то время, когда и самый законъ гласилъ: око за око, зубъ за зубъ? Въ данномъ случаѣ не нужно забывать и того происшествія, которое послужило поводомъ къ войнѣ. Происшествіе это, мы видѣли, было самаго раздражающаго свойства. Аммонитяне, скажемъ примѣнительно къ словамъ одного ученаго, сдѣлали то же самое, какъ если бы нынѣ полномочнаго посла великой державы одѣли въ арестантское платье, посадили на позорную колесницу и съ барабаннымъ боемъ выпроводили за границу [2]). Намъ кажется, что, если бы самъ Давидъ и не пожелалъ жестоко обойтись съ аммонитянами (предположеніе не невѣроятное) [3]), то онъ не могъ бы поступить согласно съ своимъ расположеніемъ въ виду раздраженія опозоренныхъ пословъ, ихъ знатныхъ родственниковъ и друзей и, можетъ быть, всего народа. Война, какъ война, не могла служить возмездіемъ для аммонитянъ, потому что отъ войны терпѣли и евреи; лишеніе независимости—тоже, потому что сильный народъ лишалъ независимости другой народъ часто ради одного расширенія своихъ владѣній. Если бы аммонитяне просто прогнали пословъ Давидовыхъ, а не дали воли своему воображенію, чтобы опозорить ихъ самымъ нестерпимымъ образомъ; то и евреи при наказаніи ихъ,

---

[1]) 4 Цар. 8, 12. Иса. 13, 17. 18. Осіи 10, 14; 14, 1. Ам. 1, 13.

[2]) Jahn. Указ. соч. стр. 504.

[3]) Личный гнѣвъ Давида могъ быть удовлетворенъ побѣдою надъ аммонитянами и лишеніемъ ихъ политической независимости; а тотъ фактъ, что аммонитянинъ Сови обнаружилъ благорасположеніе къ Давиду во время бѣгства его отъ Авессалома, какъ будто показываетъ, что лично противъ Давида аммонитяне не помнили зла. 2 Цар. 17, 27 - 29.

можетъ быть, ограничились бы простымъ лишеніемъ жизни, не прибѣгая ни къ пилѣ, ни къ огню. Достойна замѣчанія попытка, сдѣланная еще въ началѣ 18-го столѣтія [1]) и повторенная недавно Гретцемъ—совсѣмъ отвергнуть фактъ жестокой казни аммонитянъ [2]). Пользуясь несомнѣнною темнотою еврейскаго текста въ данномъ мѣстѣ и возможностью сообщить ему желательный смыслъ, утверждаютъ, что Давидъ только принудилъ аммонитянъ, какъ покоренный народъ, работать на побѣдителей, подобно другимъ древнимъ побѣдителямъ, изнурявшимъ плѣнниковъ-рабовъ тяжкими работами. Не отрицая возможности жестокой казни, выпавшей на долю аммонитянъ, сдѣлавшихъ все, чтобы раздражить евреевъ до крайности, мы тѣмъ не менѣе не можемъ отказать въ значеніи и вышеизложенной догадкѣ, потому что она имѣетъ за себя общій характеръ поступковъ Давида, въ которыхъ было и то, и другое, и третье, но всего меньше жестокости. Казнь аммонитянъ по своему характеру является слишкомъ исключительнымъ фактомъ въ исторіи Давида... Какъ бы то ни было, сила аммонитянъ была

---

[1]) Joh. Andr. Danz. Davidis in Ammonitas devictos mitigata crudelitas. Jena. 1710.

[2]) Указ. соч. т. 1, стр. 255. Гретцъ находитъ невѣроятнымъ жестокое обращеніе Давида съ аммонитянами и утверждаетъ, что 31 ст. 12 гл. 2 Цар. переводится неправильно, и его изъясненіе in malam partem несогласно съ текстомъ. „מַלְבֵּן (по мазоретскому чтенію), говоритъ онъ, значитъ не обжигательная печь, а кирпичи; слѣдовательно הֶעֱבִיר אוֹתָם בַּמַּלְבֵּן не значитъ: бросилъ ихъ въ обжигательныя печи, а значитъ: принудилъ работать кирпичи (собственно приставилъ къ кирпичамъ); יָשַׂם בַּמַּגֵּרָה, и проч., не значитъ: положилъ ихъ подъ пилы, подъ желѣзныя молотилки, подъ желѣзные топоры, а значитъ: заставилъ ихъ обтесывать желѣзными инструментами камни". Вообще это мѣсто очень трудное для перевода. Кейль, который стоитъ за обыкновенный переводъ, сознается, что слово יָשַׂם въ кн. Цар. не даетъ подходящаго смысла, и отдаетъ предпочтеніе слову יָשַׁר въ кн. Пар. Но и послѣднее слово по своему первоначальному и обыкновенному значенію столь же далеко отъ того смысла, какой ему здѣсь усвояется, какъ и первое.

сломлена, оскорбленіе національному чувству евреевъ отомщено, и Давидъ съ богатою добычею возвратился домой [1]).

Послѣ перваго періода царствованія Давида, продолжавшагося не менѣе 20-ти лѣтъ, періода быстраго возвышенія его силы и славы, періода многочисленныхъ счастливыхъ войнъ съ окрестными народами и полезной правительственной дѣятельности внутри, наступила темная и тревожная пора, когда со всею своею неизбѣжностію обнаружилось вліяніе того порядка вещей, который незамѣтно возникъ вмѣстѣ съ блескомъ и могуществомъ царскаго трона. Жизнь еврейскаго царя не могла всецѣло сложиться по тому образцу, который былъ начертанъ Моисеемъ въ законѣ; готовыя соблазнительныя формы царскаго быта у языческихъ народовъ мало-по-малу привились и получили право гражданства при дворѣ еврейскаго царя. Мы уже видѣли, что многоженство, это отрицаніе самаго основанія семейной жизни, быстро и неудержимо развивалось вмѣстѣ съ возвышеніемъ престола царя [2]). Вмѣстѣ съ нимъ безъ сомнѣнія усвоялись и другія

---

[1]) 1 Пар. 20, 2.

[2]) Должно замѣтить впрочемъ, что Давидъ въ этомъ отношеніи былъ еще далекъ отъ крайности, хотя и былъ однимъ изъ могущественнѣшихъ царей того времени; онъ, какъ можно догадываться, уступалъ въ этомъ отношеніи даже своему обездоленному внуку Ровоаму у котораго было 18 женъ и 60 наложницъ. 2 Пар. 11, 21. Нельзя не замѣтить также, что тамъ, гдѣ многоженство не достигало крайностей, оно въ основѣ своей имѣло не столько чувственность, сколько ложное, несвоевременное, запоздалое проявленіе инстинкта родоваго быта. Въ чистомъ родовомъ быту сила рода естественно измѣрялась количествомъ его членовъ. Отсюда стремленіе къ размноженію рода. Поэтому восточный человѣкъ, въ которомъ живетъ инстинктъ рода, свое житейское благополучіе полагаетъ не въ одномъ обиліи женъ, но и въ многочисленности сыновей (послѣдняго обстоятельства чистая чувственность чуждается). Съ измѣненіемъ быта стремленіе къ многосыновству осталось. Потерявъ (но не вдругъ) свое практическое значеніе, оно пріобрѣло идеальное значеніе: фамиліи гордились по старой привычкѣ одна передъ другой своею многочисленностію, какъ бы нѣкоторою привиллегіей. При возникшей неравномѣрности средствъ къ жизни многосыновство стало привиллегіею богатыхъ; потому что только они могли содержать многихъ женъ и наложницъ и прокормить многочисленную семью. Родъ же царя долженъ былъ превосходить блескомъ всѣ роды, семья царя должна была превосходить многочислен-

принадлежности пышной жизни, ласкавшія тѣло и разслаблявшія духъ. Послѣдствія всего этого были самыя печальныя даже для лучшаго изъ царей еврейскихъ. Предъ войною съ аммонитянами былъ довольно продолжительный періодъ покоя. Хотя отдыхъ и былъ необходимъ для Давида, и онъ употребилъ досугъ мирнаго времени на внутреннее благоустройство; однако съ другой стороны продолжительное отсутствіе напряженной, тревожной дѣятельности, безпрепятственное наслажденіе властію и могуществомъ, роскошь и нѣга повседневной жизни произвели разслабляющее дѣйствіе на крѣпкій духъ Давида и толкнули его на стезю одного самаго обычнаго порока восточныхъ властелиновъ. Войны хотя и не могли бы совершенно заглушить грѣховныя наклонности Давида, обусловливавшіяся отчасти его пылкою натурою, однако они, дѣйствуя отрезвляющимъ образомъ на духъ, подавляя вліяніе спокойной нѣги и пресыщенія, не дали бы развиться страсти до крайнихъ предѣловъ. Генгстенбергъ, съ благоговѣніемъ относящійся къ личности Давида, пытается напротивъ указать причину паденія Давида именно въ войнѣ. „Счастіе, говоритъ онъ, уже само по себѣ трудно переносится, въ особенности же военное счастіе. Сердце слишкомъ легко ожесточается (verwildert), само вовлекается въ связь съ поражаемымъ зломъ“ [1]). Это объясненіе довольно натянуто и едвали вѣрно. Можно думать, что бла-

---

ностію всѣ семьи. Вотъ какимъ образомъ могло выйти, что царь самымъ положеніемъ своимъ какъ бы обязывался къ многоженству (2 Цар. 5, 12. 13). Это было что-то въ родѣ моды, или вѣрнѣе—сила господствующихъ понятій, которой люди подчиняются. Эхо родоваго инстинкта слышится даже теперь у людей, жизнь которыхъ устроена на самоновѣйшихъ европейскихъ началахъ. Нерѣдко молодые супруги обнаруживаютъ живую радость при рожденіи первенца-сына и унынie—при рожденіи дочери. Они не могутъ даже дать себѣ отчета, почему радуются или унываютъ. При современныхъ условіяхъ быта эта радость и унынie просто смѣшны, и ихъ можно объяснить только живучестью родоваго инстинкта. Какова же должна была быть его сила тогда, когда въ жизни людей еще на половину царили формы родоваго быта?.. Этимъ, впрочемъ, не отрицается мысль, что въ развитіи многоженства на востокѣ имѣла большое значеніе и чувственность.

[1]) Указ. соч стр: 125.

говѣйное чувство уважаемаго ученаго заставляло его искать причину паденія Давида въ томъ, чему онъ долженъ былъ подвергаться противъ воли, въ условіяхъ жизни, не имъ созданныхъ, чѣмъ, конечно, снималась бы нѣкоторая доля вины съ Давида... Когда Іоавъ осаждалъ Равваѳъ Аммонскій, Давидъ, остававшійся въ Іерусалимѣ, впалъ въ тяжкій грѣхъ, послѣдствія котораго онъ чувствовалъ на себѣ во всю свою остальную жизнь. Съ безпримѣрной простотой и откровенной обстоятельностью разсказываетъ объ этомъ свящ. писатель. Однажды, насладившись послѣобѣденнымъ сномъ, Давидъ вышелъ подышать прохладою вечера на плоскую крышу своего дворца. Должно быть, ни одна тяжелая дума не омрачала въ эти минуты его духъ; онъ испытывалъ одно ощущеніе благополучной жизни и думалъ о возможныхъ удовольствіяхъ (можетъ быть и невинныхъ), которыми было бы хорошо наполнить минуты счастливаго покоя. Вдругъ онъ видитъ на одномъ изъ сосѣднихъ дворовъ или садовъ купающуюся красивую женщину. Не нужно судить о жителяхъ юга по хладнокровнымъ жителямъ сѣвера, на которыхъ подобное зрѣлище большею частію не производитъ никакого впечатлѣнія. Притомъ же тамъ, гдѣ воцарилось многоженство, остается смутное представленіе о цѣломудріи; нравственная любовь къ женщинѣ, основаніе супружеской вѣрности, почти исчезаетъ; остается одна физическая любовь, которая возбуждается при видѣ всякой красивой женщины. Прибавимъ къ этому въ данномъ случаѣ отсутствіе преградъ для удовлетворенія страсти или по крйнней мѣрѣ легкость къ ихъ устраненію для могущественнаго человѣка... И вотъ нравственное паденіе Давида уже совершилось. Тотчасъ наводится справка, и оказывается, что соблазнившая царя женщина была Вирсавія, жена Уріи хеттеянина, одного изъ 30-ти героевъ Давида[1]). Знатное происхожденіе и почтенное общественное положеніе женщины, дѣлавшія даже не безопаснымъ посягательство на нее, не отрезвили царя: „Давидъ, сказано, послалъ слугъ взять ее, и она пришла

[1]) Если Еліамъ 2 Цар. 11, 3 и 23, 34 одно и тоже лицо, то Вирсавія была дочь тоже одного изъ 30 героевъ и внучка Ахитофела, знаменитаго совѣтника Давидова.

къ нему“ [1]). Урія былъ на войнѣ вмѣстѣ съ Іоавомъ. Это обстоятельство, повидимому благопріятствовавшее благополучному совершенію дѣянія, на самомъ дѣлѣ оказалось гибельнымъ: женщина зачала. Не говоря уже объ обыкновенныхъ послѣдствіяхъ этого обстоятельства, ей въ концѣ концовъ грозило побіеніе камнями [2]). Но она не желала безмолвно погибнуть, спасая честь главнаго виновника происшествія, и смѣло дала знать Давиду о своемъ положеніи. Давидъ понялъ изъ этого, что если дойдетъ дѣло до суда, то женщина не скроетъ его соучастія, и рѣшился отвратить непріятность хитростію. Онъ немедленно приказалъ Іоаву прислать Урію въ Іерусалимъ будто бы для донесенія ему о ходѣ войны. Урія явился, представилъ требуемое донесеніе, и царь съ притворнымъ благоволеніемъ разрѣшилъ ему не спѣшить обратно, а провести ночь дома. Въ домъ къ нему было отправлено даже царское кушанье. Но Урія оказался на этотъ разъ страннымъ человѣкомъ: онъ домой не пошелъ, а легъ спать у воротъ дворца вмѣстѣ съ царскими стражниками. Такое презрѣніе царской милости должно бы было глубоко оскорбить Давида въ другое время; но на этотъ разъ онъ

---

[1]) Не имѣя намѣренія черное дѣлать бѣлымъ и обратно, не можемъ всетаки не замѣтить одного страннаго обстоятельства: какъ могла женщина не обратить вниманія на ту случайность, что мѣсто ея домашняго уединенія оставалось открытымъ со стороны высокой террасы царскаго дворца? (Мы находимъ черезчуръ рискованнымъ предположеніе нѣкоторыхъ, что Давидъ имѣлъ въ рукахъ instrumentum opticum, ein Fern-Glass—зрительную трубу. Ramdach. Collegium historiae ecclesiasticae Vet. Testamenti. 1737. Thl. 2. s. 269). Трудно, конечно, отсюда сдѣлать какое-либо опредѣленное заключеніе по отсутствію надлежащихъ свѣдѣній о явленіяхъ повседневной жизни и нравахъ того времени. Но если св. Амвросій Медіоланскій нашелъ возможнымъ сопоставить Вирсавію съ Ѳамарью, (невѣсткою Іуды) безъ всякаго, впрочемъ, намѣренія обвинить въ чемъ-либо первую (Apologia David altera. Cap. VI. 33. Migne), дѣйствія же Ѳамари заключали въ себѣ преднамѣренность (Быт. 38, 14); то можетъ быть и Вирсавія не была чужда преднамѣренности. Эвальдъ предполагаетъ, что Вирсавія могла и не прійти къ Давиду, хотя о внутреннемъ ея расположеніи и не дѣлаетъ никакихъ догадокъ. Указ. соч. стр. 211. Reuss прямо и, кажется, ужь черезчуръ смѣло обвиняетъ Вирсавію въ преднамѣренности. Указ. соч. стр. 358.

[2]) Лев. 20, 10.

долженъ былъ скрыть свое неудовольствіе и съ грѣховною кротостію спросилъ на утро Урію: „вотъ ты пришелъ съ дороги, отчего же ты не пошелъ въ домъ свой“? Суровый воинъ отвѣчалъ: „ковчегъ Божій и Израиль, и Іуда находятся въ шатрахъ, и господинъ мой Іоавъ и рабы господина моего пребываютъ въ полѣ, а я вошелъ бы въ домъ мой ѣсть и пить и спать съ женою своею! Клянусь твоею жизнію и жизнію души твоей,—я этого не сдѣлаю“. Эта рѣчь, свидѣтельствовавшая о безграничномъ патріотизмѣ, служебной преданности и военной выдержкѣ говорившаго, должна была понравиться царю въ другое время. Но теперь царь, обуреваемый грѣховными помыслами, думалъ не о томъ, чтобы поддержать это настроеніе воина, а о томъ, чтобы разрушить его, и рѣшился испытать послѣднее средство: онъ оставилъ Урію еще на день въ Іерусалимѣ, пригласилъ его къ своему столу—„и ѣлъ, сказано, Урія предъ нимъ и пилъ, и напоилъ его Давидъ“. Но спать домой Урія опять не пошелъ. Это разрушило въ конецъ планъ Давида и сильно раздражило его. Нельзя сказать, чтобы всѣ средства уладить дѣло безъ кроваваго насилія были истощены; можно было еще придумать и другое, и третье. Но Урія зло насмѣялся надъ лучшимъ и простѣйшимъ планомъ Давида; еще изворачиваться, заискивать и унижаться Давидъ не хотѣлъ болѣе,—не хватало терпѣнія. Притомъ же у него могло явиться подозрѣніе, что Урія не безъ задней мысли упорствуетъ, что онъ едвали не догадывается, въ чемъ дѣло [1]). Выведенный изъ терпѣнія подозрительнымъ поведеніемъ Уріи и раздражаемый страхомъ возможныхъ послѣдствій, Давидъ рѣшился разомъ покончить несносное дѣло, вычеркнувъ изъ списка живыхъ столь неумѣстно обнаружившаго служебную преданность воина [2]). И вотъ Урія везетъ письмо

---

[1]) Нѣкоторые и предполагаютъ, что Урія узналъ или догадывался о происшедшемъ въ его отсутствіе. Rambach. Указ. соч. стр. 270. Hess. Указ. соч. стр. 482.

[2]) Эйзенлоръ говоритъ, что Давидъ усиливался прикрыть свой грѣхъ потому, что чувствовалъ необходимымъ поддержать доброе мнѣніе народа о себѣ. Указ. соч. стр. 270. Можетъ быть. Однако подъ вліяніемъ такой мысли онъ вѣроятно дѣйствовалъ бы хладнокровнѣе и

къ Іоаву такого содержанія: „поставьте Урію тамъ, гдѣ будетъ самое сильное сраженіе и отступите отъ него, чтобы онъ былъ пораженъ и умеръ". Іоавъ, готовый сдѣлать для царя все, чего бы онъ ни потребовалъ, кромѣ сложенія власти главнокомандующаго, въ точности исполнилъ предписаніе. „Какъ долженъ былъ обрадоваться Іоавъ, говоритъ Генгстенбергъ, когда Давидъ снизошелъ до его собственной низости! Конечно никогда онъ не исполнялъ порученіе царя съ такимъ удовольствіемъ" [1]). Но смерть Уріи, очевидно, обошлась не дешево войску Іоава. Нужно было произвести нападеніе съ вѣрнымъ разсчетомъ, что оно будетъ неудачно; а чтобы комедія имѣла видъ дѣйствительности, нужно было послать съ Уріею значительный отрядъ. Если въ письмѣ Давида сказано: отступите отъ Уріи, чтобы онъ былъ пораженъ и умеръ, то это не значило, что всѣ окружавшіе его воины должны были отступить, оставивъ одного Урію, потому что Іоавъ никого не могъ сдѣлать участникомъ преступной тайны. Отступить подъ благовиднымъ предлогомъ, не возбуждая подозрѣнія, могъ только резервъ атаки; вся же передовая колонна съ Уріею должна была погибнуть. Такъ и случилось. Іоавъ зналъ, что потеря людей произведетъ дурное впечатлѣніе на Давида. Скрывать истину не входило въ его разсчетъ; напротивъ, обладая тайною Давида и нисколько не боясь отвѣтственности, онъ желалъ показалъ во всемъ свѣтѣ послѣдствія затѣи Давида, чтобы сильнѣе поразить его и тѣмъ упрочить свое вліяніе на него. А для того, чтобы всетаки получилось хорошее впечатлѣніе и даже благодарность, онъ приказалъ посланному съ донесеніемъ сообщить сначала царю о потеряхъ, и когда царь разсердится и успѣетъ вылить свой гнѣвъ въ грозной рѣчи, заключить донесеніе извѣстіемъ: „умеръ также и рабъ твой, Урія хеттеянинъ". Случилось все такъ какъ разсчиталъ Іоавъ. Лишь только посланный сообщилъ Давиду о неудачномъ дѣлѣ

едвали для поддержанія своей чести рѣшился бы на послѣдній поступокъ съ Уріею, котораго послѣдствія могли быть очень сомнительны. Намъ кажется, что въ послѣднемъ случаѣ Давидъ дѣйствовалъ не по хладнокровнымъ соображеніямъ, а подъ вліяніемъ сильнаго раздраженія.

[1]) Указ. соч. стр. 125.

и о потеряхъ, какъ онъ разразился сильными упреками: „зачѣмъ вы близко подходили къ городу сражаться? Развѣ вы не знали, что васъ будутъ поражать со стѣны? Кто убилъ Авимелеха, сына Іероваалова? Не женщина ли бросила на него со стѣны обломокъ жернова, и онъ умеръ въ Тевецѣ? Зачѣмъ вы близко подходили къ стѣнѣ“? Посланный, не отвѣчая на эти грозные вопросы, кратко повторилъ разсказъ о ходѣ неудачнаго дѣла (точно намѣренно раздражалъ царя) и прибавилъ въ заключеніе: „умеръ также и рабъ твой, Урія хеттеянинъ“. Гнѣвъ Давида мгновенно упалъ; его замѣнила неожиданная, грѣховно-неестественная кротость: „такъ скажи Іоаву, говорилъ онъ: пусть не смущаетъ тебя это дѣло; ибо мечъ поядаетъ иногда того, иногда сего; усиль войну противъ города и разрушь его. Такъ ободри его“. Какое удивительное превращеніе справедливо негодующаго грознаго царя въ охваченнаго тайной радостью заговорщика, когда ему донесли, что его преступный замыселъ удался!.. Глубоко было паденіе Давида, и въ настоящую минуту онъ не могъ не сознавать этого мучительно. Тѣмъ не менѣе нельзя было отказаться отъ всего,—даже преступленіе налагаетъ иногда обязанности. Для беременной вдовы не было другаго исхода, какъ выйти замужъ за виновника, и Давидъ сдѣлалъ ее своею женою. Однако преступленіе Давида, какъ ни тщательно скрывалось, не осталось тайною. Даже простые смертные вѣроятно подозрѣвали его. Могло ли оно укрыться отъ прозорливости пророковъ? Царь такъ глубоко палъ, что нуждался въ помощи для своего возстанія; онъ былъ, не смотря на временныя увлеченія, такимъ хорошимъ человѣкомъ, что заслуживалъ помощи. Богъ послалъ къ нему пророка Наѳана, который прежде всего заставилъ Давида въ качествѣ судьи произнести приговоръ надъ самимъ собою. Пророки, имѣвшіе свободный доступъ къ религіозному царю, вѣроятно нерѣдко являлись предъ нимъ въ качествѣ защитниковъ угнетенныхъ, не имѣвшихъ возможности или несмѣвшихъ лично предстaвить жалобу царю. Поэтому притчу Наѳана Давидъ принялъ сначала за дѣйствительность. „Въ одномъ городѣ, сказалъ Наѳанъ, были два человѣка,—одинъ богатый, а другой бѣдный. У богатаго было очень много мелкаго и крупнаго скота; а у бѣднаго ниче-

го, кромѣ одной овечки, которую онъ купилъ маленькую и выкормилъ, и она выросла у него вмѣстѣ съ дѣтьми его. Отъ хлѣба его она ѣла и изъ чаши его пила, и на груди у него спала, и была для него какъ дочь. И пришелъ къ богатому человѣку странникъ, и тотъ пожалѣлъ взять изъ своихъ овецъ или воловъ, чтобы приготовить обѣдъ для странника, который пришелъ къ нему, а взялъ овечку бѣдняка и приготовилъ ее для человѣка, который пришелъ къ нему". Сильно разгнѣвался Давидъ на этого человѣка и сказалъ Наѳану: „живъ Господь! достоинъ смерти человѣкъ, сдѣлавшій это. И за овечку онъ долженъ заплатить вчетверо, за то, что онъ сдѣлалъ это и за то, что не имѣлъ состраданія". Тогда Наѳанъ съ авторитетомъ Самуила, съ силою и смѣлостію Иліи прямо обличилъ царя и изрекъ Божій судъ надъ нимъ: „ты тотъ человѣкъ, который сдѣлалъ это. Такъ говоритъ Господь Богъ Израилевъ: Я помазалъ тебя въ царя надъ Израилемъ, и Я избавилъ тебя отъ руки Саула, и далъ тебѣ домъ господина твоего и женъ господина твоего на лоно твое [1]), и далъ тебѣ домъ Израилевъ и домъ Іудинъ. И если этого для тебя мало, прибавилъ бы тебѣ еще больше. Зачѣмъ же ты пренебрегъ слово Господа, сдѣлавъ злое предъ очами Его. Урію хеттеянина ты поразилъ мечемъ; жену его взялъ себѣ въ жену, а его ты убилъ мечемъ аммонитянъ. Итакъ не отступитъ мечъ отъ дома твоего во вѣки, за, то что ты принебрегъ Меня и взялъ жену Уріи хеттеянина, чтобы она была тебѣ женою. Такъ говоритъ Господь: вотъ Я воздвигну на тебя зло изъ дома твоего и возьму женъ твоихъ предъ глазами твоими и отдамъ ближнему твоему, и будетъ онъ спать съ женами твоими предъ этимъ

---

[1]) Вѣроятно Давидъ взялъ къ себѣ нѣкоторыхъ наложницъ Саула, послѣ того, какъ его господство распространилось на сѣверныя колѣна (2 Цар. 5, 13—выраженіе: „изъ Іерусалима" здѣсь нужно понимать: будучи въ Іерусалимѣ) въ знакъ наслѣдованія власти. Буддей полагаетъ, что здѣсь разумѣются не жены Саула въ собственномъ смыслѣ, а вообще женщины, принадлежавшія къ фамиліи Саула, которыхъ Давидъ могъ взять себѣ въ жены по праву, если бы захотѣлъ. Historia eccles. Veter. Testamenti. Edit. 4. 1752. Tom. 2, p. 134. Очень вѣроятно также, что выраженіе: далъ тебѣ домъ господина твоего и женъ господина твоего на лоно твое—служило только обычною тогда формою выраженія общей мысли о наслѣдованіи власти, о полномъ обладаніи.

солнцемъ. Ты сдѣлалъ тайно, а Я сдѣлаю это предъ всѣмъ Израилемъ и предъ солнцемъ".—„Согрѣшилъ я предъ Господомъ!"—вотъ все, что Давидъ сказалъ на это, что могъ и что долженъ былъ сказать. Ни оправданій, ни мольбы о помилованіи... Къ чему? Грѣхъ такъ ясенъ, такъ безмѣрно тяжекъ. Человѣческій судъ бросилъ бы въ него камень, и бросаетъ. Современные намъ саддукеи, не признающіе ни ангела, ни духа, ни души человѣческой, забросали его грязью; потому что, потерявъ живое сознаніе своей грѣховности, имѣя механическое воззрѣніе на нравственную природу человѣка, они считаютъ себя праведниками, коль скоро ихъ жизнь не представляетъ тѣхъ уклоненій, которыхъ бываетъ чуждо и хорошо дисциплинированное животное, безпощадны въ своихъ приговорахъ о поступкахъ людей, которые поразили потомство своимъ величавымъ образомъ и которыхъ нравственный обликъ не укладывается въ сухую узкую, формулу матеріалистической нравственности, и не придаютъ раскаянію того значенія, какое оно имѣетъ въ истинно человѣческой, духовно-нравственной жизни, такъ какъ они повидимому смотрятъ только на матеріальныя послѣдствія грѣха, которыя дѣйствительно непоправимы; внутреннія же страданія согрѣшившей личности, ея духовное перерожденіе и пріобрѣтеніе новыхъ силъ къ добру, т. е., все, изъ чего слагается истинное раскаяніе, они опускаютъ изъ вниманія, потому что, по отсутствію въ нихъ самихъ живаго сознанія своей грѣховности, имъ это незнакомо. Но Богъ, какъ евангельскій отецъ, принявшій въ объятія возвратившагося къ нему съ раскаяніемъ блуднаго сына, не отвратилъ своего милосердія отъ Давида. Наѳанъ сказалъ Давиду: „и Господь снялъ съ тебя грѣхъ твой; ты не умрешь" [1]). Давиду оставлялась жизнь для покаянія, которому начало онъ положилъ, но которое должно было совершаться во всю его послѣ-

[1]) Хотя и Саулъ тоже нѣкогда сказалъ Самуилу: „согрѣшилъ я", 1 Цар. 15, 24, однако не былъ прощенъ; потому что, какъ замѣчаетъ Рамбахъ, duo cum dicunt idem. non est idem. Указ. соч. стр. 277. И дѣйствительно Саулъ началъ тотчасъ приводить ложныя оправданія и, какъ видно изъ дальнѣйшаго, готовъ былъ говорить всякія благочестивыя слова только потому, что желалъ удержать Самуила, чтобы избѣжать неловкаго положенія предъ народомъ, собравшимся торжествовать побѣду.

дующую жизнь. Выразительный памятникъ своего покаянія Давидъ оставилъ въ своемъ извѣстномъ псалмѣ (50). Своимъ искреннимъ раскаяніемъ Давидъ заслужилъ себѣ жизнь; но высшая правда, оскорбленная Давидомъ, должна была получить удовлетвореніе. Этимъ удовлетвореніемъ было допущеніе естественныхъ послѣдствій грѣха, какъ увидимъ, весьма тяжкихъ для Давида. Прежде всего дитя, родившееся отъ Вирсавіи, умерло. Богъ избавилъ это бѣдное созданіе отъ земной жизни, на самомъ происхожденіи которой лежала неизгладимая печать позора. Но грѣшный отецъ, считавшій себя виновникомъ его незаслуженныхъ страданій, пережилъ страшныя минуты. Лишь только онъ получилъ извѣстіе о болѣзни ребенка, какъ уединился и цѣлую ночь молился и плакалъ, простершись на землѣ. Въ теченіе всей 7-дневной болѣзни дитяти онъ предавался такой скорби, что когда дитя умерло, то приближенные боялись сказать ему объ этомъ, предполагая, что онъ сдѣлаетъ „что-нибудь худое“. Только когда все кончилось—ребенокъ умеръ, Давидъ безропотно покорился суду Божію и успокоился [1]). Послѣ этого жизнь Давида

---

[1]) Авторъ „Царствованія Давида“, въ Душеп. Чт. 1872 ч. 3, стр. 162, находитъ послѣднее обстоятельство необычайнымъ: „съ обыкновенными людьми, говоритъ онъ, обыкновенно бываетъ наоборотъ: скорбь не сильно тяготитъ человѣка, когда еще остается хотя малѣйшая надежда, и развивается въ полномъ объемѣ, когда несчастіе уже совершилось“. Мы, напротивъ, не находимъ здѣсь чего-либо необычайнаго. Опытъ показываетъ, что по смерти ребенка родители и родственники обыкновенно скоро успокоиваются. И это совершенно понятно. Самую большую скорбь причиняетъ болѣзнь, страданіе ребенка, этого слабаго, безпомощнаго существа, которое не подаетъ никакой надежды на выздоровленіе. Смерть ребенка, прекращающая его страданія, прекращаетъ и скорбь объ его страданіяхъ; но она не производитъ той пустоты въ нравственной жизни, какую производитъ лишеніе взрослаго дорогаго существа, потому что онъ жилъ еще такъ мало, мы еще не успѣли сростись съ нимъ нравственно, онъ еще не сдѣлался частію нашего, духовнаго существа. Совсѣмъ другое впечатлѣніе производятъ болѣзнь и смерть взрослаго близкаго человѣка. Здѣсь во время болѣзни до самаго конца держится надежда на выздоровленіе, потому что взрослые представляются довольно сильными для борьбы съ болѣзнью. Но смерть ихъ производитъ на насъ ужасное дѣйствіе. При своей жизни они такъ много занимали мѣста въ нашей душѣ, такъ срослись съ нами нравственно, что лишеніе ихъ производитъ въ на-

приняла на нѣкоторое время обычное теченіе. Непостижимымъ человѣческому уму образомъ оказалось, что странный союзъ его съ Вирсавіей явился тѣмъ самымъ, котораго какъ бы не доставало Давиду,—отъ него произошелъ знаменитый наслѣдникъ его престола, Соломонъ.

Однако вскорѣ созрѣли горькіе плоды грѣховныхъ наклонностей Давида, которыми обусловливалось вышеописанное паденіе его и изъ которыхъ вытекали нарушенія постановленій закона, опредѣлявшихъ образъ жизни еврейскаго царя. Многоженство, возникшее изъ бытоваго, такъ сказать, предразсудка, изъ ложнаго честолюбія, изъ подражанія безсмысленной пышности языческихъ царей, льстившее чувственности и убивавшее семейныя добродѣтели, и его неизбѣжное слѣдствіе—многосыновство, породили не только въ семейной жизни царя, но и въ цѣломъ государствѣ преступныя посягательства и смуты, разбивавшія сердце Давида и заставлявшія его горько оплакивать свои слабости. Праздная и чувственная жизнь, которую вели царскіе сыновья, развивала въ нихъ прихоти и сумасбродства самаго непозволительнаго характера и съ самыми печальными послѣдствіями. Старшій сынъ Давида, Амнонъ, предполагаемый наслѣдникъ престола, распалился чувственной страстію къ своей сводной сестрѣ Ѳамари, которая была родною сестрою Авессалома и, такъ же какъ онъ, весьма красива. „И скорбѣлъ, сказано, Амнонъ до того, что заболѣлъ изъ-за Ѳамари, сестры своей; ибо она была дѣвица, и Амнону казалось труднымъ что-либо сдѣлать съ нею“. Т. е., вѣроятно, по установившемуся при дворѣ обычаю дочери царя вели очень замкнутую жизнь и были совершенно лишены той свободы, которою пользовались замужнія женщины и дѣвицы простаго званія [1]). Безуміе его вѣроятно прошло бы само собою безъ всякихъ послѣдствій, если бы онъ, какъ вѣроятный наслѣд-

---

шей душѣ страшную, ничѣмъ ненаполнимую, безнадежную пустоту; мы перестаемъ понимать на болѣе или мѣнѣе продолжительное время смыслъ и цѣль своей жизни. Тяжела, конечно, для насъ и болѣзнь ихъ; но въ безконечно бо̀льшей мѣрѣ тяжела смерть и скорбь послѣ смерти. Поэтому намъ и кажется, что въ поведеніи Давида при вышеописанномъ случаѣ не было ничего необычайнаго.

[1]) Суд· 13, 9; 21, 21. 1 Цар. 25, 18. 19.

никъ престола, уже не былъ окруженъ людьми, которые смотрѣли ему въ глаза, старались подмѣтить малѣйшія его желанія и содѣйствовать исполненію всякихъ прихотей. Нашелся другъ, (Іонадавъ, двоюродный братъ Амнона) который вывѣдалъ его тайну и не постыдился оказать помощь безумствовавшему сластолюбцу. Составленъ былъ грубый, незатѣйливый планъ, въ невольные участники котораго не посовѣстились привлечь самого отца. Амнонъ притворился тяжко больнымъ; дошла вѣсть до отца, и послѣдній поспѣшилъ навѣстить мнимаго больнаго. Зная родительскую слабость Давида къ дѣтямъ вообще и особенно къ нему, первенцу, Амнонъ подъ видомъ обычнаго каприза больныхъ обратился къ отцу съ такою просьбой „пусть прійдетъ Ѳамарь, сестра моя, и испечетъ при моихъ глазахъ лепешку или двѣ, и я поѣмъ изъ рукъ ея“. Эта странная, приличная семилѣтнему ребенку просьба не поразила огорченнаго отца своимъ неестественнымъ, подозрительно-наивнымъ характеромъ. Нѣтъ ничего невѣроятнаго, что Давидъ, будучи человѣкомъ столь стараго времени, относительно больныхъ и болѣзней держался тогоже воззрѣнія, какъ и большинство людей, разсуждающихъ просто: если больной ничего не ѣстъ, то худо; а если ѣстъ, то хорошо—пусть ѣстъ какъ можно болѣе. Обманутый и ослѣпленный пристрастіемъ къ сыну отецъ отдаетъ приказаніе несчастной дочери. „И пошла, сказано, она въ домъ брата своего Амнона, а онъ лежитъ. И взяла она муки, и замѣсила, изготовила предъ глазами его и испекла лепешки“. Но безчестный больной не захотѣлъ ѣсть предложенное въ присутствіи слугъ и выслалъ всѣхъ вонъ Мало того: продолжая притворный капризъ больнаго, онъ попросилъ Ѳамарь отнести кушанье въ его внутреннюю комнату и накормить его тамъ изъ своихъ рукъ. Неосторожная Ѳамарь сдѣлала и этотъ несчастный шагъ и оказалась въ вертепѣ хищника. Обманьщикъ сбросилъ теперь съ себя маску и беззастѣнчиво выразилъ свои желанія. Испугъ, слезы и мольбы жертвы не спасли ея. Ѳамарь въ крайности пыталась даже удержать его вѣроятностью безпрепятственнаго и законнаго обращенія съ нею, какъ съ женою: „поговори съ царемъ, онъ не откажетъ отдать меня тебѣ“. Она не была сестрою Амнона по матери, и по-

тому предполагалось, что царю дозволено будетъ сдѣлать нѣкоторое отступленіе отъ закона, имѣя въ виду практику временъ патріархальныхъ (Авраамъ—Сарра, Исаакъ—Ревекка). Все напрасно. Ошибка отца и довѣрчивость ея самой поставили ее уже въ такое положеніе по отношенію къ Амнону, что голосъ разсудка былъ безсиленъ противъ страсти. „Потомъ, продолжаетъ дѣписатель, возненавидѣлъ ее Амнонъ величайшею ненавистію,, такъ что ненависть, какою онъ возненавидѣлъ ее, была сильнѣе любви, какую имѣлъ къ ней. И сказалъ ей Амнонъ: встань и уйди“! Дѣло естественное: Амнонъ не имѣлъ любви къ ней въ собственномъ смыслѣ, а только физическое вожделѣніе, по насыщеніи котораго Ѳамарь не только перестала быть дорогою для него, но и стала живымъ укоромъ совершеннаго безумія, обличителемъ и, такъ сказать, поличнымъ преступленія, могущаго повлечь за собою тяжкую отвѣтственность. Когда же, Ѳамарь, подавленная горемъ и отчаяніемъ, не хотѣла идти со своимъ стыдомъ домой и рѣшилась лучше похоронить его тамъ, гдѣ погибла ея честь; то Амнонъ велѣлъ слугамъ прогнать ее и запереть за нею дверь. Со всѣми признаками глубочайшаго горя—съ разодранной одеждой, съ пепломъ на головѣ, положивъ руки на голову, она шла къ своему дому и, „вопила“. Какъ только Авессаломъ увидалъ ее въ этомъ видѣ, то тотчасъ спросилъ: „не Амнонъ ли, братъ твой, былъ съ тобою“? Видно, Амнонъ давно уже сдѣлалъ себѣ репутацію, такъ что одинъ видъ выходящей отъ него дѣвицы въ слезахъ говорилъ каждому ясно, что́ случилось.

Печальное событіе, обязанное своимъ происхожденіемъ ненормальному семейному и придворному быту, возникшему въ противность божественному закону, съ неумолимою логикою стало развивать изъ себя другія событія въ томъ же родѣ. Авессаломъ заставилъ сестру свою молчать, чтобы не подвергать дѣло широкой огласкѣ, а самъ затаилъ въ сердцѣ своемъ месть. Онъ ждалъ можетъ быть, что́ сдѣлаетъ по этому случаю отецъ. Давидъ, понятно, сильно разгнѣвался, когда услыхалъ о происшествіи; но по родительской слабости, а можетъ быть и стыдясь карать сына за то, въ чемъ самъ былъ повиненъ, онъ не рѣшился наказать хоть какъ-нибудь своего любимца. Онъ забылъ

при этомъ поучительный примѣръ Илія, наказаннаго Богомъ за слабость, къ дѣтямъ [1]). Несчастная Ѳамарь жила затворницей, въ домѣ своего роднаго брата Авессалома. Послѣдній, видя, что Амнонъ остался ненаказаннымъ (онъ ожидалъ если не смертной казни, потому что не было очевидцевъ преступленія, то по крайней мѣрѣ изгнанія или лишенія права на престолъ), рѣшился расправиться съ нимъ самъ. Дальнѣйшая исторія обнаружила, что замыслъ Авессалома былъ шире, чѣмъ простая месть за оскорбленіе сестры,—онъ кстати задумалъ убрать съ дороги наслѣдника престола, такъ какъ за отсутствіемъ первенца, съ которымъ соперничать было трудно, выборъ наслѣдника могъ опредѣлиться и не правомъ старшинства, а другими соображеніями. Будучи необыкновенно красивымъ мужчиною, невольно привлекавшимъ на себя вниманіе, сознавая, что и онъ не менѣе любимъ отцемъ, чѣмъ Амнонъ, и можетъ быть считая себя выше другихъ дѣтей Давида, какъ сынъ не простой еврейки, а царской дочери, Авессаломъ полагалъ, что старшій послѣ Амнона Далуіа не будетъ опаснымъ соперникомъ ему. Два года Авессаломъ скрывалъ искусно свою ненависть къ Амнону и свой планъ. Онъ обходился съ Амнономъ такъ, какъ будто ничего не произошло. Чтобы успѣшнѣе выполнить задуманное, чтобы не дать мѣста подозрѣнію, дѣйствительно нужно было выждать, пока впечатлѣніе, произведенное несчастіемъ Ѳамари, изгладится. Авессаломъ притворялся равнодушнымъ къ судьбѣ своей сестры; можетъ быть онъ и дѣйствительно былъ таковымъ, когда въ его головѣ составился планъ воспользоваться несчастіемъ сестры, какъ средствомъ расчистить себѣ дорогу къ престолу. Все шло своимъ чередомъ. Вдругъ Авес-

---

[1]) Что же касается человѣческаго суда надъ Давидомъ, то этотъ исключительный случай никакъ нельзя подводить подъ общую мѣрку. Если уголовное законодательство установило принципъ, по которому родственники не только не могутъ быть судьями, но и освобождаются отъ обязанности свидѣтельствовать на судѣ, но на это есть серьезное и всякому понятное основаніе. Иное дѣло лицу постороннему осудить преступника по своей строгости законовъ, и иное дѣло отцу выдать своего сына въ руки палача. Осудить безъ снисхожденія Давида въ данномъ случаѣ можетъ только тотъ, кто о любви родителей къ дѣтямъ знаетъ лишь понаслышкѣ.

саломъ задумалъ торжественно отпраздновать у себя стриженіе овецъ и сталъ ориглашать отца и всѣхъ братьевъ въ свое имѣніе въ колѣнѣ Ефремовомъ. Въ этомъ ничего не было необыкновеннаго; но царь отказался отъ приглашенія подъ тѣмъ предлогомъ, что это будетъ отяготительно для средствъ Авессалома. Вѣроятно еще и не было примѣра, чтобы самъ царь посѣщалъ такіе праздники, и Авессаломъ былъ увѣренъ въ его отказѣ; но ему нужно было во что бы то ни стало залучить къ себѣ Амнона, и потому онъ намѣренно забрался выше, чтобы, получивъ одинъ отказъ, имѣть нѣкоторымъ образомъ право на вознагражденіе тѣмъ, что по крайней мѣрѣ наслѣдникъ престола замѣнитъ на его праздникѣ особу царя. Прикидываясь огорченнымъ отказамъ царя, Авессаломъ началъ упрашивать отпустить по крайней мѣрѣ Амнона вмѣстѣ съ другими братьями. Давидъ, какъ бы предчувствуя недоброе, колебался отпустить и его; но не могъ ничего возразить и принужденъ былъ отпустить. Авессаломъ устроилъ пиръ на славу. Но его слуги заранѣе получили опредѣленный наказъ насчетъ Амнона. И вотъ въ самомъ разгарѣ пиршества, когда вино отуманило головы, и всѣ беззаботно веселились, внезапно по знаку Авессалома слуги его устремляются на Амнона и умерщвляютъ его. Пораженные этимъ возмутительнымъ зрѣлищемъ и одержимые смертельнымъ страхомъ, остальные братья бросились вонъ, вскочили на своихъ муловъ и помчались въ Іерусалимъ. Но молва опередила даже скакавшихъ во весь духъ испуганныхъ царскихъ сыновей. При дворѣ распространился слухъ, что Авессаломъ избилъ всѣхъ царскихъ сыновей. Царь былъ пораженъ неописанной скорбію, а его свита подражала внѣшнимъ знакамъ его скорби. Племянникъ же Давида Іонадавъ началъ утѣшать Давида, говоря, что неправда, будто всѣ сыновья царя избиты; вѣроятно умеръ одинъ Амнонъ, такъ какъ де у Авессалома давно былъ замыслъ противъ Амнона за безчестіе Ѳамари. А когда съ сторожевой башни дали знать, что вдали, по скату горы бѣжитъ много народа, Іонадавъ съ увѣренностью началъ утверждать, что это должны быть царскіе сыновья. Это были дѣйствительно они. Они „пришли и подняли вопль и плакали. И самъ царь и слуги его пла-

кали очень великимъ плачемъ". Намъ кажется страннымъ, какимъ образомъ печальная вѣсть могла опередить въ страхѣ бѣгущихъ царскихъ сыновей, и думается, что она шла не съ мѣста происшествія, а возникла самостоятельно при дворѣ и не безъ намѣренія въ искаженномъ видѣ. Роль Іонадава, повидимому знавшаго происшествіе въ его истинномъ видѣ, подозрительна[1]). Онъ былъ нѣкогда другомъ Амнона и помогъ послѣднему овладѣть Ѳамарью. Страннымъ кажется, почему онъ, очевидно знавшій хорошо замыслъ Авессалома, не предупредилъ друга объ опасности? Іонадавъ былъ человѣкъ „очень хитрый", говоритъ дѣписатель, т. е., искусный придворный интриганъ, готовый на все, какъ это видно изъ его извѣстной услуги Амнону. Можно догадываться, что онъ, не получивъ должной благодарности отъ Амнона за свое радѣніе ему, бросилъ его и переметнулся къ Авессалому, какъ къ человѣку, громадное честолюбіе котораго было извѣстно, и который болѣе Амнона нуждался въ помощникахъ для исполненія своихъ смѣлыхъ замысловъ. Іонадавъ думалъ, что благодарность Авессалома будетъ измѣряться важностію и многочисленностью оказанныхъ ему услугъ. И вотъ, когда почти весь дворъ отправился на праздникъ къ Авессалому, Іонадавъ остался при дворѣ съ заранѣе обдуманною ролью. Въ условленное время онъ секретно распускаетъ ложный слухъ, что всѣ дѣти царя избиты. Царь приходитъ въ отчаяніе и проклинаетъ Авессалома. Но тотчасъ является утѣшитель и говоритъ: „пусть господинъ мой, царь не тревожится мыслью о томъ, будто умерли всѣ царскіе сыновья; одинъ Амнонъ умеръ за то, что обезчестилъ сестру Авессалома". Въ данную минуту и это могло уже показаться величайшимъ утѣшеніемъ для Давида: его дѣти воскресли, а мертвымъ остался только одинъ, и то потому, что въ самомъ дѣлѣ былъ преступникомъ, оставшимся до сихъ поръ ненаказаннымъ. Авессаломъ его покаралъ. Могло ли что-нибудь болѣе этого смягчить гнѣвъ Давида на Авессалома и вообще ослабить впечатлѣніе отъ несчастія? Такъ, намъ кажется, слѣдуетъ

[1]) Буддей кратко замѣчаетъ о немъ: мужъ мудрый и не бывшій въ невѣденіи о томъ, что дѣлалъ Авессаломъ. Указ. соч. стр. 138.

объяснить преждевременную вѣсть о поступкѣ Авессалома и загадочную ролъ Іонадава. Авессаломъ, конечно, не могъ теперь показаться на глаза своему отцу, ни даже остаться въ своемъ имѣніи; онъ убѣжалъ на время къ своему дѣду, царю Гессурскому. „И не сталъ, сказано, царь Давидъ преслѣдовать Авессалома; ибо утѣшился о смерти Амнона". Безъ сомнѣнія мысль о виновности Амнона много содѣствовала къ примиренію отца съ его смертію. Но неизвѣстно, что онъ предпринялъ бы, если бы гнѣвъ его не былъ ослабленъ такъ искусно въ первыя же минуты, какъ онъ узналъ о несчастіи. Прошло три года, и Давида начало тревожить то, что сынъ его живетъ въ изгнаніи. Но онъ не рѣшался сдѣлать основаніемъ его возвращенія одно свое желаніе, потому что боялся уже руководиться однимъ родительскимъ чувствомъ тамъ, гдѣ нужно дать мѣсто и холодному разсудку, который, онъ чувствовалъ это, не могъ простить Авессалому его преступленіе. Поэтому онъ ждалъ почина отъ лицъ постороннихъ, чтобы ихъ вмѣшательствомъ оправдать себя въ глазахъ свѣта и въ своихъ собственныхъ. Это замѣтилъ Іоавъ и, желая сдѣлать пріятное царю [1]), прибѣгъ къ самой простой хитрости, чтобы явилось нѣчто въ родѣ ходатайства за Авессалома отъ постороннихъ лицъ. Онъ подговорилъ одну смѣлую и находчивую женщину явиться къ царю въ качествѣ просительницы за своего сына, невольнаго убійцу, которому грозила смерть отъ неумолимыхъ мстителей крови (т. е., отъ родственниковъ убитаго), и въ разговорѣ искусно навести царя на мысль, что и ему слѣдовало бы тоже простить своего сына, преступника. Нѣкоторые находятъ рѣчь этой женщины (2 Цар. 14, 6—17) необычайно тонкой и умной и даже видятъ въ ней возвышенную идею о всепрощающемъ милосердіи Божіемъ [2]). Мы, напротивъ, не находимъ въ ней ничего замѣчательнаго и полагаемъ, что если царь терпѣливо выслушивалъ продолжительное и навязчивое разглагольствіе женщины,

---

[1]) Неизвѣстно, на какомъ основаніи Эвальдъ полагаетъ, что Іоавъ чувствовалъ расположеніе къ Авессалому. Указ. соч. стр. 221. Все дальнѣйшее говоритъ о противномъ

[2]) Гессъ. Указ. соч. стр. 517—18.

то во-первыхъ по своей необычайной снисходительности къ подданнымъ, а во-вторыхъ потому, что началъ подозрѣвать затаенный смыслъ рѣчи. Мы не думаемъ, чтобы Авессаломъ былъ обязанъ своимъ возвращеніемъ именно заступничеству Іоава и мнимому вразумленію Давида немудреною притчею женщины. Авессаломъ возвращенъ просто потому, что царь желалъ этого еще раньше заступничества Іоава по своей излишней родительской слабости, за которую онъ уже поплатился и имѣлъ поплатиться еще болѣе. Какъ бы то ни было, царь былъ доволенъ постороннимъ заступничествомъ и послалъ самого Іоава въ Гессуръ за Авессаломомъ. Однако неудовлетворенное чувство правды еще громко говорило въ Давидѣ, и онъ, дозволивъ Авессалому возвратиться, медлилъ простить его и запретилъ видѣться съ собою. Такъ прошло два года. Не нужно думать, что это было очень легкое наказаніе. Ссылка, изгнаніе—не легкія наказанія; но переносить опальное положеніе въ изгнаніи гораздо легче, чѣмъ при дворѣ. При дворѣ нельзя привыкнуть къ своему положенію, нельзя забыться ни на одну минуту,—ежедневный обычный строй придворной жизни постоянно напоминаетъ опальному объ его приниженномъ положеніи. Отношеніе окружающихъ лицъ становится двусмысленнымъ и раздражающимъ. Нестерпимо лицу, пользовавшемуся недавно высокимъ и безспорнымъ почетомъ видѣть на однихъ лицахъ нескрываемое злорадство, на другихъ, смотря по мѣсту встрѣчи, или притворное равнодушіе, или искреннее, но выражаемое какъ бы украдкой сочувствіе... Тяжело было честолюбивому Авессалому жить въ такомъ положеніи, и по прошествіи двухъ лѣтъ онъ рѣшился во что бы то ни стало добиться формальнаго примиренія. Полагая, что всемогущій Іоавъ дружески расположенъ къ нему, онъ послалъ къ нему приглашеніе. Но Авессаломъ ошибся,—Іоавъ разъ хлопоталъ за него вовсе не изъ личнаго расположенія къ нему, а изъ желанія сдѣлать пріятное царю и теперь, не видя на лицѣ царя ни малѣйшаго признака скуки объ Авессаломѣ, вовсе не думалъ о томъ, чтобы расточать предъ Авессаломомъ свои услуги. Авессаломъ повторилъ приглашеніе; Іоавъ всетаки не явился. Тогда Авессаломъ прибѣгъ къ самому энергическому средству обра-

тить на себя вниманіе Іоава и залучить его къ себѣ: онъ велѣлъ слугамъ своимъ выжечь поле Іоава, засѣянное ячменемъ. Слуги Іоава съ плачемъ возвѣстили ему, что сдѣлали съ его полемъ слуги Авессалома. Іоавъ увидалъ, что отъ такого отчаяннаго человѣка нельзя отдѣлаться просто, и пришелъ къ нему. Авессаломъ рѣзкимъ тономъ потребовалъ, чтобы Іоавъ шелъ къ царю и доложилъ, что онъ, Авессаломъ, не можетъ болѣе выносить своего положенія, и согласенъ лучше умереть. Іоавъ, не считая теперь нужнымъ прибѣгать къ какимъ-либо предосторожностямъ, чтобы обезпечить Авессалому прощеніе, а желая только отдѣлаться отъ неукротимаго просителя, просто передалъ Давиду слова Авессалома. Тѣмъ не менѣе Давидъ позвалъ къ себѣ Авессалома и помирился съ нимъ.

Надежды Авессалома на наслѣдованіе славнаго отцовскаго престола снова зацвѣли. Но его нетерпѣливое честолюбіе возбуждало въ немъ и опасенія, какъ бы обстоятельства, если не наложитъ на нихъ свою руку, не вытолкнули его изъ колеи, ведущей къ престолу. Онъ видѣлъ, что тамъ, гдѣ нѣтъ закона о престолонаслѣдованіи, тронъ обыкновенно достается смѣлому да счастливому. Онъ видѣлъ также, что его отецъ проживетъ еще лѣтъ 10 и можетъ быть болѣе; а между тѣмъ подросталъ новый отцовскій любимецъ, Соломонъ, окруженный какими-то особенными попеченіями царя, пользовавшійся вниманіемъ пророка Наоана, которому повидимому ввѣрено было и его воспитаніе[1]). Имѣя въ виду все это, Авессаломъ рѣшилъ не оставаться бездѣятельнымъ, а работать для себя и въ случаѣ надобности не отступить отъ борьбы и насилія. Онъ обладалъ необыкновенно счастливой и бросающейся въ глаза наружностью: „отъ подошвы ногъ до верха головы его не было у него недостатка“, замѣчаетъ дѣписатель. Особенно поражали всѣхъ его роскошные волосы, которые онъ стригъ каждый годъ и обрѣзки которыхъ вѣсили 200 сиклей[2]).

---

[1]) 2 Цар. 12, 25. וישלח ביד נתן הנביא. *Καὶ ἀπέστειλεν ἐν χειρὶ Ναθὰν τοῦ προφήτου.* Отдалъ на руки (поручилъ) пророку Наѳану.

[2]) 14, 26. „Количество необычайное, которое по меньшей мѣрѣ составляетъ отъ двухъ до трехъ фунтовъ“, замѣчаетъ Филаретъ. Указ. соч. стр. 249. Впрочемъ вѣсъ упоминаемаго здѣсь царскаго сикля опредѣляется только предположительно.

Обаяніе физической красоты въ древности было еще сильнѣе, чѣмъ нынѣ, и Авессалому не трудно было сдѣлаться любимцемъ народа, воля котораго оставалась и теперь всемогущею при утвержденіи царя на царствѣ. Чтобы производить большее впечатлѣніе, Авессаломъ во-первыхъ окружилъ себя роскошью—завелъ у себя колесницы, лошадей и 50 скороходовъ. Торжественно разъѣзжая по Іерусалиму и вѣроятно дѣлая прогулки чрезъ колѣно Веніаминово до колѣна Ефремова, гдѣ у него было имѣніе, онъ поражалъ толпу своимъ величественнымъ видомъ, достойнымъ царя. Мало того, онъ затѣялъ положительную интригу противъ отца. Онъ вставалъ рано по утрамъ, когда еще весь дворъ безпечно почивалъ, выходилъ къ городскимъ воротамъ, любезно заговаривалъ со всѣми озабоченными, шедшими къ царю судиться, разспрашивалъ, кто и откуда, и прозрачно намекалъ, что у царя дурные порядки, что къ нему труденъ доступъ для ищущихъ его суда. „Вотъ если бы меня поставили судьею въ этой землѣ, говорилъ онъ, тогда ко мнѣ приходилъ бы всякій, кто имѣетъ споръ и тяжбу, и я судилъ бы его по правдѣ“. И ему вѣрили и думали: смотрите, вотъ царь спитъ, а онъ ужъ на ногахъ и сейчасъ же дѣло рѣшилъ бы. Вотъ былъ бы хорошій царь!... А чтобы еще больше показать разницу между этикетомъ царя, требовавшимъ почтительнаго поклоненія ему, и своимъ мнимымъ народолюбіемъ и простотой, онъ не позволялъ кланяться въ землю ему и желавшихъ сдѣлать это удерживалъ рукою, обнималъ и цѣловалъ. „Такъ поступалъ, сказано, Авессаломъ со всякимъ израильтяниномъ, приходившимъ на судъ къ царю, и вкрадывался Авессаломъ въ сердца израильтянъ“. Давидъ очевидно не придавалъ поступкамъ Авессалома надлежащаго значенія и не принялъ никакихъ мѣръ противъ подозрительнаго поведенія сына, полагая, что онъ не настолько развращенъ, чтобы поднять руку даже на отца. Можетъ быть и въ самомъ дѣлѣ интрига Авессалома не имѣла бы кровавыхъ послѣдствій,—самъ Авессаломъ не рѣшился бы открыто и съ насиліемъ свергнуть съ престола отца, если бы не нашлись люди, которые воспользовались имъ какъ орудіемъ своихъ собственныхъ плановъ и соблазнили его на отчаянное предпріятіе. Недовольныхъ царемъ, какъ бы хорошъ онъ ни былъ, всегда

бываетъ много. Но ихъ количество безмѣрно выростаетъ, когда царь дозволитъ себѣ какую-нибудь вопіющую несправедливость. Такимъ несчастнымъ обстоятельствомъ для Давида была сожалѣнія достойная исторія съ Вирсавіей. Нѣтъ сомнѣнія, что между знатными и вліятельными людьми, и именно между героями Давида, къ числу которыхъ принадлежалъ Урія, образовалась значительная партія недовольныхъ, возмущенныхъ поступкомъ царя съ ихъ боевымъ товарищемъ. Но душой партіи недовольныхъ былъ Ахитофелъ, совѣтникъ царя, и ему слѣдуетъ приписать составленіе заговора противъ Давида, имѣвшаго столь успѣшное начало и едва не погубившаго Давида. Это видно изъ того, что въ самую критическую минуту, во время поспѣшнаго бѣгства изъ Іерусалима Давидъ только молился: „Господи Боже мой!—разрушь совѣтъ Ахитофела“. Здѣсь все предпріятіе Авессалома, все несчастіе, постигшее Давида, представляется дѣломъ Ахитофела, его замысломъ [1]). Что ка-

---

[1]) Что побудило Ахитофела изъ совѣтника и друга сдѣлаться врагомъ Давида? Graetz, принимая за достовѣрное, что Еліамъ, отецъ Вирсавіи, есть тотъ Еліамъ, который названъ сыномъ Ахитофела, утверждаетъ, что отецъ и дѣдъ Вирсавіи считали честь свою оскорбленною чрезъ обольщеніе Вирсавіи и возненавидѣли Давида, и прибавляетъ: „новѣйшіе историки считаютъ внѣ сомнѣнія то обстоятельство, что вражда Ахитофела противъ Давида и присоединеніе къ партіи Авессалома проистекали изъ того, что Вирсавія была его внучка“. Указ. соч. стр. 263. То же предполагаетъ Menzel. Указ. соч. стр. 103. Однако въ сущности все это основаво только на догадкахъ раввиновъ, на которыхъ ссылается и Graetz. Что Вирсавія была внучка Ахитофела—это еще далеко не несомнѣнно. Если она названа дочерью Еліама, 2 Цар 11, 3, то отсюда еще не слѣдуетъ съ необходимостію, что это былъ тотъ Еліамъ, который названъ сыномъ Ахитофела, 23, 34. Притомъ же въ 1 Пар. 3, 5 отецъ Вирсавіи названъ Амміиломъ (Менцель не придаетъ этому значенія, полагая, что эта разница такъ же незначительна, какъ и въ именахъ: Дороѳея и Ѳеодора). Но если Вирсавія и дѣйствительно была внучка Ахитофела, то и въ этомъ случаѣ мы не согласны объяснять его ненависть къ Давиду тѣми идеальными побужденіями, которыя приписываетъ ему Graetz. Характеръ Ахитофела для насъ хорошо опредѣляется тѣми знаменитыми совѣтами, которые онъ давалъ Авессалому, и намъ кажется, что этотъ Макіавелли Давидова времени не могъ особенно безпокоиться обольщеніемъ его внучки, когда эта послѣдняя сдѣлалась любимою женою могущественнаго царя, а сынъ ея намѣчался въ наслѣдники престола. Eisenlohr замѣчаетъ кратко, что Ахитофелъ удалился отъ Давида въ свой оте-

сается массы народа, примкнувшей къ заговорщикамъ, то она въ этомъ случаѣ дѣйствовала такъ же слѣпо, какъ и почти всегда въ подобныхъ случаяхъ. Обѣщаніе свободы отъ нѣкоторыхъ тягостей, запугиваніе какими-нибудь несуществующими замыслами царя, клонящимися къ отягощенію народа, и другія подобныя уловки заговорщиковъ всегда возбудительно дѣйствуютъ на народную массу. Притомъ же мы видѣли, что Авессаломъ успѣлъ уже очаровать своею личностію всѣхъ простодушныхъ, воображавшихъ его на самомъ дѣлѣ такимъ, какимъ онъ искусно притворялся. Можно впрочемъ думать, что въ народѣ, у котораго еще жила память о республиканскомъ въ нѣкоторомъ родѣ строѣ государственной жизни, таилось смутное недовольство—не Давидомъ, а вообще монархизмомъ, и онъ, не будучи въ состояніи вернуться назадъ, находилъ исходъ для своихъ связанныхъ стремленій въ перемѣнѣ царей, какъ бы ища постоянно лучшаго. Какъ бы то ни было, заговоръ созрѣлъ, и въ такой глубокой тайнѣ, что ни самъ Давидъ и никто изъ преданныхъ ему лицъ не подозрѣвали опасности. Когда все было готово, Авессаломъ вдругъ обращается къ отцу съ просьбою отпустить его въ Хевронъ принести жертву Богу [1]), такъ какъ онъ, живя въ Гессурѣ въ изгнаніи, далъ будто бы такой обѣтъ Богу, если Онъ возвратитъ его въ Іерусалимъ. Давидъ былъ человѣкъ весьма религіозный (это видно уже и изъ того, чѣмъ всего удобнѣе казалось Авессалому обмануть его), и онъ охотно далъ дозволеніе. Авессаломъ разослалъ во всѣ колѣна своихъ единомышленниковъ съ такимъ наказомъ, чтобы они въ условленный моментъ объявили народу рѣшительно, что

чественный городъ Гило по причинѣ оскорбленнаго честолюбія. Указ. соч. стр. 282. Мы думаемъ, что Ахитофелъ не только не обидѣлся тѣмъ, что Давидъ овладѣлъ Вирсавіей, но напротивъ былъ доволенъ и желалъ извлечь для себя изъ этого пользу. Можетъ быть, благодаря этому обстоятельству, онъ хотѣлъ играть въ государствѣ болѣе дѣятельную и видную роль, чѣмъ роль простого совѣтника. Но Давидъ, не находившій въ немъ другихъ достоинствъ, кромѣ холоднаго ума и проницательности, и не желавшій нажить въ немъ себѣ другаго Іоава, далъ ему почувствовать неосуществимость его стремленій и тѣмъ озлобилъ его противъ себя.

[1]) Rambach почему-то предполагаетъ, что въ Хевронѣ въ это время была Моисеева скинія. Указ. соч. стр. 283.

Авессаломъ воцарился, такъ чтобы массамъ, пораженнымъ этою новостью, не было времени колебаться, а оставалось бы только признать уже совершившійся фактъ. Съ такими же соображеніями Авессаломъ пригласилъ съ собою изъ Іерусалима, какъ бы для участія въ религіозномъ торжествѣ, 200 человѣкъ, конечно не изъ простаго народа, а изъ лицъ болѣе или менѣе вліятельныхъ, съ тѣмъ, чтобы они, неожиданно поставленные въ положеніе участниковъ заговора и видя успѣхъ и матеріальную силу на сторонѣ Авессалома, волей-неволей примкнули къ нему и тѣмъ подняли его кредитъ въ глазахъ народной массы [1]). Въ то время, какъ продѣлывалась комедія жертвоприношенія, явился и главный механикъ всего дѣла, Ахитофелъ, остававшійся все время повидимому въ сторонѣ, въ своемъ родовомъ городѣ Гило. Лишь только онъ явился, какъ дѣло обнаружилось въ его настоящемъ видѣ и повелось съ такимъ успѣхомъ, что народъ массами стекался къ Авессалому, какъ къ своему законному царю. Жители Хеврона, главнаго города въ сильномъ колѣнѣ Іудиномъ, бывшаго нѣкогда столицею Давида, съ удовольствіемъ сдѣлали свой городъ центромъ мятежа и оказывали Авессалому содѣйствіе въ его предпріятіи. Вѣроятно они питали неудовольствіе на Давида за его, какъ имъ казалось, равнодушіе къ нимъ, такъ какъ онъ, повидимому, ничѣмъ не отличилъ ихъ отъ прочихъ евреевъ—не наградилъ ни льготами, ни высшими должностями, ни землями; между тѣмъ какъ, напр., Саулъ всячески ласкалъ своихъ веніаминянъ, такъ что ихъ колѣно являлось какъ бы господствующимъ надъ всѣми остальными. Когда революція была уже въ полномъ разгарѣ, сигнальныя трубы протрубили по всѣмъ колѣнамъ, и вездѣ пронеслась вѣсть, что Авессаломъ воцарился, прибѣжалъ къ Давиду вѣстникъ и сообщилъ: „сердце израильтянъ уклонилось на сторону Авессалома“. Извѣстіе было слишкомъ рѣшительное,—не сказано было: Авессаломъ провозгласилъ себя царемъ, а сказано: народъ пошелъ вслѣдъ за Авесса-

[1]) Такъ мы понимаемъ это дѣло и потому не согласны съ предположеніемъ Эвальда, что Авессаломъ пригласилъ изъ Іерусалима „бѣдныхъ и зависимыхъ людей“. Указ. соч. стр. 227. Какое значеніе могла имѣть чернь, хотя и іерусалимская, въ глазахъ хевронскихъ гражданъ?

ломомъ. Давидъ былъ застигнутъ этою вѣстію врасплохъ. Не зная мѣры народнаго сочувствія дѣлу Авессалома, онъ ни одной минуты не могъ подумать о немедленномъ подавленіи мятежа; надобно было думать только о защитѣ. Но онъ не зналъ теперь и средствъ защиты, не зналъ силъ, которыми могъ располагать. Поставить армію на военную ногу уже не было времени. Да и можно ли еще было имѣть увѣренность, что армія пойдетъ противъ Авессалома? О защитѣ въ Іерусалимѣ съ помощію одного отряда тѣлохранителей нельзя было и думать, не зная на чьей сторонѣ окажутся граждане и отрядъ изъ 600 геѳянъ, только недавно нанятый на службу. Давиду нужно было немедленно опредѣлить: кто ему вѣренъ, и кто нѣтъ, и тогда уже предпринять то или другое. Вѣрнымъ средствомъ къ достиженію этого было поспѣшное бѣгство изъ Іерусалима, которое въ тоже время отнимало у Авессалома и его руководителей возможность немедленно овладѣть личностію царя и тѣмъ привести свое дѣло къ счастливому концу [1]). Давидъ, не отдавая никому никакихъ приказаній, не требуя себѣ повиновенія, какъ царю, просто предложилъ приближеннымъ къ нему лицамъ: „встаньте, убѣжимъ; ибо не будетъ намъ спасенія отъ Авессалома“. Приближенные изъявили готовность слѣдовать за нимъ и повиноваться ему. И вотъ царь, имѣя видъ отверженнаго и гонимаго, съ печальнымъ покрываломъ на головѣ, пѣшкомъ и босой пошелъ вонъ изъ города со всѣмъ домомъ своимъ къ сторонѣ Іордана въ пустыню. Это произвело поразительное и благопріятное для Давида впечатлѣніе на народъ,—всѣ плакали громкимъ голосомъ. Когда Давидъ нѣсколько пріостановился въ Беѳъ-Мерхатѣ [2]), можетъ быть для того, чтобы осмотрѣться и

---

[1]) Только изъ желанія унизить Давида Menzel утверждаетъ здѣсь, что Давидъ растерялся при извѣстіи о бунтѣ Авессалома. Указ. соч. стр. 104. Ниоткуда этого не видно; напротивъ, все показываетъ, что онъ сохранилъ полное присутствіе духа, вѣрно оцѣнилъ свое положеніе и предпринялъ именно то, что слѣдовало предпринять при такихъ обстоятельствахъ.

[2]) 2 Цар. 15, 17. Ἐν οἴκῳ τῷ μακρὰν—въ отдаленномъ жилищѣ. Это было очевидно въ самомъ концѣ города, но еще по-сю сторону потока Кедрскаго (ст. 23). Philippson предполагаетъ, что это былъ загородный домъ, дача (Lusthaus) Israel. Bibel. стр. 442. Въ русскомъ

оцѣнить свое положеніе, то оказалось, что кромѣ массы придворныхъ, окружавшихъ его, съ нимъ шелъ весь отрядъ тѣлохранителей и даже недавно нанятые имъ на службу филистимляне въ числѣ 600 человѣкъ. Неизвѣстно, гдѣ былъ въ это время Іоавъ. Но судя по тому, что онъ вскорѣ послѣ того сталъ во главѣ военной силы Давидовой, можно думать, что онъ, если и не сопровождалъ Давида въ его печальномъ шествіи, то работалъ въ его интересахъ гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ, гдѣ его присутствіе могло принести больше пользы. Пораженный преданностію филистимлянъ и желая удостовѣриться, насколько она сильна, Давидъ обратился къ предводителю ихъ Еѳѳею и сказалъ: „зачѣмъ и ты идешь съ нами? Возвратись и оставайся съ тѣмъ царемъ. Развѣ для тебя, чужеземца, не все одно? Ты недавно пришелъ на службу къ сильному царю. А вотъ я теперь изгнанникъ и иду, куда случится. Возвратись лучше туда, гдѣ будетъ для тебя больше выгоды". Но Еѳѳей съ живостію высказалъ рѣшимость служить Давиду, въ какомъ бы положеніи онъ ни оказался. Тогда Давидъ съ удовольствіемъ пригласилъ его съ собою. Само собой понятно, что священники и левиты тоже поднялись и понесли было за Давидомъ ковчегъ завѣта. Но Давидъ не нашелъ нужнымъ и приличнымъ увлекать за собою святыню Израиля, такъ какъ, говорилъ онъ, дѣло Господа: увидѣть мнѣ снова жилище Его или лишиться Его милости. Что же касается первосвященниковъ—Садока и Авіаѳара, то онъ нашелъ болѣе полезнымъ для себя пребываніе ихъ въ Іерусалимѣ; такъ какъ здѣсь необходимо было присутствіе преданныхъ ему лицъ, которыя бы наблюдали за положеніемъ дѣлъ и извѣстили его, когда нужно. Онъ внушилъ при этомъ, что ихъ дѣти, Ахимаасъ и Іонаѳанъ, смѣлые юноши, могутъ выполнить въ случаѣ надобности опасное порученіе [1]). Послѣ этого Давидъ по-

---

текстѣ названіе это оставлено безъ перевода, какъ собственное имя. Можетъ быть это было цѣлое поселеніе на окраинѣ города, носившее особенное обозначеніе, какъ и у насъ „слободки".

[1]) Eisenlohr набрасываетъ тѣнь на поведеніе Авіаѳара при данномъ случаѣ, предполагая, что онъ былъ неискрененъ, держался выжидательной политики. Указ. соч. ч. 2, стр. 50. Позднѣйшее участіе Авіаѳара въ бунтѣ Адоніи навело автора на мысль, что онъ недаромъ

шелъ дальше и поднялся на гору Елеонскую. Здѣсь встрѣтилъ его Хусій Архитянинъ, другъ и совѣтникъ, со всѣми признаками глубокой и непритворной скорби. Онъ очевидно намѣревался слѣдовать за Давидомъ. Но Давидъ убѣдилъ его возвратиться въ Іерусалимъ, искусно овладѣть довѣріемъ Авессалома и разстроить планъ дальнѣйшихъ дѣйствій, составленный Ахитофеломъ. Онъ указалъ ему на Садока и Авіаѳара и на дѣтей ихъ, какъ на его надежныхъ союзниковъ. Это было геніальное распоряженіе Давида, которымъ онъ въ самую критическую минуту, въ самомъ бѣдственномъ положеніи обезпечилъ себѣ побѣду надъ противникомъ. Считать это распоряженіе недостойнымъ великаго человѣка, нечестнымъ можетъ только тотъ, кто на всѣ поступки Давида смотритъ сквозь нечистое стекло отрицанія ради самаго отрицанія [1]). Когда

въ то время, какъ Садокъ и левиты несли за Давидомъ ковчегъ, „стоялъ на возвышеніи, доколѣ весь народъ не вышелъ изъ города". 2 Цар. 15, 24. Можетъ быть это и правда. Присутствіе Садока въ Іерусалимѣ показываетъ, повидимому, что онъ только номинально уже числился при старой скиніи въ Гаваонѣ, а жилъ постоянно въ Іерусалимѣ, пріобрѣтая болѣе и болѣе расположеніе Давида и возбуждая ревность въ Авіаѳарѣ. Мы увидимъ вскорѣ, что сынъ Садока, Ахимаасъ, какъ-то уже слишкомъ старался завоевать расположеніе къ себѣ Давида.

[1]) Не бунтовщикъ ли былъ Авессаломъ? Не формальная ли война велась между нимъ и Давидомъ? Не защищалъ ли Давидъ свой тронъ и свою жизнь и вмѣстѣ съ ними благополучіе цѣлаго государства? Если средство, употребленное Давидомъ противъ Авессалома безчестно, то значитъ безчестно всякое движеніе полководца, вводящее въ заблужденіе непріятеля, всякій солдатъ есть убійца, подлежащій уголовной отвѣтственности. Хулители Давида прибѣгаютъ здѣсь къ логической передержкѣ. „Человѣкъ добродѣтельный, говоритъ Бэйль, согласится лучше потерять корону, чѣмъ подать поводъ къ обвиненію своего друга" (т. е., Хусія во лжи, въ притворствѣ). См. у Лиліенталя указ. соч. стр. 900. Вотъ мудрое изреченіе! Такимъ образомъ всякій бунтарь въ правѣ считать безчестнымъ государя, пользующаго услугами преданныхъ и опытныхъ людей, прибѣгающихъ къ хитростямъ, чтобы разрушить дѣло заговорщиковъ. Логика бунтарей дѣйствительно такова и есть. Хулители Давида злонамѣренно смѣшиваютъ понятія: общегосударственное съ частнымъ, законное съ мятежническимъ, дѣло самозащиты съ дѣломъ, не вытекающимъ изъ самозащиты. Любопытно знать, что сталъ бы дѣлать вышеупомянутый философъ, если бы на него устремился разбойникъ съ цѣлію

Давидъ продолжалъ путь свой далѣе послѣдовала новая, интересная въ своемъ родѣ встрѣча. Сива, домоправитель Мемфивосѳея, предсталъ съ парою ословъ, навьюченныхъ съѣстными припасами для дороги. Давидъ сначала не понялъ, что означало это явленіе, и спросилъ: „для чего у тебя это“? Сива объяснилъ, что это онъ отъ своего усердія жертвуетъ царю и его людямъ. Тогда Давидъ спросилъ: „гдѣ же Мемфивосѳей“? Сива отвѣчалъ, что онъ остался въ Іерусалимѣ, потому что надѣется при настоящихъ обстоятельствахъ возвратить себѣ права на престолъ. Правда это была или клевета, рѣшить трудно. Съ одной стороны обстоятельства были таковы, что повидимому вовсе не могли возбудить надеждъ Мемфивосѳея, и его глубокій трауръ во время отсутствія и несчастія Давида говорилъ въ его пользу; съ другой стороны представляется непонятнымъ, почему онъ, ѣвшій за столомъ царя вмѣстѣ съ его дѣтьми, не вышелъ изъ Іерусалима, когда за Давидомъ послѣдовалъ весь домъ его и когда всякій, вѣрный Давиду, страшился Авессалома. Непонятною представлялась бы и дерзость Сивы, если бы онъ не имѣлъ никакого основанія для своего доноса, такъ какъ по обнаруженіи клеветы онъ могъ жестоко поплатиться. Какъ бы то ни было, но Давидъ повѣрилъ Сивѣ, потому что послѣ случившагося онъ могъ предполагать всякую измѣну и неблагодарность, и подарилъ Сивѣ имущество его господина. Послѣднее обстоятельство показываетъ, что Давидъ уже вѣрилъ въ дѣйствительность мѣръ, принятыхъ имъ для своей защиты, почему и дѣлалъ распоряженіе, какъ бы фактически обладая властію царя. Давиду приходилось идти чрезъ колѣно Веніаминово, больше всѣхъ къ нему нерасположенное. И вотъ изъ перваго же города Бахурима, вышелъ нѣкій Семей изъ рода Саулова, приблизился на безопасное для себя разстояніе и началъ жестоко злословить Давида: „уходи уходи, убійца и беззаконникъ! Господь обратилъ на тебя всю кровь дома Саулова, вмѣсто котораго ты воцарился, и предалъ Господь царство въ руки Авессалома, сына твоего; и вотъ ты въ бѣдѣ; ибо ты—кровопійца“. Авесса возму-

---

убить его?—имѣя возможность, напр., подставить ему ногу, чтобы тотъ упалъ на собственный кинжалъ, сталъ ли бы онъ разсуждать, что это съ его стороны неблагородно, нечестно?...

тился такою наглостію веніаминянина и сказалъ: „зачѣмъ злословитъ этотъ мертвый песъ господина моего, царя? Пойду я и сниму съ него голову". Но царь не позволилъ, сказавъ, что на то должно быть воля Божія; что если его собственный сынъ ищетъ души его, то какъ же винить за злословіе какого-нибудь веніаминянина. И Семей долго провожалъ Давида, идя по скату горы, параллельной дорогѣ, въ полной безопасности отъ людей Давида, швыряя въ него камнями и землей [1]). Спустя нѣсколько времени Давидъ остановился на отдыхъ; а Авессаломъ тѣмъ временемъ безпрепятственно и съ торжествомъ вступилъ въ Іерусалимъ. Хитроумный Хусій воспользовался моментомъ душевнаго ликованія новоявленнаго царя и немедленно явился къ нему съ выраженіемъ вѣрноподданническихъ чувствъ. Авессаломъ милостиво пошутилъ съ нимъ: „таково твое усердіе къ твоему другу! Отчего ты не пошелъ съ другомъ своимъ"? Хусій сказалъ въ отвѣтъ нѣсколько общихъ фразъ, ласкавшихъ слухъ Авессалома, вполнѣ увѣренный, что упоенный удачею узурпаторъ далекъ отъ всякаго подозрѣнія и страха. Авессаломъ, повидимому не считавшій теперь обязанностію думать самому за себя, обратился къ своему пресловутому совѣтнику Ахитофелу съ вопросомъ: что теперь дѣлать? Ахитофелъ далъ свой знаменитый совѣтъ: публично, предъ всѣмъ народомъ войти Авессалому къ наложницамъ своего отца. (Онѣ оставлены были Давидомъ во дворцѣ для храненія его). Это должно было быть съ одной стороны выразительнымъ символомъ (по тогдашнимъ понятіямъ) фактическаго вступленія въ права низложеннаго царя, съ другой стороны—средствомъ сдѣлать примиреніе съ отцомъ невозможнымъ, такъ чтобы и самъ Авессаломъ не могъ возвратиться назадъ, и всѣ взявшіе его сторону не могли бы болѣе колебаться между нимъ и Давидомъ. Совѣтъ Ахитофела, тогдашняго оракула, пользовавшагося неслыханною репутаціею, принятъ. На кровлѣ дворца была поставлена палатка, введены въ нее

[1]) Весь міръ справедливо удивляется здѣсь величію духа Давидова, безпримѣрному смиренію его и покорности волѣ Божіей; а Menzel нашелъ умѣстнымъ подивиться только, почему это Семей не бросился сейчасъ же въ Іерусалимъ, чтобы дать знать о направленіи, котораго держатся бѣглецы. Указ. соч. стр. 107.

царскія наложницы, и Авессаломъ, сопровождаемый взорами массы израильтянъ, торжественно вошелъ къ нимъ. Зрѣлище поразительное и для разсудительныхъ израильтянъ, слыхавшихъ о Самуилѣ и его предостереженіяхъ, поучительное! Послѣ этого Ахитофелъ предложилъ немедленно составить отрядъ изъ 12 тысячъ, догнать Давида и покончить съ нимъ. Это было то самое, что дѣйствительно нужно было безотлагательно сдѣлать, чтобы привести къ желанному концу затѣянное дѣло. Давиду и его спутникамъ, утомленнымъ отъ поспѣшнаго бѣгства, не нашедшимъ для себя еще точки опоры, не смотря на всю ихъ храбрость, трудно было бы избѣгнуть плѣна или поголовнаго избіенія. Но у Авессалома былъ теперь не одинъ совѣтникъ; онъ пожелалъ еще узнать, что скажетъ Хусій, такъ какъ и этотъ слылъ за мудраго совѣтника. Трудная задача предстояла для Хусія. Кто могъ осмѣлиться говорить противъ Ахитофела, совѣты котораго приравнивались къ откровеніямъ самого Бога? Но нужно было дѣйствовать во что бы то ни стало; нужно было именно теперь оправдать надежды Давида и спасти его. И вотъ Хусій, собравъ всю силу своего духа, съ спокойною самоувѣренностію поразилъ всѣхъ неожиданнымъ отвѣтомъ „не хорошъ на этотъ разъ совѣтъ, данный Ахитофеломъ". Такой отвѣтъ могъ показаться дерзкимъ. Какъ! совѣтъ Ахитофела не хорошъ! Что ты хочешь сказать?.. Хусій потому и рискнулъ на такое рѣзкое начало, что желалъ возбудить напряженное вниманіе; начни онъ скромно и нерѣшительно, его пожалуй не стали бы слушать или бы притворились только слушающими изъ приличія. Теперь же отъ его словъ ждали чего-то необыкновеннаго, чего-то такого, что самому Ахитофелу не могло прійти въ голову. Хусій произнесъ блестящую рѣчь, которая хотя и не заключала въ себѣ неожиданныхъ мыслей, но поражала своей формой: ловкой группировкой доводовъ, цвѣтистыми, гиперболическими изображеніями и тонкой струей лести, опьянившей молодаго честолюбца. Вотъ эта образцовая рѣчь: „ты знаешь, говорилъ онъ Авессалому, своего отца и людей его. Они храбры и сильно раздражены, какъ медвѣдица въ полѣ, у которой отняли дѣтей, и какъ вепрь свирѣпый въ полѣ. И

отецъ твой—человѣкъ воинственный; онъ не остановится ночевать съ народомъ (т. е., съ тою частію людей, которая сопровождала его, но не составляла войска, и потому только стѣснила бы его и навела преслѣдующихъ на его слѣдъ). Вотъ онъ скрывается теперь въ какой-нибудь пещерѣ или въ другомъ мѣстѣ (не одинъ, разумѣется, а съ отборными воинами. Намекъ на то, какъ трудно было Саулу взять его). И если кто падетъ при первомъ нападеніи на нихъ, и услышатъ и скажутъ: было пораженіе, людей, послѣдовавшихъ за Авессаломомъ,—тогда и самый храбрый, у котораго сердце, какъ сердце львиное, упадетъ духомъ. Ибо всему Израилю извѣстно, какъ храбръ отецъ твой и мужественны тѣ, которые съ нимъ. Посему я совѣтую: пусть соберется къ тебѣ весь Израиль, отъ Дана до Вирсавіи, во множествѣ, какъ песокъ при морѣ, и ты самъ пойдешь посреди его. И тогда мы пойдемъ противъ него, въ какомъ бы мѣстѣ онъ ни находился, и нападемъ на него, какъ падаетъ роса на землю. И не останется у него ни одного человѣка изъ всѣхъ, которые съ нимъ. А если онъ войдетъ въ какой-либо городъ; то весь Израиль принесетъ къ тому городу веревки, и мы стащимъ его въ рѣку, такъ что не останется ни одного камешка". Авессаломъ и всѣ тутъ присутствовавшіе были поражены аргументаціей Хусія и очарованы величественной картиной города, влекомаго вмѣстѣ съ Давидомъ веревками въ рѣку. И сказали всѣ: „совѣтъ Хусія Архитянина лучше совѣта Ахитофелова". Обезпечивъ, такимъ образомъ, спасеніе Давиду, Хусій позаботился немедленно извѣстить своего друга о положеніи дѣлъ въ Іерусалимѣ. Это была нелегкая задача, потому что строго слѣдили за всѣми, кто вышелъ бы изъ города и направился въ сторону, куда бѣжалъ Давидъ. Но друзья Давида приняли свои мѣры. Дѣти первосвященниковъ Іонаѳанъ и Ахимаасъ не входили въ городъ, а скрывались въ долинѣ потока Кедрскаго близъ источника Рогель. Хусій явился къ Садоку и Авіаѳару и передалъ совѣтъ Ахитофела и свой совѣтъ, не утверждая заранѣе, чей совѣтъ на самомъ дѣлѣ возметъ верхъ, и велѣлъ передать Давиду, чтобы онъ не медлилъ ни минуты, а спѣшилъ бы за Іорданъ. Порученіе было передано Іонаѳану и Ахимаасу чрезъ вѣрную и смышленую служанку, которая ходила

какъ бы за водою къ источнику. Однако ея разговоръ у источника съ мужчинами, тотчасъ скрывшимися, былъ замѣченъ зоркими глазами слугъ Авессалома и возбудилъ подозрѣніе. Немедленно послана была погоня, и молодые люди едва успѣли проскользнуть въ городъ Бахуримъ. Здѣсь они бросились на дворъ одного человѣка, сочувствовавшаго ихъ дѣлу, и спрятались въ колодецъ. Женщина растянула надъ устьемъ колодца (оно очевидно лежало на самой поверхности земли) парусину и насыпала на нее крупы, какъ бы для просушки, такъ что о присутствіи колодца нельзя было и догадаться. Посланные въ погоню не приминули заглянуть въ этотъ домъ, хозяина котораго они вѣроятно знали, какъ приверженца Давидова, но ничего здѣсь не нашли, и на вопросъ: гдѣ Іонаѳанъ и Ахимаасъ,—получили отвѣтъ, что они перешли черезъ рѣку. Посланные отправились на поиски въ указанномъ направленіи, но, разумѣется, ничего не нашли и возвратились въ Іерусалимъ ни съ чѣмъ. Вѣстники же добрались благополучно до Давида и передали въ точности порученіе. Давидъ въ ту же ночь со всѣмъ бывшимъ съ нимъ народомъ перешелъ за Іорданъ, гдѣ онъ былъ сравнительно въ большей безопасности, такъ какъ за-іорданскіе евреи, державшіеся обыкновенно въ сторонѣ отъ движеній по сю-сторону Іордана, оставались вѣрны Давиду, разъ его признавши, подобно тому, какъ они продолжали оставаться вѣрными дому Саула, пока сила вещей не принудила ихъ признать царемъ Давида. При томъ же за-іорданская страна и въ стратегическомъ отношеніи на случай борьбы представляла область, наиболѣе защищенную отъ нападеній съ запада. Извѣстно, что филистимляне, много разъ порабощавшіе евреевъ по-сю сторону Іордана, никогда не простирали своихъ завоеваній за Іорданъ. Ахитофелъ, такъ мастерски подготовившій низложеніе Давида, вѣрно разсчитавшій нанести послѣдній рѣшительный ударъ ему, надѣявшійся управлять царемъ и царствомъ, увидалъ теперь, что все его зданіе рухнуло. Онъ убѣдился, что умъ нуженъ не только тому, кто даетъ совѣты, но даже и тому, кто принимаетъ ихъ, чтобы понимать и оцѣнивать ихъ. У Авессалома же, взятаго имъ подъ свое покровительство, не оказалось ума и настолько,

чтобы отличить полезный совѣтъ отъ вреднаго. Можно ли оставлять свою судьбу связанною съ такимъ дряннымъ человѣкомъ? Онъ видѣлъ ясно, что дѣло Авессалома погибло, что Давидъ снова возсядетъ на своемъ престолѣ. Куда тогда дѣваться Ахитофелу, главному виновнику его бѣдствія? Принять достойную казнь отъ оскорбленнаго царя? или еще хуже—принять незаслуженное унизительное помилованіе отъ великодушнаго врага? Нѣтъ, Ахитофелъ не могъ этого вынести. Онъ осѣдлалъ осла, отправился въ свой домъ, сдѣлалъ послѣднія распоряженія и удавился. Великій умъ, чуждый смиренія, не пережилъ своего заблужденія. Все онъ предвидѣлъ и понималъ ясно; но въ Авессаломѣ ошибся. Этотъ загадочный человѣкъ, ослѣплявшій своимъ наружнымъ блескомъ до того, что нельзя было видѣть его внутреннюю пустоту и негодность, обманулъ и Ахитофела, погубилъ его и самъ погибъ безъ него. Давидъ остановился за Іорданомъ въ Маханаимѣ и встрѣтилъ здѣсь весьма радушный пріемъ. За-іорданскіе евреи, отличавшіеся консервативнымъ духомъ [1]), возмущались поступкомъ Авессалома, поднявшаго руку на отца и на законнаго царя, и оказали послѣднему всевозможное вниманіе [2]). Богатые люди—Верзеллій изъ Роглима Галаадскаго и Махиръ изъ Лодевара (тотъ самый, который давалъ у себя пріютъ и сыну Іонаѳанову) и даже Сови, сынъ Нааса, бывшаго царя аммонитскаго, принесли Давиду и его людямъ все, въ чемъ они нуждались главнымъ образомъ въ изгнаніи: постели, сосуды и всякаго рода

---

[1]) Колѣна Рувимово, Гадово и часть Манассіина, живя въ Египтѣ, повидимому менѣе всѣхъ другихъ колѣнъ испытали на себѣ вліяніе египетской культуры, почему, возвратившись въ Ханаанъ, они остались такими же скотоводами, какими были ихъ предки здѣсь, и долго сохраняли простую, безъискусственную жизнь.

[2]) Вотъ лучшее опроверженіе тѣхъ, которые винятъ Давида въ смерти Мемфивосѳея. Если бы власть Давида распространилась на бывшее царство Мемфивосѳея тѣми недостойными способами, какіе угодно предполагать нѣкоторымъ писателямъ, то едвали бы Давидъ могъ встрѣтить пріязнь въ бывшей столицѣ Мемфивосѳея. Menzel объясняетъ благосклонный пріемъ Давида тѣмъ, что будто бы гнетъ новаго правленія менѣе давалъ себя чувствовать вдали, чѣмъ вблизи. Указ. соч. стр. 108. Даль!—два, три дня пути... Какъ будто рѣчь идетъ объ Англіи и ея американскихъ или африканскихъ колоніяхъ.

пищу. Полагаютъ, что Сови платилъ такимъ образомъ за то, что Давидъ послѣ пораженія его брата Аннона не разрушилъ въ конецъ царство аммонитское и поставилъ Сови царемъ вмѣсто Аннона. Между тѣмъ Авессаломъ дѣйствительно собралъ по совѣту Хусія ополченіе изъ всѣхъ колѣнъ по сю-сторону Іордана, чтобы напасть на Давида. Онъ поставилъ военачальникомъ у себя Амессая. Амессай приходился племянникомъ Давиду, точно такъ же какъ и Іоавъ, только отъ другой сестры [1]). Онъ не игралъ при Давидѣ выдающейся роли, вѣроятно по недостатку способностей или почему-нибудь другому, и былъ конечно въ числѣ недовольныхъ Давидомъ [2]). Авессаломъ перешелъ Іорданъ и расположился станомъ въ землѣ Галаадской. Но прошло уже не мало времени, какъ Давидъ устроился въ Маханаимѣ [3]), и онъ успѣлъ собрать значительныя силы. Правда, у Авессалома войско должно было быть многочисленнѣе, но преимущество Давида заключалось въ боевой опытности и стратегическомъ искусствѣ его самого и его военачальниковъ. Мѣстность въ Галаадѣ гористая; большое войско сплошною массою здѣсь не могло дѣйствовать. Поэтому Давидъ раздѣлилъ своихъ людей на три отряда, поставивъ во главѣ каждаго особаго военачальника—въ первомъ Іоава, во второмъ Авессу и въ третьемъ Еѳѳея геѳянина. Эти отряды вѣроятно должны были дѣйствовать отдѣльно и съ нѣкоторою самостоятельностью, но по общему плану. Давидъ хотѣлъ лично руководить сраженіемъ; но военачальники уговорили его остаться въ городѣ, чтобы не подвергать себя безъ нужды опасности. Можно думать, что проницательный и осто-

---

[1]) 2 Цар. 17, 25. По мнѣнію Reuss'a текстъ даетъ понять, что Амессай былъ побочный сынъ Авигеи, сестры Саруиной, отъ Іеѳера, названнаго въ 1 Пар. 2, 17 измаильтяниномъ. Указ. соч. стр. 379.

[2]) Эвальдъ (указ. соч. стр. 114) склоненъ отожествить его съ Амасаемъ, который пришелъ къ Давиду въ то время, когда послѣдній скрывался отъ Саула, и былъ поставленъ въ числѣ начальниковъ Давидова войска. 1 Пар. 12, 18. Для такого отожествленія, кажется, нѣтъ достаточнаго основанія Изъ указ. мѣста кн. Пар. ст. 16 не видно даже, къ какому колѣну принадлежалъ Амасай—къ Іудину или къ Веніаминову.

[3]) Eisenlohr предполагаетъ, что прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Указ. соч. ч 1. стр 289.

рожный Іоавъ не довѣрялъ на этотъ разъ Давиду, зная его родительскую слабость къ сыну и полагая, что отецъ въ войнѣ съ сыномъ не будетъ обладать тѣмъ черствымъ хладнокровіемъ, какое необходимо для руководителя сраженіемъ. Какъ бы то ни было, но Давидъ не прекословилъ и во всемъ положился на своихъ военачальниковъ. Онъ сталъ у воротъ города и сдѣлалъ смотръ выходившему въ строгомъ порядкѣ войску. Но душа его болѣла, и онъ отдалъ вслухъ всего народа приказъ военачальникамъ пощадить жизнь Авессалома. (Какая разница между нимъ и Сауломъ, который, какъ мы видѣли, готовъ былъ умертвить своего сына, Іонаѳана, за мнимый поступокъ!) Вскорѣ послѣ этого произошло сраженіе. Бой кипѣлъ въ лѣсу[1]). Искусные военa-

[1]) Въ текстѣ этотъ лѣсъ названъ Ефремовымъ. Hess полагаетъ поэтому, что сраженіе происходило по сю-сторону Іордана, въ колѣнѣ Ефремовомъ. Указ. соч. т. 8. стр. 47. Graetz напротивъ утверждаетъ, что оно происходило не далеко отъ Маханаима, въ лѣсу Рефаимовъ, который получилъ свое названіе отъ первобытныхъ исполинскихъ жителей за-іорданской страны, рефаимовъ. Онъ думаетъ, что въ текстѣ произошло поврежденіе: поставлено *ефраимъ* вмѣсто *рефаимъ*. Указ. соч. стр. 443. Eisenlohr тоже предполагаетъ сраженіе на восточной сторонѣ Іордана. Указ. соч. ч. 1 стр. 289. Тоже и Hitzig. Указ. соч. стр. 149. Въ сущности для насъ это безразлично. Непонятно только, почему Авессаломъ, уже вступившій въ Галаадъ, отступилъ назадъ, за Іорданъ; сомнительно и то, чтобы войско Давида покинуло за-іорданскую страну, оставивъ въ тылу у себя рѣку. Ссылка Reuss'a на 2 Цар. 18, 23 тоже еще не можетъ доказывать, что сраженіе происходило по сю-сторону Іордана. Если выраженіе דֶּרֶךְ הַכִּכָּר и не значитъ „по прямой дорогѣ“; то оно еще не даетъ и права предполагать, что вѣстникъ „направлялся къ долинѣ іорданской, чтобы перейти рѣку и дойти до царя въ Галаадѣ“. Указ. соч. стр. 380. Если слово כִּכָּר и значитъ „окрестность“, и именно іорданская, какъ можно предполагать на основаніи Быт. 13, 10. 12; то ничто не мѣшаетъ предположить, что сраженіе происходило на восточной сторонѣ Іордана далеко южнѣе Маханаима, и вѣстникъ бросился въ Маханаимъ сначала вдоль доли ны іорданской, какъ по дорогѣ болѣе гладкой, чтобы обогнать другаго вѣстника. Выраженіе דֶּרֶךְ הַכִּכָּר очевидно и вставлено для того, чтобы объяснить, почему Ахимаасъ опередилъ Хусія. Если сраженіе происходило на западномъ берегу Іордана, и Ахимаасъ „направлялся къ долинѣ іорданской, чтобы перейти рѣку“, какъ думаетъ Reuss; то почему не сказано того же объ Хусіи?—Вѣдь и онъ въ такомъ случаѣ долженъ бы былъ бѣжать דֶּרֶךְ הַכִּכָּר. Что же касается „лѣса Ефремова“, то какая необходимость предполагать лѣсъ съ та-

чальники Давида воспользовались мѣстностью какъ нельзя лучше и нанесли страшное пораженіе непріятелю, который, считая лѣсъ своею защитою, не замѣтилъ, какъ былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ. Могло быть и то, что они искусными движеніями заставили непріятеля поневолѣ вступить въ гибельный для него лѣсъ. „И лѣсъ, говоритъ лѣтописецъ, погубилъ народа больше, чѣмъ сколько истребилъ мечъ въ тотъ день“. Авессаломъ и его люди метались въ лѣсу наудачу, не зная, гдѣ свои, гдѣ враги. Авессаломъ натолкнулся неожиданно на непріятельскій отрядъ и пустился бѣжать сквозь лѣсную чащу, черезъ пни и колоды. Его мулъ, энергично побуждаемый сѣдокомъ, дѣлалъ отчаянные прыжки, такъ что роскошные волосы Авессалома вскидывались и трепались въ воздухѣ. И вотъ въ одинъ изъ такихъ прыжковъ и взмаховъ волосы Авессалома вцѣпились въ мелкіе и кривые сучья дуба; мулъ рванулся дальше и побѣжалъ, а Авессаломъ безпомощно повисъ на воздухѣ [1]). Кудри захлестнулись мертвыми петлями; никакая человѣческая сила не могла порвать такую массу волосъ; мечъ, если бы онъ и былъ у Авессалома, никогда не бываетъ остеръ, какъ бритва,— нечего было и думать, что онъ перерѣжетъ безчисленныя эластичныя нити волосъ. Оставалось ждать помощи отъ своихъ; но свои думали только о спасеніи собственной жизни, и въ томъ мѣстѣ, гдѣ висѣлъ Авессаломъ, уже разсыпался отрядъ Іоава. Одинъ изъ воиновъ увидалъ Авессалома въ этомъ положеніи и поспѣшилъ донести Іоаву. „И ты не лишилъ его жизни?—съ живостью спро-

---

кимъ именемъ только *въ колѣнѣ* Ефремовомъ? Hugo Grotius замѣчаетъ, что это было то мѣсто за Іорданомъ, гдѣ Іефѳай поразилъ ефремлянъ. Суд. 12, 4-6. Annotat. in vet. Test. т. 1. стр. 244.

[1]) ויחזק ראשו באלה... *Καὶ περιεπλάκη ἡ κεφαλὴ αὐτοῦ ἐν τῷ δένδρῳ*... adhaesit caput ejus quercui... Буквально съ еврейскаго: утвердился головою въ дубѣ.. Какимъ образомъ? Буддей считаетъ выдумкою І. Флавія, что Авессаломъ повисъ на волосахъ; самъ же думаетъ, что Авессаломъ вцѣпился въ сучья всей головой, хотя и не отвергаетъ при этомъ участія волосъ. Указ. соч. стр. 151. Antiqu. L. VII. cap. X. 2 Reuss совсѣмъ отвергаетъ участіе волосъ въ этомъ случаѣ. Указ. соч. стр. 381. Однако І. Флавій имѣлъ очевидно какое-нибудь основаніе такъ понимать текстъ. Мы не видали той породы дуба, на которой повисъ Авессаломъ, и потому не считаетъ себя въ правѣ оспаривать І. Флавія и тѣхъ, кто ему слѣдуетъ.

силъ Іоавъ, я щедро наградилъ бы тебя за это". Но воинъ съ жаромъ возразилъ, что онъ ни за какія сокровища не рѣшился бы на это, потому что онъ знаетъ приказъ царя щадить Авессалома. Іоавъ, имѣвшій на дѣло собственный, практическій взглядъ и пренебрегавшій царскимъ приказомъ, какъ произведеніемъ родительскаго чувства, которое онъ признавалъ въ данномъ случаѣ неумѣстною слабостью, дорожа каждою минутою, съ раздраженіемъ проговорилъ: „нечего мнѣ медлить съ тобою"—и устремился туда, гдѣ висѣлъ Авессаломъ. Онъ хладнокровно вонзилъ въ него три стрѣлы, а его оруженосцы, уже не стѣсняясь, порѣшили съ Авессаломомъ совсѣмъ [1]). Послѣ того Іоавъ, находя кровопролитіе безцѣльнымъ, далъ сигналъ къ отступленію; войско же Авессалома разсѣялось. Авессалома сняли, бросили въ глубокую яму и наметали надъ нимъ огромную кучу камней. Таковъ былъ конецъ честолюбиваго и мятежнаго сына Давидова. Дѣписатель какъ бы невольно сдѣлалъ здѣсь знаменательное сближеніе, замѣтивъ, что Авессаломъ, надъ которымъ возвышалась теперь позорная куча камней, еще при жизни поставилъ себѣ памятникъ въ долинѣ царской (недалеко отъ Іерусалима) чтобы увѣковѣчить память о себѣ въ потомствѣ. Онъ не предполагалъ тогда, что его забота была въ этомъ случаѣ излишня, что судъ людской, которому одному принадлежитъ право воздвигать памятники, поставитъ надъ нимъ монументъ, вполнѣ сообразный съ прославившими его дѣлами... По миновании опасности мѣсто воинственнаго воодушевленія и готовности жертвовать жизнью тотчасъ заняли обычныя житейскія вожделѣнія и ухищренія. Ахимаасъ, сынъ Садоковъ, уже оказавшій одну услугу царю, пожелалъ еще болѣе выдвинуться на видъ передъ нимъ, какъ первый вѣстникъ побѣды. Вѣстниковъ посылалъ главнокомандующій, и лица для этого очевидно назначались не безъ разбора, потому что послать съ хорошею вѣстью значило оказать благодѣяніе человѣку, послать съ

[1]) Hitzig предполагаетъ, что Іоавъ имѣлъ съ Авессаломомъ личные счеты. Указ. соч. стр. 149. Можетъ быть; но они здѣсь совпадали съ государственными интересами, и самъ Давидъ, какъ ни былъ огорченъ смертію Авессалома, впослѣдствіи не ставилъ Іоаву въ вину это убійство. 3 Цар. 2, 5.

дурною—значило заставить исполнить только печальную обязанность. Іоавъ не желалъ возлагать эту обязанность на Ахимааса, къ которому онъ благоволилъ, такъ какъ зналъ, что вѣсть о гибели Авессалома глубоко опечалитъ Давида. Онъ избралъ для этого нѣкоего Хусія, усердіе котораго зналъ, но о возвышеніи котораго на служебномъ поприщѣ не заботился. Хусій сейчасъ же побѣжалъ. Но Ахимаасъ настаивалъ, чтобы и его послали. Іоавъ, не могшій проникнуть въ затаенныя мысли хитраго юноши, пытался отечески отговорить его, но наконецъ уступилъ и разрѣшилъ ему также бѣжать съ вѣстью, недоумѣвая, что за охота идти къ царю съ непріятной для него вѣстью. Ахимаасу, чтобы привести свой планъ въ исполненіе, нужно было непремѣнно обогнать Хусія; но онъ зналъ, какъ это сдѣлать, и дѣйствительно обогналъ [1]). Давидъ сидѣлъ у воротъ города въ тревожномъ ожиданіи. Сторожъ, находившійся на башнѣ и внимательно всматривавшійся вдаль, замѣтилъ бѣгущаго человѣка и извѣстилъ царя. Царь заключилъ, что это долженъ быть вѣстникъ, а не бѣглецъ съ поля сраженія, такъ какъ пораженные бѣгаютъ толпами. Немного погодя сторожъ увидалъ еще одного бѣгущаго. Царь не усумнился, что и это вѣстникъ, такъ какъ иногда нельзя было положиться, что не случится какого-нибудь несчастія въ дорогѣ съ вѣстникомъ, и на всякій случай посылали двоихъ. Когда же сторожъ по мѣрѣ приближенія вѣстниковъ всмотрѣлся и узналъ въ первомъ Ахимааса, то царь сказалъ: „это человѣкъ хорошій и идетъ съ хорошею вѣстью“. Т. е., если бы случилось что-нибудь дурное, то Ахимааса не послали бы вѣстникомъ,—таковъ значитъ былъ обычай. И хитрый Ахимаасъ не обманулъ ожиданія царя. Добѣжавъ и воздавъ

---

[1]) Выше уже выражено предположеніе, что онъ пустился сначала по гладкой рѣчной долинѣ, чѣмъ и получилъ преимущество надъ Хусіемъ, который побѣжалъ по обыкновенной дорогѣ, изобиловавшей вѣроятно крутыми подъемами и спусками, замедлявшими бѣгъ. Eisenlohr говоритъ, что Ахимаасъ просился въ вѣстники будто только „какъ извѣстный скороходъ“. Указ. соч. стр. 290. Ewald утверждаетъ, что онъ бѣжалъ изъ чистой любви къ царю. Указ. соч. стр. 240. И то и другое сомнительно въ виду того, что Ахимаасъ предоставилъ несчастному Хусію поразить царя только извѣстіемъ о смерти Авессалома.

глубокое почтеніе царю, онъ съ торжествомъ извѣстилъ о побѣдѣ; на вопросъ же царя: „благополученъ ли отрокъ Авессаломъ“?—онъ отозвался невѣденіемъ, хотя слышалъ о смерти Авессалома отъ самого Іоава [1]). Царь милостиво велѣлъ стать ему вмѣстѣ со свитой. Тотчасъ прибѣжалъ и Хусій и тоже доложилъ о побѣдѣ. Но царя уже интересовалъ только вопросъ объ участи Авессалома, и онъ немедленно предложилъ вопросъ Хусію. Послѣдній со всевозможною осторожностью и деликатностью отвѣтилъ: „да будетъ съ врагами господина моего царя и со всѣми злоумышляющими противъ тебя то же самое, что постигло отрока“. Давидъ понялъ и былъ пораженъ смертельной горестью: онъ всталъ, скрылся во внутренній покой зданія надъ воротами и неутѣшно плакалъ объ Авессаломѣ [2]). Послѣ побѣды обыкновенно царь ликовалъ вмѣстѣ съ народомъ и войскомъ. Теперь же произошло нѣчто необыкновенное—царь скрылся отъ всѣхъ и плачетъ. Всѣмъ сдѣлалось неловко. „Входилъ, сказано, народъ въ городъ украдкою, какъ крадутся люди стыдящіеся, которые во время сраженія обратились въ бѣгство“. Положеніе сдѣлалось до того натянутымъ и нелѣпымъ, что Іоавъ, опасавшійся дурныхъ послѣдствій и негодовавшій на царя за

---

[1]) „Ахимаасъ не осмѣлился сказать Давиду о смерти Авессалома“. Душеп. Чт. 1872. ч. 3. стр. 246. Если онъ былъ такъ несмѣлъ, то зачѣмъ же столь усиленно напрашивался въ вѣстники?

[2]) Menzel бросаетъ тѣнь недовѣрія даже къ слезамъ отца по умершемъ сынѣ. Давидъ, по его словамъ, прежде равнодушно относился къ продолжительному отсутствію Авессалома; теперешняя же скорбь могла проистекать еще и изъ безпокойства, что возстаніе пока не подавлено и можетъ разгорѣться еще сильнѣе. Указ. соч. стр. 110. Нѣтъ того абсурда, который бы постыдились высказать люди, поставившіе себѣ задачею унизить Давида. Все здѣсь приносится въ жертву: и ежедневный опытъ, и здравый смыслъ, и даже простое приличіе, заставляющее людей самыхъ равнодушныхъ не глумиться при видѣ отца, плачущаго надъ могилою своего сына. Развѣ въ самомъ дѣлѣ это не глумленіе: къ прямому историческому свидѣтельству о томъ, что отецъ, только что получившій извѣстіе о безвременной и безславной смерти своего сына, плачетъ объ немъ и именно объ немъ,—къ свидѣтельству этому подставлять произвольное, ни на чемъ не основанное и самымъ непререкаемымъ законамъ человѣческаго духа противорѣчащее предположеніе: нѣтъ, онъ плачетъ не столько о сынѣ, сколько о *возможности* потерять тронъ?

его слабость, съ свойственною ему жестокою настойчивостью и безпощадною прямотою рѣшился вывести царя изъ его оцѣпенѣнія. Онъ вошелъ къ царю и сурово заговорилъ: „ты въ стыдъ привелъ сегодня всѣхъ слугъ твоихъ, спасшихъ нынѣ жизнь твою и жизнь сыновей и дочерей твоихъ, и жизнь женъ, и жизнь наложницъ твоихъ. Ты любишь ненавидящихъ тебя и ненавидишь любящихъ тебя; ибо ты показалъ сегодня, что ничто для тебя и вожди, и слуги; сегодня я узналъ, что если бы Авессаломъ остался живъ, а мы всѣ умерли, то тебѣ было бы пріятнѣе. Итакъ встань, выйди и поговори къ сердцу рабовъ твоихъ; ибо клянусь Господомъ, что если ты не выйдешь, въ эту ночь не останется у тебя ни одного человѣка. И это будетъ для тебя хуже всѣхъ бѣдствій, какія находили на тебя отъ юности твоей донынѣ“. Это говорилъ самъ убійца Авессалома, ненавистный Давиду; но въ его словахъ было столько правды и практическаго благоразумія, что умный царь подавилъ въ себѣ горе и волненіе, всталъ и вышелъ къ народу на площадь при городскихъ воротахъ.

Резиденція Давида была теперь въ Маханаимѣ, и фактически Давидъ былъ царемъ только за Іорданомъ. Евреи по сю-сторону Іордана, поголовно ставшіе на сторону Авессалома, были теперь въ странномъ положеніи. Только что признанный ими царь погибъ, а отъ Давида они отказались и поднимали противъ него оружіе. Давидъ оказался непобѣдимымъ и царствовалъ за Іорданомъ, а они какъ стадо безъ пастуха оказались въ положеніи, подверженномъ серьознымъ опасностямъ. Не было другаго исхода, какъ изъявить покорность Давиду и возвратить его на іерусалимскій престолъ. Первые голоса въ пользу Давида раздались въ сѣверныхъ колѣнахъ: „весь народъ, сказано, спорилъ и говорилъ: Давидъ избавилъ насъ отъ рукъ враговъ нашихъ и освободилъ насъ отъ рукъ филистимлянъ... Авессаломъ, котораго мы помазали надъ нами, умеръ на войнѣ. Почему же теперь вы медлите возвратить царя“? Такое настроеніе сѣверныхъ колѣнъ сдѣлалось извѣстнымъ Давиду. Колѣно же Іудино сохраняло загадочное молчаніе, не подавая никакихъ надеждъ для Давида. Это обстоятельство представляется нѣсколько страннымъ и требуетъ нѣкотораго объясненія. Давидъ, какъ мы видѣли, былъ справедливый царь

и мудрый правитель. Зная соперничество сѣверныхъ колѣнъ съ могущественнымъ Іудинымъ колѣномъ, зависть первыхъ къ послѣднему, онъ старался быть вполнѣ безпристрастнымъ, чтобы не подать повода къ неудовольствіямъ. И дѣйствительно, сѣверныя колѣна лично противъ Давида ничего не имѣли, потому что хотя онъ и принадлежалъ къ колѣну Іудину, но они не чувствовали обиднаго для себя возвышенія этого колѣна надъ ними. Но умиротворяя мятежный духъ ефремлянъ въ надеждѣ, что родственное ему колѣно останется приверженнымъ къ нему и безъ особыхъ благостынь и привиллегій, онъ обманулъ, такъ сказать, ожиданія этого колѣна и возбудилъ его неудовольствіе. „Развѣ мы что-нибудь съѣли у царя или получили отъ него подарки, или отъ податей освободилъ онъ насъ?“— говорили разъ представители колѣна Іудина представителямъ сѣверныхъ колѣнъ и тѣмъ обличили свои тайныя желанія и причину неудовольствія на Давида. Это-то неудовольствіе и дало пищу мятежу Авессалома въ колѣнѣ Іудиномъ [1]). Сѣверныя же колѣна примкнули уже къ готовому мятежу, вѣроятно соблазненныя посланцами Авессалома, не поскупившимися на обѣщанія разныхъ благостынь новаго царя. Когда же предпріятіе не удалось, и оставалось только возвратиться къ старому порядку вещей, который вовсе не былъ несноснымъ для сѣверныхъ колѣнъ, они, не чувствуя себя слишкомъ виновными передъ Давидомъ, какъ потому, что не были связаны съ нимъ родственными узами, такъ и потому, что не были зачинщиками мятежа, не задумались немедленно пригласить Давида снова царствовать надъ ними. Напротивъ колѣно Іудино глубже чувствовало свою неудачу, досадовало и стыдилось своего поступка. Его представителямъ совѣстно было явиться на глаза Давиду съ повинной и съ предложеніемъ вѣрноподданства, сдѣлавшагося столь сомнительнымъ, и они медлили. Давидъ понялъ затрудненіе своего колѣна и, всетаки считая его, не смотря на временное увлеченіе, болѣе вѣрнымъ оплотомъ власти своего дома, рѣшился ободрить его кроткимъ приглашеніемъ и напоминаніемъ его обязанности. Онъ

---

[1]) Тоже самое въ общихъ чертахъ выражаютъ—Ewald, указ. соч. стр. 225; Eisenlohr, ук. соч. стр. 281, и другіе.

поручилъ своимъ друзьямъ, Садоку и Авіаѳару сказать старѣйшинамъ Іудинымъ: „зачѣмъ хотите вы быть послѣдними, чтобы возвратить царя въ домъ его, тогда какъ слова всего Израиля дошли до царя въ домъ его? Вы братья мои, кости мои и плоть моя вы. Зачѣмъ хотите вы быть послѣдними въ возвращеніи царя въ домъ его? И Амессаю скажите: не кость ли моя и плоть моя ты? Пусть то и то сдѣлаетъ со мной Богъ и еще больше сдѣлаетъ, если ты не будешь военачальникомъ при мнѣ вмѣсто Іоава навсегда". Особенное обращеніе къ Амессаю объясняется тѣмъ, что онъ былъ теперь въ отпавшихъ колѣнахъ самымъ значительнымъ лицомъ и вѣроятно имѣлъ еще у себя подъ рукой остатки арміи. Притомъ же Давидъ, возмущенный до глубины души самовольствомъ Іоава, убившаго Авессалома вопреки прямому приказу царя, хотѣлъ воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы отдѣлаться навсегда отъ неукротимыхъ сыновей Саруи. Воззваніе Давида произвело свое дѣйствіе, и старѣйшины Іудины послали приглашеніе Давиду возвратиться. Царь поднялся и подошелъ къ Іордану; а представители отъ колѣна Іудина уже ожидали его на другой сторонѣ рѣки, въ Галгалѣ, и какъ только замѣтили приближеніе царя, перешли рѣку, чтобы встрѣтить его и съ торжествомъ переправить на свой берегъ. Къ нимъ присоединился и участвовалъ во встрѣчѣ и извѣстный Семей, которому оставалось или бѣжать вонъ изъ отечества, или же попытаться заслужить помилованіе Давида. Онъ избралъ послѣднее и привелъ навстрѣчу Давиду съ выраженіемъ вѣрноподданническихъ чувствъ 1000 веніаминянъ, отъ которыхъ Давидъ всего менѣе могъ ожидать покорности [1]). При этомъ онъ, какъ умѣлъ, извинился передъ Давидомъ въ своемъ возмутительномъ поступкѣ съ нимъ. Авесса, братъ Іоавовъ, не утерпѣлъ и сказалъ Давиду: „ужели Семей не поплатится жизнью за то, что злословилъ помазанника Господня"? Но этотъ навѣтъ послужилъ только какъ бы защитою для Семея. Давидъ былъ такъ раздраженъ противъ сыновей Саруи, что его возмущало теперь всякое вмѣшательство ихъ въ дѣла. Отвѣчая какъ бы не одному Авессѣ, а обоимъ

[1]) Можно догадываться поэтому, что Семей былъ весьма значительнымъ и вліятельнымъ лицомъ въ своемъ колѣнѣ.

братьямъ, онъ сказалъ: „какое вамъ дѣло до того, что меня касается, сыны Саруины, и вы дѣлаетесь навѣтниками мнѣ! Теперь ли предавать смерти кого-либо въ Израилѣ? Не вижу ли я, что нынѣ я—царь надъ Израилемъ"? И обратясь къ Семею, онъ сказалъ: „ты не умрешь"—и подтвердилъ слова клятвою. Давидъ удержалъ своихъ людей отъ попытки казнить Семея еще тогда, когда послѣдній злословилъ его, считая обиду отъ него наказаніемъ себѣ за грѣхи; тѣмъ болѣе онъ не могъ его казнить теперь, когда онъ явился къ нему съ повинною. А чтобы Семей имѣлъ полную увѣренность въ своей безопасности, Давидъ подтвердилъ помилованіе клятвою. Это актъ милосердія и смиренія Давида, какъ человѣка. Но не слѣдуетъ думать, что Давидъ считалъ его человѣкомъ безвреднымъ и безопаснымъ въ политическомъ смыслѣ: только прочно утвердившійся на престолѣ царь могъ не обращать на него вниманія. А таковымъ и былъ Давидъ, не смотря на недавній мятежъ, потому что послѣдній не имѣлъ глубокихъ корней въ народной массѣ. Мемфивосѳей тоже счелъ долгомъ встрѣтить царя. Онъ имѣлъ самый жалкій видъ. Во все смутное время онъ находился повидимому въ страхѣ, и потому не заботился о своей внѣшности: не чесалъ волосъ, не стригъ ногтей, не перемѣнялъ одежды и не мылся. Давидъ, въ которомъ жило подозрѣніе, возбужденное Сивою, не безъ строгости спросилъ его: „почему ты, Мемфивосѳей не пошелъ со мною"? Мемфивосѳей, какъ могъ, оправдывался, ссылаясь на то, что Сива обманулъ его [1]), а потомъ оклеветалъ, и въ униженныхъ выраженіяхъ говорилъ о своемъ ничтожествѣ и о величіи царской милости, ему оказанной. Давидъ былъ поставленъ въ большое затрудненіе: невозможно было рѣшить, кто обманщикъ—Сива или Мемфивосѳей. Во всякомъ случаѣ ему тяжело было слушать униженныя рѣчи сына друга своего Іонаѳана, и онъ угрюмо прервалъ Мемфивосѳея: „къ чему ты говоришь все это"? Находя же свое прежнее распоряженіе объ отнятіи у Мемфивосѳея всего имущества въ пользу Сивы слишкомъ жесто-

[1]) 2 Цар. 19, 26... Рѣчь Мимфивосѳея не ясна. Какъ будто дѣло было такъ, что Сива взялъ всѣхъ ословъ, какіе были въ домѣ, и уѣхалъ тайно; больной ногами Мимфивосѳей долженъ былъ поневолѣ остаться дома.

кимъ, но и не желая отмѣнить его совсѣмъ, такъ какъ доносъ всетаки не считалъ лишеннымъ значенія [1]), Давидъ, чтобы какъ-нибудь уладить это непріятное дѣло, прибавилъ: „я говорю (т. е., приказываю), чтобы ты и Сива раздѣлили между собою поля". Мемфивосѳей выразилъ готовность отказаться отъ всего; но царь повидимому уклонился отъ дальнѣйшихъ объясненій, чтобы прекратить тяжелую сцену. За Іорданомъ царь пріобрѣлъ себѣ новыхъ друзей, которые теперь провожали его. Онъ чувствовалъ особенную благодарность богатому Верзеллію, который помогалъ ему въ нуждѣ по прибытіи въ Маханаимъ, и приглашалъ его къ себѣ въ Іерусалимъ насладиться роскошью придворной жизни и почетомъ царскаго друга. Но 80-лѣтній Верзеллій отказался мѣнять родъ жизни при концѣ дней своихъ и вмѣсто себя предложилъ вниманію царя своего сына Кимгама, котораго царь и взялъ съ собой и обѣщалъ ему всевозможное покровительство. По переходѣ чрезъ Іорданъ Давидъ направился въ Галгалъ. Сюда подоспѣли и представители отъ сѣверныхъ колѣнъ. Колѣно Іудино, поспѣшившее навстрѣчу царю, почему-то не извѣстило сѣверныя колѣна. Можетъ быть оно желало загладить вину свою поспѣшностію и какъ бы отомстить сѣвернымъ колѣнамъ за то, что они предупредили его въ изъявленіи покорности царю и тѣмъ пристыдили родственное ему колѣно. Какъ бы то ни было, но когда царь былъ уже въ Галгалѣ, и когда явились сюда представители сѣверныхъ колѣнъ, они были непріятно поражены тѣмъ, что царь былъ уже, такъ сказать, дома и болѣе какъ бы не нуждался въ нихъ. Они разсчитывали найти царя въ его за-іорданскомъ убѣжищѣ

[1]) Reuss положительно считаетъ Сиву обманщикомъ, пожелавшимъ завладѣть имуществомъ своего господина. Можетъ быть это и такъ. Но онъ напрасно удивляется, какимъ образомъ Давидъ могъ позволить обмануть себя «такою нелѣпою баснею», т. е. доносомъ Сивы. Указ. соч. стр. 375. Въ то время Давидъ не могъ не отнестись съ подозрѣніемъ къ кому бы то ни было. Поступокъ Семея могъ только укрѣпить его подозрѣнія, и самъ Reuss въ слѣдующемъ же примѣчаніи по поводу Семея говоритъ: «соперничество колѣнъ и фамилій возгорѣлось съ новою силою при кажущемся паденіи Давида». По мнѣнію Eisenlohr'a самая оправдательная рѣчь Мемфивосѳея ясно указываетъ на его нечистую совѣсть и виновность. Указ. соч. стр. 293.

и обрадовать его своимъ появленіемъ и торжественнымъ заявленіемъ своихъ вѣрноподданническихъ чувствъ. Можетъ быть они даже намѣревались при этомъ случаѣ предложить царю какія-нибудь условія, выговорить какія-нибудь льготы, и проч. И вдругъ видятъ царя уже по сю-сторону Іордана во главѣ могущественнаго колѣна, почти не нуждающагося въ ихъ соизволеніи на занятіе временно покинутаго престола. Разочарованіе ихъ перешло въ подозрѣніе и досаду на колѣно Іудино. Чтобы выразить свое неудовольствіе, они жаловались царю: „зачѣмъ братья наши, мужи Іудины, похитили тебя и проводили тебя и всѣхъ людей твоихъ чрезъ Іорданъ“? Царь ничего не отвѣчалъ, потому что дѣло это не было его распоряженіемъ; онъ имѣлъ здѣсь только пассивное участіе. Мужи же Іудины, къ которымъ собственно и относился вопросъ, обидѣвшись отвѣчали далеко не въ умѣренномъ тонѣ: „затѣмъ что царь ближній намъ. И изъ-за чего сердиться вамъ на это? Развѣ мы что-нибудь съѣли у царя или получили отъ него подарки, или отъ податей освободилъ онъ насъ“? Указаніе на родство съ царемъ и перечисленіе царскихъ благостынь, какъ будто колѣно Іудино имѣло право на нихъ и только не пользовалось,—было неосторожностью. Представители сѣверныхъ колѣнъ тотчасъ возвысили тонъ, - они сказали: „мы десять частей у царя и болѣе, нежели вы; мы первенецъ, а не вы. Зачѣмъ же вы унизили насъ? Не намъ ли принадлежало первое слово о томъ, чтобы возвратить нашего царя“? Такимъ образомъ произошолъ горячій и опасный споръ, разбудившій дремавшее соперничество, которое сдерживалось до сихъ поръ только отсутствіемъ поводовъ къ его рѣшительному обнаруженію. Разгоряченныя стороны забыли всякую осторожность и думали только о томъ, какъ бы почувствительнѣе уязвить другъ друга. Но въ концѣ концовъ „слово мужей Іудиныхъ было сильнѣе, нежели слово израильтянъ“, замѣчаетъ дѣписатель. Самолюбіе представителей сѣверныхъ колѣнъ было задѣто такъ чувствительно, что они вмѣсто покорности Давиду, на изъявленіе которой были уполномочены народомъ, подняли знамя бунта. Нѣкто Савей изъ колѣна Веніаминова воспользовался моментомъ раздраженія, чтобы нанести вредъ Давиду, къ которому большинство веніаминянъ никогда не питало

расположенія. Онъ затрубилъ въ трубу, какъ вождь противнаго лагеря, собралъ вокругъ себя всѣхъ раздраженныхъ на колѣно Іудино и провозгласилъ: „нѣтъ намъ части въ Давидѣ и нѣтъ намъ доли въ сынѣ Іессеевомъ. Всѣ по шатрамъ своимъ, израильтяне“! И отдѣлилась масса евреевъ изъ сѣверныхъ колѣнъ и пошла прочь. Давидъ остался только съ людьми своего колѣна, которые и проводили его до Іерусалима. По прибытіи сюда онъ прежде всего позаботился очистить, насколько возможно, свой домъ отъ позора, нанесеннаго ему Авессаломомъ. Онъ убралъ изъ дворца остававшихся въ немъ наложницъ и заключилъ ихъ въ особый домъ подъ строгій надзоръ. Имъ не позволено было выйти замужъ, и онѣ жили какъ вдовы до своей смерти [1]). Послѣ этого Давидъ поспѣшилъ принять мѣры къ подавленію мятежа, произведеннаго споромъ народныхъ представителей и поднятаго открыто Савеемъ. Хотя этотъ мятежъ, какъ показали послѣдствія, не былъ дѣломъ народнымъ, не имѣлъ почвы собственно въ народной массѣ сѣверныхъ колѣнъ, а былъ произведеніемъ затронутаго самолюбія представителей этихъ колѣнъ, однако оставленный безъ вниманія могъ произвести рѣшительное раздѣленіе царства, такъ какъ масса народная легко могла быть увлечена вожаками возмущенія. Давидъ окончательно рѣшилъ дать отставку сыновьямъ Саруи, Іоаву и Авессѣ. Онъ далъ порученіе Амессаю созвать ополченіе въ три дня для подавленія мятежа и этимъ фактически поставилъ Амессая главнокомандующимъ вмѣсто Іоава. Но отъ сыновей Саруи нельзя было такъ легко отдѣлаться,—за нихъ были ихъ таланты, ихъ заслуги, привычка народа и войска, словомъ—сила вещей, противъ которой ничего не могла подѣлать личная воля царя. Амессай оказался ниже положенія, въ которое былъ поставленъ. По отсутствію ли распорядительности и энергіи или по холодному пріему, сдѣланному ему народомъ, можетъ быть даже по упорству и отказу повиноваться, какъ человѣку новому и неавторитетному, онъ не могъ выполнить порученія въ назначенное время. Между тѣмъ медлить было невозможно. Давидъ поневолѣ

[1]) Такъ строго тогда держались взгляда, что обладаніе женщиною изъ дома царя есть посягательство на верховныя права царя.

долженъ былъ обратиться къ Авессѣ и послалъ его съ наличными военными силами въ погоню за Савеемъ, чтобы помѣшать ему организовать вооруженную силу и укрѣпиться въ какомъ-нибудь городѣ. Іоавъ по собственной волѣ примкнулъ къ преслѣдующимъ, разсчитывая имѣть удобную встрѣчу съ соперникомъ, который тоже долженъ былъ принять участіе въ подавленіи мятежа и участь котораго онъ уже рѣшилъ въ своемъ умѣ. Они дѣйствительно встрѣтились близь Гаваона, и Іоавъ умертвилъ его самымъ предательскимъ образомъ: дѣлая видъ, что хочетъ дружески поцѣловать его, Іоавъ поразилъ его въ животъ мечемъ [1]). Ударъ былъ такъ ловокъ, что внутренности пораженнаго выпали на землю, и повторить удара не оказалось надобности. Успокоивъ себя такимъ образомъ, Іоавъ продолжалъ погоню съ Авессой; при трупѣ же Амессая оставилъ своего слугу, который говорилъ людямъ, шедшимъ подъ предводительствомъ Амессая и теперь столпившимся вокругъ его трупа: „кто преданъ Іоаву и кто за Давида, пусть идетъ за Іоавомъ“. Люди, равнодушные къ Амессаю, какъ къ человѣку мало извѣстному, и давно знавшіе Іоава, какъ великаго полководца, ничего не возражали противъ этого приглашенія. Но такъ какъ зрѣлище окровавленнаго и растерзаннаго человѣка на дорогѣ привлекало любопытныхъ, люди останавливались и толпились около него; то слуга Іоава, чтобы народъ не терялъ напрасно времени и не волновался разными толками насчетъ случившагося, оттащилъ трупъ подальше въ сторону и прикрылъ его. Тогда толпы

---

[1]) Какъ произошло это кровавое дѣло—въ текстѣ не сказано ясно. 2 Цар. 20, 8—10. Сначала замѣчено, что мечъ Іоава легко входилъ въ ножны и выходилъ изъ нихъ; потомъ сказано: Амессай же не остерегся меча, бывшаго въ рукѣ Іоава. Можно предполагать, что дѣло было такъ. Іоавъ зналъ, что если бы онъ, подходя къ Амессаю, вынулъ мечъ обыкновеннымъ порядкомъ, то возбудилъ бы подозрѣніе въ Амессаѣ; послѣдній не подпустилъ бы его къ себѣ, вынулъ бы тоже мечъ и произошелъ бы поединокъ, исходъ котораго могъ быть и сомнителенъ для Іоава. Поэтому Іоавъ, подходя къ Амессаю, ловкимъ, незамѣтнымъ движеніемъ произвелъ то, что мечъ его какъ бы самъ собою выпалъ изъ ноженъ на землю. Поднявъ его и какъ бы спѣша привѣтствовать Амессая, онъ не вложилъ его обратно въ ножны; Амессай же, не подозрѣвая злаго умысла, не остерегся и былъ пораженъ.

ополченцевъ спокойно пошли по направленію, указываемому передними толпами, шедшими по слѣдамъ Іоава. Іоавъ по пути увеличивалъ свое ополченіе приверженцами Давида, которыхъ находилъ во всѣхъ городахъ, и дошелъ до Авела-Беѳъ-Мааха, гдѣ заперся Савей съ незначительною силою, такъ какъ онъ не нашелъ сочувствія своему дѣлу въ народѣ. Іоавъ немедленно осадилъ городъ и приготовился разрушить его. Жители, можетъ быть не ожидавшіе такой грозы и не предвидѣвшіе, что Савей будетъ защищаться именно въ ихъ городѣ, струсили и не знали, что дѣлать. Повидимому они не ожидали себѣ пощады отъ Іоава даже и въ томъ случаѣ, если бы изъявили покорность и выдали Савея, и не имѣли рѣшимости вступить съ нимъ въ переговоры. Имъ помогла одна рѣшительная женщина. Она нашла удобный случай, незамѣтно для приверженцевъ Савея, заговорить со стѣны съ осаждающими, которые не сочли нужнымъ осыпать стрѣлами женщину, когда она появилась передъ ними. Пригласивъ для переговоровъ самого Іоава, она осторожно дала ему понять, что жители города, всегда отличавшіеся разсудительностію и вѣрностію, ничего не имѣютъ общаго съ бунтовщикомъ, и затѣмъ, взявъ съ него обѣщаніе не разрушать городъ за временное пребываніе въ немъ бунтовщика, подала надежду, что голова Савея будетъ ему выдана. Когда женщина сообщила согражданамъ результатъ своихъ переговоровъ съ Іоавомъ, они обрадовались возможности легко выпутаться изъ бѣды, напали на Савея и его шайку, отсѣкли ему голову и бросили со стѣны [1]). Смерть бунтовщика, доказавшая, что онъ мало находилъ сочувствія въ народѣ, была достаточнымъ основаніемъ для Іоава совершенно успокоиться и прекратить дальнѣйшія военныя дѣйствія. Онъ снялъ осаду съ города, распустилъ войско и возвратился въ Іерусалимъ. Давидъ не повторилъ болѣе попытки лишить его поста главнокомандующаго; потому что онъ былъ и незамѣнимъ и защищалъ

[1]) Замѣчательно, что они не отворили всетаки Іоаву воротъ города и до конца относились какъ бы съ недовѣріемъ. Можетъ быть они боялись, что войско Іоава, собранное по дорогѣ поспѣшно, изъ кого попало, и не обученное какъ слѣдуетъ, могло вопреки волѣ главнокомандующаго обойтись съ жителями города, какъ съ побѣжденными мятежниками.

этотъ постъ съ такимъ демоническимъ упорствомъ, что лучше было уступить,—борьба съ этимъ упорствомъ повела бы только къ новому пролитію крови.—Къ числу послѣдствій Авессаломова мятежа нужно отнести и возникшую вскорѣ за симъ войну съ филистимлянами [1]). Филистимляне безъ сомнѣнія воспользовались смутами въ царствѣ Давидовомъ и отложились. Было бы даже странно, если бы они не попытались теперь сбросить съ себя иго евреевъ. По всему видно, что филистимляне напрягли всѣ свои силы, чтобы отстоять свою независимость, и война произошла ожесточенная и продолжительная. Четыре раза противники, мѣрялись силами, и отборные воины Давида производили чудеса храбрости въ схваткахъ съ филистимскими исполинами (Голіаѳъ былъ у нихъ не единственный исполинъ).

---

[1]) 2 Цар. 21, 15—22. Нѣкоторые считаютъ то, что здѣсь разсказано, только подробностями войны съ филистимлянами, которая была вскорѣ послѣ завоеванія Іерусалима, и о которой кратко упомянуто въ 1 ст. 8 гл. Graetz. Указ. соч. стр. 240. Reuss. Указ. соч. стр. 392. Но это значитъ прямо пренебрегать текстомъ, который гласитъ: «и открылась снова война между филистимлянами и израильтянами». Правда, Keil, который тоже въ данномъ мѣстѣ видитъ только подробности предыдущихъ войнъ Давида съ филистимлянами, утверждаетъ, что частица עוֹד—еще, снова, указываетъ «вообще на предыдущія войны съ филистимлянами». Эту филологическую несообразность онъ пытается объяснить предположеніемъ другой тоже, можно сказать, несообразности: повидимому, разсуждаетъ онъ, писатель кн. Царствъ, пользовавшійся лѣтописями войнъ Давидовыхъ, гдѣ данное мѣсто слѣдовало за разсказомъ о предыдущей войнѣ, частицу «снова» оставилъ безъ перемѣны. Указ. соч. стр. 335. Т. е., говоря яснѣе: въ лѣтописяхъ войнъ Давидовыхъ частица עוֹד имѣла смыслъ, а писатель кн. Царствъ употребилъ ее безъ смысла, почему она по Keil'ю и стала значить не «снова», а «нѣкогда». Искусственность такого объясненія очевидна сама собою. Столь же странною представляется ссылка Keil'я на 1 Пар. 20. 4, гдѣ разсказъ о трехъ геройскихъ подвигахъ вписенъ будто бы въ обзоръ войнъ (т. е., предыдущихъ) Давида. Рѣшительно не изъ чего не видно, что писатель кн. Паралип. относитъ эти подвиги къ предыдущимъ войнамъ. Кому же не ясно, что въ кн. Пар. пропущено все, что во 2 кн. Цар. говорится отъ 11, 2 до 21, 14 и что 1 Пар. 20, 4 какъ разъ соотвѣтствуетъ 2 Цар. 21, 15? По нашему мнѣнію возникновеніе новой войны съ филистимлянами послѣ мятежа Авессаломова такъ естественно и такъ легко объяснимо тогдашними обстоятельствами, что отрицать ее даже странно, особенно съ насиліемъ тексту.

Самъ Давидъ принималъ личное участіе въ битвахъ и разъ даже, бившись до утомленія, подвергся опасности отъ одного филистимскаго исполина; но его спасъ Авесса, братъ Іоава [1]). Война, какъ и слѣдовало ожидать, кончилась совершеннымъ пораженіемъ филистимлянъ и порабощеніемъ ихъ евреямъ. Давидъ покончилъ свои счеты съ филистимлянами навсегда. Если о Соломонѣ, который не воевалъ съ филистимлянами, сказано, что „онъ владычествовалъ надъ всею землею по эту сторону рѣки, отъ Типсаха до Газы“ [2]), то значитъ, что филистимская земля была покорена Давидомъ.

Послѣ этого наступилъ безусловно мирный періодъ Давидова царствованія; звукъ оружія не раздавался болѣе. Дѣписатель приводитъ пѣснь Давида, которая вылилась изъ его души очевидно въ началѣ мирнаго періода его царствованія, когда онъ на склонѣ дней своихъ спокойно обозрѣвалъ протекшую жизнь—ея бѣды и опасности, побѣды и возвышеніе, и ясно видѣлъ на всѣхъ путяхъ своей жизни крѣпкую спасающую руку Господа, которому старался угождать по мѣрѣ силъ своихъ: „Господь—твердыня моя, взывалъ Давидъ, и крѣпость моя и избавитель мой. Богъ мой—скала моя; на Него уповаю; щитъ мой, рогъ спасенія моего, огражденіе мое и убѣжище мое. Спаситель мой! отъ бѣдъ Ты избавилъ меня... Объяли меня волны смерти, и потоки беззаконія устрашили меня. Цѣпи ада облегли меня, и сѣти смерти опутали меня. Но въ тѣснотѣ моей я призвалъ Господа и къ Богу моему воззвалъ, и Онъ услышалъ изъ чертога Своего голосъ мой, и вопль мой дошелъ до слуха Его. Потряслась и всколебалась земля, дрогнули и подвиглись основанія небесъ; ибо разгнѣвался. Поднялся дымъ отъ гнѣва Его и изъ устъ Его огонь поядающій; горящіе угли сыпались

---

[1]) Давидъ былъ хотя еще и въ силѣ и сохранялъ отвагу молодыхъ лѣтъ, но уже старикъ, почему конечно и могло случиться съ нимъ такое несчастіе на войнѣ. Этимъ же объясняется и заклятіе дружины: „не выйдешь ты болѣе съ нами на войну, чтобы не угасъ свѣтильникъ Израиля“. Такое заклятіе невозможно предположить въ первую половину царствованія—въ самый разгаръ боевой дѣятельности Давида.

[2]) 3 Цар. 4, 24.

отъ Него. Наклонилъ Онъ небеса и сошелъ... Простеръ Онъ руку съ высоты и взялъ меня и извлекъ меня изъ водъ многихъ. Избавилъ меня отъ врага моего сильнаго... Воздалъ мнѣ Господь по правдѣ моей, по чистотѣ рукъ моихъ вознаградилъ меня. Ибо я хранилъ пути Господа и не былъ нечестивымъ предъ Богомъ моимъ [1])... Кто Богъ, кромѣ Іеговы, и кто защита, кромѣ Бога нашего? Богъ препоясуетъ меня силою, устроястъ мнѣ вѣрный путь. Дѣлаетъ ноги мои какъ оленьи и на высотахъ поставляетъ меня. Научаетъ руки мои брани и мышцы мои напрягаетъ какъ мѣдный лукъ. Ты расширяешь шагъ мой подо мною, и не поколеблются ноги мои. Я гоняюсь за врагами моими и истребляю ихъ и не возвращаюсь, доколѣ не уничтожу ихъ. И истребляю ихъ и поражаю ихъ, и не встаютъ и падаютъ подъ ноги мои. Ты препоясываешь меня силою для войны и низлагаешь предо мною возстающихъ на меня. Ты обращаешь ко мнѣ тылъ враговъ моихъ, и я истребляю ненавидящихъ меня. Я разсѣваю ихъ какъ прахъ земной, какъ грязь уличную мну ихъ и топчу ихъ. Ты избавилъ меня отъ мятежа народа моего; Ты сохранилъ меня, чтобы быть мнѣ главою надъ иноплеменниками. Народъ, котораго я не зналъ, служитъ мнѣ. Иноплеменники ласкательствуютъ предо мною, по слуху обо мнѣ повинуются мнѣ. Иноплеменники блѣднѣютъ и трепещутъ въ укрѣпленіяхъ своихъ. Живъ Господь и благословенъ защитникъ мой! Да будетъ превознесенъ Богъ, убѣжище спасенія моего... Надъ возстающими противъ меня Ты возвысилъ меня; отъ человѣка жестокаго Ты избавилъ меня. За то я буду славить Тебя, Господи, между иноплеменниками и буду пѣть имени Твоему“... Преобладающія черты этой пѣсни—величественное изображеніе грознаго всемогущества Іеговы, устрашившаго враговъ Давидовыхъ, и яркія картины сильныхъ пораженій, которыя Давидъ наносилъ врагамъ своимъ,—показываютъ,

[1]) Это не значитъ конечно, что Давидъ считалъ себя чуждымъ всякаго грѣха, а значитъ во-первыхъ, что онъ твердо вѣрилъ въ единаго истиннаго Бога, старался исполнять данный чрезъ Моисея законъ и былъ чуждъ увлеченія языческимъ суевѣріемъ; во-вторыхъ, что онъ не коснѣлъ въ грѣхѣ, всегда живо сознавалъ его и стряхивалъ съ себя его узы, чего не дѣлаютъ „нечестивые“.

что она была пѣта въ то время, когда душа Давида была еще полна свѣжими воспоминаніями тревожной боевой жизни, великихъ опасностей и чудесныхъ спасеній отъ нихъ. Другимъ духомъ отличается пѣснь, которую дѣписатель называетъ „послѣдними словами Давида“ и которая произошла очевидно позднѣе, когда Давидъ, счастливо избавившійся отъ рукъ человѣческихъ, два раза еще впалъ въ руки Божіи и, послѣ того какъ былъ помилованъ, обращалъ свой взоръ болѣе на внутреннія основанія благоволѣнія Божія къ нему и его дому, чѣмъ на внѣшнюю форму проявленія этого благоволѣнія. „Духъ Господень говоритъ во мнѣ и слово Его на языкѣ у меня, начинаетъ Давидъ, выражая этимъ свое высокое, пророчественное настроеніе и просвѣтлѣніе; сказалъ Богъ Израилевъ, говоритъ о мнѣ скала Израилева: владычествующій надъ людьми будетъ (долженъ быть) праведенъ, владычествуя въ страхѣ Божіемъ. Какъ на разсвѣтѣ утра, при восходѣ солнца на безоблачномъ небѣ, отъ сіянія послѣ дождя выростаетъ трава изъ землѣ; не такъ ли домъ мой у Бога? ибо завѣтъ вѣчный положилъ Онъ со мною, твердый и непреложный. Не такъ ли исходитъ отъ Него все спасеніе мое и все хотѣніе мое? А нечестивые будутъ какъ выброшенное терніе, котораго не берутъ рукою; но кто касается его, вооружается желѣзомъ или деревомъ копья, и огнемъ сожигаютъ его на мѣстѣ“. Здѣсь Давидъ отрѣшается отъ всего, что составляло наружный и временный блескъ его жизни, размышляетъ о праведности и страхѣ Божіемъ, какъ основахъ своего земного величія, и созерцаетъ чудную судьбу своего дома, возникшаго какъ бы изъ праха подъ живительнымъ солнцемъ Божественнаго призрѣнія на него и имѣющаго процвѣтать на нескончаемыя времена по вѣчному, твердому и непреложному завѣту Бога съ родоначальникомъ этого дома, т. е., съ нимъ, Давидомъ. Въ послѣднихъ словахъ можно видѣть пророчественное указаніе на бѣдствія, которыя имѣлъ потерпѣть народъ за свое нечестіе. На такую высоту самосознанія Давидъ сталъ, какъ мы замѣтили, послѣ того, какъ, укрѣпленный вѣрою въ безпрерывное покровительство спасающей руки Всевышняго, испыталъ и дѣйствія суда Божія надъ собой и надъ народомъ. Кромѣ выше-

описанныхъ невзгодъ, постигшихъ Давида въ его семейной жизни, изъ которыхъ возмущеніе Авессалома едва не лишило его престола, въ послѣднее десятилѣтіе царствованія постигло общее бѣдствіе и царя, и народъ. Наступилъ неожиданно тяжкій трехлѣтній голодъ. Размѣры этого бѣдствія въ древности трудно намъ и представить. Если и нынѣ, при столь усовершенствованныхъ перевозочныхъ средствахъ, когда есть возможность огромныя массы хлѣба направить туда, гдѣ его не достаетъ, бѣдствіе часто достигаетъ ужасающихъ размѣровъ отъ недостатка предусмотрительности и своевременной помощи; то что сказать о 5-милліонномъ населеніи Палестины, которое въ теченіе трехъ лѣтъ должно было питаться только тѣмъ, что могъ принести верблюдъ на своемъ горбѣ изъ Египта? Безоблачное небо не посылало на изсохшую землю ни капли дождя; народъ изнемогалъ и ждалъ гибели. Царь страдалъ отъ сознанія своего безсилія отвратить бѣдствіе и отъ тяжкой думы: не за его ли грѣхи наказана земля? Наконецъ онъ рѣшился просить у Бога откровенія: чей грѣхъ тяготѣетъ надъ землей, чтобы удовлетвореніемъ божественному правосудію отвратить бѣдствіе. Богъ открылъ, что бѣдствіе постигло землю „ради Саула и кровожаднаго дома его, за то, что онъ умертвилъ гаваонитянъ“. Саулъ по свидѣтельству самихъ гаваонитянъ „губилъ ихъ и хотѣлъ истребить, чтобы не было ихъ ни въ одномъ изъ предѣловъ Израилевыхъ“. Такъ поступать съ гаваонитянами онъ не имѣлъ никакого законнаго основанія, а повидимому просто считая все позволительнымъ для себя, чтобы награждать и обогащать тѣхъ, къ кому благоволилъ, онъ началъ истреблять гаваонитянъ и раздавать ихъ поля и виноградники своимъ роднымъ и другимъ веніаминянамъ [1].. Это было тяжкимъ преступленіемъ, тре-

[1]) Относительно частнаго случая, который могъ подать поводъ Саулу совершить насиліе надъ гаваонитянами, Буддей приводитъ до гадку раввиновъ, предполагающихъ, что часть гаваонитянъ, бывшихъ въ услуженіи у священниковъ, была истреблена въ Номвѣ вмѣстѣ съ священниками. Указ. соч. стр. 159. Но это избіеніе не могло имѣть характера общаго преслѣдованія гаваонитянъ, каковое необходимо признать на основаніи словъ гаваонитянъ, и нуженъ рядъ другихъ предположеній, чтобы разъяснить предполагаемую связь всеобщаго

бовавшимъ отмщенія кровію по закону [1]). Давидъ призвалъ гаваонитянъ, какъ потерпѣвшихъ [2]), и спросилъ, что имъ нужно для удовлетворенія. По закону возмездія они потребовали казни семи потомковъ Саула. Давидъ, пощадивъ Мемфивосѳея, сына Іонаѳанова, и можетъ быть другихъ потомковъ Саула, выдалъ гаваонитянамъ двухъ сыновей Ресфы, наложницы Сауловой, и пятерыхъ сыновей Мелхолы отъ Адріэла [3]). Гавонитяне всѣхъ ихъ повѣсили, и висѣли они до тѣхъ поръ, пока не пошелъ дождь, положившій конецъ засухѣ, а слѣдовательно и голоду. Несчастная Ресфа, не смыкая глазъ ни днемъ, ни ночью, берегла трупы дѣтей отъ растерзанія хищными птицами и звѣрями, пока ихъ по распоряженію царя не похоронили вмѣстѣ съ костями Саула и Іонаѳана, перенесенными изъ Іависа, въ фамильной пещерѣ Киса, отца Саулова. Мы уже упоминали о томъ, какъ смотрятъ на этотъ фактъ тѣ, которые поставили себѣ задачею унизить Давида. По мнѣнію Менцеля „Давидъ не могъ чувствовать себя прочнымъ на новомъ (?) престолѣ, пока существовали потомки законнаго царя“, т. е., Саула. Поэтому Давидъ „пожелалъ совершенно избавиться отъ фамиліи Саула и когда наступила засуха, спросилъ о причинѣ ея у священниковъ, озлобленныхъ на Саула за кровопролитіе въ Номвѣ“ [4]). Онъ очевидно относитъ это событіе къ первымъ годамъ царствованія Давида въ Іерусалимѣ, когда говоритъ о „новомъ престолѣ“. Понятно, почему ему нужно было, вопреки порядку библейскаго повѣствованія, отодвинуть событіе къ первымъ годамъ царствованія Давида,—безъ этого его предположеніе теряло бы всякое правдоподобіе. Но мы совершенно не понимаемъ, почему писатели, не раздѣляющіе его взгляда на Давида, тоже отодвигаютъ

преслѣдованія гаваонитянъ съ событіемъ въ Номвѣ. См. Душеп. Чт. 1872 г. ч. 3. стр. 252. Можетъ быть Номва здѣсь не при чемъ, и болѣе правъ Эвальдъ, предполагающій, что столкновеніе вышло изъ-за обязательной службы гаваонитянъ при скиніи. Указ. соч. стр. 173.

[1]) Числ. 35, 16. 33.

[2]) Тамъ же. ст. 19.

[3]) Адріэлъ былъ мужъ Меровы. Предполагаютъ, что Мелхола воспитывала (усыновила?) дѣтей сестры своей, или же—что Мерова носила двойное имя: Мерова-Мелхола. Буддей. Указ. соч. стр. 160.

[4]) Указ. соч. стр. 90 и 93.

это событіе къ болѣе раннему времени [1]). Что же касается вышеприведеннаго злостнаго толкованія самаго факта, то его разрушилъ въ свое время еще Лиліенталь слѣдующимъ мѣткимъ замѣчаніемъ: „если бы, какъ говорятъ, его (Давида) жажда мщенія не могла успокоиться прежде, чѣмъ былъ бы истребленъ ненавистный для него родъ Саула; то онъ конечно не удовольствовался бы семью лицами, которыя были повѣшены, напротивъ не оставилъ бы ни одного въ живыхъ. Мемфивосѳей и его сынъ Миха прежде всѣхъ должны бы были погибнуть, такъ какъ они, будучи потомками наслѣдника престола Саулова, могли считаться имѣющими большее право на корону, чѣмъ другіе; къ тому же Миха имѣлъ четверыхъ сыновей, которыхъ потомство сдѣлалось очень многочисленно (1 Пар. 9, 41—44). Посему Давидъ долженъ былъ имѣть иное побужденіе выдать гаваонитянамъ семь упомянутыхъ мужей изъ дома Саулова“ [2]). Лиліенталь доказываетъ, что Давидомъ руководило не чувство мести; тѣмъ съ большимъ правомъ можно вывести отсюда заключеніе, что имъ руководило не желаніе обезопасить себя отъ претендентовъ на престолъ, а нѣчто совсѣмъ иное. Оставляя въ сторонѣ нелѣпое обвиненіе Давида въ кровожадности, мы остановимъ еще вниманіе на болѣе умѣренныхъ упрекахъ Давиду, которыя дѣлаютъ по поводу того же событія писатели мало или совсѣмъ не предубѣжденные противъ него. Мункъ, выразивъ мысль, что Давидъ оставилъ Іоава въ званіи главнокомандующаго послѣ убійства Амессая будто бы изъ опасенія новыхъ смутъ по причинѣ соперничества между Израилемъ и Іудою, продолжаетъ: „можетъ быть это же опасеніе было причиною того, что Давидъ имѣлъ жестокость принести въ жертву (мстительности гаваонитянъ) нѣкоторыхъ строптивыхъ (turbulents) потомковъ Саула“ [3]). Нѣтъ сомнѣнія, что опасеніе это и предполагаемое малодушіе Давида выдуманы авторомъ, потому что, какъ мы видѣли, ни начало Савеева мятежа,

---

[1]) Eisenlohr. указ. соч. ч. 1. стр. 244. Kurtz. Real-Enciklop. von Herzog. Art. David.

[2]) Указ. соч. т. 6. стр. 927.

[3]) Palestine. стр. 279.

ни его движеніе, ни конецъ не показывали, что корни его заключались въ народныхъ массахъ, и самое оставленіе Іоава въ должности главнокомандующаго если и было слѣдствіемъ страха, то не страха новаго народнаго мятежа, а развѣ страха предъ новымъ преступленіемъ Іоава. Мункъ по обычаю раціоналистовъ усиливается объяснить фактъ, тщательно избѣгая нѣкоторыхъ прямыхъ указаній Библіи, каковымъ въ данномъ случаѣ служитъ свидѣтельство объ откровеніи Бога, что бѣдствіе голода постигло народъ ради Саула и кровожаднаго дома его; а между тѣмъ центръ тяжести всего вопроса и заключается въ этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ: Давидъ дѣйствовалъ не подъ вліяніемъ страха и малодушія, а подъ вліяніемъ скорби о народномъ бѣдствіи, причина котораго ему была указана, и оставалось только изыскать средство къ устраненію этой причины. Средство это Давидъ нашелъ. Оно было сообразно съ духомъ того времени, съ обычаями народа и не стояло въ противорѣчіи съ дѣйствовавшимъ тогда закономъ. Поэтому нельзя считать справедливымъ и мнѣніе Эйзенлора, хотя оно и высказано повидимому въ безобидной формѣ, именно, что Давидъ въ данномъ случаѣ, какъ сынъ своего вѣка, находился будто бы подъ вліяніемъ грубыхъ народныхъ представленій, бросавшихъ свою мрачную тѣнь даже въ область, озаренную свѣтомъ чистой религіи [1]). Мы не знаемъ, что здѣсь названный ученый считаетъ грубымъ народнымъ представленіемъ: то ли, что голодъ считался слѣдствіемъ нѣкогда совершеннаго, но не наказаннаго преступленія, или то, что средство къ прекращенію бѣдствія видѣли въ казни лицъ, прикосновенныхъ къ преступленію,—вѣроятно, и то, и другое. Онъ очевидно не придаетъ никакого значенія тому, что причину голода самъ Богъ указалъ въ преступленіи Саула и его кровожаднаго дома, такъ какъ божественное откровеніе называетъ просто „оракулъ“. Однако на самомъ ли дѣлѣ мысль о томъ, что такія бѣдствія, какъ голодъ, моровая язва, и под., имѣютъ отношеніе къ человѣческимъ дѣяніямъ, есть только народное суевѣріе—не болѣе? Для тѣхъ мыслителей, которые смотрятъ на природу не какъ

[1]) Указ. соч. стр. 245.

на разумное цѣлое, а какъ на слѣпое круженіе явленій, имѣющее и причину, и цѣль само въ себѣ, которые на ничтожномъ кремнѣ, имѣющемъ подобіе ножа, видятъ признаки разумной и цѣлесообразной дѣятельности человѣка, самого же разумнаго дѣятеля признаютъ произведеніемъ слѣпыхъ силъ природы, производящихъ кремни безъ всякихъ признаковъ разумности и цѣлесообразности въ ихъ формѣ,—для этихъ мыслителей голодъ конечно существуетъ только самъ для себя. Оставимъ этихъ слѣпыхъ мыслителей съ ихъ безтолковою природою и мертворожденными истинами и обратимся къ источнику вѣчно живой и животворной истины, которая не свѣтитъ только тому, чьи глаза поражены проказою невѣрія. По глубокому библейскому воззрѣнію физическія бѣдствія имѣютъ нравственную причину. Богъ, управляющій міромъ, допускаетъ ихъ тогда, когда въ жизни людей нарушается и оскорбляется высшая правда, и не случайно, а съ задатками широкаго и продолжительнаго правонарушенія, могущаго повлечь за собою потерю самаго сознанія этого правонарушенія и одичаніе человѣческаго общества. Бѣдствія оживляютъ это сознаніе и побуждаютъ къ искорененію зла. Это неизбѣжный выводъ, коль скоро мы допустимъ господство Высшаго Разума въ мірѣ и руку Промысла въ жизни человѣческой. Древніе, умъ которыхъ не былъ ослѣпленъ цѣпью механическихъ причинъ и слѣдствій, сковавшею умъ новыхъ мыслителей, и которые поэтому были далеки отъ мысли, что во всемъ мірѣ, не исключая и человѣческой жизни, царитъ слѣпая, безсознательная необходимость, были глубоко убѣждены въ связи между житейскими бѣдствіями и нравственнымъ состояніемъ людей. На чемъ иначе основывались бы божественныя угрозы разными бѣдствіями народу еврейскому за его грѣхи? Что же касается въ частности отношенія человѣческой неправды къ физическимъ явленіямъ и именно къ землѣ, питающей человѣка, то на это, помимо разсматриваемаго мѣста, мы имѣемъ ясныя указанія и въ другихъ мѣстахъ Библіи. Уже на первыхъ ея страницахъ мы читаемъ божественное опредѣленіе объ этомъ отношеніи: „проклята земля за тебя; со скорбію будешь питаться отъ нея... Терніе и волчцы произраститъ она тебѣ“. Въ другихъ

мѣстахъ это отношеніе опредѣляется еще ближе и выразительнѣе. Перечисливъ чудовищные пороки хананеевъ, жившихъ въ обѣтованной землѣ до прихода въ нее евреевъ, Богъ устами Моисея говорилъ евреямъ: „и осквернилась земля, и Я воззрѣлъ на беззаконіе ея, и свергнула съ себя земля живущихъ на ней. А вы не дѣлайте всѣхъ сихъ мерзостей... чтобы и васъ не свергнула съ себя земля, когда вы станете осквернять ее, какъ она свергнула народы, бывшіе прежде васъ“ [1]). Что здѣсь нужно разумѣть подъ сверженіемъ землею живущихъ на ней? Конечно то, что и стихіи, и животное царство по божественному мановенію какъ бы возмущаются противъ живущихъ среди нихъ порочныхъ людей, и послѣдніе начинаютъ ослабѣвать и гибнуть отъ обрушившихся на нихъ физическихъ бѣдствій. Оказывается, что хананеи гибли еще до прихода въ ихъ землю евреевъ, чѣмъ вѣроятно и облегчилась отчасти для кочевыхъ евреевъ побѣда надъ цивилизованнымъ народомъ. Если мы сравнимъ вышеприведенное мѣсто съ Числ. 13, 33, то увидимъ, что малодушные евреи, посланные Моисеемъ для осмотра земли ханаанской, говорили не простую басню, когда утверждали, что земля, которую они проходили, есть земля „поядающая живущихъ на ней“. Они только не понимали, въ чемъ здѣсь дѣло: думали, что это зависитъ отъ самой земли, а не отъ людей, которые на ней жили. Когда евреи пришли въ землю ханаанскую и вступили въ борьбу, то вмѣстѣ съ ними воевала противъ хананеевъ и земля, или точнѣе—окружающая природа. Два царя аморрейскихъ, противоставшіе евреямъ, были обращены въ бѣгство „шершнями“. І. Навинъ обѣщалъ и на будущее время подобное же содѣйствіе евреямъ, если они не будутъ уклоняться отъ закона ни направо, ни налѣво: „пошлетъ (Господь Богъ) на нихъ (хананеевъ) дикихъ звѣрей, доколѣ не истребитъ ихъ“ [2]). Такимъ образомъ зависимость физическихъ бѣдствій отъ человѣческихъ дѣяній есть ясное ученіе слова Божія и неизбѣжный логическій выводъ изъ понятія о Промыслѣ Божіемъ, управляющемъ жизнію человѣческою и жизнію

[1]) Лев. 18, 25—28.
[2]) І. Нав. 24, 12; 23, 5.

неразумной природы; и суевѣріемъ это можетъ казаться только тому, кто самъ зараженъ суевѣріями новой матеріалистической философіи. Понятно послѣ этого, что средствомъ къ прекращенію бѣдствія, постигшаго народъ еврейскій, могло быть возстановленіе нарушенной правды. „Истреби зло изъ среды тебя“—говоритъ законъ [1]). Зло состояло въ пролитіи невинной крови, и не въ единичномъ убійствѣ, а въ кровавомъ преслѣдованіи цѣлаго племени, при чемъ погибло, вѣроятно, не мало людей. А въ законѣ опять сказано: „не оскверняйте земли, на которой вы (будете жить); ибо кровь оскверняетъ землю, и земля не иначе очищается отъ пролитой на ней крови, какъ кровію пролившаго ее“ [2]). Здѣсь указано и то, какимъ образомъ можно было исправить зло, возстановить нарушенную правду, а именно: приложеніемъ закона возмездія. Этотъ законъ тогда былъ очень строгъ: „да не пощадитъ его (преступника) глазъ твой: душу за душу, глазъ за глазъ, зубъ за зубъ, руку за руку, ногу за ногу... обожженіе за обожженіе, рану за рану, ушибъ за ушибъ“ [3]). Если даже волъ убивалъ человѣка, то и вола предписывалось побивать камнями. А если опасныя привычки вола были извѣстны его хозяину, то и хозяинъ подлежалъ смерти [4]). Строгость требованія очистить землю отъ пролитой крови простиралась до того, что когда находили убитаго человѣка въ полѣ, и убійца былъ неизвѣстенъ, то старѣйшины ближайшаго города должны были вывести въ пустое мѣсто телицу, убить ее, омыть руки свои надъ ея головою и сказать: „руки наши не пролили крови сей, и глаза наши не видѣли; очисти народъ Твой, Израиля, который Ты, Господи, освободилъ, и не вмѣни народу Твоему невинной крови“ [5]). Изъ всего этого слѣдуетъ, что если Давидъ выдалъ гаваонитянамъ потомковъ Сауловыхъ для казни, то онъ поступилъ только согласно дѣйствовавшему тогда закону, а не находился подъ вліяніемъ грубыхъ народныхъ суевѣрій. Если этотъ законъ представляется

---

[1]) Втор. 19, 19; 21, 21.
[2]) Числ. 35, 33.
[3]) Втор. 19, 21. Исх. 21, 25.
[4]) Тамъ же, ст. 28 и 29.
[5]) Втор. 21, 1—8.

слишкомъ суровымъ и, такъ сказать, далекимъ отъ духовнаго пониманія вещей *съ христіанской точки зрѣнія*; то это уже другой вопросъ. Не станетъ же кто-нибудь отрицать военныя заслуги Давида на томъ основаніи, что онъ не сдѣлалъ, подобно Александру Македонскому, похода въ Индію... Вопросъ о казни потомковъ Сауловыхъ дѣйствительно представляетъ нѣкоторыя трудности, но не съ той стороны, которая нами разсмотрѣна. „Признаюсь, говоритъ Буддей, многое здѣсь представляется уму, что не можетъ не держать его въ сомнѣніи и недоумѣніи“ [1]). Къ числу вопросовъ, справедливо приводящихъ его въ недоумѣніе, принадлежатъ, напр., такіе: почему за преступленіе Саула и его дома наказанъ голодомъ цѣлый народъ? Почему сыновья и внуки пострадали за преступленіе отца и дѣда? По поводу перваго онъ осторожно высказываетъ предположеніе, что Саулъ совершилъ преступленіе не безъ соизволенія израильтянъ; относительно втораго тоже предполагаетъ, что пострадавшіе могли быть участниками въ насиліи [2]). Повторяемъ: событіе, только что нами разсмотрѣнное, не можетъ быть освѣщено съ достаточною ясностью во всѣхъ вопросахъ, съ нимъ связанныхъ, по краткости библейскаго повѣствованія; но въ немъ нѣтъ ничего такого, за что бы можно было порицать Давида. Тѣмъ не менѣе въ немъ заключался великій урокъ и предостереженіе для Давида, который, стоя на верху своего могущества, не могъ не подвергаться сильному искушенію поставить свою волю выше закона.—Дѣписатель передаетъ и другой урокъ, данный Давиду Провидѣніемъ, по поводу одного мысленнаго поползновенія его къ нѣкоторому суетному предпріятію, въ то время какъ народъ нуждался въ разумныхъ мѣрахъ для предотвращенія нестроеній въ его нравственной жизни. Это была страшная моровая язва, которая свирѣпствовала хотя и не долго, но унесла множество жертвъ. По ходу разсказа представ-

[1]) Указ. соч. стр. 159.

[2]) См. также Душ. Чт. 1872 г. кн. 3. стр. 253. Къ числу недоумѣнныхъ и едвали разрѣшимыхъ относится еще вопросъ: почему пострадали именно семь лицъ, не болѣе и не менѣе? По поводу этого замѣчаютъ только, что виновны вѣроятно были всѣ (?) потомки Саула, но гаваонитяне обнаружили умѣренность, потребовавъ только семь. Hess. указ. соч. т. 8. стр. 82. Душ. Чт. стр. 254.

ляется, что бѣдствіе было вызвано исключительно исчисленіемъ народа, предпринятымъ по желанію Давида, что оно было наказаніемъ только за грѣхъ царя. Толкователей не мало затрудняетъ вопросъ: почему за грѣхъ царя наказанъ не самъ царь, а ни въ чемъ неповинный народъ, и наказанъ такъ тяжко? Въ дѣйствительности пострадалъ именно народъ, а не царь; потому что въ числѣ наказаній, возвѣщенныхъ пророкомъ Гадомъ, два прямо падали на народъ, именно: семилѣтній голодъ и моровая язва, и только одно трехмѣсячное преслѣдованіе Давида врагами всего болѣе касалось личности царя. Но и въ послѣднемъ случаѣ народъ не былъ бы избавленъ отъ тягостей войны. На самомъ же дѣлѣ разразилась моровая язва, не коснувшаяся ни царя, ни его семейства. И самъ Давидъ недоумѣвалъ, смотря на гибель народа: вотъ я согрѣшилъ; я, пастырь, поступилъ беззаконно. А эти овцы, что сдѣлали онѣ? Пусть же рука Твоя обратится на меня и на домъ отца моего". Конечно не безъ основанія говорятъ, что бѣдствіе народа есть бѣдствіе и царя. Къ этому можно еще прибавить, что виновникъ бѣдствія страдаетъ (если онъ не окаменѣлъ нравственно) даже болѣе тогда, когда бѣдствіе постигаетъ другихъ изъ-за него, что ему легче переносить самому заслуженное бѣдствіе. При всемъ томъ позволительно усумниться, чтобы Провидѣніе нравственно-свободныя существа употребило только какъ матеріалъ для наказанія и назиданія какой бы то ни было отдѣльной личности. Необходимо поэтому предположить, что самъ народъ еврейскій былъ повиненъ въ чемъ-либо и заслужилъ казнь, что грѣхъ царя и грѣхъ народа только совпадали, и Провидѣніе наказало тотъ и другой заразъ моровою язвою. Основаніемъ къ такому предположенію служатъ самыя первыя слова дѣписателя, приступившаго къ разсказу о разсматриваемомъ событіи. „Гнѣвъ Господень, говоритъ онъ, возгорѣлся на израильтянъ и возбудилъ онъ въ нихъ Давида сказать: пойди, исчисли Израиля и Іуду" [1]). Здѣсь ясно указывается, что еще прежде

[1]) 2 Цар. 24, 1. בהם—*въ нихъ*, Philippson переводитъ: *противъ нихъ*. Israel. Bibel. Лютеръ *между ними*. Кажется, лучше всего перевести: *изъ-за нихъ*, потому что предлогъ ב иногда заключаетъ въ себѣ и

чѣмъ Давиду въ голову пришло исчислить народъ, произошло что-то такое, за что Богъ прогнѣвался на народъ, и съ чѣмъ въ связи стоялъ замыселъ Давида о народосчисленіи [1]). По какому поводу возгорѣлся гнѣвъ Господень на израильтянъ, дѣписатель не объясняетъ, и мы остаемся здѣсь въ области предположеній. Нѣкоторые предполагаютъ, что Богъ гнѣвался на евреевъ за ихъ участіе въ мятежахъ Авессалома и Савея [2]). Намъ же представляется болѣе естественнымъ предположеніе, что періодъ спокойствія и благоденствія, наступившій послѣ періода бѣдствій и утомительныхъ войнъ, породилъ въ народной жизни такія явленія, которыя указывали на начинающійся нравственный упадокъ. Непорядкамъ, разнаго рода опаснымъ поползновеніямъ и беззаконіямъ могло содѣйствовать и безмѣрное размноженіе народа на ограниченномъ сравнительно пространствѣ земли. Царь долженъ былъ видѣть это. Но вмѣсто того, чтобы принять соотвѣтствующія мѣры противъ зла, онъ придумалъ что-то ненужное и противное волѣ Божіей. Предполагаютъ, что онъ рѣшился воспользоваться избыткомъ народныхъ силъ для обширнаго военнаго предпріятія. Основаніе къ такому предположенію указывается въ томъ, что Давидъ перечислялъ именно людей „способныхъ къ войнѣ“ [3]). Съ кѣмъ и по какому поводу Давидъ намѣревался воевать, конечно

понятіе причины, какъ Быт. 18, 28. Втор. 4, 3. Въ послѣднемъ мѣстѣ нужно читать не „*съ* Ваалъ-Фегоромъ, а *за* Ваалъ-Фегора, какъ требуетъ контекстъ.

[1]) Въ кн. Пар. 21, 1 указанъ путь, посредствомъ котораго гнѣвъ Божій отразился въ Давидѣ поползновеніемъ къ грѣховному по своимъ внутреннимъ основаніямъ предпріятію: это сатана, который по попущенію Божію воспользовался тайными помыслами Давида, заключавшими въ себѣ грѣховные задатки, чтобы побудить его привести ихъ въ исполненіе.

[2]) Абарбанель. Еще страннѣе предположеніе Рамбана: Богъ гнѣвался за то, что евреи медлили построеніемъ храма. Philippson. Isr. Bibel. стр. 482. Первое предположеніе выражаетъ и Кейль. Указ соч. стр. 363.

[3]) 2 Цар. 24, 9. Graetz предполагаетъ, что Давидъ намѣревался вступить въ борьбу съ Египтомъ, такъ какъ ему показалось опаснымъ движеніе фараона Нижняго Египта, Псузеннеса, овладѣвшаго Газеромъ въ землѣ филистимской. Указ. соч. стр. 270.

неизвѣстно; но предположеніе военныхъ предпріятій считаютъ до того необходимымъ, что безъ него будто бы теряется ключъ къ пониманію всего событія и божественнаго суда [1]). Какъ бы то ни было, но опытный и въ политикѣ, и въ войнѣ Іоавъ не ожидалъ отъ предпріятія ничего, кромѣ вреда, понималъ, что царь заблуждается, и старался вразумить Давида, въ умѣренныхъ на этотъ разъ и даже почтительныхъ выраженіяхъ: „да умножитъ Господь народъ Свой во сто разъ противъ того, сколько есть его. Не всѣ ли они, господинъ мой, царь, рабы господина моего? Для чего же требуетъ сего господинъ мой? Что бы вмѣнилось это въ вину Израилю“ [2])? Въ этихъ словахъ Іоава, всего вѣроятнѣе, и находится ключъ къ надлежащему объясненію событія: не трудно вывести изъ нихъ заключеніе, что Давидъ имѣлъ въ виду стянуть покрѣпче узы власти надъ народомъ, къ чему перепись всегда и вездѣ служила вѣрнѣйшимъ средствомъ [3]). Поэтому Іоавъ и говорилъ: развѣ не рабы твои евреи и безъ того? Давидъ очевидно пожелалъ дать другой характеръ своему господству: полупатріархальную власть, съ которой уживались разныя льготы и вольности, всегда дорогія народу, хотѣлъ замѣнить строгою централизаціей управленія, неослабнымъ надзоромъ и строгимъ преслѣдованіемъ всего, что глава народа нашелъ бы достойнымъ преслѣдованія и подавленія. Поводомъ къ такому замыслу могли послужить вышеупомянутые, предполагаемые нами, непорядки въ народной жизни. Эти непорядки Давидъ хотѣлъ подавлять силою, напр., онъ, можетъ быть, желалъ разорить всѣ *высоты*, т. е., особыя мѣста богослуженія, помимо Іерусалимской скиніи, карать за неповиновеніе закону и ему самому, за дурную нравственность, и проч. (между тѣмъ какъ въ данномъ случаѣ слѣдовало дѣйствовать инымъ способомъ, напр., позаботиться о религіозномъ просвѣщеніи народа, хотя бы подобно тому, какъ это сдѣлалъ одинъ изъ преемниковъ Давида, Іосафатъ) [4]). Это не воен-

---

[1]) Hengstenberg. Указ. соч. стр. 128.
[2]) 1 Пар. 21, 3.
[3]) Такъ думаетъ Эвальдъ. Указ. соч. стр. 205.
[4]) 2 Пар 17, 7—9.

ный деспотизмъ, о которомъ здѣсь обыкновенно говорятъ, а нѣчто другое. У Давида и безъ того было достаточно военной силы, чтобы, опираясь на нее, управлять страною деспотически, если бы онъ этого захотѣлъ. Тѣмъ не менѣе и задуманная Давидомъ реформа легко могла повести къ тиранніи, такъ что въ концѣ концовъ зависѣло бы единственно отъ воли монарха и его личныхъ наклонностей: править страной деспотически, или не деспотически, т. е., не ставить свою волю выше закона. Первое должно было случиться всего скорѣе (и дѣйствительно случилось при его преемникахъ), и въ этомъ заключалось заблужденіе Давида: онъ полагалъ, что задуманная реформа благотворна и необходима. Совершенно справедливо, что мысль о деспотизмѣ „несовмѣстима съ характеромъ Давида, любившаго народъ свой, какъ дѣтей своихъ“ [1]). Но столь же несовмѣстимы съ его характеромъ и гордость съ честолюбіемъ, представляемыя какъ снова его замысла исчислить народъ; потому что чѣмъ они лучше деспотизма, и не состоитъ ли послѣдній въ близкомъ родствѣ съ ними? Вопросъ здѣсь не въ томъ, была ли въ Давидѣ какая-нибудь особенная грѣховная наклонность, которая проявилась въ данномъ случаѣ, а вообще въ томъ: могъ ли Давидъ заблуждаться и увлекаться чѣмъ бы то ни было? Исторія его жизни показываетъ, что могъ. Но онъ отличался отъ многихъ другихъ тѣмъ, что заблужденія его обусловливались его увлеченіями, а не проистекали изъ злой воли, и потому не были ни постоянными, ни продолжительными,—онъ всегда способенъ былъ прійти къ сознанію своего заблужденія, къ раскаянію, съ покорностію выслушать обличеніе, принять данный урокъ и сойти съ ложнаго пути. Такъ было и въ данномъ случаѣ. Саулъ, не смотря на обличенія и угрозы Самуила, продолжалъ развивать безграничный произволъ власти, и лишилъ свой домъ царства. Соломонъ, не обративъ вниманія на урокъ, данный его отцу, поработилъ народъ, и лишилъ своего преемника десяти колѣнъ. Напротивъ Давидъ понялъ сдѣланное ему предостереженіе, принялъ его къ сердцу и—замыслъ свой бросилъ, какъ

[1]) Душ. Чт. стр. 259.

безразсудный, грѣховный и противный волѣ Божіей. Въ словахъ Іоава есть еще намекъ на могущее возникнуть отъ исполненія царскаго замысла народное бѣдствіе: это можетъ навести вину на Израиля, говорилъ онъ. Какимъ образомъ? Безъ сомнѣнія Іоавъ предчувствовалъ сопротивленіе со стороны народа, которое пришлось бы преодолѣвать военною силою [1]) и покарать какъ мятежъ, какъ явное неповиновеніе власти, хотя бы эта власть и сама заблуждалась [2]). Предостереженіе Іоава не подѣйствовало, и Давидъ настоялъ на своемъ. Скрѣпя сердце, Іоавъ отправился считать народъ въ сопровожденіи весьма внушительнало отряда войска [3]). Онъ началъ обходъ

[1]) Это вѣроятно и было, и нельзя было этого не ожидать. Странно поэтому, въ присутствіи военной силы при исчисленіи, видѣть доказательство, что исчисленіе производилось съ военными же цѣлями. Hengstenberg. Указ. соч. стр. 128. Давидъ не могъ никакого счисленія произвести безъ военной силы.

[2]) I. Флавій предполагалъ отношеніе бѣдствія, постигшаго народъ при Давидовомъ исчисленіи, къ Исх. 30, 42, гдѣ заповѣдуется Моисею, чтобы при исчисленіи народа всякій поступающій въ исчисленіе вносилъ выкупъ за душу свою (половину сикля), и при этомъ прибавляется: „и не будетъ между ними язвы губительной при исчисленіи ихъ". I. Флавій полагаетъ, что Давидъ забылъ объ этомъ законѣ Antiqu. L. VII. cap. XIII. 1. Совсѣмъ невѣроятно, чтобы Давидъ забылъ объ этомъ. Дѣло въ томъ, что законъ этотъ по всѣмъ признакамъ не имѣлъ отношенія къ Давидову исчисленію. Предполагая между ними отношеніе, нельзя понять, почему не послѣдовала прямо моровая язва, и Давиду представлены еще были на выборъ голодъ или война. „Моисеево предписаніе о выкупѣ, говорнтъ Keil, относится къ записи народа въ воинство Іеговы и не можетъ быть принимаемо въ разсчетъ при Давидовомъ народосчисленіи, какъ мѣрѣ политической. Comment. Die Büch. Samuels. стр. 362. Въ Исх. 30, 12–16 по всей вѣроятности говорится о провѣркѣ народа въ религіозномъ отношеніи. Глава народа отъ времени до времени долженъ былъ удостовѣряться: кто принадлежитъ къ „народу Божію", и кто не принадлежитъ. Въ удостовѣреніе своей принадлежности всякій взрослый обязанъ былъ внести свящ. подать въ пользу скиніи. Эта подать, или „выкупъ за душу" служила какъ бы исповѣданіемъ его вѣры. Всякому, кто отказывался внести эту подать, кто, слѣдовательно исключалъ себя изъ общества рѣрующихъ, отрицалъ Іегову—грозила „язва губительная" Если такъ, то ясно, что Давидово народосчисленіе не имѣло ничего общаго съ этимъ.

[3]) Выраженіе: „пошелъ Іоавъ съ *военачальниками*,—указываетъ на военную силу и притомъ значительную; потому что для одного незначительнаго отряда не нужно болѣе *одного* военачальника.

съ за-іорданской страны, которая, какъ мы уже замѣчали, отличалась наиболѣе спокойнымъ характеромъ и преданностію власти сравнительно съ другими областями, и потому, не оказавъ сопротивленія, могла показать примѣръ повиновенія другимъ. Съ южной границы ея онъ прошелъ чрезъ Галаадъ до подошвы Эрмона. Отсюда повернулъ на западную сторону Іордана, въ самыя сѣверныя колѣна, заходилъ въ города, еще не отнятые у хананеевъ, хотя и подвластные, прошелъ по самой границѣ Финикіи и затѣмъ спустился на югъ до Вирсавіи, крайняго южнаго пункта колѣна Іудина. Этотъ обходъ продолжался 9 мѣсяцевъ и 20 дней. Безъ сомнѣнія Іоаву пришлось не мало употребить труда на то, чтобы сдерживать народное неудовольствіе, чтобы не допустить до открытаго возстанія; поэтому-то, разумѣется, онъ не рѣшился считать левитовъ, которые и при Моисеѣ были освобождаемы отъ переписи по своему исключительному положенію, какъ служители Божіи [1]), и въ колѣно Веніаминово совсѣмъ не пошелъ, потому что, говорится, царское слово противно было Іоаву [2]), т. е., на прочія колѣна онъ еще могъ положиться, левитовъ же и веніаминянъ оставилъ въ покоѣ, такъ какъ по отношенію къ нимъ царское распоряженіе находилъ рѣшительно невозможнымъ, прямо возбуждавшимъ бунтъ [3]). Цифры, добытыя исчисленіемъ показали, что въ землѣ евреевъ въ то время людей, достигшихъ физической зрѣлости, людей среднихъ лѣтъ и пожилыхъ, но еще не одряхлѣвшихъ отъ старости, словомъ работниковъ и въ случаѣ надобности воиновъ, было около $1\frac{1}{2}$ миллиона [4]). Прилагая къ этому количеству женскую по-

---

[1]) Числ. 1, 47—53.

[2]) 1 Пар. 21, 6.

[3]) Hengstenberg неизвѣстно на какомъ основаніи говоритъ, что Іоавъ только „возможно долѣе откладывалъ перепись колѣна Веніаминова. Непонятно также и то, какимъ образомъ онъ видитъ въ этомъ обстоятельствѣ подтвержденіе мысли, что перепись производилась именно съ военными цѣлями. Указ. соч. стр. 128.

[4]) Въ кн. Цар. и Пар. это количество показано нѣсколько различно, именно: въ первой показано 800000 въ сѣверныхъ колѣнахъ и 500000 въ колѣнѣ іудиномъ; во второй—1100000 въ сѣверныхъ колѣнехъ и 470000 въ Іудиномъ. Цифры кн. Пар., увеличивая общее коли-

ловину, дѣтей ниже 20-лѣтняго возраста (не нужно при этомъ думать, что всѣ попавшіе въ исчисленіе имѣли дѣтей) и незначительное сравнительно количество престарѣлыхъ (не считались вѣроятно достигшіе 60-лѣтняго возраста и выше), мы получимъ общее народонаселеніе отъ 5 до 6 милліоновъ. Это количество конечно громадно для такой, сравнительно небольшой земли, какъ Палестина, но нисколько не невѣроятно; потому что, напр., въ Бельгіи, которая по величинѣ своей почти соотвѣтствуетъ тогдашней землѣ евреевъ, считается нынѣ 5 $^1/_2$ милліоновъ жителей. Давидъ, пока производилось исчисленіе, имѣлъ достаточно времени обдумать предпринятую имъ мѣру и прійти къ заключенію объ ея непригодности и суетности. Когда же умъ его былъ пораженъ массою людей, ввѣренныхъ его попеченію, и когда ему было донесено, можетъ быть, о весьма выразительныхъ фактахъ народнаго негодованія и весьма неблаговидныхъ мѣрахъ къ его подавленію для безпрепятственнаго выполненія царскаго предписанія, а также вѣроятно о нѣкоторыхъ другихъ явленіяхъ народной жизни, требовавшихъ совсѣмъ иныхъ мѣръ, чѣмъ ни для кого не полезное перечисленіе,—тогда, сказано, „вздрогнуло сердце Давидово... и сказалъ онъ Господу: тяжко согрѣшилъ я... ибо крайне неразумно поступилъ“ [1]). На другой день явился къ Давиду пророкъ Божій и сказалъ: „такъ говоритъ Господь: избирай себѣ, быть ли голоду въ странѣ твоей семь лѣтъ, или чтобы ты три мѣсяца бѣгалъ отъ непріятелей твоихъ, и они преслѣдовали тебя, или чтобы въ продолженіи трехъ дней была моровая язва въ странѣ твоей“. И сказалъ Давидъ пророку: „тяжко мнѣ!—но пусть впаду я въ руки Господа, ибо

чество, болѣе соотвѣтствуютъ дѣйствительному отношенію 11 или 10 колѣнъ къ одному. I. Флавій, удерживая общее количество кн. Царствъ, измѣняетъ отношеніе въ томъ же смыслѣ, какъ и писатель кн. Пар., именно: онъ полагаетъ 900000 для сѣверныхъ колѣнъ и 400000 для Іудина. Antiqu. L. VII. cap XIII. 1.

[1]) Давида испугало конечно не число, какъ число; но оно указало ему необъятность задачи, которую онъ взялъ было на себя, на непригодность той мѣры, которую онъ придумалъ было, на его грѣховную самонадѣянность, на временное забвеніе необходимости божественнаго руководительства во всемъ.

велико милосердіе Его; только бы въ руки человѣческія не впасть мнѣ“ [1]). Тогда для вразумленія народа, несомнѣнно обнаружившаго признаки духовнаго упадка, нравственной непорядочности, а вмѣстѣ и для наказанія царя, забывшаго свои обязанности пастыря народнаго, вмѣсто разумныхъ народовоспитательныхъ мѣръ задумавшаго дѣло, которое только возмущало народъ, возбуждало безпорядочное движеніе страстей и наконецъ грозило извратить ѳеократическій строй государства,—послѣдовала казнь: Ангелъ смерти началъ истреблять тысячи народа неожиданно и скоропостижно. На всѣхъ напалъ ужасъ, который и вытѣснилъ изъ сердецъ грѣховныя вожделѣнія, подавилъ строптивыя мысли. Что же касается царя, то если онъ мечталъ о военной силѣ, о завоеваніяхъ—моровая язва грозила зарыть эту силу въ землю; если онъ имѣлъ поползновеніе насладиться новымъ видомъ господства надъ народомъ, безпредѣльностію власти—моровая язва грозила оставить его безъ подданныхъ или же самого его спустить въ шеолъ [2]). Давидъ, сознавшій свое заблужденіе, молилъ о послѣднемъ. Моровая язва свирѣпствовала и въ Іерусалимѣ, и здѣсь при густотѣ населенія опустошительныя ея дѣйствія были нагляднѣе, чѣмъ гдѣ-либо. Многіе видѣли (Давидъ, старѣйшины, Орна іевусеянинъ съ сыновьями и безъ сомнѣнія пророкъ Гадъ), какъ Ангелъ смерти стоялъ надъ Іерусалимомъ съ простертымъ мечемъ [3]); даже замѣчено было мѣсто, надъ которымъ онъ стоялъ, именно—гумно Орны іевусеянина. Тогда среди всеобщаго страха и отчаянія явился къ Давиду пророкъ Гадъ по слову Ангела Іеговы и сказалъ: „принеси жертву Господу на гумнѣ Орны“. Давидъ, прежде чѣмъ исполнить это, рѣшилъ пріобрѣсти это мѣсто, какъ священное, въ собственность навсегда, и потому купилъ гумно у Орны, хотя послѣдній и предлагалъ ему даромъ. Тогда Давидъ при-

---

[1]) I Флавій, не сообразно ни съ смысломъ словъ пророка, ни съ разсужденіемъ самого Давида предполагаетъ, будто Давидъ стѣснялся выбрать второе наказаніе, такъ какъ де показалось бы, что онъ выбралъ легчайшее, имѣя хорошія средства защититься отъ враговъ. Ant., L. VII cap. XIII. 2.

[2]) Еврейское названіе области мертвыхъ, преисподней.

[3]) 1 Пар, 21, 16—20.

несъ жертву, на которую сошелъ огонь съ неба, и Богъ помиловалъ народъ, повелѣвъ Ангелу „возвратить мечъ свой въ ножны его“. По прекращеніи язвы Давидъ снова принесъ жертву на гумнѣ Орны. „И не могъ, сказано, Давидъ пойти въ Гаваонъ (гдѣ была скинія Господня, сдѣланная Моисеемъ), чтобы взыскать Бога, потому что устрашенъ былъ мечемъ Ангела Господня“ [1]). Т. е., явленіе Ангела надъ гумномъ Орны во время, или лучше, къ концу язвы и прекращеніе послѣдней послѣ жертвоприношенія на этомъ мѣстѣ дало Давиду понять, что отселѣ служеніе Богу должно совершаться именно на этомъ мѣстѣ, такъ какъ на немъ видимымъ образомъ проявились и судъ Божій надъ Израилемъ, и милосердіе Божіе. Можно догадываться, что моровая язва, свирѣпствовавшая всюду, не исключая и Гаваона, не смотря на то, что онъ считался священнымъ мѣстомъ [2]), опустошавшая и Іерусалимъ, не коснулась только холма, на которомъ жилъ Орна и, вѣроятно, нѣкоторые другіе іерусалимскіе жители. Такимъ образомъ Давидъ рѣшилъ для себя вопросъ, гдѣ долженъ быть построенъ храмъ Іеговѣ: „вотъ говорилъ онъ, домъ Господа Бога, и вотъ жертвенникъ для всесожженій Израиля“ [3]).

Давидъ достигъ преклонныхъ лѣтъ, доживалъ послѣднее пятилѣтіе своей жизни [4]). Старость его была срав-

---

[1]) 1 Пар. 21, 29. 3.

[2]) Keil. Chronik. s. 178.

[3]) 1 Пар. 22, 1.

[4]) Соломонъ, назвавшій себя тотчасъ по вступленіи на престолъ „отрокомъ малымъ“, 3 Цар. 3, 7, былъ дѣйствительно молодъ; но онъ ни въ какомъ случаѣ не имѣлъ меньше 18—20 лѣтъ. Эвальдъ. Указ. соч. стр. 204. Первыя его дѣйствія показываютъ, что онъ уже не былъ мальчикомъ въ собственномъ смыслѣ. Слѣдовательно война съ аммонитянами, послѣ которой онъ вскорѣ родился, приходилась около 20 года царствованія Давида. Послѣ этого совершилъ преступленіе Амнонъ; чрезъ 2 года Авессаломъ убилъ его; 3 года Авессаломъ жилъ въ изгнаніи; 2 года по возвращеніи жилъ въ опалѣ; послѣ примиренія съ отцомъ нѣкоторое время привлекалъ къ себѣ сердца израильтянъ. Все это вмѣстѣ съ его мятежомъ, заняло во всякомъ случаѣ 10 лѣтъ. Послѣ этого была война съ филистимлянами, по всѣмъ признакамъ довольно продолжительная; потомъ трехлѣтній голодъ, потомъ исчисленіе народа. Эти событія могли занять предпослѣднее пятилѣтіе царствованія Давида, продолжавшагося 40 лѣтъ.

нительно съ предыдущею жизнію спокойна. Дѣятельность его была обращена теперь преимущественно на религіозные предметы. Еще въ одинъ изъ предыдущихъ спокойныхъ періодовъ своего царствованія онъ рѣшился было увеличить блескъ богослуженія построеніемъ великолѣпнаго храма на мѣсто скромной скиніи. Самъ пророкъ Наѳанъ сначала одобрилъ мысль царя, находившаго неприличнымъ, что онъ, царь, живетъ въ роскошныхъ кедровыхъ палатахъ, а ковчегъ Божій находится подъ шатромъ. Но вскорѣ пророкъ получилъ откровеніе, что Давидъ не долженъ строить храма, а долженъ предоставить это дѣло своему наслѣднику, которому Богъ обѣщалъ Свое особенное покровительство. Причина, почему Давидъ не долженъ былъ строить храмъ, указывается въ 1 Пар. 22, 8, именно, что давидъ пролилъ много крови, ведя большія войны, тогда какъ сынъ его, наслѣдникъ, будетъ человѣкъ мирный, не тревожимый никакими врагами, почему онъ и построитъ домъ имени Божію. Это нужно понимать такъ, что столь важное дѣло, какъ построеніе храма, достойнаго славы и величія Іеговы [1]), требовало во-первыхъ продолжительнаго, всецѣлаго, ничѣмъ неотложнымъ не нарушаемаго вниманія отъ царя-строителя, которое возможно только при глубокомъ мирѣ внутри и извнѣ; а цаствореніе Давида, какъ мы знаемъ, было бурное царствованіе, которое имѣло только непродолжительные мирные промежутки, и слѣдовательно Давидъ не имѣлъ возможности отдаться всецѣло выполненію предположенной задачи (это же говорилъ и Соломонъ чрезъ своихъ пословъ Хираму) [2]); во-вторыхъ задача построенія храма по исключительности ея предмета требовала особеннаго подготовленія, изученія и, такъ сказать, умственнаго воспитанія въ извѣстномъ направленіи, а Давидъ велъ кровопролитныя войны, почему ни его познанія, по необходимости относившіяся болѣе къ военной области[3]), ни даже обычный строй и направленіе его мыслей, обусловленные бурными обстоятельствами его жизни и царствованія [4]), не

[1]) 1 Пар. 22, 5; 29, 1.

[2]) 3 Цар. 5, 3.

[3]) Онъ зналъ, напр., военную исторію своего народа до подробностей. 2 Цар. 11, 22.

[4]) См. 2 Цар. 22, 8—16. 33—46.

могли соотвѣтствовать дѣлу, которое требовало глубокихъ познаній въ области строительнаго искусства и спокойнаго созерцанія мирныхъ образовъ, долженствовавшихъ выразиться подъ пилою и рѣзцомъ художниковъ въ камнѣ, деревѣ и металлѣ. На все это предполагался болѣе способнымъ сынъ Давида, царь мира, Соломонъ. Для успокоенія же Давида, выразившаго благочестивое безпокойство о томъ, что Іегова до сихъ поръ не имѣетъ величественнаго храма, и для просвѣтленія его сознанія относительно его жизненной задачи пророкъ сказалъ пространную, глубокознаменательную для Давида рѣчь [1]). Изъ этой рѣчи, равно какъ и изъ отвѣтной на нее молитвы Давида къ Богу открывается, что въ лицѣ самого Давида Богъ положилъ основаніе Своего нерукотвореннаго храма, т. е., создалъ царственный домъ, который будетъ отличаться отъ всѣхъ другихъ тѣмъ, что престолъ его устоитъ во вѣки. Это чудное свойство дарованнаго Давиду престола, утвержденію котораго содѣйствовалъ и онъ своими человѣческими силами, переносило его мысли къ Тому великому Потомку его, Который имѣлъ внезапно прійти въ храмъ Свой [2]) и Котораго самъ Давидъ называлъ своимъ Господомъ [3]). Разставшись съ мыслію самому выстроить храмъ, Давидъ съ величайшимъ усердіемъ принялся за приготовленія, которыя должны были облегчить его преемнику это великое дѣло. „Соломонъ, мой сынъ, говорилъ онъ, молодъ и малосиленъ, а домъ, который слѣдуетъ выстроить для Господа, долженъ быть весьма величественъ на славу и украшеніе предъ всѣми землями. И такъ буду я заготовлять для него“ [4]). Богатыя добычи монгочисленныхъ войнъ доставили громадный запасъ металловъ: количество желѣза и мѣди не исчислено по причинѣ громадности и сравнительной незначительности цѣны; серебра же показано милліонъ талантовъ, а золота—сто тысячъ [5]). Къ этому запасу, образовавшемуся въ сокровищни-

---

[1]) 2 Цар. 7, 5—16.

[2]) Малах. 3, 1.

[3]) Пс. 109, 1. Матѳ. 22, 43. 44.

[4]) 1 Пар. 22, 5.

[5]) Вѣсъ таланта во времена Давида неизвѣстенъ; но во всякомъ случаѣ серебра и золота было громадное количество. Въ это количе-

цѣ скиніи, Давидъ присоединилъ богатый вкладъ изъ собственныхъ средствъ—три тысячи талантовъ наилучшаго качества золота[1]) и семь тысячъ талантовъ чистаго серебра. Кромѣ того Давидъ сдѣлалъ воззваніе ко всѣмъ именитымъ и богатымъ евреямъ, которые и пожертвовали пять тысячъ талантовъ слишкомъ золота, десять тысячъ талантовъ серебра, восемнадцать тысячъ—мѣди и сто тысячъ—желѣза. Жертвовали также и драгоцѣнные камни. Заботы Давида не ограничились этимъ,—онъ, можно сказать, приступилъ къ самому построенію, не возводя лишь самаго зданія храма: онъ собралъ всѣхъ инородцевъ, жившихъ въ царствѣ и свѣдущихъ въ каменномъ мастерствѣ и поручилъ имъ обдѣлку камней для будущаго знанія, а финикіяне въ огромномъ количествѣ доставляли кедровыя деревья[2]). Лишенный возможности видѣть самый храмъ, Давидъ мысленно представлялъ себѣ его образъ, потому что онъ составилъ „чертежъ всего, что было у него на душѣ, чертежъ притвора и домовъ его, и кладовыхъ его, и горницъ его, и внутреннихъ покоевъ его, и дома для ковчега; дворовъ дома Господня и всѣхъ комнатъ кругомъ, сокровищницъ дома Божія и сокровищницъ вещей посвященныхъ, и священническихъ и левитскихъ отдѣленій и всякаго служебнаго дѣла въ домѣ Господнемъ, и всѣхъ служебныхъ сосудовъ дома Господня, золотыхъ вещей съ означеніемъ вѣса для всякаго изъ служебныхъ сосудовъ...“, и проч. [3]). Этотъ чертежъ онъ вручилъ Соломону съ завѣщаніемъ выполнить все, что въ немъ обозначено. Такимъ образомъ созданіе храма было дѣломъ не одного Соломона. Впрочемъ, если честь самаго построенія храма, требовавшаго безъ

ство вошли и сокровища скиніи, собранныя прежде Давида. 1 Пар. 26, 28. I. Флавій почему-то показываетъ серебра 100,000 талантовъ, а золота – 10,000. Antiqu. L. VII. cap. XIV. 2. Не принялъ ли онъ здѣсь въ разсчетъ разницу въ вѣсѣ таланта въ его время и во времена древнѣйшія? Если 10 талан. временъ Давида равнялись 1 таланту временъ Іосифа, то, полагая сикль равнымъ $^1/_2$ лота (1 тал.=3000 сикл.), мы получимъ: 11,796 пуд. золота и 117,960 пуд. серебра.

[1]) 1 Пар. 29, 4. Золото названо „Офирскимъ“ въ знакъ его доброкачественности, потому что впослѣдствіи лучшее золото привозилось изъ Офира.

[2]) 1 Пар. 22, 2. 4.

[3]) 28, 11—18.

сомнѣнія громаднаго ума, знаній и настойчивости, принадлежитъ именно Соломону; зато устройство богослуженія въ будущемъ храмѣ—его порядокъ, правильность, торжественность и величіе—принадлежитъ всецѣло Давиду. Онъ сообщилъ строгую организацію всему составу многочисленныхъ евященнодѣйствующихъ лицъ и храмовыхъ служителей [1]). Мы видѣли, что Давидъ по причинѣ отсутствія преобладающаго центра богослуженія (новая скинія въ Іерусалимѣ, старая скинія въ Гаваонѣ) и по нѣкоторымъ другимъ обстоятельствамъ допустилъ на время существованіе двоихъ первосвященниковъ, Садока и Авіаѳара. Но это не могло остаться навсегда и не осталось, когда храмъ сталъ средоточіемъ всенароднаго богослуженія. Садокъ и Авіаѳаръ были главы двухъ священническихъ линій отъ сыновъ Аарона, Елеазара и Иѳамара. Линія Елеазара состояла изъ 16 родовъ, а линія Иѳамара изъ 8. Изъ нихъ Давидъ образовалъ 24 череды священниковъ. Во главѣ каждой череды стоялъ главный священникъ, который управлялъ ею, и всѣ они вмѣстѣ составляли послѣ первосвященника высшій чинъ священниковъ, называясь „главными во святилищѣ и предстоятелями предъ Богомъ“ [2]). Въ порядкѣ, разъ навсегда опредѣленномъ жребіемъ, каждая череда приступала къ отправленію всѣхъ богослужебныхъ дѣлъ въ теченіе одной недѣли. Въ большіе праздники, когда священнодѣйствовалъ самъ первосвященникъ, вѣроятно всѣ череды

---

[1]) Устройство служенія священниковъ и левитовъ раціоналисты обыкновенно приписываютъ Соломону. Почему? Просто потому, что онъ выстроилъ храмъ. Почему же въ Библіи оно приписывается Давиду? Это, говоритъ Menzel, „по недоумѣнію относительно точнаго времени реформы и по пристрастію къ Давиду“. Ук. соч. стр. 138 Итакъ Menzel знаетъ исторію евреевъ лучше, чѣмъ тѣ древніе писатели—евреи, безъ которыхъ мы не знали бы изъ еврейской исторіи ровно ничего. Не похоже ли это нѣсколько на то, какъ если бы какой-нибудь ученый зулусъ чрезъ 3000 лѣтъ вздумалъ критиковать данныя русской исторіи по своему разумѣнію? Подобнымъ образомъ онъ могъ бы отнести исправленіе книгъ церковныхъ ко времени Петра В., потому что онъ былъ вообще преобразователь и въ частности преобразовалъ высшее церковное управленіе; а Алексѣй Михаиловичъ де выдвинутъ здѣсь духовенствомъ и славянофилами по пристрастію къ нему.

[2]) 1 Пар. 24, 5.

собирались вмѣстѣ. Что касается левитовъ, то, перечисливъ ихъ поголовно, отъ 30 лѣтъ и старше, и найдя ихъ 38,000, Давидъ распредѣлилъ ихъ служеніе такимъ образомъ: 6,000 отчислилъ въ составъ судей и писцовъ (на послѣднихъ лежало письменное дѣлопроизводство въ государствѣ). Эти левиты не принадлежали такимъ образомъ къ богослужебному составу, и храмъ не былъ средоточіемъ ихъ дѣятельности: „они опредѣлены, сказано, на внѣшнее служеніе у израильтянъ“[1]). Но они, разсѣянные среди всего населенія „по дѣламъ Божіимъ и дѣламъ царя“ [2]) несли высокую службу въ живомъ храмѣ Іеговы—въ народѣ, и своимъ присутствіемъ и дѣятельнымъ участіемъ въ гражданскихъ дѣлахъ, въ отправленіяхъ государственной и общественной жизни сообщали всему строю народно-государственной жизни ѳеократическій характеръ даже при всемогущей власти царя. Давидъ не только не налагалъ своей руки на ѳеократическія основы государства, но и заботился объ ихъ укрѣпленіи, о болѣе широкомъ проникновеніи ихъ въ жизнь государства. Всѣ остальные левиты должны были нести службу при скиніи и впослѣдствіи при храмѣ. 24,000 изъ нихъ Давидъ назначилъ „для дѣла въ домѣ Господнемъ“, т. е., въ помощь священникамъ при богослуженіи: „чтобы они были при сынахъ Ааароновыхъ для служенія дому Господню, во дворѣ и въ пристройкахъ, для соблюденія чистоты всего святилища и для исполненія всякой службы при домѣ Божіемъ, для наблюденія за хлѣбами предложенія и пшеничною мукою для хлѣбнаго приношенія и прѣсными лепешками, за печенымъ, жаренымъ и за всякою мѣрою и вѣсомъ“ [3]). Вѣроятно эти левиты были раздѣлены между 24 чередами священниковъ, по тысячѣ на каждую. Такое число прислужниковъ при богослуженіи можетъ показаться громаднымъ. Но если мы примемъ во вниманіе, что на цѣлое государство былъ только одинъ храмъ, что въ великіе праздники при громадномъ стеченіи народа жертвы считались тысячами, что и въ обыкновенные праздники и даже простые дни они должны были быть весьма многочисленны—до сотни и до тысячи; то убѣдимся, что составъ храмовыхъ служителей не былъ несоразмѣ-

[1]) 26, 29. [2]) Ст. 30—32. [3]) 23, 4. 28. 29.

ренъ съ потребностями богослуженія [1]). Затѣмъ Давидъ отдѣлилъ 4,000 левитовъ для исключительнаго отправленія должности привратниковъ, или стражей храма „чтобы охраняли скинію откровенія и святилище, и сыновъ Ааронових братьевъ своихъ, при службахъ дому Господню“ [2]). Они тоже были раздѣлены на группы по числу воротъ храма и другихъ мѣстъ, нуждавшихся въ охраненіи. Здѣсь они чередовались, охраняя въ опредѣленномъ количествѣ указанныя жребіемъ мѣста: у восточныхъ воротъ по шести левитовъ, у сѣверныхъ по четыре, у южныхъ и западныхъ—тоже; кромѣ того у самаго притвора по два и у всѣхъ кладовыхъ по два [3]). Затѣмъ особой группѣ левитовъ поручено было охраненіе сокровищъ дома Божія; это важное дѣло было ввѣрено Шеломиѳу и братьямъ его, потомкамъ Моисея [4]). Наконецъ 4000 левитовъ Давидъ назначилъ въ храмовые пѣвцы и музыканты [5]). Будучи знакомъ издавна съ пророческими обществами, въ которыхъ процвѣтали пѣніе и музыка, и зная по опыту вліяніе ихъ на духъ человѣка, Давидъ далъ пѣнію гимновъ и игрѣ на музыкальныхъ инструментахъ широкое приложеніе къ общественному богослуженію. Такимъ образомъ, не касаясь сущности богослуженія, предписанной въ законѣ и не сообщивъ ему ничего, что поражало бы взоръ блескомъ, Давидъ тѣмъ не менѣе ввелъ въ него элементъ, который всего живѣе звтрогивалъ духовныя струны человѣческаго существа, всего болѣе соотвѣтствовалъ и содѣйствовалъ

---

[1]) Много нужно было рукъ при храмѣ, чтобы всѣ богослужебныя дѣйствія производились въ порядкѣ и безъ задержки, чтобы наблюдать всегда тщательную чистоту во дворахъ (а ее наблюдать было необходимо, какъ по святости мѣста, такъ и по гигіеническимъ соображеніямъ). Нужно, напр., было заготовлять массу дровъ для безпрерывнаго огня на жертвенникѣ, и не носить только изъ готоваго склада, а добывать непосредственно, потому что безъ сомнѣнія эта обязанность всецѣло лежала на левитахъ, и никто кромѣ нихъ не былъ обязанъ поставлять дрова для храма. Жертвы всесожженія требовали очень большаго количества огня. Нужна была масса воды, чтобы наполнять мѣдное море, вмѣщавшее 2000 батовъ (а по 2 Пар. 4, 5 до 3000) и 10 умывальницъ, вмѣщавшихъ по 40 батовъ каждая. Нужно было постоянно удалять пепелъ и кровь закалаемыхъ животныхъ, чистить разнообразные сосуды и орудія, и проч.

[2]) 28, 32. [3]) 26, 17 18. [4]) Ст. 24—26. [5]) 23, 5.

сердечно-религіозному восторгу предстоящихъ предъ лицомъ Іеговы. Пѣвцы и музыканты „должны были становиться каждое утро благодарить и славословить Господа, также и вечеромъ, и при всѣхъ всесожженіяхъ, возносимыхъ Господу въ субботы, въ новомѣсячія и въ праздники по числу, какъ предписано о нихъ постоянно предъ лицомъ Господа“ [1]). Главные изъ нихъ жили при святилищѣ, въ храмовыхъ пристройкахъ, и были свободны отъ всякихъ другихъ левитскихъ обязанностей „потому что день и ночь они обязаны были заниматься искусствомъ своимъ“ [2]). Пѣли священные гимны, или псалмы, которые большею частію составлялъ самъ Давидъ. Въ первый разъ Давидъ далъ „псаломъ для славословія Господу“ тотчасъ по перенесеніи ковчега въ Іерусалимъ [3]). Псалмы составляли и важнѣйшіе изъ пѣвцовъ, начальники хоровъ, какъ видно изъ надписаній нѣкоторыхъ псалмовъ въ псалтири. Музыкальными инструментами были цитры, псалтири, тимпаны, кимвалы и трубы [4]). Нѣжные звуки цитръ „дѣлали начало“; затѣмъ раздавались могучіе звуки мѣдныхъ кимваловъ, и имъ вторили псалтири „тонкимъ голосомъ“ [5]). Повидимому музыка и пѣніе отличались вообще громогласіемъ: „играли, сказано, предъ Богомъ изъ всей силы“, должны были „громко возвѣщать гласъ радованія“ [6])- Все музыкальное дѣло находилось подъ высшимъ руководствомъ самого Давида [7]). Высшими послѣ него заправителями дѣла были Асафъ, Эманъ и Идиѳунъ; за ними слѣдовали ихъ дѣти числомъ 24, получившіе отъ своихъ отцовъ высшее музыкальное образованіе и слѣлавшіеся начальниками 24 группъ избранныхъ музыкантовъ по 12 человѣкъ въ каждой. Эти 24 группы вмѣстѣ, т. е., 288 человѣкъ, составляли основу 24 громадныхъ хоровъ, въ которые входили остальныя 3712 пѣвцовъ—левитовъ. Число хоровъ соотвѣтствовало такимъ образомъ числу священническихъ очередей, и для каждой изъ послѣднихъ назначенъ былъ жребіемъ особый хоръ [8]). Высшіе послѣ Давида заправители музыкальнаго дѣла—Эманъ, Асафъ и Идиѳунъ (Эѳанъ), находились безсмѣнно во главѣ хоровъ, независимо отъ очередей; чередовались

---

[1]) Ст. 30. 31. [2]) 9, 33. [3]) 16, 7. [4]) 13, 8. [5]) 15, 19—21.
[6]) 13, 8; 15, 16. [7]) 25, 2. 6. [8]) 25, 8.

только второстепенные заправители—ихъ сыновья съ своими группами. Главное мѣсто по срединѣ [1]) занималъ всегда Эманъ, внукъ Самуила, имѣвшій даръ пророчества (прозорливецъ царя относительно глаголовъ Божіихъ) [2]), и прославившійся мудростію, такъ что ею измѣрялась мудрость самого Соломона [3]). На правой сторонѣ отъ него становился Асафъ, на лѣвой—Идиѳунъ, славный мудростію, какъ и Эманъ [4]). Всѣ они, особенно же Асафъ, сочиняли и собственные псалмы (Пс. 49, 77, 79, 87, 88). Повидимому они были знатоками собственно инструментальной музыки, такъ какъ въ частности учителемъ пѣнія названъ Хенанія, начальникъ левитовъ [5])... Такъ устроилъ Давидъ музыкальную часть богослуженія, и его образъ, какъ пѣвца и музыканта, жилъ въ потомствѣ. Когда рѣчь заходила о музыкѣ, о пѣснопѣніяхъ—объ немъ вспоминали, съ нимъ сравнивали [6]).

Дѣятельное заготовленіе матеріаловъ для будущаго храма, составленіе подробнаго плана зданія и всѣхъ его принадлежностей, тщательная организація состава лицъ для отправленія богослуженія занимали Давида въ самые послѣдніе годы его царствованія. Наконецъ онъ совсѣмъ состарѣлся и ослабѣлъ. Умъ его безъ сомнѣнія еще работалъ, хотя и не съ прежнею силою, но тѣло отказывалось служить. Въ старческомъ тѣлѣ такъ мало осталось теплоты, что одѣянія не приносили никакой пользы. Жизненныя силы Давида, столь богатыя въ юности, были надломлены съ одной стороны непомѣрными трудами въ теченіе почти всей его жизни, которая сложилась изъ разнообразныхъ положеній, требовавшихъ напряженной дѣятельности, съ другой стороны—сильными душевными потрясеніями. Нужно было прибѣгнуть къ искусственному согрѣванію престарѣлаго царя. Но евреи въ своей теплой странѣ не имѣли надобности въ искусственномъ согрѣваніи жилищъ съ помощію огня, и самыя постройки ихъ нисколько не были приспособлены къ этому. Еще и нынѣ жители даже только умѣренно-теплыхъ странъ остаются при самомъ несовершенномъ способѣ согрѣванія зданій и

---

[1]) 6, 33. 39. 44. [2]) 6, 33; 25, 5. [3]) 3 Цар. 4, 31. [4]) Тамъ же.
[5]) 1 Пар. 15, 19. 22. [6]) Амосъ 6, 5.

хотя по временамъ страшно зябнутъ, но мирятся съ этимъ, потому что самое устройство ихъ жилищъ по необходимости приспособлено болѣе къ защитѣ отъ лѣтняго жара, чѣмъ отъ зимняго непродолжительнаго холода. Понятно поэтому, что приближеннымъ царя, желавшимъ облегчить тяжкое положеніе его, не пришло въ голову какое-нибудь разумное приложеніе неодушевленнаго источника тепла—огня, тѣмъ болѣе, что имъ былъ извѣстенъ другой простѣйшій способъ помочь горю. Они сыскали въ предѣлахъ израильскихъ молодую дѣвицу (Ависагу Сунамитянку) и привели ее къ царю, чтобы она согрѣвала его своей живой теплотой. Этотъ фактъ вполнѣ обусловливался, какъ мы видѣли, тогдашнимъ положеніемъ вещей, и мы не находимъ надобности оправдывать здѣсь въ чемъ-либо Давида, равно какъ не имѣемъ права и обвинять. Правда, что Ависага Сунамитянка должна была принести великую жертву: она не сдѣлалась женой царя, и по смерти его должна была на всю жизнь остаться затворницей, потому что обладаніе ею нарушило бы права царя-наслѣдника [1]). Но можетъ быть она принесла эту жертву добровольно, и только въ противномъ случаѣ мы не могли бы не пожалѣть о еврейской женщинѣ, потому что это означало бы, что она уже лишилась правъ свободной личности и разсматривалась какъ раба [2]). Между тѣмъ какъ престарѣлый царь болѣе и болѣе дѣлался нечувствительнымъ къ благамъ міра сего, ко всѣмъ земнымъ интересамъ и, предоставивъ свое дряхлое тѣло тщательному и изысканному уходу искренно преданныхъ и, просто раболѣпныхъ слугъ, духомъ своимъ виталъ далеко отъ суетныхъ условій земной жизни,—окружающіе его, еще привязанные къ жизни, жаждавшіе продолжить наслажденіе властью, почетомъ, или стремившіеся къ

---

[1]) 3 Цар. 2, 22.

[2]) Что касается злораднаго глумленія надъ Давидомъ по поводу разсматриваемаго факта со стороны его (Давида) хулителей, то на немъ не стоитъ останавливаться,—совершенно достаточно того, что объ этомъ сказалъ еще Rambach: „что жирные козлы, говоритъ онъ, издѣваются по поводу этой исторіи—это хорошо извѣстно“. Это по его словамъ происходитъ отъ того, что, читая ее, они привносятъ свое „нечистое, похотливое и смрадное сердце“. Указ. соч. стр. 295.

пріобрѣтенію той и другаго, развивали тайную неугомонную дѣятельность, правдами и неправдами старались обезпечить себѣ желанное положеніе на случай смерти царя. Давидъ негласно рѣшилъ, что наслѣдникомъ его престола будетъ Соломонъ и неизмѣнность своего рѣшенія подтвердилъ Вирсавіи клятвою [1]). Объ этомъ рѣшеніи зналъ пророкъ Наѳанъ, воспитатель Соломона, и вѣроятно всѣ тѣ, которые мыслили одинаково съ Наѳаномъ, и между прочимъ священники. Относительно того, почему Давидъ рѣшилъ предоставить престолъ именно Соломону, а не старшему сыну, нужно замѣтить, что вѣроятно еще его рожденіе сопровождалось какимъ-нибудь знаменіемъ или откровеніемъ, потому что тогда же замѣчено: „и Господь возлюбилъ его“ [2]). Кромѣ того Давидъ при своей проницательности не могъ не видѣть, что его старшіе сыновья не подаютъ хорошихъ надеждъ. И въ самомъ дѣлѣ тѣ изъ нихъ, которые попали въ исторію, отличались только тщеславіемъ и мятежнымъ духомъ. Виною этого было, можетъ быть, между прочимъ и то, что они росли безъ надлежащаго надзора, безъ воспитанія; ихъ дѣтство совпадало съ первымъ періодомъ царствованія Давида, когда все его вниманіе было поглощено сначала обстоятельствами воцаренія его надъ всѣми колѣнами, а потомъ безпрерывными войнами съ сосѣдними народами и заботами о внутреннемъ благоустройствѣ, о которомъ Саулъ совсѣмъ не радѣлъ. Такимъ образомъ Давидъ частію по необходимости, частію, можетъ быть, и по неосмотрительности опустилъ изъ вниманія задачу: приготовить тщательнымъ воспитаніемъ себѣ преемника. Онъ разумѣется замѣтилъ впослѣдствіи это опущеніе, и когда родился Соломонъ, то у него уже составилось рѣшеніе сдѣлать все возможное для правильнаго воспитанія этого, повидимому послѣдняго сына. Поэтому онъ тотчасъ же и ввѣрилъ его попеченію богопросвѣщеннаго мужа и друга своего Наѳана. Когда будущій царь Соломонъ сталъ подростать, онъ не могъ не обнаружить своихъ необыкновенныхъ способностей и замѣчательной серьезности характера, рѣзко отличавшихъ его отъ всѣхъ братьевъ. Въ

[1]) 3 Цар. 1, 17. [2]) 2 Цар. 12, 24. 25.

это-то время вѣроятно Давидъ и далъ знать Вирсавіи и Наѳану, что сынъ первой и воспитанникъ втораго долженъ быть наслѣдникомъ престола [1]). Мало по малу эту тайну начали подозрѣвать и всѣ значительные люди при дворѣ. Однако, не смотря на упадокъ своихъ силъ, Давидъ не объявлялъ во всеуслышаніе своей воли. Онъ, какъ и многіе состарѣвшіеся люди, медлилъ своимъ послѣднимъ распоряженіемъ. Пока еще чувствовалъ въ себѣ остатки силъ, онъ не хотѣлъ перестать быть тѣмъ, чѣмъ былъ до сихъ поръ, не хотѣлъ чувствовать себя какъ бы за-живо погребеннымъ. Надобно знать отношенія при дворѣ въ монархіяхъ, гдѣ нѣтъ опредѣленнаго закона о престолонаслѣдованіи, чтобы представить ту катастрофу, какая вдругъ происходитъ, когда съ несомнѣнностію узнаютъ, что такой-то не нынче-завтра будетъ царемъ. Все живое и жаждущее жизни мгновенно устремляется къ новому восходящему свѣтилу, всѣ жизненные интересы сосредоточиваются около него, онъ становится центромъ двора; ему почетъ, ему рабское поклоненіе, его едва высказанное желаніе двигаетъ умы и сердца, и проч., и проч. Старый царь дѣлается совершенно забытымъ, объ немъ никто не думаетъ; ему пожалуй приходится искать покровительства у своего наслѣдника (еще хорошо, если онъ почтителенъ!), чтобы окружающіе не пренебрегали самыми законными его требованіями, или же поддерживать свой авторитетъ терроромъ. Положеніе—очень тяжелое... Вотъ почему, мы думаемъ, Давидъ медлилъ, пока думалъ, что еще не сегодня и не завтра умретъ. Вѣроятно онъ надѣ-

---

[2]) Keil думаетъ, что еще откровеніемъ въ 2 Цар. 7, 12—16 Давиду предуказанъ былъ именно Соломонъ, потому де, что здѣсь имѣются въ виду не наличные сыновья Давида, а имѣвшій произойти отъ него потомокъ, слѣдовательно Соломонъ, который родился уже послѣ. Comment. Die Büch der Könige. s. 15. Предположеніе это было бы справедливо, и то отчасти, только въ томъ случаѣ, если бы было извѣстно, что Соломонъ былъ единственный сынъ, родившійся послѣ упомянутаго откровенія. (О смыслѣ откровенія см. выше). Хотя въ 1 Пар. 3, 5 Соломонъ и поставленъ послѣднимъ въ числѣ четверыхъ сыновей, рожденныхъ Давиду Вирсавіей, однако изъ 2 Цар. 12, 24 довольно ясно слѣдуетъ, что Соломонъ родился непосредственно послѣ перваго сына, вскорѣ умершаго.

ялся успѣть объявить свою волю за нѣсколько часовъ до своего конца, чтобы сердце его не было сокрушено еще разъ чьей-нибудь неблагодарностью или преступнымъ посягательствомъ. А затѣмъ онъ мало по малу впалъ въ то состояніе равнодушія ко всѣму внѣшнему, житейскому, о которомъ сказано выше, и окружающіе принуждены были позаботиться о себѣ сами. Адонія, старшій сынъ Давида послѣ Авессалома, по смерти послѣдняго сталъ мыслить себя наслѣдникомъ престола и не сомнѣвался въ своей будущности, пока не пробилась наружу тайна о намѣреніи Давида сдѣлать Соломона своимъ наслѣдникомъ. Подобно Авессалому онъ окружилъ себя царственною пышностію и не считалъ нужнымъ скрывать свои надежды. Давидъ, утомленный жизнію и посвящавшій весь остатокъ своихъ силъ заботамъ о храмѣ и объ устройствѣ богослуженія, не обращалъ вниманія на поведеніе своего сына, который притомъ же не казался ему способнымъ на отважное осуществленіе преступнаго замысла, если бы таковой и былъ. И дѣйствительно, Адонія далеко уступалъ Авессалому въ предпріимчивости и смѣлости. Тѣмъ не менѣе, когда онъ убѣдился, что престолъ окончательно рѣшено предоставить Соломону, то рѣшился, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, представляемыхъ кажущимся равнодушіемъ Давида, совершеннымъ упадкомъ его силъ, —на смѣлую попытку предупредить законное помазаніе Соломона неожиданнымъ провозглашеніемъ себя царемъ, разсчитывая, что всѣ недовольные этимъ, въ томъ числѣ и отецъ-царь, не будучи готовы къ сопротивленію, принуждены будутъ покориться предъ совершившимся фактомъ. Успѣхъ былъ вѣроятенъ, потому что у него была, хотя не многочисленная, но сильная партія. Іоавъ, еще сохранившій энергію и жажду почестей, не могъ не замѣтить глубокаго нерасположенія къ нему Давида, порожденнаго и усиленнаго неоднократными случаями его (Іоава) своевольства, которое оскорбляло Давида и какъ царя, и какъ человѣка. Онъ понималъ, что преемникъ, избранный по желанію Давида, унаслѣдуетъ это нерасположеніе и, какъ только почувствуетъ себя сильнымъ, дастъ ему чистую отставку. Чтобы удержать свое значеніе, онъ рѣшился содѣйствовать замыслу Адоніи, кото-

рый, утвердившись на престолѣ, навсегда былъ бы обязанъ ему благодарностію. Въ союзъ съ нимъ вступилъ и первосвященникъ Авіаѳаръ. Этотъ человѣкъ, бывшій нѣкогда приверженцемъ Давида, почувствовалъ себя оскорбленнымъ вѣроятно съ тѣхъ поръ, какъ Садокъ, глава болѣе многочисленной священнической линіи, оставленъ былъ въ санѣ первосвященника и сталъ пріобрѣтать значеніе при дворѣ. Авіаѳаръ ясно видѣлъ, что царь ищетъ опоры для своей власти въ сословіи священниковъ и въ возвышеніи этого сословія полагаетъ залогъ народно-государственнаго благополучія. Но онъ видѣлъ также, что при естественномъ соперничествѣ двухъ священническихъ линій, Елеазаровой и Иѳамаровой, побѣда должна остаться на сторонѣ болѣе многочисленной и сильной, Елеазаровой, состоявшей изъ 16 родовъ, главой которой былъ Садокъ [1]). Очевидно дѣло клонилось къ тому, что наслѣдованіе первосвященства останется только въ линіи Елеазара, что съ построеніемъ храма, когда богослуженіе сосредоточится въ одномъ центрѣ, и другой первосвященникъ сдѣлается лишнимъ, въ дѣйствительности первосвященникомъ будетъ Садокъ, а Авіаѳаръ и всѣ его потомки должны будутъ остаться простыми священниками. Авіаѳаръ, не полагая, что пророчество Самуила объ отнятіи первосвященства отъ дома Илія [2]) приходитъ въ исполненіе, рѣшился подобно Іоаву обезпечить высокое преимущество своего рода содѣйствіемъ замыслу Адоніи, который въ случаѣ удачи уже не предпочелъ бы ему Садока. На сторонѣ Адоніи были повидимому и остальные дѣти Давида, недовольные предпочтеніемъ младшаго старшимъ [3]). Но и на сторонѣ Соломона была могущественная партія

---

[1]) Линія Иѳамара состояла изъ 8 родовъ. 1 Пар. 24, 4.

[2]) 1 Цар. 3, 12—14.

[3]) 3 Цар. 1, 9. Трудно опредѣлить, кого дѣписатель разумѣлъ подъ „всѣми іудеянами, служившими у царя“, которые тоже представляются участниками въ дѣлѣ Адоніи. Что здѣсь „іудеянами“ названы не все евреи, служившіе при дворѣ, видно изъ ст. 47, гдѣ говорится о слугахъ царя, поздравлявшихъ Давида съ помазаніемъ Соломона. Стало быть не всѣ придворные были около Адоніи. Повидимому нѣкоторые вліятельные люди изъ колѣна Іудина такъ и не примирились съ Давидомъ до конца изъ-за того, что онъ не отдавалъ имъ предпочтенія предъ всѣми другими.

(если только понятіе партіи приложимо къ сторонникамъ порядка и законности), зорко наблюдавшая за противной партіей и готовая каждую минуту привести въ исполненіе извѣстное ей рѣшеніе царя, хотя бы послѣдній въ своемъ кажущемся полузабытьи и не обнаружилъ настойчивости для приведенія своей воли въ исполненіе. Главнымъ лицомъ между приверженцами Соломона былъ пророкъ Наѳанъ, представитель ѳеократическаго начала, значенію котораго въ государствѣ и благотворному вліянію на жизнь Давидъ не поставлялъ препятствій и о сохраненіи котораго благомыслящіе люди заботились и на будущее время. А зологомъ продолженія установленнаго Давидомъ порядка дѣлъ казалось утвержденіе на престолѣ намѣченнаго самимъ Давидомъ наслѣдника. Другимъ важнымъ лицомъ здѣсь былъ первосвященникъ Садокъ, тоже представитель ѳеократическаго начала въ монархіи, проявлявшагося въ дѣятельности священниковъ и левитовъ. Будучи главою многочисленной священнической линіи отъ Елеазара, къ которой должно было возвратиться первенство, когда исполнится пророчество о домѣ Илія, Садокъ давно уже занялъ подобающее ему видное положеніе при дворѣ и теперь вмѣстѣ съ Наѳаномъ стоялъ за Соломона. Надежную опору приверженцевъ Соломона составлялъ Ванея, начальникъ отряда царскихъ тѣлохранителей, всегда имѣвшій подъ рукою вооруженную силу, чтобы защитить дѣло своихъ союзниковъ. Какъ сынъ священника и ближайшій къ Давиду человѣкъ, онъ естественно сталъ на сторону Соломона, интересы котораго защищали пророки, друзья Давида, и двѣ трети священниковъ. Наконецъ сюда же принадлежали: Семей, Рисій (личности неизвѣстныя) [1]) и отборная дружина Давида. Такимъ образомъ союзъ вокругъ Соломона былъ такъ силенъ, что Давидъ имѣлъ основаніе не особенно безпокоиться мечтаніями Адоніи, если бы даже и не успѣлъ до своей смерти провозгласить Соломона царемъ. Хотя на противной сторонѣ былъ Іоавъ, человѣкъ безспорно сильный и по своему положенію, какъ

---

[1]) Keil полагаетъ, что Семей есть Шимей, бывшій въ послѣдствіи однимъ изъ 12 приставниковъ Соломона. 3 Цар. 4, 18. Die Büch. d. Könige. s. 16.

главнокомандующій арміею, и по своимъ личнымъ качествамъ; однако его сила была непреодолима только въ военное время, когда онъ становился во главѣ арміи и былъ необходимъ, какъ сама армія. Въ мирное же время вся матеріальная сила была въ рукахъ Ваніи, и Іоавъ могъ дѣйствовать только какъ вліятельный вельможа и ловкій придворный. Поэтому-то вѣроятно попытка Адоніи и носила довольно скромный характеръ. Когда царь не обнаруживалъ уже никакихъ повидимому признаковъ участія въ окружающей жизни, предаваясь покою во внутреннемъ помѣщеніи дворца, когда всѣмъ казалось, что онъ безвозвратно угасаетъ,— въ этотъ томительный періодъ затишья и ожиданія чего-нибудь рѣшительнаго, Адонія отправился со всѣми своими приверженцами въ одно изъ предмѣстій города на юговосточной сторонѣ, гдѣ долина Гинномская соединяется съ долиною потока Кедрскаго и гдѣ былъ источникъ Рогель. Въ этой живописной мѣстности, обильной водою и садами и служившей вѣроятно мѣстомъ пріятнаго времяпрепровожденія для жителей Іерусалима [1]), подъ тѣнью каменнаго выступа Зохелетъ Адонія устроилъ пиршество и смѣло провозгласилъ себя царемъ. Громкіе крики приверженцевъ, привѣтствовавшихъ новаго царя, были подхвачены толпами гуляющихъ и понеслись неудержимою волною по сосѣднимъ окрестностямъ, охватывая и подымая на ноги ближайшія части города. Адонія и его приверженцы и разсчитывали именно на то, что энтузіазмъ мгновенно овладѣетъ всѣмъ городомъ, и у ихъ противниковъ опустятся руки. Но приверженцы Соломона не дремали. Какъ только раздался первый привѣтственный возгласъ у скалы Зохелетъ, обличившій намѣреніе заговорщиковъ, Наѳанъ, извѣщенный своевременно, поспѣшилъ разрушить ихъ планъ. Повидимому онъ сначала пришелъ въ нѣкоторое недоумѣніе: не перемѣнилъ ли своихъ мыслей царь относительно престолонаслѣдія и не получилъ ли Адонія какъ-нибудь тайно его согласіе на то дѣйствіе, на которое отважился. Поэтому вѣроятно Наѳанъ прежде всего отправился къ Вирсавіи, которая, можетъ быть, одна слышала непосредственно отъ

[1]) „Мѣстность эта, говоритъ Schultz, и нынѣ служитъ мѣстомъ прогулокъ для жителей Іерусалима“. У Кейля. Указ. соч. стр. 16.

Давида обѣщаніе предоставить престолъ ея сыну, извѣстилъ ее объ опасности, угрожавшей Соломону и ей самой, и послалъ къ Давиду объяснить настоящее положеніе вещей. Вирсавія явилась въ уединенные покои царя, воздала ему глубокое поклоненіе и стояла. „Что тебѣ?“ спросилъ царь, очевидно ничего не знавшій о происшедшемъ. Тогда Вирсавія почтительно, но твердо напомнила ему о его обѣщаніи относительно Соломона и разсказала о томъ, что сдѣлалъ Адонія. Въ заключеніе она выразила опасеніе, что и съ Соломономъ, и съ нею будетъ поступлено такъ, какъ обыкновенно восторжествовавшая партія поступаетъ съ бывшими противниками. Лишь только она кончила, явился и Наѳанъ, подтвердилъ донесеніе Вирсавіи о поступкѣ Адоніи и дважды спросилъ: была ли на то воля царя? Царь ничего не сказалъ на это, но велѣлъ позвать къ себѣ Вирсавію, которая очевидно удалилась при входѣ Наѳана. Партія Адоніи жестоко ошиблась, если разсчитывала на упадокъ силъ престарѣлаго царя, на его неспособность предпринять что-либо въ случаѣ нарушенія его воли. Едва онъ узналъ, въ чемъ дѣло, какъ въ немъ пробудилась вся энергія лучшей поры его жизни, ясность ума и быстрота рѣшенія. Онъ даже не забылъ, что прежде всего нужно успокоить томимую скорбію и страхомъ женщину-мать, и потому, когда она явилась на зовъ, торжественно и въ сильныхъ выраженіяхъ повторилъ свою клятву относительно Соломона. Затѣмъ позвалъ къ себѣ Садока, Наѳана и Ванею и отдалъ имъ приказаніе: посадить немедленно Соломона на царскаго мула, свезти его къ Гіону, одному изъ ближайшихъ къ городу и наиболѣе посѣщаемому водоему въ долинѣ съ западной стороны Іерусалима, и помазать его тамъ на царство [1]). Ванея тутъ же принесъ присягу новому царю, и

[1]) Замѣчательно, что мѣсто для помазанія Соломона указано Давидомъ не внутри города, а въ окрестности, и притомъ такое, которое по характеру своему напоминало мѣсто, избранное Адоніею для провозглашенія себя царемъ, Необходимо предполагать, что и Адонія и Давидъ для приданія возможно большей торжественности и публичности дѣйствію избирали мѣста, наиболѣе въ данное время многолюдныя. Вѣроятно это было жаркое время года, и жители Іерусалима массами спускались въ окрестныя долины, въ которыхъ была вода и тѣнистыя деревья, дававшія прекрасное убѣжище отъ дневной духоты въ городѣ.

потомъ все было исполнено согласно приказанію, при чемъ дѣло Соломона подкрѣплялъ своимъ присутствіемъ отрядъ царскихъ тѣлохранителей. „Да живетъ царь Соломонъ!“— раздалось въ глубинѣ долины, и этотъ возгласъ перекатывался по людной дорогѣ, соединяющей водоемъ съ городомъ, по которой теперь торжественно возвращался въ сіонскія палаты новопомазанный царь, и „земля разсѣдалась отъ криковъ народа“. Еще болѣе, чѣмъ крики народа, колебали воздухъ могучіе звуки многочисленныхъ трубъ. То, что сдѣлано было открыто, съ сознаніемъ правоты дѣла, съ подобающей случаю торжественностію, произвело на народъ болѣе сильное впечатлѣніе. Волна энтузіазма, распространявшагося съ запада и съ самаго Сіона, поставила въ тупикъ толпы, случайно воодушевившіяся криками съ юга, относившимися къ Адоніи. Но послѣ минутнаго колебанія, не вдаваясь въ разсужденіе о какомъ-то противорѣчіи, они инстинктивно подчинялись напору новаго сильнѣйшаго одушевленія и со всѣмъ усердіемъ желающаго загладить невольную ошибку привѣтствовали Соломона вмѣсто Адоніи. И вотъ, едва Адонія и его сообщники успѣли докончить свой обѣдъ, какъ уже весь городъ и всѣ окрестности сотрясались отъ звуковъ трубъ и криковъ, дошедшихъ до слуха пирующихъ. Это волненіе показалось имъ страннымъ; оно слишкомъ превосходило то, чего они могли ожидать въ свою пользу. Іоава встревожили трубные звуки, потому что они не могли принадлежать толпѣ,—тѣ, которые могли привѣтствовать Адонію, не могли имѣть въ своемъ распоряженіи трубъ, поразившихъ опытный слухъ Іоава. Прошла минута между страхомъ и надеждою, и тотчасъ явился вѣстникъ. Это былъ сынъ Авіаѳара Іонаѳанъ. Адонія, разыгрывая роль настоящаго царя, сказалъ, какъ нѣкогда говорилъ его отецъ: „войди; ты хорошій человѣкъ, и несешь добрую вѣсть“ (какъ будто его царствованіе было уже полно событій, хорошихъ и худыхъ, и будто его любимцы могли позволить себѣ роскошь являться къ нему только съ хорошими вѣстями!). Господинъ нашъ, царь Давидъ, докладываетъ Іонаѳанъ, поставилъ Соломона царемъ. Съ нимъ Садокъ священникъ, Наѳанъ пророкъ и Ванея во главѣ царскихъ тѣлохранителей. Городъ ликуетъ. Дворъ поздравилъ Давида, и Соломонъ уже сѣлъ на царскомъ престо-

лѣ... Эта вѣсть какъ громомъ поразила заговорщиковъ. Ни Адонія, ни его сообщники не имѣли въ виду прибѣгать къ насилію; они разсчитывали на внезапный взрывъ народнаго энтузіазма и на малодушіе своихъ соперниковъ. Такъ какъ первое оправдалось только отчасти, соперники же ихъ съумѣли овладѣть господствующимъ положеніемъ въ событіяхъ дня; то заговорщики упали духомъ и ударились въ-разсыпную, думая каждый о своемъ собственномъ спасеніи. Главный изъ нихъ Адонія, ожидая немедленной казни, прибѣгъ подъ защиту религіи, ухватившись за рогъ жертвенника. Когда донесли объ этомъ Соломону, то юный царь съ величавымъ спокойствіемъ и разсудительностію совершенно зрѣлаго и опытнаго правителя сказалъ: „если онъ будетъ человѣкомъ честнымъ, то ни одинъ волосъ его не упадетъ на землю; если же найдется въ немъ лукавство, то умретъ“. Когда же привели къ нему Адонію отъ жертвенника для изъявленія повинной, то Соломонъ сказалъ только: „ступай домой“! Такъ обнаружилъ себя въ самыя первыя минуты новый царь, и всѣ почувствовали вѣяніе какого-то новаго духа, всѣ увидали, что юный властелинъ какъ-то не по лѣтамъ разсудителенъ и сдержанъ. Замѣчательно, что и ни одинъ изъ важнѣйшихъ участниковъ въ заговорѣ Адоніи не былъ привлеченъ тотчасъ же къ отвѣтственности Соломонъ былъ настолько благоразуменъ, что счелъ неприличнымъ въ самый моментъ своего воцаренія и при послѣднихъ дняхъ своего престарѣлаго отца учинить расправу съ заговорщиками. Можетъ быть этимъ отчасти и можно объяснить, почему самые первые шаги его царствованія по смерти Давида имѣли, какъ увидимъ, столь суровый, кровавый характеръ.

Вскорѣ за симъ Давидъ призвалъ въ Іерусалимъ всѣхъ народныхъ представителей—князей колѣнъ и родовъ, и составилъ изъ нихъ въ присутствіи всѣхъ военачальниковъ и другихъ чиновъ государственныхъ и придворныхъ, а также сыновей своихъ, народное собраніе. Такъ какъ съ одной стороны первое помазаніе Соломона совершилось при исключительныхъ обстоятельствахъ, поспѣшно и безъ предварительнаго оповѣщенія всего народа объ избраніи именно его въ наслѣдники, съ другой же стороны Давидъ хотѣлъ оставить завѣщаніе о построеніи храма не одному сыну,

но и народу и пригласить всѣхъ подданныхъ содѣйствовать въ этомъ трудномъ дѣлѣ Соломону; то въ рѣчи своей [1]), обращенной къ собранію, Давидъ, упомянувъ о томъ, какъ возникла у него мысль о построеніи храма и почему онъ не могъ лично привести ее въ исполненіе, объяснилъ, что долженъ былъ предоставить это дѣло своему наслѣднику, которымъ по волѣ Божіей изъ всѣхъ сыновей могъ быть именно Соломонъ, какъ достойнѣйшій. Затѣмъ, обратившись къ народу съ увѣщаніемъ хранить заповѣди Господа, чтобы быть достойнымъ Его милостей, и повторивъ тоже отдѣльно Соломону, онъ вручилъ послѣднему торжественно чертежъ храма со всѣми его принадлежностями. Такимъ образомъ Давидъ формально, предъ лицемъ всенароднаго собранія передалъ Соломону начатое имъ (Давидомъ) дѣло, а слѣдовательно и всѣ царскія полномочія. Теперь, когда народное собраніе узнало волю царя о престолонаслѣдованіи и послушно подчинилось ей, Давидъ пожелалъ привлечь народъ къ практическому участію въ дѣлѣ, долженствовавшемъ составить славу царствованія его наслѣдника. Для этого онъ, сообщивъ о своемъ богатомъ пожертвованіи для храма, предложилъ и всѣмъ богатымъ людямъ принести посильную жертву. И стали охотно жертвовать всѣ именитые люди, составлявшіе богатый классъ въ государствѣ; простой же народъ поощрялъ ихъ и радовалъ царя своими сочувственными заявленіями. Давидъ пришелъ въ умиленіе и произнесъ глубоко-прочувствованную, полную пророчески-возвышенныхъ мыслей молитву. „Благословенъ Ты, Господь, Богъ Израиля, отца нашего отъ вѣка и до вѣка. Твое, Господи, величіе и могущество, и слава, и побѣда, и великолѣпіе; и все, что на небѣ и на землѣ—Твое. Твое, Господи, царство, и Ты превыше всего, какъ владычествующій. И богатство, и слава отъ лица Твоего, и Ты владычествуешь надъ всѣмъ; и въ рукѣ Твоей сила и могущество, и во власти Твоей возвеличить и укрѣпить. И нынѣ, Боже нашъ, мы славословимъ Тебя и хвалимъ величественное имя Твое. Ибо кто я, и кто народъ мой, что мы имѣли возможность такъ жертвовать? Но отъ Тебя все, и отъ руки Твоей полученное мы отдали Тебѣ. Потому что странники

[1]) 1 Пар. гл. 28 и сл.

мы предъ Тобою и пришельцы, какъ и всѣ отцы наши; какъ тѣнь дни наши на землѣ, и нѣтъ ничего прочнаго. Господи Боже нашъ! все это множество, которое мы приготовили для построенія дома Тебѣ, святому имени Твоему, отъ руки Твоей оно, и все Твое. Знаю, Боже мой, что Ты испытуешь сердце и любишь чистосердечіе; я отъ чистаго сердца пожертвовалъ все сіе, и нынѣ вижу, что и народъ Твой, здѣсь находящійся, съ радостію жертвуетъ Тебѣ. Господи Боже Авраама, Исаака и Израиля, отцовъ нашихъ! сохрани сіе на вѣки, сіе расположеніе мыслей народа Твоего и направь сердце ихъ къ Тебѣ. Соломону же, сыну моему, дай сердце правое, чтобы соблюдать заповѣди Твои, откровенія Твои и уставы Твои и исполнить все это и построить зданіе, для котораго я сдѣлалъ приготовленіе". Послѣ этого Давидъ предложилъ собранію сдѣлать молитвенное обращеніе къ Богу, и всѣ произнесли краткое славословіе и поклонились Богу и царю. На другой день было торжественное богослуженіе, принесены были многочисленныя жертвы: тысяча тельцовъ, тысяча овновъ, тысяча агнцевъ съ возліяніями и множествомъ другихъ жертвъ. Соломонъ былъ вторично помазанъ всенародно. Тутъ же и Садокъ былъ утвержденъ въ санѣ первосвященника единолично [1]), такъ какъ Авіаѳаръ безъ сомнѣнія считался уже низложеннымъ.

Предъ самымъ своимъ концомъ Давидъ, заботясь о благополучномъ царствованіи Соломона, сдѣлалъ ему слѣдующее, достойное замѣчанія внушеніе. „Вотъ, говорилъ онъ, я отхожу въ путь всей земли; ты же будь твердъ и будь мужественъ". Затѣмъ, повторивъ завѣщаніе неизмѣнно сообразовать свою жизнь съ божественнымъ закономъ, онъ продолжалъ: „еще, ты знаешь, что сдѣлалъ мнѣ Іоавъ, сынъ Саруинъ, какъ поступилъ онъ съ двумя вождями войска израильскаго, съ Авениромъ, сыномъ Нировымъ, и Амессаемъ, сыномъ Іеѳеровымъ, какъ онъ умертвилъ ихъ и пролилъ кровь бранную во время мира, обагривъ кровію бранною поясъ на чреслахъ своихъ и обувь на ногахъ своихъ". (Давидъ не ставитъ здѣсь въ вину Іоаву убіеніе Авессалома, которое хотя и жестоко поразило его

[1]) 1 Пар. 29, 22.

сердце, но совершено было на полѣ брани; слѣдовательно не было беззаконнымъ пролитіемъ крови, не было и нарушеніемъ законной воли царя со стороны подданнаго. Іоавъ не пощадилъ здѣсь только родительское чувство Давида, проявленія котораго не всегда согласовались съ высшими народно-государственными интересами и подчиняться которому безусловно присяга вѣрноподданства никого не обязывала). „Поступи, говорилъ Давидъ, по мудрости твоей, чтобы не отпустить сѣдины его мирно въ преисподнюю. А сынамъ Верзеллія Галаадитянина окажи милость, чтобы они были между питающимися твоимъ столомъ; ибо они пришли ко мнѣ, когда я бѣжалъ отъ Авессалома, брата твоего. Вотъ еще у тебя Семей, сынъ Геры, веніамитянина изъ Бахурима. Онъ злословилъ меня тяжкимъ злословіемъ, когда я шелъ въ Маханаимъ; но онъ вышелъ навстрѣчу мнѣ у Іордана, и я поклялся ему Господомъ, говоря: я не умерщвлю тебя мечемъ. Ты не оставь его безнаказаннымъ; ибо ты человѣкъ мудрый, и знаешь, что тебѣ сдѣлать съ нимъ, чтобы низвести сѣдину его въ крови въ преисподнюю". Разнообразно относятся разные писатели къ этому предсмертному наставленію, съ которымъ Давидъ обратился къ своему наслѣднику. Альмъ, старающійся изобразить Давида не просто дурнымъ человѣкомъ, а прямо какимъ-то извергомъ, для чего, отбросивъ всякую ученую совѣсть, отвергающій достовѣрность всего, что говорится въ Библіи въ похвалу Давиду, и считающій достовѣрнымъ только то, что по его мнѣнію не относится къ его чести, заподозриваетъ достовѣрность и этого наставленія, находя, что оно относится къ чести Давида, какъ человѣка, заботившагося о томъ, чтобы преступленія не оставались ненаказанными, каковымъ по его взгляду Давидъ не былъ, но каковымъ желалъ представить его библейскій писатель. Кромѣ того онъ недоумѣваетъ, какимъ образомъ Іоавъ „старый другъ" (?) Давида, оказавшій такія громадныя услуги ему, могъ подвергнуться такому страшному осужденію отъ Давида [1]). Отто Генне—Амъ Ринъ, тоже изъ крайнихъ раціоналистовъ и пользующійся, какъ и Альмъ, эластическою теоріею, дозволяющею раціо-

[1]) Указ. соч. стр. 409.

налистамъ во всякомъ мѣстѣ Библіи видѣть достовѣрное или недостовѣрное сказаніе, смотря по надобности,—нашелъ болѣе выгоднымъ для себя не отвергать достовѣрность послѣдняго Давидова наставленія, потому что оно давало ему возможность въ послѣдній разъ нанести оскорбленіе памяти великаго человѣка: „царь, говоритъ онъ, умеръ достойнымъ самого себя—съ убійствомъ на устахъ“[1]). Мы не станемъ останавливаться на этой пустой фразѣ, слишкомъ ясно обличающей легкомысліе ея автора; мы знаемъ, что не всякое лишеніе жизни есть *убійство* и что человѣкъ предубѣжденный и неразборчивый на выраженія можетъ назвать убійцею даже самаго безпристрастнаго судью, приговорившаго къ смерти отъявленнаго преступника. Слово его останется при немъ... Болѣе умѣренные раціоналисты, не отвергающіе величія личности Давида, считаютъ разсматриваемое наставленіе позднѣйшею выдумкой для объясненія казней, произведенныхъ Соломономъ на самыхъ первыхъ порахъ царствованія[2]). Можетъ быть имъ казалось, что такъ гораздо легче отдѣлаться отъ вопроса. Не такъ относятся къ дѣлу писатели съ твердыми и положительными воззрѣніями на составъ Библіи. Гессъ, повидимому не считая наставленіе Давида на простой, безъ углубленія въ сущность дѣла, взглядъ относящимся къ чести Давида, усиленно и пространно старается доказать, что существеннымъ основаніемъ этого наставленія было желаніе Давида, возстановить нарушенную справедливость, наказать ненаказанныя преступленія[3]). Но если бы это было такъ, если бы основаніемъ наставленія было дѣйствительно указанное желаніе Давида; то остаются совершенно неразрѣшимыми вопросы: почему Давидъ самъ не возстановилъ нарушенную справедливость—не наказалъ преступниковъ, почему это дѣло онъ предоставилъ Соломону[4])? Если Давидъ не могъ этого сдѣлать, то почему

---

[1]) Указ. соч. стр. 40.

[2]) Graetz. Указ. соч. стр. 305. Eisenlohr. Указ. соч. стр. 54.

[3]) Указ. соч. т. 8 стр. 218—221. Тоже полагаетъ Keil. Comment. D. Büch. d. Könige. Тоже—Душ. Чт. 1872 кн. 3. стр. 369.

[4]) Keil объясняетъ это по отношенію къ Іоаву тѣмъ, что когда Іоавомъ совершено было первое преступленіе (убіеніе Авенира). Давидъ не чувствовалъ себя, какъ самъ сознавался, довольно сильнымъ,

же могъ Соломонъ? Если Давидъ терпѣлъ до конца жизни нарушенную справедливость, то почему же Соломонъ не могъ или не долженъ былъ терпѣть такъ же? Полная невозможность дать удовлетворительное объясненіе на представленные вопросы, неизбѣжно возникающіе при вышеизложенномъ объясненіи наставленія Давида, показываетъ, что основаніе для этого наставленія указано невѣрно. Ошибка здѣсь происходитъ отъ того, что простому наставленію Давида усвояется значеніе завѣщанія, т. е., выраженія воли умирающаго, которую наслѣдникъ долженъ исполнить во всякомъ случаѣ, и что въ словахъ Давида видятъ прямое выраженіе желанія Давида, чтобы Іоавъ и Семей были непремѣнно казнены. Это несправедливо. По отношенію къ Іоаву и Семею Давидъ давалъ не *завѣщаніе* Соломону, а просто *наставленіе*, или предупрежденіе насчетъ опасныхъ людей, которыхъ не слѣдовало уже щадить даже при малѣйшемъ подозрительномъ признакѣ въ ихъ поведеніи. Упоминая о преступленіяхъ Іоава и Семея, Давидъ не вину указываетъ, за которую Соломонъ обязанъ казнить ихъ, а только выясняетъ Соломону, до какой степени эти люди дерзки и опасны. Это видно между прочимъ и изъ того, что Давидъ указываетъ на такіе факты, которые имѣли мѣсто или до рожденія Соломона, или во время его ранняго дѣтства, почему Соломонъ не могъ имѣть о нихъ надлежащаго представленія безъ нарочитаго упоминанія о нихъ; между тѣмъ какъ о послѣднемъ тяжкомъ преступленіи Іоава—измѣнѣ, Давидъ совсѣмъ не упоминаетъ, потому что этотъ фактъ безъ того хорошо извѣстенъ былъ Соломону. Если бы Давидъ давалъ не простое наставленіе, какъ вести себя по отношенію къ Іоаву и Семею, а прямое завѣщаніе казнить ихъ за прежнія вины,

---

чтобы наказать Іоава. Также и при убіеніи Амессая послѣ возмущенія Авессалома и Савея Давидъ будто бы чувствовалъ себя слабымъ на престолѣ. Comment. D. Büch. d. Könige. Но развѣ послѣ убіенія Авенира Давидъ никогда не былъ настолько силенъ, чтобы наказать Іоава? Равнымъ образомъ развѣ послѣ убіенія Амессая Давидъ до конца жизни былъ слабъ на престолѣ? Такъ объяснять фактъ значитъ предполагать, что Давидъ никогда не имѣлъ твердой власти надъ народомъ. Но это совсѣмъ не сообразно съ общимъ смысломъ исторіи Давида.

то зачѣмъ бы внушать Соломону: „поступи по мудрости твоей“? Какая требовалась особенная мудрость для царя, чтобы казнить двоихъ преступниковъ? Кейль говоритъ, что наказаніе такого сильнаго человѣка, какъ Іоавъ, требовало благоразумія, чтобы не подать повода къ возмущенію въ преданномъ ему войскѣ [1]). Можетъ быть это и справедливо относительно временъ прошедшихъ; но теперь обстоятельства были очевидно совсѣмъ другія. Отчего Іоавъ не подкрѣпилъ дѣло Адоніи силою преданнаго ему войска? И опытъ вскорѣ показалъ, что для казни Іоава не требовалось никакихъ мудрыхъ мѣръ: Соломонъ просто послалъ Ванею, и тотъ отрубилъ Іоаву голову. Слова: „поступи по мудрости твоей“—опредѣляютъ смыслъ всего наставленія Давидова,—они значатъ: тщательно слѣди за опасными личностями и въ случаѣ надобности употреби своевременно крайнюю мѣру, т. е., предай смертной казни. Самъ Давидъ не считалъ необходимымъ прибѣгнуть къ этой крайней мѣрѣ; но умирая онъ счелъ нужнымъ позаботиться о положеніи своего юнаго наслѣдника и потому своимъ предупрежденіемъ избавилъ его отъ нравственной обязанности слѣдовать его примѣру—щадить опасныхъ людей. Давидъ руководствовался въ своемъ наставленіи одними практическими соображеніями опытнаго правителя, желавшаго указать наслѣднику, гдѣ заключается для него опасность. Очень вѣроятно, что Давидъ и не вспомнилъ бы передъ смертію о преступленіяхъ Іоава и Семея, если бы не случилось заговора Адоніи, обнаружившаго враговъ Соломоновыхъ. Если самъ Давидъ щадилъ Іоава, то не потому въ самомъ дѣлѣ, что положительно не могъ никогда наказать его, а просто потому, что Іоавъ при всѣхъ своихъ продерзостяхъ былъ неизмѣнно вѣренъ ему, не только не угрожалъ престолу, но и служилъ ему надежной опорой. Но предъ самымъ концомъ онъ сдѣлался измѣнникомъ, сталъ на сторонѣ заговорщика Адоніи. Это обстоятельство показало его совсѣмъ въ иномъ свѣтѣ и рѣшительно видоизмѣнило отношеніе къ нему Давида. Такого человѣка, какъ Іоавъ, нельзя было спокойно видѣть въ лагерѣ враговъ молодого царя; Давидъ зналъ его слишкомъ

[1]) Тамъ же.

хорошо. А такъ какъ и привлечь его на свою сторону не было надежды; то лучше всего было строго слѣдить за нимъ и при первомъ, хотя бы малѣйшемъ обнаруженіи новыхъ козней съ его стороны казнить его; тѣмъ болѣе, что онъ уже заслужилъ казнь своею измѣной и предыдущими злодѣяніями. Тоже самое нужно сказать и по отношенію къ Семею. Давидъ пощадилъ его или по политическимъ расчетамъ, или по другимъ какимъ-нибудь побужденіямъ, скрывавшимся въ глубинѣ его души, но никогда не могъ считать его человѣкомъ надежнымъ. Для себя онъ не считалъ его опаснымъ, потому что чувствовалъ себя прочнымъ на престолѣ; для Соломона же едва сѣвшаго на престолъ и окруженнаго братьями-соперниками, полезно было держаться на-сторожѣ „быть мудрымъ и знать, что сдѣлать съ нимъ", чтобы предотвратить грозящую опасность своевременною казнью злокозненнаго человѣка. Какъ поступилъ Соломонъ на самомъ дѣлѣ—это другой вопросъ,—онъ повидимому не нуждался во внушеніяхъ предусмотрительности и строгости, скорѣе напротивъ—въ удержаніи отъ излишней подозрительности и безпощадности;—но Давидъ съ своей стороны имѣлъ законное побужденіе дать ему наставленіе касательно необходимыхъ въ его положеніи предосторожностей.

„И умеръ Давидъ въ доброй старости, насыщенный жизнію, богатствомъ и славою... Времени царствованія его надъ Израилемъ было сорокъ лѣтъ: въ Хевронѣ царствовалъ онъ семь лѣтъ и въ Іерусалимѣ царствовалъ тридцать три года" [1]). Все, что можно сказать существеннаго для характеристики свѣтлой личности Давида, для оцѣнки его подвиговъ и заслугъ предъ Богомъ и людьми, сказано еще Іисусомъ, сыномъ Сираховымъ, мудрымъ и благодарнымъ соплеменникомъ Давида позднѣйшихъ временъ, въ его сжатомъ по формѣ, но обширномъ по содержанію похвальномъ словѣ. „Какъ тукъ, отдѣленный отъ мирной жертвы, говорилъ онъ, такъ Давидъ между сынами Израилевыми. Онъ игралъ со львами, какъ съ козлятами, и съ медвѣдями—какъ съ ягнятами. Въ юности своей не убилъ ли онъ исполина и не снялъ ли поношеніе съ народа,

[1]) 1Пар. 19, 27. 28.

когда поднялъ руку съ пращнымъ камнемъ и низложилъ гордыню Голіаѳа? Ибо онъ воззвалъ къ Господу Всевышнему, и онъ далъ крѣпость правой рукѣ его поразить человѣка сильнаго въ войнѣ и возвысить рогъ народа своего. Такимъ образомъ народъ прославилъ его за тьмы (побѣжденныхъ) и призвалъ на него благословеніе Господа, поднося ему славный вѣнецъ. Ибо онъ истребилъ окрестныхъ враговъ и смирилъ враждебныхъ филистимлянъ, даже донынѣ сокрушилъ ихъ. Послѣ каждаго дѣла своего онъ приносилъ благодареніе Святому Всевышнему словомъ хвалы; отъ всего сердца онъ воспѣвалъ и любилъ Создателя своего. И поставилъ предъ жертвенникомъ пѣснопѣвцевъ, чтобы голосомъ ихъ услаждать пѣснопѣніе. Онъ далъ праздникамъ благолѣпіе и съ точностію опредѣлилъ времена, чтобы они (пѣснопѣвцы) хвалили святое имя Его и съ ранго утра оглашали святилище. И Господь отпустилъ ему грѣхи и на вѣки вознесъ рогъ его и даровалъ ему завѣтъ царственный и престолъ славы въ Израилѣ“[1]). Сынъ Сираховъ выдвигаетъ самыя крупныя черты изъ жизни Давида: его побѣды надъ врагами своего народа, его высокую религіозность и неоцѣненныя заслуги для богослуженія. Эти черты, какъ мы могли видѣть, вѣрны исторіи не только по содержанію, но и по расположенію въ похвальномъ словѣ: дѣйствительно въ первую бо́льшую половину своей жизни и царствованія Давидъ гремѣлъ побѣдами; его набожность, о которой сынъ Сираховъ говоритъ въ срединѣ своей рѣчи, обнимала и характеризовала какъ первую, такъ и вторую половину его жизни, а его труды для богослуженія падаютъ главнымъ образомъ на послѣдній періодъ его жизни. Попытаемся очертить болѣе подробно характеръ дѣятельности Давида и самой его личности. Давидъ поставилъ народъ еврейскій на небывалую ни до него, ни послѣ него высоту (могущество Соломоновой монархіи уже носило въ себѣ зародышъ паденія). Возвысивъ внѣшнее могущество государства побѣдоносными войнами и разширивъ его предѣлы, онъ и внутри умѣлъ сдерживать и умиротворять никогда не исчезавшее соперничество между разными колѣнами своими

[1]) 47, 2—13.

мудрыми политическими мѣрами, приводилъ въ согласіе и другіе элементы народной жизни, способные къ столкновенію и враждѣ. Этому положенію не противорѣчитъ то, что при Давидѣ случались мятежи: мятежи эти оканчивались покорностію Давиду; а это показываетъ, что они не имѣли глубокихъ корней въ массѣ народной, что Давидъ съумѣлъ сдѣлать себя центромъ, въ которомъ сходились всѣ существенные интересы народа. Не устоявъ противъ искушенія обставить тронъ царя нѣкоторыми принадлежностями обыкновенной восточной придворной жизни, какъ пышность, многоженство (сравнительно впрочемъ въ ничтожныхъ размѣрахъ), и проч.,—онъ на самомъ дѣлѣ не поставилъ свою власть выше всего, далекъ былъ отъ того, чтобы цѣликомъ пересадить языческое самовластіе на еврейскую почву; напротивъ онъ съ уваженіемъ относился къ выработавшимся исторически и освященнымъ въ законѣ бытовымъ формамъ общенародной жизни. Онъ не распоряжался произвольно поземельною собственностію гражданъ, какъ Саулъ или Ахавъ, не возвышалъ одно колѣно въ ущербъ другимъ и уважалъ освященный древностію авторитетъ народныхъ представителей, предлагая ихъ обсужденію дѣла общенародной важности и спрашивая ихъ согласія. Онъ не только не посягнулъ на громадное значеніе пророковъ и сословія священниковъ, чтобы въ ѳеократически сложившемся государствѣ произвести существенную перемѣну, подавивъ всякую силу, способную служить противовѣсомъ царскому самовластію; но совершенно напротивъ, онъ болѣе всѣхъ другихъ царей былъ другомъ пророковъ и священниковъ. То, что онъ сдѣлалъ наиважнѣйшаго, кромѣ возвышенія своего царства на степень могущественной державы, состояло именно въ предоставленіи пророчеству и левитскому служенію того значенія на практикѣ, какое имъ принадлежало по духу Моисеева закона. Важнѣйшія его внутреннія дѣла состояли въ усовершенствованіи военной части, въ преобразованіи и улучшеніи суда и управленія съ помощію левитовъ [1]) и въ устройствѣ богослуженія. Во всѣхъ этихъ дѣлахъ Давидъ руководствовался не произволомъ фанта-

[1]) 1 Пар. 26, 30—32.

зіи и не иностранными образцами, а соображеніями своего здраваго разума, духомъ и преданіями своего народа и данными божественнаго закона. Совѣты пророковъ онъ уважалъ и покорно выслушивалъ ихъ обличенія; въ сословіи же священниковъ и левитовъ видѣлъ не враждебную монархіи силу, а опору своего престола и здоровую закваску народно-государственной жизни. Здѣсь руководилъ имъ здравый смыслъ, вѣрное пониманіе вещей; но еще болѣе—благоговѣйное уваженіе къ божественному закону и вообще его глубокая и живая религіозность. Печать глубокой вѣры въ Бога, въ Его Провидѣніе и покорность Его волѣ лежитъ на всѣхъ дѣлахъ Давида, совершенныхъ имъ не подъ вліяніемъ страсти и увлеченія. Отъ начала до конца жизни онъ сіялъ благочестіемъ, которое имѣло то глубоко покаянный, смиренный характеръ, то восторженный, хвалебный. Самыя паденія его не очерствляли духъ его, не были ступенями къ безвозвратному нравственному приниженію, какъ это бываетъ у многихъ, не крѣпкихъ духомъ людей, а являлись горниломъ, въ которомъ его нравственная природа очищалась чрезъ мучительный процессъ раскаянія. Вѣчнымъ памятникомъ его вѣры, благочестія и возвышеннаго богопросвѣщеннаго ума служатъ его многочисленные псалмы и молитвы. Въ нихъ, какъ въ зеркалѣ, отражается нравственный образъ Давида вмѣстѣ съ главными обстоятельствами его жизни, вліявшими на его душевное настроеніе. Почти всю жизнь свою онъ провелъ въ борьбѣ съ врагами. Враговъ у него было много и внѣшнихъ, и внутреннихъ; боролся онъ и съ самимъ собою—съ своими страстями. Неудивительно поэтому, что въ рѣдкомъ псалмѣ онъ не говоритъ о врагахъ, злоумышляющихъ противъ него, сильныхъ злобою и ложью; но при этомъ онъ вездѣ выражаетъ твердую увѣренность, что враги погибнутъ, а праведникъ восторжествуетъ, возвеселится о Богѣ, уповая на Него.[1]). Вообще твердое упованіе на помощь Божію, на все благое Провидѣніе было краеугольнымъ камнемъ его духовной жизни, и онъ выражаетъ его неоднократно и съ силою. „Господь свѣтъ мой и спасеніе мое, говоритъ онъ,—

[1]) См. пс. 55, 57, 58, 62, 63, 93, 140.

кого мнѣ бояться? Господь крѣпость моей жизни,—кого мнѣ страшиться? Если будутъ наступать на меня злодѣи, противники и враги мои, чтобы пожрать плоть мою, то они сами преткнутся и падутъ. Если ополчится противъ меня полкъ, не убоится сердце мое; если возстанетъ на меня война, и тогда буду надѣяться... Только въ Богѣ успокоивается душа моя; отъ Него спасеніе мое. Только Онъ твердыня моя, спасеніе мое, убѣжище мое: не поколеблюсь болѣе... Народъ! надѣйтесь на Него во всякое время, изливайте предъ Нимъ сердце ваше: Богъ намъ прибѣжище. Сыны человѣческіе—только суета; сыны мужей—ложь; если положить ихъ на вѣсы, всѣ они вмѣстѣ легче пустоты... Однажды сказалъ Богъ, и дважды слышалъ я это, что сила у Бога“ [1]). Высшимъ желаніемъ Давида было—жить съ Богомъ, быть постоянно предъ лицемъ Его: „одного просилъ я у Господа, того только ищу, чтобы пребывать мнѣ въ домѣ Господнемъ во всѣ дни жизни моей, созерцать красоту Господню и посѣщать храмъ Его... Сердце мое говоритъ отъ тебя: ищите лица Моего,—и я буду искать лица Твоего, Господи“ [2]). Давидъ любилъ возноситься мыслію своею къ Богу, въ сильныхъ образахъ представлять Его величіе и могущество и славословить восторженно-хвалебными пѣснями. „Гласъ Господень надъ водами, воспѣвалъ Давидъ; Богъ славы возгремѣлъ, Господь надъ водами многими. Гласъ Господа силенъ, гласъ Господа величественъ. Гласъ Господа сокрушаетъ кедры; Господь сокрушаетъ кедры Ливанскіе и заставляетъ ихъ скакать подобно тельцу, Ливанъ и Сіонъ—подобно единорогу. Гласъ Господа высѣкаетъ пламень огня. Гласъ Господа потрясаетъ пустыню, разрѣшаетъ отъ бремени ланей и обнажаетъ лѣса. Господь возсѣдалъ надъ потопомъ, и будетъ возсѣдать Господь царемъ во вѣкъ... Богъ сказалъ во святилищѣ Своемъ: восторжествую, раздѣлю Сихемъ и долину Сакхоѳъ размѣрю. Мой Галаадъ, мой Манасія; Ефремъ крѣпость главы Моей, Іуда скипетръ Мой; Моавъ умывальная чаша Моя, на Едома простру сапогъ Мой. Восклицай Мнѣ, земля филистимская“ [3]). „Пріі-

---

[1]) Пс. 26, 1—3; 61, 2. 3. 9. 10. 12.
[2]) 26, 4. 8. [3]) 28, 3—10; 59, 8—10.

идите, воспоемъ Господу, воскликнемъ твердынѣ спасенія нашего. Предстанемъ лицу Его съ славословіемъ, въ пѣсняхъ воскликнемъ Ему. Ибо Господь есть Богъ великій и царь великій надъ всѣми богами. Въ Его рукѣ глубины земли, и вершины горъ—Его же. Его море, и Онъ создалъ его, и сушу образовали руки Его. Пріидите, поклонимся и припадемъ, преклонимъ колѣна предъ лицемъ Господа, Творца нашего. Ибо Онъ есть Богъ нашъ, и мы—народъ паствы Его и овцы руки Его... Воспойте Господу пѣснь новую, воспойте Господу, вся земля. Пойте Господу, благословляйте имя Его, благовѣствуйте со дня на день спасеніе Его. Возвѣщайте въ народахъ славу Его, во всѣхъ племенахъ чудеса Его... Да веселятся небеса, да торжествуетъ земля; да шумитъ море и что наполняетъ его. Да радуется поле и все, что на немъ, и да ликуютъ всѣ дерева дубравныя предъ лицемъ Господа, ибо идетъ, ибо идетъ судить землю“ [1]). „Буду пѣть Господу во всю жизнь мою, буду пѣть Богу моему, доколѣ есмь“—говоритъ онъ въ одномъ изъ псалмовъ своихъ [2]). Это одинъ изъ наиболѣе обширныхъ и замѣчательныхъ псалмовъ Давида, въ которомъ онъ созерцаетъ міротвореніе, обозрѣваетъ всю землю отъ горныхъ вершинъ до морской глубины, говоритъ о царствѣ растительномъ и животномъ и видитъ, что все вызвано къ жизни Творцемъ и Имъ же поддерживается. Мы приведемъ этотъ псаломъ почти во всемъ его объемѣ. „Господи, Боже мой! Ты дивно великъ, Ты облеченъ славою и величіемъ. Ты одѣваешься свѣтомъ, какъ ризою, простираешь небеса, какъ шатеръ; устрояешь надъ водами горніе чертоги Твои, дѣлаешь облака Твоею колесницею, шествуешь на крыльяхъ вѣтра. Ты творишь ангелами Твоими духовъ, служителями Твоими—огонь пылающій. Ты поставилъ землю на твердыхъ основахъ: не поколеблется она въ вѣки и вѣки. Бездною (т. е., моремъ) ,какъ одѣяніемъ, Ты покрылъ ее; на горахъ стоятъ воды (т. е., тѣ изъ которыхъ образуются горные потоки). Отъ прещенія Твоего бѣгутъ они, отъ гласа грома Твоего быстро уходятъ. Восходятъ на горы, нисходятъ въ долины, на мѣсто, которое Ты назначилъ для нихъ. Ты положилъ предѣлъ,

[1]) 94, 1—7; 95, 1—3. 11—13—Хвалебныя пѣсни. [2]) 103, 33.

котораго не перейдутъ, и не возвратятся покрыть землю. Ты послалъ источники въ долины. Поятъ (они) всѣхъ полевыхъ звѣрей, дикіе ослы утоляютъ жажду свою. При нихъ обитаютъ птицы небесныя, изъ среды вѣтвей издаютъ голосъ. Плодами дѣлъ Твоихъ насыщается земля. Ты произращаешь траву для скота и зелень на пользу человѣка, и вино, которое веселитъ сердце человѣка, и елей, отъ котораго блистаетъ лице его, и хлѣбъ, который укрѣпляетъ сердце человѣка. Насыщаются древа Господа, кедры Ливанскіе, которые Онъ насадилъ. На нихъ гнѣздятся птицы; ели—жилище аисту; высокія горы—сернамъ, каменные утесы—убѣжище зайцамъ. Онъ сотворилъ луну для временъ, солнце знаетъ западъ свой. Ты простираешь тьму, и бываетъ ночь: во время ея бродятъ всѣ лѣсные звѣри, львы рыкаютъ о добычѣ и просятъ у Бога пищу себѣ. Восходитъ солнце—они собираются и ложатся въ свои логовища. Выходитъ человѣкъ на дѣло свое до вечера. Какъ многочисленны дѣла Твои, Господи! Все содѣлалъ Ты премудро; земля полна произведеній Твоихъ. Это море великое и пространное: тамъ пресмыкающіяся, которымъ нѣтъ числа, животныя малыя съ большими; тамъ плаваютъ корабли, тамъ этотъ левіаѳанъ, котораго Ты сотворилъ играть въ немъ. Всѣ они отъ Тебя ожидаютъ, чтобы Ты далъ имъ пищу ихъ въ свое время. Даешь имъ, принимаютъ; отверзаешь руку Твою, насыщаются благомъ. Сокроешь лице Твое, мятутся; отнимешь духъ ихъ, умираютъ и въ персть свою возвращаются. Пошлешь духъ Твой, созидаются, и Ты обновляешь лице земли. Да будетъ Господу слава во вѣки; да веселится Господь о дѣлахъ Своихъ"! Такъ представлялъ Давидъ отношеніе Создателя къ неразумный твари. Отношеніе же Бога къ человѣку онъ изображаетъ иначе, становясь на нравственную точку зрѣнія: „благослови душа моя Господа, и не забывай всѣхъ благодѣяній Его. Онъ прощаетъ всѣ беззаконія твои, исцѣляетъ всѣ недуги твои.. Господь творитъ правду и судъ всѣхъ обиженныхъ. Онъ показалъ пути Свои Моисею, сынамъ Израилевымъ дѣла Свои. Щедръ и милостивъ Господь, долготерпѣливъ и многомилостивъ... Не по беззаконіямъ нашимъ сотворилъ намъ, и не по грѣхамъ нашимъ воздалъ намъ. Ибо какъ высоко небо надъ землею, такъ

велика милость Его къ боящимся Его. Какъ далеко востокъ отъ запада, такъ удалилъ Онъ отъ насъ беззаконія наши Какъ отецъ милуетъ сына, такъ милуетъ Господь боящихся Его. Ибо Онъ знаетъ составъ нашъ, помнитъ, что мы—персть. Дни человѣка, какъ трава, какъ цвѣтъ полевой, такъ онъ отцвѣтаетъ. Пройдетъ надъ нимъ вѣтеръ, и нѣтъ его. Милость же Господня отъ вѣка и до вѣка къ боящимся Его. И правда на сынахъ сыновъ, хранящихъ завѣтъ Его" [1]). Представляя основаніемъ отношеній между Богомъ и человѣкомъ со стороны Бога милосердіе и всепрощеніе, а со стороны человѣка богобоязненность и исполненіе заповѣдей Божіихъ, Давидъ зналъ, что ни одинъ моментъ человѣческой жизни не остается сокрытымъ отъ очей Божіихъ, что слѣдовательно человѣкъ, склонный къ грѣху, постоянно оскорбляетъ милосердаго Бога. Всевѣденіе Божіе Давидъ представлялъ себѣ живо и прекрасно изобразилъ въ слѣдующемъ псалмѣ. „Господи! взывалъ онъ, Ты испыталъ меня и знаешь. Ты знаешь, когда я сажусь и когда встаю; Ты разумѣешь помышленія мои издали. Иду ли я, отдыхаю ли, Ты окружаешь меня, и всѣ пути мои извѣстны Тебѣ. Еще нѣтъ слова на языкѣ моемъ, Ты, Господи, уже знаешь его совершенно. Сзади и спереди Ты объемлешь меня и полагаешь на мнѣ руку Твою. Дивно для меня вѣденіе (Твое), высоко,—не могу постигнуть его. Куда пойду отъ духа Твоего, и отъ лица Твоего куда убѣгу? Взойду ли на небо, Ты тамъ; сойду ли въ преисподнюю, и тамъ Ты. Возьму ли крылья зари, и переселюсь на край моря; и тамъ рука Твоя поведетъ меня, и удержитъ меня десница Твоя. Скажу ли: можетъ быть, тьма сокроетъ меня. Но и тьма не затмитъ отъ Тебя, и ночь свѣтла, какъ день. Ибо Ты устроилъ внутренности мои, и соткалъ меня во чревѣ матери моей... Не сокрыты были отъ Тебя мои кости, когда я созидаемъ былъ въ тайнѣ, образуемъ былъ во глубинѣ утробы. Зародышъ мой видѣли очи Твои; въ книгѣ Твоей записаны всѣ дни, для меня назначенные, когда ни одного изъ нихъ еще не было... Испытай меня, Боже, взываетъ въ заключеніе Давидъ, и узнай сердце мое; испытай меня и узнай помышленія мои. И зри, не на опас-

[1]) 102, 2—18.

номъ ли я пути, и направь меня на путь вѣчный“[1]). Давидъ часто кается въ грѣхахъ, взываетъ къ Богу о прощеніи. Но это было не слѣдствіемъ обилія тяжкихъ грѣховъ (хотя, какъ мы знаемъ, онъ и грѣшилъ), а скорѣе слѣдствіемъ постоянной и живой мысли о милосердомъ и всевѣдущемъ Богѣ, отъ Котораго не сокрытъ даже малѣйшій грѣховный помыслъ и безконечная святость Котораго требовала постояннаго очищенія души раскаяніемъ даже въ давно содѣянныхъ грѣхахъ. „Грѣховъ юности моей и преступленій моихъ не вспоминай, молился Давидъ; по милости Твоей вспомни меня Ты, ради благости Твоей Господи... Ради имени Твоего. Господи, прости согрѣшеніе мое; ибо велико оно... Я открылъ Тебѣ грѣхъ мой, и не скрылъ беззаконія моего; я сказалъ: исповѣдаю Господу преступленія мои; и Ты снялъ съ меня вину грѣха моего“[2]). Высшимъ выраженіемъ покаяннаго чувства Давидова служитъ извѣстный псаломъ 50-й. Такъ вѣрно въ общихъ чертахъ понималъ Давидъ отношеніе Бога къ міру вообще и къ человѣку въ частности и отношеніе человѣка къ Богу. Нельзя впрочемъ пройти молчаніемъ одну черту въ псалмахъ Давида, показывающую, что онъ еще и далекъ былъ отъ полнаго, христіанскаго пониманія нѣкоторыхъ истинъ, въ особенности того, что касалось отношенія людей между собою. Вотъ какъ выражаются его чувства по отношенію къ нечестивымъ, которыхъ онъ считалъ врагами Бога и своими собственными. „Боже! сокруши зубы ихъ въ устахъ ихъ; разбей, Господи, челюсти львовъ! Да исчезнутъ, какъ вода протекающая, какъ распускающаяся улитка; да не видятъ солнца, какъ выкидышъ женщины... Возрадуется праведникъ, когда увидитъ отмщеніе; омоетъ стопы свои въ крови нечестиваго... Поставь надъ нимъ (врагомъ) нечестиваго, и діаволъ да станетъ одесную его. Когда будетъ судиться, да выйдетъ виновнымъ, и молитва его да будетъ въ грѣхъ. Да будутъ дни его кратки, и достоинство его да возьметъ другой. Дѣти его да будутъ сиротами, и жена его—вдовою. Да скитаются дѣти его и нищенствуютъ и просятъ хлѣба изъ развалинъ своихъ. Да захватитъ заимодавецъ все, что есть у него, и чужія

[1]) Пс. 138. [2]) 24, 7. 11; 31. 5.

да расхитятъ трудъ его. Да не будетъ сострадающаго ему; да не будетъ милующаго сиротъ его; да будетъ потомство его на погибель, и да изгладится имя ихъ въ слѣдующемъ родѣ. Да будетъ воспомянуто предъ Господомъ беззаконіе отцевъ его, грѣхъ матери его да не изгладится. Да будутъ они всегда въ очахъ Господа, и да истребитъ Онъ память ихъ на землѣ... О, если бы Ты, Боже, поразилъ нечестиваго! Удалитесь отъ меня, кровожадные! Мнѣ ли не возненавидѣть ненавидящихъ Тебя, Господи, и не возгнушаться возстающими на Тебя? Полною ненавистію ненавижу ихъ; враги они мнѣ“ [1]). Ясно, что это отношеніе къ нечестивому и врагу далеко не христіанское. Хотя нечестивый, врагъ Божій и утѣснитель невиннаго и въ христіанинѣ возбуждаетъ негодованіе; но у истиннаго христіанина оно не можетъ выражаться въ такой жесткой формѣ ненависти и злоэкелательства. Но будемъ ли винить за это Давида? Вспомнимъ время, когда онъ жилъ и законъ, подъ которымъ онъ жилъ. Въ немъ сказался въ этомъ случаѣ ветхозавѣтный человѣкъ, не озаренный свѣтомъ евангельскаго ученія. Однако этотъ ветхозавѣтный человѣкъ, въ то время, какъ другіе, можетъ быть, и не предчувствовали другаго, высшаго нравственнаго настроенія, чѣмъ то, которое опредѣлялось буквою ветхаго закона, спускался до общаго уровня, вѣроятно, только подъ вліяніемъ глубокаго негодованія на безпредѣльное безуміе враговъ Божіихъ „сказалъ безумецъ въ сердцѣ своемъ: нѣтъ Бога“ [2]) и на нестерпимыя злоухищренія своихъ собственныхъ; въ спокойномъ же состояніи духа являлся предтечею высшей духовной жизни, такъ что чувство, наполнявшее его душу, и молитвы, въ которыхъ выливалось это чувство, справедливо приняты были за образецъ благочестиваго настроенія и молитвеннаго обращенія въ самой церкви Христовой. Вотъ, напр., молитва Давида, въ которой нѣтъ и тѣни ветхозавѣтной исключительности и, такъ сказать, суровости. „Помилуй меня, Господи, ибо къ Тебѣ взываю каждый день. Возвесели душу раба Твоего, ибо къ Тебѣ, Господи, возношу душу мою. Ибо Ты, Господи, благъ и милосердъ и многомилостивъ ко всѣмъ, призывающимъ

[1]) 57, 7-11; 108, 6—15; 138, 19—22. [2]) 13, 1.

Тебя. Услышь, Господи, молитву мою. Въ день скорби моей взываю къ Тебѣ, потому что Ты услышишь меня. Нѣтъ между богами, какъ Ты, Господи, и нѣтъ дѣлъ, какъ Твои. Всѣ народы, Тобою сотворенные, пріидутъ и поклонятся предъ Тобою, Господи, и прославятъ имя Твое, Ибо Ты великъ и творишь чудеса,—Ты, Боже единъ Ты. Наставь меня, Господи, на путь Твой, и буду ходить въ истинѣ Твоей; утверди сердце мое въ страхѣ имени Твоего. Буду восхвалять Тебя, Господи, Боже мой всѣмъ сердцемъ моимъ и славить имя Твое вѣчно. Ибо велика милость Твоя ко мнѣ; Ты избавилъ душу мою отъ ада преисподняго. Боже! гордые возстали на меня, и скопище мятежниковъ ищетъ души моей; не представляютъ они Тебя предъ собою. Но Ты, Господи, Боже щедрый и благосердый, долготерпѣливый и многомилостивый, и истинный, призри не меня и помилуй меня; даруй крѣпость Твою рабу Твоему и спаси сына рабы Твоей. Покажи на мнѣ знаменіе во благо, да видятъ ненавидящіе меня и устыдятся, потому что Ты, Господи, помогъ мнѣ и утѣшилъ меня“ [1]). Здѣсь тоже Давидъ упоминаетъ о врагахъ своихъ; но какое величавое спокойствіе въ отношеніи къ нимъ! Давидъ говоритъ только: „не представляютъ они Тебя предъ собою... Покажи имъ знаменіе на мнѣ во благо, чтобы устыдились“. Въ сущности Давидъ былъ кроткій, незлобивый и смиренный сердцемъ; даже порывы своей мысли, которая у него, какъ у человѣка геніальнаго, повидимому стремилась обнять необъятное и смущалась многимъ таинственнымъ и непостижимымъ въ жизни, онъ старался смирять послушаніемъ простой вѣры [2]). „Господи! взывалъ Давидъ, не надмевалось сердце мое, и не возносились очи мои, и я не входилъ въ великое и для меня недосязаемое. Не смирялъ ли я и не успокоивалъ ли души моей, какъ дитяти, отнятаго отъ груди матери? Душа моя была во мнѣ, какъ дитя, отнятое отъ груди“ [3]). Тѣмъ не менѣе духъ Давида былъ могучъ и возвышался даже до пророческаго ясновидѣнія,

---

[1]) 85, 3—17.

[2]) Соломонъ въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ, не пошелъ по его стопамъ.

[3]) Пс. 130.

до истинъ, выдвинутыхъ только позднѣйшими великими пророками, а вполнѣ раскрытыхъ уже Христомъ. „Сердце чистое сотвори во мнѣ, Боже, молился Давидъ, и духъ правый обнови внутри меня... Духа Твоего Святаго не отними отъ меня... Жертвы Ты не желаешь, хотя бы я и далъ ее; къ всесожженію не благоволишь. Жертва Богу — духъ сокрушенный. Сердца сокрушеннаго и смиреннаго Ты не презришь, Боже“ [1]). „Господи! кто можетъ пребывать въ жилищѣ Твоемъ? Тотъ, кто ходитъ непорочно и дѣлаетъ правду, и говоритъ истину въ сердцѣ своемъ; кто не клевещетъ языкомъ своимъ, не дѣлаетъ искреннему своему зла и не принимаетъ поношенія на ближняго своего... кто клянется хотя бы злому, и не измѣняетъ„ [2])„ Знаю, Боже, что Ты испытуешь сердце и любишь чистосердечіе“, говорилъ Давидъ въ одной изъ своихъ молитвъ [3]). „Кто усмотритъ погрѣшности свои? Отъ тайныхъ моихъ очисти меня, молился Давидъ, и отъ умышленныхъ удержи раба Твоего, чтобы не возобладали мною. Тогда я буду непороченъ и чистъ отъ великаго развращенія. Да будутъ слова устъ моихъ и помышленіе сердца моего благоугодны предъ Тобою, Господи“ [4]). Такъ возвышался Давидъ надъ внѣшнимъ, механическимъ пониманіемъ человѣческой праведности, которое держало въ плѣну большинство ветхозавѣтныхъ людей и съ которымъ такъ сильно боролись величайшіе изъ пророковъ. Предъ богопросвѣщеннымъ умственнымъ взоромъ Давида предносилось вожделѣнное царство Мессіи, царство Божіе на землѣ, въ которомъ должны были найти судъ и правду, и упокоеніе всѣ труждающіеся и обремененные, и онъ молитвенно взывалъ: „Господь приготовилъ для суда престолъ Свой. И Онъ будетъ судить вселенную по правдѣ, совершитъ судъ надъ народами по правотѣ. И будетъ Господь прибѣжищемъ угнетенному, и будутъ уповать на Тебя знающіе имя Твое... Возстань, Господи, Боже, вознеси руку Твою, не забудь угнетенныхъ... Тебѣ предаетъ себя бѣдный; сиротѣ Ты помощникъ “ [5]). Сила его пророческаго прозрѣнія была такъ велика, что образъ страждующаго Мессіи онъ представилъ

[1]) Пс. 50, 12... 19. [2]) 14, 1—4. [3]) 1 Цар. 29, 17. [4]) 18, 13 - 15.
[5]) 9, 8—11. 33. 35.

съ такою же поразительною ясностію, какъ и Исаія: „Боже мой! Боже мой! для чего Ты оставилъ меня?.. Всѣ видящіе меня ругаются надо мною; говорятъ устами, кивая главою: онъ уповалъ на Господа; пусть избавитъ его, пусть спасетъ, если онъ угоденъ Ему... Скопище злыхъ обступило меня; пронзили руки мои и ноги мои. Можно бы перечесть всѣ кости мои. А они смотрятъ и дѣлаютъ изъ меня зрѣлище. Дѣлятъ ризы мои между собою, и объ одеждѣ моей бросаютъ жребій"[1]). Вообще Давидъ оставилъ потомству образъ совѣршеннѣйшаго человѣка и царя: съ нимъ сравнивали, имъ измѣряли достоинство другихъ царей. Его могущество, его правосудіе и сердечная доброта поражали потомковъ, не видавшихъ болѣе такого царя, такъ что Давидъ сталъ для нихъ, какъ и былъ на самомъ дѣлѣ, образомъ Мессіи, будущаго совершеннѣйшаго царя—Избавителя, Который сядетъ на престолѣ Давида, чтобы царствовать вѣчно. Какъ человѣкъ, Давидъ тоже заблуждался, грешилъ. Дѣписатель не скрылъ отъ насъ его слабостей и нравственныхъ паденій, и мы, не осуждая его съ высокомѣріемъ современнаго саддукейства и не ослабляя значенія указанныхъ дѣписателемъ фактовъ, подобно раввинамъ и другимъ ревнителямъ славы ветхозавѣтныхъ праведниковъ, видимъ, до какой степени все-таки много было и въ Давидѣ ветхаго человѣка, какъ еще преобладала по временамъ въ немъ матеріально-тѣлесная сторона надъ нравственно-духовною. Если сравнить его съ новозавѣтнымъ подвижникомъ, который и въ мысляхъ не былъ повиненъ съ тѣхъ грѣхахъ, какія Давидъ учинилъ дѣломъ, какимъ великимъ грѣшникомъ онъ представляется! И однако онъ безпорно былъ великимъ праведникомъ, потому что онъ высоко поднимался надъ уровнемъ нравственной жизни обыкновенныхъ ветхозавѣтныхъ людей. Его нравственныя совершенства справедливо поразили современниковъ и потомство и заслонили его слабости; потому что первыя коренились въ самой его природѣ, были постоянною стихіею его жизни, послѣднія же имѣли характеръ случайности, какъ бы внѣшняго приро-

[1]) Пс. 21, 2. 8. 9. 17—19. Срав. Матѳ. 27, 39. 43. 46; Мар. 15, 29. 30; Лук. 23, 35. 36; Іоан. 19, 23. 24.

женія къ его природѣ. Отсюда сила, глубина и искренность его раскаяній, извлекавшихъ его изъ бездны грѣховности, въ которую онъ иногда впадалъ. Саулъ не былъ праведникомъ, хотя и былъ тоже героемъ. Это былъ рядовой ветхозавѣтный человѣкъ, въ которомъ плотское, низменное почти всецѣло преобладало надъ духовнымъ. Если въ немъ и было нѣчто возвышенное, то это тоже болѣе плотское—возвышенное, болѣе языческое, чѣмъ христіанское. А Давидъ напоминалъ уже собою христіанина: духовное сильно боролось съ плотскимъ и брало надъ нимъ верхъ, по крайней мѣрѣ настолько, насколько это возможно было въ ветхомъ завѣтѣ безъ благодати искупленія. Вотъ почему онъ былъ однимъ изъ наиболѣе отличенныхъ Богомъ праотцевъ Христа, Его прообразомъ. Своимъ лицемъ и царствованіемъ онъ ожилъ и прояснилъ въ сознаніи ветхозавѣтнаго человѣка образъ Сѣмени жены, имѣвшаго стереть главу змія, образъ того благословенія, которое имѣло снизойти на землю чрезъ одного изъ потомковъ Авраама, того великаго Пророка, подобнаго Моисею, Котораго имѣлъ воздвигнуть Богъ изъ среды еврейскаго народа.

СОЛОМОНЪ.

Личность Соломона и исторія его царствованія въ томъ видѣ, какъ онѣ представляются въ краткихъ библейскихъ повѣствованіяхъ, ставятъ изслѣдователя въ немалое затрудненіе; въ Соломонѣ и его царствованіи Библія даетъ намъ какъ бы загадку. Она рисуетъ намъ двѣ картины: на одной Соломонъ во всемъ блескѣ славы, могущества, мудрости и божественнаго благоволенія къ нему; на другой—тотъ же Соломонъ, нравственно упавшій, безсильный противъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ и подъ тяжестью гнѣва Божія [1])... Какъ объяснить перемѣну?

[1]) И въ Саулѣ есть двойственность, но она легко объяснима, потому что почти единственное достоинство Саула заключалось въ томъ, что онъ обладалъ личною храбростію и былъ хорошимъ для своего времени предводителемъ на войнѣ—достоинство, съ которымъ легко мирятся всѣ его недостатки.

Раціоналистъ по обычаю объясняетъ просто: вторая картина, говоритъ онъ, не историческая дѣйствительность, а окраска позднѣйшей обработки историческаго матеріала [1]). Что дѣлаютъ другіе писатели? Большею частію въ первой половинѣ изложенія исторіи Соломона безусловно хвалятъ его, какъ Давида, а во второй порицаютъ, какъ Саула, почему неизбѣжно впадаютъ въ противорѣчія [2]); существенную же причину перемѣны видятъ въ желаніи одряхлѣвшаго царя понравится своимъ женщинамъ. Хотя на это и указываетъ Библія, какъ на причину уклоненія Соломона съ пути истины, вызвавшаго гнѣвъ Божій на него [3]); но очевидно библейскій писатель не имѣлъ въ виду разрѣшить этимъ вопросъ во всемъ его объемѣ, и загадка не разрѣшается. Разгадка заключается въ надлежащемъ пониманіи всего библейскаго текста, описывающаго личность и дѣла Соломона. Если мы будемъ читать его со вниманіемъ, то не можемъ не замѣтить, что отъ всего повѣствованія о Соломонѣ вѣетъ совсѣмъ инымъ духомъ, чѣмъ отъ повѣствованія о Давидѣ. Ясно, что нравственная природа, складъ всей духовной жизни этихъ двухъ лицъ были различны. Можно и должно восхвалять Соломона и удивляться ему, но не какъ Давиду; потому что достоинства Соломона были не тѣ же, что достоинства Давида. Чтобы въ личности Соломона и въ его дѣлахъ было все понятно и легко объяснялось, нужно уловить и опредѣ-

---

[1]) Eisenlohr. Указ. соч. стр. 114.

[2]) Напр. по автору „царствованія Соломона“ въ Душеп. Чт. 1873 г. кн. I-я, и Соломонъ безусловно хорошъ въ началѣ царствованія и такъ же сердечно-религіозенъ, какъ Давидъ, и паденіе его обусловливалось только увлеченіями, какъ у Давида; но въ вопросѣ о покаяніи Соломона личность послѣдняго уже существенно различается отъ личности Давида. Стр. 296. 297. 485. Hess, пишущій вообще нѣсколько панегирически, расхваливаетъ положеніе дѣлъ при вступленіи Соломона на престолъ: и Адонія безопасенъ, и Іоавъ не опасенъ, указ. соч. т. 8, стр. 246; а на стр. 250 говоритъ уже противное, чтобы защитить Соломона отъ упрека въ жестокости. Hengstenberg усиленно настаиваетъ на мысли, что Соломонъ и въ началѣ царствованія былъ вполнѣ безупреченъ, т. е. благочестивъ, указ. соч. стр. 133—4. (Но какого свойства было это благочестіе?); но на стр. 141 рѣшительно опровергаетъ себя.

[3]) 3 Цар. гл. 14.

лить его основной природный характеръ и уразумѣть тотъ путь, которымъ шло духовное развитіе его личности—отъ юности до старости. То и другое мы попытаемся выяснить по мѣрѣ разсмотрѣнія дѣлъ Соломона и событій его царствованія. Имѣя опредѣленный взглядъ на нравственную природу Соломона, намъ кажется, легко избѣгнуть двойственности въ исторіи его царствованія: нужно въ первой блестящей картинѣ отмѣтить тѣни, указывающія на вторую, а во второй показать отраженіе свѣта первой.—Что касается отношенія къ Соломону невѣрующихъ писателей, то здѣсь задача вѣрующаго историка облегчается. Старые вольнодумцы мало нападали на Соломона. Это видно уже и изъ того, что для защиты Соломона Лиліенталю потребовалось только 6 страницъ, тогда какъ для защиты Давида 272 страницы [1]). И новые раціоналисты благосклонны къ Соломону, и тѣ, которые наиболѣе поносятъ Давида, наиболѣе благосклонны къ Соломону. „За исключеніемъ убійствъ, говоритъ Otto Henne—Am Rhyn, которыми Соломонъ началъ царствованіе по желанію отца (?), и едва заслуживающаго упоминанія религіознаго отпаденія въ послѣдніе дни жизни, характеръ этого царя не заслуживаетъ порицанія. Его блескъ и пышность содѣйствовали благосостоянію земли“ [2])... Почему же раціоналисты благосклонны къ Соломону? Просто, вѣроятно, потому, что вѣрующіе не довольно благосклонны къ нему.

Царствованіе Соломона сравнительно съ предыдущимъ царствованіемъ представляло важныя особенности, которыя обусловливались частію внѣшними обстоятельствами, частію логическимъ развитіемъ началъ, внесенныхъ въ жизнь государства царскимъ единодержавіемъ, и частію личнымъ характеромъ царя. Это царствованіе было во-первыхъ глубоко мирное, потому что послѣ побѣдъ, одержанныхъ Давидомъ надъ всѣми окрестными народами, не осталось никакого настоятельнаго побужденія къ

---

[1]) Указ. соч. гл. 6.

[2]) Указ. соч. стр. 41. Но на этой же страницѣ онъ и противорѣчитъ себѣ: „благодаря своей роскоши Соломонъ вошелъ въ долги... Роскошь имѣла вредное вліяніе на нравы и на религію народа“.

военнымъ дѣйствіямъ [1]). Царь могъ бы начать и еще войну для дальнѣйшаго расширенія предѣловъ своего царства и для удовлетворенія своему военному честолюбію; но въ первомъ, т. е., въ расширеніи предѣловъ, не представлялось ни малѣйшей надобности, а послѣдняго, т. е., военнаго честолюбія, у него совсѣмъ не было. Естественнымъ слѣдствіемъ глубокаго и продолжительнаго мира было оживленіе отправленій внутренней народной жизни: земля подверглась тщательной обработкѣ, возникла промышленная и торговая дѣятельность, увеличилось богатство и внѣшнее благосостояніе. Наконецъ и государственный строй, система управленія и характеръ царской власти получили дальнѣйшее развитіе и оттѣнокъ, котораго они не имѣли до Соломона. Давидъ, получивъ власть надъ всѣмъ Израилемъ, который добровольно призналъ его царемъ надъ собою, поддерживалъ ее съ одной стороны силою своего военнаго генія, подавлявшаго всякую мысль о сопротивленіи ему, съ другой стороны—своею снисходительностію и сердечною добротой, отнимавшими всякій серьозный поводъ имѣть неудовольствіе лично противъ него. (Народъ, пошедшій за Авессаломомъ и за Савеемъ, лично противъ Давида ничего не имѣлъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ веніаминянъ, въ родѣ Семея). Онъ не создалъ никакой особенной системы царскаго управленія, стѣснительной для народныхъ нравовъ и обычаевъ; образовавъ постоянный отрядъ тѣлохранителей для личной безопасности (и можетъ быть для поддержанія порядка и спокойствія въ столицѣ) и армію—для борьбы съ внѣшними врагами, онъ оставилъ народъ жить по старинѣ въ его колѣнахъ, съ его князьями и старѣйшинами, съ главами родовъ и семействъ и съ другими остатками патріархально-республиканскаго строя жизни. Онъ былъ для народа въ его ежедневныхъ отношеніяхъ почти тѣмъ же, чѣмъ

[1]) Хотя по мнѣнію Эвальда спокойное признаніе власти Соломона покоренными Давидомъ народами невѣроятно, указ. соч. стр. 274; однако его мнѣніе въ сущности ни на чемъ не основано. Hengstenberg справедливо замѣчаетъ, что Эвальдъ здѣсь основывается только на произвольномъ толкованіи псалма 2-го. Указ. соч. стр. 133. Дѣйствительно, здѣсь Эвальдъ-историкъ искажаетъ исторію въ интересѣ Эвальда-комментатора.

были для него судіи, въ родѣ Гедеона или Самуила. Но подданные преклонялись предъ нимъ и любили его, и хотя по временамъ вѣроломно возмущались, но никогда не оставляли и не могли оставить его до конца. Его власть надъ подданными была похожа на власть генерала, котораго, какъ говорится, обожаютъ солдаты. Такой генералъ повидимому совсѣмъ не заботится о дисциплинѣ, даже дозволяетъ какъ бы распущенность; и однако именно такому генералу солдаты и повинуются до самозабвенія. Такъ правилъ Давидъ всѣмъ Израилемъ до конца жизни. Но такую систему правленія (если только можно назвать это системой) нельзя передать по наслѣдству, потому что она всецѣло коренится на личныхъ свойствахъ правителя; притомъ же она не всегда приложима и своевременна, и самъ Давидъ къ концу жизни горькимъ опытомъ убѣдился, что если онъ самъ могъ смотрѣть сквозь пальцы на нѣкоторыя проявленія своеволія подданныхъ, то его преемникъ не могъ быть столь же снисходителенъ безъ серьозной опасности для себя. Это видно изъ извѣстнаго наставленія Давида Соломону. Ясно, что Соломонъ долженъ былъ поставить власть свою нѣсколько иначе. Вступивъ на престолъ не столько по народному изволенію, сколько по волѣ отца, подкрѣпляемой понятіемъ наслѣдства [1]), и будучи совсѣмъ другаго нрава, чѣмъ Давидъ, онъ не могъ находить основу власти въ томъ, въ чемъ находилъ ее Давидъ,—евреи должны были подчиняться ему уже не по разсчетамъ выгоды единовластія и не по сердечному расположенію (на которое онъ могъ справедливо и не разсчитывать), какъ подчинялись Давиду, а по чувству неизбѣжной обязанности повиноваться предержащей власти, обязанности, въ жертву которой нужно было принести кое-какія изъ старинныхъ вольностей и нарушеніе которой предупреждалось мѣропріятіями, клонившимися къ отмѣнѣ старинныхъ немонархическихъ формъ государственной жизни. Словомъ сказать, Соломонъ долженъ былъ подтянуть бразды правленія, съ чего онъ и

---

1) Опредѣленное представленіе о правѣ наслѣдства царской власти едвали еще выработалось и теперь; это было первое наслѣдованіе отъ отца къ сыну.

началъ свое царствованіе. Мы увидимъ, что онъ совершилъ это съ твердостію и умѣньемъ, хотя и не удержался на строго практической почвѣ и въ границахъ умѣренности.

„Сѣлъ Соломонъ на престолѣ Давида, отца своего, и царствованіе его было очень твердо“—начинаетъ лѣтописецъ повѣствованія о Соломонѣ [1]). По счету I. Флавія (неизвѣстно впрочемъ, на чемъ основанному) выходитъ, что Соломонъ вступилъ на престолъ 14-ти лѣтъ [2]). По общему мнѣнію раввиновъ онъ сдѣлался царемъ, когда ему было только 12 лѣтъ [3]). Это—явное преувеличеніе молодости Соломона, противное всѣмъ библейскимъ даннымъ [4]). По общепринятому нынѣ мнѣнію Соломону при вступленіи на престолъ было 18—20 лѣтъ. Если, какъ мы замѣтили въ своемъ мѣстѣ, война Давида съ аммонитянами приходилась въ половинѣ его 40-лѣтняго царствованія, то Соломонъ, родившійся вскорѣ послѣ этой войны (какъ это видно изъ 2 Цар. 11, 27; 12, 18. 24), не могъ имѣть при воцареніи менѣе 18 лѣтъ [5]). Мѣры къ утвержденію своего царствованія

---

[1]) 3 Цар. 2. 12.

[2]) Antiqu. VIII. 7. 8.

[3]) Буддей, указ. соч. стр. 179.

[4]) Если Соломонъ царствовалъ 40 лѣтъ. 3 Цар. 11. 42, а Ровоамъ вступилъ на престолъ 41 года, 14, 21, то выходитъ, что послѣдній родился, когда Соломону было только 11 лѣтъ!

[5]) Ewald даетъ ему 20 лѣтъ. Указ. соч. стр. 263. Данной, заключающейся во 2 Цар. 12, 24, какъ будто противорѣчитъ 1 Пар. 3, 5, откуда выходитъ, что Соломонъ былъ не второй, а четвертый сынъ Вирсавіи Сн. также 1 Пар. 14, 4; 2 Цар. 5, 14 Если Соломонъ былъ дѣйствительно четвертымъ сыномъ Вирсавіи, то ему при воцареніи не могло быть болѣе 14 лѣтъ. Но дѣйствительно ли онъ былъ червертымъ? Этому противорѣчитъ во-первыхъ 2 Цар. 11, 27; 12, 18. 24, откуда довольно ясно видно, что Соломонъ былъ вторымъ сыномъ Вирсавіи. Во-вторыхъ, мы должны бы были признать Соломона четвертымъ сыномъ Вирсавіи только тогда, когда съ увѣренностію могли бы сказать, что въ 1 Пар. 3, 1—8 *есть* сыновья Давида перечисляются по порядку старшинства. Однако послѣднее очень сомнительно. —предположеніе перечня по старшинству ведетъ къ нѣкоторымъ несообразностямъ. Дѣйствительно, первые 6 сыновъ перечислены по старшинству; но если мы предположимъ тоже и относительно послѣднихъ, то выйдетъ, что у Давида въ первыя 7 лѣтъ царствованія родилось 6 сыновей; затѣмъ, когда, сказано, онъ взялъ еще женъ въ Іеруса-

онъ предпринялъ тотчасъ же. Попытка Адоніи овладѣть престоломъ и составъ лицъ, принадлежавшихъ къ его партіи, не могли не произвести на молодаго царя сильнаго впечатлѣнія; и хотя онъ на первыхъ порахъ, при жизни отца обнаружилъ сдержанность по отношенію къ виновнымъ, однако въ самой этой юношеской сдержанности, какъ мы видѣли, было нѣчто устрашающее и предостерегающее насчетъ будущаго поведенія разсудительнаго не по лѣтамъ молодаго царя. Адонія повидимому понялъ эту сдержанность не такъ, какъ слѣдуетъ, и вскорѣ по смерти Давида отважился на какую-то загадочную попытку, именно: началъ домогаться руки Ависаги Сунамитянки, приведенной въ домъ Давида въ самые послѣдніе годы его жизни. Эта попытка подала поводъ къ кровавому дѣлу, которымъ ознаменовалось начало царствованія Соломона. Довольно трудно намъ нынѣ опредѣлить смыслъ этого поступка Адоніи для него самого и для Соломона. Соломонъ понялъ его, какъ посягательство на престолъ, потому что по древнему восточному воззрѣнію обладаніе женою или женами царя-предшественника считалось утвержденіемъ правъ на наслѣдство. Примѣръ Авессалома, поступившаго извѣстнымъ образомъ съ наложницами Давида по совѣту Ахитофела, подтверждаетъ существованіе такого воззрѣнія у евреевъ того времени [1]). И въ самомъ дѣлѣ, въ силу такого

лимѣ, 1 Пар. 14, 3, въ теченіе 19 лѣтъ (предполагая, что Соломонъ былъ четвертымъ у Вирсавіи и при воцареніи имѣлъ 14 лѣтъ) онъ имѣлъ только 4 сына и притомъ отъ одной Вирсавіи; наконецъ послѣ 56 лѣтъ возраста въ какія-нибудь шесть-семь лѣтъ, когда еще могли у него быть дѣти, онъ имѣлъ 9 сыновъ. Уже эта несообразность заставляетъ предположить, что начиная съ 5 стиха перечисленіе по старшинству прекращается. Нѣтъ сомнѣнія, что въ родословныхъ употреблялись нѣкоторые особенные пріемы, въ силу которыхъ перечисленія не всегда сообразовались со старшинствомъ. Это можно видѣть, напр., сравнивая исторію рожденія дѣтей у Іакова, Быт. 29, 32 35; 30, 1—23, съ перечисленіями ихъ, Быт. 35, 23—26 и 1 Пар. 2, 1. 2. Какъ на другой примѣръ, можно указать на перечисленія сыновъ Ноя, имена которыхъ обыкновенно стоятъ такъ: Симъ, Хамъ и Іафетъ, но затѣмъ первымъ перечисляется потомство Іафета, потомъ —Хама, наконецъ - Сима. Быт. 6, 10; 9, 18; 10, 2—21.

[1]) На то же указываетъ 2 Цар. 12, 8. Какъ можно понимать

воззрѣнія Адонія, овладѣвъ Ависагою, становился къ Соломону въ отношенія болѣе, чѣмъ старшаго брата,—какъ бы отца. (Такое представленіе обусловливалось вѣроятно родовыми отношеніями, еще въ сильной мѣрѣ господствовавшими тогда). Право его на престолъ въ такомъ случаѣ усиливалось бы. Непонятно только, какимъ образомъ Адонія разсчитывалъ обмануть кого-либо насчетъ своихъ замысловъ, если онъ ихъ имѣлъ. Полагаютъ, что разсчетъ его былъ основанъ на молодости и слѣдовательно неопытности Соломона [1]). Притомъ же планъ дѣйствія, принятый имъ, былъ умно разсчитанъ на успѣхъ предпріятія, по крайней мѣрѣ въ первой его части. Онъ расположилъ ходатайствовать за себя Вирсавію, которая въ политическихъ дѣлахъ вѣроятно понимала немного; но ходатайство которой предъ Соломономъ должно было имѣть громадную силу, такъ какъ значеніе царицы-матери при восточныхъ дворахъ велико и такъ какъ Вирсавія должна была явиться къ сыну-царю, вѣроятно, съ первою просьбою, отказать въ которой было стѣснительно. „Поговори царю Соломону, ибо онъ не откажетъ тебѣ“, говорилъ Адонія съ увѣренностію. Вообще Адоніи, очевидно, удалось чѣмъ-нибудь разжалобить Вирсавію и заинтересовать собой. Смыслъ записанной рѣчи его, несомнѣнно очень сокращенной, теменъ: царство, говорилъ онъ Вирсавіи, принадлежало мнѣ, но отошло къ Соломону по волѣ Божіей; поэтому я желалъ бы взять Ависагу Сунамитянку въ жену себѣ... Ясно только, что онъ считалъ себя обездоленнымъ; но дѣлалъ видъ, что покоряется: „ибо это было отъ Господа“—говорилъ онъ. Но при чемъ тутъ была Ависага Сунамитянка, какъ она могла вознаградить его за потерю престола—это непонятно; потому что не могъ же Адонія объяснить Вирсавіи, что онъ имѣетъ въ виду увеличить свои права на престолъ. Позволительно поэтому предположить, что Адонія искусно свелъ вопросъ съ политической почвы въ область личнаго чувства къ Ависагѣ и убѣдилъ Вирсавію, что только се-

---

это мѣсто—нами объяснено при изложеніи обличительной рѣчи пр. Наѳана къ Давиду Срав. также 2 Цар. 20, 3.

[1]) Tentavit animum Solomonis, ut si metu juvenili hoc ei concessisset, auderet mox majora. Hugo Grotius. Указ. соч. т. 1, стр. 251.

мейное счастіе заставитъ его забыть про потерю вѣнца и примирить со всѣми. Вирсавія, какъ женщина, могла повѣрить этому, и потому безъ сомнѣнія она не поколебалась ходатайствовать предъ Соломономъ за Адонію[1]). Соломонъ принялъ свою мать почтительно, но съ холодной торжественностію царя, не допускающаго простоты въ сношеніяхъ даже въ самомъ тѣсномъ семейномъ кругу. „Царь всталъ передъ нею и поклонился ей, и сѣлъ на престолѣ своемъ. Поставили престолъ и для матери царя, и она сѣла по правую руку его“ [2]). Вирсавія, не предчувствуя никакой грозы и вполнѣ увѣренная, что имѣетъ „небольшую“ просьбу, очень неосторожно вынудила сына сказать напередъ ей: „проси, мать моя; я не откажу тебѣ“. Но лишь только онъ услыхалъ содержаніе просьбы, какъ имъ овладѣлъ неудержимый гнѣвъ, обрушившійся даже на мать (вѣроятно потому особенно, что Соломонъ былъ вынужденъ сказать напередъ: не откажу тебѣ): „а зачѣмъ ты просишь Ависагу Сунамитянку для Адоніи?—отвѣчалъ Соломонъ запальчиво. Проси ему также и царства; ибо онъ мой старшій братъ, и священникъ Авіаѳаръ и Іоавъ, сынъ Саруинъ, военачальникъ, друзья ему“. Соломону живо представился заговоръ лицъ, уже виновныхъ и пощаженныхъ, и онъ подъ первымъ впечатлѣніемъ съ сильною клятвою тутъ же изрекъ смертный приговоръ Адоніи. Приговоръ немедленно былъ приведенъ въ исполненіе. Эта первая кровавая строгость, жертвою которой былъ не простой подданный, а родной братъ царя, сынъ великаго Давида, должна была произвести потрясающее впечатлѣніе. Безполезно здѣсь говорить что-либо съ цѣлію снять вину съ Соломона; едвали даже можно ослабить тягостное впечатлѣніе отъ дѣянія. „Въ настоящемъ поступкѣ Соломона, говоритъ одинъ авторъ, нельзя видѣть слишкомъ великой и безполезной жестокости; всякій благоразумный государь не иначе могъ поступить въ тѣ времена, когда изгнаніе изъ отечества и не существовало“ [3]).

---

[1]) Mulierem aggreditur ut regnandi ignaram, ita amoribus facilem —замѣчаетъ Hugo Grotius. Тамъ же.

[2]) Сидѣніе по правую руку царя составляло особую честь у евреевъ, у арабовъ, у грековъ и у римлянъ, замѣчаетъ Keil. Указ. соч. т. 3. стр. 25.

[3]) Душеп. Чт. 1873. кн. 1. стр. 44. Тоже буквально у Ewald'a. Указ. соч. стр. 269.

Однако Авессаломъ три года прожилъ въ изгнаніи (правда, въ добровольномъ; но это все одно) и не осмѣливался явиться въ Іерусалимъ самъ по себѣ и вѣроятно никогда не отважился бы, не смотря на то, что былъ смѣлѣе и рѣшительнѣе Адоніи. Что же касается Адоніи, то, нѣтъ сомнѣнія, онъ принялъ бы изгнаніе, какъ судъ съ милостью и спокойно кончилъ бы жизнь свою на чужбинѣ. „Соломонъ руководствовался правиломъ, продолжаетъ тотъ же авторъ: не довѣрять тому, кто обнаружилъ свою невѣрность, и отъ врага скорѣе ожидать дурнаго, нежели надѣяться хорошаго“... Все это можетъ быть и такъ; но все это нисколько не доказываетъ, что Адонію необходимо было казнить смертью. Гораздо рѣшительнѣе разсуждаетъ по тому же поводу Кейль: „Адонія новою интригою обнаружилъ свою цѣль—овладѣть престоломъ; поэтому обязанность по отношенію къ Богу, который возвелъ Соломона на тронъ, требовала, не обращая вниманія на родство, наказать мятежника по строгости закона“ [1]). Кейль не указываетъ, въ силу какого постановленія закона (Моисеева закона, конечно) Адонія долженъ былъ подвергнуться смертной казни. Не потому ли, что такое постановленіе указать трудно? Онъ смѣло называетъ убіеніе Адоніи исполненіемъ обязанности по отношенію къ Богу. Когда „негодные люди“ по наущенію Іезавели говорили про Навуѳея, твердо отказавшагося уступить Ахаву свое родовое имѣніе, что онъ хулилъ Бога и царя, и когда Навуѳей былъ убитъ [2]), то вѣроятно тоже думали, что была исполнена обязанность по отношенію къ Богу. Не слѣдуетъ злоупотреблять отожествленіемъ обязанностей по отношенію къ человѣку и по отношенію къ Богу. Богъ утвердилъ Соломона на престолѣ, говоритъ Кейль; слѣдовательно домогательство престола есть оскорбленіе Бога, достойное смерти. Но Богъ также далъ Соломону и богатство, и мудрость [3]). Поэтому всякій, присвоившій себѣ произвольно два-три таланта золота Соломонова, или выдавшій какое-нибудь мудрое изрѣченіе Соломона за свое собственное, тоже заслуживалъ смерти?.. Между лише-

---

[1]) Указ. соч. стр. 26.
[2]) 3 Цар. 21, 1 13.
[3]) Тамъ же 3, 11—13.

ніемъ двухъ-трехъ талантовъ золота и лишеніемъ престола, скажутъ, глубокая разница. Правда. Но въ такомъ случаѣ сущность дѣла будетъ заключаться не въ идеѣ, а въ матеріальномъ фактѣ, имѣющемъ значеніе только для Соломона. Конечно, посягательство на престолъ законнаго государя есть всегда тяжкое преступленіе, требующее самой строгой кары. Но, во-первыхъ, это преступленіе не было предусмотрѣно въ Моисеевомъ законѣ, и потому ссылаться на послѣдній для оправданія Соломона не слѣдуетъ. Втор. 17, 12 не можетъ быть сюда относимо; здѣсь глава народа (но не царь, о которомъ рѣчь начинается съ ст. 14) наряду съ первосвященникомъ разсматриваются какъ верховные судьи, постановляющіе послѣднее рѣшеніе по спорному дѣлу, рѣшеніе, безусловно обязательное, подъ угрозою смерти. Во-вторыхъ, дѣяніе Адоніи въ сущности еще не было и преступленіемъ. Что такое онъ сдѣлалъ на самомъ дѣлѣ?— овладѣлъ тайно Ависагою насиліемъ или хитростію? Нѣтъ; *онъ только просилъ у Соломона дозволенія взять Ависагу себѣ въ жену.* Развѣ не во власти Соломона было отказать? Соломонъ имѣлъ право взглянуть на это, какъ на опасное поползновеніе, но не какъ на преступленіе, и потому совершенно было бы достаточно изгнать Адонію изъ предѣловъ еврейской земли съ воспрещеніемъ возвращаться подъ угрозою смертной казни. Допустимъ наконецъ, что Адонія былъ очень опасенъ, партія его была сильна, и интрига при дворѣ іерусалимскаго царя достигла такихъ опасныхъ размѣровъ, что съ точки зрѣнія политической мудрости слѣдовало отрубить голову даже родному брату, если не для спасенія трона, то по крайней мѣрѣ для предотвращенія продолжительныхъ и серьозныхъ непріятностей; но при этомъ должны допустить и то, что ни одинъ еврей не считалъ подобнаго факта возможнымъ въ кроткое правленіе Давида, проливавшаго слезы о Саулѣ, казнившаго убійцъ Іевосѳея, воздержавшагося отъ рѣшительныхъ мѣръ противъ Мемфивосѳея, и проч. Отъ новаго царствованія повѣяло новымъ духомъ.. Громъ упалъ не на одну голову Адоніи. Первосвященникъ Авіаѳаръ продолжалъ жить въ Іерусалимѣ, хотя послѣ участія въ заговорѣ Адоніи и послѣ помазанія Соломона на царство Садокомъ вѣроятно долженъ былъ уступить первенство послѣднему. Соломонъ пожелалъ

теперь отдѣлаться отъ него окончательно и находилъ его достойнымъ смерти; но въ уваженіе того, что онъ былъ нѣкогда другомъ Давида, онъ ограничился ссылкой его въ Анаѳоѳъ, на его поле, т. е., въ одинъ изъ городовъ, которые вмѣстѣ съ ихъ ближайшею окрестностію отведены были для жительства священникамъ еще при І. Навинѣ [1]). Такимъ образомъ Авіаѳаръ былъ лишенъ первосвященническаго достоинства [2]). Когда молва объ этой новой карѣ долетѣла до Іоава, онъ не могъ болѣе сомнѣваться въ своей участи и поспѣшилъ въ послѣднее убѣжище—въ скинію, подъ защиту жертвенника Господня. Очевидно, Іоавъ думалъ, что ему грозитъ казнь не за убійства, потому что законъ отнимаетъ у убійцъ право убѣжища при олтарѣ [3]), а за политическую неблагонадежность, и потому надѣялся, что религіозное чувство Соломона не позволитъ ему пролить кровь человѣческую у подножія олтаря. Однако это не спасло старую лисицу, столько разъ злоупотреблявшую великодушіемъ и терпѣніемъ Давида. Соломонъ, считая самый фактъ бѣгства какъ бы сознаніемъ въ новой винѣ, приказалъ умертвить его, и когда на предложеніе оставить скинію Іоавъ не согласился, онъ былъ убитъ у подножія олтаря. Напрасно и здѣсь стараются представить дѣйствіе Соломона безупречнымъ. Такъ, говорятъ, будто Соломонъ „руководствовался въ этомъ случаѣ завѣщаніемъ отца“ [4]). Мы уже объяснили въ своемъ мѣстѣ, что такъ называемое завѣщаніе Давида не есть *завѣщаніе*, т. е., выраженіе непремѣнной воли умирающаго, а простое наставленіе, совѣтъ, предупрежденіе. Считать это наставленіе завѣщаніемъ въ

---

[1]) Анаѳоѳъ—въ колѣнѣ Веніаминовомъ, І. Нав. 21, 18, въ трехъ римскихъ миляхъ (около $4^1/_4$ верстъ) отъ Іерусалима. Eusebii Onomasticon.

[2]) Хотя лишеніе Авіаѳара первосвященства было и согласно съ пророчествомъ о судьбѣ дома Илія, 1 Цар. 2, 30; однако нельзя не замѣтить при этомъ, что достоинство первосвященника умалилось предъ властію царя, стало зависимымъ отъ послѣдней. Два факта содѣйствовали установленію такого отношенія: безграничный произволъ Саула, истребившаго священниковъ въ Номвѣ и вступленіе первосвященника Авіаѳара на скользкій и не свойственный его званію путь политической интриги при концѣ жизни Давида.

[3]) Исх. 21, 14.

[4]) Душ. Чт. 1873. кн. 1. стр. 47.

собственномъ смыслѣ оскорбительно для чести Давида. Вообще большинство писателей стараются представить казнь Іоава, какъ справедливое наказаніе за совершенныя имъ убійства (Авенира и Амессая). И въ самомъ дѣлѣ, такъ думать повидимому уполномочиваетъ самый текстъ. Когда Ванея, посланный убить Іоава, возвратился и доложилъ Соломону, что Іоавъ не хочетъ оставить жертвенникъ, Соломонъ сказалъ: „умертви его (при жертвенникѣ)... и сними невинную кровь, пролитую Іоавомъ, съ меня и съ дома отца моего". Такъ говорилъ Соломонъ. Но такъ ли онъ думалъ? Есть обстоятельства, заставляющія предполагать, что онъ думалъ иначе. Почему Іоавъ побѣжалъ къ олтарю? Почему Ванея, найдя Іоава при олтарѣ, не рѣшился убить его и пошелъ за новымъ распоряженіемъ Соломона? Развѣ ни тотъ, ни другой не знали, что убійца беззащитенъ и у олтаря? Это очень сомнительно. Если Соломонъ желалъ снять невинную кровь съ себя и съ своего отца, то отчего же онъ не сдѣлалъ этого раньше, а дождался подозрительнаго поступка со стороны Адоніи? Ясно, что Іоавъ казненъ собственно какъ соумышленникъ Адоніи, какъ политически-неблагонадежный человѣкъ, и ссылка Соломона на пролитую Іоавомъ кровь есть только оправданіе убійства при олтарѣ, тѣмъ болѣе, что при первомъ распоряженіи онъ сказалъ просто Ванеѣ: пойди и умертви Іоава. Въ оправдательной рѣчи Соломона даже есть нѣчто такое, что невольно заставляетъ предполагать неискренность ея. „Да обратитъ Господь, говорилъ Соломонъ, кровь Іоава на голову его за то, что онъ убилъ двухъ мужей (Авенира и Амессая) невинныхъ и лучшихъ его" [1]). Убилъ мужей, лучшихъ его: это конечно слѣдуетъ понимать такъ, что они были лучше Іоава и прежде, чѣмъ послѣдній запятналъ себя убійствомъ ихъ. Но чѣмъ они были лучше Іоава? Исторія молчитъ, а то, что она говоритъ, опровергаетъ Соломона. Авениръ былъ дерзскимъ по отношенію къ своему законному государю, Іевосѳею, и измѣнилъ

---

[1]) Замѣчательно, что Давидъ говорилъ объ этомъ же самомъ совсѣмъ иначе: „умертвилъ ихъ и пролилъ кровь бранную во время мира, обагривъ кровію бранною поясъ на чреслахъ своихъ и обувь на ногахъ своихъ". 3 Цар 2, 5.

ему. Кромѣ того, развѣ Соломонъ не зналъ, что Авениръ самымъ дѣломъ совершилъ то, (овладѣлъ одною изъ наложницъ Саула) къ чему Адонія сдѣлалъ только попытку и былъ казненъ? А Амессай во главѣ арміи мятежника Авессалома воевалъ противъ своего законнаго государя, Давида. Что же касается военныхъ способностей, то Іоавъ несомнѣнно превосходилъ не только Амессая, но и Авенира. Вотъ что заставляетъ насъ предположить неискренность въ рѣчи Соломона. Эвальдъ говоритъ, что въ древности преступникъ, помилованный живущимъ царемъ, по смерти этого царя, при другомъ, лишался помилованія и снова подлежалъ казни [1]). Но это еще не доказываетъ, что Іоавъ былъ казненъ не за участіе въ замыслѣ Адоніи. Здѣсь опять является поставленный нами выше вопросъ: почему Іоавъ думалъ, что найдетъ спасеніе у жертвенника? Значитъ такого воззрѣнія у евреевъ не было; а если бы оно было, то Іоавъ не могъ быть невѣждой на этотъ счетъ. То правда, что Іоавъ былъ человѣкъ строптивый, жестокосердый, и не наказанный преступникъ, почему его казнь можно бы было и не ставить въ упрекъ Соломону. Она вѣроятно и не произвела бы особенно тяжелаго впечатлѣнія на современниковъ, если бы не была совершена у подножія олтаря. Послѣднее же обстоятельство показывало, что новый царь склоненъ не стѣсняться чѣмъ бы то ни было. Былъ еще одинъ безпокойный человѣкъ, оставленный Давидомъ безъ наказанія, но навсегда оставшійся для него личностію подозрительною—Семей изъ Бахурима. Виновный въ тяжкомъ преступленіи противъ Давида и побѣжденный его великодушіемъ, Семей повидимому оставилъ всякую вражду противъ него лично. Но домъ сына Іессеева, утвержденіе господства его потомковъ надъ Израилемъ, весьма вѣроятно, продолжали оставаться ненавистными для этого суроваго веніаминянина. Въ особенности же Соломонъ, съ самаго начала обнару-

---

[1]) Указ. соч. стр, 271. На чемъ было основано такое воззрѣніе? Едвали на идеѣ правосудія. По всей вѣроятности оно вытекло изъ представленія неограниченной власти царя, который могъ передѣлать по-своему все, что сдѣлано было его предшественникомъ. Мало выигрываетъ оправданіе Соломона съ такой точки зрѣнія.

жившій стремленіе господствовать грозно, могъ предположить въ Семеѣ пробужденіе старой вражды и ожидать отъ этого человѣка, способнаго на все, какой-нибудь крупной непріятности. Поэтому онъ призвалъ къ себѣ Семея и сказалъ ему: „построй себѣ домъ въ Іерусалимѣ и живи здѣсь, и никуда не выходи отсюда. И знай, что въ тотъ день, въ который ты выйдешь, и перейдешь потокъ Кедронъ, непремѣнно умрешь“. Понятно, что при этомъ былъ учрежденъ строгій надзоръ за Семеемъ. Выраженіе: „и перейдешь потокъ Кедронъ“ едвали составляетъ ограниченіе общаго воспрещенія: никуда не выходи [1]); оно повидимому составляло только частнѣйшее указаніе мѣстъ, куда Семею наиболѣе строго воспрещалось отлучаться. Потокъ Кедронъ огибалъ Іерусалимъ съ восточной и сѣверной стороны; такъ что воспрещеніе переходить Кедронъ было воспрещеніемъ ходить въ колѣно Веніаминово и, можетъ быть, Ефремово, въ которыхъ Семей наиболѣе могъ быть опасенъ для Соломона. Семей сталъ жить въ Іерусалимѣ и прожилъ спокойно три года. Но вотъ у него убѣгаютъ два раба въ землю филистимлянъ, въ область царя Геѳскаго. Совершенно непонятно, почему Семей счелъ возможнымъ отправиться за ними самому [2]). Считалъ ли онъ грозу уже миновавшею и полагалъ, что царь уже пересталъ интересоваться его личностью, или онъ понималъ требованіе царя въ томъ смыслѣ, что не слѣдовало отлучаться изъ Іерусалима только безъ видимой и уважительной причины,—какъ бы то ни было, только онъ не задумался отправиться въ Геѳъ, розыскалъ тамъ своихъ рабовъ и безбоязненно возвратился въ Іерусалимъ [3]). Ясно, что мысль о погибели совсѣмъ не при-

---

[1]) Graetz думаетъ, что Семею только и воспрещалось переходить потокъ Кедронъ, т. е., въ колѣно Веніаминово. На этомъ основаніи онъ порицаетъ Соломона за казнь Семея; такъ какъ послѣдній уходилъ изъ Іерусалима въ другую сторону, не черезъ Кедронъ. Указ. соч. стр. 305. Съ такимъ толкованіемъ нельзя согласиться.

[2]) Его „ослѣпила скупость“—говоритъ Буддей. Ук. соч. стр. 178. Предположеніе, совсѣмъ невѣроятное.

[3]) Утверждать, что путешествіе Семей совершилъ тайно, Душ. Чт. 1873. кн. 1. стр. 46,—не уполномочиваетъ ни текстъ, ни обстоятельства дѣла. Можетъ быть и можно было отлучиться изъ Іеруса-

ходила ему въ голову. Но Соломонъ былъ послѣдователенъ и настойчивъ: не смотря на то, что совѣсть Семея въ данномъ случаѣ очевидно была чиста (иначе онъ не возвратился бы въ Іерусалимъ), онъ возмущенъ былъ самымъ фактомъ непослушанія, пренебреженіемъ къ царскому повелѣнію, припомнилъ ему его старый грѣхъ и, не выслушавъ ни одного слова въ оправданіе, отдалъ приказъ казнить Семея [1]). Таковы были первыя дѣйствія, которыми Соломонъ началъ свое замѣчательное царство-

---

лима тайно, только не для возвращенія бѣжавшихъ рабовъ. Въ данномъ случаѣ Семей никакъ не могъ разсчитывать на сохраненіе тайны. Если рабы не знали объ опальномъ положеніи Семея (что всего вѣроятнѣе), то они не имѣли причины не разсказать кому бы то ни было о приключеніи съ ними; если же знали, то изъ мести къ суровому господину постарались бы огласить его поступокъ.

[1]) Нельзя не подивиться тому пріему, который употребилъ Keil для доказательства безусловной виновности Семея: „Семей, говоритъ онъ, клятвенно подтвердилъ исполненіе царскаго повелѣнія; такимъ образомъ нарушеніе клятвы есть преступленіе, въ которомъ онъ не имѣлъ никакого извиненія... Клятвопреступленіемъ онъ заслужилъ себѣ смерть“. Указ. соч. стр. 29. Но изъ текста, 3 Цар. 2, 36—42, вовсе не видно, что Семей давалъ клятву; съ клятвою отдавалъ свое приказаніе Соломонъ, какъ это видно изъ ст. 42, а Семей далъ простое обѣщаніе: „хорошо; какъ приказалъ господинъ мой, царь, такъ сдѣлаетъ рабъ твой“. Что это не клятва, равно какъ и слова Соломона въ ст. 37, видно изъ ст. 42, гдѣ Соломонъ говоритъ: „не клялся ли я тебѣ Господомъ (это указываетъ на клятву, предпосланную словамъ въ ст. 37, но опущенную лѣтописцемъ) и не объявлялъ ли тебѣ, говоря: знай, что въ тотъ день“... и т. д., слова ст. 37-го (это то, что утверждено клятвою, но не самая клятва). О клятвѣ Семея нигдѣ нѣтъ упоминанія, и самъ Соломонъ говоритъ только о несоблюденіи Семеемъ даннаго ему приказанія—ст. 43.—Ewald въ оправданіе Соломона говоритъ, будто онъ дѣйствовалъ по сердечному убѣжденію, что должны всѣ погибнуть, кто оскорблялъ Давида. Указ. соч. стр. 273. Едвали и это сообразно съ дѣйствительностью. Reuss по поводу казни Семея разсуждаетъ: „всякое преступленіе должно найти рано или поздно свое наказаніе, и Провидѣніе направляетъ событія такимъ образомъ, что преступникъ самъ дѣлается причиною своей гибели, даже запоздалой“. Въ отвлеченномъ смыслѣ это справедливо—когда рѣчь идетъ о казни кого бы то ни было и почему бы то ни было. „Въ тоже время всякое дѣйствіе справедливой строгости есть исполненіе воли Божіей и, какъ таковое, должно имѣть свою награду“. Указ. соч. стр. 417. И это вѣрно; только не рѣшенъ вопросъ: справедлива ли была строгость Соломона?

ваніе. Хотя они, кромѣ его личнаго характера, холоднаго и непреклоннаго, въ значительной мѣрѣ обусловливались внѣшними обстоятельствами; однако мы не согласны съ тѣми писателями, которые не только не порицаютъ эти дѣйствія, но и восхваляютъ, напр.,—будто вышеописанныя казни были только дѣйствіями правосудія [1]), будто онѣ способны были возбудить уваженіе и довѣріе народа къ Соломону [2]), пріобрѣсти ему славу любви къ справедливости [3]), и проч. Еще менѣе мы согласны съ мыслью Эвальда, будто Соломонъ началъ господствовать въ судѣ и наказаніяхъ по духу своего отца [4]). Нѣтъ ничего несправедливѣе этого! Генгстенбергъ послѣ тщетныхъ усилій защитить Соломона отъ обвиненія за „дѣйствія холодной строгости“ въ заключеніе говоритъ справедливо: „вѣрно однако, что Соломонъ при всей искренней набожности не имѣлъ еще жизненной опытности своего отца, что онъ не достигъ еще опытнаго познанія глубины грѣховной, неизмѣннаго смиренія, хожденія (предъ Богомъ) въ страхѣ и трепетѣ“ [5]). Этимъ вполнѣ вѣрнымъ замѣчаніемъ вопросъ о казняхъ, поскольку въ нихъ выразилась нравственная личность Соломона, разрѣшается. Въ самомъ дѣлѣ, что бы ни говорили, рядъ вышеописанныхъ дѣйствій обусловливался не столько политической необходимостью, сколько природной суровостью Соломона, непреклонностію въ исполненіи того, что разъ задумалъ сдѣлать, хотя бы зрѣло не обдумалъ и не получилъ ничьего одобренія со стороны (мы увидимъ ниже, что онъ не любилъ совѣтовъ и руководства). Къ этому присоединялась несомнѣнно и юношеская самоувѣренность, также ретивость, хотя и своеобразно, какъ бы не по-юношески направленная, но все же ретивость, потому что Соломонъ былъ очень молодъ. Въ этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ заключается единственное, но дѣйствительное извиненіе Соломона: передъ нами грѣхи его юности. Вскорѣ за тѣмъ, когда онъ

---

[1]) Богословскій. Св. ист. т. 1. стр. 3.
[2]) Diestel. Real-Encykl. von Herzog. т. 13. стр. 332.
[3]) Hess. Указ. соч. стр. 261.
[4]) Указ. соч. стр. 273.
[5]) Указ. соч. стр. 135.

мыслями своими началъ прилѣпляться болѣе и болѣе къ выполненію завѣщанія своего благочестиваго отца относительно построенія храма Іеговѣ, онъ началъ переживать свѣтлый періодъ своей духовной жизни, который былъ хотя не безъ пятенъ и мало по малу тускнѣлъ, но все же очень свѣтлый. Что же касается внѣшняго благополучія, по скольку оно зависѣло отъ спокойнаго обладанія престоломъ и могуществомъ, то нельзя не признать, что Соломонъ первыми же шагами въ значительной мѣрѣ обезпечилъ его: казнью Адоніи и Іоава онъ задушилъ дворцовыя интриги, а безпощадной суровостью къ Семею подавилъ революціонный духъ людей изъ народа, смѣлымъ выразителемъ котораго могъ почитаться Семей.

Соломонъ принималъ мѣры къ огражденію и внѣшней безопасности, къ поддержанію значенія своего государства въ ряду другихъ. Но и въ этомъ случаѣ его политика была противоположна Давидовой. Обнаруживъ воинственныя наклонности противъ внутреннихъ враговъ, добрыя отношенія съ окрестными народами онъ старался поддерживать самыми мирными средствами, во-первыхъ, вступая въ личное родство со всѣми государями, расположенными къ тому, и во-вторыхъ, завязывая торговыя сношенія. Уже первая его жена, взятая имъ еще при жизни Давида, была аммонитянка, т. е., очевидно дочь аммонитскаго царя, по имени Наама [1]). Что Наама была

---

[1]) נַעֲמָה—любимая, или прекрасная. 3 Цар 14, 21. Hess уже въ этомъ бракѣ видитъ начало любви Соломона къ иностранкамъ. Указ. соч. стр. 245 Любовь Соломона къ женщинамъ вообще несомнѣнна. Но на чемъ бы могла основываться его особенная любовь къ *иностраннымъ* женщинамъ? На ихъ красотѣ? Но еврейки едвали уступали въ красотѣ женщинамъ окрестныхъ народовъ... На болѣе утонченномъ воспитаніи, дѣлавшемъ ихъ болѣе привлекательными, чѣмъ еврейки? Но и это преимущество трудно предположить у аммонитянокъ, идумеянокъ и хеттеянокъ Такъ какъ бракъ съ дочерью египетскаго царя несомнѣнно имѣлъ политическое значеніе, то и во многихъ другихъ бракахъ Соломона нужно видѣть между прочимъ политическую подкладку. Кромѣ того эти браки указываютъ на стремленіе Соломона къ самовозвышенію: онъ не хотѣлъ родниться съ простыми подданными, не хотѣлъ жениться, какъ обыкновенный еврей, а искалъ себѣ невѣстъ между принцессами царскихъ домовъ, хотя бы зависимыхъ отъ него, хотя бы захудалыхъ, какъ напр., хананейскіе. Что

первая, или по крайней мѣрѣ одна изъ первыхъ женъ Соломона, видно изъ того, что Ровоамъ, сынъ Наамы, вступилъ на престолъ 41 года, а Соломонъ царствовалъ 40 лѣтъ. На первыхъ же порахъ своего царствованія, но уже по смерти Давида, Соломонъ заключилъ союзъ болѣе солидный и болѣе значительный по своимъ послѣдствіямъ —породнился съ царемъ египетскимъ, взявъ за себя его дочь. Царь, съ которымъ породнился Соломонъ, былъ, полагаютъ, Псузеннесъ, послѣдній изъ 21 династіи [1]). Выгода этого союза для Соломона обнаружилась вскорѣ. Филистимляне въ своей послѣдней отчаянной борьбѣ съ Давидомъ, не находя возможнымъ держаться въ которомъ-либо изъ своихъ важнѣйшихъ пяти городовъ, сосредоточили свои силы очевидно по стратегическимъ соображеніямъ въ Газерѣ [2]). Обезсиленные Давидомъ, они смирились; но по смерти Давида, какъ можно догадываться, они снова обнаружили стремленіе сосредоточить свои силы въ Газерѣ, и Соломону пришлось бы выдержать трудную борьбу съ ними, чтобы удержать подъ своею властью строптивый народъ. Борьба эта могла бы имѣть даже сомнительный исходъ для Соломона, если бы царь египетскій, не разсчитывая на миролюбіе могущественнаго еврейскаго царя, поддержалъ филистимлянъ. Но Соломонъ первый протянулъ руку дружбы, скрѣпивъ ее родственными отношеніями, чѣмъ и освободилъ себя совсѣмъ отъ борьбы съ филистимлянами. Царь египетскій избавилъ своего зятя отъ нелюбимой имъ войны—разгромилъ Газеръ и отдалъ его Соломону, какъ приданое за своей дочерью [3]). Побужденіемъ для Соломона обезпечить себя

же касается въ частности брака съ аммонитянкой Наамой, то какое-либо суетное увлеченіе предположить здѣсь потому уже трудно, что бракъ этотъ заключенъ еще при жизни Давида.

[1]) Ewald. Ук. соч. стр. 279. Graetz. Ук. соч. стр. 307.

[2]) I. Нав. 12, 12; 1 Пар. 20, 4. Мѣстоположеніе его только приблизительно можно опредѣлить по I. Нав. 16, 3 въ сѣверозападномъ углу равнины Сефельской. I. Флавій говоритъ, что онъ лежалъ въ землѣ филистимской и укрѣпленъ былъ самою природою. Ant. Lib. VIII. cap. VI. 1.

[3]) 3 Цар. 9, 16. „Взялъ Газеръ, и сжегъ его огнемъ, и хананеевъ, жившихъ въ городѣ, побилъ“. На этомъ основаніи Газеръ считаютъ не филистимскимъ городомъ, а хананейскимъ. Winer. Realwör-

родственнымъ союзомъ съ египетскимъ царемъ могло быть и слѣдующее весьма важное, какъ показали послѣдствія, обстоятельство. Когда при Давидѣ Идумея была покорена и за вѣроломное избіеніе еврейскаго охранительнаго отряда (оккупаціоннаго войска) была жестоко наказана истребленіемъ всего мужескаго пола (разумѣется, способнаго носить оружіе), нѣсколькимъ приближеннымъ царя удалось спастись бѣгствомъ въ Египетъ. Они захватили съ собой и царскаго сына, по имени Адера, который былъ еще мальчикомъ. Фараонъ благосклонно принялъ идумейскаго князя и оставилъ жить при себѣ. Достигнувъ возраста, идумейскій князь съумѣлъ поддержать благоволеніе фараона, такъ что послѣдній отдалъ за него сестру своей жены, Тахпенесу. Родившійся отъ этого брака сынъ, Генуватъ, разсматривался уже какъ египетскій принцъ и воспитывался вмѣстѣ съ сыновьями фараона. Но Адеръ не могъ забыть о своей родинѣ, о томъ, что тамъ его наслѣдственный престолъ. Лишь только услыхалъ онъ о

---

terbuch. Art. Geser. Keil. Comment. 3. B. s. 107. Онъ могъ быть дѣйствительно хананейскимъ; но и ничто не могло помѣшать филистимлянамъ, пока ихъ сила не была окончательно сокрушена, овладѣть имъ и пользоваться для своихъ цѣлей. Предполагать же на основаніи выраженія: „хананеевъ, жившихъ въ городѣ, побилъ“,—что въ то время существовалъ сильный независимый хананейскій городъ, до того сильный, что даже египетскій царь предпринималъ походъ противъ него,—предполагать это въ высшей степени трудно. Уже давно единственною силою, съ которою евреямъ приходилось считаться въ Ханаанѣ, были филистимляне. Невозможно допустить, чтобы Давидъ, воюя со всѣми окрестными народами, распространяя свое господство въ Сиріи и даже на Евфратѣ, оставилъ у себя подъ-бокомъ независимый хананейскій городъ. Поэтому мы, имѣя въ виду послѣднюю борьбу филистимлянъ съ Давидомъ между прочимъ въ Газерѣ, предположили, что и теперь дѣло здѣсь было съ филистимлянами. Что же касается побіенія хананеевъ, жившихъ въ Газерѣ, то судя по контексту рѣчи, оно произошло не во время военныхъ дѣйствій, а по окончаніи ихъ, какъ нѣкоторое особенное распоряженіе завоевателя. Можно догадываться, что фараонъ, не довольствуясь истребленіемъ и разсѣяніемъ филистимлянъ, укрѣпившихся въ Газерѣ, истребилъ и коренныхъ его жителей, хананеевъ, чтобы будущему обладателю города можно было безпрепятственно сдѣлать изъ города, что̀ ему угодно. Соломонъ, какъ увидимъ обратилъ его въ крѣпость для прегражденія пути прямо къ Іерусалиму съ филистимской низменности.

кончинѣ Давида, о борьбѣ съ которымъ онъ очевидно не смѣлъ и думать, а также и о гибели Іоава, страшнаго вождя Давидова, какъ принялъ рѣшеніе возвратиться на родину во что бы то ни стало и попытаться при измѣнившихся обстоятельствахъ свергнуть съ нея еврейское иго, ибо горько было потомку гордаго Исава сносить иго дѣтей Іакова. Фараонъ, повидимому не желавшій, чтобы Адеръ промѣнялъ спокойную жизнь при его дворѣ на приключенія искателя сомнительнаго счастья, принужденъ былъ уступить настойчивой просьбѣ и отпустилъ его [1]). Такимъ образомъ Адеръ возвратился въ Идумею и здѣсь безъ сомнѣнія, въ качествѣ законнаго наслѣдника престола и родственника могущественнаго египетскаго царя, пустилъ въ ходъ все, чтобы вырваться изъ-подъ власти Соломоновой. Чтобы отнять у Адера опору въ лицѣ египетскаго царя, Соломонъ счелъ за полезное заключить съ египетскимъ царемъ тоже родственный союзъ, болѣе близкій и болѣе лестный для послѣдняго, чѣмъ союзъ съ идумейскимъ изгнанникомъ [2]). Былъ у Соломона врагъ и на

---

[1]) 3 Цар. 11, 14—22. Возвращеніе Адера произошло не въ концѣ царствованія Соломона, какъ думалъ I. Флавій, Ant. VIII. 7. 6, вѣроятно на томъ основаніи, что разсказъ объ Адерѣ находится въ послѣдней (11) главѣ повѣствованій о Соломонѣ, а въ самомъ началѣ. Выраженія ст. 21 не оставляютъ въ этомъ никакого сомнѣнія: «когда, говорится, услышалъ Адеръ, что Давидъ почилъ... и что военачальникъ Іоавъ умеръ, то сказалъ фараону: отпусти меня»... Отпускъ послѣдовалъ безъ сомнѣнія вскорѣ за просьбою, и нѣтъ никакого основанія предполагать между тѣмъ и другимъ цѣлые десятки лѣтъ.

[2]) Graetz утверждаетъ, что Адеръ пришелъ въ Египетъ не при фараонѣ, сдѣлавшемся тестемъ Соломона, а при слѣдующемъ царѣ египетскомъ, Сусакимѣ, врагѣ Соломона. Указ. соч. стр. 364. Согласиться съ этимъ невозможно, и основанія, приводимыя авторомъ, необыкновенно странны. Выходя изъ справедливой мысли, что не могъ тесть Соломоновъ благосклонно относиться къ врагу Соломона, онъ утверждаетъ, что Адеръ долгое время жилъ въ Мадіамѣ, (откуда видно, что онъ жилъ тамъ долго?) потомъ въ Фаранѣ (3 Цар. 11, 18), а чтеніе ст. 17-го исправляетъ, предполагая, что здѣсь вмѣсто מערים слѣдуетъ читать: מדין т. е. что Адеръ убѣжалъ не въ Египетъ, а въ Мадіамъ. Съ такимъ же произволомъ онъ относится и къ ст. 21-му, прямо и ясно говорящему, что Адеръ сталъ проситься у фараона въ Идумею вскорѣ послѣ смерти Давида и Іоава. Слова:

другомъ, противоположномъ концѣ царства—въ Сиріи. Это былъ нѣкто Разонъ, который, говорится въ кн. Царствъ, убѣжалъ отъ государя своего Адраазара, царя сувскаго, послѣ того какъ Давидъ разбилъ Адраазара. Онъ былъ рѣроятно одинъ изъ военачальниковъ побѣжденнаго царя, не пожелавшій сносить еврейское иго и отважно рѣшившійся на неравную борьбу съ иноземнымъ господствомъ. Благодаря тому, что евреи, покоривъ окрестныя государства, не довольно твердо поддерживали въ нихъ свою власть, Разонъ съ горстью отважныхъ людей держался въ Дамасскской Сиріи и угрожалъ владычеству Соломона на сѣверѣ [1]). По всѣмъ признакамъ Соломонъ, вѣрный своей программѣ твердаго господства надъ своими

„когда услышалъ Адеръ, что Давидъ почилъ... и что, Іоавъ умеръ“, нужно, говоритъ онъ, понимать такъ: Адеръ услыхалъ что воинственный духъ Давида и Іоава ослабѣлъ въ Израилѣ... Указ. соч. стр. 364. Graetz не обращалъ вниманія на то, что по ст. 22-му фараонъ отговариваетъ Адера идти въ Идумею, что такое дѣйствіе не прилично врагу Соломона (Сусакиму). Что касается брака Адерова, то онъ легко могъ быть заключенъ раньше брака Соломона съ дочерью египетскаго царя; потому что бѣгство Адера изъ Идумеи произошло еще раньше, чѣмъ родился Соломонъ. Срав. 2 Цар. 8, 14; 1 Пар. 18, 12. 13 и 3 Цар. 11, 15. Ewald, указ. соч. стр. 276, а за нимъ и Eisenlohr, ук. соч. стр. 57, полагаютъ борьбу Адера съ Соломономъ въ самомъ началѣ царствованія послѣдняго.

[1]) Къ концу царствованія Соломона онъ овладѣлъ Дамаскомъ и утвердился въ немъ. 3 Цар. 11, 24. Ewald, ук. соч. стр. 277, Keil, ук. соч. стр. 131, и друг. неосновательно предполагаютъ усиленіе Разона, равно и Адера, въ самомъ началѣ царствованія Соломона. Невозможно допустить, чтобы Соломонъ, заботившійся о свободномъ пути на Евфратъ, покорившій Емаѳъ, который лежалъ далеко сѣвернѣе Дамаска, равно какъ имѣвшій торговый путь къ Красному морю, терпѣлъ сильныхъ враговъ на сѣверѣ и югѣ своего царства. Хотя нѣкоторыя подробности въ 3 Цар. 11, 14—25 относятся къ событіямъ въ началѣ царствованія Соломона и даже къ болѣе раннему времени; однако то, что говорится въ ст. 24 и 25, несомнѣнно имѣетъ отношеніе къ тому времени, когда Богъ сталъ наказывать Соломона за грѣхи его. Самъ Keil на слѣдующей же страницѣ принужденъ былъ допустить, что Разонъ не удержался въ Дамаскѣ, когда Соломонъ сталъ укрѣплять сѣверную границу своего царства. Выраженіе ст. 25-го: „и былъ Разонъ противникомъ Израиля во всѣ дни Соломона“ вовсѣ не указываетъ на усиленіе Разона съ самаго начала царствованія Соломона, а говоритъ только о томъ, что Разонъ остался врагомъ Соломона до самой смерти послѣдняго.

прирожденными подданными и мира во что бы то ни стало съ окрестными народами, не предпринялъ рѣшительной попытки уничтожить въ корень врага въ самомъ началѣ. Онъ и здѣсь, какъ на югѣ, принялъ только мѣры къ тому, чтобы ослаблять силу враговъ расположеніемъ друзей, которые въ случаѣ надобности могли помочь ему защититься отъ рѣшительнаго нападенія усилившагося врага. Онъ продолжилъ дружбу Давида съ Хирамомъ, царемъ тирскимъ, скрѣпивъ ее, какъ можно думать, бракомъ съ его дочерью [1]). Несомнѣнно онъ породнился и съ знатнѣйшими фамиліями Сидона, какъ это видно изъ 3 Цар. 11, 1. Въ подобныя же отношенія онъ вступилъ съ правителями народовъ, облегавшихъ восточную окраину еврейской земли—моавитянъ и аммонитянъ. Онъ имѣлъ въ замужествѣ еще идумеянокъ и хеттеянокъ. Очень вѣроятно, что въ Идумеѣ были знатныя фамиліи, не мечтавшія о независимости своего отечества, чувствовавшія себя счастливыми и подъ владычествомъ евреевъ. Съ этими-то конечно фамиліями Соломонъ и вступилъ въ родственную связь, лестную для нихъ,—въ тѣхъ разсчетахъ, что они въ Идумеѣ будутъ представлять могущественное противодѣйствіе происканъ Адера. Что касается хеттеянокъ, то браки съ ними конечно не могли имѣть того значенія, какое объяснено выше. Земли хеттеевъ не существовало, и всѣ хананейскія народности, уцѣлѣвшія въ Палестинѣ, не имѣли никакого политическаго значенія, такъ какъ были разрознены, малочисленны и вполнѣ подчинены. Бракъ съ хананеянками былъ рѣшительно воспрещенъ еврею [2]), а въ частности царю воспрещалось имѣть слишкомъ много женъ [3]). Соломонъ пренебрегъ тѣмъ и другимъ. Если браки Соломона съ хананеянками не имѣли въ своемъ основаніи чистую чувственность,—потому что трудно представить, почему бы эти браки больше могли льстить чувственности, чѣмъ браки съ еврейками,—то можно думать, что они основывались просто на тщеславіи

---

[1]) На это есть свидѣтельство у древнихъ писателей. Bible sans la bible. Par Gainet. T. I. éd. 2. 1871. p. 481—2.

[2]) Исх. 34, 16.

[3]) Втор. 17, 17.

Соломона, искавшаго для себя женщинъ изъ царскихъ, княжескихъ или какихъ бы то ни было владѣтельныхъ домовъ, хотя бы эти домы и утратили уже всякое политическое значеніе [1]).—Впрочемъ Соломонъ обезпечивалъ безопасность государства и не одними союзами. Онъ даже велъ одну войну. Это былъ весьма отдаленный походъ, на сѣверъ, гдѣ не видали Давидова оружія, а слышали только его отзвукъ. Сѣвернѣе Ливанскихъ горъ, на рѣкѣ Оронтѣ лежали городъ и царство Емаѳъ-Сува (Гаматъ). Царь Емаѳа, или Имаѳа [2]), довольный тѣмъ, что Давидъ сокрушилъ его врага, Адраазара, обнаружилъ къ Давиду благорасположеніе и, пославъ сына своего съ дарами къ побѣдителю, тѣмъ самымъ какъ бы поручилъ себя покровительству Давида. По смерти же Давида, не видя воинственной дѣятельности со стороны его преемника и предполагая въ Разонѣ человѣка, который скоро положитъ конецъ господству евреевъ въ Сиріи, онъ очевидно обнаружилъ непріязненное отношеніе къ Соломону. А между тѣмъ послѣдній, замышляя широкое развитіе торговли и заботясь о безпрепятственномъ пути на Евфратъ, не могъ потерпѣть сильнаго врага по сосѣдству съ этимъ важнымъ путемъ. Поэтому Соломонъ предпринялъ походъ (вѣроятно не самолично) и принудилъ царя емаѳскаго къ покорности силою [3]). Онъ избралъ здѣсь укрѣпленные пункты

---

[1]) На основаніи 3 Цар. 11, 1—3 можно подумать, что всѣ вообще браки Соломона основывались на чистой чувственности. Но такому пониманію указаннаго мѣста противорѣчитъ неимовѣрное количество женъ Соломона, не въ мѣру чувственности. Ясно, что здѣсь, кромѣ политическихъ разсчетовъ, не могшихъ впрочемъ породить слишкомъ много браковъ, дѣйствовало главнымъ образомъ тщеславіе Соломона, которое дѣйствительно могло повлечь къ совершенно несообразному размноженію женщинъ въ домѣ богатаго царя. Слова дѣописателя: „и полюбилъ Соломонъ многихъ чужестранныхъ женщинъ“ указываетъ не на побужденіе вступать въ бракъ съ ними, а на то, что́ было уже слѣдствіемъ брачнаго сожительства съ ними, на то подчиненіе имъ въ старости, которое было причиною паденія Соломона. Это видно и изъ повтореннаго, какъ бы пояснительнаго выраженія 2-го стиха: „къ нимъ прилѣпился Соломонъ любовію“.

[2]) 2 Цар. 8, 9.

[3]) 2 Пар. 8, 3. По выраженію автора „Царствованія Соломона“ въ Душеп. Чт. 1873. кн. 1, стр. 171 Соломонъ самъ отправлялся въ Емаѳъ, чтобы „принять его въ совершенное подданство“. Война Со-

(города), снабдилъ ихъ запасами и очевидно оставилъ гарнизоны [1]). На границѣ съ Финикіей Соломонъ укрѣпилъ города, которые онъ отдалъ было Хираму, царю тирскому, но которые не понравились послѣднему и были возвращены. Чтобы сдѣлать ихъ надежнымъ оплотомъ своей границы, онъ не оставилъ ихъ чисто хананейскими, какими они очевидно были до сихъ поръ, а населилъ ихъ израильтянами. Въ долинѣ Ездраелонской, обширнѣйшей въ Палестинѣ, дававшей возможность непріятелю развернуть большія силы и уже разъ служившей для филистимлянъ мѣстомъ побѣды надъ евреями, Соломонъ такъ же избралъ пунктъ, Мегиддо, и укрѣпилъ его [2]). Тоже самое онъ сдѣлалъ и съ городомъ Гацоръ (Асоръ), значеніе котораго, какъ важнаго стратегическаго пункта, видно уже изъ того, что еще до завоеванія Палестины евреями онъ былъ центромъ военныхъ силъ хананеевъ на сѣверѣ [3]). Само собою понятно, что Соломонъ укрѣпилъ и Іерусалимъ. Старыя укрѣпленія Давидова города были недостаточны; построеніемъ храма и новаго царскаго дворца Іерусалимъ расширился. Поэтому и замѣчено, что Соломонъ построилъ „стѣну іерусалимскую“ [4]), т. е., очевидно къ старымъ укрѣпленіямъ присоединилъ новый поясъ укрѣпленій, охватившій новыя части города съ восточной и сѣверной стороны Сіона. Но недостаточно было укрѣпить одинъ Іерусалимъ; нужно было преградить самый доступъ къ нему для сильнаго врага. Сильный врагъ могъ подступить къ Іерусалиму съ моря или съ береговой низменности по нынѣшней дорогѣ изъ Яффы въ Іерусалимъ. Для борьбы съ врагомъ на этой дорогѣ Соломонъ сильно

ломона так. обр. отрицается. Но ниоткуда не видно, чтобы Емаѳъ былъ прежде въ подданствѣ. Кромѣ того выраженіе въ 2 Пар. 8, 3 חָזַק עַל по разсужденію Кейля означаетъ: превозмогъ, побѣдилъ. Comment. Thl. 5. s. 249.

[1]) 2 Пар. 8, 4. Запасы въ укѣпленныхъ городахъ едвали были назначены къ продовольствію на случай неурожая; скорѣе, это были запасы на случай осады непріятелемъ.

[2]) 3 Цар. 9, 15.

[3]) I. Нав. 11, 1. 10.

[4]) 3 Цар. 9, 15.

укрѣпилъ Веѳоронъ верхній и Веѳоронъ нижній [1]) и далѣе на береговой низменности— Газеръ Ваалаѳъ [2]). Армія подвергнута была Соломономъ значительному преобразованію, какъ по своему составу, такъ и по расположенію въ странѣ. Замѣчательно, что побѣдоносная армія Давида состояла изъ одной пѣхоты, и хотя послѣ войны съ Адраазаромъ Давидъ взялъ себѣ 100 коней, отнятыхъ у врага, но и послѣдующими побѣдами своими онъ конечно обязанъ не этой скромной конницѣ. Между тѣмъ Соломонъ, почти совсѣмъ не воевавшій, нашелъ нужнымъ усовершенствовать армію образованіемъ сильной конницы. Онъ имѣлъ 1400 боевыхъ колесницъ [3]) съ потребнымъ для нихъ количествомъ коней (4000 стойлъ) и 12000 всадниковъ [4]). Такимъ образомъ его армія была поставлена на одну ногу съ арміями сосѣднихъ народовъ, хотя гористая Палестина не нуждалась въ этомъ, и побужденіе къ такому нововведенію въ арміи едвали не заключалось главнымъ образомъ въ тщеславіи Соломона, который не желалъ никому уступить въ блестящей обстановкѣ и внушительномъ величіи царскаго могущества. Въ расположеніи военной силы у Соломона была та особенность, что она не была сосредоточена въ одномъ Іерусалимѣ, какъ при Давидѣ, а распредѣлена по разнымъ стратегическимъ пунк-

---

[1]) 2 Пар 8, 5.

[2]) 3 Цар. 9, 15. 18; 2 Пар. 8, 6. Fl. Jos. Antiqu. Lib. VIII. cap. VI. 1.

[3]) По мнѣнію автора „Царствованія Соломона“ въ Душ. Чт. 1873. кн. 1. стр. 52—это были придворные экипажи для самого Соломона и для его женъ.. Трудно сказать, на чемъ основано это нѣсколько странное предположеніе. Размѣщеніе колесницъ «по колесничнымъ городамъ», такъ что только часть ихъ оставалась въ Іерусалимѣ, 3 Цар. 10, 26,—ясно указываетъ, что это были военныя колесницы, а не принадлежность придворнаго комфорта.

[4]) 3 Цар. 10, 26; 2 Пар. 1, 14; 9, 25. Въ 3 Цар. 4, 26 говорится о 40000 стойлъ. У Буддея изложены разныя мнѣнія для примиренія данныхъ кн. Царствъ и Паралипоменонъ. Ук. соч. стр. 181—3. Самъ онъ останавливается на томъ предположеніи, что въ кн. Царствъ указано число коней у Соломона въ первую половину царствованія, въ періодъ наивысшаго развитія богатства и роскоши, а въ кн. Паралипоменонъ опредѣлено количество въ концѣ царствованія, въ періодъ упадка и матеріальныхъ средствъ, и душевныхъ силъ Соломона.

тамъ, такъ что и на случай внѣшняго нападенія, и на случай внутренняго возмущенія онъ могъ употребить ее въ дѣло немедленно. Подъ именемъ упоминаемыхъ дѣписателемъ „колесничныхъ городовъ", по которымъ была распредѣлена конница Соломона [1]), очевидно нужно разумѣть укрѣпленные города, важные въ стратегическомъ отношеніи. Внѣшней безопасности государства содѣйствовало и оживленіе торговли, которой Соломонъ покровительствовалъ. Чрезъ Палестину шли важные торговые пути, и сосѣднимъ народамъ было выгодно поддерживать миръ съ государемъ, во власти котораго находились эти пути. Изъ всего вышесказаннаго видно, что для предупрежденія опасности извнѣ Соломонъ сдѣлалъ почти все, что можно сдѣлать, избѣгая войны, которая на первыхъ порахъ его царствованія, послѣ ослабленія всѣхъ окрестныхъ народовъ Давидомъ, дѣйствительно была излишня. Онъ только не довольно рѣшительно и дѣятельно поддерживалъ свою власть на окраинахъ, въ завоеванныхъ Давидомъ областяхъ, допустивъ здѣсь усилиться врагамъ, сначала ничтожнымъ, а потомъ очень зловреднымъ. Какъ бы то ни было, ни одинъ внѣшній врагъ въ собственномъ смыслѣ не покусился сдѣлать нападеніе на евреевъ во все царствованіе Соломона, и ударъ, нанесенный его монархіи предъ самымъ концомъ, послѣдовалъ не извнѣ.

Обращаясь отъ внѣшнихъ отношеній къ внутреннимъ, мы снова, какъ и въ самомъ началѣ царствованія, встрѣчаемъ систематическое и характерное стремленіе Соломона утвердить свою власть прочно, устранить все, что казалось несовмѣстимымъ съ этой властью и что могло нарушить его царственный покой. Мы уже видѣли, какъ круто поступилъ онъ на самыхъ первыхъ порахъ съ лицами, угрожавшими внутреннему спокойствію. И дальнѣйшія его мѣры имѣли характеръ подавленія, клонились къ искорененію разныхъ элементовъ, несовмѣстимыхъ съ идеею безграничнаго господства. При Давидѣ остатки хананейскихъ племенъ, разсѣянные между евреями, безъ сомнѣнія не имѣли уже никакой политической самостоятельности. Но въ то же время они жили повидимому въ

[1]) 2 Пар. 1, 14.

качествѣ свободныхъ иновѣрцевъ, которымъ предоставлено было пользоваться всѣмъ, что не наносило ущерба еврею. Самъ царь уважалъ, напр., ихъ права на собственность (покупка гумна у Орны). Соломонъ нашелъ такое положеніе хананеевъ въ своемъ царствѣ неудобнымъ, и онъ формально обратилъ ихъ со всѣмъ потомствомъ въ рабовъ—„сдѣлалъ оброчными работниками“ [1]). Можетъ быть кто-нибудь подумаетъ, что, поступая такъ, Соломонъ имѣлъ въ виду божественное опредѣленіе о конечномъ истребленіи хананеевъ[2]). Можетъ быть дѣйствительно божественное опредѣленіе нѣкоторымъ образомъ выполнялось этимъ, но только помимо сознанія и воли царя, имѣвшаго въ замужествѣ (вопреки закону) хананейскихъ женщинъ. „Сыновъ же Израилевыхъ, сказано, Соломонъ не дѣлалъ работниками; но они были его воинами, его слугами, его вельможами, его военачальниками и вождями его колесницъ и его всадниковъ“ [3]). Это значило впрочемъ только то, что сыны Израилевы въ противоположность хананеямъ не мыслились лишенными по самому рожденію правъ свободнаго человѣка, правъ даже на высшія и почетныя должности. На самомъ же дѣлѣ многихъ и изъ сыновъ Израилевыхъ Соломонъ дѣлалъ „оброчными работниками“. „И обложилъ царь Соломонъ, сказано въ другомъ мѣстѣ, повинностію весь Израиль; повинность же состояла въ тридцати тысячахъ человѣкъ. И посылалъ ихъ на Ливанъ“... т. е. исполнять такую же оброчную работу, которая была возложена на рабовъ-хананеевъ [4]).

[1]) 3 Цар. 9, 20. 21.

[2]) Graetz, напр., думаетъ, будто Соломонъ имѣлъ въ виду при этомъ извѣстное пророчество Ноя о потомкахъ Ханаана. Ук. соч. стр. 311. Но въ такомъ случаѣ Соломону слѣдовало обратить въ рабовъ и финикіянъ; онъ же, напротивъ, жилъ съ ними въ тѣсной дружбѣ.

[3]) 3 Цар. 9, 22.

[4]) 3 Цар. 5, 13. Хотя на основаніи одного этого мѣста и можно подумать, что это была только временная мѣра, вызванная построеніемъ храма, и хотя Ewald думаетъ, что выраженіе „весь Израиль“ означаетъ землю или царство, а не народъ еврейскій въ противоположность хананеямъ, ук. соч. стр. 292; однако изъ 3 Цар. 11, 28 и 12, 4 видно съ несомнѣнностію, что оброчными работниками были природные евреи и оставались ими долгое время послѣ построенія храма, вѣроятно до конца царствованія Соломона.

Такимъ образомъ Соломонъ не склоненъ былъ проводить слишкомъ большую разницу между подданными-израильтянами и рабами-хананеями. Онъ хотѣлъ быть господиномъ надъ всѣми, и по его мысли всѣ подданные безъ различія должны были чувствовать это и повиноваться ему безпрекословно. Подданные-израильтяне и чувствовали живо то состояніе подневольности, въ которомъ очутились, какъ показала исторія воцаренія сына Соломонова. Кромѣ подневольной работы евреи должны были отбывать при Соломонѣ и другую повинность—доставлять содержаніе роскошному и многочисленному двору царя. Вся земля была раздѣлена на 12 областей; въ каждой области былъ особый приставникъ (безъ сомнѣнія съ помощниками), обязанный собирать припасы и поставлять въ теченіе одного мѣсяца ко двору все нужное [1]). Мы не утверждаемъ, что эта повинность была обременительна, что она тяжело отзывалась на матеріальномъ благосостояніи подданныхъ; потому что земля была богата, и, наслаждаясь миромъ, евреи могли обильно извлекать изъ нея ея сокровища, такъ что писатель кн. Царствъ могъ справедливо сказать: „Іуда и Израиль, многочисленные, какъ песокъ у моря, ѣли, пили и веселились“. Но мы обращаемъ здѣсь вниманіе на одну особенность, характерную для царствованія Соломона по сравненію его съ царствованіемъ Давида. И у Давида было тоже 12 начальниковъ; но это были „начальники надъ имѣніемъ, которое было у царя Давида“ [2]). Приставники же Соломона были „надъ всѣмъ Израилемъ“. Ясно, что они къ народу стояли совсѣмъ въ иныхъ отношеніяхъ, чѣмъ начальники Давида. Съ другой стороны, область ихъ дѣятельности и значеніе были не тѣ, что у древнихъ представителей власти, у двѣнадцати князей колѣнъ израилевыхъ. Самая земля подверглась новому дѣленію, и границы его не совпадали съ стариннымъ дѣленіемъ по колѣнамъ, съ которымъ были связаны преданія и симпатіи до-монархическаго строя государственной жизни. Такъ, обширное колѣно Ефремово не составляло одной области; еще болѣе раздробленнымъ предств-

[1]) 3 Цар. 4, 7. [2]) 1 Пар. 27, 31.

ляется колѣно Манассіино [1]). Новые начальники новыхъ областей, облеченные важнымъ, хотя и спеціальнымъ полномочіемъ, на практикѣ могли расширить свое значеніе и превратиться вообще въ блюстителей государственныхъ и государевыхъ интересовъ. И въ самомъ дѣлѣ, они не только доставляли припасы ко двору натурою, но и препровождали къ Соломону золото [2]). Откуда бы они ни брали это золото—просто ли съ подданныхъ Соломона или съ купцовъ,—во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что область ихъ дѣятельности разширилась сравнительно съ первоначальнымъ ихъ назначеніемъ. І. Флавій называетъ ихъ στρατηγοὶ καὶ ἡγεμόνες, т. е., военачальники и вообще правители [3]). Хотя такое расширеніе значенія приставниковъ и считаютъ произвольнымъ предположеніемъ І. Флавія [4]), однако мы рѣшаемся, раздѣляя это предположеніе, идти дальше и утверждать, что Соломонъ произвелъ радикальное преобразованіе въ военномъ (и гражданскомъ) устройствѣ страны и что двѣнадцать Давидовыхъ военачальниковъ, командовавшихъ двѣнадцатью отдѣльными частями всенароднаго ополченія въ Іерусалимѣ и на войнѣ, были замѣнены мѣстными военачальниками, приставниками, жившими въ новыхъ областяхъ и соединявшими въ своихъ рукахъ военную и гражданскую власть. Но еслибы это предположеніе и не отвѣчало дѣйствительности, то во всякомъ случаѣ несомнѣнно то, что Соломоновы приставники были гораздо болѣе, чѣмъ простые продовольственные чиновники. Если начальники надъ имѣніемъ Давида были только, такъ сказать, чиновники министерства двора; то Соломоновы приставники уже болѣе походили на чиновниковъ министерства внутреннихъ дѣлъ. Самъ Соломонъ видимо старался возвысить ихъ значеніе,

---

[1]) Объ этомъ можно судить по 3 Цар. 4, 8—19 «Области, подчиненныя 12-ти приставникамъ, только отчасти совпадали съ границами колѣнъ»... Keil. Comm. Thl. 2. B. 3. s. 36. Graetz. видитъ въ этомъ раздѣленіи централизаторскую цѣль. Указ. соч. стр. 308.

[2]) 3 Цар. 10, 15. Keil не считаетъ невозможнымъ отожествлять названныхъ здѣсь «областныхъ начальниковъ» съ приставниками 3 Цар. 4, 7—19. Ук. соч. стр. 121.

[3]) Antiqu. Lib. VIII. cap. 2. 3.

[4]) Keil. Ук. соч. стр. 36.

потому что за двоихъ изъ нихъ даже отдалъ въ замужество своихъ дочерей [1]). Такимъ высокимъ и вліятельнымъ положеніемъ приставниковъ Соломона князья колѣнъ очевидно отодвигались на задній планъ. Мѣсто старыхъ властей, освященныхъ преданіемъ, съ существованіемъ которыхъ связана была привычка къ самостоятельной внутренней жизни по колѣнамъ, заступили новыя власти, не имѣвшія ничего общаго съ отдѣльными интересами колѣнъ и представлявшія только развѣтвеніе единой власти, утвердившейся въ Іерусалимѣ. Значеніе князей колѣнъ и прочихъ родовыхъ властей упало; еврейской аристократіи, почти безусловно авторитетной въ періодъ судей и вліятельной даже при Давидѣ, нанесенъ сильный ударъ. Соломонъ желалъ царствовать безпрепятственно, устраняя всякія противомонархическія поползновенія. Мы должны прибавить, что 12 приставниковъ были не единственныя новыя власти, устранявшія авторитетъ патріархальнаго чиноначалія, потому что „главныхъ приставниковъ у царя Соломона, управлявшихъ народомъ, было двѣсти пятьдесятъ“ [2]). Можно думать еще, что Соломонъ, въ противоположность Давиду (и сходясь въ этомъ случаѣ съ Сауломъ), возвысилъ свое родное колѣно надъ прочими; потому что повидимому въ колѣнѣ Іудиномъ не было приставника [3]). Можетъ быть оно было освобождено отъ повинностей. Какъ бы то ни было, но тотъ фактъ, что это колѣно, оказавшееся столь мятежнымъ при Давидѣ, осталось вѣрнымъ сыну Соломонову при всеобщемъ недовольствѣ правленіемъ Соломона, кажется, говоритъ въ пользу высказаннаго предположенія.—Такъ Соломонъ обезопасилъ и утвердилъ (по крайней мѣрѣ на время своего царствованія) свое царство извнѣ и внутри и господство-

---

[1]) 3 Цар. 4, 11. 15.

[2]) 2 Пар. 8, 10. Это не тѣ приставники, о которыхъ говорится въ 3 Цар. 9, 23; потому что послѣдніе были приставниками *надъ работами* Соломоновыми, а упомянутые здѣсь *управляли народомъ*.

[3]) При перечнѣ приставниковъ Соломоновыхъ колѣно Іудино не названо. 3 Цар. 4, 8–49. Graetz допускаетъ мысль объ отсутствіи приставника въ колѣнѣ Іудиномъ. Указ. соч. стр. 308—9. Keil напротивъ полагаетъ, что Бен-Хеседъ, ст. 10, былъ приставникомъ въ колѣнѣ Іудиномъ. Указ. соч. стр. 36.

валъ надъ обширнѣйшею въ тогдашнемъ мірѣ монархіею, простиравшеюся отъ Емаѳа въ Сиріи до Еціонъ-Гавера на берегу Краснаго моря и отъ рѣки Евфрата до Средиземнаго моря и предѣловъ египетскихъ. Казалось, потомки Авраама были теперь на вершинѣ своего земнаго могущества и благополучія. Но мы увидимъ, что утвержденное по мысли Соломона великое политическое зданіе имѣло свои несовершенства; оно носило въ себѣ зародышъ разложенія. Зданіе Давида было построено проще, но прочнѣе. Мы далеки впрочемъ отъ того, чтобы не отдавать должной дани удивленія замысламъ Сомомона, лежавшимъ въ основѣ его правительственной дѣятельности. Идеи, руководившія имъ, были хороши и современны (напр., централизація власти, политика мира), и только приложеніе ихъ на практикѣ не выдержано до конца въ предѣлахъ разумности... Остановимъ свой взглядъ на царствованіи Соломона въ томъ блестящемъ періодѣ его, въ которомъ отпечатлѣлись слѣды могучаго духа Соломона, безгранично царившаго надъ положеніемъ вещей и безпрепятственно осуществлявшаго свою задачу—утвердить, возвысить, украсить и прославить свое царствованіе, и въ которомъ несовершенства, крайности и ошибки еще не давали себя чувствовать, не принесли осязательно-гибельныхъ плодовъ.

Между тѣмъ какъ самое начало царствованія Соломона, ознаменованное неумолимою строгостію его къ людямъ, нарушавшимъ внутренній покой или только угрожавшимъ ему, дѣписатель обозначилъ словами: „сѣлъ Соломонъ на престолѣ Давида, отца своего, и царствованіе его было очень твердо“[1]),—повѣствованію о дальнѣйшихъ дѣяніяхъ Соломона онъ предпосылаетъ слѣдующія знаменательныя слова: „и возлюбилъ Соломонъ Господа, ходя по уставу Давида, отца своего“ [2]). Это означаетъ, конечно, что Соломонъ вступалъ теперь въ періодъ наивысшаго подъема своихъ духовныхъ силъ. И въ самомъ дѣлѣ, начиная съ третьяго или четвертаго года своего царствованія и приблизительно до послѣдняго пятнадцатилѣтія сво-

[1]) 3 Цар. 2. 12. [2]) 3, 3.

ей жизни [1]), Соломонъ является величайшимъ изъ царей, наполнившимъ славою своей весь міръ, и историку нелегко усмотрѣть въ окружившемъ его сіяніи темныя точки. Онъ былъ въ этотъ періодъ не только геніальнымъ правителемъ (геніальность не исключаетъ ошибокъ), но и вдохновеннымъ отъ Бога мужемъ, праведникомъ, почти такимъ же, какъ Давидъ. Говоримъ: почти; потому что дѣписатель послѣ словъ: возлюбилъ Соломонъ Господа, ходя по уставу Давида, отца своего—сейчасъ же прибавилъ: „но и онъ приносилъ жертвы и куренія на высотахъ“ [2]). Здѣсь уже заключается ясное указаніе на то свободное отношеніе Соломона къ уставамъ Давида и вообще къ закону, которое впослѣдствіи было главною причиною его непозволительной терпимости по отношенію къ идолопоклонству. Тѣмъ не менѣе, пока его помыслы были сосредоточены на выполненіи завѣщанія великаго Давида относительно построенія храма Іеговѣ, онъ духомъ своимъ былъ близокъ къ Давиду, стоялъ на той относительной высотѣ нравственнаго совершенства, какая была доступна въ большей или меньшей степени вообще ветхозавѣтнымъ носителямъ откровенія. Вообще нужно думать, что время построенія храма было и временемъ наиболѣе благочестивой жизни Соломона; потому что и по планамъ божественнаго домостроительства именно въ построеніи храма заключался очевидно главнѣйшій религіозный смыслъ всего царствованія Соломона. Задача, оставленная Соломону завѣщаніемъ его отца—построить храмъ, достойный величія Іеговы, какъ нельзя болѣе гармонировала и съ его стремленіями, и съ тѣмъ положеніемъ, какое частію обезпечено было его отцомъ, частію создано имъ самимъ. Для любителя великолѣпія и блеска, какимъ былъ Соломонъ, было особенно по сердцу обнаружить свое благоговѣніе и преданность Іеговѣ во внѣшней, матеріальной обстановкѣ богослуженія, дающей воз-

---

[1]) Въ это время явился ему Богъ и вмѣстѣ съ словами благоволенія изрекъ уже и угрозы. 9, 3—9. Очевидно то былъ моментъ, съ котораго началось постепенное паденіе Соломона.

[2]) „Высота“—общее наименованіе мѣстъ богослуженія помимо центральнаго святилища.

можность поражать внѣшнія чувства. Построеніе храма требовало продолжительнаго, неусыпнаго и ничѣмъ не возмущаемаго вниманія; затѣмъ оно требовало весьма значительнаго напряженія силъ народныхъ, могучей власти, способной вызвать это напряженіе, и наконецъ содѣйствія матеріальнаго и нравственнаго отъ нѣкоторыхъ сосѣднихъ народовъ. И всему этому отвѣчало положеніе Соломона, пользовавшагося глубокимъ миромъ, твердою властію и дружбою сосѣднихъ монарховъ. Громадныя заготовленія для храма, какъ мы видѣли, сдѣланы были еще Давидомъ, и потому Соломонъ могъ приступить къ построенію его на первыхъ же порахъ своего царствованія. Было и настоятельное побужденіе поспѣшить этимъ дѣломъ, такъ какъ въ народномъ богослуженіи были слѣды нестроенія и произвола. Хотя Давидъ и построилъ новую скинію на Сіонѣ и перенесъ въ нее ковчегъ завѣта; но очевидно не всѣ оказывали ей подобающее уваженіе, авторитетъ ея не утвердился: „народъ, говоритъ дѣписатель, еще приносилъ жертвы на высотахъ“[1]). На „высотахъ“ жертвы приносились Іеговѣ; но богослуженіе въ разныхъ мѣстахъ раздробляло націю и кромѣ того, лишенное надлежащаго надзора, оно могло исказиться чрезъ привнесеніе какихъ-нибудь языческихъ обрядовъ и обычаевъ. Прежде чѣмъ приступить къ какимъ-либо дѣйствіямъ, непосредственно относящимся къ построенію храма, Соломонъ счелъ необходимымъ подготовить и укрѣпить свой духъ молитвеннымъ обращеніемъ къ Богу [2]). Но замѣчательно, что мѣстомъ

---

[1]) 3 Цар. 3, 2.

[2]) Хотя за разсказомъ о жертвоприношеніи въ Гаваонѣ повѣствованіе о самомъ построеніи храма по кн. Царствъ не слѣдуетъ непосредственно; тѣмъ не менѣе первое мы считаемъ подготовительнымъ дѣйствіемъ ко второму, и по самому времени то и другое должно было стоять въ связи. Повѣствованія о начальникахъ и приставникахъ Соломоновыхъ, объ обширности царства, о богатствѣ, и проч., вставлены писателемъ кн. Царствъ между тѣмъ и другимъ только для того, чтобы показать, что обѣтованія Божіи, данныя Соломону въ сонномъ видѣніи въ Гаваонѣ, исполнились на самомъ дѣлѣ. Писатель кн. Паралипоменонъ сосредоточившій свое вниманіе главнымъ образомъ именно на построеніи Соломономъ храма и поэтому опустившій многія событія и въ частности все, что имѣло мѣсто въ

для этого онъ избралъ не скинію Давидову, не гумно Орны, уже прославленное и знаменательное, ни вообще Іерусалимъ, на которомъ уже явно почивало Божіе благословеніе, а Гаваонъ. Что такое былъ Гаваонъ въ данное время? Писатель кн. Паралипоменонъ съ возможною обстоятельностію разъясняетъ религіозное значеніе этого города: „тамъ, говоритъ онъ, была Божія скинія, которую устроилъ Моисей, рабъ Господень въ пустынѣ... Мѣдный жертвенникъ, который сдѣлалъ Веселеилъ, сынъ Урія, сына Орова, оставался тамъ, предъ скиніею Господнею“ [1]) Такимъ образомъ Гаваонъ обладалъ древнею святынею и могъ разсматриваться Соломономъ какъ старый центръ религіозной жизни народа. Правда въ Гаваонѣ не было теперь ни ковчега, надъ которымъ Богъ со времени Моисея обѣщалъ являться своему народу, ни первосвященника, необходимаго посредника и ходатая за народъ предъ Богомъ, не было, слѣдовательно, и правильнаго, законнаго богослуженія; но въ ряду другихъ „высотъ“, по которымъ разбилось служеніе Богу въ смутный періодъ судей, Гаваонъ занималъ всетаки первенствующее мѣсто и былъ, такъ сказать, наименѣе незаконнымъ мѣстомъ богослуженія въ силу пребыванія тамъ Моисеевой скиніи. Въ сущности же онъ былъ „высотою“, какъ его и назвалъ писатель кн. Паралипоменонъ [2]), съ того момента, какъ ковчегъ завѣта былъ перенесенъ въ Іерусалимъ Давидомъ. Кромѣ Гаваона было безъ сомнѣнія много другихъ „высотъ“, не имѣвшихъ его достоинства. Сила преданія, связаннаго съ мѣстами древнихъ богооткровеній, привычка, произволъ и, можетъ быть, стремленіе отдѣльныхъ частей народа къ самостоятельности и особности, присущее не только колѣнамъ, но и отдѣльнымъ родамъ, наконецъ увлеченіе примѣромъ хананейскаго богослуженія, не лишеннаго особой натуралистической прелести, на высокихъ холмахъ, подъ тѣнію вѣковыхъ густолиствен-

---

первыя два или три года царствованія, не опустилъ жертвоприношенія въ Гаваонѣ, но съ него именно и началъ свои повѣствованія о Соломонѣ, быстро переходя къ разсказу о построеніи храма. Ясно, что эти два факта стояли во внутренней и внѣшней связи.

[1]) 2 Пар. 1, 3. 5. [2]) 2 Пар. 1, 3.

ныхъ деревьевъ,—все это дало начало многочисленнымъ „высотамъ“, поддерживало ихъ авторитетъ и мѣшало осуществленію мысли законодателя сосредоточить богослуженіе при одной скиніи. Богослуженіе на этихъ „высотахъ“ съ построеніемъ храма въ Іерусалимѣ мыслилось людьми благочестивыми уже совершенно незаконнымъ и очевидно пріобрѣло языческій характеръ; потому что писатель кн. Паралипоменонъ упоминаетъ о „высотахъ“ наряду съ жертвенниками чужихъ боговъ, посвященными деревами и статуями солнца [1]). Соломонъ, сначала не стѣснявшійся выборомъ мѣстъ для жертвоприношеній [2]), въ торжественный моментъ подготовленія себя къ построенію храма избралъ мѣстомъ молитвы Гаваонъ, богослуженіе котораго очевидно не носило еще тогда языческаго характера, такъ какъ еще недавно тамъ былъ даже законный первосвященникъ. Соломонъ отдалъ такимъ образомъ честь старому мѣсту богослуженія въ послѣдній разъ, готовясь всецѣло сосредоточить богослуженіе въ храмѣ, который имѣлъ построить. И Богъ благоволительно воззрѣлъ на молитву Соломона въ этомъ мѣстѣ. Когда Соломонъ послѣ продолжительнаго богослуженія (онъ вознесъ тысячу всесожженій) заснулъ, Богъ явился ему во снѣ и сказалъ: „проси, что̀ дать тебѣ“. Соломонъ, бывшій уже довольно мудрымъ, какъ показала самая просьба, попросилъ у Бога не долгой жизни, не богатства, не душъ враговъ своихъ, а разума, чтобы умѣть судить, умѣть различать, что̀ добро и что̀ зло. Богъ обѣщалъ ему дать то, что онъ просилъ, и то, чего не просилъ, именно: богатство и славу. Пробудившись Соломонъ не остался въ Гаваонѣ, но поспѣшилъ въ Іерусалимъ и здѣсь, предъ ковчегомъ завѣта Господня вознесъ благодарственную молитву.

Получивъ подробный чертежъ храма отъ Давида, Соломонъ не былъ однако связанъ относительно богатства и роскоши построекъ. Между тѣмъ въ послѣднемъ отношеніи замыслы Соломона были обширны, и средствами одной своей страны онъ не могъ ихъ выполнить. Такъ какъ Хирамъ, царь тирскій, вскорѣ по воцареніи Соло-

[1]) 2 Пар. 14, 3. 5. [2]) 3 Цар. 3, 3.

мона присылалъ къ нему поздравительное посольство и тѣмъ обнаружилъ дружественное расположеніе къ нему; то Соломонъ и рѣшился воспользоваться теперь этимъ расположеніемъ [1]). Финикія изобиловала въ то время древеснымъ строевымъ матеріаломъ и людьми, умѣвшими обращаться съ нимъ, и даже настоящими художниками. Поэтому Соломонъ послалъ къ Хираму сказать: „какъ поступалъ ты съ Давидомъ, отцемъ моимъ, и присылалъ ему кедры на построеніе дома для его жительства, такъ поступи и со мною. Вотъ я строю домъ имени Господа Бога моего... И домъ, который я строю, великъ; потому что великъ Богъ нашъ, выше всѣхъ боговъ... Итакъ пришли мнѣ человѣка, умѣющаго дѣлать издѣлія изъ золота, и изъ серебра, и изъ мѣди, и изъ желѣза, и изъ пряжи пурпуроваго, багрянаго и яхонтоваго цвѣта и знающаго вырѣзывать рѣзную работу... И пришли мнѣ кедровыхъ деревъ и кипарису, и певговаго [2]) дерева съ Ливана; ибо я знаю, что рабы твои умѣютъ рубить дерева ливанскія. И вотъ рабы мои пойдутъ съ рабами твоими“ [3]). При этомъ Соломонъ обязался давать содержаніе финикійскимъ рабочимъ въ условленномъ размѣрѣ: пшеницы 20000 кóровъ, ячменю столько же, вина 20000 батовъ и оливковаго масла столько же [4]). Кромѣ того самому Хираму для продовольствія его двора, согласно его желанію, Соломонъ давалъ еще ежегодно 20000 кòровъ пшеницы и 20 кòровъ

---

[1]) По изложенію 3 Цар. 5, 1—3 представляется, что посольство Хирама непосредственно предшествовало посольству Соломона. Если это было такъ, то посольство Хирама состоялось не вскорѣ по воцареніи Соломона. Но писатель кн. Паралипоменонъ, говоря о посольствѣ Соломона, не упоминаетъ о предварительномъ посольствѣ Хирама, 2 Пар. 2, 1—3, а говоритъ объ отвѣтномъ, 2, 11. Вѣроятно первое онъ считалъ фактомъ, относящимся къ болѣе раннему времени, о которомъ онъ не говоритъ.

[2]) אַלְגּוּמִּים—сандальное дерево, какъ полагаютъ, которое впослѣдствіи Соломонъ самъ добывалъ изъ Офира. Хирамъ вѣроятно получалъ его изъ Африки. Philippson. Isr. Bibel. Прим. къ 3 Цар. 10, 11.

[3]) 2 Пар. 2, 3—10.

[4]) Въ 20000 кòровъ полагаютъ 49094 четверти; въ 20000 батовъ —2094 бочки и 32 ведра. Богословскій. Свящ. ист. ветх. зав. т. 2 стр. 5.

оливковаго выбитаго масла [1]). Хирамъ съ радостію согласился оказать услугу могущественному, но миролюбивому царю, союзъ съ которымъ былъ весьма выгоденъ для промышленныхъ и невоинственныхъ финикіянъ. Онъ послалъ къ Соломону художника, Хирамъ-Авія, который по отцу былъ тирянинъ, а по матери-еврей [2]), и обѣщалъ нарубить деревъ съ Ливана „сколько нужно“ и переправить ихъ моремъ въ Яфу. Соломону оставалось только уже не длиннымъ сухимъ путемъ перевезти ихъ въ Іерусалимъ. Помощь Хирама не ограничивалась этимъ. Въ теченіе двадцати лѣтъ, въ которыя Соломонъ строилъ храмъ, а потомъ свой дворецъ, онъ нуждался во многомъ и между прочимъ—въ золотѣ. Хирамъ снабжалъ его [3]), и Соломонъ уступилъ ему 20 городовъ, пограничныхъ съ Финикіею. Хираму, правда, не понравились эти города, и онъ возвратилъ ихъ Соломону. Вѣроятно взамѣнъ этого между ними состоялась какая-нибудь другая сдѣлка. Есть свидѣтельство (внѣбиблейское), что Соломонъ подобнымъ же образомъ воспользовался услугами и египетскаго царя. У Евсевія Кесарійскаго приводятся письма, которыми обмѣнялись по этому случаю Соломонъ и египетскій царь, названный здѣсь Вафріемъ. Соломонъ просилъ у еги-

---

[1]) 3 Цар. 5, 9. 11. Выбитое оливковое масло—высшій сортъ масла, отличающійся наибольшею бѣлизною и наилучшимъ вкусомъ. Keil. Ук. соч. т. 3. стр. 47.

[2]) 3 Цар. 7, 14; 2 Пар. 2, 14. Въ первомъ мѣстѣ онъ названъ „сыномъ одной вдовы изъ колѣна Нефѳалимова“, а во второмъ—„сыномъ одной женщины изъ дочерей Дановыхъ“. Здѣсь нѣтъ никакого противорѣчія. Изъ самой разности выраженій ясно видно, что мать его была вдовою еврея изъ колѣна Нефѳалимова, а сама по происхожденію—изъ колѣна Данова. Въ томъ и другомъ мѣстѣ отецъ его названъ тирянином. Буддей почему-то думаетъ, что отецъ его былъ нефѳалимлянинъ, переселившійся на жительство въ Тиръ. Ук. соч. стр. 185. Ему слѣдуетъ и преосв. Филаретъ. Начерт. Церк.-библ. ист. изд. 7. стр. 267. Но въ такомъ случаѣ странно наименованіе Хирама „сыномъ одной вдовы... одной женщины“. Почему онъ не названъ сначала по отцу? Библейскіе писатели не обозначили его прежде по отцу потому, что отецъ его былъ иностранецъ (женившійся на вдовѣ еврея). Для того, чтобы показать, что онъ не чуждъ былъ по происхожденію и евреямъ, они прежде упомянули о его матери-еврейкѣ, а потомъ уже объ отцѣ-тирянинѣ.

[3]) 3 Цар. 9, 11.

петскаго царя только свѣдущихъ рабочихъ, и послѣдній согласился прислать ихъ въ количествѣ 80000 человѣкъ, прося только кормить ихъ, наблюдать порядокъ между ними и отпустить домой по минованіи надобности [1]). Вѣроятность этого факта основывается на томъ, что Соломонъ былъ не только въ дружбѣ, но и въ родствѣ съ египетскимъ царемъ, и что обширныя каменныя работы, задуманныя Соломономъ, требовали спеціалистовъ каменнаго дѣла, каковыми и были египтяне [2]). Въ такомъ случаѣ на долю финикіянъ выпадали всѣ деревянныя работы, издѣлія изъ металла, изъ тканей—вообще все, что относилось до окончательной отдѣлки и украшенія каменныхъ зданій. Для производства работъ Соломонъ употребилъ громадную массу и своихъ людей, такъ какъ въ древности работы производились почти исключительно мускульною силою, безъ особенныхъ механическихъ приспособленій. Работа не оплачивалась, а отбывалась, какъ государственная повинность. Соломонъ обложилъ повинностію весь Израиль, взявъ изъ среды его 30000 человѣкъ. Эти 30000 посылались по очереди въ количествѣ 10000 на Ли-

---

[1]) Praeparatio evangelica. Lib. IX. cap. 31—2. Вотъ текстъ предполагаемаго Соломонова письма: „Соломонъ царю Египта, Вафрію, другу по наслѣдству отъ отца, желаетъ здоровья. Ты знаешь, что съ помощію всемогущаго Бога я наслѣдовалъ царство Давида, отца моего, который мнѣ завѣщалъ построить храмъ Богу, Создателю неба и земли. При семъ случаѣ я прошу тебя прислать мнѣ такихъ изъ твоихъ подданныхъ, которые были бы въ моемъ распоряженіи, пока я совершу это дѣло такъ, какѣ оно мнѣ поручено“. Письмо египетскаго царя: «я очень радовался, читая письмо, и я считаю счастливымъ для себя и для всего своего воинства тотъ день, когда ты получилъ верховную власть изъ рукъ добродѣтельнаго и возлюбленнаго столь великимъ Богомъ мужа. Что касается твоей просьбы людей изъ моихъ подданныхъ, то я посылаю тебѣ ихъ 80000, и сообщу тебѣ, изъ какихъ они мѣстъ: изъ области Севратиды 10000, изъ Мендисіи и Севенниты 20000, изъ Бузиритиды, Леонтополитиды и Баѳритиды около 30000. Позаботься о необходимомъ для нихъ, поддержи порядокъ между ними и отошли ихъ домой, когда они не будутъ нужны тебѣ».

[2]) Ewald сомнѣвается въ достовѣрности этого факта, не приводя впрочемъ никакихъ вѣскихъ основаній къ тому. Указ. соч. стр. 285. Намъ кажется напротивъ, что всѣ обстоятельства говорятъ скорѣе за достовѣрность, чѣмъ противъ нея.

ванъ, такъ что одинъ мѣсяцъ работалъ одинъ десятокъ тысячъ, другой мѣсяцъ—другой десятокъ, и т. д. Надъ ними былъ главнымъ начальникомъ Адонирамъ. Каждый работникъ имѣлъ двухмѣсячный отдыхъ и возвращался домой для своихъ домашнихъ дѣлъ. Такое преимущество дано было рабочимъ изъ евреевъ. Хананеи же, обращенные Соломономъ въ настоящихъ рабовъ, не имѣли этого преимущества. Соломонъ всѣхъ ихъ привлекъ къ работѣ въ количествѣ 153600 человѣкъ. Изъ нихъ 70000 должны были переносить тяжести и 80000—ломать камни въ горахъ. Остальные 3600 поставлены были надсмотрщиками [1]). Дѣло послѣднихъ заключалось не въ управленіи работами, а въ простомъ побужденіи рабовъ къ дѣлу. Такіе надсмотрщики, вооруженные палками, фигурируютъ на египетскихъ изображеніяхъ, между прочимъ тамъ, гдѣ евреи являются въ качествѣ подневольныхъ рабочихъ. Дальнѣйшею обдѣлкою камней и дерева занималась особая масса рабочихъ, свѣдущихъ въ этомъ дѣлѣ; объ нихъ и сказано особо: „обтесывали же ихъ работники Соломоновы и работники Хирамовы, гивлитяне, и приготовляли дерева и камни“ [2]). Гивлитянъ считаютъ жителями финикійскаго города Гевалъ, лежавшаго вблизи поросшихъ кедрами Ливанскихъ горъ. Тогда какъ жители береговыхъ городовъ

---

[1]) 2 Пар. 2, 17. 18. Разныя числовыя данныя относительно управлявшихъ работами въ 3 Цар. 5, 16; 9, 23; 2 Пар. 2, 18—всего лучше, кажется, можно примирить такимъ образомъ: во 2 Пар. 2, 18 говорится о надсмотрщикахъ низшаго порядка, изъ хананеевъ; ихъ было 3600. Въ 3 Цар. 5, 16 говорится о другихъ надсмотрщикахъ, изъ евреевъ; они были выше первыхъ, и ихъ было 3300. Въ 3 Цар. 9, 23 говорится о „главныхъ“ надзирателяхъ, которыхъ было 550; они были тоже евреи. Всѣхъ, управлявшихъ работами, было такимъ образомъ 7450. Такое количество вовсе не велико для массы рабочихъ въ 180000 (мы считаемъ здѣсь и 30000 евреевъ, которые тоже работали не безъ надзирателей). Если на каждую группу рабочихъ въ 20 человѣкъ положить по одному низшему надзирателю, то и этихъ послѣднихъ вышло бы болѣе 7000 человѣкъ Мы не беремъ еще здѣсь во вниманіе вѣроятное присутствіе 80000 египетскихъ рабочихъ. „Главныхъ приставниковъ“, о которыхъ говорится во 2 Пар. 8, 10 сюда не нужно примѣшивать: это не надзиратели за рабочими, а начальники надъ всѣмъ народомъ.

[2]) 3 Цар. 5, 18.

заняты были главнымъ образомъ мореплаваніемъ, гивлитяне обратили свою дѣятельность на строительное искусство, чтобы снабжать мореплавателей кораблями. Въ этомъ смыслѣ говоритъ объ нихъ прор. Іезекіиль [1]). Камни добывались не на Ливанѣ, какъ думали нѣкоторые [2]), вѣроятно, на основаніи 3 Цар. 5, 14. 17, а гораздо ближе; этого матеріала было всюду довольно въ Палестинѣ [3]), за исключеніемъ какихъ-нибудь особенно дорогихъ камней. Мѣстомъ построенія храма была избрана гора Моріа, согласно съ указаніемъ Давида. Для того чтобы образовать на ея поверхности ровную, прочную и достаточно обширную площадь для массивныхъ построекъ, потребовались колоссальныя работы [4]). Такъ напр., восточный склонъ горы, представлявшій крутые обрывы къ долинѣ Кедрской, былъ одѣтъ громадною каменною стѣною въ 400 локтей вышины. Подобными же циклопическими постройками выравнивались и укрѣплялись и другія части горы, такъ что уже самая вершина горы, на которой долженъ былъ возвышаться храмъ, представляла какъ бы исполинское зданіе, поражавшее зрителя своимъ величественнымъ, какъ сама природа, видомъ. Работы начались въ четвертый годъ царствованія Соломона, во второй день втораго мѣсяца (средина весны), въ 480 году по исходѣ евреевъ изъ Египта. Какъ событіе величайшей важности, дѣписатель обозначилъ начало построенія со всею точностію [5]). Вся постройка храма продолжалась семь лѣтъ.

---

[1]) 27, 9. Keil. Ук. соч. т. 3. стр. 49. Hess. Ук. соч. т. 8. стр. 307. Душ. Чт. 1873 г. кн. 1. стр. 175.

[2]) Филаретъ. Ук. соч. стр. 267.

[3]) Въ 1854 году провалъ обнаружилъ существованіе весьма обширной каменоломни, начинающейся близъ сѣверной стѣны Іерусалима, у Дамасскихъ воротъ. Сохранились и каменные столбы, поддерживающіе своды подземныхъ камеръ. Видна даже копоть отъ лампъ въ нишахъ. Отсюда-то вѣроятно и извлекались тѣ громадные камни, которые до сихъ поръ сохранились въ основаніи храма. Graetz. Ук. соч. стр. 310—311. На эту же каменоломню указываетъ Hitzig. Gesch. d. Volk. Isr. Leipz. 1869. Thl. 2. стр. 156. Philippson справедливо замѣчаетъ, что въ договорѣ Соломона съ Хирамомъ о камняхъ не говорится ни слова и что послѣдніе доставлять съ Ливана въ Іерусалимъ было бы слишкомъ трудно. Israel. Bib. стр. 514. 3 Цар. 5, 14. 17 вовсе не заставляетъ думать, что камни добывались и обработывались именно на Ливанѣ.

[4]) Fl. Josephi Antiqu. Dib. VIII. cap. 3. 9. [5]) 3 Цар. 6, 1.

Не принимая на себя задачи представить подробное описаніе Соломонова храма по причинѣ непреодолимыхъ трудностей, представляемыхъ для этого библейскимъ текстомъ, мы ограничимся сжатымъ очеркомъ на основаніи наиболѣе ясныхъ данныхъ и самыхъвѣроятныхъ предположеній, вытекающихъ изъ этихъ данныхъ. То, что можно ясно понять въ текстѣ, во всякомъ случаѣ краснорѣчиво свидѣтельствуетъ, что сооруженіе Соломона было достойно славнаго имени своего строителя. Храмъ былъ построенъ въ общемъ по образцу Моисеевой скиніи, но въ значительно большихъ размѣрахъ и безконечно богаче украшенъ. Онъ состоялъ изъ святилища, каменнаго зданія, съ непосредственно примыкавшими къ нему съ трехъ сторонъ пристройками, и дворовъ, которые окружали его, имѣли видъ обширныхъ террасъ и обнесены были массивными и красивыми загородками. Зданіе святилища и окружавшіе его дворы издали представляли одно цѣлое. Размѣры центральнаго зданія были сравнительно не велики. Но они кажутся еще мѣньшими отъ того, что текстъ измѣряетъ только объемъ внутренняго помѣщенія. Между тѣмъ снаружи зданіе было несравненно большихъ размѣровъ. Внутреннее помѣщеніе имѣло 60 локтей въ длину (крмѣ притвора въ 10 локтей), 20 въ ширину и 30 въ вышину. Такимъ образомъ длина его въ три раза превосходила ширину и въ два раза вышину. Это указываетъ на строгую пропорціональность его частей, на красивую симметрію [1]). Эту пропорціональность необходимо имѣть въ виду при опредѣленіи не показанныхъ въ текстѣ размѣровъ зданія и снаружи; только она можетъ дать вѣроятность предположительнымъ вычисленіямъ [2]). Главное раз-

---

[1]) Только полнымъ отсутствіемъ художественнаго чутья симметріи и пропорціональности можно объяснить противоположный взглядъ Laughans'a на этотъ счетъ. Handbuch d. bibl. Gesch. und Literatur. Bern. 1875. Thl 1 s. 129.

[2]) Пропорціональность и симметрія—необходимыя свойства архитектуры по самой природѣ этого искусства, и древняя архитектура несомнѣнно обладала этими свойствами. Если нѣкоторые архитектурные памятники древности кажутся не пропорціональными, то это отъ позднѣйшихъ пристроекъ, вызванныхъ побужденіями, не имѣющими ничего общаго съ чувствомъ изящнаго.

личіе во внѣшнемъ измѣреніи сравнительно съ внутреннимъ происходило отъ пристроекъ, примыкавшихъ къ святилищу съ боковъ и сзади, и отъ притвора. Эти пристройки образовали собою три ряда комнатъ, одинъ надъ другимъ. Пространство отъ капитальной стѣны святилища до наружной стѣны пристройки въ нижнемъ этажѣ было въ 5 локтей, въ среднемъ—6 и въ верхнемъ—7 локтей. Такъ какъ сообразнѣе и съ требованіями красоты, и съ законами архитектуры, чтобы наружная стѣна пристроекъ была прямая, безъ уступовъ; то необходимо предположить, что стѣна святилища, имѣя въ верху надъ пристройками, не менѣе 3 локтей толщины, къ низу расширялась, выступала наружу съ каждымъ этажомъ на одинъ локоть, такъ что при основаніи она имѣла 6 локтей толщины [1]). Принимая во вниманіе все это, мы полагаемъ наружную длину зданія тамъ, гдѣ оно окружено пристройками, въ 90 локтей (3 л. наружная стѣна притвора, 10 л. глубина притвора, 3 л. стѣна между притворомъ и святилищемъ, 60 л. святилище и святое святыхъ, 6 л. задняя стѣна, передъ пристройкой, 5 л. ширина пристройки внутри и 3 л. наружная стѣна пристройки), т. е. около 20 саженей, а выше пристроекъ—въ 79 локтей (вычитаются 3 л. наружной стѣны пристройки, 5 л. ея ширины и 3 л. утолщенія стѣны святилища), или 17 саженей съ вершками [2]). Ширина зданія снизу должна была быть 48 локтей (20 л. внутренность святилища, 12 л. двѣ его стѣны, 5+5=10 л. ширина комнатъ въ пристройкахъ и 6 л. наружныя стѣны пристроекъ), или 10 саженей съ лишкомъ; а надъ пристройками—26 локтей (20 л. внутренность и 6 л. стѣны), или 5 саженей 2 аршина. Для опредѣленія вышины зданія мы полагаемъ, что полъ святилища лежалъ не въ уровень съ землею, а возвышался надъ нею не менѣе, какъ на 5 локтей, и что простран-

---

[1]) Предположеніе, что уступами шла стѣна пристроекъ съ внутренней стороны, не имѣло бы архитектурнаго смысла. Гораздо естественнѣе было расширить въ нижнихъ ея частяхъ высокую стѣну святилища для большей ея устойчивости.

[2]) Keil ошибочно полагаетъ длину зданія въ низу въ 93 локтя. Ук. соч. стр. 55. Онъ забылъ, что стѣна святилища, примыкающая къ притвору, не могла имѣть утолщенія снизу на 3 локтя.

ство, занятое потолкомъ и крышею съ ихъ укрѣпленіями, вмѣстѣ съ высотою балюстрады вокругъ крыши, тоже равнялось 5 локтямъ. Все это вмѣстѣ съ 30 локтями внутренней вышины давало 40 локтей снаружи, или 11 саженей. Вышина боковыхъ пристроекъ, имѣвшихъ 3 этажа по 5 локтей внутренней высоты, 3 потолка и основаніе перваго этажа, тоже возвышавшееся сколько-нибудь надъ землею,—несомнѣнно доходила до половины высоты святилища [1]). Такимъ образомъ центральною частію храма было продолговатое зданіе, длина котораго вдвое превосходила ширину, а вышина была только немного болѣе ширины, а на глазомѣръ, въ силу перспективы, вышина безъ сомнѣнія казалась совершенно равною ширинѣ [2]). Благодаря боковымъ пристройкамъ оно казалось состоящимъ изъ двухъ ярусовъ, изъ которыхъ нижній былъ вдвое шире верхняго; по вышинѣ же они были равны. Въ общемъ оно представляло весьма простую, но изящную фигуру, которая не утомляла глазъ сложностію и разнообразіемъ, а ласкала его чистотою линій и простымъ сочетаніемъ ихъ. На передней его части, надъ притворомъ, устремлялась къ небу узкая стройная башня въ 80 лок-

---

[1]) Keil опредѣляетъ вышину зданія въ 32 локтя, но при этомъ не принимаетъ въ разсчетъ цоколя, существованіе котораго онъ не отвергаетъ. Ук. соч. стр. 59. Прибавка только 2 локтей отъ внутренней поверхности потолка до наружныхъ частей крыши намъ представляется недостаточною. При опредѣленіи вышины зданія мы руководствовались, кромѣ данныхъ текста, архитектурными обычаями и отчасти требованіями пропорціи. Ewald допускаетъ вышину даже во 120 локтей, но безъ достаточнаго основанія; ссылка на зданіе Зоровавеля въ 60 л. и на зданіе Ирода во 120 л. ничего не доказываетъ. Ук. соч. стр. 300 Ему просто не хотѣлось допустить, чтобы башня притвора, имѣвшая (по 2 Пар. 3, 4) 120 л. вышины, была выше самого зданія. I. Флавій, правда, тоже даетъ 120 локтей. Ant. VIII. 3. 2. Но это, кажется, произвольное отожествленіе вышины Соломонова зданія съ Иродовымъ.

[2]) Это необходимое условіе красоты зданія. Зданіе производитъ впечатлѣніе, нарушающее чувство гармоніи, если его ширина слишкомъ велика въ сравненіи съ вышиной (оно тогда смотритъ какъ бы заборомъ) или если она слишкомъ мала (зданіе тогда имѣетъ видъ столба, не имѣющаго своей надлежащей вышины, или башни, которую почему-то не докончили).

тей вышины [1]). Переднюю часть зданія украшали еще двѣ мѣдныя колоны, составлявшія чудо тогдашняго искусства. Онѣ отличались необыкновенно сложною и богатою отдѣлкой и составляли красивый контрастъ съ величавою простотою зданія, предъ которымъ стояли. Онѣ стояли передъ притворомъ, противъ правой и лѣвой стороны его, можетъ быть, по сторонамъ широкой лѣстницы, которая вела въ притворъ[2]). Колонны, пустыя внутри, при толщинѣ стѣнокъ въ 4 пальца [3]), имѣли 12 локтей въ окружно-

---

[1]) 2 Пар. 3, 4. „И притворъ, который передъ домомъ, длиною по ширинѣ дома, въ 20 локтей, а вышиною во 120. И обложилъ его внутри чистымъ золотомъ". Это не значитъ, конечно, что внутренность притвора имѣла 120 л. вышины,—это былъ бы какой-то ни съ чѣмъ несообразный колодецъ... Вышина притвора собственно безъ сомнѣнія не превосходила вышину святилища, и на этомъ пространствѣ онъ могъ быть украшенъ внутри золотомъ. Что касается башни, то она внутри имѣла вѣроятно только лѣстницу. Писатель кн. Паралипомсенонъ, говоря о притворѣ, очевидно опредѣлилъ его наружную вышину въ 40 л. вмѣстѣ съ вышиною башни надъ нимъ въ 80 л. Keil отвергаетъ существованіе башни надъ притворомъ, находя ее непропорціональною зданію, при чемъ онъ даетъ здѣсь послѣднему только 30 локт. вышины въ противорѣчіе съ тѣмъ, что говоритъ далѣе черезъ 4 страницы. Онъ находитъ даже ее невозможною въ архитектурномъ отношеніи по причинѣ будтобы узкости ея основанія. Но и эту узкость онъ фальшиво предполагаетъ на основаніи одного внутренняго измѣренія, умалчивая о толщинѣ стѣнъ, которая несомнѣнно увеличивала ширину основанія почти вдвое. При этомъ онъ напрасно предполагаетъ, что башня должна была имѣть такой же плоскій видъ, какъ и самый притворъ. Приводимые имъ примѣры готическихъ церквей ничего не говорятъ въ его пользу. Ук. соч. стр. 52.

[2]) Ewald утверждаетъ, что колонны стояли не свободно, а въ самомъ притворѣ, поддерживая его потолокъ. Ук. соч. стр. 302. Онъ очевидно основывается на 3 Цар. 7, 19. Но все описаніе въ кн. Царствъ, ст. 15–22, очень темно; въ немъ видна какая-то двойственность. Можно подумать, что здѣсь упоминается мимоходомъ о какихъ-то другихъ колоннахъ, которыя дѣйствительно стояли въ притворѣ. Между тѣмъ по описанію кн. Паралипоменонъ, 3, 15—17, краткому и ясному, не остается сомнѣнія, что колонны, о которыхъ у насъ рѣчь, стояли свободно. За это говоритъ и вышина ихъ въ 35 локтей, потому что внутренняя вышина притвора, если онъ былъ не выше святилища, была только въ 30 локтей. Keil отстаиваетъ свободное положеніе колоннъ. Ук. соч. стр. 76.

[3]) Іер. 52, 21.

сти (около 2 аршиновъ съ половиной въ діаметрѣ) и 18 локтей вышины [1]). Утвержденныя на довольно высокихъ, вѣроятно каменныхъ пьедесталахъ; онѣ имѣли сверху мѣдныя капители въ 5 локтей вышины. Капители имѣли видъ лилій и по своей окружности были очень замысловато украшены. Онѣ были одѣты какими-то сѣтками и увѣшаны цѣпями и фигурами на подобіе гранатовыхъ яблоковъ числомъ до 200 на каждой. Все это было сдѣлано изъ мѣди [2]). Библейское повѣствованіе съ нарочитою подробностію останавливается на описаніи этихъ колоннъ, какъ замѣчательныхъ созданій искусства [3]). Онѣ очевидно имѣли даже особое символическое значеніе, потому что имѣли знаменательныя имена: правая называлась Іахинъ (онъ утвердилъ), лѣвая—Воазъ (въ немъ сила). Естественно предположить, что крѣпкіе мѣдные столбы должны были знаменовать съ одной стороны прочность и долговѣчность священнаго сооруженія, предъ которымъ стояли, съ другой стороны—твердость и несокрушимость царства Іеговы среди Его народа... Другую часть храма составляли окружавшіе святилище дворы. Ихъ было вовсякомъ случаѣ два: внутренній, около самаго святилища, онъ же верхній или священническій, и внѣшній, или великій дворъ для народа [4]). Можно догадываться, что, если не было еще третьяго двора, то во внѣшнемъ дворѣ была особенная часть, выдѣлявшаяся изъ остальныхъ его частей [5]). Она примы-

[1]) 3 Цар. 7, 15. По 2 Пар. 3, 15 вышина колоннъ была 35 л. Вѣроятно въ кн. Цар. опредѣлена только длина мѣдныхъ столбовъ безъ пьедесталовъ и капителей.

[2]) Іер. 52, 22.

[3]) Описаніе ихъ повторяется въ 4 Цар. 25, 16. 17 и у пр. Іереміи, 52, 21—23.

[4]) 2 Пар. 4, 9; 7, 7; 3 Цар. 6, 36; 4 Цар. 21, 5; 23, 12; Іер. 36, 10.

[5]) „Въ тотъ же день освятилъ царь *средняю часть* двора... потому что мѣдный жертвенникъ, который передъ Господомъ (т. е. во внутреннемъ дворѣ) былъ малъ для помѣщенія всесожженія". 3 Цар. 8, 64. „Освятилъ Соломонъ и *внутреннюю часть* двора... такъ какъ жертвенникъ мѣдный, сдѣланный Соломономъ, не могъ вмѣщать всесожженія". 2 Пар. 7 7. На основаніи этихъ мѣстъ можно думать, что часть внѣшняго двора, непосредственно примыкавшая къ внутреннему, составляла особенное мѣсто, можетъ быть, и отгороженное. По отношенію къ внѣшнему двору оно—внутренняя часть, а по отношенію къ обоимъ дворамъ оно—средняя часть.

кала непосредственно къ внутреннему двору и была мѣстомъ молитвеннаго собранія вѣрующихъ, позволяя имъ чрезъ невысокую загородку видѣть, что совершалось во внутреннемъ дворѣ. Остальная же часть внѣшняго двора, расположенная ниже, была занята жилищами священниковъ и левитовъ [1]). Внутреній дворъ былъ огороженъ каменною стѣнкою съ кедровою балюстрадою; внѣшній дворъ тоже очевидно былъ огороженъ, потому что имѣлъ ворота съ вереями, обложеными мѣдью [2]). Пространство дворовъ не обозначено; внутренній дворъ былъ, разумѣется, много меньше внѣшняго. Наибольшее пространство того и другаго лежало несомнѣнно (какъ и въ дворахъ Моисеевой скиніи) съ восточной стороны, предъ лицемъ святилища. Они расположены были не на одной плоскости, а возвышались одинъ надъ другимъ террасообразно и поэтому не закрывали центральное зданіе, а представляли собою величественный пьедесталъ, для него. На внѣшнемъ, или великомъ дворѣ, прямо противъ стятилища и мѣднаго жертвенника предъ нимъ, впереди помѣщенія для народа былъ построенъ изъ мѣди амвонъ въ 5 локтей длинною и шириною и въ 3 локтя вышиною [3]). Это—царское мѣсто при богослуженіи Принадлежности открытаго всенароднаго богослуженія были сосредоточены на внутреннемъ дворѣ, или дворѣ священниковъ. Среди двора, противъ притвора былъ поставленъ большихъ размѣровъ жертвенникъ, въ 20 локтей длиною и шириною и въ 10 локтей вышиною [4]). Снаружи онъ былъ мѣдный, внутри же вѣроятно былъ наполненъ камнями или землей. Противъ юго-восточнаго угла святилища находилось „мѣдное море“ [5]). Это была громадная чаша, вылитая изъ мѣди. Края ея сдѣланы были наподобіе распустившейся лиліи, а подъ краями по окружности вылиты были рельефныя изображенія огурцовъ, числомъ до 600. Она имѣла 10 локтей въ поперечникѣ и 5 локтей глубины. Подставкою ей служили 12 мѣдныхъ воловъ, обращенныхъ головами по 4 странамъ свѣта. Она вмѣщала въ себѣ 2000 батовъ воды [6]) и предназначена

[1]) Іер. 35, 4; 36, 10. [2]) 2 Пар. 4, 9.

[3]) 2 Пар. 6, 13. [4]) 6, 1. [5]) 3 Цар. 7, 39.

[6]) 7, 23—26. По 2 Пар. 4, 5 „до 3000 батовъ“. Можетъ быть въ кн. Цар. показано, сколько обыкновенно вливали, а въ кн. Пар.—сколько могло вмѣститься.

была для омовеній священникамъ [1]). По правую и по лѣвую сторону святилища расположено было 10 умывальницъ меньшаго размѣра, тоже мѣдныхъ, вмѣщавшихъ по 40 батовъ воды. Онѣ утверждались на особаго рода подставкахъ, весьма замысловато сдѣланныхъ, украшенныхъ разными изваяніями (львовъ, воловъ, херувимовъ и вѣнковъ) и снабженныхъ колесами, такъ что умывальницы могли передвигаться съ мѣста на мѣсто, смотря по надобности [2]). Онѣ предназначены были для омовенія жертвъ [3]). Во дворѣ же священниковъ находились и прочія вещи, нужныя при жервоприношеніяхъ: котлы, лопатки, вилки, чаши и проч. Все это было сдѣлано изъ мѣди. Всѣ мѣдные предметы, начиная съ колоннъ, вылиты были Хирамъ-Авіемъ „въ окрестности Іордана, въ глинистой землѣ“ [4])... Важнѣйшую часть храма составляло центральное зданіе—„домъ Господень“ въ тѣснѣйшемъ смыслѣ,—которое мы въ отличіе отъ храма въ обширнѣйшемъ смыслѣ назвали святилищемъ. Простое снаружи, оно внутри отдѣлано было съ неслыханнымъ богатствомъ. Внутренность его состояла изъ трехъ частей. Первая часть—притворъ, въ 20 локтей отъ юга къ сѣверу, въ 10 локтей отъ востока къ западу [5]) и, вѣроятно, въ 30 локтей вышины [6]); за нимъ слѣдовало святое мѣсто, святилище, въ 40 локтей длины, въ 20 ширины и въ 30 вышины [7]); въ самой глубинѣ было святое святыхъ, или давиръ [8]), въ 20 локтей по всѣмъ измѣреніямъ [9]). Всѣ стѣны внутри были обложены кедровымъ

[1]) 2 Пар. 4, 6.

[2]) 3 Цар. 7, 27—39. [3]) 2 Пар. 4, 6. [4]) 4, 16. 17.

[5]) Зданіе передней своей стороной, съ которой былъ входъ въ него, было обращено къ востоку.

[6]) 2 Цар. 6, 3. [7]) 6, 2. Сн. ст. 20.

[8]) Едвали нужно подыскивать какое-либо другое значеніе этому слову, кромѣ того, которое дается значеніемъ слова דָּבַר—говорить. Во святомъ святыхъ стоялъ ковчегъ завѣта. Давши Моисею наставленіе объ устройствѣ ковчега завѣта, Іегова сказалъ: „тамъ (т. е., надъ ковчегомъ) Я буду открываться тебѣ и говорить съ тобою“... Исх. 25, 22. На этомъ, конечно, основаніи въ Вульгатѣ евр. слово „давиръ“ переведено: interior domus oraculi и просто oraculum. 3 Цар. 6, 16. 19. На русскій языкъ слово „давиръ“ можно бы было перевести словомъ: прорицалище, если бы употребленіе не утвердило за нимъ спеціальнаго значенія, заключающаго въ себѣ понятіе о мѣстахъ языческихъ ложныхъ предсказаній.

[9]) 6, 20.

деревомъ; а полъ и, вѣроятно, потолокъ были кипарисовые. Во святомъ святыхъ потолокъ былъ тоже кедровый [1]). Внутренность притвора такъ же, вѣроятно, была обложена кедромъ, потому что была украшена позолотой [2]). Неизвѣстно, куда пошли дорогіе камни и мраморъ, заготовленные еще Давидомъ и потомъ самимъ Соломономъ [3]). Такъ какъ входъ въ притворъ со двора повидимому не имѣлъ дверей (объ нихъ не упомянуто), то можно думать, что онъ представлялъ собою арку, богато украшенную дорогими камнями. Вѣроятно, и карнизы главнаго зданія и боковыхъ пристроекъ тоже были обложены мраморомъ [4]). Кедровая обшивка внутри была покрыта позолотой [5]) и украшена рѣзьбой, изображавшей продолговатые овальные плоды (подобія огурцовъ), распускающіеся цвѣты, листья пальмы и херувимовъ [6]). Позолотой были украшены такъ же полъ, двери и пороги [7]). Святое святыхъ отдѣлялось отъ святилища стѣною [8]) (а не завѣсою, какъ въ скиніи). Въ этой стѣнѣ была дверь изъ масличнаго дерева съ пятиугольными косяками. На половинкахъ дверей была такая же рѣзьба, какъ и на стѣнахъ [9]). При этой двери имѣлась однако и завѣса, составленная изъ дорогихъ тканей разныхъ цвѣтовъ: яхонтоваго, пурпуроваго, багряного и чисто бѣлаго (виссона), съ изображеніемъ на ней херувимовъ [10]). Входъ изъ притвора въ святилище также имѣлъ дверь, изъ кипарисоваго дерева; косяки

---

[1]) 6, 15. 16. По „царствованію Соломона“ въ Душ. Чт. 1873 г. кн. 1. стр. 181, святилище было обложено кедромъ и снаружи. Но это совсѣмъ невѣроятно, и на это нѣтъ указанія въ библіи. Во 2 Пар. 3. 5 говорится тоже о внутреннемъ украшеніи,—позолота по дереву на воздухѣ немыслима. Въ томъ же сочиненіи говорится, что зданіе снаружи было выложено блестящимъ бѣлымъ мраморомъ. Стр. 180. Зачѣмъ же этотъ блестящій мраморъ, если онъ былъ закрытъ досками?

[2]) 2 Пар. 3, 4. [3]) 1 Пар. 29, 2; 3 Цар. 5, 17.

[4]) 2 Пар. 3, 6. [5]) 3 Цар. 6, 21.

[6]) 6, 18. 29; 2 Пар. 3, 5. 7.

[7]) 3 Цар. 6, 30; 2 Пар. 3, 7. Изображенія фигуръ были и снаружи святилища. 2 Пар. 6, 29.

[8]) 3 Цар. 6, 16. [9]) 6, 31. 32.

[10]) 2 Пар. 3, 14.

здѣсь были четырехугольные, изъ масличнаго дерева [1]). Каждая половинка двери по длинѣ своей состояла изъ двухъ частей, подвижно навѣшенныхъ одна на другую [2]), такъ что дверь могла растворяться двояко: во всю ширину, когда обѣ половинки отворялись сполна, и въ половину ширины, когда отгибались только части половинокъ, занимавшія средину двери [3]). И у дверей во святое святыхъ, и у дверей въ святилище петли были изъ золота [4]); поверхность же дверей повидимому была обложена массивными золотыми листами [5]). По стѣнѣ, отдѣляшей святое святыхъ отъ святилища были протянуты какимъ-то образомъ золотыя цѣпи [6]). Съ особенымъ богатствомъ было отдѣлано внутри святое святыхъ. Оно было одѣто „лучшимъ золотомъ на 600 талантовъ“; гвозди, употребленные при этомъ, были тоже золотые, вѣсомъ по 50 сиклей каждый. Прочія помѣщенія (горницы), примыкавшія къ святилищу, также были украшены золотомъ [7]). Въ святилищѣ помѣщались слѣдующіе предметы. Передъ входомъ во святое святыхъ стоялъ „золотой жертвенникъ“ для куреній. Внутри онъ былъ изъ кедроваго дерева, но снаружи весь обложенъ листами изъ лучшаго золота [8]). По правую и по лѣвую сторону „предъ заднимъ отдѣленіемъ храма“, т. е., передъ святымъ святыхъ, стояли 10 свѣтильниковъ, по 5-ти съ каждой стороны [9]). Они были изъ чистаго золота и, вѣроятно, имѣли форму семисвѣщника въ Моисеевой скиніи [10]), т. е. состояли изъ прямаго

---

[1]) 3 Цар. 6, 33. 34. [2]) Ст. 34.

[3]) Keil отвергаетъ такое устройство двери и полагаетъ, что половинки дѣлились не по длинѣ, а поперекъ; такъ что дверь могла отворяться или во всю вышину, или только въ половину вышины. Ук. соч. стр. 62. Но онъ основываетъ свое разсужденіе только на гипотетическомъ опредѣленіи ширины двери въ 4 локтя.

[4]) 7, 5.

[5]) Такъ только можно понимать выраженіе 2 Пар. 4, 22: „двери во св. святыхъ и двери въ святилище были изъ золота“.

[6]) 3 Цар. 6, 21.

[7]) 2 Пар. 3, 8. 9. По умѣренному сравнительно опредѣленію вѣса еврейскаго таланта преосв. Филаретомъ, ук. соч. стр. 268 (срав. Богословскій, указ. соч. т. 2. стр. 11. Braselmann' Bibel-Atlas. 1878 г. стр. 23) 600 талантовъ равняются приблизительно 700 пудамъ. Каждый золотой гвоздь по этому же разсчету вѣсилъ около $^3/_4$ фунта.

[8]) 3 Цар. 6, 20. 22; 7, 48. [9]) 7, 49. [10]) Исх. 37, 17–23.

стержня, въ верхней части котораго изъ боковъ выходили 6 вѣтвей, по 3 со стороны, дугообразно загибаясь къ верху. Вѣтви были расположены въ одной плоскости. И стержень, и вѣтви были не гладкіе, но имѣли видъ стебля колѣнчатаго растенія: каждое колѣно заканчивалось утолщеніемъ въ видѣ яблока; на яблокѣ чашечка на подобіе миндальнаго цвѣтка; изъ цвѣтка выходило слѣдующее колѣно съ такой же вершиной, и т. д. На концахъ вѣтвей и на верхушкѣ стержня было 7 лампадъ. Для оправленія свѣтиленъ сдѣланы были золотые щипцы. Въ святилищѣ было еще 10 столовъ для ежедневнаго возложенія на нихъ 12-ти хлѣбовъ [1]). Они тоже, вѣроятно, были изъ кедроваго дерева и обложены золотомъ [2]). Какъ были разставлены столы и свѣтильники—опредѣлить трудно. Предполагаютъ, что столы стояли параллельно продольнымъ стѣнамъ святилища, свѣтильники передъ ними [3]), или же позади ихъ, близь стѣнъ [4]). Но, имѣя въ виду выраженія: „и свѣтильники... предъ заднимъ отдѣленіемъ храма“ [5])... „И свѣтильники и лампады ихъ, чтобы возжигать ихъ по уставу передъ давиромъ“ [6]),—и то обстоятельство, что въ скиніи Моисеевой свѣтильникъ и столъ стояли передъ завѣсой независимо другъ отъ друга, одинъ на южной сторонѣ скиніи, другой—на сѣверной [7]),—можно думать, что и въ храмѣ Соломоновомъ свѣтильники стояли передъ давиромъ и не въ связи со столами. Повидимому они стояли по сторонамъ золотаго жертвенника и обильно освѣщали богато украшенную стѣну и завѣсу святаго святыхъ. Лампады семисвѣщника въ скиніи были устроены такъ, что свѣтили „на переднюю сторону его“ [8]). Если Соломоновы свѣтильники были устроены такъ же, то они бросали свѣтъ главнымъ образомъ на тотъ предметъ, предъ которымъ поставлены, и такимъ образомъ все пространство святилища освѣщалось мягкимъ отраженнымъ свѣтомъ золотой стѣны давира. Можетъ быть кому-нибудь покажется, что 10 свѣтильниковъ въ рядъ не могли умѣ-

---

[1]) 2 Пар. 4, 8. 19. [2]) 3 Цар. 7, 48. [3]) Keil. Ук. соч. стр. 86—7.
[4]) Въ Braselmann's Bibel-Atlas, рисунокъ Hofacker'a.
[5]) 3 Цар. 7, 49. [6]) 2 Пар. 4, 20. [7]) Исх. 26, 35.
[8]) 25, 37. עַל-עֵבֶר פָּנֶיהָ на сторону лица его, т. е., одною передней стороною своею (По LXX: ἐκ τοῦ ἑνὸς προσώπου).

ститься противъ стѣны давира. На это мы замѣтимъ, что свѣтильники изъ сплошнаго золота не могли быть очень велики, и 15 локтей было достаточно, чтобы они уставились въ рядъ [1]). Что касается столовъ, то они конечно стояли по сѣверной и южной сторонѣ святилища; но каждый столъ стоялъ, надобно думать, не параллельно стѣнѣ, а перпендикулярно къ ней, такъ что онъ представлялся стоящимъ не передъ боковой стѣной, а передъ давиромъ, почему и священникъ, подходившій къ нему для возложенія хлѣбовъ, стоялъ лицемъ къ давиру, и возлагаемое на столъ являлось возложеннымъ передъ давиромъ [2]). Въ святомъ святыхъ находились только величайшія святыни Израиля, перенесенныя сюда изъ святаго святыхъ скиніи Моисеевой. На самой срединѣ его стоялъ ковчегъ завѣта вмѣстѣ со стягами, на которыхъ онъ переносился. Въ ковчегѣ находились двѣ каменныя скрижали, положеныя туда самимъ Моисеемъ. Золотой сосудъ съ манною и жезлъ Ааронов расцвѣтшій находились подлѣ ковчега [3]). Вѣроятно въ соотвѣтствіе увеличенному пространству святаго святыхъ (сравнительно съ величиной его въ скиніи) Соломонъ въ добавленіе къ херувимамъ на крышкѣ ковчега поставилъ по сторонамъ ковчега еще двѣ колоссальныя фигуры херувимовъ, въ 10 локтей (2 сажени) вышиною. Онѣ были изъ масличнаго дерева и покрыты золотомъ. Лицами своими они стояли другъ къ другу и къ ковчегу, крылья же ихъ, въ 5 локтей длины каждое, были распростерты такъ, что одно изъ крыльевъ каждаго херувима касалось стѣны (одно—сѣверной, другое—южной) святаго святыхъ, а другія ихъ крылья сходились другъ съ дру-

---

[1]) Семисвѣщникъ скиніи былъ сдѣланъ изъ таланта золота, Исх. 25, 39, т. е., изъ пуда съ нѣсколькими фунтами. Масса золота въ пудъ—не очень большая масса. Вѣроятно семисвѣщникъ былъ не больше обыкновеннаго столоваго канделябра.

[2]) Предполагаемое размѣщеніе предметовъ въ святилищѣ мы основываемъ на томъ между прочимъ соображеніи, что важнѣйшую часть святилища составлялъ давиръ, и слѣдовательно все въ святилищѣ должно было имѣть отношеніе къ нему, все было обращено къ нему.

[3]) 3 Цар. 8, 9. Исх. 16, Числ. 34 2 17, 7. Когда-нибудь впослѣдствіи и сосудъ съ манною, и жезлъ Ааронов были положены въ самый ковчегъ, какъ объ этомъ можно заключать на основаніи Евр. 9, 4.

гомъ надъ ковчегомъ [1]). Здѣсь, между этими херувимами и мыслилось присутствіе невидимаго и неизобразимаго Обитателя храма.—Изъ представленнаго описанія храма Соломонова видно, что собственно центральное зданіе его было довольно скромныхъ размѣровъ (съ обыкновенный кафедральный соборъ въ губернскомъ городѣ). Но въ этомъ нѣтъ ничего страннаго; потому что святилище евреевъ было не то, что, напр., наши христіанскіе храмы,—оно не должно было вмѣщать въ себѣ многочисленное собраніе вѣрующихъ, а было только жилищемъ Іеговы. Вѣрующіе собирались передъ лицемъ святилища, въ обширный дворъ, окружавшій его. Зданіе Соломона поражало не величиной, а своимъ изяществомъ, а также безпримѣрнымъ богатствомъ украшеній и всей внутренней обстановки. Оно представляло гармоническое соединеніе такой массы всего драгоцѣннаго, какой еще нигдѣ не могъ видѣть еврей, и невольно для него въ этомъ чувственномъ образѣ славы понималась и ощущалась незримая слава Іеговы, Царя вселенной. Правда по своимъ размѣрамъ, даже съ окружавшими дворами и постройками, храмъ Соломоновъ далеко уступалъ многимъ языческимъ храмамъ древности, напр., египетскимъ, развалины которыхъ скорѣе похожи на развалины цѣлыхъ городовъ. Но если мы вспомнимъ, что храмъ Соломоновъ былъ построенъ на горѣ, что вся вершина этой горы, искусно обдѣланная и укрѣпленная исполинскими каменными постройками, имѣла видъ тоже какъ бы зданія, надъ которымъ какъ вѣ-

---

[1]) 3 Цар. 6, 23—28. Keil полагаетъ, что херувимы были обращены лицемъ къ святилищу. Ук, соч. 60). Но выраженіе, 2 Пар. 3, 13 «они стояли... лицами своими къ храму», по нашему мнѣнію не уполномочиваетъ къ такому представленію. Имѣя въ виду выраженіе, 3 Цар. 6, 27 „другія же крылья ихъ *среди храма* сходились крыло съ крыломъ» —мы думаемъ, что выраженіе кн. Паралипоменонъ указываетъ только на то, что лица херувимовъ были обращены не къ наружной которой-либо стѣнѣ святаго святыхъ, а къ внутренней его части. Положеніе херувимовъ на крышкѣ ковчега должно было опредѣлять и положеніе херувимовъ, устроенныхъ Соломономъ. Исх. 25, 20. Это положеніе, сходное въ главномъ съ предполагаемымъ нами положеніемъ Соломоновыхъ херувимовъ, представляетъ болѣе выразительную и изящную группу, чѣмъ предполагаемое Keil'емъ прямое стояніе херувимовъ съ растянутыми обыкновеннымъ образомъ крыльями.

нецъ возвышалась изящная фигура святилища съ его стройною (можетъ быть, мраморною) башнею, съ величественными мѣдными колонами предъ притворомъ и съ балюстрадами дворовъ, террасообразно опоясывавшихъ его подножіе,—то должны будемъ признать, что и храмъ Соломоновъ имѣлъ могущественный, поразительный видъ [1]).

Когда храмъ былъ совсѣмъ готовъ, Соломонъ созвалъ въ Іерусалимъ къ седьмому мѣсяцу (священному у евреевъ) [2]) старѣйшинъ израилевыхъ, начальниковъ колѣнъ и главъ родовъ. Началось торжество перенесенія ковчега изъ Давидовой скиніи и освященія храма [3]) Самъ царь

---

[1]) Жалкое невѣжество и преступное глумленіе звучитъ въ презрительныхъ отзывахъ о храмѣ Соломоновомъ Вольтера и Іог. Дав. Михаэлиса, изъ которыхъ первый говорилъ, что онъ не знаетъ во всемъ древнемъ мірѣ ни одного общественнаго зданія и ни одного храма, который бы былъ такъ малъ, какъ Соломоновъ,—а второй похваляется, что его домъ въ Гёттингенѣ больше, чѣмъ прославленный храмъ Бога Израилева въ Іерусалимѣ. У Hengstenberg'a ук соч. стр. 144. Такъ же близоруко судитъ о храмѣ Соломоновомъ и Reuss. Gesch. d. heilig. Schriften Alt. Testam . Braunschweig. 1882 s. 196.

[2]). Первый день седьмаго мѣсяца праздновался торжественнѣе, чѣмъ остальныя новомѣсячія; въ десятый и пятнадцатый день были великіе праздники. Числ. 29, 1–12. Когда наступалъ юбилей, онъ провозглашался въ седьмомъ мѣсяцѣ. Лев. 25, 8. 10. Онъ соотвѣтствуетъ второй половинѣ октября и первой—ноября. Къ этому времени въ Палестинѣ кончаются всѣ лѣтнія земледѣльческія работы.

[3]) Keil полагаетъ, что освященіе храма произошло не черезъ 7 лѣтъ послѣ начала постройки, а чрезъ 20 лѣтъ, когда Соломонъ окончилъ и постройку своего дворца. Онъ думаетъ, что 7 лѣтъ продолжались только наружныя постройки; внутреннее же убранство шло одновременно съ построеніемъ дворца и продолжалось еще 13 лѣтъ. Основаніе къ такому заключенію онъ находитъ въ томъ, что по кн. Царствъ разсказъ о построеніи дворца вставленъ между описаніемъ наружныхъ построекъ храма и описаніемъ разныхъ предметовъ для храма, вылитыхъ изъ металла, а также въ1—3 стихахъ гл. 9-й. Ук. соч. стр. 88—9. Но по мѣсту разсказа о событіи въ текстѣ далеко не всегда можно судить о дѣйствительной послѣдовательности событій. Если здѣсь, напр., буквально слѣдовать тексту, то придется признать что работы для храма очень надолго были совсѣмъ прерваны, и приготовленіе предметовъ изъ металла началось уже тогда, когда дворецъ Соломона былъ совсѣмъ отстроенъ. Однако самъ Keil повидимому не предполагаетъ этого. Трудно предположить, чтобы Соломонъ, послѣ того какъ совершены были главныя и труднѣйшія работы по обдѣлкѣ горы, по возведенію зданія и убранству его стѣнъ—растянулъ на

шелъ впереди представителей отъ народа, принося на пути безчисленныя жертвы. Шествіе замыкали священники и левиты съ ковчегомъ и другими частями скиніи. Когда при согласномъ пѣніи и могучемъ звукѣ трубъ и кимваловъ ковчегъ былъ поставленъ на свое мѣсто, подъ крылья херувимовъ, и жилище Іеговы было такимъ образомъ со всѣми своими принадлежностями,—послѣдовало внушительное знаменіе, удостовѣрявшее въ божественномъ благоволеніи къ новому храму: густое облако наполнило святилище и привело всѣхъ въ благоговѣйный трепетъ. Соломонъ палъ на колѣни, воздѣлъ руки къ небу и произнесъ молитву, въ которой хотя и не было той теплоты чувства и живости образовъ, какими отличались молитвы Давида, зато видно глубокое и чистое пониманіе откровеннаго ученія о Богѣ Самомъ въ Себѣ и въ Его отношеніяхъ къ человѣку. „Господи Боже Израилевъ!—взывалъ Соломонъ, нѣтъ подобнаго Тебѣ Бога на небесахъ вверху и на землѣ внизу; Ты хранишь завѣтъ и милость къ рабамъ Твоимъ, ходящимъ предъ Тобою всѣмъ сердцемъ своимъ... Поистинѣ, Богу ли жить на землѣ? Небо и небо небесъ не вмѣщаютъ Тебя; тѣмъ менѣе сей храмъ, который я построилъ... Да будутъ очи Твои обращены на домъ сей день и ночь, на мѣсто, о которомъ Ты сказалъ: Мое имя будетъ тамъ... Когда кто согрѣшитъ противъ ближняго своего, и

---

13 лѣтъ приготовленіе только двухъ колоннъ, умывальницъ, столовъ, свѣтильниковъ и прочихъ уже совсѣмъ мелкихъ предметовъ. Такое промедленіе представлялось бы просто непростительнымъ. Что касается 3 Цар. 9, 1.., гдѣ второе явленіе Бога Соломону, бывшее несомнѣнно по окончаніи постройки и дворца, представляется какъ бы отвѣтнымъ на молитву Соломона при освященіи храма, то объ этомъ можно замѣтить слѣдующее, Выраженіе; „Я услышалъ молитву твою“ —молитву при освященіи храма—можетъ и не указывать на то, что откровеніе послѣдовало вскорѣ за молитвою. Божественное благоволѣніе и къ храму, и къ молитвѣ Соломоновой выразилось тотчасъ же въ знаменіяхъ—въ густомъ облакѣ, осѣнившемъ святилище и въ огнѣ съ неба, попалившемъ жертву. Теперешнее же откровеніе, не сомнѣнно грозное во второй своей части, могло послѣдовать и долго спустя по освященіи храма Имѣя въ виду заключающееся въ немъ Божественное прещеніе, мы думаемъ, что оно послѣдовало тогда, когда Соломонъ сталъ уже обнаруживать признаки увлеченія суетою міра сего. Мы увидимъ ниже, какъ и когда послѣднее произошло.

пріидутъ они предъ жертвенникъ Твой, въ храмъ сей; тогда Ты услышь съ неба и произведи судъ надъ рабами Твоими... Если будетъ на землѣ голодъ или моровая язва, или палящій вѣтеръ... будетъ ли какое бѣдствіе или болѣзнь—при всякой молитвѣ, при всякомъ прошеніи, какое будетъ отъ какого-либо человѣка во всемъ народѣ Твоемъ, когда они почувствуютъ бѣдствіе въ сердцѣ своемъ и простругъ руки свои къ храму сему. Ты услышь съ неба, съ мѣста (т. е., настоящаго) обитанія Твоего и помилуй... Если иноплеменникъ, который не отъ Твоего народа, прійдетъ изъ земли далекой ради имени Твоего... и помолится у храма сего; услышь съ неба, мѣста обитанія Твоего, и сдѣлай все, о чемъ будетъ взывать къ Тебѣ иноплеменникъ, чтобы всѣ народы земли знали имя Твое... Когда люди Твои согрѣшатъ предъ Тобою—ибо нѣтъ человѣка, который не грѣшилъ бы—и Ты прогнѣваешься на нихъ и предашь ихъ врагамъ, и плѣнившіе ихъ отведутъ ихъ въ непріятельскую землю, и когда они обратятся и будутъ молиться Тебѣ въ землѣ плѣнившихъ ихъ... обратившись къ землѣ своей и къ храму, который я построилъ имени Твоему, тогда услышь съ неба, съ мѣста обитанія Твоего, молитву ихъ и сдѣлай, что потребно для нихъ... Боже мой! да будутъ очи Твои отверсты и уши Твои внимательны къ молитвѣ на мѣстѣ семъ... не отврати лица помазанника Твоего, помяни милости къ Давиду, рабу Твоему“ [1]). По окончаніи этой молитвы „сошелъ огонь съ неба и поглотилъ всесожженіе и жертвы“[2]). Соломонъ произнесъ торжественное благословеніе на народъ и завершилъ обрядъ освященія храма поразительнымъ количествомъ жертвъ: 22000 воловъ и 120000 овецъ были принесены въ жертву. Послѣдовалъ всенародный праздникъ, продолжавшійся 14 дней. Такъ выполнилъ Соломонъ завѣщаніе Давида о построеніи храма Іеговѣ. Видъ богослуженія и порядки въ средѣ священниковъ и левитовъ остались тѣ самые, которые существовали искони и затѣмъ устроены наилучшимъ образомъ Давидомъ. На долю Соломона выпало устроить блестящую матеріальную

---

[1]) 3 Цар. 8, 23—53; 2 Пар. 6. 4-42.

[2]) 2 Пар. 7, 1.

обстановку богослуженія. Хотя заслуга Соломона и не кажется на первый взглядъ существенною, однако построеніе храма имѣло безспорное и высокое значеніе въ исторіи духовнаго развитія евреевъ. Храмъ Соломоновъ былъ видимымъ воплощеніемъ того подъема національно-государственнаго и религіознаго духа, который обнаружился въ царствованіе Давида, столь богатое событіями и дѣяніями, приводившими въ движеніе народную жизнь въ самыхъ внутреннихъ ея основахъ. Сознаніе національнаго единства и могущества и живая потребность излить благодарность Богу-Создателю и возвеличить Его предъ глазами иноплеменниковъ, не признававшихъ Его, выразились въ стремленіи возвысить и украсить центръ народной жизни, политической и религіозной. Это стремленіе осуществилъ Соломонъ построеніемъ монумента—храма. Обязанный своимъ происхожденіемъ подъему національно-религіознаго духа евреевъ, монументъ этотъ сталъ затѣмъ уже точкою опоры для этого подъема на будущее время. Изъ всѣхъ дѣяній Соломона (кромѣ написанія имъ трехъ богодухновенныхъ книгъ) построеніе храма было самое плодотворное и по своимъ результатамъ самое долговѣчное. Хотя стѣны храма были и разрушены Навуходоносоромъ, но нравственнаго вліянія его на религіозное сознаніе народа не могли уничтожить никакіе халдеи.— Раціоналисты утверждаютъ, что храмъ, построенный Соломономъ, имѣлъ языческій обликъ. „Храмъ былъ построенъ финикійскими мастерами, говоритъ Берто, и очевидно по финикійскимъ образцамъ, хотя съ соблюденіемъ основныхъ чертъ древней Моисеевой скиніи“ [1]). Чувствуя однако неочевидность своей мысли, авторъ старается подкрѣпить ее такими соображеніями: народъ имѣлъ свои высоты, т. е., въ нѣкоторой по крайней мѣрѣ части былъ совершенно (!) преданъ идолопоклонству. Соломонъ былъ богатый роскошный царь, прославленный мудрецъ, мудрѣйшій мужъ своего времени; но онъ стоялъ несомнѣнно на уровнѣ своего времени и своего образованія. Чувство простой религіи Іеговы было чуждо царю, любившему пышность, исскуства и ученость, который, заслуживъ удивле-

[1]) Zur Geschichte der Israelten. s.322.

ніе всѣхъ окрестныхъ народовъ, показалъ себя великимъ и славнымъ именно въ томъ, въ чемъ могли являться величіе и блескъ по мнѣнію образованныхъ народовъ передней Азіи, который поддерживалъ сношенія съ другими народами въ ущербъ самобытности Израиля, который повидимому болѣе заботился о потребностяхъ народовъ, привлекаемыхъ въ Палестину торговлею, чѣмъ о чистотѣ и священной обособленности Моисеева общества вѣрующихъ, который хотя и построилъ храмъ въ Іерусалимѣ, но тамъ же приготовилъ мѣста для поклоненія богамъ моавитскимъ и аммонитскимъ и даже самъ былъ преданъ идолослуженію хананейскому и другимъ [1])... Нужно ли объяснять, что всѣ эти общія разсужденія нисколько не убѣдительны въ смыслѣ доказательства языческой конструкціи храма Соломонова? Мы не можемъ понять, при чемъ тутъ нѣкоторая часть народа, преданная будто бы совершенно идолопоклонству. Если отъ кого зависѣлъ видъ храма, такъ это прежде всего отъ Соломона, потомъ отъ первосвященника и, можетъ быть, отъ нѣкоторыхъ другихъ, близкихъ Соломону въ первое время, лицъ, чтившихъ память Давида и не имѣвшихъ ничего общаго съ частью народа, самымъ своимъ идолопоклонствомъ протестовавшею противъ религіозной централизаціи, задуманной Давидомъ. Что же касается самого Соломоиа, то, имѣя хотя нѣкоторое уваженіе къ даннымъ библейскаго текста, нельзя по тому настроенію Соломона, которое воспреобладало въ немъ во вторую половину царствованія, рѣшительно судить о дѣяніяхъ первой половины царствованія. Берто смѣшиваетъ Соломона первыхъ лѣтъ съ Соломономъ послѣднихъ лѣтъ. Однако разница между тѣмъ и другимъ Соломономъ, хотя и не столь рѣзкая, какою она представляется у нѣкоторыхъ писателей, несомнѣнно существовала, и ее не слѣдуетъ опускать изъ вниманія тому, кто рѣшается произнести приговоръ о дѣлахъ Соломона въ началѣ или въ концѣ царствованія. Эйзенлоръ указываетъ на сходство рѣзныхъ и литыхъ украшеній храма (пальмы, цвѣты, львы и проч.) съ украшеніями ассирійскихъ построекъ, а также на сходство общаго ви-

[1]) Тамъ же.

да храма Соломонова съ видомъ храма Венеры на островѣ Паросѣ, имѣвшемъ финикійское населеніе [1]). Нѣкоторыхъ соблазняютъ колоны передъ притворомъ, которыя имъ кажутся языческими столбами въ честь солнца [2]). Людямъ часто кажется то, что они хотятъ видѣть. Въ опроверженіе преувеличеннаго представленія объ архитектурной зависимости храма Соломонова отъ финикійско-языческаго искусства мы приведемъ основательное разсужденіе Мэрца объ этомъ предметѣ. „Изъ того, что Соломонъ выпросилъ у царя Хирама искуснаго мастера, говоритъ онъ, хотятъ заключать, будто весь храмъ и по плану, и по исполненію былъ произведеніемъ финикійскаго искусства. Однако съ точки зрѣнія искусства этого нельзя доказать. Если библейское повѣствованіе производитъ планъ (храма) въ цѣломъ и частностяхъ отъ Бога, то и храмъ во всякомъ случаѣ долженъ былъ явиться по своему духу чисто-еврейскимъ. Въ самомъ дѣлѣ Соломонъ выпросилъ у Хирама вовсе не архитектора, а только искуснаго въ пластикѣ мастера, который умѣлъ бы выполнить всякія издѣлія изъ металла, дерева и тканей —„все, что будетъ поручено ему". 2 Пар. 2, 14. Задача Хирама состояла такимъ образомъ не въ художественномъ изобрѣтеніи, а только въ механическомъ исполненіи по предложеннымъ ему идеямъ и планамъ. Въ 3 Цар. 7, 14 Хирамъ обозначается преимущественно какъ мастеръ литейнаго дѣла. Строителемъ онъ нигдѣ не названъ. По этому ложно сказанное Винеромъ: существенное участіе въ построеніи храма имѣли иностранные, именно финикійскіе мастера; слѣдовательно нужно думать, что храмъ этотъ по плану и исполненію имѣлъ сходство съ финикійскими [3]). Далѣе названный нами писатель справедливо обращаетъ вниманіе на то, что планъ храма составленъ Давидомъ, который никакимъ образомъ не могъ руководствоваться иностранными образцами. Сходству съ храмомъ Венеры на Паросѣ онъ не придаетъ никакого значенія. Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ означать сходство въ томъ или другомъ отношеніи между храмомъ Соломона и какимъ-ни-

[1]) Указ. соч. стр. 75. [2]) Langhans. Ук. соч. ч. 1. стр. 129.
[3]) Real-Encykl. Herzog. Art. Tempel zu Ierusalem.

будь языческимъ сооруженіемъ,—ужели непремѣнно подраженіе, заимствованіе? Если язычникамъ нравился листъ пальмы, и они изображеніемъ его пользовались для украшенія своихъ религіозныхъ сооруженій, то неужели онъ не могъ понравиться и еврею? И неужели, если онъ употребилъ фигуру пальмы на украшеніе своего храма, то уже непремѣнно подражалъ языческимъ храмамъ? Если величественная колонна служитъ вообще украшеніемъ зданія и даже можетъ быть выразительнымъ символомъ какой-нибудь идеи, то ужели необходимо думать, что еврей поставившій колонны предъ своимъ храмомъ, подражалъ язычникамъ, ставившимъ столбы въ честь солнца?.. Допустимъ, что храмъ Соломоновъ въ общемъ и въ нѣкоторыхъ частностяхъ напоминалъ языческіе храмы. Что же отсюда слѣдуетъ? Только то, что и изъ нѣкотораго сходства законнаго еврейскаго богослуженія съ богослуженіемъ языческимъ, т. е., что и еврей, и язычникъ, какъ люди, не могли не имѣть чего-либо общаго въ формѣ обнаруженія своихъ чувствъ по отношенію къ Высочайшему Существу, что и еврей, имѣя правильное представленіе о Богѣ, нуждался въ воплощеніи идеальнаго въ извѣстныхъ чувственныхъ формахъ, сообразно съ своимъ плотскимъ состояніемъ, и язычникъ, исказившій представленіе о Богѣ, но не забывшій Его, удержалъ въ общихъ чертахъ тѣ же формы воплощенія идеальнаго въ чувственныхъ образахъ. Итакъ нѣкоторое сходство храма Соломонова съ какимъ-либо языческимъ храмомъ (хотя бы съ храмомъ Венеры на Пафосѣ) еще не указываетъ на какую-нибудь языческую тенденцію при его построеніи. Правда, древняя архитектура и пластика развились главнымъ образомъ изъ религіозныхъ построекъ, и въ области этихъ искусствъ были предметы, которые повидимому невозможно было и представить отдѣльно отъ какой-нибудь языческой религіозной идеи, съ ними связанной; но правда и то, что съ однимъ и тѣмъ же предметомъ могутъ быть соединяемы весьма различныя представленія,—напр., язычникъ-римлянинъ представлялъ крестъ только орудіемъ позорной казни, а для христіанъ онъ сталъ символомъ безпредѣльной любви и искупленія. Язычники дѣлали ящики, чтобы носить въ нихъ своихъ боговъ, и у евреевъ былъ ков-

чегъ, чтобы носить въ немъ скрижали заповѣдей. Слѣдуетъ ли отсюда, что ковчегъ завѣта заключалъ въ себѣ языческую идею [1])? Соломонъ украсилъ входъ въ святилище двумя мѣдными колоннами, и язычники ставили столбы въ честь солнца. Слѣдуетъ ли заключать, что мѣдныя колонны были поставлены тоже въ честь солнца? Не думаемъ. Соломонъ впослѣдствіи обнаружилъ холодность къ отечественной религіи, но храмъ онъ строилъ въ то время, когда „возлюбилъ Господа, ходя по уставу Давида, отца своего“, и когда Богъ просвѣтилъ его особенною мудростію, которую онъ не скоро утратилъ.

Когда Соломонъ кончилъ трудное и славное дѣло построенія храма, въ продолженіе котораго его мысли были направлены главнымъ образомъ на предметы религіознаго свойства, онъ обратилъ свою дѣятельность повидимому всецѣло на матеріально-житейскіе интересы: на украшеніе своей собственной домашней обстановки, на возвышеніе блеска своего трона и царства и на изобрѣтеніе средствъ къ тому. Въ этой, болѣе сродной его натурѣ области онъ во всемъ блескѣ развернулъ силу своего генія, собственно мало парившаго къ небу и удовлетворявшагося господствомъ надъ землею съ ея матеріальными благами. Увлекаясь мало-по-малу суетнымъ блескомъ и гоняясь за пріобрѣтеніемъ средствъ для этого блеска, Соломонъ постепенно утрачивалъ то возвышенное настроеніе духа, которое господствовало въ немъ со времени гаваонскаго жертвоприношенія, достигло наивысшей степени въ торжественный моментъ освященія храма и, вѣроятно, еще продолжалось нѣсколько лѣтъ послѣ того. Пріобрѣтая себѣ міровую славу мудрѣйшаго изъ людей, могущественнѣйшаго владыки и обладателя несмѣтныхъ сокровищъ, онъ дальше и дальше уклонялся отъ того образа царя, который начерталъ боговдохновенный законодатель еврейска-

[1]) Ajm старается кого-то убѣдить, что въ ковчегѣ заключались не скрижали заповѣдей, а идолъ, которому поклонялись будто бы евреи Theolog. Briefe. 1B. s. 550 Воображеніе этого автора, когда онъ старается придумать что-либо противорѣчивое прямымъ даннымъ Библіи, до того необуздано, что и утвержденіе, и отрицаніе имъ чего-либо часто не заслуживаютъ никакого опроверженія.

го народа [1]). Сначала истинно мудрый и употреблявшій свою мудрость на благо подданныхъ, какъ справедливый и проницательный судія, какъ искусный кормчій государственнаго корабля, и въ назиданіе всему свѣту, какъ творецъ многочисленныхъ мудрыхъ изрѣченій,--впослѣдствіи онъ повидимому обнаружилъ склонность размѣнивать тяжеловѣсный талантъ своей мудрости на мелкую монету остроумія, въ которомъ любилъ состязаться ради одной славы. Сначала благодѣтельная твердость его самодержавной власти сдѣлалась мало-по-малу гнетущею и возбуждающею недовольство въ подданныхъ; безмѣрное же скопленіе богатства повело къ бозмѣрному развитію роскоши и къ несогласной съ духомъ закона погонѣ за пріобрѣтеніемъ богатства посредствомъ торговли... Но обратимся къ фактамъ, изъ которыхъ одни говорятъ о безспорномъ величіи Соломона, а другіе уже указываютъ на ту наклонную плоскость, по которой онъ шелъ къ своему паденію. Тѣ же рабочія силы, которыя трудились надъ созданіемъ храма, Соломонъ немедленно употребилъ на созданіе собственныхъ палатъ, достойныхъ его царскаго величія. Домъ, въ которомъ жилъ Давидъ на Сіонѣ, былъ хотя и кедровый, и Давидъ совѣстился, что онъ слишкомъ хорошъ въ сравненіи съ жилищемъ Іеговы въ его время, однако Соломонъ уже не могъ удовлетвориться имъ. Кромѣ того домъ Давидовъ да, вѣроятно, и самый Сіонъ были неудобны для Соломона и въ нѣкоторомъ другомъ отношеніи. Писатель кн. Паралипоменонъ замѣчаетъ: „а дочь фараонову (т. е., свою жену) перевелъ Соломонъ изъ города Давидова въ домъ, который построилъ для нея; потому что, говорилъ онъ, не должна жить женщина у меня въ домѣ Давида, царя Израилева; ибо святъ онъ, такъ какъ вошелъ въ него ковчегъ Господень“ [2]). Это признаніе въ устахъ самого Соломона показываетъ во-первыхъ, что Соломонъ самъ сознавалъ незаконность своего брака съ дочерью фараона, во-вторыхъ—что дочь фараонова, ставши и женою Соломона, осталась язычницей, имѣла при себѣ своихъ боговъ и служила имъ по обрядамъ своей религіи [3]). Этимъ только и можно объяснить,

[1]) Втор. 17, 15 20. [2]) Пар. 8, 11.

[3]) Keil предполагаетъ, что она оставила язычество. Основаніе къ

что Соломону какъ бы совѣстно было утвердить свое жилище на священномъ Сіонѣ, резиденціи богобоязненнаго Давида. Жизнь его уже слагалась по иному образцу, далеко несоизмѣримому съ тѣмъ, какой былъ начертанъ закономъ для еврейскаго царя. Чтобы ослабить противорѣчіе между своею, стремившеюся къ наибольшей свободѣ отъ ѳеократическихъ ограниченій, жизнью и преданіями о жизни отца, до самой смерти остававшагося другомъ священниковъ и пророковъ, Соломонъ разсудилъ за благо обосноваться на новомъ мѣстѣ, на которомъ онъ чувствовалъ себя свободнѣе и съ женами-язычницами, и съ другими нововведеніями въ придворной жизни, на которыя строгіе ревнители закона и почитатели памяти Давида не могли смотрѣть благосклонно. Онъ избралъ для своего жилища обширный холмъ, возвышавшійся рядомъ съ

этому онъ находитъ въ томъ, что Соломонъ въ первые годы своего царствованія былъ будтобы безусловно преданъ Іеговѣ, что у евреевъ не было никакихъ слѣдовъ египетскаго идолослуженія и что дочь фараона ясно отличается отъ иноземныхъ женщинъ, которыя увлекли Соломона въ его старости къ идолослуженію. Ук. соч. стр. 30. Основанія эти намъ не представляются вѣскими. Мы видѣли, что о высокомъ благочестіи Соломона въ первые два—три года его царствованія говорить трудно. Притомъ Соломонъ, даже и не имѣя еще самъ ни малѣйшей наклонности къ язычеству, могъ позволить себѣ вступить въ бракъ съ дочерью фараона и по политическимъ разсчетамъ не ставить это въ зависимость отъ перемѣны ею вѣры. Отсутствіе египетскаго идолослуженія у евреевъ ровно ничего не доказываетъ, —не думаетъ же Keil, что такое или другое идолослуженіе распространялось у евреевъ только черезъ женъ Соломоновыхъ. Ничего не значитъ и то обстоятельство, что дочь фараонова не была въ числѣ тѣхъ женщинъ, которыя увлекли Соломона къ идолопоклонству. Соломона очевидно увлекли женщины молодыя, а дочь фараонова въ то время была уже далеко не молодою. На южной вершинѣ горы Масличной de Saulcy нашелъ каменное сооруженіе, которое онъ считаетъ идольскимъ храмомъ, построеннымъ съ соизволенія Соломона. Онъ находитъ въ немъ поразительное сходство съ подобными же египетскими сооруженіями и думаетъ, что здѣсь чествовала своихъ боговъ жена Соломонова, дочь египетскаго царя. Histoire de l'art judaique. Paris. 1862, ed. 2. p. 217—222. Хотя и не видно, чтобы самъ Соломонъ увлекался египетскимъ идолослуженіемъ, однако, покровительствуя религіямъ нѣкоторыхъ женъ-язычницъ, онъ вѣроятно не могъ не позволить и дочери фараоновой служить своимъ богамъ какъ ей хотѣлось.

Сіономъ съ сѣверной стороны послѣдняго и отдѣленный отъ него долиною сыродѣлателей. По отношенію къ горѣ храма онъ приходился съ западной стороны и тоже отдѣлялся отъ нея небольшимъ углубленіемъ, составлявшимъ развѣтвленіе долины сыродѣлателей. Этотъ холмъ получилъ названіе „милло“, т. е., укрѣпленное, или защищенное мѣсто [1]), потому что Соломонъ, поселившись на немъ, обнесъ его стѣною и разсположилъ здѣсь отрядъ тѣлохранителей. Само собою понятно, что этотъ холмъ, одинъ изъ трехъ, на которыхъ расположенъ весь Іерусалимъ, сдѣлавшись жилищемъ царя, сталъ быстро заселяться и образовалъ весьма значительную и оживленную часть города. Вслѣдствіе этого онъ получилъ названіе ,,второй части“, также ,,нижней части города“, въ отличіе отъ первой или древней, т. е., высокаго Сіона [2]). Не всѣ впрочемъ предполагаютъ жилище Соломона въ этой части Іерусалима. Кейль думаетъ, что Соломонъ построилъ себѣ дворецъ на Сіонѣ [3]). Онъ говоритъ, будто выраженіе І. Флавія, что Соломоновъ дворецъ лежалъ напротивъ (ἀντικρὺς) храма [4]), указываетъ именно на сѣверовосточную сторону Сіона. Но, во-первыхъ, указанное выраженіе І. Флавія едвали не составляетъ искаженное пониманіе 3 Цар. 7, 6; во-вторыхъ, если І. Флавій сообщаетъ здѣсь и независимое отъ 3 Цар. 7, 6 свѣдѣніе, то онъ говоритъ только объ одной изъ второстепенныхъ частей дворца, лежавшей съ той стороны главнаго зданія, которая обращена была къ храму,—о мѣстоположеніи дворца нельзя отсюда сдѣлать никакого заключенія; тоже самое могъ сказать І. Флавій, если бы дворецъ находился и на сторонѣ, противоположной Сіону. Не подкрѣпляетъ Кейля и ссылка на вѣроятность, что маккавеи должны были по-

[1]) Такъ, кажется, нужно понимать слово מִלּוֹא, 3 Цар. 9, 15, происходящее отъ מָלָא—наполнять, также—собирать: мѣсто, наполненное, или мѣсто въ которомъ собраны люди для охраны и всякіе запасы на случай осады (Graetz находитъ въ этомъ словѣ даже понятіе окруженія обведенія, напр., стѣною Ук. соч. стр 451. Срав. Суд. 9, 6; Амосъ 6, 8. Въ первомъ изъ этихъ мѣстъ жители Сихема, города, ясно отличаются отъ обитающихъ въ „милло“.

[2]) 4 Цар. 22, 14; Соф. 1, 11.

[3]) Ук. соч. стр. 72. 4) Ant. Lib. VIII. cap. 52.

строить свой дворецъ тамъ, гдѣ былъ дворецъ Соломоновъ,—время маккавеевъ такъ глубоко разнилось отъ времени Соломона, что соображенія первыхъ при выборѣ мѣста для своего жилища едвали согласовались съ соображеніями Соломона, могущественнѣйшаго царя своего времени. Что касается ссылки на 4 Цар. гл. 11 и 2 Пар. гл. 23, изъ которыхъ будтобы ясно слѣдуетъ, что Соломоновъ дворецъ былъ на Сіонѣ, то мы не понимаемъ этой ясности, а самъ Кейль не далъ никакихъ объясненій. Мы думаемъ напротивъ, что 2 Пар. 23, 20, гдѣ говорится о проводахъ царя изъ храма „чрезъ верхнія ворота въ домъ царскій", опровергаетъ Кейля и подтверждаетъ сказанное нами выше о мѣстѣ дворца Соломонова. „Верхнія ворота" предполагаютъ въ сѣверозападномъ углу укрѣпленій, окружавшихъ храмъ [1]). „Верхними" они названы очевидно по возвышенному уровню почвы въ этомъ мѣстѣ. Вѣроятно въ силу послѣдняго обстоятельства сначала сирійцы, а потомъ римляне и укрѣплялись близь этого мѣста, и чтобы господствовать надъ Іерусалимомъ и главнымъ образомъ надъ храмомъ [2]). Если такимъ образомъ положеніе „верхнихъ воротъ" опредѣляется вѣрно, то по плану Іерусалима ясно видно, что 2 Пар. 23, 20 указываетъ положеніе Соломонова дворца именно тамъ, гдѣ былъ второй или нижній (по сравненію съ Сіономъ) городъ, а не на Сіонѣ [3]). Эвальдъ съ своей стороны полагаетъ, что Соломонъ построилъ свой дворецъ на южномъ продолженіи горы храма, называемомъ Офель, или Офла. По его мнѣнію это ясно видно изъ Неем. 3, 25. Здѣсь говорится о починкѣ іерусалимскихъ стѣнъ при Нееміи, и въ данномъ мѣстѣ сказано, что „Фалалъ (чинилъ стѣну) насупротивъ угла и башни, выступающей отъ верхняго царскаго дома, которая у двора темничнаго". Но если о положеніи царскаго дома судить по „двору темничному", а о положеніи послѣдняго по воротамъ темничнымъ, нахо-

---

[1]) Планъ Іерусалима въ Braselmann's Bibel-Atlas.

[2]) Сіонъ былъ хотя и выше, но онъ лежалъ вдали отъ тогдашняго центра города.

[3]) Кейль посвоему, искусственно толкуетъ 3 Цар. 8, 11; между тѣмъ какъ прямой смыслъ этого мѣста рѣшительно опровергаетъ его.

дившимся близъ сѣверовосточнаго угла храма [1]), и если при этомъ принять во вниманіе 2 Пар. 23, 15, гдѣ говорится о „конскихъ воротахъ дома царскаго", находившихся близъ юговосточнаго угла храма [2]), то нужно предполагать домъ царскій не на Офелѣ, а на самой горѣ Моріа, на весьма узкой полосѣ между восточною стороною храма и долиною потока Кедрскаго. Былъ ли тутъ какой-нибудь царскій домъ? Вышеприведенныя данныя убѣждаютъ, что былъ. Но здѣсь ли строилъ и Соломонъ свой дворецъ—это еще вопросъ,—мѣсто это до того тѣсно, что Соломоновы обширныя постройки не могли тутъ умѣститься. Все, что можно вывести отсюда—это то, что послѣдующіе іудейскіе цари, чувствуя свою слабость, построили себѣ новый дворецъ, примыкавшій къ твердынямъ храма съ восточной стороны. Въ этомъ дворцѣ жила Гоѳолія и на пути къ нему чрезъ конскія ворота была убита [3]); внука же ея, царя Іоаса торжественно проводили чрезъ верхнія ворота [4]) въ большой Соломоновъ дворецъ во второмъ городѣ. Неизвѣстно, почему Эвальдъ не обратилъ вниманія на Неем. 3, 26. 31, откуда видно, что въ Офелѣ жили неѳинеи (низшіе храмовые служители) и торговцы. Южный склонъ горы Моріа, не занятый храмомъ, былъ такъ малъ, что, если бы на немъ былъ царскій дворецъ, неѳинеямъ и торговцамъ негдѣ было бы и жить. Да и сомнительно, чтобы позволили этимъ людямъ жить вблизи царскаго дворца. „Только тотъ, кто описываетъ положеніе Іерусалима по планамъ и книгамъ, говоритъ Гретцъ, можетъ утверждать, что дворецъ Соломона былъ построенъ на Офелѣ... Офель составлялъ только постепенное южное пониженіе горы Моріа, не застроенъ и нынѣ, лежитъ внѣ городскихъ укрѣпленій и имѣетъ посерединѣ едва 300 футовъ въ ширину" [5]). Ссылки Эвальда на Ис. 32, 14 и Мих. 4, 8 не могутъ имѣть значенія, потому что въ образныхъ пророческихъ рѣчахъ далеко не всегда можно разобрать, что́ относится вообще къ Іеруса-

[1]) Планъ Іерусалима на картѣ Палестины—Киперта 1860 г. Изд. Военно-типографическаго депо 1861 г.

[2]) Тамъ же.

[3]) 2 Пар. 23, 15. [4]) Ст. 20.

[5]) Указ. соч. стр. 452. Подобное и у Кейля. Ук. соч. стр. 72.

лиму и что́—къ какой-либо отдѣльной его части. Такимъ образомъ наиболѣе спокойно можно остановиться только на предположеніи, что Соломонъ построилъ свой дворецъ на возвышеніи, лежавшемъ къ сѣверу отъ Сіона и къ западу отъ горы храма. Постройка дворца Соломонова продолжалась 13 лѣтъ, вдвое почти долѣе, чѣмъ постройка храма,—и его великолѣпіе должно было отвѣчать трудамъ и драгоцѣнностямъ, которые въ него положены. Къ сожалѣнію описаніе его въ библейскомъ текстѣ очень кратко и еще темнѣе, чѣмъ описаніе храма. Вотъ какія заключенія можно вывести изъ этого описанія. Нѣтъ сомнѣнія, что дворецъ былъ построенъ изъ камня, а не изъ кедра, какъ можно подумать по началу его описанія и потому, что онъ называется „домомъ дубравы Ливанскія“ [1]). „Все это, сказано въ заключеніи описанія, сдѣлано было изъ дорогихъ камней, обтесанныхъ по размѣру, обрѣзанныхъ пилою... И въ основаніе были положены камни дорогіе, камни большіе, камни въ 10 локтей и камни въ 8 локтей. И сверху дорогіе камни обтесанные по размѣру, и кедръ“. Кедръ былъ употребленъ для наружной и внутренней отдѣлки. Онъ былъ употребленъ въ громадномъ количествѣ, отъ чего конечно и произошло наименованіе дворца домомъ дубравы Ливанской. Главное зданіе было во 100 локтей длиною (почти 22 сажени), въ 50 шириною и въ 30 вышиною, около 7 саженей). Оно имѣло три этажа, какъ можно судить по тремъ рядамъ оконъ, расположенныхъ одно противъ другаго, т. е., одно надъ другимъ. Что же касается кедровыхъ столбовъ, о которыхъ говорится очень темно, то они по всей вѣроятности только образовали при каменномъ зданіи четырехъ-ярусную колоннаду [2]). Четыре ряда кедровыхъ столбовъ съ положенными

---

[1]) 3 Цар. 7, 2; 10, 17. Домъ дубравы ливанской, *οἶκος δρυμοῦ τοῦ λιβάνου*. Мы употребили славянское выраженіе вмѣсто русскаго: изъ ливанскаго дерева,—какъ болѣе соотвѣтствующее существу дѣла. Мы сейчасъ увидимъ, что выраженіе это не есть точное обозначеніе матеріала, изъ котораго былъ построенъ дворецъ, а *фигуральное* выраженіе, употреблявшееся для обозначенія дворца Соломонова.

[2]) По 3 Цар. 7, 2 представляется будто все зданіе было утверждено на четырехъ рядахъ кедровыхъ столбовъ: „и построилъ онъ домъ изъ дубравы Ливанской... на четырехъ рядахъ кедровыхъ стол-

на нихъ перекладинами и съ помостомъ, державшимся на 45 столбахъ повидимому представляли нѣчто въ родѣ обширныхъ балконовъ, или террасъ противъ каждаго этажа зданія съ лицевой его стороны. Первый рядъ столбовъ (15 столбовъ съ промежутками въ 1 $^1/_2$ сажени) противъ основанія (высокаго цоколя) дома поддерживалъ террасу перваго этажа; второй рядъ поддерживалъ террасу второго этажа; третій—третьяго этажа, и четвертый рядъ поддерживалъ крышу террасы третьяго этажа Масса кедровыхъ столбовъ и перекладинъ, покрывавшая всю лицевую сторону зданія, дѣйствительно могла казаться лѣсомъ ливанскимъ [1]). Масса столбовъ увеличивалась еще притворомъ, составлявшимъ, такъ сказать, парадныя сѣни, или царскую пріемную и состоявшимъ тоже изъ столбовъ, замѣнявшихъ стѣны. Онъ примыкалъ къ лицевой сторонѣ зданія по срединѣ его и имѣлъ 50 локтей длины и 30 ширины. Предъ нимъ было крыльцо, тоже въ видѣ колоннады малаго размѣра Вслѣдъ за притворомъ въ самомъ зданіи находилась тронъ

бовъ". Но этого невозможно допустить, предполагая, что зданіе было каменное. Несообразность эта можетъ быть устранена, если мы примемъ во вниманіе, что еврейскій предлогъ עַל не во всѣхъ безъ исключенія случаяхъ значитъ: на, надъ. Онъ, напр., значитъ иногда: подлѣ, при, рядомъ. „И нашелъ ее Ангелъ Господень при источникѣ воды—עַל-עֵין הַמַּיִם". Быт. 16, 7. „Какъ сады при рѣкѣ—כְּגַנֹּת עֲלֵי נָהָר... какъ кедры при водахъ—כַּאֲרָזִים עֲלֵי-מָיִם". Числ. 24, 6. Поэтому 3 Цар. 7, 2 можно, кажется, читать такъ: построилъ онъ домъ... при четырехъ рядахъ (съ четырмя рядами) кедровыхъ столбовъ, или: имѣющій при себѣ четыре ряда кедровыхъ столбовъ. Нельзя при этомъ не обратить вниманія на латинскій текстъ этого мѣста, гдѣ противорѣчіе съ ст. 9 и 10 устраняется вольнымъ переводомъ и какъ бы комментаріемъ. „Aedificavit quoque domum... et quatuor deambulacra inter columnas". Deambulacrum - гульбище, мѣсто гулянья, т. е., при домѣ—балконъ, терраса. Слѣдовательно Соломонъ „построилъ домъ.. и четыре террасы между столбами". Здѣсь устраняется всякая мысль о домѣ *на* кедровыхъ столбахъ.

[1]) Почему мы подмостки при строящихся зданіяхъ называемъ лѣсами? Потому очевидно, что густая масса столбовъ и перекладинъ производитъ на насъ впечатлѣніе дремучаго лѣса. Такъ и сплошная колоннада изъ массивныхъ кедровыхъ столбовъ, одѣвавшая зданіе Соломона, произвела на зрителей впечатлѣніе кедроваго лѣса, дубравы ливанской.

ная зала, богато украшенная. Здѣсь стоялъ знаменитый престолъ Соломона изъ слоновой кости, обложенный золотомъ. Предъ нимъ было роскошное подножіе съ шестью ступенями; двѣнадцать львиныхъ фигуръ стояли по краямъ ступеней—шесть на правой и шесть на лѣвой сторонѣ; такія же фигуры были поставлены по бокамъ самаго сѣдалища. Онѣ были символомъ царской силы и достоинства. Въ этой залѣ, сидя на престолѣ, Соломонъ принималъ знатныхъ гостей въ родѣ царицы Савской, иноземныхъ пословъ, подвластныхъ ему царей, и проч. Тутъ же онъ показывался своимъ подданнымъ, имѣвшимъ нужду до него, и производилъ судъ. Въ остальныхъ частяхъ зданія находились конечно внутренніе царскіе покои и разныя помѣщенія для сокровищъ. Позади главнаго зданія помѣщались другія зданія, и главное мѣсто между ними занималъ домъ дочери фараоновой, устроенный повидимому по образцу главнаго зданія—тоже съ притворомъ. Всѣ постройки были обнесены обширной каменной оградой съ надстройкой изъ кедроваго дерева. Изъ дворца былъ устроенъ великолѣпный ходъ къ храму съ лѣстницами и перилами изъ дорогаго краснаго дерева [1]). Кромѣ всего этого Соломонъ разбилъ роскошные сады и рощи [2]). Для города и для своихъ садовъ устроилъ исполинскіе водопроводы и пруды. Остатки этихъ сооруженій сохранились и донынѣ въ 2-хъ часахъ пути отъ Іерусалима, въ Этамѣ [3]). Въ городѣ Соломонъ построилъ цитадель съ надлежащими укрѣпленіями и окружилъ Іерусалимъ стѣною [4]).

Соломонъ обставилъ свою жизнь небывалымъ великолѣпіемъ и пышностію. Дворецъ былъ наполненъ сокровищами всякаго рода, между которыми, какъ на самое замѣчательное и удивительное, дѣписатель указываетъ на золотые щиты. Ихъ было 200 бо́льшаго размѣра по 600 сиклей вѣсу (около 10 фунтовъ) и 300 меньшаго размѣра по 300 сиклей вѣсу [5]). Всѣ сосуды для питья и ѣды во

---

[1]) 3 Цар. 10, 12; 2 Пар. 9, 4. 11. [2]) Еккл. 2, 5; 4 Цар. 25, 4.

[3]) Объ этой мѣстности, кромѣ 1 Пар. 4, 3, 32 и 2 Пар. 11, 6, упоминаетъ и I. Флавій. Ant. Lib. VIII, cap. 7, 3. [4]) 3 Цар. 2, 35.

[5]) 8, 16; 2 Пар. 9, 15.

дворцѣ были изъ золота: „изъ серебра, говорится, ничего не было; потому что серебро во дни Соломоновы считалось ни за что“. Украшенія изъ золота перемѣшивались съ украшеніями изъ драгоцѣнной слоновой кости. Сады оживлялись и украшались присутствіемъ обезьянъ, павлиновъ и, вѣроятно другихъ рѣдкихъ четвероногихъ и птицъ. Сокровища Соломона умножались по обычаю древности дарами подвластныхъ ему царей и разнообразились подарками царей независимыхъ, пріѣзжавшихъ къ нему въ гости. Они состояли въ сосудахъ, въ одеждахъ, въ оружіи и благовоніяхъ [1]). Кони и мулы, находившіеся тоже въ числѣ подарковъ отъ царей, вѣроятно были рѣдкостные и употреблялись для выѣзда самимъ Соломономъ, при чемъ конечно были соотвѣтствующіе остальной обстановкѣ экипажи. Колесницы военныя получались изъ Египта за 600 сиклей серебра каждая [2]). И для торжественныхъ царскихъ выѣздовъ получались колесницы вѣроятно оттуда же за большія деньги. Пышность восточнаго царя немыслима безъ громаднаго количества женщинъ. Уже Давидъ, какъ мы видѣли, не устоялъ противъ силы обычая и имѣлъ болѣе семи женъ и нѣсколько наложницъ. Соломонъ же, любитель пышности, дошелъ въ этомъ отношеніи до чудовищной крайности: у него было 700 женъ и 300 наложницъ [3]). Легко судить поэтому, какъ громадно должно было быть все количество дворцовой прислуги—оруженосцевъ, колесничниковъ, хлѣбодаровъ, виночерпіевъ и проч. Всѣ они были тщательно подобраны изъ людей, видныхъ собою, богато и изящно одѣты и размѣщены въ особо устроенныхъ для нихъ жилищахъ. Они поразили своимъ

[1]) 3 Цар. 10, 24... [2]) Ст. 26 и 29.

[3]) „Раввины справедливо утверждаютъ, что только немногія жены, которыя пользовались особенною благосклонностію или же были царскаго происхожденія, считались царицами. Такъ до сихъ поръ бываетъ на востокѣ, и Китай, Индія, Персія и Турція представляли и представляютъ примѣры этого. Китайскій императоръ имѣетъ множество женщинъ въ своемъ гаремѣ, изъ которыхъ многихъ онъ совсѣмъ не знаетъ. Magalhaeus насчитываетъ ихъ до 3000... Великій моголъ по свидѣтельству путешественниковъ 17 вѣка имѣлъ 1000 женъ. О Даріѣ Кодоманѣ разсказываютъ, что онъ бралъ съ собою въ походъ 350 женъ. Есть свидѣтельство, что у персидскаго царя Хозроя было 12000 женъ“. Philippson. Israel. Bibel. Примѣч. къ 3 Цар. 11, 3.

видомъ царицу Савскую [1]). Для услажденія своего слуха и слуха гостей своихъ Соломонъ имѣлъ хоры пѣвцовъ и пѣвицъ и массу музыкантовъ, игравшихъ на разнообразныхъ инструментахъ [2]). Многочисленный дворъ Соломоновъ потреблялъ громадное количество съѣстныхъ припасовъ, простыхъ и изысканныхъ. Каждый день требовалось 30 кóровъ лучшей пшеничной муки (73 четверти и 5 четвериковъ) и—60 коровъ обыкновенной муки, 10 воловъ откормленныхъ, 20 обыкновенныхъ, изъ стадъ и 100 овецъ. Къ этому присоединялись въ болѣе ограниченномъ количествѣ, какъ лакомство, олени, серны, дикія козы и откормленныя птицы [3]). Всѣ эти припасы представляли ко двору поочередно 12 областныхъ начальниковъ, о которыхъ сказано выше. Эти же начальники доставляли ячмень и солому для коней и муловъ Соломоновыхъ. Послѣ обязательныхъ работъ при постройкахъ это была новая повинность, которой Израиль не зналъ до царей. Правда у Соломона были и свои многочисленныя стада крупнаго и мелкаго скота [4]); но далеко не все, что требовалось для его громаднаго двора, могло найтись на его собственныхъ пастбищахъ, и весьма многое его подданные должны были отдѣлять изъ своего достоянія. Что же касается сокровищъ въ собственномъ смыслѣ и въ особенности золота, то для пріобрѣтенія и умноженія ихъ Соломонъ прибѣгъ

---

[1]) 3 Цар. 10, 5. [2]) Еккл. 2, 8.

[3]) По разсчету, представленному у Keil'a, такимъ количествомъ хлѣба и мяса могли питаться 14000 человѣкъ. Ук. соч. стр. 40. Это заставляетъ думать, что здѣсь исчислены запасы не только для всѣхъ дворцовыхъ служителей съ ихъ семействами, но и для царскихъ тѣлохранителей, корпусъ которыхъ былъ очевидно расположенъ вблизи дворца. У Philippson'a передается, что Александръ В. нашелъ на одномъ столбѣ въ Персеполисѣ замѣтку о ежедневномъ потребленіи при дворѣ Кира Здѣсь значится: 1000 четвериковъ различнаго качества пшеницы, столько же ячменной муки, 400 овецъ, 300 ягнятъ, 100 воловъ, 30 лошадей, 30 козуль, 400 откормленныхъ гусей, 100 гусятъ, 300 голубей,—600 различныхъ мелкихъ птицъ, 3750 галлоновъ вина, 75 галлоновъ свѣжаго молока и столько же квашенаго молока. Israel. Bib. Прим. къ 3 Цар. 4, 23.

[4]) Еккл. 2, 7.

къ торговлѣ [1]). Это для него было тѣмъ удобнѣе, что онъ находился въ тѣсной дружбѣ съ царемъ купцомъ—Хирамомъ. Покореніе Идумеи раздвинуло господство еврейскаго царя до сѣверной оконечности Краснаго моря, представлявшаго открытый путь въ богатыя страны, омываемыя южнымъ океаномъ. Этотъ океанъ и эти страны были недоступны до сихъ поръ самимъ финикіянамъ, тогдашнимъ всемірнымъ мореплавателямъ. Такимъ образомъ въ рукахъ Соломона оказался ключъ къ богатствамъ всего юга, бывшимъ до того времени почти недоступными по причинѣ отдаленности и трудности сухаго пути. И вотъ въ его головѣ возникла блестящая мысль открыть торговлю на новыхъ, отдаленныхъ, но богатѣйшихъ рынкахъ посредствомъ легкаго водянаго пути по Красному морю. Эта мысль была такъ соблазнительна, что Соломонъ не поколебался въ освященный временемъ, закономъ и самою природою страны земледѣльческій бытъ евреевъ внести новый элементъ—торговый, способный въ

---

[1]) Примѣру царя стали конечно подражать и подданные. Еще Hess, признавая, что законъ Моисеевъ не поощрялъ торговлю, оправдывалъ Соломона обстоятельствами его времени, утверждая, что многочисленное населеніе на маленькой землѣ должно было прибѣгнуть къ новымъ средствамъ пріобрѣтенія помимо земледѣлія. Ук. соч. стр. 276—7. За нимъ повторяли эту мысль и другіе. Мы не понимаемъ, какъ можно говорить о недостаткѣ мѣста для земледѣлія въ такое древнее время и въ такомъ государствѣ, какъ Соломоново, которое на основаніи 3 Цар. 4, 21 справедливо признается всѣми обширнѣйшимъ въ древности. Ниоткуда не видно, что именно общенародная нужда заставила Соломона пуститься въ торговыя предпріятія. Hengstenberg, признавая, что торговыя сношенія имѣли вредное вліяніе на религіозную жизнь евреевъ, всетаки оправдываетъ Соломона съ общей точки зрѣнія. По его мнѣнію упрекать Соломона за торговлю значитъ тоже, что упрекать нынѣшнія правительства за покровительство желѣзнымъ дорогамъ, которыя между прочимъ приносятъ съ собою и новые соблазны. Указ. соч. стр. 139 Намъ кажется, что ссылка на желѣзныя дороги здѣсь неудачна и неумѣстна, какъ и на изобрѣтеніе пороха и скорострѣльнаго оружія. Съ общей точки зрѣнія можно почти все оправдать: и яды полезны, смотря по употребленію ихъ, и эпидеміи говорятъ, благотворны въ общей экономіи природы, потому что уничтожаютъ слабыхъ и даютъ просторъ на землѣ для сильныхъ. Но не лучше ли было бы, если бы послѣднее достигалось какъ-нибудь иначе, не посредствомъ эпидемій?..

корень видоизмѣнить прежній строй жизни, подорвать основу благосостоянія массъ—земледѣліе, породить неравенство и злоупотребленіе капиталомъ и даже повліять невыгодно на религіозное міросозерцаніе народа. Послѣднее соображеніе не могло особенно смущать царя-философа, которому повидимому нравились идеи миролюбія и терпимости не только въ политикѣ, но и въ религіи—добродѣтель, способная превращаться въ порокъ и дѣйствительно превратившаяся подъ конецъ у Соломона. Не смущало его и то вліяніе, какое могла произвести торговля на весь складъ народной жизни; потому что это вліяніе могло сгладить тѣ бытовыя особенности земледѣльческаго народа, возникшія въ патріархально-республиканскій періодъ его жизни, которыя съ трудомъ уживались съ стремленіемъ Соломона къ неограниченному самодержавію. Соломонъ вмѣстѣ съ Хирамомъ построили корабли въ гавани Еціонъ-Гаверъ на вершинѣ сѣверовосточнаго залива Краснаго моря и смѣло отправили ихъ въ дальнее плаваніе по южнымъ морямъ [1]). Управлявшіе кораблями отважные финикіяне, поприще которыхъ до сихъ поръ было ограничено Средиземнымъ моремъ и частію Атлантическаго океана, открыли въ южныхъ водахъ богатый рынокъ Офиръ. Гдѣ былъ этотъ Офиръ—вопросъ спорный. Одни предполагаютъ его въ Индіи [2]), другіе—въ южной Аравіи [3]), третьи—въ Африкѣ [4]). Изъ этихъ предположе-

[1]) „Царь Соломонъ сдѣлалъ корабль въ Еціонъ-Гаверѣ... И послалъ Хирамъ на кораблѣ своихъ подданныхъ корабельщиковъ съ подданными Соломоновыми“ 3 Цар 9, 26—7. „Пошелъ Соломонъ въ Еціонъ-Гаверъ.. И прислалъ ему Хирамъ чрезъ слугъ своихъ корабли и рабовъ, знающихъ море, и отправились они съ слугами Соломоновыми въ Офиръ“. 2 Пар 8, 17. 18. „У царя былъ на морѣ Ѳарсисскій корабль съ кораблемъ Хирамовымъ“. 3 Цар. 10, 22. Послѣднее изъ этихъ мѣстъ показываетъ, что Соломонъ не одинъ торговалъ, а вмѣстѣ съ Хирамомъ и съ его помощію. Первое мѣсто со вторымъ можно примирить предположеніемъ, что изъ Финикіи въ Еціонъ Гаверъ были переправлены сначала моремъ, а потомъ сухимъ путемъ готовыя части кораблей и тамъ собраны. Невозможно допустить, чтобы Хирамъ прислалъ совсѣмъ готовые корабли вокругъ Африки: это было, во-первыхъ, неимовѣрно трудно тогда и даже едвали достижимо; во-вторыхъ этому прямо противорѣчитъ 3 Цар. 9, 26.

[2]) Graetz. Ук. соч. стр. 461. Ewald. Ук. соч. стр. 347.

[3]) Keil. Ук. соч. стр. 117. Philippson. Isr. Bibel. стр. 541. Winer. Real-wörterbuch. Art. Ophir. [4]) См. тамъ же.

ній наиболѣе основательнымъ представляется первое. За него говорятъ по крайней мѣрѣ древнія свидѣтельства. У LXX толковниковъ вмѣсто Офиръ поставлено Софира или Суфиръ. Но Софиръ есть древне-египетское названіе Индіи [1]). Если въ еврейскомъ текстѣ, который имѣли предъ собою толковники, стояло Софиръ, то падаетъ само собой главнѣйшее основаніе тѣхъ, которые въ имени Офира, сына Іоктана, родоначальника аравійскихъ народовъ (Быт. 10, 29) видятъ названіе Соломонова Офира и потому предполагаютъ его въ Аравіи. Если же толковники сами замѣнили слово Офиръ словомъ Софиръ, какъ имѣвшимъ отношеніе къ Индіи, то это будетъ свидѣтельство глубокой древности въ пользу предположенія, что Соломоновъ Офиръ былъ въ Индіи или сама Индія. Какъ на другое свидѣтельство древности нужно указать на то, что Іосифъ Флавій Офиръ тоже называетъ Софирой и прямо указываетъ его въ Индіи [2]). Ляссенъ утверждаетъ, что библейскія названія нѣкоторыхъ предметовъ, привозимыхъ изъ Офира, сходны съ санскритскими названіями тѣхъ же предметовъ [3]). Плаваніе въ Офиръ продолжалось три года, что вовсякомъ случаѣ указываетъ на весьма отдаленную страну. Напрасно тѣ, кто хочетъ искать Офиръ въ Аравіи, ссылаются здѣсь на несовершенство древняго мореплаванія, на неизвѣстность пути по Красному морю, на противные вѣтра и проч.,—три года во всякомъ случаѣ слишкомъ много для того, чтобы обогнуть только Аравійскій полуостровъ [4]). Напрасно приводятъ и догадку, что библейское выраженіе: „въ три года разъ приходилъ Ѳарсисскій корабль“—означаетъ будто не то, что плаваніе продолжалось три года, а то, что оно совершалось въ три года разъ [5]). Это—безполезное остроуміе. Чѣмъ же обусловливались бы трехгодичные періоды, какъ не продолжительностію самаго плаванія? Конечно, между приходомъ ко-

---

[1]) Winer. Real-wört. Art. Opnir. Keil. Ук. соч. стр. 113.

[2]) Antidn. Fib. VIII. cap. VI. 4.

[3]) Indische Alterthumskunde. 1847. B. 1. s. 538.

[4]) По вычисленію Lassen'а отъ Еціонъ-Гавера даже до устья Инда парусное судно можетъ дойти во 100 дней. Indische Aeterthumskunde. B. 2. s. 590.

[5]) Keil. Ук. соч. стр. 113. Philippson. Isr. Bibel.

рабля и новымъ отплытіемъ проходило нѣкоторое время, нужное на разгрузку, на новую нагрузку мѣстными произведеніями, на починку корабля или даже на замѣну его другимъ, и проч. Но это время очевидно не могло быть опредѣленнымъ и поэтому не могли образоваться правильные трехгодичные періоды путешествія въ Офиръ. Послѣдніе могли обусловиться только необходимостію употребить приблизительно одинаковое каждый разъ время на плаваніе паруснаго судна до извѣстнаго пункта. Замѣтимъ еще въ заключеніе, что сторонники Аравійскаго Офира, не находя возможнымъ утверждать, чтобы въ предполагаемомъ ими мѣстѣ могли находиться, какъ собственные продукты, всѣ предметы, привозимые Соломону изъ Офира, принуждены обременять свою гипотезу новой гипотезой объ оживленныхъ будтобы торговыхъ сношеніяхъ южной Аравіи съ Индіей и Африкой [1])... Корабль Соломоновъ возвращался изъ Офира съ великимъ богатствомъ, нагруженный золотомъ, серебромъ, драгоцѣнными камнями, слоновой костью, краснымъ деревомъ, а также рѣдкостями—обезьянами, павлинами и, можетъ быть, нѣкоторыми другими [2]) Золота привозилось 420 талантовъ. Берегъ Средиземнаго моря, бывшій во власти Соломона, давалъ возможность и подданнымъ по примѣру царя извлекать богатства изъ окрестныхъ странъ Этотъ родъ пріобрѣтенія несомнѣнно процвѣталъ въ колѣнахъ Завулоновомъ и Иссахаровомъ [3]). Для оживленія сухопутной торговли и именно для облегченія вывоза туземныхъ произведеній и ввоза изъ сосѣднихъ земель Соломонъ заботился объ удобствахъ путей сообщенія. Такъ напр., въ пустынѣ, которую нужно было пересѣкать на пути изъ Дамаска въ оживленную долину Евфрата, Соломонъ воспользовался цвѣтущимъ и обильнымъ водою оазомъ, устроивъ здѣсь все необходимое для остановки каравановъ, для склада и храненія товаровъ, и проч. Такъ возникъ Ѳадморъ [4]), впослѣдствіи знаменитая Пальмира. Предметами вывоза изъ Палестины были пшеница, медъ, оливковое масло и баль-

[1]) Keil. Ук. соч. стр. 116—17. Philippson. Isr. Bibel.
[2]) 3 Цар. 9, 26—28; 10, 11. 22.
[3]) Быт. 49, 13; Втор. 33, 18. 19. [4]) 2 Пар. 8, 4.

замъ [1]). Первые три предмета едвали могли вывозиться въ большомъ количествѣ какъ потому, что потребленіе ихъ въ самой Палестинѣ, густо населеной, было велико, такъ и по громоздкости и сравнительной малоцѣнности этихъ продуктовъ. Самую прибыльную статью вывоза составлялъ вѣроятно бальзамъ, который еще во времена патріарховъ былъ предметомъ вывоза изъ Галаада въ Египетъ [2]). Бальзамъ славился своими цѣлебными свойствами [3]), почему на него былъ конечно большой спросъ, и онъ былъ весьма дорогъ. Не только Египетъ платилъ дань за него Палестинѣ, но безъ сомнѣнія и Индія; потому что за пшеницу, медъ и масло, сколько могъ бы увести ихъ одинъ корабль, Соломонъ не могъ получить столько золота, сколько онъ получалъ изъ Офира. Общее количество золота, стекавшагося отовсюду къ Соломону ежегодно, простиралось до 666 талантовъ. Въ этотъ счетъ не входили частію необязательные, частію обязательные дары отъ зависимыхъ царей и отъ областныхъ начальниковъ, а также пошлины отъ мелкихъ и крупныхъ торговцевъ [4]). Существованіе послѣднихъ доказываетъ положительно, что Соломонъ не одинъ торговалъ, но и вся страна втянулась въ этотъ родъ пріобрѣтенія и обогащенія. Много сокровищъ собиралъ такимъ образомъ Соломонъ, но онъ много и расточалъ. Всего болѣе вѣроятно истощали его казну многочисленныя и дорого стоившія постройки. Любовь Соломона къ постройкамъ несомнѣнна, и вмѣстѣ съ сооруженіями, необходимыми для защиты Іерусалима и всей страны, онъ строилъ роскошные дворцы, сады, водопроводы и, несомнѣнно, дороги, такъ какъ кони и колесницы, вошедшія при немъ въ моду, не могли двигаться по тѣмъ тропинкамъ, по которымъ искони лѣпились мулы и ослы. І. Флавій упоминаетъ о пышныхъ поѣздкахъ Соломона въ красивую и обильную водою мѣстность—Этамъ [5]). Позволительно предположить, что Соломонъ не оставилъ Этамъ въ его полудикомъ видѣ, а построилъ въ этой мѣстности все возможное, чтобы сдѣлать временное пребы-

[1]) Іезек. 27, 17. [2]) Быт. 37, 25. [3]) Іер. 8, 22; 46, 11.
[4]) 3 Цар. 10, 14. 15.
[5]) Antiqu. VIII. 7. 3.

ваніе свое здѣсь наиболѣе удобнымъ и пріятнымъ. Какъ и другіе любители построекъ, Соломонъ не ограничился конечно постройкою дворца въ Іерусалимѣ; можетъ быть не безъ основанія говорятъ, что для лѣтняго времени онъ имѣлъ особый дворецъ съ величественною башнею на прохладной возвышенности Антиливана, противъ Дамаска [1]). Большой расходъ вѣроятно составляли также подарки многочисленнымъ вѣнценоснымъ гостямъ [2]), бывшіе неизбѣжно-обязательными въ силу обычая. Правда, гости являлись къ нему тоже съ богатыми дарами; но мы думаемъ, что самолюбіе Соломона, увлекавшагося, болѣе и болѣе своею славою, не позволяло ему возвращать гостямъ только то, что они принесли. Если мы прибавимъ къ этому, что Соломонъ безъ сомнѣнія собиралъ еще массу сокровищъ нерасточаемыхъ, для одного показу, бывшихъ поэтому мертвымъ капиталомъ [3]), то не будетъ невѣроятнымъ, что онъ иногда терпѣлъ недостатокъ въ оборотномъ капиталѣ. Этимъ только и можно объяснить, что такой богатый царь прибѣгалъ къ займамъ у Хирама и въ уплату долга отдавалъ даже цѣлую область съ 20 городами, что едвали было пріятно національному самолюбію евреевъ [4]). Хираму впрочемъ не понравилась земля, и онъ возвратилъ ее Соломону [5]). Послѣднему конечно пришлось рас-

---

[1]) Пѣснь П. 7, 5; 3 Цар. 9, 19. Eisenlohr. Ук. соч. стр. 82.

[2]) 3 Цар. 10, 24.

[3]) Какія горы золота имѣли обычай скоплять въ своихъ сокровищницахъ древніе монархи, видно изъ многихъ примѣровъ. Добыча Кира отъ завоеваній въ Азіи состояла въ 34000 фунтовъ золота, кромѣ золота въ сосудахъ и украшеніяхъ, и въ 500000 талантовъ серебра. Александръ Мак. взялъ въ Сузѣ изъ сокровищницы персидскаго царя 50000 тал. золота и серебра. Въ Персеполисѣ онъ захватилъ 120000 тал. Всего у него набралось въ Экбатанѣ 180000 тал. Keil. Ук. соч. стр. 88.

[4]) Предположеніе Hess'a, будто Соломонъ подарилъ эти города Хираму, ук. соч. т. 8, стр. 366, намъ не кажется основательнымъ. Хирамъ назвалъ уступленную ему область „землею Кавулъ". 3 Цар. 9, 13. По изслѣдованію Keil'a слово „кавулъ" вѣроятно происходитъ отъ כָּבַל или חָבַל—закладывать, отдавать въ залогъ. Ук. соч. стр. 106. Если это словопроизводство вѣрно, то уже въ самомъ прозваніи земли заключается указаніе на денежное обязательство, лежавшее въ основаніи уступки.

[5]) 3 Цар. 9, 12. 13; 2 Пар. 8, 2.

платиться золотомъ. Такимъ образомъ непомѣрные расходы съ одной стороны и желаніе блистать обиліемъ сокровищъ съ другой—увлекли Соломона къ необычнымъ и неразборчивымъ средствамъ пополненія казны: къ обширнымъ торговымъ предпріятіямъ, къ займамъ, въ нѣкоторомъ родѣ къ продажѣ государственнаго достоянія и, вѣроятно, къ прямымъ налогамъ на народъ. Какъ бы то ни было впрочемъ, Соломонъ съумѣлъ удивить міръ своимъ богатствомъ.

„Царь Соломонъ, говоритъ дѣписатель, превосходилъ всѣхъ царей земли богатствомъ и мудростію... И далъ Богъ Соломону мудрость и весьма великій разумъ и обширный умъ, какъ песокъ на берегу моря. И была мудрость Соломона выше мудрости всѣхъ сыновъ востока и всей мудрости египтянъ. Онъ былъ мудрѣе всѣхъ людей, мудрѣе и Эѳана Езрахитянина, и Емана, и Халкола, и Дарды, сыновей Махола (поэты и мыслители, составители псалмовъ и, вѣроятно, другихъ произведеній съ нравственно-философскимъ содержаніемъ), и имя его было въ славѣ у всѣхъ окрестныхъ народовъ“ [1]). Опытъ своей мудрости Соломонъ показалъ еще на первыхъ порахъ своего царствованія при рѣшеніи въ качествѣ судьи одного весьма затруднительнаго дѣла. Двѣ легкаго поведенія женщины жили въ одномъ домѣ въ небогатой обстановкѣ. Обѣ онѣ имѣли по ребенку, но при тѣснотѣ помѣщенія спали вмѣстѣ. Разъ ночью одна изъ нихъ нечаянно задушила (заспала) своего ребенка. Проснувшись раньше своей сожительницы и увидавъ бѣду, она въ тупомъ отчаяніи рѣшилась овладѣть хотя чужимъ ребенкомъ, и потому подмѣнила спящей мертваго ребенка. Мать живого ребенка конечно сейчасъ же открыла обманъ; но дѣти были еще слишкомъ малы, всего нѣсколькихъ дней, и никому изъ постороннихъ неизвѣстны, потому что женщины жили однѣ; такъ что не было возможности юридически доказать, кому принадлежалъ живой и кому мертвый ребенокъ. Ограбленная женщина представила свое дѣло на судъ царя. На судѣ та и другая женщина называли живаго ребенка своимъ. „Подайте мечъ!“—сказалъ

[1]) 2 Пар. 9, 22; 3 Цар. 4, 29—31.

Соломонъ. Засверкалъ принесенный мечъ. „Разсѣките живое дитя надвое, говоритъ повелительнымъ тономъ царь, и отдайте половину одной женщинѣ и половину другой". Тутъ произошла поразительная, полная жизненной правды сцена. Настоящая мать пришла въ ужасъ,— „волновалась, сказано, вся внутренность ея отъ жалости къ сыну своему"—и умоляла царя отдать ребенка своей злодѣйкѣ, лишь бы онъ остался въ живыхъ; а та, напротивъ, съ тупымъ равнодушіемъ говорила: „пусть же не будетъ ни мнѣ, ни тебѣ, рубите"! Истина открылась, какъ день, и настоящая мать получила своего ребенка. Весь Израиль былъ пораженъ мудростію царя. Не нужно обольщаться впечатлѣніемъ кажущейся простоты Соломонова поступка и думать, что онъ не заслуживалъ той славы, какая ему приписана. Все кажется простымъ, что извѣстно. Но найти простой исходъ изъ неизвѣстности можетъ только дѣйствительно мудрый. Если бы вообще судьи въ затруднительныхъ случаяхъ умѣли, подобно Соломону, заставлять говорить саму природу; то истина меньше страдала бы, и зло рѣже оставалось бы безнаказаннымъ. Въ раннюю и лучшую пору дѣятельности своихъ духовныхъ силъ Соломонъ произвелъ на свѣтъ знаменитую „Пѣснь пѣсней"—произведеніе, въ которомъ онъ всего ближе стоитъ къ своему отцу-пророку, въ которомъ царитъ пламенное чувство и высшее созерцаніе. „Пѣснь пѣсней" Соломона—это дивное сочетаніе образовъ, навѣянныхъ цвѣтущею дѣйствительностію, съ прозрѣніемъ въ божественную тайну духовно-нравственнаго бытія. Но духовный складъ Соломона въ сущности глубоко разнился отъ Давидова, и главная масса его позднѣйшихъ произведеній отразила на себѣ особенность этого склада. Гимны, или псалмы, которыми прославился Давидъ, не были предметомъ творчества Соломонова. Памяти потомства переданы только два псалма съ его именемъ—72 и 127-й. Правда, онъ былъ авторомъ еще 1005 пѣсней, произведеній повидимому лирическаго характера; но мы совершенно не знаемъ, какія это были пѣсни. Если онѣ были похожи на то, что представляетъ книга „Пѣснь пѣсней"; то непонятно, какимъ образомъ онѣ утратились для потомства. Можно догадываться, что онѣ были иного характера, чѣмъ тѣ на-

мятники, которыми наполнялись страницы свящ. книгъ еврейскихъ. Можетъ быть въ нихъ было слишкомъ мало или даже вовсе не было религіознаго элемента, и потому въ литературѣ еврейскаго народа онѣ не получили права гражданства. Зато Соломонъ обогатилъ литературу своего народа произведеніями дидактическаго характера. Его умъ стремился формулировать правила благоповеденія, разумнаго дѣйствованія. Его задачею было научить „познавать мудрость и наставленіе, понимать изреченія разума; усвоить правила благоразумія, правосудія, суда и правоты; простымъ дать смышленость, юношѣ—знаніе и разсудительность“ [1]). Онъ училъ: „главное—мудрость; пріобрѣтай мудрость всѣмъ имѣніемъ твоимъ пріобрѣтай разумъ. Высоко цѣни ее... Храни здравомысліе и разсудительность, и онѣ будутъ жизнію для души твоей и украшеніемъ для шеи твоей. Тогда безопасно пойдешь по пути твоему, и нога твоя не споткнется... Блаженъ человѣкъ, который снискалъ мудрость, и человѣкъ, который пріобрелъ разумъ. Потому что пріобрѣтеніе ея лучше пріобрѣтенія серебра, и прибыли отъ нея больше, нежели отъ золота... Храни заповѣдь отца твоего и не отвергай наставленіе матери твоей; навяжи ихъ навсегда на сердце твое, обвяжи ими шею твою... Не будь мудрецомъ въ глазахъ своихъ; бойся Господа и удаляйся зла... Не ссорься съ человѣкомъ безъ причины, когда онъ не сдѣлалъ тебѣ зла. Не соревнуй человѣку, поступающему насильственно, и не избирай ни одного изъ путей его... Отвергни отъ себя лживость устъ и лукавство языка удали отъ себя. Глаза твои пусть прямо смотрятъ, и рѣсницы твои да направлены будутъ прямо передъ тобою. Обдумай стезю для ноги твоей, и всѣ пути твои да будутъ тверды. Не уклоняйся ни направо, ни налѣво; удали ногу твою отъ зла... Пойди къ муравью, лѣнивый, посмотри на его дѣйствія и будь мудрымъ. Нѣтъ у него ни начальника, ни приставника, ни повелителя; но онъ заготовляетъ лѣтомъ хлѣбъ свой, собираетъ во время жатвы пищу свою... Немного поспишь, немного подремлешь, немного, сложивъ руки, посидишь; и прійдетъ, какъ прохожій, бѣдность твоя и нужда твоя,

[1]) Прит. 1, 2—4.

какъ разбойникъ“ [1])... Таковы въ общемъ назиданія Соломона. Форма наученія, усвоенная и усовершенствованная Соломономъ, была притча. Это—передача какой-нибудь идеи въ живомъ и сильномъ выраженіи, впечатлѣніе отъ котораго усиливается или соединеніемъ противоположныхъ мыслей, или смѣлою метафорою, или сравненіемъ, или разительнымъ примѣромъ изъ окружающей природы. Всѣ эти свойства притчи можно видѣть въ приведенныхъ выше примѣрахъ Соломоновыхъ назиданій. Когда метафора усиливается, когда мысль только намекается въ смѣлыхъ подобіяхъ и сравненіяхъ, притча становится „замысловатою рѣчью, словомъ мудреца, загадкою“ [2]). Напримѣръ: „у ненасытимости двѣ дочери: давай, давай! Вотъ три ненасытимыхъ и еще четвертая, которыя не скажутъ: довольно! Могила, утроба безплодная, земля, которая не насыщается водою, и огонь, который не говоритъ: довольно!... Три вещи непостижимы для меня, и еще четвертой я не понимаю: пути орла на небѣ, пути змѣя на скалѣ, пути корабля среди моря и пути мужчины къ дѣвицѣ... Отъ трехъ трясется земля, и еще четвертой она не можетъ носить: раба, когда онъ дѣлается царемъ; глупаго, когда онъ досыта ѣстъ хлѣбъ; позорную женщину, когда она выходитъ замужъ, и служанку, когда она занимаетъ мѣсто госпожи своей... Есть четыре малыхъ на землѣ, но они мудрѣе мудрыхъ: муравьи—народъ несильный, но лѣтомъ заготовляютъ пищу свою; горныя мыши—народъ слабый, но ставятъ домы свои на скалѣ; у саранчи нѣтъ царя, но выступаетъ вся она стройно; паукъ лапками цѣпляется, но бываетъ въ царскихъ чертогахъ“ [3]). Безъ сомнѣнія подобнаго рода притчи не сочинялись на бумагѣ, а были плодомъ устныхъ бесѣдъ, въ которыхъ мудрецъ, или желая испытать проницательность своихъ собесѣдниковъ, или имѣя въ виду запечатлеть какъ можно глубже въ душѣ своихъ слушателей какую-нибудь практическую истину, задавалъ какъ бы загадку. Эту загадку или сами собесѣдники отгадывали иногда съ большимъ, иногда съ мень-

---

[1]) 4, 7. 8; 3, 21—23; 3, 13. 14; 6, 20. 21; 3, 7; 3, 30. 31; 4, 24—27; 6, 6—8. 10. 11.

[2]) 1, 6. [3]) 30, 15—28.

шимъ усиліемъ, или мудрецъ разрѣшалъ самъ. Въ томъ и другомъ случаѣ интересъ состязанія и умственное усиліе, употребленное на разрѣшеніе задачи, глубоко запечатлѣвали въ душѣ существенный предметъ бесѣды. Напр., мудрецъ задумалъ преподать человѣку, гордому своею силою и своимъ умомъ, урокъ труда разумнаго, свободнаго, побѣждающаго всѣ препятствія и не нуждающагося въ приставникѣ съ палкою въ рукѣ. Для этого онъ заставляетъ своихъ слушателей подумать надъ слѣдующей задачей: есть четыре малыхъ на землѣ, но они мудрѣе мудрыхъ, т. е., есть нѣкоторыя ничтожества на землѣ, но онѣ поступаютъ такъ разумно, что даютъ урокъ и человѣку. И вотъ человѣкъ къ стыду своему приходитъ или доводится до мысли, что ничтожный муравей умнѣе многихъ людей, что презрѣнная мышъ изобрѣтательнѣе и настойчивѣе ихъ, что едва появившаяся на свѣтъ, еще безкрылая саранча не нуждается въ начальствѣ и свободно дѣлаетъ то, что слѣдуетъ дѣлать. Такими и подобными притчами поучалъ Соломонъ и заслужилъ громкую славу во всемъ тогдашнемъ образованномъ мірѣ. „И приходили отъ всѣхъ народовъ послушать мудрости Соломона, отъ всѣхъ царей земныхъ, которые слышали о мудрости его“ [1]). Онъ изрекъ 3000 притчей. Кромѣ того „онъ говорилъ о деревахъ—отъ кедра, что въ Ливанѣ, до иссопа, выростающаго изъ стѣны; говорилъ и о животныхъ, и о птицахъ, и о пресмыкающихся, и о рыбахъ“. Что онъ говорилъ объ этихъ предметахъ, составляющихъ въ своей совокупности два наиобширнѣйшія царства природы, мы не знаемъ. Можетъ быть онъ не передавалъ свѣдѣнія о нихъ особо, съ одной естественно-научной точки зрѣнія, а только пользовался знаніемъ ихъ свойствъ и особенностей въ притчахъ для разъясненія нравственныхъ истинъ (иди къ муравью, лѣнивый; поревнуй пчелѣ, и пр.) [2]); но и въ послѣднемъ случаѣ мас-

---

[1]) 3 Цар: 4, 34.

[2]) На эту мысль наводитъ I. Флавій: «о всякомъ видѣ дерева, говоритъ онъ, Соломонъ изрекъ притчу (*παραβολὴν*) Antiqu. VIII. 2. 5. Правда, Ewald думаетъ, будто I. Флавій въ этомъ случаѣ заблуждался, и утверждаетъ съ своей стороны, что Соломонъ положилъ начало настоящей естественной исторіи, ук. соч. стр. 358; однако догад-

са его познаній о природѣ могла приводить въ изумленіе современниковъ. Это изумленіе, это преклоненіе предъ его авторитетомъ въ разсматриваемой области знанія перешли и къ отдаленному потомству, достаточнымъ доказательствомъ чему служитъ видная роль, которую играютъ въ восточной народной медицинѣ разные чудодѣйственные Соломоновы корни, заклинанія, и проч. І. Флавій говоритъ, что Богъ помогъ Соломону изучить науку противъ злыхъ духовъ на пользу и исцѣленіе людей, что онъ составилъ заговоры, которыми облегчаются болѣзни, и оставилъ заклинанія, посредствомъ которыхъ изгоняются демоны навсегда [1]). Хотя это очевидно принадлежитъ къ числу черезчуръ смѣлыхъ положеній іудейскаго историка тамъ, гдѣ возможны только предположенія; тѣмъ не менѣе приведенное свидѣтельство имѣетъ значеніе, какъ отголосокъ преданія о давно прошедшей дѣйствительности, заключавшей въ себѣ нѣкоторую основу для той формы, въ какой записалъ его Флавій. По свидѣтельству двухъ древнихъ писателей, приводимому тоже І. Флавіемъ [2]), Соломонъ не ограничивался устными бесѣдами; онъ прибѣгалъ и къ письму, когда желалъ блеснуть мудростію и остроуміемъ предъ отсутствующимъ. Такъ, онъ будто бы велъ переписку съ Хирамомъ, и послѣдній не могъ разрѣшить загадокъ Соломоновыхъ. Если это правда (сомнѣваться въ этомъ, кажется, нѣтъ серьозныхъ основаній), то нельзя не замѣтить здѣсь, что Соломонъ получилъ наклонность тщеславиться и мудростію своею, какъ и всѣмъ другимъ, дѣлая изъ Божьяго дара употребленіе, несовсѣмъ достойное [1]). Нѣкоторые любопытные нарочно пріѣзжали въ Іеру-

ку свою ничѣмъ рѣшительно не подтверждаетъ. Diestel напротивъ представляетъ дѣло именно такъ, какъ думалъ І. Флавій. Real-Encykl. von Herzog. Art. Salomo.

[1]) Antiqu. VIII. 2. 5.

[2]) Менандра и Діона. Ant. VIII. 5. 3.

[3]) Откуда Соломонъ почерпалъ свои знанія? Первымъ и важнѣйшимъ источникомъ знаній, которыми онъ вѣроятно всего болѣе удивлялъ иностранцевъ, были безъ сомнѣнія свящ. еврейскія книги. Знаніе жизни человѣческой и окружающей природы онъ пріобрѣлъ собственнымъ опытомъ и наблюденіемъ, а также изъ бесѣдъ съ опытными людьми изъ своего народа и со многими иностранцами, посѣщавшими Іерусалимъ. Любознательный царь, проводившій мирную жизнь, имѣлъ много свободнаго времени для этихъ бесѣдъ.

салимъ для устной бесѣды съ мудрымъ царемъ. Къ числу таковыхъ принадлежала царица Савеевъ [1]), которая, услышавъ о славѣ Соломона, пришла „испытать его загадками". Вѣроятно она тоже славилась мудростію. Она явилась въ Іерусалимъ со всею пышностію восточной повелительницы; верблюды ея были навьючены разными драгоцѣнностями и между прочимъ благовоніями, которыми попреимуществу изобиловала ея страна. Здѣсь она бесѣдовала съ Соломономъ обо всемъ, что занимало ея умъ. „И объяснилъ ей Соломонъ всѣ слова ея, и не было ничего незнакомаго царю, чего бы онъ не изъяснилъ ей" [2]). Затѣмъ она внимательно осмотрѣла роскошныя постройки Соломона, порядки, заведенные при дворѣ, богослуженіе въ храмѣ и проч. и призналась, что увидѣнное ею своими глазами далеко превосходило (какъ это рѣдко бываетъ) все слышаное ею о мудрости и богатствѣ Соломона. На прощаньи она поднесла Соломону богатые подарки, въ числѣ

---

[1]) Сава—царство и городъ въ счастливой Аравіи, по общепринятому нынѣ мнѣнію. Keil. Ук. соч. стр. 118. Philippson. Isr. Bib. стр. 542. Winer. Realwört. Art. Scheba. Но замѣчательно, что I. Флавій царицу Савскую считалъ царицею Египта и Еѳіопіи. Ant. VIII. 6. 5. Обыкновенно считаютъ это чистымъ заблужденіемъ іуд. историка. Но съ чего же взялъ это Флавій? Въ нѣкоторыхъ случаяхъ можно по крайней мѣрѣ догадаться о цѣли, съ которою онъ передаетъ что-нибудь невѣрно; а здѣсь и цѣли никакой придумать нельзя. Не основывался ли онъ на томъ, что Ис. 43, 3 и 45, 14 Египетъ, Еѳіопія и Савея стоятъ въ очевидной связи? Упоминаемая здѣсь Савея была земля, населенная потомками Севы, סְבָא который былъ сыномъ Хуша, брата Мицраимова. Быт. 10, 7. Землю эту предполагаютъ въ Африкѣ. Гостья же Соломонова была царицею Савы, или Шавы, שְׁבָא земли, жителей которой можно считать потомками Шевы, племянника вышеупомянутаго Севы. Если эта Шава была и въ Аравіи, то ничто не препятствуетъ думать, что жители той и другой были родственны и управлялись, если и не однимъ лицомъ, то одною династіею. Нельзя не обратить также вниманія на то, что съ одной стороны въ Африкѣ извѣстенъ Нильскій островъ Мероe, который именно и считаютъ Африканской. Савеей (Winer. Art. Aetiopien); съ другой стороны и Аравійскую Саву греки называли Маріава (Art. Scheba). Если прибавимъ наконецъ ко всему вышесказанному, что въ Африкѣ и теперь существуетъ преданіе, будто династія королевства Шоа ведетъ свой родъ отъ царицы Савской (Чт. въ общ. люб. дух. пр. 1882 г. Окт. стр. 343); то убѣдимся, что трудно считать утвержденіе I. Флавія ни на чемъ не основаннымъ.

[2]) 3 Цар. 10, 3.

которыхъ была невиданная дотолѣ въ Іерусалимѣ масса благовоній. Соломонъ не остался у нея въ долгу и отдарилъ ее сообразно съ своею репутаціей богатѣйшаго царя: все, что ей нравилось особенно, и у нея вырывалось желаніе имѣть то же,все, что она безцеремонно попросила, онъ отдалъ ей и сверхъ того одарилъ тѣмъ, чѣмъ самъ еще счелъ нужнымъ и приличнымъ одарить.

Исполнительная дѣятельность по управленію текущими государственными дѣлами была при Соломонѣ въ надежныхъ рукахъ, по крайней мѣрѣ въ первую половину его царствованія. (Не такъ очевидно было въ концѣ царствованія, когда между лицами, облеченными довѣріемъ царя, были даже такія, какъ Іеровоамъ). Это, вмѣстѣ съ отсутствіемъ войны, еще болѣе увеличивало досугъ царя-строителя, царя-любителя свободныхъ знаній и удовольствій. Не вмѣшиваясь въ подробности управленія, онъ только руководилъ и создавалъ наилучшіе, какъ ему казалось, способы крѣпко и со славой держать въ рукахъ бразды правленія. Не въ этомъ ли между прочимъ заключалась причина того, что его замыслы были смѣлы и блестящи, но не довольно практичны?.. Высшія придворныя и государственныя должности были у Соломона частью тѣ же, что у Давида, частію новыя, обязанныя своимъ происхожденіемъ новымъ потребностямъ. Прежнія должности занимали частію тѣ же лица, частію дѣти Давидовыхъ сановниковъ. Главнокомандующимъ войсками послѣ казни Іоава сталъ Ванея, начальникъ царской стражи при Давидѣ [1]). Въ должности писцовъ были два сановника, Елихорефъ и Ахія, сыновья Сусы, Давидова писца. Дѣписателемъ оставался Іосафатъ. Вѣроятно онъ вступилъ въ должность при концѣ царствованія Давида. Завѣдующій государственными податями былъ Адонирамъ. Подъ податями нужно разумѣть не только подати въ собственномъ смыслѣ, но и всякія повинности, какъ напр., обязательныя работы на царя и на государство. Поэтому и сказано 3 Цар. 5, 14, что Адонирамъ начальствовалъ надъ 30000 израильтянъ, рубившихъ кедры на Ливанѣ [2]). Первосвященникомъ при Соломонѣ былъ Са-

[1]) 3 Цар. 4, 2...

[2]) Безъ сомнѣнія этотъ Адонирамъ и Адорамъ, завѣдывавшій

докъ [1]). Его сынъ, Азарія тоже принадлежалъ къ числу высшихъ сановниковъ при дворѣ. Повидимому онъ былъ особымъ придворнымъ священникомъ, т. е., исполнялъ по отношенію къ царю и его семейству то, что остальные священники обязаны были исполнять въ храмѣ и внѣ его по отношенію ко всѣмъ евреямъ [2]). Садокъ вѣроятно не долго уже жилъ при Соломонѣ, такъ какъ былъ очень старъ, и послѣ него первосвященствовалъ который-нибудь изъ его сыновей [3]). Друзей-совѣтниковъ у Соломона было меньше, чѣмъ у Давида—всего одинъ; это—Завуѳъ, сынъ Наѳана, священника. Новыхъ должностей, учрежденныхъ Соломономъ, было двѣ. Во-первыхъ, должность начальника надъ домомъ царскимъ, которую занималъ нѣкто Ахисаръ. Онъ былъ въ нѣкоторомъ родѣ министромъ двора. Происхожденіе этой должности обусловливалось громадностію Соломо-

---

податями при Давидѣ, не одно и тоже лицо, какъ склоненъ думать Keil. Указ. соч. стр. 35. Адонирамъ пережилъ даже Соломона и умеръ уже при Ровоамѣ, притомъ насильственною смертію. 3 Цар. 12, 18.

[1]) 3 Цар. 4, 4. Тутъ же упомянутъ и Авіаѳаръ, низложенный Соломономъ. Почему онъ упомянутъ? Едвали потому, что онъ былъ лишенъ только должности, но не священства, какъ думаетъ Keil, на основаніи толкованія Ѳеодорита. Ук. соч. стр. 35. Гораздо естественнѣе объяснить это тѣмъ, что Авіаѳаръ былъ же при Соломонѣ первосвященникомъ нѣкоторое время, до своего низложенія; слѣдовательно дѣписатель имѣлъ основаніе упомянуть и объ немъ.

[2]) Можетъ быть тѣмъ же былъ Ира священникъ при Давидѣ 2 Цар. 20, 26.

[3]) По мнѣнію Ewald'a, тогда какъ у Давида первымъ лицомъ былъ будтобы Іоавъ, у Соломона первымъ лицомъ былъ первосвященникъ, въ силу уваженія, которымъ будтобы пользовалась религія при немъ. Ук. соч. стр. 336. Весьма странное предположеніе. Въ воинственное царствованіе Давида Іоавъ по необходимости игралъ наиболѣе выдающуюся роль. Если же дѣятельность первосвященника была незамѣтна (это впрочемъ не значитъ еще, что онъ бездѣйствовалъ), то конечно не по недостатку уваженія къ религіи при Давидѣ. Но и первосвященнику при Соломонѣ приписывать первенствующую роль нѣтъ никакихъ фактическихъ основаній. Говорить объ особенномъ уваженіи къ религіи при Соломонѣ послѣ царствованія Давида болѣе, чѣмъ странно. Разсужденіе Ewald'a похоже на то, какъ если бы мы сказали: у Давида былъ первымъ лицомъ первосвященникъ, въ силу уваженія, которымъ пользовалась при немъ религія; у Соломона же—военачальникъ, въ силу особеннаго интереса, какой Соломонъ обнаруживалъ къ войнѣ...

нова двора сравнительно не только съ Сауловымъ, но и съ Давидовымъ. Впослѣдствіи, какъ и слѣдовало ожидать, какъ это бывало и у не евреевъ, эта чисто придворная должность получила весьма важное значеніе и въ государствѣ [1]). Во-вторыхъ, Соломонъ учредилъ должность начальника надъ приставниками, которые поставлены были имъ въ 12-ти областяхъ царства. Этимъ начальникомъ былъ поставленъ Азарія, сынъ пророка Наѳана [2]). Его должность вмѣстѣ съ придворнымъ значеніемъ могла имѣть и общегосударственное; такъ какъ онъ былъ начальникомъ надъ блюстителями интересовъ царя, разсѣянными по всему государству. Мы уже видѣли, что послѣднихъ можно считать первыми органами центральной власти, водворившимися среди народа. Когда центральная власть имѣетъ еще ограниченное количество своихъ органовъ, послѣдніе частію по необходимости, частію произвольно постепенно расширяютъ свои полномочія и вступаютъ въ борьбу съ проявленіями народной жизни, идущими въ разрѣзъ съ интересами единовластія. Такимъ образомъ, если Ахисаръ былъ министромъ двора, то Азарію можно разсматривать какъ министра внутреннихъ дѣлъ.—Разсматривая составъ Соломоновыхъ сановниковъ, мы видимъ, что онъ въ общемъ напоминалъ составъ Давидовыхъ сановниковъ. Священниковъ Соломонъ не только не вытѣснилъ изъ него, но и предоставилъ имъ бо̀льшее

---

[1]) 4 Цар. 18, 18 Иса. 22, 15–25.

[2]) Keil утверждаетъ, что Азарія и Завуѳъ были племянники Соломона, сыновья Наѳана, брата Соломонова, 2 Цар. 5, 14; но не указываетъ никакого основанія къ такому объясненію. Ук. соч. стр. 35. Когда онъ говоритъ, что 3 Цар. 4, 5 нужно читать: Завуѳъ, сынъ Наѳана, священникъ (а не священника); то это еще не доказываетъ, что здѣсь разумѣется братъ Соломоновъ, а не какой-либо другой Наѳанъ. Противъ предположенія, что названные сановники были сыновья брата Соломонова, говоритъ то обстоятельство, что у еврейскихъ царей вообще не видно обычая дѣлить власть съ близкими родственниками,—можетъ быть они избѣгали этого изъ опасенія возможныхъ посягательствъ; въ частности же Соломонъ не могъ благоволить къ своимъ братьямъ, а слѣдовательно и къ сыновьямъ ихъ, потому что первые обнаружили себя его врагами, когда примкнули къ Адоніи въ его попыткѣ предвосхитить престолъ у Соломона. Напротивъ же сынъ пророка Наѳана весьма могъ занимать видное положеніе при Соломонѣ, какъ сынъ главнаго дѣятеля, способствовавшаго утвержденію Соломона на престолѣ отца.

значеніе, сдѣлавъ военачальникомъ сына священника. Что же касается пророковъ, то Соломонъ повидимому обращалъ на нихъ вниманіе меньше, чѣмъ Давидъ. Тогда какъ при Давидѣ пророки являются и совѣтниками, и помощниками, и воспитателями дѣтей царя,—въ царствованіе Соломона мы не видимъ дѣятельности пророковъ въ связи съ дѣятельностью царя, и только предъ концомъ явился пророкъ въ качествѣ грознаго обличителя [1]). Вѣроятно и ко всей дѣятельности Соломона, если не грѣховнаго, то суетнаго характера, пророки относились отрицательно, но молчали изъ уваженія къ сыну великаго отца, пока пороки Соломона не переступили границъ и не потребовали наказанія. Какъ бы то ни было, но пока дурное оставалось только въ зародышѣ и не принесло явнаго плода, царствованіе Соломона въ большей своей части было великолѣпнымъ. Особенно оно отличалось отъ предыдущихъ бурныхъ временъ продолжительннымъ глубокимъ миромъ и поражало плодами этого мира—быстрымъ развитіемъ благосостоянія, процвѣтаніемъ торговли, искусствъ и громаднымъ скопленіемъ богатствъ въ столицѣ. „Сдѣлалъ царь серебро въ Іерусалимѣ равноцѣннымъ съ простыми камнями, а кедры по ихъ множеству сдѣлалъ равноцѣнными съ сикоморами, растущими на низкихъ мѣстахъ... Іуда и Израиль, многочисленные какъ песокъ у моря, ѣли пили и веселились... И жили спокойно, каждый подъ виноградникомъ своимъ и подъ смоковницею своею, отъ Дана до Вирсавіи, во всѣ дни Соломона“ [2]).

Итакъ Израиль былъ на вершинѣ своего благополучія. Многочисленный, богатый, все еще могущественный и грозный, онъ мирно процвѣталъ, управляемый мудрою, хотя и нѣсколько тяжелою рукою своего знаменитаго царя. А

---

[1]) 3 Цар. 11, 11. Здѣсь Богъ представляется непосредственно говорящимъ Соломону; но надобно думать, что Богъ говорилъ чрезъ пророка. По словамъ Ewald'a «высокая мудрость Соломона вмѣстѣ съ его высокимъ царскимъ достоинствомъ, казалось, дѣлали излишнею вторую силу (т. е., пророчество) въ царствѣ». Ук. соч. стр. 382. Не знаемъ, почему это казалось Ewald'у, потому что самъ же онъ на стр. 385 говоритъ: «юное поколѣніе пророковъ вооружилось противъ Соломона по темному (?) предчувствію, что царство одностороннe превращается въ самовластіе и насиліе».

[2]) 3 Цар. 10, 27; 4, 20. 25.

царь его съ одинаковою повидимому охотою и талантомъ и поднималъ труды управленія, и окружалъ свою личную жизнь блескомъ и удовольствіями. Вотъ онъ возсѣдаетъ на тронѣ и быстро, съ необычайной проницательностію рѣшаетъ самыя трудныя и запутанныя гражданскія и уголовныя дѣла, и народъ рукоплещетъ ему, и слава его идетъ во всѣ концы міра. Вотъ онъ обдумываетъ сложный планъ грандіозной постройки во всѣхъ подробностяхъ, и ни трудность работъ, ни громадность затратъ не удерживаютъ его отъ осуществленія его замысловъ, Вотъ онъ совершаетъ торжественную поѣздку по своимъ владѣніямъ въ какую-нибудь живописную мѣстность со всею пышностію восточнаго повелителя, окруженный тѣлохранителями, вельможами и красиво одѣтыми слугами, на великолѣпной колесницѣ, и толпы народа, встрѣчающіяся на пути, простираются на землю при его приближеніи. Или же онъ сидитъ во дворцѣ, окруженный мудрецами и любознательными путешественниками и бесѣдуетъ обо всемъ, что можетъ занимать возвышенный умъ въ области міра нравственнаго и физическаго. На всей ежедневной обстановкѣ, окружавшей его, лежала печать богатства, красоты и порядка, и посторонній зритель восхищался „и пищей за столомъ его, и жилищемъ рабовъ его, и чинностью служащихъ ему, и одеждою ихъ, и виночерпіями его и одеждою ихъ, и ходомъ, которымъ онъ ходилъ въ домъ Господень“, и даже всесожженіями его, которыя онъ приносилъ въ храмѣ Господнемъ [1])... Такъ жилъ и царствовалъ долгіе годы самый блестящій изъ царей еврейскихъ. Но славное царствованіе Соломона при концѣ своемъ омрачилось и закончившись еще повлекло за собою событіе, котораго повидимому всего менѣе можно было ожидать. Паденіе началось съ самого виновника наружнаго процвѣтанія и обманчивой славы, который въ жертву послѣднимъ приносилъ внутреннія основы народнаго благополучія. Уже въ половинѣ царствованія духъ Соломона поколебался, и его дѣятельность мало-по-малу стала принимать направленіе, не достойное божественнаго благоволенія. Это видно изъ болѣе грознаго, чѣмъ благоволительнаго откровенія, которое получилъ тогда Соломонъ.

[1]) 3 Цар. 10, 5; 2 Пар. 9, 4.

„Если ты, говоилъ ему Богъ, будешь ходить предъ лицемъ Моимъ, какъ ходилъ отецъ твой Давидъ, въ чистотѣ сердца и въ правотѣ, исполняя все, что Я заповѣдалъ тебѣ, и если будешь хранить уставы Мои и законы Мои; то Я поставлю престолъ твой царскій надъ Израилемъ во вѣкъ, какъ Я сказалъ отцу твоему Давиду, говоря: не прекратится у тебя сидящій на престолѣ Израилевомъ. Если же вы и сыновья ваши отступите отъ Меня и не будете соблюдать заповѣдей Моихъ и уставовъ Моихъ, которые Я далъ вамъ, и пойдете, и станете служить инымъ богамъ и покланяться имъ; то Я истреблю Израиля съ лица земли, которую Я далъ ему, и храмъ, который Я освятилъ имени Моему, отвергну отъ лица Моего, и будетъ Израиль притчею и посмѣшищемъ у всѣхъ народовъ. И о храмѣ семъ высокомъ всякій, проходящій мимо, ужаснется и свистнетъ и скажетъ: за что Господь поступилъ такъ съ сею землею и съ симъ храмомъ? И скажутъ: за то, что они оставили Господа, Бога своего, который вывелъ отцовъ ихъ изъ земли египетской, и приняли другихъ боговъ, и покланялись имъ, и служили имъ,—за это Господь навелъ на нихъ все сіе бѣдствіе“ [1]). Неизвѣстно, какое впечатлѣніе произвело на Соломона это божественнное предостереженіе. Вѣроятно оно сдержало на нѣкоторое время развитіе въ немъ грѣховныхъ наклонностей. Но безграничная роскошь, упоеніе могуществомъ и славою, неумѣренное пресыщеніе всякими матеріальными благами постепенно помрачили здравый смыслъ Соломона и извратили его чувство. И стало „надмеваться сердце его предъ братьями его“, а потомъ и предъ закономъ, предъ отечественною религіей. Пренебрегши божественнымъ закономъ, т. е., самымъ основаніемъ благополучной жизни евреевъ, для пышности, которою окружали свой тронъ языческіе цари, Соломонъ умножилъ до невѣроятныхъ предѣловъ количество своихъ женъ и наложницъ. Тщеславіе и чувственность, дѣйствуя въ одномъ направленіи, породили крайность съ ея печальными послѣдствіями. Ставъ рабомъ своихъ страстей, Соломонъ преждевременно состарѣлся. Если вся жизнь его продолжалась не болѣе шестидесяти лѣтъ, а можетъ быть и нѣсколько менѣе, и если писатель

[1]) 3 Цар. 9, 4—9

кн. Царствъ, не смотря на то, называетъ послѣдній періодъ его жизни „старостью“ [1]), то нужно полагать, что къ пятидести годамъ Соломонъ уже одряхлѣлъ и духомъ. и тѣломъ. Не удивительно поэтому, что „развратили жены его сердце его... и склонили его къ богамъ инымъ“. А жены его, кромѣ дочери фараоновой, были моавитянки, аммонитянки, идумеянки, сидонянки, хеттеянки. „И сталъ, слазано, Соломомъ служить Астартѣ, божеству сидонскому, и Милхому, мерзости аммонитской... Построилъ капище Хамосу, мерзости моавитской, на горѣ, которя передъ Іерусалимомъ (т. е., на горѣ Масличной), и Молоху, мерзости аммонитской“ [2]). Вотъ какъ скоро и какъ разительно оправдались дурныя, если можно такъ выразиться, предчувствія Самуила, когда онъ былъ поставленъ лицомъ къ лицу съ вопросомъ о поставленіи царя надъ Израилемъ. Недаромъ онъ, провидя отчасти будущее, какъ пророкъ, но, какъ человѣкъ, не постигая всей глубины божественныхъ предначертаній, съ глубокимъ сокрушеніемъ смотрѣлъ на это будущее, и только непреклонная воля народа, тѣсныя обстоятельства и божественное внушеніе дать на-

---

[1]) 11, 4.

[2]) Раціоналисты отвергаютъ мысль о томъ, что Соломона соблазнили его жены, и объясняютъ его благосклонность къ языческимъ религіямъ вѣротерпимостью, политическими разсчетами и проч. Ewald Ук. соч. стр. 380. Но одно другое здѣсь не исключаетъ, то и другое стояло въ тѣсной связи. Уже вступленіе въ бракъ съ язычницами, обусловливалось вѣротерпимостью Соломона, а брачное сожитіе съ ними естественно побуждало дойти въ вѣротерпимости до совершенно непозволительныхъ предѣловъ. Въ опроверженіе мысли объ увлеченіи Соломона женами обыкновенно указываютъ на то, что въ числѣ боговъ, которымъ служилъ Соломонъ, не указаны боги египетскіе, не смотря на то, что главная изъ его женъ была дочь фараонова. Menzel. Staats-und-Religions-geschichte der Königreiche Israel und Juda. s. 138. Но это не только не подтверждаетъ взглядъ раціоналистовъ, а скорѣе опровергаетъ. Что не упомянуты египетскіе боги—это ничего не доказываетъ; потому что Соломона увлекали очевидно жены молодыя, дочь же фараона должна была быть очень пожилою въ это время. Если же вѣрно то, что Соломона увлекали именно молодыя жены, взятыя имъ въ старости, то отсутствіе египетскихъ боговъ ясно доказываетъ, что вѣротерпимость Соломона проистекала не изъ политическихъ разсчетовъ; потому что, будь ея основа политическая,—египетскіе боги фигурировали бы на первомъ планѣ.

роду то, чего онъ просилъ, заставили его послѣ мужественной борьбы уступить народу и поставить царя. Перечисляя народу разныя злоупотребленія, какихъ нужно было ожидать отъ царя, подобнаго царямъ „прочихъ народовъ“, онъ умолчалъ о самомъ худшемъ—объ измѣнѣ божественному закону. Но онъ предчувствовалъ это, и можетъ быть потому-то именно сопротивленіе его и было такъ настойчиво. Царь Израиля измѣняетъ вѣрѣ отцевъ! Пастырь народа нарушаетъ законъ въ самомъ его основаніи! Простаго смертнаго за поруганіе божественнаго закона, за измѣну Іеговѣ побивали камнями. Но что дѣлать съ царемъ, нарушающимъ требованіе закона? Гдѣ тотъ судъ, который осмѣлися бы произнести приговоръ надъ нимъ? „Гдѣ слово царя, тамъ власть, и кто скажетъ ему: что ты дѣлаешь?“—говорилъ самъ Соломонъ [1]). А между тѣмъ, когда царь безнаказанно совершаетъ преступленіе, какъ съ спокойной совѣстью осудить за то же преступленіе и простаго смертнаго? Порокъ въ силу своей безнаказанности наверху какъ бы перестаетъ уже казаться порокомъ. Такъ заразителенъ примѣръ нечестиваго царя. Соломонъ первый изъ еврейскихъ царей подалъ примѣръ оскорбленія вѣры отцовъ. Примѣръ его не остался безъ подражанія. Но если для Соломона не было человѣческаго суда, то онъ не могъ избѣжать божьяго суда. „И разгнѣвался Господь на Солонона... и сказалъ ему (по всей вѣроятности чрезъ какого-нибудь безстрашнаго пророка): за то, что такъ у тебя дѣлается, и ты не сохранилъ завѣта Моего и уставовъ Моихъ, которые Я заповѣдалъ тебѣ, Я отторгну отъ тебя царство и отдамъ его рабу твоему“ [2]). Это было тяжкимъ наказаніемъ для царя, положившаго весь свой умъ, которому удивлялся міръ, и всю свою энергію на укрѣпленіе и расширеніе своей власти, на возвышеніе блеска своего трона,—при концѣ жизни узнать, что все его величіе должно перейти къ его рабу. Однако Богъ растворилъ Свое страшное наказаніе и милостью: „но во дни твои, прибавилъ Онъ, Я не сдѣлаю сего ради Давида, отца твоего; изъ руки сына твоего исторгну царство. И не все царство исторгну; одно колѣно дамъ сыну твоему ради Давида,

[1]) Еккл. 8, 4. [2]) 3 Цар. 11, 9, 11.

раба Моего и ради Іерусалима, который Я избралъ". Это выраженіе снисхожденія къ Соломону опредѣляетъ для насъ не только высоту заслугъ отца его Давида, но и характеръ паденія самого Соломона. Паденіе Соломона требовало казни, но казни умѣренной. Въ самомъ дѣлѣ, какъ далеко простиралось и въ чемъ на самомъ дѣлѣ состояло паденіе Соломона? Хотя дѣписатель прямо заявляетъ, что сердце Соломона склонилось къ богамъ инымъ, что онъ сталъ служить и Астартѣ, и Молоху, построилъ капище Хамосу, и проч.; однако онъ сопровождаетъ это заявленіе слѣдующими сдержанными поясненіями: „и сердце его *не было вполнѣ* предано Господу, какъ сердце Давида, отца его... И *не вполнѣ послѣдовалъ* онъ Господу, какъ Давидъ, отецъ его" [1]). Эта сдержанность дѣписателя наводитъ на мысль, что паденіе Соломона было не столь рѣшительно и грубо, какъ это можетъ показаться на первый взглядъ, при грубо-буквальномъ и одностороннемъ пониманіи 3 Цар. 11. 5. 7, безъ всякой связи этого мѣста съ другими имѣющими къ нему тѣсное отношеніе. „Такъ сдѣлалъ онъ, поясняетъ еще дѣписатель, для всѣхъ своихъ чужестранныхъ женъ, *которыя кадили и приносили жертвы своимъ богамъ*". Это поясненіе даетъ ключъ къ пониманію дѣла. Соломонъ, какъ мы видѣли, обладалъ возвышенными религіозными представленіями (его молитва при освященіи храма); но его религіозность не была живою, сердечною, какъ религіозность Давида. Объ немъ мы знаемъ только, что онъ приносилъ пышныя жертвы въ нѣкоторыхъ торжественныхъ случаяхъ, а также ежегодно три раза приносилъ всесожженія и мирныя жертвы и совершалъ куреніе предъ Господомъ [2]). Никакихъ особенныхъ выраженій сердечной религіозности, которыми была богата жизнь Давида, мы не знаемъ [3]). Повидимому онъ только уважалъ свою религію, исполнялъ ея обряды, но не былъ преданъ ей душей и подчинялся только тѣмъ ея требованіямъ, которыя не ка-

---

[1]) 11, 4. 6. [2]) 2, 35.

[3]) Hess приписываетъ Соломону „Давидову любовь къ религіи". Ук. соч. т. 8. стр. 431. Но это голословная похвала, и самъ же этотъ авторъ, объясняя паденіе Соломона, говоритъ уже о какой-то особенной, философской религіи Соломона, считаетъ его деистомъ своего времени. Тамъ же, стр. 448.

зались ему обременительными; словомъ—не служилъ Богу всѣмъ сердцемъ. Онъ, если можно такъ выразиться, относился къ религіи съ нѣкоторою долею философскаго индифферентизма. Окруживъ себя женами—иноплеменницами частію, какъ мы видѣли, по политическимъ разсчетамъ, онъ не только не хотѣлъ принуждать ихъ перемѣнить вѣру, но и не препятствовалъ имъ свободно и открыто служить своимъ богамъ. Онъ даже содѣйствовалъ имъ въ этомъ, устрояя капища для ихъ божествъ [1]), а слѣдовательно и содержа на свои средства ихъ жрецовъ. Конечно уже одно это было большимъ соблазномъ. Служители языческихъ религій, ходившіе по стогнамъ Давидова города, представляли странное зрѣлище для израильтянина, который думалъ, что Іегова избралъ Іерусалимъ Своимъ жилищемъ. Но мы должны допустить еще большее въ виду выраженія дѣписателя: „сталъ Соломонъ служить Астартѣ, божеству сидонскому, и Милхому, мерзости аммонитской“, и проч. Очевидно Соломонъ въ угоду своимъ женамъ иногда присутствовалъ при ихъ кажденіяхъ и жертвоприношеніяхъ и слѣдовательно какъ бы принималъ участіе въ идолослуженіи. Больше этого предположить мы едвали имѣемъ право въ виду приведенныхъ выше сдержанныхъ выраженій дѣписателя, смягчающихъ представленіе о преступности Соломона [2]). Такимъ образомъ преступленіе Соломона въ сущности состояло въ равнодушіи его къ своей религіи и въ соблазнительной терпимости по отношенію къ языческимъ религіямъ. Если даже допустить наконецъ, что Соломонъ по отношенію къ религіямъ своихъ женъ позволялъ себѣ

---

[1]) Leo говоритъ, что Соломонъ строилъ капища изъ любви къ постройкамъ. Vorlesungen über d. Gesch. d. jud. Staates. 1828. Berlin. s. 154. Если это и дѣйствительно была только любовь къ постройкамъ, то это любовь не невинная,—она обусловливалась ровнодушіемъ къ религіи.

[2]) Hengstenberg настаиваетъ, что Соломонъ былъ повиненъ въ прямомъ идолослуженіи; но онъ тоже смягчаетъ вину Соломона. Соломонъ будтобы думалъ, что и боги сосѣднихъ народовъ проявляли собою Высочайшее Существо, хотя и въ несовершенной, низшей степени. Ук. соч. ч. 2. стр. 140—41. Сомнѣваемся, что этимъ смягчается вина Соломона. Не знаемъ, что сказалъ бы Hengstenberg о христіанинѣ, который сталъ бы покланяться Магомету, какъ мусульманинъ, признавая въ немъ дѣйствіе Духа Божія, хотя и въ низшей степени.

что-нибудь больше, чѣмъ одно присутствіе при ихъ богослуженіяхъ (напр., участіе въ празднествахъ послѣ жертвоприношеній, вкушеніе мяса, освященнаго предъ идоломъ, и проч.); то и тогда мы не можемъ считать Соломона положительно уклонившимся въ язычество, потому что только того можно считать уклонившимся въ язычество, кто увлекается имъ и привязывается къ нему душею, проникаясь ненавистію къ прежней религіи (какъ напр., императоръ Юліанъ) [1]); Соломонъ же для этого былъ и слишкомъ уменъ, и слшкомъ индифферентенъ. Соломонъ былъ повиненъ въ измѣнѣ отечественной религіи, но не какъ идолопоклонникъ въ собственномъ смыслѣ, а какъ человѣкъ, который не только не преслѣдовалъ языческіе культы, какъ слѣдовало бы дѣлать еврейскому царю, но и покровительствовалъ имъ, самъ однако не дѣлаясь въ душѣ язычникомъ [2]). Онъ былъ настолько мудръ, даже въ періодъ своей нравственной слабости, что не могъ предпочесть язычество своей религіи; но и настолько равнодушенъ къ послѣдней, что не считалъ нужнымъ заботиться о ней и удалять отъ народа соблазны язычества. Плоды этого равнодушія не замедлили обнаружиться: въ первое же царствованіе послѣ Соломона „устроили іудеи у себя высоты и статуи, и капища на всякомъ высокомъ холмѣ и подъ всякимъ тѣнистымъ деревомъ“ [3]). Да вѣроятно и при самомъ Соломонѣ прежде всего иностранцы—разные ремесленники и торговые люди, жившіе въ Іерусалимѣ и въ царствѣ,—пользуясь вѣротерпимостью царя, безъ всякаго стѣсненія исправляли свои религіозныя потребности, и сами евреи, всегда увлекавшіеся соблазнительными формами языческаго богослуженія, частію снова

---

[1]) Хотя и относительно Юліана можно сомнѣваться: не была ли его ненависть къ христіанству дѣланною, аффектированною?

[2]) Такъ вѣроятно понималъ дѣло и сынъ Сираховъ, когда, говоря о паденіи Соломона, упомянулъ только о его пристрастіи къ женщинамъ, а обо всемъ остальномъ выразился сдержанно: „ты положилъ пятно на славу твою“,—если впрочемъ и это выраженіе не относится къ порицанію того же пристрастія къ женщинамъ. Во всякомъ случаѣ прямаго указанія на идолопоклонство Соломона у сына Сирахова нѣтъ. 48, 16—23.

[3]) 3 Цар. 14, 23.

вернулись къ своимъ излюбленнымъ высотамъ и тѣнистымъ рощамъ. За это Богъ и лишилъ Соломона Своего благоволенія.

Нравственное паденіе Соломона отразилось еще при его жизни и на политическомъ состояніи его царства. Мы видѣли, что онъ въ основаніе внѣшней политики положилъ принципъ миролюбія. Онъ избѣгалъ войны и старался обезпечить внѣшнее спокойствіе скрѣпленіемъ мирныхъ связей съ сосѣдями. Это мудрая политика и сообразная съ божественнымъ закономъ, по духу котораго евреи не должны были быть народомъ-завоевателемъ [1]). Полное миролюбіе, какъ отсутствіе стремленія къ новымъ завоеваніямъ, ни въ какомъ случаѣ не можетъ повлечь за собою какихъ-либо дурныхъ послѣдствій. Оно можетъ также въ иныхъ случаяхъ и въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго времени избавить отъ необходимости браться за оружіе и для защиты собственныхъ владѣній, разрушая враждебные замыслы одного сосѣда благорасположеніемъ многихъ другихъ. Но политика мира для самозащиты никогда не должна быть доводима до крайности —до отвращенія ко всякой войнѣ, до неготовности дать во всякое время отпоръ неожиданному врагу. Мы не знаемъ, счастливой ли случайности Соломонъ былъ обязанъ тѣмъ, что въ теченіе почти всего его царствованія на границахъ его царства не шевельнулся ни одинъ значительный врагъ, или это было результатомъ, съ одной стороны, военной славы, пріобрѣтенной оружіемъ, евреевъ въ царствованіе Давида, съ другой стороны—плодомъ миролюбивой политики самого Соломона, подкрѣплявшейся сначала его готовностью взяться и за оружіе, какъ показываетъ примѣръ его войны съ Емаѳомъ; но полагаемъ, что

---

[1]) Ewald полагаетъ, что Соломонъ не пустился въ завоеванія потому будтобы, что такое начинаніе было бы противно религіи Іеговы. Ук. соч. стр. 282 Политика Соломона и духъ религіи Іеговы здѣсь конечно совпали; но сомнительно, что Соломонъ руководствовался въ этомъ случаѣ именно уваженіемъ къ религіи Произвольность утвержденія названнаго автора видна уже изъ того, что онъ оправдываетъ построеніе Соломономъ языческихъ олтарей для женъ. Тамъ же, стр. 380. Если авторъ не находитъ это противнымъ религіи Іеговы, то какъ же онъ понимаетъ эту религію?

подъ конецъ онъ довелъ свое миролюбіе до крайности, до неспособности къ войнѣ или до отвращенія къ ней и до пренебреженія къ измѣнившимся внѣшнимъ политическимъ условіямъ. Это было плодомъ не столько свойства самой политики Соломона, сколько его собственнаго нравственнаго разслабленія. Къ концу царствованія онъ или совсѣмъ потерялъ, или готовъ былъ потерять нѣкоторыя весьма важныя пріобрѣтенія Давида. Упомянутый выше Разонъ, бывшій подданный Адраазара, царя Сувскаго, водворился въ Дамаскѣ и владычествовалъ тамъ [1]): „Онъ былъ, добавляетъ дѣписатель, противникомъ Израиля во всѣ дни Соломона“. Ясно, что Соломонъ сначала не хотѣлъ обратить надлежащаго вниманія на этого врага по своему нерасположенію къ военнымъ предпріятіямъ, а потомъ уже и затруднялся уничтожить его. Можно догадываться, что Дамаскъ съ его областью былъ совсѣмъ потерянъ для господства евреевъ. На югѣ грозила другая важная утрата. Мы видѣли, что во время разгрома Идумеи при Давидѣ одинъ изъ членовъ идумейскаго царскаго рода Адеръ спасся бѣгствомъ въ Египетъ, снискалъ тамъ благоволеніе фараона и по смерти Давида возвратился въ Идумею, съ тѣмъ конечно, чтобы при благопріятныхъ обстоятельствахъ вырвать Идумею изъ-подъ власти еврейскаго царя. Но пока въ Нижнемъ Египтѣ господствовалъ тесть Соломоновъ, Адеръ не могъ разсчитывать на успѣхъ своего предпріятія. Къ концу же царствованія Соломона обстоятельства перемѣнились какъ нельзя болѣе благопріятно для Адера. Владыкой Египта сдѣлался Сусакимъ, родоначальникъ новой династіи, который вѣроятно съ самаго начала обнаружилъ явно враждебныя отношенія къ еврейской монархіи [2]). А Соломонъ, какъ мы видѣли, потерялъ всякую охоту поддерживать свое господство надъ окрестными народами силою оружія. Очень вѣроятно поэтому, что Адеръ поднялъ голову и былъ близокъ къ осу-

---

[1]) 3 Цар. 11, 24.

[2]) 14, 25. Предполагаютъ, что это тотъ царь, который у Манеѳона названъ Сезонхозисомъ и имя котораго прочитали на одномъ столбѣ въ развалинахъ храма въ Карнакѣ. Philippson Isr. Bib. Thl. 2. s. 551.

ществленію своего замысла. Завоевалъ онъ себѣ независимость при Соломонѣ или нѣтъ, мы не знаемъ; но указаніе дѣписателемъ на него, какъ на одного изъ враговъ, которыхъ „воздвигъ Господь противъ Соломона“, наводитъ на мысль, что Адеръ весьма усилился и вступилъ въ открытую вражду съ потерявшимъ энергію еврейскимъ царемъ. Такой же печальный для Соломона оборотъ приняли его дѣла и внутри государства. Политикой мира во что бы то ни стало онъ уронилъ внѣшнее значеніе своего государства; системой же суроваго подавленія всѣхъ проявленій народной жизни, враждебныхъ неограниченному царскому самодержавію въ томъ видѣ, какъ онъ его понималъ, пренебреженіемъ старинныхъ народныхъ вольностей и злоупотребленіями властью онъ озлобилъ противъ себя большую часть своихъ подданныхъ [1]). Свободные евреи повидимому никакъ не могли помириться съ тѣми подневольными работами, которыя имъ приходилось выполнять по волѣ царя; притомъ же работъ этихъ было у Соломона чрезвычайно много. Многіе евреи вѣроятно гордились очень длинными родословіями, считали въ числѣ своихъ предковъ какого-нибудь „нази“ (князь колѣна) или „шофет'а“ (судія), и не смотря на то принуждены были вмѣстѣ съ рабами-хананеями работать въ каменоломняхъ, громоздить стѣну вокругъ какого-нибудь города или выравнивать дорогу для цар-

---

[1]) Ewald объясняетъ тотъ фактъ, что евреи отшатнулись отъ Соломона, продолжительнымъ покоемъ и его результатами: роскошью, изнѣженностью и кичливостью, развившимися въ народѣ. Ук. соч. стр. 369—70. Въ другомъ мѣстѣ онъ приписываетъ евреямъ какія-то идеальныя стремленія: Соломонъ де не удовлетворилъ чаянію и потребности совершеннѣйшаго царя. Стр. 392. Этотъ писатель часто пускается въ туманныя и высокопарныя объясненія тамъ, гдѣ объясненіе прямо дается въ руки библейскимъ текстомъ, какъ здѣсь 3 Цар. 12, 4. 11. По „Царствованію Соломона“ въ Душ. Чт. 1873 г. кн. 1, стр. 461 поводомъ къ отпаденію даже для лучшей части Израиля отъ Соломона могло послужить то, что Соломонъ допустилъ въ своемъ государствѣ языческое служеніе и покровительствовалъ ему... Не беремся рѣшать, могло ли это послужить дѣйствительно поводомъ даже для лучшей части Израиля къ отпаденію отъ царствующаго дома; но замѣтимъ, что отпали въ дѣйствительности евреи сѣверныхъ колѣнъ—тѣ самые евреи, которые вскорѣ за тѣмъ очень легко помирились съ Іеровоамовыми тельцами. Умѣстно ли поэтому говорить здѣсь о религіозныхъ побужденіяхъ?

скихъ колесницъ и купеческихъ каравановъ [1]). Въ тоже время они должны были подъ наблюденіемъ царскихъ чиновниковъ высчитывать свои достатки, чтобы извѣстную часть изъ нихъ отправить въ Іерусалимъ къ царю; а предъ главными приставниками, зятьями царя, должны были склонять свою голову даже князья колѣнъ и начальники родовъ. Глухое недовольство народа росло и постепенно выросло до грозныхъ размѣровъ. Рѣшительному взрыву его мѣшало нѣкоторое время, можетъ быть, уваженіе къ сыну великаго отца или же отсутствіе лица, которое взяло бы на себя смѣлость руководить народнымъ движеніемъ. Но вотъ явилось на сцену и такое лицо. Это былъ человѣкъ необыкновенно талантливый, который произвелъ благопріятное впечатлѣніе на самого Соломона. Когда производились въ Іерусалимѣ вторичныя работы для возобновленія того, что пришло въ ветхость, вниманіе Соломона привлекъ на себя своими способностями и мужественнымъ видомъ одинъ израильтянинъ, по имени Іеровоамъ. Онъ былъ изъ колѣна Ефремова. Отецъ его былъ Наватъ, а мать Церуа, вдова [2]). Соломонъ сдѣлалъ его ближайшимъ начальникомъ надъ рабочими изъ колѣна Ефремова и Манассіина. Колѣ-

---

[1]) Хотя при Соломонѣ нѣкоторыя фамиліи вѣроятно еще сохраняли родовое значеніе, и Соломонъ не смѣшивалъ ихъ съ простымъ народомъ; однако были безъ сомнѣнія древніе, но захудалые роды, съ которыми Соломонъ не церемонился, но которые, помня своихъ знаменитыхъ предковъ, глубоко оскорблялись.

[2]) Для чего упомянута мать Іеровоама и притомъ съ добавленіемъ, что она была вдова? I. Флавій остановилъ свое вниманіе на этомъ вопросѣ и разрѣшилъ его такъ, что будто Іеровоамъ въ дѣтствѣ лишился отца и былъ воспитанъ матерью. Antiqu VIII. 7. 7. Тутже мысль выражаетъ и Ewald съ оттѣнкомъ непонятнаго сочувствія къ Іеровоаму. Ук. соч. стр. 388. Преосв. Филаретъ назвалъ Іеровоама просто сыномъ вдовы. Ук. соч. стр. 274. Keil при объясненіи 3 Цар. 11, 26 ограничился тѣмъ же. Предположеніе, что Іеровоамъ рано лишился отца, не достаточно для объясненія, почему библейскій повѣствователь упомянулъ о матери Іеровоама. Упоминаніе сдѣлано тогда, когда Іеровоамъ названъ въ первый разъ, т. е., тогда, когда названіе лица обыкновенно сопровождается краткимъ родословіемъ. Слѣдовательно упоминаніе это имѣетъ во всякомъ случаѣ родословное значеніе. Оно указываетъ или на то что Церуа имѣла Іеровоама отъ Навата по закону ужичества какъ Матѳ. 1, 5, или на то, что мать Іеровоама получила чѣмъ-либо особенную извѣстность, какъ Ѳамарь или Вирсавія, Матѳ. 1, 3. 6.

но Ефремово, самое могущественное изъ сѣверныхъ колѣнъ, самое свободолюбивое, самолюбивое, притязательное и мятежное изъ всѣхъ, какъ показываетъ исторія со временъ I. Навина, наиболѣе было чувствительно къ тягостямъ подневольной работы и вообще ко всѣмъ проявленіямъ самодержавной власти, утвердившейся въ Іерусалимѣ. Положеніе ближайшаго начальника надъ рабочими изъ колѣна Ефремова должно было быть очень труднымъ; нужна была желѣзная рука, чтобы сдерживать въ повиновеніи многотысячную толпу, проникнутую ненавистію къ дѣлу, къ которому ее принудили, и къ власти, которая ее принудила. Неизвѣстно, по какому соображенію Соломонъ поставилъ Іеровоама начальникомъ именно надъ ефремлянами и родственными имъ манассіянами. Можетъ быть онъ хотѣлъ ослабить неудовольствіе ефремлянъ, избавляя ихъ отъ необходимости подчиняться лицу изъ чужаго колѣна; а можетъ быть, замѣтивъ громадное честолюбіе Іеровоама, разсчитывалъ найти въ немъ преданнѣйшаго слугу себѣ и деспотическаго начальника надъ своими единоплеменниками, каковыми нерѣдко оказываются люди изъ народа, взысканные милостію сильныхъ міра сего. Какъ бы то ни было, но случилось то, чего Соломонъ не желалъ и конечно не ожидалъ. По сжатому библейскому повѣствованію можно подумать, что Іеровоамъ сохранялъ вѣрноподданническія чувства до тѣхъ поръ, пока не встрѣтилъ его пророкъ Ахія и не предсказалъ ему господство надъ десятью колѣнами [1]). Но это было бы справедливо только въ томъ случаѣ, если бы раздѣленіе Соломоновой манархіи было дѣломъ пророковъ, какъ и утверждаютъ писатели раціоналистической школы, представляющіе пророковъ обыкновенными политическими агитаторами. На самомъ же

[1]) Преосв. Филаретъ и говоритъ: «Іеровоамъ сдѣлался врагомъ царя потому, что ему самому обѣщано царство». Ук. соч. стр. 274. Но здѣсь знаменитый богословъ по своей любви къ необыкновенно краткимъ, но многообъемлющимъ выраженіямъ сказалъ болѣе, чѣмъ слѣдовало бы; явились во внутренней связи два факта, не имѣвшіе на самомъ дѣлѣ этой связи. Если бы между ними была дѣйствительная связь, то раціоналистъ имѣлъ бы основаніе считать справедливою свою мысль, что раздѣленіе Соломоновой монархіи было плодомъ пророческой агитаціи.

дѣлѣ пророки не возстановляли народъ противъ дома Давидова, и Іеровоамъ не былъ лицомъ, ими излюбленнымъ и ими выдвинутымъ [1]). Пророкъ Ахія въ данномъ случаѣ не былъ творцомъ событія; онъ стоялъ только на стражѣ событій, напоминая дѣятелямъ объ Іеговѣ, объ Его волѣ, какъ первопричинѣ всего происходящаго, и объ Его законѣ, который нужно исполнять неуклонно при всякихъ внѣшнихъ житейскихъ перемѣнахъ. Поэтому мы думаемъ, что Іеровоамъ еще раньше встрѣчи съ пророкомъ Ахіею сдѣлался тайнымъ вожакомъ всѣхъ протестующихъ и недовольныхъ и заклятымъ врагомъ Давидова дома. Если дѣписатель счелъ нужнымъ сообщить предварительно фактъ назначенія Іеровоама начальникомъ надъ рабочими изъ дома Іосифова, при чемъ прямо замѣтилъ: „вотъ обстоятельство, по которому онъ поднялъ руку на царя“ [2]),—то очевидно, что начальствованіе его надъ самою мятежною частію населенія, надъ самыми недовольными Соломономъ имѣло тѣсную связь съ послѣдующею ролью Іеровоама. Народное недовольство выросло вѣроятно до размѣровъ какого-нибудь враждебнаго начинанія, и Іеровоамъ, еще прежде встрѣчи съ пророкомъ Ахіею, выдвинулся впередъ, какъ человѣкъ, на которомъ недовольные могли сосредоточить свои взоры и упованія. Такимъ образомъ, когда мѣра грѣховъ Соломона исполнилась, орудіе наказанія его было уже готово, и пророкъ Ахія—съ одной стороны для того, чтобы Соломонъ увидѣлъ всю неизбѣжность приготовленнаго имъ самимъ бѣдствія и всю безплодность мѣръ къ его предотвращенію, съ другой стороны для того, чтобы дать понять и Іеровоаму, что онъ не что иное, какъ орудіе гнѣва Божія, но что тѣмъ не менѣе, допущенный волею Божіею быть главою народа, онъ долженъ помнить законъ Божій и не забывать, что счастіе и несчастіе владыкъ земныхъ находится всецѣло въ рукѣ Божіей,—Ахія, говоримъ, явился предъ Іеровоамомъ и рѣшительно объявилъ ему его

---

[1]) Langhans наивно замѣчаетъ: „какъ произошло то, что довѣренное лицо у царя стало довѣреннымъ лицомъ и у враждебныхъ царю пророковъ, мы не знаемъ“. Ук. соч. стр. 138. Понятное дѣло, что выходящаго изъ ложной мысли—будто Іеровоамъ былъ креатурою пророковъ—факты ставятъ втупикъ.

[2]) 3 Цар. 11, 27.

предназначеніе. Слова свои онъ подкрѣпилъ символическимъ дѣйствіемъ, разорвавъ новую одежду свою на 12 частей и вручивъ 10 изъ нихъ Іеровоаму, какъ знакъ даруемой ему власти надъ 10-ю колѣнами Израиля. Это было гдѣ-то на дорогѣ, и повидимому совершилось не въ-тайнѣ, а при свидѣтеляхъ, чтобы Соломонъ узналъ судъ, совершившійся надъ нимъ. Соломонъ дѣйствительно узналъ, но не имѣлъ Давидова смиренія и покорности волѣ Божіей. Онъ былъ еще настолько силенъ, что Іеровоамъ не могъ ему противиться и даже спасти свою жизнь въ предѣлахъ своего отечества. Поэтому, когда Іеровоамъ узналъ о намѣреніи Соломона убить его, онъ убѣжалъ въ Египетъ подъ покровительство враждебнаго Соломону Сусакима и жилъ тамъ до смерти Соломоновой.

Соломонъ имѣлъ удовольствіе видѣть бѣгство своего врага, могъ утѣшаться, что пока онъ живъ, никто не осмѣлится занести руку на него, что созданные имъ могущество и блескъ не погибнутъ при немъ. Но въ тоже время онъ не могъ не сознавать настоящаго положенія вещей; онъ ясно видѣлъ своимъ умомъ, что близокъ часъ, когда слава его царствованія должна померкнуть, когда его заблужденія и его безпечность принесутъ свои горькіе плоды. Онъ очень хорошо понималъ, какое значеніе для его государства имѣютъ такіе враги, какъ Адеръ и Разонъ, повидимому ничтожные, но которымъ онъ по своей безпечности позволилъ утвердиться въ своихъ мѣстахъ. Они представляли собою первую искру пожара на границахъ царства, первыхъ хищниковъ, которые имѣли устремиться на внѣшнія пріобрѣтенія Давидова дома и на собственное его достояніе, когда сила монархіи будетъ поколеблена. Соломонъ не могъ не предвидѣть гибельныхъ плодовъ и своей внутренней ошибочной политики по отношенію къ подданымъ—евреямъ. Появленіе Іеровоама въ качествѣ претендента на господство въ 10-ти сѣверныхъ колѣнахъ не оставляло никакого сомнѣнія въ свойствѣ чувствъ, какія питало большинство народа къ власти преемниковъ Давида. Іеровоамъ хотя и бѣжалъ, но не былъ уничтоженъ; почву же для его дѣятельности не было возможности уничтожить,—было уже поздно. Очень прозрачный намекъ на мысли Соломона объ Іеровоамѣ мы находимъ въ книгѣ

Екклезіаста. „Лучше бѣдный, но умный юноша, нежели старый, но неразумный царь, который не умѣетъ принимать совѣты (повидимому намекъ на невниманіе Соломона къ предостереженіямъ пророковъ). Ибо тотъ изъ темницы выйдетъ на царство, хотя родился въ царствѣ своемъ бѣднымъ. Видѣлъ я всѣхъ живущихъ, которые ходятъ подъ солнцемъ съ этимъ другимъ юношею, который займетъ мѣсто того. Не было числа всему народу, который былъ передъ нимъ (населеніе 10-ти колѣнъ), хотя позднѣйшіе не порадуются имъ". (Предвидѣніе золъ, какія имѣло потерпѣть царство Израильское) [1]). Повидимому Соломонъ питалъ плохія надежды и на своего наслѣдника, видѣлъ, что не по его силамъ поддержать величественное зданіе его предшественниковъ. Указаніе на это находимъ въ той же книгѣ. „И возненавидѣлъ я весь трудъ мой, которымъ трудился подъ солнцемъ; потому что долженъ оставить его человѣку, который будетъ послѣ меня. И кто знаетъ: мудрый ли онъ будетъ или глупый? А онъ будетъ распоряжаться всѣмъ трудомъ моимъ, которымъ я трудился и которымъ показалъ себя мудрымъ подъ солнцемъ" [2]). Представленіе грозы, которая собиралась надъ его головою, предвидѣніе гибели созданнаго имъ величія и блеска, сознаніе своихъ ошибокъ и увлеченій, старческая дряхлость и наконецъ пресыщеніе и утомленіе жизнію произвели прежде всего удручающее дѣйствіе на духъ Соломона, бросили на нѣкоторое время отчаяніе въ его сердце и заставили искать успокоенія тамъ, гдѣ единственно можетъ обрѣсти успокоеніе бѣдный человѣкъ въ своей, исполненной золъ земной жизни. Книга Екклезіаста превосходно рисуетъ намъ это состояніе Соломонова духа. Съ одной стороны и на первомъ планѣ мы видимъ холодное равнодушіе ко всему окружающему и даже мрачный скептицизмъ. „Суета суетъ, все—суета! Что пользы человѣку отъ всѣхъ трудовъ его, которыми трудится онъ подъ солнцемъ? Родъ проходитъ и родъ приходитъ, а земля пребываетъ во вѣки. Восходитъ солнце и заходитъ солнце и спѣшитъ къ мѣсту своему, гдѣ оно восходитъ. Идетъ вѣтеръ къ югу и переходитъ къ сѣверу; кружится, кружится на ходу своемъ, и возвращается

---

[1]) 4, 13—16. [2]) 2, 18. 19.

вѣтеръ на круги свои. Всѣ рѣки текутъ въ море, но море не переполняется; къ тому мѣсту, откуда рѣки текутъ, онѣ возвращаются, чтобы опять течь. (Картина, которую могъ нарисовать только человѣкъ, любившій наблюдать явленія физической природы и размышлять о нихъ)... Не насытится око зрѣніемъ, не наполнится ухо слушаніемъ. Что было, то и будетъ; и что дѣлалось, то и будетъ дѣлаться, и нѣтъ ничего новаго подъ солнцемъ. Бываетъ нѣчто, о чемъ говорятъ: смотри, вотъ это—новое; но это было уже въ вѣкахъ, бывшихъ прежде насъ. (Огорченный Соломонъ какъ бы намѣренно суживаетъ свой кругозоръ областью повторяющихся явленій и не хочетъ видѣть въ этомъ повтореніи никакого смысла). Нѣтъ памяти о прежнемъ, да и о томъ, что будетъ, не останется памяти у тѣхъ, которые будутъ послѣ. Я былъ царемъ надъ Израилемъ въ Іерусалимѣ... Видѣлъ я всѣ дѣла, какія дѣлаются подъ солнцемъ, и вотъ, все суета и крушеніе духа!.. И предалъ я сердце тому, чтобы познать мудрость и познать безуміе и глупость; но узналъ, что и это только крушеніе духа. Потому что во многой мудрости много печали, и кто умножаетъ познаніе, умножаетъ скорбь. И сказалъ я въ сердцѣ своемъ: дай, испытаю я тебя веселіемъ, и насладись добромъ; но и это суета!.. Я предпринялъ большія дѣла: построилъ себѣ домы, насадилъ себѣ виноградники, устроилъ себѣ сады и рощи, сдѣлалъ себѣ водоемы; пріобрѣлъ себѣ слугъ и служанокъ, множество крупнаго и мелкаго скота; собралъ себѣ золота и драгоцѣнностей; завелъ у себя пѣвцовъ и пѣвицъ и разныя музыкальныя орудія. И сдѣлался я великимъ и богатымъ больше всѣхъ, бывшихъ прежде меня въ Іерусалимѣ; и мудрость моя была со мною. Чего бы глаза мои ни пожелали, я не отказывалъ имъ; не возбранялъ сердцу моему никакого веселія... И оглянулся я на всѣ дѣла мои, которыя сдѣлали руки мои – и вотъ все суета и крушеніе духа, и нѣтъ отъ нихъ пользы подъ солнцемъ!.. И увидѣлъ я, что преимущество мудрости предъ глупостію такое же, какъ и преимущество свѣта предъ тьмою. У мудраго глаза его въ головѣ его, а глупый ходитъ во тьмѣ. Но узналъ я, что одна участь постигаетъ ихъ всѣхъ. И сказалъ я въ сердцѣ своемъ: и меня постигнетъ та же участь, какъ и глупаго; къ чему же я сдѣлался

очень мудрымъ? И сказалъ я въ сердцѣ своемъ, что и это суета. Потому что мудраго не будутъ помнить вѣчно, какъ и глупаго (Соломонъ собственнымъ примѣромъ опровергнулъ эту мысль, высказанную имъ подъ вліяніемъ глубокаго уныніе и разочарованія); въ грядущіе дни все будетъ забыто, и увы! мудрый умираетъ наравнѣ съ глупымъ. И возненавидѣлъ я жизнь; потому что противны стали мнѣ дѣла, которыя дѣлаются подъ солнцемъ. Ибо все суета и крушеніе духа!“ [1].. Еще болѣе мрачное отчаяніе звучитъ въ слѣдующихъ словахъ: „участь сыновъ человѣческихъ и участь животныхъ—участь одна; какъ тѣ умираютъ, такъ умираютъ и эти, и одно дыханіе у всѣхъ, и нѣтъ у человѣка преимущества передъ скотомъ; потому что все суета! Все идетъ въ одно мѣсто; все произошло изъ праха, и все возвратится въ прахъ. Кто знаетъ: духъ сыновъ человѣческихъ восходитъ ли вверхъ, и духъ животныхъ сходитъ ли въ землю? (Это вопль смятенной души, томленіе мысли, могучей, но недломленной усиліями постигнуть непостижимое, а не искусственный пріемъ назиданія, по напередъ задуманному плану, употребленный будтобы какимъ-то позднѣйшимъ авторомъ, самозванно взявшимъ на себя роль Соломона, какъ совершенно неправильно думаютъ отрицатели происхожденія кн. Екклезіаста отъ Соломона [2]). Ког-

---

[1]) 1, 2—12. 14. 17. 18; 2, 1. 4—10. 13—17.

[2]) Спросятъ: какъ понимать присутствіе столь ложныхъ мыслей въ канонической книгѣ? Не все, записанное въ каноническихъ книгахъ, составляетъ безусловную истину само по себѣ, по своему внутреннему смыслу: иное здѣсь истинно безусловно (догматическія и нравственныя истины); другое истинно только въ смыслѣ исторической достовѣрности. Къ приведенному мѣсту изъ кн. Екклезіаста и къ другимъ подобнымъ нужно относиться такъ же, какъ мы относимся къ горькимъ сѣтованіямъ пр. Іоны на то, что растеніе, прикрывавшее его голову, засохло. 4, 8. 9 Никто не подумаетъ, что, если жаловался пророкъ, то приключеніе съ нимъ дѣйствительно заслуживало такой крайней скорьби (лучше мнѣ умереть, нежели жить), какую обнаружилъ Іона. Здѣсь истинно только то, что пр. Іона дѣйствительно жаловался и жаловался именно такъ, какъ записано въ канонической книгѣ. Точно такъ же мы должны относиться и къ леденящимъ кровь проклятіямъ прав. Іова на день своего рожденія. Гл. 3. Книга Екклезіаста представляетъ мучительный процессъ, посредствомъ котораго удрученный духъ Соломона отъ сомнѣній и недоумѣній дошелъ до положительныхъ и непререкаемыхъ истинъ; добытыя имъ истины

да духъ Соломона осѣнило пророческое просвѣтленіе, онъ сказалъ: „и возвратится прахъ въ землю, чѣмъ онъ и былъ; а духъ возвратится къ Богу, который далъ его“).... И обратился я и увидѣлъ всякія угнетенія, какія дѣлаются подъ солнцемъ. И вотъ слезы угнетенныхъ, а утѣшителя у нихъ нѣтъ... И ублажилъ я мертвыхъ, которые давно умерли, болѣе живыхъ, которые живутъ досель. А блаженнѣе ихъ обоихъ тотъ, кто еще не существовалъ, кто не видалъ злыхъ дѣлъ, какія дѣлаются подъ солнцемъ“ [1]). Иногда кажется, что Соломонъ нашелъ на землѣ нѣчто такое, на чемъ человѣкъ можетъ успокоиться: „вотъ еще, что я нашелъ добраго и пріятнаго: ѣсть и пить и наслаждаться добромъ во всѣхъ трудахъ своихъ, какими кто трудится подъ солнцемъ во всѣ дни жизни своей, которые далъ ему Богъ: потому что это его доля“ [2]),—но это только такъ кажется (и странно было бы думать, что авторъ канонической книги проповѣдуетъ такую чисто эпикурейскую философію); потому что и предыдущія и послѣдующія мысли уничтожаютъ такое представленіе. „Всѣ труды человѣка—для рта его, а душа его не насыщается“ [3]), говоритъ Соломонъ. „Лучше ходить въ домъ плача объ умершемъ, нежели ходить въ домъ пира... Сѣтованіе лучше смѣха... Сказалъ я въ сердцѣ моемъ: дай, испытаю я тебя веселіемъ, и насладись добромъ. Но и это суета! О смѣхѣ сказалъ я: глупость! а о веселіи: что оно дѣлаетъ?.. Что будетъ имѣть человѣкъ отъ всего труда своего и заботы сердца своего, что трудится онъ подъ солнцемъ? Потому что всѣ дни его—скорби, и его труды—безпокойство; даже и ночью сердце его не знаетъ покоя. И это—суета“ [4])! Однако такое томленіе духа Соломонова, это мрачное настроеніе души не было безпросвѣтнымъ, не перешло въ полное отчаяніе. Горькія сѣтованія и мрачная философія мало-по-малу замѣняются выраженіями твердаго упованія и освѣщаются мыслями о Богѣ, какъ началѣ и концѣ, основаніи и разумѣ всякаго бытія. Въ горнилѣ страданій сердца и ума выпла-

---

прикрыли и совсѣмъ устранили то, что было высказано имъ ложнаго подъ вліяніемъ скорьби, сомнѣній и недоумѣній.

[1]) 3, 19—21; 4, 1—3. [2]) 5, 17. [3]) 6, 7.

[4]) 7, 2. 3; 2, 1. 2. 22. 23.

вилось золото чистаго боговдохновеннаго ученія. Въ томъ и заключается великое воспитательное значеніе и достоинство послѣдняго творенія Соломонова, что здѣсь чистыя истины, возникая изъ мучительнаго процесса сомнѣній и недоумѣній, ярче блестятъ наряду съ противоположными имъ заблужденіями духа и глубже западаютъ въ души читателей. „Позналъ я, говоритъ Соломонъ, что все, что дѣлаетъ Богъ, пребываетъ во вѣкъ... И Богъ дѣлаетъ такъ, чтобы благоговѣли предъ лицемъ Его... Все сдѣлалъ Онъ прекраснымъ въ свое время, хотя человѣкъ не можетъ постигнуть дѣлъ, которыя Богъ дѣлаетъ, отъ начала до конца. (Это какъ разъ противоположно тому, что выражалось въ безнадежномъ возгласѣ: все суета!)... Только это я нашелъ, что Богъ сотворилъ человѣка правымъ, а люди пустились во многіе помыслы. (Вотъ это дѣйствительно безусловная истина, которую „нашелъ“ Соломонъ. Хотя онъ и находилъ еще, что „нѣтъ лучшаго для человѣка подъ солнцемъ, какъ ѣсть, пить и веселиться“; однако это ему только *казалось* при процессѣ исканія истины,—при дальнѣйшемъ движеніи мысли оказывалось, что и это суета)... Не во власти человѣка и то благо, чтобы ѣсть и пить и услаждать душу свою отъ труда своего. Я видѣлъ, что и это отъ руки Божіей. Потому что кто можетъ ѣсть и кто можетъ наслаждаться безъ Него? Ибо человѣку, который добръ предъ лицемъ Его, Онъ даетъ мудрость и знаніе, и радость... И сказалъ я въ сердцѣ своемъ: праведнаго и нечестиваго будетъ судить Богъ; потому что время для всякой вещи и судъ надъ всякимъ дѣломъ тамъ (т. е. въ загробной жизни).. Хотя грѣшникъ сто разъ дѣлаетъ зло и коснѣетъ въ немъ; но я знаю, что благо будетъ боящимся Бога, которые благоговѣютъ предъ лицемъ Его; а нечестивому не будетъ добра, и подобно тѣни не долго продержится тотъ, кто не благоговѣетъ предъ Богомъ. (Это опять безусловная истина, противоположная тому, что представлялось недоумѣвающему духу объ одинаковой участи мудраго и глупаго, праведника и нечестиваго и даже о преимуществѣ нечестиваго предъ праведникомъ)... Выслушаемъ сущность всего, сказано въ заключеніи всей кн. Екклезіаста: бойся Бога и заповѣди Его соблюдай, потому что въ этомъ все для человѣка. Ибо всякое дѣло Богъ приведетъ на судъ, и все тай-

ное,—хорошо ли оно или худо“ [1])... Это—плоды нравственнаго просвѣтленія Соломонова, и вся книга Екклезіаста есть памятникъ его покаянія [2]). Горькій житейскій опытъ не пропалъ для Соломона даромъ, и прежде чѣмъ сойти въ могилу, онъ воспрянулъ духомъ до пророческаго вдохновенія. Правда, раскаяніе его было своеобразно, не похоже на образцы покаянія, оставленные Давидомъ; но это зависѣло отъ того, что основаніе его грѣховности было иное, чѣмъ у Давида, о чемъ скажемъ ниже. Что Соломонъ дѣйствительно раскаялся, объ этомъ ясно говоритъ св. Кириллъ іерусалимскій на основаніи Притч. 24, 32 [3]). Что касается блаж. Августина, который сомнѣвался въ покаяніи Соломона [4]), то это сомнѣніе у него вытекало изъ преувеличеннаго представленія грѣховности Соломона [5])... Соломонъ мирно скончался, едвали достигнувъ 60-ти лѣтъ, и похороненъ въ Іерусалимѣ съ подобающею честію, которой, нужно замѣтить, нѣкоторые изъ послѣдующихъ, дѣйствительно безбожныхъ царей, и не были удостоены. Царство-

---

[1]) 3, 14. 11; 7, 29; 2, 24—26; 3, 17; 8, 12. 13; 12, 13. 14.

[2]) Книга Екклезіаста несомнѣнно принадлежитъ Соломону. Всѣ доводы противъ этой мысли и за позднѣйшее происхожденіе книги отъ какого-то неизвѣстнаго лица нисколько не убѣдительны. Сами сторонники позднѣйшаго происхожденія книги соглашаются, что въ ней много данныхъ, побуждающихъ приписать ее Соломону. М.Олесницкій. Книга Екклезіастъ. Кіевъ. 1873 г. стр. 129—131. Надписаніе книги: „слова Екклезіаста, сына Давидова, царя въ Іерусалимѣ“—съ поразительною ясностію указываетъ на Соломона, и попытки ослабить силу доказательства, какое оно даетъ въ пользу происхожденія книги отъ Соломона, положительно несчастны. См. тамъ же, стр. 137—8. Здѣсь не мѣсто входить въ подробное опроверженіе основаній, по которымъ кн. Екклезіаста приписывается позднѣйшему автору. Замѣтимъ только, что сторонники этого мнѣнія допускаютъ подлогъ въ канонической книгѣ, когда утверждаютъ, что позднѣйшій авторъ имѣлъ намѣреніе выдать свое произведеніе отъ лица Соломона. Такое намѣреніе, если бы оно было, нельзя оправдать никакими благовидными цѣлями.

[3]) Огласит. и тайновод. поученія. Русск. перев. Синод. изд. 1822 г. Поуч. 2, стр. 35.

[4]) Contra Faustum. Lib. XXII. 88.

[5]) Тамъ же. Lib. XXII. 81. Въ De doctrina christiana. Lib. III, 21 Августинъ называетъ Соломона „женолюбивымъ“; но что Соломонъ „за страсть женолюбія совершенно отверженъ былъ Богомъ“ (М. Олесницкій, указ. соч. стр. 136), этого Августинъ въ данномъ мѣстѣ не говоритъ.

валъ онъ надъ Израилемъ 40 лѣтъ. Краснорѣчивый сынъ Сираховъ, восхваляя великихъ ветхозавѣтныхъ мужей, отдаетъ должную дань удивленія Соломону, но и сильнымъ словомъ поражаетъ его грѣхи съ ихъ послѣдствіями. „Какъ мудръ былъ ты, обращается онъ къ Соломону, въ юности твоей и подобно рѣкѣ полонъ разума! Душа твоя покрыла землю, и ты наполнилъ ее загадочными притчами. Имя твое пронеслось до отдаленныхъ острововъ, и ты былъ любимъ за миръ твой; за пѣсни и изреченія, за притчи и изъясненія тебѣ удивлялись страны. Во имя Господа Бога, именованнаго Богомъ Израиля, ты собралъ золота, какъ мѣдь, и умножилъ серебро, какъ свинецъ. Но ты наклонилъ чресла твои къ женщинамъ и поработился имъ тѣломъ твоимъ. Ты положилъ пятно на славу твою и осквернилъ сѣмя твое такъ, что навелъ гнѣвъ на дѣтей твоихъ, и они горько оплакивали твое безуміе,—что власть раздѣлилась надвое, и отъ Ефрема произошло непокорное царство“ [1]).

Личность Соломона, какъ и первыхъ двухъ царей еврейскихъ, весьма характерна и съ достаточною отчетливостію обрисовывается въ краткихъ, но выразительныхъ библейскихъ повѣствованіяхъ о немъ. Еще яснѣе выступитъ передъ нами его образъ, когда мы проведемъ параллель между всѣми тремя типическими личностями первыхъ еврейскихъ царей. Саулъ, какъ мы видѣли, былъ царь-полководецъ и болѣе полководецъ, чѣмъ правитель. Онъ обладалъ физическою силою и отвагою настолько, что могъ быть хорошимъ предводителемъ на войнѣ, которая велась первобытнымъ способомъ и не требовала особенно тонкихъ стратегическихъ соображеній. Но онъ былъ плохимъ правителемъ, потому что былъ человѣкомъ не очень далекаго ума. У него не доставало также и сердца: онъ былъ человѣкъ суровый и даже жестокій. Онъ, мы знаемъ, былъ готовъ казнить смертью лучшаго изъ своихъ сыновей, лишь бы поддержать авторитетъ своего царскаго слова, хотя это слово было и неразумное; онъ умерщвлялъ людей или поличной прихоти (гаваонитяне), или для удовлетворенія своего гнѣва (священники въ Номвѣ). Отличительною чертою его характера было еще упрямство. Религіозность Саула была формальна. По внѣш-

[1]) 47, 16—23.

нимъ формамъ своего богопочтенія онъ былъ истинный израильтянинъ, а по духу, или вѣрнѣе, по отсутствію духа въ этихъ формахъ онъ былъ язычникомъ, потому что былъ суевѣренъ. Подъ конецъ жизни онъ часто терялъ разсудокъ и, вѣроятно, лишился бы его совсѣмъ, если бы не кончилъ преждевременно жизнь на войнѣ.—Личность Давида представляла собою гармоническое сочетаніе всѣхъ благородныхъ способностей, и притомъ въ высшей ихъ степени. Ни въ физической силѣ, ни въ отвагѣ онъ не уступалъ Саулу; какъ полководецъ, онъ даже превосходилъ его, потому что былъ безконечно умнѣе его. Давидъ обладалъ высокимъ умомъ, и потому былъ хорошимъ правителемъ; у него было столько практическаго благоразумія, что даже его нововведенія счастливо прививались и не влекли за собою печальныхъ послѣдствій (разумѣемъ преобразованія въ военномъ дѣлѣ, въ судѣ, въ богослуженіи, а не обычаи придворной жизни, допущенные Давидомъ и принесшіе зло). Вмѣстѣ съ этимъ Давидъ былъ человѣкъ сердца и повидимому даже больше сердца, чѣмъ ума. Онъ всю жизнь былъ окруженъ преданными друзьями; а таковыхъ не имѣютъ люди безсердечные, сами неспособные къ дружбѣ. Его любовь къ дѣтямъ доходила до слабости. И вообще онъ былъ столько снисходителенъ, что самъ отъ другихъ терпѣлъ гораздо болѣе, чѣмъ кто-либо другой отъ него. Его сердечность была неизсякаемымъ родникомъ его живой религіозности. Онъ всю жизнь былъ благочестивымъ не съ формальной только, но и съ внутренней стороны; служеніе Богу онъ не ограничивалъ исполненіемъ предписанныхъ въ законѣ обрядовъ, но восхвалялъ Бога и взывалъ къ нему постоянно, день и ночь, въ своихъ одушевленныхъ пѣснопѣніяхъ, Онъ грѣшилъ; но грѣховное настроеніе не было у него постояннымъ. Паденіе всякій разъ вело за собой раскаяніе, которое обыкновенно являлось столь искреннимъ и глубокимъ, что не только очищало кающагося отъ скверны грѣховной, но и возносило его на высшую степень нравственнаго совершенства.—Соломонъ рѣзко отличался и отъ Саула, и отъ Давида. Нужно ли сравнивать ихъ, какъ полководцевъ, какъ геніевъ войны? Соломонъ былъ меньше всего воиномъ. Въ немъ до такой степени было мало воинственности, что по сравненію съ Сауломъ и Давидомъ онъ

представляется женоподобнымъ. Зато Соломонъ обладалъ громаднымъ умомъ. Въ его геніальномъ умѣ, можно сказать посредоточивалась вся его нравственная личность. Умомъ своимъ онъ прославился на весь міръ, и мыслію своею онъ дѣйствовалъ такъ же могущественно, какъ Саулъ своимъ мечемъ (Между тѣмъ какъ наоборотъ, мышленіе въ головѣ Саула дремало такъ же, какъ мечъ въ рукѣ Соломона). Въ отношеніи ума Саулъ и Соломонъ несоизмѣримы. Что же касается Давида, который тоже былъ необыкновенно умнымъ человѣкомъ, то, сравнивая Соломона съ нимъ, мы можемъ имѣть въ виду не количество, а только качество ума. Давидъ, какъ мы видѣли, обладалъ болѣе практическимъ умомъ. Онъ не блестѣлъ имъ, не порожалъ ни шириною и глубиною своихъ замысловъ, ни тонкимъ анализомъ предметовъ мыслимаго міра; но объ его умѣ говорятъ его дѣла, которыя своимъ успѣшнымъ окончаніемъ и долговѣчностію обязаны, кромѣ Божіей помощи, замѣчательно-практическому смыслу Давида. Соломонъ напротивъ обладалъ болѣе, такъ сказать, философскимъ умомъ. Міръ мыслимаго интересовалъ его самъ по себѣ, умственная работа доставляла ему удовольствіе. Онъ любилъ поучать и состязаться въ знаніи и остроуміи, задавался вопросами высшаго порядка и старался уяснить себѣ смыслъ окружающихъ явленій, преимущественно въ нравственной области. Мы видѣли, что и вся его правительственная дѣятельность имѣла въ основѣ систему, стройно сложившуюся въ головѣ человѣка, способнаго къ широкимъ умственнымъ отправленіямъ. Но мы видѣли также, что эта грандіозная система при практическомъ осуществленіи натолкнулась на затрудненія, которыя не принялъ повидимому въ разсчетъ авторъ системы по недостатку практическаго элемента въ своемъ умѣ [1]). Въ послѣднемъ отношеніи умъ Соломона уступалъ уму Давида. Но Соломонъ былъ гордъ своимъ умомъ и не любилъ спрашивать совѣтовъ; въ кн. Екклезіаста подъ „неразумнымъ царемъ, который не умѣетъ принимать совѣ-

[1]) Когда Langhans, пытаясь опредѣлить характеръ и сущность мудрости Соломоновой, приписываетъ Соломону практическую сноровку правителя, то онъ очевидно говоритъ не подумавши. Ук. соч. стр. 132.

товъ", очевидно разумѣется онъ самъ .Гордостію его ума объясняется отчасти и равнодушіе его къ религіи Онъ какъ бы считалъ себя выше тѣхъ требованій закона, которыми ограждалась вѣра евреевъ отъ соблазновъ язычества. Другая причина его религіознаго индифферентизма заключалась въ холодности его сердца. Въ этомъ отношеніи онъ напоминалъ Саула и далеко уклонялся отъ Давида. Совершенно такъ же, какъ Саулъ онъ былъ непреклоненъ въ своихъ рѣшеніяхъ и способенъ былъ спокойно казнить смертію всякаго, кто становился ему поперекъ дороги. Но онъ былъ послѣдовательнѣе и осторожнѣе Саула, а подъ конецъ жизни созналъ свои заблужденія, не умеръ въ упорномъ самообольщеніи, какъ Саулъ. Что касается нравственнаго благоповеденія вообще, то поучительно въ этомъ случаѣ провести параллель между Соломономъ и Давидомъ. Давидъ грѣшилъ, но грѣшилъ, такъ сказать, случайно. Паденіе всякій разъ и вскорѣ сопровождалось у него глубокимъ и искреннимъ раскаяніемъ. Грѣховное настроеніе, какъ мы сказали, не было у него постояннымъ. Кромѣ этого благочестиво-религіозное настроеніе достигало иногда у него высшаго напряженія; онъ поражалъ окружающихъ выраженіями своего религіознаго восторга, служеніемъ Богу „изо всѣхъ силъ" [1]). Не таковъ былъ Соломонъ. Онъ грѣшилъ не по увлеченію, не подъ вліяніемъ временнаго возбужденія страсти, а втягивался въ грѣховную жизнь постепенно и постоянно. Грѣша, такъ сказать, спокойно, разсудкомъ, а не сердцемъ, онъ оправдывалъ себя въ своихъ глазахъ, и долго не чувствовалъ потребности въ раскаяніи. (Оттого и разкаяніе его имѣло видъ не сердечнаго сокрушенія, а мучительной борьбы ума съ своими заблужденіями, какъ это мы видимъ въ кн. Екклезіаста). На первыхъ порахъ своего царствованія онъ совершилъ рядъ казней, жертвою которыхъ былъ даже его родной братъ, и не чувствовалъ угрызенія совѣсти, потому что онъ убивалъ съ разчетомъ и, какъ онъ старался убѣдить себя, законно. Многоженство и брачное родство съ народами, съ которыми роднится было воспрещенно закономъ, онъ возвелъ въ политическую систему и подъ вліяніемъ чуственности, при-

[1]) 2 Цар. 6, 14.

крытой благовиднымъ предлогомъ, наводнилъ Іерусалимъ женщинами-язычницами съ ихъ богами и жрецами. Относясь съ философскимъ равнодушіемъ къ положительному закону, онъ спокойно смотрѣль на послѣдствія оживленныхъ сношеній своего народа съ окружающими языческими народами, терпѣлъ идолослуженіе въ самомъ Іерусалимѣ, самъ почти принималъ въ немъ участіе, хотя и не оскорбилъ ревнителей благочестія попыткою унизить національную религію предъ языческими (какъ дѣлали послѣдующіе, убогіе умомъ, цари іудейскіе). Вообще онъ никого не поражалъ какимъ-нибудь рѣзкимъ нарушеніемъ закона обрядоваго или нравственнаго. Но и благочестіе его со времени построенія храма выражалось только троекратнымъ въ году приношеніемъ пышныхъ жертвъ на олтарѣ Іеговы. Онъ былъ умѣренъ какъ въ грѣхѣ, такъ и въ благочестіи. Онъ не могъ позволить себѣ крайности въ родѣ исторіи Давида съ Вирсавіей, но и не сталъ бы плясать передъ ковчегомъ, какъ Давидъ къ соблазну Мелхолы, и не привелъ бы ничѣмъ подобнымъ въ стыдъ людей, холодныхъ къ религіи. —Таковъ былъ Соломонъ, третій царь еврейскій. Его личность поражала величіемъ, назидала, и только. Его славныя дѣла и широкіе замыслы заставляютъ удивляться, но не преклоняться; его паденіе возбуждаетъ болѣе недоумѣніе, чѣмъ состраданіе, и только его мудрость и покаяніе возбуждаютъ благоговѣніе, хотя и не умиленіе. Значеніе его царствованія въ общемъ ходѣ еврейской исторіи опредѣляется тѣмъ, что государство евреевъ, сохраняя высокое политическое значеніе, созданное царствованіемъ Давида, и пользуясь продолжительнымъ миромъ Соломонова царствованія, достигло высшей точки житейскаго благополучія, исполненія всѣхъ обѣтованій, касавшихся земнаго благоденствія и величія потомковъ Авраамовыхъ. Это величіе, правда, въ скоромъ времени имѣло рушиться, но тѣмъ рельефнѣе оно и выдается въ исторіи евреевъ, что наступило весьма скоро за періодомъ ничтожества, предшествовавшимъ царямъ, и быстро упало послѣ третьяго еврейскаго царя.

БИБЛІОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМІИ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стран.
Предисловіе	I—VIII.
Состояніе евреевъ предъ избраніемъ царя и избраніе Саула	1—19.
Саулъ	19—106.
Давидъ	106—270.
Соломонъ	270—382.